РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 год

ТОМ XIX

Ответственные редакторы
академик *А.П. Деревянко*, академик *В.И. Молодин*

НОВОСИБИРСК
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2013

ББК 63.4+63.5
П781

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия
А.В. Бауло, А.Е. Гришин, Е.И. Деревянко,
О.И. Новикова, С.П. Нестеров, М.В. Шуньков

Исследования выполнены в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»; грантов Президента РФ по поддержке ведущих научных школ: НШ-231.2012.6 и НШ-4880.2012.6; грантов РГНФ и РФФИ; интеграционных и молодежных проектов СО РАН; при поддержке Министерства образования и науки РФ: НИР 6.2069.2011 «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии и этнографии Северной Азии в рамках совместного Научно-образовательного центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН», НИР 6.1541.2011 «Особенности этнодемографических процессов в Сибири в эпоху палеометалла».

Статьи публикуются в авторской редакции

П781 **Проблемы** археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2013 год. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. – Т. XIX. – 612 с.

ББК 63.4+63.5

© ИАЭТ СО РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Е.В. Акимова[1, 2], Е.А. Томилова[1, 2],
И.В. Стасюк[1, 2], В.М. Харевич[1, 2], Е.Н. Кукса[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДЕРБИНСКОМ ЗАЛИВЕ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА В 2013 ГОДУ*

Летом 2013 г. отрядом ИАЭТ СО РАН после пятилетнего перерыва были возобновлены археологические работы в Дербинском заливе Красноярского водохранилища. Задачами сезона являлись, в первую очередь, уточнение границ и мониторинг состояния ранее выявленных (1993–2007 гг.) палеолитических объектов, поиски новых памятников. Предполагалось, что ежегодные колебания уровня Красноярского водохранилища активизировали процесс разрушения береговых уступов и сформировали новые полигоны как с массовым выбросом экспонированного археологического и фаунистического материала, так и обнажением на отмелях культурных горизонтов, залегающих на уровне линии размыва. Однако резко повысившийся уровень (240 м по Б.С.) Красноярского водохранилища внес коррективы в программу исследований.

В условиях высокого уровня воды при сплошной задернованности тыловой части отмелей разведка в акватории залива не выявила новых объектов и не позволила определить степень сохранности ранее известных. Были обследованы местонахождения Дербина I, III, IX, X, Лысый Лог I, II, Зеленый Лог, Малтат, Конжул, Покровка I, II, Татарка, Денисовка, Усть-Малтат II, III, Волчиха I, II. Небольшие подъемные сборы, как правило в полосе прибоя, были сделаны на местонахождениях Усть-Малтат I, Дербина II, IV, IVa, VI и VIII. На стоянках Труфаново, Дербина IX проведены шурфовочные работы. Культурный слой впервые был обнаружен на стоянке Дербина VII, где были предприняты раскопки на площади 21 кв. м (см. статью Стасюк и др. в настоящем сборнике).

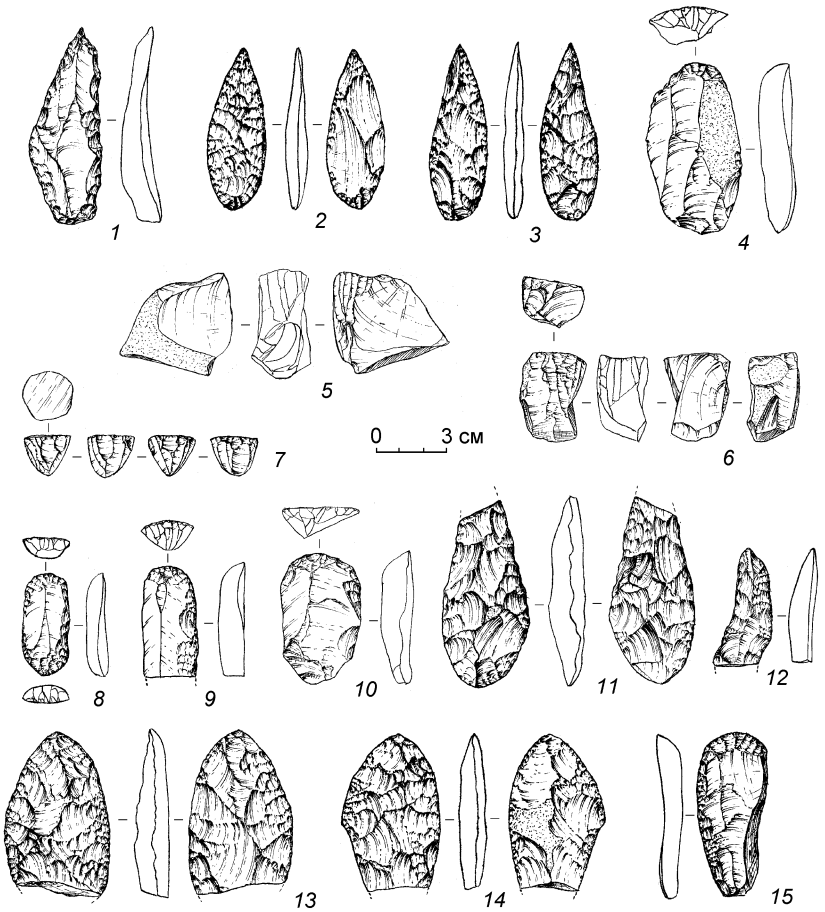
Основные работы были сосредоточены на местонахождении Дербина V, наиболее изученном и достаточно полно опубликованном [Акимова и др., 1999; Акимова, Стасюк, 2009; Лаухин и др., 2002; Стасюк и др., 2002; Харевич, Акимова, Стасюк, 2010; и др.]. Памятник расположен по правому берегу залива, непосредственно ниже устья Малтата (55°19′49,0″ с.ш. 92°26′41,8″ в.д.). Культурный горизонт приурочен к солифлюированной погребенной почве и перекрывающему ее серо-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-11-24601.

му суглинку. В разные годы из углей погребенной почвы были получены две серии дат: из зачистки берегового обнажения – в пределах 29–32 тыс. л.н. и из раскопа на береговой отмели – 20–21 тыс. л.н. Дальнейшие исследования (2005 г.) показали, что эти даты фиксируют не столько время формирования почвы (тем более время существования поселений человека), сколько эпизоды ее переотложения в конощельское и раннесартанское время [Акимова, Стасюк, 2009]. О гипотетической возможности выделения двух разновременных уровней с определенной спецификой в наборе и типологии инвентаря свидетельствуют работы 2001 г., позволившие зафиксировать материал непосредственно выше уровня погребенной почвы, а также анализ планиграфии подъемных сборов 1998–2002 гг.

В июле 2013 г. Дербина V была единственным объектом в заливе, где ширина береговой отмели превышала 20 м. В связи с тем, что плоскость размыва простирается под значительно меньшим углом, чем плоскость падения ископаемого склона, в тыловой части отмели культурный горизонт уничтожен полностью и археологический материал перемещен в переслаивающиеся пляжные отложения мощностью до 0,5 м. В прибрежной части уничтожена только верхняя часть горизонта, вследствие чего археологический и фаунистический материал фиксировался в трех позициях: в пляжных песках, в погребенной почве на контакте с песком и непосредственно в погребенной почве. С учетом данной ситуации было заложено два раскопа. Раскоп 1 (96 кв. м) располагался в прибрежной части и вскрывал солифлюированную погребенную почву и перекрывающие ее пески; раскоп 2 (65 кв. м) – в притыловой части, где весь материал из уничтоженного культурного горизонта был перенесен в песчаные отложения пляжа. На площади около 200 кв. м, севернее раскопа 1, немногочисленные (152 ед.) подъемные сборы были получены, в основном, с поверхности плотного красноватого суглинка, подстилавшего разрушенную погребенную почву. Здесь найдены крупные обломки бифасов (см. *рисунок*, *13, 14*), концевые скребки на пластинах (см. *рисунок, 15*), нуклеусы, обломки орудий и нуклеусов, отщепы и сколы.

Раскоп 1. В пляжных песках, перекрывающих погребенную почву, найдено 130 каменных предметов, включая нуклеусы, орудия, обломки изделий, пластины и отщепы с ретушью, отщепы и осколки. Почти все нуклеусы, в том числе заготовки и обломки, являются двуплощадочными бифронтальными с перекрестным расположением фронтов. На обломке одного выполнено скребловидное орудие кареноидной формы с отвесным выпуклым краем, переходящим на суженный «носик». Этот прием – оформление скребловидного края (нанесение крутой ретуши) после разлома/раскола нуклеуса или галечного изделия только в этой коллекции прослеживается трижды. Найдены два бифаса листовидной формы. В одном случае просматривается четкая асимметрия в плане и профиле с разной крутизной ретуши по краям (см. *рисунок, 3*), во втором – симметричная форма и уплощенная обработка, предполагающие использование предмета в качестве наконечника (см. *рисунок, 4*).



Каменный инвентарь позднепалеолитической стоянки Дербина V (работы 2013 г.).
1 – раскоп 1, культурный слой; *2–4* – раскоп 1, пляж; *5–12* – раскоп 2, пляж; *13–15* – подъемные сборы.

Непосредственно в культурном слое (в погребенной почве) обнаружено более 300 каменных артефактов и более 60 фрагментов костей, включая материалы промывки. В составе коллекции нуклевидное изделие на крупной кварцитовой гальке (ортогональный нуклеус?), провертка-остроконечник на ретушированной пластине (см. *рисунок, 1*), пластины и отщепы с ретушью, микропластина, целые и фрагментированные пластины, оббитые гальки, отщепы и обломки. В промывке найден обломок миниатюрной каменной бусины. Ранее подобные изделия были найдены только на стоянках Малтат и Конжул с датами 12–10 тыс. л.н. Экземпляр с Дербины V отличается необычайной тонкостью и широким биконическим отверстием.

Фаунистические остатки крупных млекопитающих принадлежат бизону, северному оленю, маралу, носорогу, мамонту. В 2013 г. впервые

обнаружена кость (mc 1) корсака (определение канд. биол. наук С.К. Васильева).

Промывка культурного слоя выявила кости мелких млекопитающих: серые полевки, пищуха, красные (сибирские) лесные полевки, красно-серые лесные полевки, лесные лемминги (определение канд. биол. наук А.Н. Мотузко) (см. статью Мотузко, Акимовой в настоящем сборнике).

Раскоп 2. Общее количество археологического материала составляет 948 ед. В составе коллекции микронуклеусы, бифасы-острия, скребки, долотовидное орудие, остроконечники, пластины и ощепы с ретушью, чоппер, битые гальки, обломки и осколки.

Наиболее представительны группы бифасов и скребков.

Бифасы (11 экз.) представлены один целым изделием листовидной формы и 10 крупными и мелкими обломками. Преобладают предметы с утолщенным основанием, плоские в сечении с небольшой асимметрией в плане (см. *рисунок, 11*).

Скребки (25 экз.). Абсолютно преобладают концевые на пластинах и отщепах с ретушью по выпуклому дистальному концу и прямому продольному краю (см. *рисунок, 9, 10*). В единственном экземпляре присутствует традиционный для Дербины V двулезвийный концевой скребок на пластине (см. *рисунок, 8*). Единичными предметами представлены также кареноидные формы на массивных сколах с тонкой удлиненной ретушью по выступающему рабочему краю, скребки на отщепах с широкими выпуклыми рабочими краями, скребок на крупном широком отщепе с ретушью по большей части периметра и узким рабочим краем на сильно выступающем участке, случайные (приспособительные) варианты на пластинах и сколах с разной степенью оформления рабочего края.

С учетом большого количества обломков достаточно условно разделимы группы остроконечников, скребловидных орудий на пластинах и пластин с ретушью без явно выраженных функциональных признаков. Ретушь, как правило, крутая, чешуйчатая, расположенная по одному или обоим краям.

Все нуклеусы коллекции (13 экз.) предназначены для получения мелких пластин. На галечных обломках изготовлены плоскостной и торцовый одноплощадочный монофронты (см. *рисунок, 5, 6*). Наиболее интересную группу составляют микроядрища, в составе которой конические микронуклеусы (3 экз.) (см. *рисунок, 7*), торцовые монофронты (3 экз.), двухплощадочные бифронты со смежными встречно- и продольно-поперечно направленными фронтами (2 экз.); микронуклеус «карене» на сколе (?) (1 экз.). Помимо типологически выраженных форм в коллекции присутствуют заготовки (3 экз.) и нуклевидные обломки (2 экз.).

Работы этого года еще раз наглядно показали, что процесс береговой абразии продолжается независимо от уровня воды в водохранилище. Даже при стабильно низком уровне воды разрушение происходит за счет талых и дождевых вод. Угроза полного уничтожения палеолитических памятников в зоне Красноярского водохранилища является вполне реальной.

Список литературы

Акимова Е.В., Стасюк И.В. Изучение позднего палеолита Дербинского залива (Красноярское водохранилище, Сибирь) // Четвертичная геология, геоморфология, геоэкология Беларуси и сопредельных территорий / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2009. – С. 16–21.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Тихомиров М.Ю. Изучение палеолита Дербинского залива // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 11–16.

Лаухин С.А., Санько А.Ф., Еловичева Я.К., Мотузко А.Н, Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Дербина V – опорный разрез Дербинского археологического района (юго-запад Восточного Саяна). – Литосфера. – 2002. – № 1. – С. 49–57.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., Томилова Е.А., Санько А.Ф., Лаухин С.А. Позднепалеолитическое местонахождение Дербина V на Красноярском водохранилище // Вестник археологии, антропологи и этнографии. – Тюмень, 2002. – Вып. 4. – С. 17–24.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В. Каменная индустрия позднепалеолитического местонахождения Дербина V (Красноярское водохранилище) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 5. – С. 86–96.

А.А. Анойкин, М.А. Борисов

Институт археологии и этнографии СО РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТИНИТ-1 (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН) В 2013 ГОДУ*

Стоянка Тинит-1 (а.в. – 724 м) расположена в 1,5 км к северо-западу от с. Тинит (Табасаранский р-н Республики Дагестан). Памятник был открыт в 2007 г. сотрудниками Дагестанского отряда экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИЭА РАН в ходе разведочных работ в верхнем течении р. Рубас [Деревянко и др., 2007].

Стационарное исследование объекта проводится с 2008 г. В ходе работ 2008–2010 гг. на памятнике раскопом 1 изучена площадь 86 кв. м, толща рыхлых отложений вскрыта на глубину до 5,5 м от дневной поверхности и разделена на 9 литологических слоев, содержащих 11 горизонтов залегания археологического материала (а.г.) [Анойкин, Борисов, 2010]. Кроме того, для уточнения границ памятника и общей стратиграфической ситуации на объекте в 2009 г. была заложена серия из 5 шурфов (2×1 м) перекрывающих площадь около 2000 кв. м [Анойкин и др., 2009]. В 2011 г. в 15 м к северу от северо-западного угла раскопа 1 был заложен раскоп 2 площадью 25 кв. м (5×5 м). Толща рыхлых отложений вскрыта по всей площади раскопа на глубину до 4,5 м. В ходе работ выделено 9 литологических слоев, содержащих 8 а.г. Стратиграфическая ситуация и характер залегания находок в раскопе 2, в общем, соответствуют таковым на участке раскопок 2008–2010 гг. [Анойкин и др., 2011]. В целом, вскрытые на памятнике отложения представляют собой толщу субгоризонтально залегающих, переслаивающихся монотонных темно-коричневых и серо-коричневых суглинков, с незначительным содержанием мелкого обломочного материала, на отдельных участках сильно биотурбированых (большое количество нор грызунов). Генезис отложений – эолово-делювиальный.

В полевом сезоне 2013 г. раскопочные работы на Тините-1 проводились на двух удаленных друг от друга участках (раскопы 2 и 3). Так к западной стенке раскопа 2 была сделана прирезка общей площадью 30 кв. м (5×6 м). Рыхлые отложения вскрыты по всей площади на глубину до 3,9 м. В ходе работ выделено 6 литологических слоев, содержащих 8 а.г.,

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 13-06-00380-а и 13-06-10001-к.

соответствующих таковым на участке работ 2011 г. Коллекция каменных артефактов 2013 г. из раскопа 2 насчитывает 239 экз., в том числе 6 нуклевидных и 12 орудийных форм. Кроме того, при работах из слоев 2–4 было отобрано 8 образцов угля для радиоуглеродного датирования.

Раскоп 3 площадью 20 кв. м (4×5 м) был заложен в 12 м к югу и в 3 м к западу от юго-западного угла раскопа 2, на месте шурфа № 6 (2009 г). В ходе раскопочных работ толща рыхлых отложений была вскрыта на глубину до 5,4 м и в ней выделено 7 литологических слоев, содержащих 9 а.г., в общем повторяющих характер залегания находок на раскопах 1 и 2. Исключение составляет отсутствие в разрезе литологического слоя 5 и связанного с ним а.г. 7. Коллекция каменных артефактов из раскопа 3 насчитывает 66 экз., в том числе 3 нуклевидных и 5 орудийных форм. Кроме того, при работах из слоев 3, 4 и 7 было отобрано 4 образца угля для радиоуглеродного датирования.

Все изделия, полученные из раскопов 2 и 3 при работах 2013 г. (305 экз.), изготовлены из кремня и сильно окремненных пород, из источников, локализованных в непосредственной близости от стоянки (до 1 км). Планиграфический анализ условий залегания археологического материала, наряду с данными стратиграфии, свидетельствуют о том, что он залегает *in situ* и претерпел минимальные пространственные перемещения. Остатки позвоночных в раскопах не обнаружены, что, видимо, объяснятся разрушающим действием агрессивной химической среды вмещающих отложений, вызывающим быструю деструкцию остеологического материала.

Археологический материал по участкам работ и а.г. распределялся следующим образом:

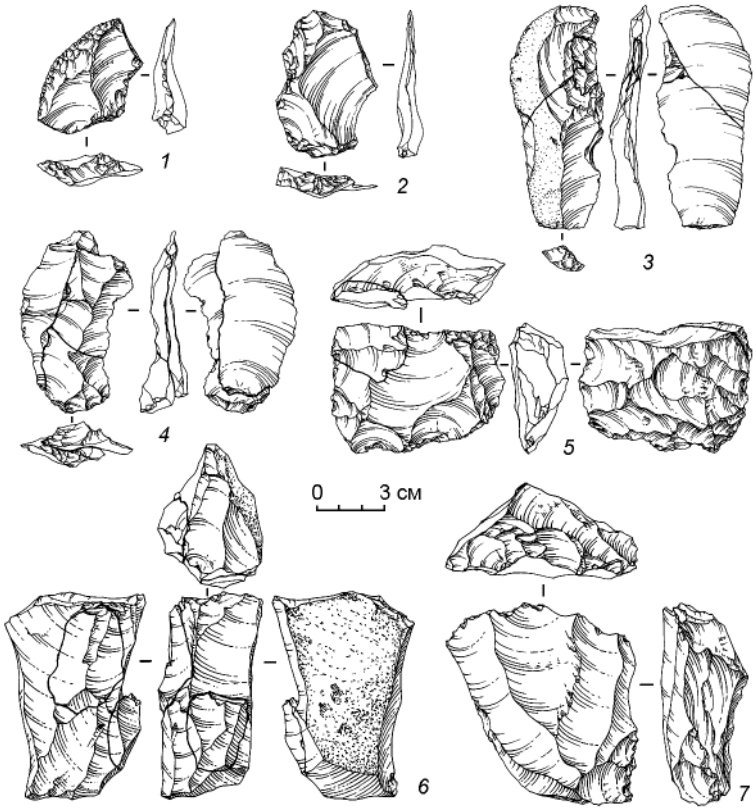
Раскоп 2

А.г. 1. Всего – 4, в том числе пластины – 2, отщеп – 1, обломок. Орудия представлены выемчатым изделием с клектонским анкошем (см. *рисунок, 3*).

А.г. 2. Всего – 5, в том числе пластины – 3, пластинчатый отщеп – 1, обломок – 1. Орудия представлены двумя выемчатыми изделиями с клектонским анкошем.

А.г. 3. Всего – 6, в том числе нуклевидная формы – 2, пластинчатые отщепы – 2, тех. скол – 1, обломок – 1. Категория нуклевидных изделий представлена торцовым одноплощадочным монофронтальным ядрищем и нуклевидным обломком. Орудия представлены выемчатым изделием с клектонским анкошем.

А.г. 4. Всего – 54, в том числе нуклевидная форма – 1 , пластины – 8, пластинчатые отщепы – 12, отщепы – 19, тех. скол – 1, обломки – 9, чешуйки – 4. Категория нуклевидных изделий представлена двухплощадочным бифронтальным ядрищем параллельного принципа скалывания, неоднократно переоформлявшимся (см. *рисунок, 5*). Анализ сырья и проведенные аппликации изделий (см. *рисунок, 4*) дают основания предполагать, что не менее 50 % сколов из коллекции а.г. 4 получены с данного ядрища. Орудия представлены небольшим фрагментов ретушированного изделия, вероятнее всего, скребла.



Каменные артефакты из раскопов 2, 3 стоянки Тинит-1
(художник А.В. Абдульманова).

1, 3–5 – раскоп 2; *2, 6, 7* – раскоп 3.
1 – а.г. 7; *2, 7* – а.г. 9; *3* – а.г. 1; *4, 5* – а.г. 4; *6* – а.г. 5.
1 – скребло; *2* – скол леваллуа; *3* – выемчатое орудие; *4* – пластинчатые сколы (ремонтаж); *5–7* – нуклеусы.

А.г. 5. Всего – 41, в том числе нуклевидные формы – 2 , пластины – 4, пластинчатые отщепы – 4, отщепы – 15, тех. скол – 1, обломки – 14, чешуйка – 1. Категория нуклевидных изделий представлена нуклевидными обломками. Орудия представлены простым продольным скреблом со слабовыпуклым лезвием и пластиной с ретушью.

А.г. 6. Всего – 26, в том числе нуклевидные формы – 2 , пластинчатый отщеп – 1, отщепы – 9, тех. сколы – 2, обломки – 94, чешуйки – 3. Категория нуклевидных изделий представлена фрагментом леваллуазского нуклеуса для отщепов (сохранилась часть выпуклой, многогранной ударной площадки и верхняя часть фронта скалывания), а также нуклевидным обломком. Орудий нет.

А.г. 7. Всего – 100, в том числе галька – 1, нуклевидные формы – 2 , пластины – 10, пластинчатые отщепы – 15, отщепы – 33, тех. сколы – 6,

сколы леваллуа – 6, обломки – 273. Категория нуклевидных изделий представлена нуклевидными обломками. Орудия (без учета неретушированных сколов леваллуа) представлены простым продольным скреблом с выпуклым лезвием (см. *рисунок, 1*), двумя ножами (с естественным обушком и обушком-гранью), пластиной с ретушью и отбойником.

А.г. 8. Всего – 3, в том числе пластинчатый отщеп – 1, отщеп – 1, тех. скол – 1. Орудий нет.

Раскоп 3

А.г. 1. Всего – 1, в том числе отщеп – 1. Орудий нет.

А.г. 2. Всего – 1, в том числе пластинчатый отщеп – 1. Орудий нет.

А.г. 3. Всего – 2, в том числе отщеп – 1, тех. скол – 1, обломок – 1. Орудий нет.

А.г. 4. Всего – 16, в том числе пластина – 1, пластинчатые отщепы – 3, отщепы – 7, тех. скол – 1, обломки – 2, чешуйки – 2. Орудия представлены выемчатым изделием с клектонским анкошем.

А.г. 5. Всего – 19, в том числе нуклевидные формы – 2 , пластины – 4, пластинчатые отщепы – 3, отщепы – 5, тех. скол – 1, обломки – 4. Категория нуклевидных изделий представлена одноплощадочным бифронтальным ядрищем параллельного принципа скалывания, с сопряженными фронтами (один из них торцовый) (см. *рисунок, 6*) и нуклевидным обломком. Орудия представлены пластиной с ретушью.

А.г. 6. Всего – 8, в том числе отщеп – 1, тех. сколы – 4, скол леваллуа – 1, обломки – 2. Орудия представлены сколом леваллуа с ретушью и плоским резцом.

А.г. 8. Всего – 4, в том числе пластина – 1, пластинчатый отщеп – 1, обломки – 2. Орудия представлены ножом с обушком-гранью.

А.г. 9. Всего – 9, в том числе нуклевидная форма – 1 , пластины – 2, пластинчатые отщепы – 2, отщепы – 2, скол леваллуа – 1 (см. *рисунок, 2*), обломок – 1. Категория нуклевидных изделий представлена одноплощадочным монофронтальным леваллуазским ядрищем для удлиненный остриев (см. *рисунок, 7*). Орудий нет.

А.г. 10. Всего – 6, в том числе пластинчатые отщепы – 3, отщепы – 2, тех. скол – 1. Орудий нет.

Анализ коллекции каменных артефактов 2013 г. позволяет подтвердить сделанные ранее выводы о том, что первые четыре а.г. по технико-типологическим характеристикам, скорее всего, относятся к периоду начала позднего палеолита. Об этом свидетельствует как технические характеристики продуктов первичного расщепления, так и применение верхнепалеолитической техники скола – прямое и обратное редуцирование края ударных площадок подтеской и пришлифовкой. В нижних горизонтах (с а.г. 5) фиксируется использование среднепалеолитических техник расщепления (фасетированные и двухгранные площадки у части заготовок; целевые заготовки, близкие леваллуазским формам, леваллуазские ядрища). Орудийный набор не многочислен, однако, отдельные яркие образцы орудий, в основном из нижних а.г. (изделия на леваллуазских заготовках и др.), не противоречат делению коллекции, предложенному

на основании технических параметров. Таким образом, можно соотносить археологический материал а.г. 1–4 с начальным этапом верхнего палеолита, а а.г. 5–11 – с финалом среднего палеолита.

Этим выводам не противоречит и серия из пяти некалиброванных радиоуглеродных дат, выполненных по образцам древесного угля в AMS-лаборатории Аризонского университета (г. Тусон, США). Три даты определены по образцам из раскопа 1: сл. 2 (а.г. 2) – 39 200 ± 740 л.н. (AA93693); сл. 3 (а.г. 3) – 43 900 ± 2000 л.н. (AA93915) и сл. 8 (а.г. 10) – 47 800 ± ± 1 500 л.н. (AA93695). Для раскопа 2 по образцам, взятым из одного крупного куска древесного угля из сл. 6 (а.г. 8), получены две открытые даты: >42 800 л.н. (AA93694) и >43 900 л.н. (AA93915). Таким образом, согласно данным абсолютного датирования культуросодержащих отложений, хронологическими рамками археологических индустрий Тинита-1 следует считать 37–50 тыс. л.н.

Список литературы

Анойкин А.А., Борисов М.А. Исследования палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 4–8.

Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В. Новые данные о стоянке Тинит-1 (по материалам шурфов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 28–33.

Анойкин А.А., Лунева Д.Е., Ахтерякова А.В., Борисов М.А. Исследования многослойной палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 4–9.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Кулик Н.А. Тинит-1 – новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 72–77.

В.В. Бобров[1, 2, 3], А.Г. Марочкин[2], А.Ю. Юракова[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт экологии человека СО РАН
[3]Кемеровский государственный университет

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ АВТОДРОМ-1 В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: результаты раскопок в 2013 году

Введение. Поселение Автодром-1 входит в группу археологических памятников, расположенных на северной оконечности урочища Таи, в окрестностях с. Венгерово Новосибирской обл. (северо-запад Барабы) [Молодин, Новиков, 1998]. Результаты раскопок 2010–2012 гг., проведенных Кузбасским археологическим отрядом, дали основание для неолитической атрибуции памятника [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012а; Бобров, Марочкин, 2012а]. Неординарность ситуации заключается в том, что памятник расположен в непосредственной близости от наиболее изученного неолитического поселения в Барабе – Автодром-2, не демонстрируя при этом типологической близости ни с артынским, ни с боборыкинским комплексами последнего [Бобров, Марочкин, 2011а; Бобров, Марочкин, Юракова, 2010; 2012б].

В 2013 г. на поселении Автодром-1 заложены два раскопа, площадью 60 м^2 и 6 м^2. Результатом работ стали коллекция артефактов, уточнение данных о стратиграфии памятника на различных его участках, выявление новой разновидности древних сооружений.

Проблемы стратиграфии. Поселение Автодром-1, как и другие памятники северной периферии урочища Таи, в плане геоморфологии связано с водораздельными ландшафтами эолового происхождения, «обрезанными» с юга широкой долиной р. Тартас (устное сообщение Я.В. Кузьмина). Эоловые отложения на этом участке, суммарная мощность которых пока не установлена, представлены легкими супесями белого или светло-желтого цвета [Молодин и др., 2003]. Кроме супесей, естественным геостратиграфическим элементом являются различные по мощности плотные суглинистые прослойки, в археологическом контексте играющие роль стерильных горизонтов и условного «материка» [Бобров, Марочкин, 2011б]. Для уточнения локальной ситуации на памятнике Автодром 1 в текущем году заложен стратиграфический шурф глубиной до 1,2 м (рис. 1). Выявлены следующие слои:

1. Дерн: до 0, 01 м.
2. Гумусированная супесь темно-серого цвета: до 0,1 м.
3. Супесь светло-желтого цвета: до 0,12 м.

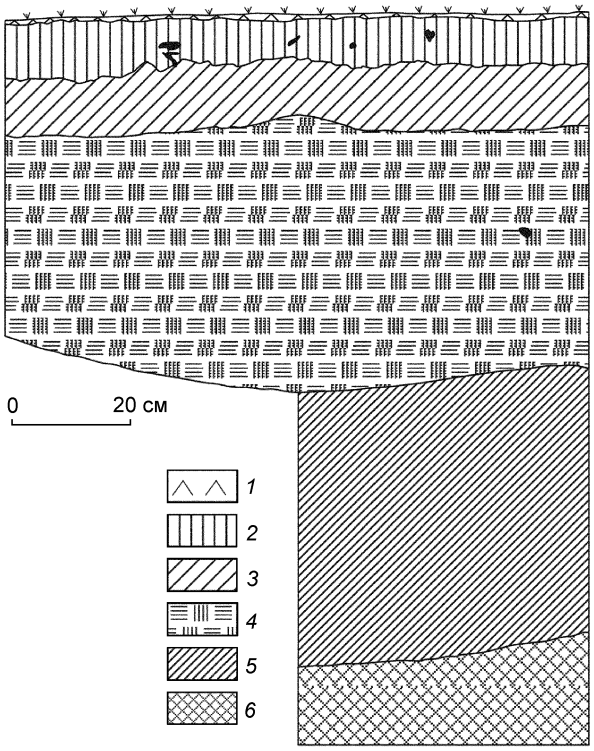


Рис. 1. Стратиграфия поселения Автодром-1.

1 – дерн; *2* – гумусированная супесь; *3* – «белый песок»; *4* – «материковый» суглинок; *5* – плотная светло-желтая супесь; *6* – желтый песок.

4. Плотный суглинок красно-коричневого цвета: до 0,5 м.

5. Супесь светло-желтого цвета, более плотная по сравнению с аналогичной вышележащей фракцией: до 0,45 м.

6. Песок желтого цвета, насыщенный белесыми включениями: до 0,2 м.

За весь период наблюдений (2010–2013 гг.) установлено, что единственным слоем, вмещающим культурные остатки, является светло-желтая супесь (№ 3). Она же формирует заполнение жилищных котлованов. Столь незначительная мощность культурного слоя не имеет однозначного объяснения. Причинами этого могли выступать множественные факторы, как природные (водная или ветровая эрозии), так и антропогенные. Согласно свидетельству местных жителей, территория памятника нарушалась в недавнем прошлом при сооружении отсыпной дороги, что могло привести к частичному планированию поверхности. Полученная информация отчасти подтверждена в этом году данными разведывательных раскопов. В частности, на краю террасы, к юго-западу от основной группы западин, выявлены следы механического смешения слоев и частичного нарушения «материкового» слоя.

Жилище № 5. Изученное в 2013 г. жилище № 5 продолжает в юго-восточном направлении центральную группу сооружений [Бобров, Марочкин, 2012а, рис. 1]. Судя по сохранившемуся котловану округлой формы, конструктивно оно представляло собой полуземлянку, углубленную в материк на глубину от 0,25 до 0,50 м. Размеры котлована по внешнему абрису составляют 5,2×4,6 м (СЗ–ЮВ×ЮЗ–СВ). Стенки крутые, но не отвесные. Какие-либо признаки входа и очага отсутствуют.

Важным элементом, характеризующим сооружение, являются земляные нары, примыкающие к стенам на всем протяжении, кроме юго-западного сегмента. Ширина предполагаемой лежанки составляет от 0,6 м (северная часть) до 1,8 м (восточная и южная части), а высота над нижним горизонтом пола – до 0,3 м.

Подобные конструкции известны в этнографии коренных народов Западной Сибири, и неоднократно зафиксированы археологически на поселениях неолита – палеометалла [Борзунов, Кирюшин, Матющенко, 1993, с. 38]. Как прямые аналогии в неолитических и энеолитических комплексах Западной Сибири, отметим идентичные объекты в жилищах поселения большемысской культуры Танай-4а (Восточное Присалаирье) [Бобров, 2010] и поселения быстринской культуры Кульёган-66 (Нижнее Приобье) [Поселение…, 2006]. На поселенческих памятниках неолита Барабы это первый случай обнаружения земляных нар в жилище, что существенно дополняет знание о домостроительной практике местного населения в новокаменном веке.

Функциональный анализ древних сооружений поселения Автодром-1 еще только предстоит, но зафиксированная ситуация говорит о наличии строений, специально приспособленных для сна, т.е. в меньшей степени связанных с производственными зонами поселка. Принимая этот тезис в качестве рабочей гипотезы, можно дать логичное объяснение относительно небольшому количеству находок – всего 98 экз. (см. *таблицу*).

Предметный комплекс. Большая часть предметов найдена в заполнении жилища (73 экз.), но некоторые обнаружены в слое (25 экз.). Каменная индустрия (рис. 2, *1–23*) представлена отщепами различных размеров, пластинами с ретушью и без оной, сколами с поверхности шлифованных орудий, скребками различных форм, что соответствует ситуации предыдущих исследований [Бобров, Марочкин, 2012б]. Особенно выразительным является одно из орудий, имеющее несколько рабочих поверхностей с разными функциями – скребка, ножа, резца, перфоратора (рис. 2, *20*). Немногочисленная керамика (27 фр.) сильно фрагментирована и обладает плохой сохранностью. Уверенно можно судить о наличии двух сосудов, от одного из которых сохранился венчик с зигзагообразным узором из оттисков гладкого штампа и поясом круглых ямок (рис. 2, *24*), а от другого – фрагмент плоского дна с нанесенными по ребру мелкими наколами (рис. 2, *25*). Стратиграфическая позиция обоих сосудов связана с различными, в том числе и верхними горизонтами заполнения котлована. Можно было бы предположить их более «молодой» возраст по отношению к жилищу, но величина хронологического диапазона между нача-

Предметный комплекс поселения Автодром-1 (раскопки 2013 года)

Категории находок		Слой белого песка	Заполнение жилищного котлована № 5	Всего
Отщепы без ретуши	малые (чешуйки)	2	7	27
	средние	5	9	
	крупные	2	2	
Пластины с ретушью	w 5–8 мм	–	2	9
	w 9–11 мм	–	2	
	w 12–18 мм	2	3	
Пластины без бетуши	w 5–8 мм	2	6	18
	w 9–11 мм	–	1	
	w 12–20 мм	2	7	
Скребки	на отщепах	2	4	12
	на пластинах и пластинчатых отщепах	–	3	
	на желваках	1	1	
	на фрагменте шлифованного орудия	–	1	
Сколы с поверхности шлифованных орудий		1	4	5
Фрагменты керамических сосудов		6	21	27
Итого		25	73	98

лом археологизации строения и попадания фрагментов в слой остается неясной.

Схожая керамика, орнаментированная в накольчатой технике, зафиксирована при раскопках жилищ № 1–3, наряду с фрагментами с гребенчатым декором [Бобров, Марочкин, 2012б, рис. 1]. Наиболее близкие типологические аналогии данному комплексу можно проследить в материалах боборыкинской культуры эпохи неолита, однако полная идентичность исключается таким не характерным для боборыкинских серий элементом, как ямочный декор.

Заключение. В предыдущих работах нами предложена и аргументирована гипотеза о неолитическом, а возможно и ранненеолитическом возрасте поселения Автодром-1, но одновременно с этим подчеркнута недостаточность источников для культурной интерпретации [Бобров, Марочкин, 2012а, б]. К сожалению, результаты 2013 г., несмотря на бесспорно ценные данные о стратиграфии и конструктивной специфике жилых сооружений, не смогли качественно изменить существующую ситуацию. Основной задачей, фундирующей решение проблемы, остается типолого-морфологическая систематика керамического комплекса. Высказанное ранее предположение о присутствии на памятнике двух стратиграфически разновременных групп керамики [Бобров, Марочкин,

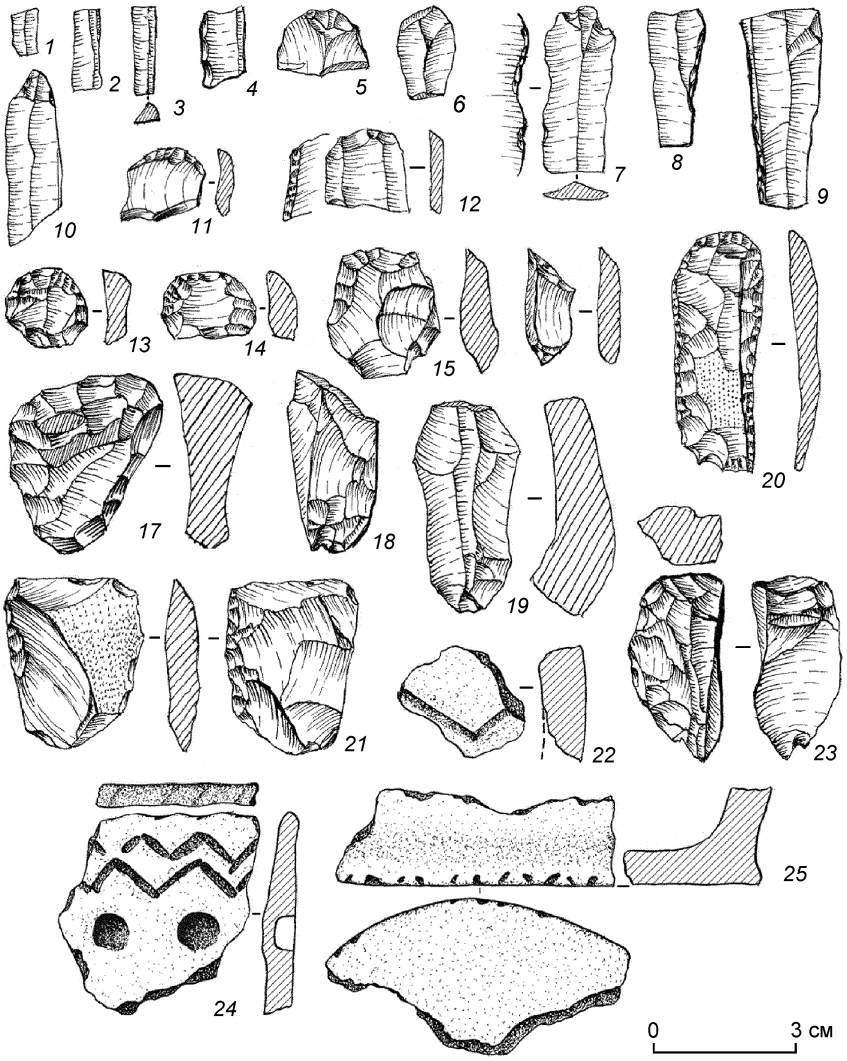


Рис. 2. Предметный комплекс поселения Автодром-1.
1–10, 12 – пластины; *11, 13–21, 23* – скребки; *22, 24, 25* – фрагменты посуды.
1–21, 23 – камень; *22, 24, 25* – керамика.

2012б], имеет предварительный характер, и нуждается в проверке на более массовом материале.

Вместе с тем дальнейшие исследования на памятнике безусловно актуальны и в перспективе могут обеспечить коррекцию культурно-хронологической схемы неолита Барабинской лесостепи [Бобров, Марочкин, 2011б; 2012а].

Список литературы

Бобров В.В. Большемысская культура // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 110–113.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. I. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011а. – С. 106–108.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011б. – Т. XVII. – С. 14–19.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Неолит Барабы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года. – Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2012а. – С. 63–73.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Раскопки неолитического поселения Автодром-1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012б. – Т. 18. – С. 13–18.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Керамика артынской позднеолитической культуры (по материалам поселения Автодром-2) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. (Мат-лы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф.). – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 113–116.

Бобров В.В. Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – Тюмень, 2012а. – № 3. – С. 4–13.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Новые материалы боборыкинской культуры в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012б. – Т. XVIII. – С. 19–24.

Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 4–45.

Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А., Жаронкин В.Н., Кривоногов С.К. Поселение Автодром-2 – к вопросу о стратиграфии и культурной принадлежности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 423.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ о сохранению ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с. – (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России»; вып. 3).

Поселение Быстрый Кульёган-66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. – 192 с.

С.К. Васильев

Институт археологии и этнографии СО РАН

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ОСТАТКАМ МЕГАФАУНЫ ИЗ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (Северо-Западный Алтай)

Чагырская пещера расположена на Северо-Западном Алтае, в долине р. Чарыш. Она была открыта и раскапывалась С.В. Маркиным в течение сезонов 2007–2013 гг. В нижней части плейстоценовой толщи обнаружены массово представленные археологические, палеозоологические, а также антропологические остатки, принадлежащие неандертальцам [Деревянко и др., 2013]. Исследованию остатков крупных млекопитающих из Чагырской пещеры (по материалам раскопок 2007–2011 гг.) посвящена отдельная статья [Васильев, 2013].

Раскопки 2012–2013 гг. принесли новые богатые палеофаунистические материалы. Коллекция костных остатков из слоев пещеры почти удвоилась – со 100,1 тыс. до 195,8 тыс. В такой же пропорции возросло и число определимых остатков – с 3 438 до 6 665. Удельный вес определимых находок с добавлением материалов 2012–2013 гг. не изменился (3,4 %). Число определимых остатков снижается вниз по разрезу: 3,9 % в слое 5, 3,4 % в слое 6а, 2,2 % в слое 6б и 2 % в слое 6в. Видовое разнообразие и соотношение важнейших таксонов по слоям осталось практически неизменным. Обращает на себя внимание необычайное обилие палеоантропологических остатков в слоях 6б и 6в (34 находки) в материалах раскопок 2012 г. Сравнительно небольшие по объему раскопки 2013 г., продолжившие линию раскопа в дальнем правом углу пещеры, принесли, против ожиданий, всего два изолированных зуба человека. Обобщенные данные по фаунистическим остаткам из раскопок Чагырской пещеры за все годы исследований приведены в табл. 1. В изученной коллекции присутствует значительное количество (39,6 %) остатков мелких животных: грызунов, насекомоядных, рукокрылых, рыб, амфибий и птиц, задерживающихся при промывке грунта на 5 мм сетке. Их присутствие в слоях пещеры связано с жизнедеятельностью филинов и сов, использовавших карстовую полость для дневок, и сбрасывавших здесь свои погадки.

В голоценовых слоях 1–4 обнаружены остатки как минимум 29 таксонов, из крупных млекопитающих – волка, лисицы, корсака, бурого медведя, куньих, рыси, косули, марала, сибирского горного козла, и, что

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков в отложениях Чагырской пещеры (раскопки 2007–2013 годов)**

Таксоны	Слои										Всего
	1	2	3	4	5	6а	6б	6в	7	отвал	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Homo sapiens		1			1	1	35	20			58
Canis familiaris					1*		1*				2
Equus caballus			2							1*	3
Bos taurus			2		9*						11
Capra-Ovis (дом.)	4		9	5	9*	3*	5*			4	39
Asioscalops altaica	1	6	1		76	42	16	9		3	154
Chiropthera gen. indet.		22	4			4	1	1		1	33
Ochotona sp.		2	1		3	1	2				9
Lepus timidus	1	7	4	6							18
Lepus tanaiticus		6**	1**		63	18	8	1		3	100
Lepus tolai			3	1	47	11	6	6		2	76
Tamias sibiricus					1						1
Citellus sp.	2	7	13	7	283	111	43	32		8	506
Marmota baibacina	2	5	3		23	12	4	4			53
Castor fiber		2	1	1			1				5
Allactaga sp.		1	1**		16	2					20
Cricetus sp.	2	60	13	9	8 (2*)	7				1	100
M. myospalax	1	38	11	1	308	128	43	32		12	574
Arvicola terrestris		29	6	5	9	3	4	2		2	62
Rodentia gen. indet.	2	45	10	16	347	110	40	24		11	605
Canis lupus	5	2**	2		43	34	42	46	3	4	177
Vulpes vulpes	1	3	2 (1**)	2	65	50	71	55	1	9	259
Vulpes corsak		1**		3	30	27	32	36	1	3	133
Cuon alpinus					35	8	10	9		2	64
Ursus arctos			2		7 (1*)	1		3			13
Martes zibellina				1	3		1				5
Mustela nivalis		1			4		3				8

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Mustela erminea		3			5			1*			9
Mustela altaica		2			5 (1*)	2		2			11
Mustela eversmanni					1	2				1	4
C. crocuta spelaea			2**		33	25	12	11		5	88
Panthera spelaea					5	1		3			9
Lynx lynx		1									1
Mammuthus primigenius					49	13	24	9		4	99
Equus (E.) ferus					8	5	4 (1*)	2		1	20
E. (Sussemionus) ovodovi		3**			30	32	37	36		4	142
E. ovodovi / ferus		1**		1**	56	63	29	23		3	176
Coelodonta antiquitatis					17	6	6	1			30
Cervus elaphus		13 (1**)	15	9	18 (6*)	19 (3*)	13 (1*)	12 (1*)		7 (6*)	106
Alces alces					1*	2*				1*	4
Caprolus pygargus	2	5	13	2	34*	3*		2*	1*	1*	63
Rangifer tarandus					6	6	6	6		1	25
Bison priscus			1 (3**)	1**	44	158	268	505	20	40	1037
Gazella gutturosa					3						3
Saiga tatarica borealis					9	4		2			15
Saiga / Gazella					47	26	12	1		1	87
Capra sibirica		1	5**		207	136	71	82		10	512
Ovis ammon		4**	5**		103	52	31	36	2	8	241
Capra / Ovis		5**			138	82	53	32		9	319
Pisces		23	16		19	3	1			2	64
Amphibia		3			2	1					6
Aves	2	160	26	12	176	58	37	24		11	506
Неопределимые обломки	31	501	1 657	434	60 919	36 593	42 809	41 686	974	4 523	190 127
Всего костных остатков	53	963	1 836	517	62 327	37 871	43 749	42 741	1 002	4 699	195 758

*Кости голоценовой сохранности (в плейстоценовых слоях 5–7).

**Кости плейстоценовой сохранности (в голоценовых слоях 1–4).

особенно интересно – крупного быка (*Bos-Bison* sp.) голоценовой сохранности. Домашние животные представлены единичными находками костей лошади, коровы, овец-коз, а также человека. В плейстоценовых слоях 5–7 найдены остатки как минимум 37 видов млекопитающих. По всему разрезу присутствуют кости птиц, рыб и амфибий. Благодаря норной деятельности грызунов единичные фрагменты костей и зубов плейстоценовой сохранности попадали в голоценовые слои, равно как остатки типично голоценовой сохранности – в плейстоценовые горизонты.

Материалы 2012–2013 г. подтверждают, что слои 5 и 6а накапливались без сколько-нибудь заметного участия человека, в результате пищевой активности крупных хищников, прежде всего волка и пещерной гиены. Подавляющую часть остатков здесь составляют истонченные, разъеденные обломки костей и фрагменты зубов с характерными признаками кислотной коррозии, прошедшие через пищеварительный тракт хищников. Подобные остатки происходят из распавшихся копролитов или отрыжек волков или пещерных гиен. Напротив, в слоях 6б-6в преобладающими являются остроугольные осколки трубчатых и плоских костей, расколотых рукой человека в свежем состоянии. Изломы таких костей патинизированы, но не сглажены или корродированы, как у костей, подвергшихся частичному растворению в желудках хищников. Число остатков с признаками кислотной коррозии здесь существенно меньше, хотя доля самих хищников (20,4 %) такая же, как и в слоях 5 и 6а (23,5 и 18,4 % соответственно).

Удельный вес остатков лошади, шерстистого носорога, марала, северного оленя по всему разрезу плейстоценовой толщи изменяется сравнительно мало (табл. 2). Своеобразным индикатором того, накапливались ли костные остатки в слое «естественным путем», в результате жизнедеятельности хищников, либо преимущественно в результате антропогенного вмешательства, является соотношение костей бизона и горного козла-архара в 5 и 6 слоях. В слоях 5, 6а и 6б-6в относительное обилие остатков *Capra-Ovis* изменяется как 46,5; 36,1 и 18,7 % соответственно. В слое 6б-6в остатки *Capra-Ovis* встречаются, таким образом, в 2,5 раза реже, чем в слое 5. Аналогичное соотношение для остатков бизона еще более показательно: 4,6; 22 и 47,3 % соответственно. В слоях 6б-6в кости бизона встречаются в 10,4 раза чаще, чем в слое 5. Обилие остатков сайгака-дзерена в слоях 6б-6в в 6,7 раза меньше, чем в слое 5. Слой 6а по относительному обилию остатков *Bison priscus*, *Capra-Ovis* и *Saiga-Gazella* занимает промежуточную позицию между слоями 5 и 6б-6в, более близкую к показателям из слоя 5 (табл. 2).

Аккумуляция костных остатков в период формирования слоев 5 и 6а происходила почти исключительно за счет пищевой активности хищников. Занесенные ими под своды пещеры остатки мегафауны (как в виде частей туш, отдельных костей, так и в желудках) наиболее полно и точно отражают весь спектр существовавшего некогда териокомплекса. В этом смысле самыми универсальными «коллекторами» являлись пещерные гиены, которые собирали со всех ближайших окрестностей пещеры лю-

Таблица 2. **Соотношение видов и таксономических групп крупных млекопитающих в плейстоценовых слоях Чагырской пещеры и распределение их по биотопическим группам (раскопки 2007–2013 годов)**

Таксоны	Слой 5		Слой 6а		Слои 6б, в	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Carnivora	234	24,3	150	20,0	336	20,6
Mammuthus primigenius	49	5,1	13	1,7	33	2,0
Equidae	94	9,8	100	13,4	130	8,0
Coelodonta antiquitatis	17	1,8	6	0,8	7	0,4
Cervus elaphus	12	1,3	16	2,1	23	1,4
Rangifer tarandus	6	0,6	6	0,8	12	0,7
Bison priscus	44	4,6	158	22,0	773	47,3
Saiga / Gazella	59	6,1	30	4,0	15	0,9
Capra / Ovis	448	46,5	270	36,1	305	18,7
Всего	963	100,0	749	100,0	1 634	100,0
Биотопические группы						
Лесная	9	1,3	1	0,2	4	0,3
Лесостепная	55	13,7	29	5,5	47	3,7
Степная	403	58,8	357	67,5	1 046	82,9
Скальная	212	31,0	136	25,7	153	12,1
Тундровая	6	0,9	6	1,1	12	1,0
Всего	685	100,0	529	100,0	1 262	100,0

бые доступные им останки – от бобра до мамонта включительно. Гиены известны также как весьма успешные коллективные охотники. В саваннах Восточной Африки кланы пятнистых гиен, насчитывающие порой до нескольких десятков особей, в ночное время регулярно загоняют и разрывают даже таких крупных животных как зебра или антилопа гну. Через короткое время на месте поедания добычи не остается, как правило, ничего – даже трава бывает вылизана от остатков крови [Лавик-Гудолл, 1977]. Еще более активным охотником была, очевидно, пещерная гиена. Существование *C. crocuta spelaea* на юге Сибири только за счет поедания падали, особенно в зимнее время, едва ли представляется возможным [Барышников, Верещагин, 1997]. Основную добычу волков составляли копытные среднего и мелкого размерного класса – лошади, маралы, горные козлы, бараны, сайгаки. Особенно удачливыми бывают охоты волков в начале зимы, когда они загоняют по снегу ослабевших после гона самцов сайгаков и дзеренов или горных козлов, отрезая последних от скальных отстоев.

Человек, периодически заселявший пещеру в период формирования слоев 6б-6в, специализировался в охоте на бизона. Его добычей становились преимущественно полувзрослые особи и самки. Такие охоты, возможно, носили сезонный характер и были приурочены к ежегодным

миграциям стад бизонов по долине Чарыша – вглубь горной страны и обратно [Васильев, 2013]. Судя по тому, что в слоях 6б-6в присутствуют в незначительном количестве фрагменты костей и зубов лошади Оводова, сибирского горного козла, архара и северного оленя без признаков кислотной коррозии, человек мог изредка добывать и эти виды. Благодаря своей охотничьей специализации человек вносил, таким образом, существенное искажение в процесс естественного формирования пещерного тафоценоза, что выразилось в совершенно ином соотношении фоновых видов в слоях с антропогенным участием (слои 6б-6в, табл. 2).

Остатки крупных млекопитающих свидетельствуют, что накопление плейстоценовой толщи в Чагырской пещере происходило на фоне господства степных ландшафтов. Доля зверей приуроченных к степным биотопам изменяется от 58,8 % в слое 5 до 82,9 % в слоях 6б-6в. Необходимо отметить, что в последнем случае это происходит за счет «искусственного» увеличения числа остатков бизона из-за специализации неандертальцев на добычу именно этого вида. Доля обитателей лесных биотопов по плейстоценовым слоям изменяется в пределах 0,2–1,3 %, а тундровых биотопов (представленных северным оленем) – также не превышает 1 %. Относительное обилие сибирского горного козла (скальные биотопы) в слоях 6б-6в уступает таковому в слое 5 почти в 2,6 раза, что опять-таки объясняется особенностями охотничьей специализации человека (табл. 2).

Все определимые до вида остатки мелких представителей сем. *Bovidae* до сих пор относились лишь к сайгаку. Достоверные остатки *Saiga tatarica borealis* (например, неполная первая задняя фаланга) были обнаружены в 5 слое в 2012–2013 гг. Из этого же слоя происходят и вполне диагностичные P^2 и M^1, а также обломок центральнокубовидной кости дзерена (*Gazella gutturosa*), отмеченного в отложениях Чагырской пещеры впервые. В Денисовой и Страшной пещерах остатки сайгака и дзерена также присутствуют совместно в одних и тех же слоях.

Большой интерес представляет находка в слое 3 сезамовидной кости III фаланги от задней конечности, принадлежащей какому-то крупному представителю родов *Bos-Bison*. Ширина кости 33,4, поперечник – 21,2 при толщине 15,3 мм, что вполне сопоставимо в размерах с аналогичной костью *Bison priscus* средней величины. Кость имеет типичную голоценовую сохранность, не отличимую от других остатков из слоя 3. Фрагментарные остатки зубов и костей крупного быка были отмечены ранее в голоценовых слоях Денисовой пещеры [Васильев, Шуньков, 2010]. В позднем плейстоцене Алтая бизон являлся доминирующим фоновым видом. Его остатки встречаются на порядок чаще, чем другого крупного быка – байкальского яка. Остается предположить, что на территории северо-западного Алтая в голоцене еще какое-то время сохранялся рефугиум, где продолжала обитать немногочисленная популяция *Bison priscus*.

Благодарности. Автор выражает признательность С.В. Маркину за предоставленные материалы.

Список литературы

Барышников Г.Ф., Верещагин Н.К. Краткий обзор четвертичных гиен (семейство *Hyaenidae*) России и сопредельных территорий // Тр. Зоологического института. – СПб., 1997. – Т. 270. – С. 7–65.

Васильев С.К. Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок 2007–2011 годов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 28–44.

Васильев С.К., Шуньков М.В. Остатки млекопитающих из голоценовых отложений в восточной и южной галереях Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 21–27.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Сизикова А.О., Солотчина Э.П., Смолянинова Л.Г., Антипов А.С. Чагырская пещера – стоянка среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 2–27.

Лавик-Гудолл Дж. и Г., ван. Невинные убийцы. – М.: Мир, 1977. – 176 с.

С.К. Васильев, В.С. Славинский,
А.А. Цыбанков, А.А. Присекайло

Институт археологии и этнографии СО РАН

ФАУНИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ САФРОНОВКА-3

В полевой сезон 2013 г. Отделом охранно-спасательной археологии (ООСА) ИАЭТ СО РАН проведены охранно-спасательные археологические раскопки в границах археологического объекта стоянки Сафроновка-3 (основную информацию об археологических работах на данном объекте см. в статье В.С. Славинского и др. «Предварительные результаты археологических работ на… стоянке Сафроновка-3…» в данном сборнике), на земельном участке, расположенном в границах территории строительства магистрального нефтепровода Куюмба – Тайшет.

При раскопках памятника Сафроновка 3 в коллекцию поступило 3 729 костных остатков от 8 видов крупных млекопитающих (табл. 1). Доля определимых костей составляет 40,4 %. Среди неопределимых остатков подавляюще преобладают фрагменты костей мамонта. Сафроновка-3 представляет пример типичного моновидового местонахождения. К мамонту здесь относится 99,1 % всех определимых костных остатков, тогда как на долю остальных семи видов – менее 1 %. По слоям (условным горизонтам взятия), костные остатки распределены неравномерно. Большая их часть связана со слоями 4 и 5 (91,9 %); 4,4 % происходят из слоев 1–3 и 3,1 % – из слоя 6. По культурным слоям кости распределяются следующим образом: первый культурный слой (бронзовый век – горизонты взятия 1, 2, частично 3) – 98 экз., представлены неопределимыми обломками; второй культурный слой (палеолит – горизонты взятия 3 (частично), 4–6) – 3 631 экз., все остальные костные остатки, описанные в данной статье.

Сохранность материала типична для костей из субаэральных отложений позднеплейстоценового возраста и соответствует второй и третьей стадиям выветривания по шкале Беренсмейера [Behrensmeyer, 1978]. Поверхность большинства костей покрыта сеткой от корней растений, выраженных сильнее на стороне обращенной вверх. На этой же стороне у ряда плоских костей наблюдаются следы трещиноватости и деструкции поверхности, что свидетельствует о продолжительном периоде экспонирования данных костей перед их окончательным захоронением. Значительная часть костей, в особенности ребер, распалась на фрагменты уже в захоронении. Другая часть апплицируемых обломков ребер имеет патинизиро-

Таблица 1. **Видовой состав и соотношение элементов скелета мамонта на памятнике Сафроновка-3**

Вид, элементы скелета	Условные горизонты							Всего
	1	2	3	4	5	6	б/сл. РР	
Мамонт (*Mammuthus primigenius*)								
Обломки черепа	–	–	–	5	2	–	–	7
Обломки зубов	1	4	10	158	121	14	6	314
Обломки бивней	–	1	3	28	27	1	–	60
Обломки нижней челюсти	–	1	1	8	17	–	1	28
Обломки подъязычной кости	1	–	1	–	2	–	–	4
Обломки шейных позвонков	–	–	2	13	7	1	–	23
Обломки грудных позвонков	–	–	2	29	27	1	1	60
Обломки поясничных позвонков	–	–	–	2	2	–	–	4
Хвостовые позвонки	–	–	–	–	1	–	–	1
Обломки ребер	1	7	28	239	270	10	3	558
Обломки лопатки	–	1	1	13	7	2	–	24
Обломки таза	–	1	1	4	6	–	1	13
Обломки малой берцовой кости	–	–	–	4	3	–	–	7
Обломки трубчатых костей	1	1	3	37	45	6	–	93
Кости запястья, заплюсны	–	–	1	14	9	–	–	24
Метаподии	–	–	–	5	1	–	–	6
Фаланги	–	–	–	1	3	–	–	4
Песец (*Alopexlagopus*)	–	–	–	1	–	–	–	1
Лисица (*Vulpesvulpes*)	–	–	–	1	–	–	–	1
Волк (*Canis lupus*)	–	–	–	1	–	–	–	1
Носорог (*Coelodontaantiquitatis*)	–	–	–	–	1	–	1	2
Лось (*Alcesalces*)	–	–	–	2	–	–	–	2
Северный олень (*Rangifertarandus*)	–	–	–	2	1	–	–	3
Бизон (*Bison priscus*)	–	–	–	–	–	1	–	1
Неопределимые обломки	6	13	43	1108	599	58	7	1834
Всего костных остатков	10	29	96	1 675	1 151	94	20	3075

ванные изломы со следами корневой системы растений. Отсутствие части костной ткани на месте стыка фрагментов говорит о том, что кость была разбита в свежем состоянии, с образованием утерянных осколков кости.

В слоях памятника представлены почти исключительно относительно небольшие и уплощенные кости: фрагменты ребер (45 %), остистые отростки грудных, поясничных и небольшие обломки шейных позвонков (7,2 %). Очень многочисленны пластины распавшихся зубов мамонта и обломки зубов, состоящие из 2–7 пластин (25,5 %). Почти целиком сохранилось 5 бивней самок или полувзрослых особей с длиной по большой кривизне до 90 см. Гораздо чаще представлены небольшие (5–10 см)

обломки бивней, часть из которых была, очевидно, расколота в свежем состоянии. Линия излома на них проходит не вдоль пластин (на которые бивень обычно распадается в захоронении), а под острым углом к ним, рассекая сразу целый ряд пластин бивня. Удельный вес бивней и их фрагментов составляет 4,9 %. Встречено также четыре неполных подъязычных кости, семь небольших обломков черепа (в основном от альвеол бивней) и 28 фрагментов альвеолярной части нижней челюсти (3,2 % в сумме). Наименее представлены обломки тонкой части лопатки, таза, фрагменты трубчатых костей (11,1 %), и костей дистальных отделов конечностей – запястных, заплюсневых, метаподий и фаланг (2,8 %). Совершенно отсутствуют тела позвонков и сколько-нибудь крупные фрагменты диафизов трубчатых костей и их эпифизов. Сохранилось всего три обломка эпифизов нижнего и верхнего конца плечевой кости и два обломка головки бедра. От перечисленных остатков сохранились лишь незначительные участки, несущие следы сильнейших погрызов. Их характер (в частности ширина борозд от клыков хищников) более всего соответствует погрызам, оставленным пещерной гиеной. В слоях 4 и 5 встречены десятки мелких неопределимых фрагментов кости со следами обжига.

Таким образом, состав представленных в слоях памятника элементов скелета показывает, что шанс попасть в захоронение имели только относительно небольшие и плоские кости и их фрагменты. Все более габаритные остатки (крупные фрагменты трубчатых костей, черепа, позвонки, отчлененные кисти и стопы мамонтов) так или иначе, выпадали из захоронения – отбрасывались прочь самим человеком, уничтожались или растаскивались хищниками, разрушались в процессе выветривания. Или место захоронения/добычи находилось вне стоянки, например в пойме, расположенной на более низком (ниже на 8–12 м от террасовидной площадки) относительно плоскости стоянки гипсометрическом уровне. Откуда древними обитателями стоянки переносились только те части тела животных, которые представлены в виде костных остатков зафиксированных в процессе раскопок.

Все кости и зубы мамонта, обнаруженные в слоях памятника, принадлежали некрупным полувзрослым животным, либо самкам. Наибольшее число обломков зубов относится к зубам третьей-четвертой смены (dp4 – M1), но встречаются и сильно стертые некрупные зубы последней смены (M3) старых самок. Подобный половозрастной состав обычен для семейных групп слонов, состоящих из самок, их детенышей разного возраста и неполовозрелых самцов. Возглавляется такая группа, как правило, старой самкой. Взрослые самцы держатся обычно поодиночке или отдельными холостяцкими группами, присоединяясь к стаду только на период гона или во время сезонных миграций [Тихонов, 2005]. Судя по отсутствию зубов двух первых смен (dp2 – dp3), останков мамонтят первых лет жизни в слоях памятника не зафиксировано.

Из пяти зубов последней смены мамонта наиболее полно сохранился лишь один M3. Число пластин в этом зубе – 22. Четыре зуба принадлежали взрослым, и один – старой самке; все они отличаются некрупными

размерами (табл. 2). В изученной серии зубов толщина эмали составляет в среднем 1,51 мм при частоте пластин на 100 мм 8,71. В каргинское время на юге Западной и Восточной Сибири обитали толстоэмалевые (в среднем 1,8 мм) формы мамонтов, а в самом конце сартанского времени – формы с тонкоэмалевой (1,0–1,3 мм в среднем) специализацией [Форонова, 2001]. Исходя из этого, время существования мамонтов из Сафроновки-3 может быть предварительно определено концом каргинского – началом сартанского времени.

Из костей посткраниального скелета для промеров пригодно всего несколько экземпляров. Ширина передней суставной поверхности 1-го шейного позвонка составляет у 3 экз. 211, 196 и 201 мм. Нижний отдел лопатки имеет длину суставной поверхности 172 мм, ее поперечник – 93 мм. Ширина нижнего конца малой берцовой кости полувзрослой особи – 77 мм, поперечник – 44,5 мм. Длина пяточной кости – 169 мм, наибольшая ширина нижнего конца – 124 мм, его поперечник – 116 мм. Ширина/поперечник двух астрагалов – 125/116 и 114,0/105,5 мм, при ширине верхней суставной поверхности 91,0 и 92,5 мм. Все указанные кости принадлежали полувзрослым животным, либо некрупным самкам. Близ основания одного из остистых отростков грудного позвонка отмечено патологическое изменение в виде сквозного овального отверстия (размером 42/12 мм) являющееся свидетельством минерального голодания [Лещинский и др., 2010].

В слоях памятника найдено всего семь костей, относящихся к другим видам. Песец представлен изолированным M1 (длина/ширина 14,2/4,8 мм). Лисица – правой бедренной костью с обломанным нижним концом. Диафиз левой плечевой кости с обломанными эпифизами принадлежал полувзрослому волку. Три кости относятся к северному оленю: неполная дистальная половина лопатки, сильно погрызенный нижний конец плечевой кости и небольшой фрагмент концевой части рога с двумя отростками.

Таблица 2. **Промеры зубов мамонта последней смены из памятника Сафроновка-3**

Промеры	M^3dex, ad.	M^3dex, ad.	M^3dex. sen.	M_3dex, ad.	M_3dex, ad.
Длина коронки	–177**	–152	–131	–137	–214
Ширина коронки	84	78,6	79,5	80	77,5
Высота коронки	130	120	122	90	113
Число пластин	–14	–10	–7	–11	–22
Средняя длина одной пластины*	63,00	65,83	67,75	60,83	47,15
Частота пластин на 100 мм*	8,75	7,83	7,25	8,55	11,15
Толщина эмали*	1,54	1,54	1,55	1,45	1,45

*Среднее из 8–10 измерений по всей поверхности коронки.

**Знак минус означает, что часть коронки зуба утеряна (обломана, уничтожена стиранием).

Скорее всего, от одной старой особи происходят сильно стертые, стыкующиеся по жевательной поверхности зубы из распавшихся фрагментов верхней и нижней челюсти лося – левые M1-M2 и P2 и M1-M3 (M3 представлен передней долей). Бизону принадлежит неполный правый нижний конец плечевой кости. От шерстистого носорога найден грудной позвонок (2-й или 3-й) с обломанным остистым отростком и неполная копытная фаланга (вероятно, от MC III) крупного взрослого животного. Ширина кости до слома – 74,5 мм (восстановленная – около 85 мм). Ширина суставной поверхности около 61 мм, ее поперечник – 20,3 мм. Высота кости наибольшая посередине – 31,2 мм.

Известные на территории Северной Евразии крупные скопления останков мамонта имеют по большей части естественное происхождение. Они связаны с перманентной (Берелех), либо спонтанной (Севск) гибелью стад мамонтов или одиночных животных в долинах рек [Верещагин, 1977; Мащенко, 2000]. Большая группа «мамонтовых кладбищ» (Волчья Грива, Луговское, Шестаково, Кучугур и др.) трактуется как массовое захоронение останков мамонтов на месте, некогда существовавших зверовых палеосолонцов [Лещинский, 2006; Лещинский и др., 2010]. Такие природные кладбища повсеместно привлекали также и палеолитического человека, который оставлял на них следы своих посещений в виде единичных артефактов.

В отличие от перечисленных местонахождений скопление костей мамонта в Сафроновке-3 связано, по всей видимости, с охотничьей деятельностью палеолитического человека. Она имела ярко выраженные черты специализации. Объектом таких охот были семейные группы мамонтов, в которых добывались преимущественно полувзрослые звери и самки. Охота на другие виды – северного оленя, лося, бизона, шерстистого носорога и пушных зверей (лисица, волк, песец) носила случайный характер. Кости хищников, которых, несомненно, привлекало скопление костей на стоянке, могли также и самостоятельно попасть в захоронение.

Список литературы

Верещагин Н.К. Берелехское кладбище мамонтов // Тр. Зоологического института, 1977. – Т. 72. – С. 5–50.

Лещинский С.В. Палеоэкологические исследования, тафономия и генезис местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1. – С. 33–40.

Лещинский С.В., Зенин В.Н., Орлова Л.А., Бурканова Е.М. Зверовые солонцы Чулымо-Енисейской равнины – минеральные (геохимические) оазисы и очаги активности мамонтовой фауны и палеолитического человека // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2010. – № 333. – С. 181–186.

Мащенко Е.Н. Последние мамонты Русской равнины // Химия и жизнь. – 2000. – № 8. – С. 32.

Тихонов А.Н. Мамонт. – М.; СПб.: Т-во научных изданий КМК, 2005. – 90 с.

Форонова И.В. Четвертичные млекопитающие юго-востока Западной Сибири (Кузнецкая котловина). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – 243 с.

Behrensmeyer A.K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. – 1978. – Vol. 4; № 2. – P. 150–162.

С.К. Васильев, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ОСТАТКОВ МЕГАФАУНЫ ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Раскопки толщи плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры ведутся с 2005 г. Результаты определения остатков крупных млекопитающих из материалов раскопок 2005–2008 и 2009–2010 гг. опубликованы [Васильев, Шуньков, Цыбанков, 2008; 2010]. В 2012–2013 гг. в восточной галерее вскрыта нижняя часть плейстоценовых отложений (слои 13–17) до скального основания. За все годы раскопок в восточной галерее получено свыше 135,6 тыс. костных остатков, относящихся как минимум к 46 видам млекопитающих (табл. 1). При промывке пещерных отложений получено значительное количество костей насекомоядных, грызунов и птиц, а также единичные кости рыб, амфибий и рукокрылых, составляющих в целом 33,2 % от числа всех определимых остатков. Доля последних меняется от 3,5 % в слое 13 до 10,5 % в слое 11.2, составляя в среднем по разрезу 5,2 %. Этот показатель значительно больше, чем для плейстоценовых отложений центрального зала и предвходовой площадки пещеры (около 1 %) [Природная среда…, 2003], но меньше, чем для плейстоценовой толщи ее южной галереи (8,2 %) [Васильев, Шуньков, 2009]. Костные остатки обнаружены во всех слоях, но по разрезу они распределены неравномерно. Около 50 % костей происходит из стратиграфических подразделений слоя 11. С отложениями слоя 9 связано около 1 % костных остатков, на слой 12 приходится 29,4 %, на слой 13 – 2,2 %, на слой 14 – 13,4 %, на слой 15 – 2,4 %. В пределах слоев 16 и 17 концентрация костных остатков невелика – менее 0,02 и 0,30 % соответственно, при этом в слое 17 кости обнаружены только в его кровле. Из осыпей и зачисток стенок раскопа происходит 1,2 % костных остатков.

Костный материал хорошей сохранности, прочный, в основном различных оттенков светло-коричневого цвета. Все кости сильно фрагментированы. На долю костей крупнее 5 см приходится всего 2,5 %. Самые крупные фрагменты костей зафиксированы в слоях 11.2 и 12 – дистальный отдел берцовой кости и проксимальная часть лучевой кости бизона

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12002-офи-м.

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков позвоночных из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (сборы 2005–2013 годов)**

Таксоны	Слои													Всего
	9	11.1	11.2	11.3	11.4	11 д*	12	13	14	15	16	17	б/ сл.**	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Asioscalops altaica	5	13	41	40	14	5	38	1	14	1	–	–	5	177
Chiropthera gen. indet.	1	1	2	–	–	–	–	1	–	–	–	–	2	7
Lepus tanaiticus	1	8	29	16	10	3	13	–	3	–	–	–	2	85
Lepus tolai	–	3	22	6	3	5	–	–	1	–	–	1	–	41
Ohotona sp.	1	5	7	8	3	1	4	–	–	–	–	–	–	29
Pteromys volans	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Tamias sibiricus	–	–	–	1	–	–		–	–	–	–	–	–	1
Citellus sp.	1	26	70	32	8	12	31	1	11	–	–	3	4	199
Marmota baibacina	3	6	39	51	25	–	64	4	60	8	4	–	4	268
Castor fiber	–	–	2	8	2	–	–	–	–	–	–	–	–	12
Allactaga sp.	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Cricetus sp.	–	–	2	1	–	2	–	–	–	–	–	–	–	5
M. myospalax	15	72	227	197	62	18	159	12	62	4	6	–	16	850
Rodentia gen. indet.	8	62	127	85	22	18	45	12	47	4	2	–	13	457
Canis lupus	5	9	74	53	41	1	69	7	42	15	1	–	1	318
Vulpes vulpes	1	9	40	37	31	–	54	3	15	4	1	–	–	195
Vulpes corsak	–	–	14	12	14	–	16	–	6	–	–	1	–	63
Cuon alpinus	–	–	8	25	15	1	41	7	32	4	–	1	2	136
Ursus arctos	–	–	2	10	–	1	15	–	6	2	–	–	2	38
U.(Spelaearctos) savini	–	1	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4
Martes zibellina	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Gulo gulo	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Mustela erminea	–	–	1	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	4
Mustela nivalis	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	2
Mustela altaica	–	–	2	1	6	–	1	–	2	1	–	–	1	14
Mustela eversmanni	–	–	2	–	2	–	5	–	1	–	–	–	–	10

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Panthera spelaea	–	–	3	–	2	–	1	–	–	–	–	–	–	6
Uncia uncia	–	–	3	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	5
Lynx lynx	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Felis manul	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Mammuthus primigenius	1	–	3	13	9	–	13	2	4	3	–	–	1	50
Equus (E.) ferus	3	4	5	8	2	–	9	–	1	–	–	–	1	33
E. (Sussemionus) ovodovi	1	1	8	31	11	2	21	–	5	3	–	–	1	84
E. ovodovi / ferus	2	11	84	87	45	6	161	5	58	1	–	–	2	462
Coelodonta antiquitatis	2	6	16	42	15	–	25	2	26	6	–	–	2	142
Cervus elaphus	3	3	23	36	28	3	20	2	23	16	–	2	1	160
Megaloceros giganteus	1	–	4	4	5	–	2	–	–	1	–	–	–	17
Alces cf. alces	–	–	–	1	1	–	1	–	–	–	–	–	–	
Capreolus pygargus	2	1	28	42	24	7	36	3	62	28	1	2	1	237
Rangifer tarandus	–	–	3	1	–	–	3	–	–	–	–	–	–	7
Bison priscus	10	12	102	90	46	14	101	4	29	7	–	–	6	421
Poëphagus mutus baicalensis	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Saiga tatarica borealis	–	–	1	8	–	–	4	–	–	–	–	–	–	13
Gazella guttursza	–	–	1	59	22	2	94	5	29	–	–	–	–	212
Gazella / Saiga	–	–	4	17	8	–	29	–	10	–	–	–	–	68
Capra sibirica	6	20	118	109	39	18	114	10	38	8	–	2	1	483
Ovis ammon	1	12	43	24	12	3	21	4	4	1	–	–	2	127
Capra / Ovis	15	15	103	106	38	15	152	7	26	6	–	–	13	496
Spirocerus kiakhtensis	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Pisces	–	2	5	4	3	–	1	–	–	–	–	–	1	16
Amphibia	–	–	2	2	–	–	2	–	–	–	–	–	–	6
Aves	7	40	177	122	69	15	102	6	31	1	–	–	10	580
Неопределимые обломки	1 282	4 558	13 307	24 554	17 980	3 127	38 200	2 937	17 557	3 116	29	385	1 559	128 591
Всего костных остатков	1 391	4 916	14 864	26 076	18 666	3 288	39 823	3 042	18 230	3 241	30	411	1 655	135 633

*Деформация слоя.

**Зачистки стенок, обвал.

с участками диафизов, которые имеют максимальную длину до слома 216 и 213 мм соответственно. В целом степень фрагментации костей возрастает вниз по разрезу. Наиболее мелкодробленый материал отмечен в слоях 13 и 17 (табл. 2). В слоях 9–11 обнаружено большое количество костей со следами кислотной коррозии, прошедших через пищеварительный тракт крупных хищников, в первую очередь пещерной гиены и волков. Они имеют вид истонченных заполированных пластинок со сглаженными патинизированными изломами, иногда с образованием сквозных отверстий. Большая часть зубов также несет признаки кислотной коррозии – эмаль, как правило, полностью растворена, поверхность зуба деформирована с образованием глубоких каверн и колодцев. Подобные остатки происходят из отрыжек и распавшихся копролитов пещерных гиен [Природная среда…, 2003]. В слое 12 количество костей и зубов с признаками утилизации хищниками заметно снижается. В этом слое отмечены единичные мелкие фрагменты костей со следами обжига, темно-коричневого или черного цвета. В слоях 13 и 14 кости с кислотной коррозией единичны, здесь преобладают небольшие остроугольные фрагменты. Часть из них представляет осколки, образовавшиеся, скорее всего, при раскалывании трубчатых и плоских костей. Доля мелких фрагментов костей со следами обжига в этих слоях не превышает 1–2 %. В слое 15 кости со следами кислотной коррозии не отмечены, а зубы с подобными признаками единичны. Среди остеологического материала преобладают

Таблица 2. **Распределение фрагментов костей крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (сборы 2005–2013 годов)**

Слои	Размерный класс, см								Всего
	1–2		2–5		5–10		> 10		
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
9	439	62,2	251	35,6	16	2,3	–	–	706
9 деф.	231	37,1	364	58,5	25	4,0	2	0,32	622
11.1	3 087	66,0	1 448	31,0	136	2,9	4	0,09	4 675
11.2	7 896	56,1	5 454	38,8	688	4,9	33	0,23	14 071
11.3	16 402	68,2	7 033	29,3	577	2,4	27	0,11	24 039
11.4	13 027	70,7	4 832	26,2	530	2,9	37	0,20	18 426
11 деф.	2 214	69,0	909	28,3	84	2,6	2	0,06	3 209
12	21 050	70,5	8 279	27,7	495	1,7	22	0,07	29 846
13	2 466	82,0	527	17,5	16	0,5	–	–	3 009
14	13 055	72,3	4 784	26,5	210	1,2	–	–	18 049
15	2 230	68,3	973	29,8	63	1,9	–	–	3 266
16	16	53,3	14	46,7	–	–	–	–	30
17	331	83,6	64	16,2	1	0,3	–		396
Без слоя	1 044	65,3	521	32,6	32	2,0	1	0,06	1 598
Итого	83 488	68,5	35 453	29,1	2 873	2,4	128	0,01	121 942

мелкие обломки колотых костей, а также зубов косули, благородного оленя, бизона, сибирского горного козла и архара. Среди костных остатков размерного класса 2–5 см фрагменты черного или коричневого цвета составляют 3,1 %. Костей, прокаленных до известково-белого цвета и кальцинированного состояния, не обнаружено.

Доля костей хищников по слоям меняется сравнительно мало – от 14,6 % в деформации слоя 11 и 25,2 % в слое 15, до 35,3 % в слое 13, составляя в среднем по разрезу 29,8 % от числа всех определимых остатков мегафауны. Следует отметить, что доля костей пещерной гиены, благодаря которой и происходила аккумуляция основного объема костных остатков, постепенно уменьшается вниз по разрезу. Фрагменты ее зубов и костей составляют в слое 9 – 15,6 %, в слое 11 – 11,2 %, в слое 12 – 12,9 %, в слое 13 – 10,3 %, в слое 14 – 5,4 %. В отложениях слоя 15, где следы жизнедеятельности *Carnivora* минимальны, остатки гиены представлены обломком клыка – 0,9 %. В слоях 14 и 15 среди остатков хищников преобладают кости серого и красного волка, а также лисицы (см. табл. 1). Высокий удельный вес остатков хищников свидетельствует о ведущей роли *Carnivora* в формировании пещерного тафоценоза, особенно в период накопления слоев 9–13.

Соотношение остатков мегафауны по разным биотопическим группам остается достаточно стабильным в интервале слоев 9–12, где доля обитателей степных ландшафтов составляет 61,3–68 %, а доля лесных животных меняется в пределах 6,6–7,8 %. В слое 13 отмечено небольшое снижение доли степных обитателей (59,2 %) за счет увеличения числа остатков зверей лесостепных биотопов (18,8%). В слое 14 заметно возрастает количество остатков животных лесных местообитаний – 17,9 %. В слое 15 доля лесной компоненты увеличивается еще в два раза – 34,9 %, при этом возрастает также число обитателей лесостепных биотопов – 24,4 %. Из отложений слоев 16 и 17, помимо остатков интразональных видов-убиквистов, получено всего 14 определимых костей крупных млекопитающих. Вместе с тем эти малочисленные материалы по ландшафтным характеристикам близки к показателям слоя 15.

Рост доли лесных обитателей в слоях 14–17 связан, прежде всего, с увеличением числа остатков косули и марала. Так, если в слое 11 на долю костей косули приходится 4,3 %, то в слоях 14 и 15 – 14 % и 26,2 %. Доля остатков благородного оленя в этих слоях меняется от 3,9 % до 5,2 % и 15 % соответственно. Необходимо отметить, что косуля и марал обитают не только в лесных массивах. Сибирская косуля населяет как лиственные леса, так и лесостепные участки, а также пойменные заросли по берегам степных рек и озер [Европейская и сибирская косуля…, 1992]. Позднеплейстоценовый *Cervus elaphus* cf. *sibiricus* на юге Западной Сибири обитал в степных и лесостепных ландшафтах [Васильев, Оводов, 2013]. Вместе с тем значительное увеличение площади лесов в период формирования слоев 14–17 не вызывает сомнений. Остатки дзерена и сайгака составляют в слое 11 – 5,1 %, достигают максимального зна-

чения в слое 12 – 11 %, а в слоях 13 и 14 на их долю приходится 7,4 % и 8,8 % соответственно. Присутствие в одном слое остатков обитателей лесных и степных биотопов свидетельствует о мозаичности низкогорных ландшафтов Северо-Западного Алтая в плейстоцене. Лесные ассоциации, даже в периоды их наибольшей экспансии, развивались, в основном, в долинах рек, в ущельях и на горных склонах северной экспозиции, в то же время водоразделы и южные склоны гор занимали участки степной растительности.

В заключение следует отметить находки костей ископаемых животных, относительно редко встречающихся в плейстоценовых отложениях палеолитических объектов Алтая.

Снежный барс *Uncia uncia*. В слое 11.2 найдены целые левые астрагал и пяточная кость от одной особи и правый P^4 со следами коррозии. В слое 11.3 – дистальный конец бедренной кости, в слое 11.4 – проксимальный отдел третьей пястной кости. Ранее костные остатки барса были отмечены в материалах из южной галереи Денисовой пещеры.

Лось *Alces* cf. *alces*. P_4 крупной особи обнаружен в слое 11.3 и два обломка зубов M_2 и M_{1-2} – в слоях 11.4 и 12. Единичные остатки лося известны из плейстоценовых отложений пещер Страшная, Логово Гиены и Каминная.

Байкальский як *Poëphagus mutus baicalensis*. Яку, вероятно, принадлежит тарзальная кость II+III со следами кислотной коррозии из слоя 11.4. Ранее целая пястная кость крупного самца была найдена в слое 11.3 восточной галереи Денисовой пещеры [Васильев, Шуньков, Цыбанков, 2010].

Кяхтинский винторог *Spirocerus kiakhtensis*. К этому виду, скорее всего, относится изолированный левый P^3 из слоя 12 со следами кислотной коррозии. Его длина и ширина 12,2 и 9,5 мм соответственно, при высоте коронки 10 мм. Остатки кяхтинского винторога обнаружены также в пещерах Усть-Канская [Верещагин, 1956] и Страшная [Васильев, Зенин, 2010].

Список литературы

Васильев С.К., Зенин А.Н. Остатки мегафауны из пещеры Страшная в Северо-Западном Алтае (по материалам раскопок в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 15–20.

Васильев С.К., Оводов Н.Д. Благородный олень (*Cervus elaphus* cf. *sibiricus*) в позднем плейстоцене и голоцене юга Западной и Средней Сибири // Зоологический журнал. – 2013. – Т. 92. – № 9. – С. 1031–1045.

Васильев С.К., Шуньков М.В. Крупные млекопитающие из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 63–69.

Васильев С.К., Шуньков М.В., Цыбанков А.А. Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 26–31.

Васильев С.К., Шуньков М.В., Цыбанков А.А. Остатки крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (материалы 2009–2010 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 28–32.

Верещагин Н.К. О прежнем распространении некоторых копытных в районе смыкания европейско-казахстанских и центральноазиатских степей // Зоол. журн. – 1956. – Т. 35. – Вып. 10. – С. 1541–1553.

Европейская и сибирская косуля: систематика, экология, поведение, рациональное использование и охрана. – М.: Наука, 1992. – 399 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

П.В. Волков

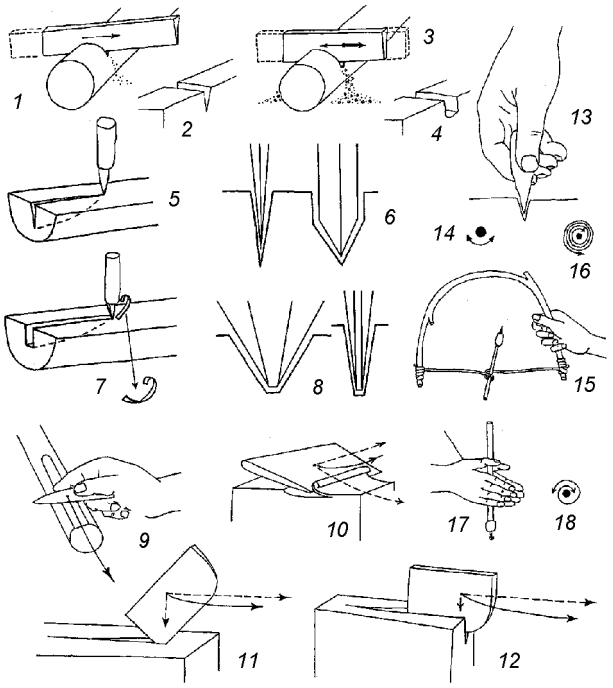
Институт археологии и этнографии СО РАН

ИНСТРУМЕНТАРИЙ СКУЛЬПТОРА С ПОСЕЛЕНИЯ МАЛЬТА*

Трасологический и технологический анализ скульптурных изображений с поселения Мальта из коллекции Эрмитажа позволил определить набор орудий, использовавшихся древними мастерами при формировании своих изделий. Установлено, что в работе, в качестве основных использовались следующие инструменты: пилки, строгальные ножи, скобели, провертки, развертки, резчики и резцы. Для взаимопонимания терминологии, используемой в экспериментальной археологии и в морфологии, следует определить некоторые специфические детали.

Пила и нож, при работе с таким материалом как бивень, близки в своей кинематике. Рабочее движение ножа, как правило, однонаправленное (см. *рисунок*, *1*). Рабочее движение пилы и возвратное, и поступательное (см. *рисунок*, *3*). Различны и следы, оставляемые ножом и пилой в обрабатываемом материале (см. *рисунок*, *2, 4*). Легко заметить, что нож в процессе работы как бы расчленяет материал. Пила производит удаление обрабатываемого материала в виде опилок. Рассмотрение особенностей рабочих краев ножа и пилы показывает, что негативы микровыкрошенности действуют в работе практически как ряд неправильных микрорезцов, вынимающих из обрабатываемого материала его часть. Ножи в работе, как правило, часто совершают движение по относительно сложной траектории. Пила – по более простой. При всей универсальности такого инструмента как нож, основные его функции – резание, строгание и тесание. На иллюстрациях схематично показаны основные процессы работы ножом относительно обрабатываемого материала в таких процессах как тесание и строгание (см. *рисунок*, *9, 10*). Важно отметить, что при строгании, в отличие от тесания, отсутствует рабочее движение инструмента «на себя». Строгание производится одновременными усилиями, прилагаемыми в двух направлениях. Иначе говоря, процесс строгания сочетает движения орудия, характерные и для резания, и для тесания.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00070.



Технологические схемы использования инструментария на поселении Мальта.

Пилы на Мальте использовались на самом первом этапе работы скульптора. С помощью инструментов такого типа производилось отделение заготовки от более крупных фрагментов бивня мамонта.

Строгальным ножом производилась черновая формировка скульптурного изображения (прорезь плеч, шей, бедер и других «контурных» деталей антропоморфной фигуры).

Разрезание материала на Мальте производилась и таким инструментом как резчик. В отличие от ножа (см. *рисунок*, *12*), у резчика при непосредственном контакте с материалом участвует более короткая часть инструмента (см. *рисунок*, *11*). Режущая часть орудия атакует поверхность материала под углом заметно более тупым, чем при работе ножом. Следовательно, резчик более удобен для расчленения материала по сложной траектории. Резчиком было сподручнее производить раскройку шкур, делать замысловатую разметку орнамента на кости, роге и т.п. Фактически резчик подобен резцу и ножу одновременно. В процессе изнашивания резчик, по мере выкрашивания его рабочего участка, превращается в резец. Таковая особенность его утилизации детально прослежена по следам обработки поверхности изделий из органических материалов Мальты.

Если отличие резчика от ножа очевидно, то его отличие от резца требует более детального объяснения. При всем многообразии, у изделий этого типа есть черта, всех их объединяющая. Сопоставим резец и резчик.

Резчик (см. *рисунок*, *5, 6*) подобно ножу *расчленяет* обрабатываемый материал. Резец же производит удаление, *выемку* части материала (см. *рисунок*, *7, 8*) часто в виде стружки. При работе резчиком по краям образующегося канала-углубления происходит уплотнение обрабатываемого сырья. После аналогичного прохода резца плотность по всему объему материала остается практически прежней. Отличаются и следы, оставляемые в материале от работы резца и резчика. Резец благодаря «затупленному» рабочему участку значительно прочнее резчика, не столь глубоко проникает при работе в толщу обрабатываемого материала. Резец имеет более стабильное положение при рабочем ходе. Резчик же более «верток», а следовательно, более хрупок. Резец можно легко «подточить» подправкой (снятием новой фасетки). Резчик же после ретуширования его рабочего края превращается фактически в плохой резец. Орудие теряет свое основное преимущество (эффективно расчленять) и начинает приобретать качество резца (удалять при работе частицы обрабатываемого материала).

Резчики и резцы на Мальте использовались для проработки деталей скульптур (груди, рук, внутренней стороны бедер и т.п.). Резцы с относительно небольшим рабочим краем использовались при декорировании статуэток и проработке деталей лица женских изображений, аксессуаров одежды.

Провертка (см. *рисунок*, *13*) – ручной инструмент и удерживалась таким образом, что ее рабочий ход по окружности всегда меньше 180 градусов (см. *рисунок*, *14*). Образуемое инструментом углубление имеет, как правило, коническую форму. Сверло (см. *рисунок*, *15, 17*) отличает от провертки прежде всего скорость его вращения и угол поворота инструмента вокруг своей оси (см. *рисунок*, *16, 18*). Каменная часть инструмента является лишь небольшой частью сложной конструкции сверла, а его разворот в ходе работы всегда значительно больше 180 градусов. Работа ручным сверлом заметно эффективнее работы провертки Основная часть орудия испытывает большие нагрузки. Иными по сравнению с проверткой выглядят морфологические признаки изделия. Отличается, соответственно, след, оставляемый им в обрабатываемом материале. Сверло способно вырабатывать сравнительно удлиненные отверстия, формой приближающиеся к цилиндру.

Следы работы именно проверткой чаще всего отмечались на артефактах Мальты в зоне формировании древним мастером отверстий в районе голени женских статуэток и, в отдельных случаях – элементов декорирования. Развертка – орудия для расширения уже имеющихся отверстий применялась на Мальте для развальцовки края канала предшествующего сверления.

Скобель – орудие, во многом напоминающее скребок. По форме скобели могут самыми разнообразными и изготавливаться на самых различных заготовках. Общим же для всех инструментов является их скребковая кинематика и назначение – обработка поверхности сравнительно твердых материалов. Следует помнить и о некоторой особенности работы отдельных типов скобелей: если движение скребкового орудия всегда

односторонне направленное, то скобели испытывают нагрузку при поступательном и иногда – при возвратном движении.

Скобель, при обработке органических материалов поселения Мальта, применяли для уплощения выпуклых или неровных поверхностей, выскабливания желобов и т.п. работ.

В целом инструментарий Мальты можно охарактеризовать, сопоставив его с набором позднепалеолитических орудий, применявшихся при ювелирных работах в Денисовой пещере [Деревянко и др., 2008], как сравнительно простой. Короток и перечень действий мастера Мальты: пиление, строгание, резьба, скобление, ручное сверление (завершала работу – шлифовка изделий на относительно мелкозернистом абразиве).

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–25.

П.В. Волков[1], Л.В. Лбова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОФОРМЛЕНИЯ ОРНИТОМОРФНОЙ СКУЛЬПТУРЫ ИЗ МАЛЬТИНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ*

Изучение палеолитического искусства в целом с позиций стилистического анализа большинством исследователей в последние десятилетия признается занятием крайне сложным и малопродуктивным [Филиппов, 2005; Первобытное искусство…, 1998; и др.]. Тем не менее стилистические особенности остаются основой многих классификационных построений палеолитического мобильного искусства. Нам более близка точка зрения о том, что стилистическим признаком считается не определенный фрагмент или деталь изображения, а общая характеристика, технологическая закономерность изготовления изучаемого предмета (прием художественного выражения, реалистичность/схематичность и т.д.). Рассматривая технологию (различные технические приемы, инструменты, свойства материала, мастерство автора) как способ стилистической специфики, мы намеренно разграничиваем это направление исследований и характеристики символического содержания, знаковых интерпретационных построений и реконструкции моделей мировоззрения.

Акцентируя внимание на технологическом аспекте изготовления предметов мобильного искусства из бивня и рога мальтинской коллекции, нам удалось выявить несколько специфических приемов подготовки формы, ее моделирования, декорирования и использования. Интерес к коллекции резного бивня обусловлен и тем обстоятельством, что с момента своего открытия и до сегодняшнего дня Мальта «в общесибирской и евразийской верхнепалеолитической тематике стабильно занимает позицию реперного местонахождения в глобальных и региональных интерпретациях возраста, развития технологий, социальных реконструкций верхнепалеолитического общества» [Липнина, 2002, с. 3].

Информационный статус орнитоморфной скульптуры, определенный планиграфической позицией, взаимосвязью с антропоморфной пластикой, определенный способ крепления, вероятно к одежде, характеризуют общий семантический контекст этой группы [Там же; Шмидт,

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-21-08002; при поддержке Минобрнауки РФ, Соглашение № 14.B37.21.0007.

2008]. М.М. Герасимов отмечает планиграфическую приуроченность большинства фигурок птиц «в местах огороженных плитами, в специально отведенном для них пространстве» [1931]. Среди материалов из раскопок 1928–1937 гг., 1956–1958 гг., хранящихся в Государственном Эрмитаже, нами были изучены семь предметов орнитоморфной скульптуры.

Исследования проводились с помощью бинокулярного микроскопа, результаты фиксировались макрофотосъемкой. При описании технологических приемов и использованного инструментария применялась терминология, разработанная на основе экспериментально-трасологических и технологических исследований [Волков, 2013].

Скульптура 1. Инв. № 370/739. Изображение птицы с подпрямоугольными туловом, вытянутой шеей, пропорциональной каплевидной головой и слабовыраженными, короткими округлыми крыльями. Общая длина изделия 11,8 см, ширина крыла 2,31 см. В хвостовой части наблюдаются контуры небольших лапок. Сохранность изделия сравнительно хорошая. При микроскопическом обследовании поверхности артефакта были отмечены следы формообразующего скобления, резьбы, шлифовки и полировки. Следы скобления хорошо просматриваются и на верхней части скульптуры в районе шеи и верхней части туловища птицы в виде характерных параллельных линий. Следы резания ножом хорошо прослеживаются на участках оформления хвоста и лапок скульптуры. Отверстие на скульптуре выполнено с помощью двустороннего сверления проверткой, обломано. Следы шлифовки лучше всего сохранилась на голове, спине и груди птицы.

Скульптуры 2, 3. Инв. № 370/740, 370/741. Изображение птиц в полете, с хорошо выраженными развернутыми крыльями, но укороченных пропорций. Для обеих фигурок характерна вытянутая прямая шея, довольно крупная каплевидная выпуклая головка, в одном случае отделенная от шеи нарезкой. Крылья имеют округлую форму, хорошо профилированы и выразительно отделены от округлого, бочонкообразного туловища. Длина изделий в пределах 10–11 см, головка 1,5 см, крылья 2,0–2,5 см. Со стороны брюшка подчеркнут округлый выпуклый живот птицы, выделены лапки. В нижней части имеется крупное отверстие. Изделия имеют среднюю сохранность, но поверхность скульптур в значительной мере разрушена дендритами. Наблюдаются следы патинизации бивня в области головы, шеи, частично на крыльях и брюшке. Тем не менее при микроскопическом обследовании удалось установить, что при обработке поверхности изделий использовался ряд инструментов, следы работы которых оставили характерные, достаточно хорошо идентифицируемы признаки их использования.

Лапки на скульптурах прорезаны резчиком. На поверхности артефактов фрагментарно прослеживаются следы скобления в виде продольных длинных линий, особенно хорошо заметные в зоне шеи. На скульптуре сохранились фрагментарные следы шлифовки-полировки, заметные на поверхности головки птицы. В верхней части скульптур, в области головы,

зафиксированы следы работы строгальным ножом и резчиком, оформляющим зону сопряжения головы и шеи скульптурного изображения. Формообразование изделия в целом производилось с помощью строгального ножа и скобления. Строгальным ножом произведено и уплощение площадки (под хвостом), ставшим место начала формирования отверстия подвески. Сверление – двустороннее, проверткой, с последующим расширением отверстия с обеих сторон с помощью развертки.

Скульптура 4. Инв. № 370/742. Изображение сравнительно небольшой птицы, с вытянутой шей, ромбовидной непропорционально крупной головкой и практически квадратными укороченными крыльями. Общая длина предмета 8 см, длина головки при этом 1,5 см. Тело имеет прямоугольные очертания, как и крылья. В нижней части выделены лапки, округлый живот и спинка. Отверстие довольно крупное для небольшого предмета.

Сохранность изделия хорошая. На поверхности артефакта прослеживаются следы работы различных инструментов. При формообразовании использовался строгальный нож (следы его воздействия отмечены в зоне шеи у головы птицы), скобель (шея и туловище), резчик (проработка контуров нижней части туловища). Отверстие для подвески изделия выполнено разверткой путем двустороннего сверления. На заключительном этапе работы со скульптурой была проведена ее шлифовка на мелкозернистом абразиве. Поверхность артефакта почти полностью покрыта следами полировки, что может быть следствием как намеренной работы, осуществленной в ходе его изготовления, так и результатом длительного контакта с мягким органическим материалом (кожа, шкура) во время его использования в качестве подвески.

*Скульптура 3. Инв. № 370/743.*Изображение небольшой птички, длина которой почти в два раза меньше «стандартных» изображений. Шея вытянута, головка ромбообразная, крылья слабо профилированы, туловище округлое. Сохранность изделия относительно хорошая. Микроскопический анализ его поверхности позволил, без особых трудностей, определить использованный при его изготовлении инструментарий. В работе с артефактом использовался скобель, провертка, резчик, шлифовальные абразивы. Сверление проверткой производилось с двух сторон, но не было завершено (сквозного отверстия не образовалось). Для формирования рельефа скульптуры, в качестве основного рабочего инструмента, использовался скобель. Попытка оформить лапки со стороны спины скульптуры птицы резчиком – не оставила выразительных следов.

Скульптура 4. Инв. № 370/768. Фигурка птицы типа полярной куропатки, с петелькой, выступающей в средней части спины. Хорошо профилирована удлиненная головка с довольно мощным клювом. Шея коротка, сильно выгнута. Тело округлое, крылья практически не выражены, слегка отделены от туловища. Хвостовая часть короткая, но хорошо смоделирована, загнута вверх. Ближе к хвостовой части выполнена пе-

телька. Сохранность поверхности изделия относительно плохая (поверхность сильно заглажена, со стороны спинки испещрена дендритами). В районе шеи и хвостовой части скульптуры птицы хорошо видны следы работы строгальным ножом. Характер и инструмент сверления в петельке для подвешивания не диагностируется. Борта канала, формирующие лапы птицы с внутренней стороны, подработаны резчиком. Плоскость хвоста (в зоне формирования отверстия) уплощена с помощью строгального ножа и скобления. На правом боку скульптуры птицы, со стороны спины видны следы скобления. Вероятно, что именно скобель был основным инструментом, использовавшимся при формообразовании артефакта.

Скульптура 5. Инв. № 1407/255. Изделие небольших размеров (длина 5,1 см), с небольшим округлым выступом в зоне крыльев. Головка небольшая, шея вытянутая. Сохранность изделия средняя. Следы скобления на поверхности скульптуры отмечены на спине и на шее птицы. На голове хорошо прослеживаются следы полировки. Следы сверления отверстия для подвески отмечаются с двух противоположных сторон, сверление выполнено проверткой. Отмечены следы развальцовки краев канала сверления. Использованный инструментарий – провертка, резчик, резец, строгальный нож, скобель, шлифовальные абразивы.

Обобщая данные о технологии изготовления скульптурных изображений птиц мальтинской коллекции, следует отметить определенную закономерность и характерный стандарт в их изготовлении. Основными инструментами, использовавшимися при работе с изученными артефактами, являлись: строгальный нож, скобель, резчик (в единичном случае – резец), провертка-развертка и абразивы для шлифовки.

Судя по комплексу выявленных следов, на первом этапе работы с сырьем использовался строгальный нож. С его помощью формировались контуры и основные элементы скульптур (голова, шея, туловище и крылья птиц). Скобелем сглаживались неровности, оставшиеся от работы ножом, и формировалась большая часть наблюдаемой сейчас поверхности изделий. После этого, с помощью резчика, производилось проработка деталей (лапки, брюшко). В большинстве случаев наблюдается двустороннее сверление отверстия разверткой, для вероятной подвески, которое производилось на заключительном этапе работы скульптора. Шлифовка изделий завершала работу мастера. Полировка поверхности отмечена единично.

В археологическом изучении палеолитического искусства технологическая характеристика контекста памятника, его инвентарного комплекса и орудийного набора в определенной степени позволяет уловить культурные, хронологические и иные различия. Отчетливо сформировалась тенденция и характеристика через «изобразительную культуру» вариантов выражения символической деятельности, которые могут быть связаны не только с конкретными группами населения, но и, не исключено, с различными филогенетическими истоками.

Список литературы

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 416 с.

Герасимов М.М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 г. – Иркутск: Власть труда, 1931. – 34 с.

Липнина Е.А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 24 с.

Первобытное искусство (проблема происхождения) / ред. Я.А. Шер. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1998. – 211с.

Филиппов А.К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. – СПб.: Сохранение природы и культурного наследия, 2005. – 224 с.

Шмидт И.В. Об одной забытой гипотезе и возможностях ее развития (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1. – С. 109–114.

А.П. Деревянко[1], Л. Булатович[2],
К.К. Павленок[1], А.В. Кандыба[1], М.Б. Козликин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Музей и галерея Подгорицы

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ СТОЯНКИ БИОЧЕ, ЧЕРНОГОРИЯ (по материалам раскопок в 2013 году)

В 2013 г. было продолжено мультидисциплинарное исследование опорного памятника региона – стоянки Биоче. Целью данных изысканий является уточнение схемы развития культур каменного века на восточном побережье Адриатического моря. Артефактные наборы скальных навесов Биоче и Црвена Стена (слои 11–18) в Черногории, как и материалы стоянки Муйна Печена в Далмации (Хорватия), традиционно относились к микромустьерскому технокомплексу, характеризующему финальную стадию среднего палеолита региона. Ему присущи доминирование отщеповой леваллуазкой техники и преобладание мелких скребел, мустьерских остриев, рокклетов и скребков в орудийном наборе [Црвена Стијена, 1975; Bakovic et al., 2008; Karavanić, 2007]. Поскольку это время совпадает с последними этапами неандертальского заселения Европы и последующим переходом к верхнему палеолиту, потребовалась дополнительная оценка правомерности объединения комплексов в единую группу на основе комплексного анализа новых четко стратифицированных коллекций.

Как уже отмечалось ранее [Деревянко и др., 2010; 2011; 2012], состав коллекций каменных артефактов стоянки Биоче, полученных в ходе работ российско-черногорской экспедиции в 2010–2012 гг. на участке с непотревоженной стратиграфией отложений, не в полной мере соответствует устоявшимся представлениям. Основные отличия выражаются в небольшой роли леваллуазской техники, присутствии верхнепалеолитических типов орудий и нуклеусов (преимущественно в коллекции литологического слоя 1). Была поставлена под сомнение и правомерность тезиса о полном технико-типологическом сходстве индустрий всех слоев Биоче.

Анализ коллекции слоя 3 из раскопок 2013 г. дает основания для выделения нового технокомплекса, отображающего эпизод заселения стоянки коллективом с технологически отличным материальным ансамблем.

Набор нуклевидных изделий насчитывает 16 экз. Состав этой категории отображает основные этапы первичного расщепления от подготовки преформ до заключительного ситуативного расщепления: пренуклеусы – 2 экз.; леваллуазские нуклеусы – 3 экз.; продольный нуклеус;

поперечные нуклеусы – 3 экз.; ортогональный нуклеус; радиальные нуклеусы – 3 экз.; бессистемный нуклеус; истощенный нуклеус; нуклевидный обломок. Все ядрища на момент прекращения утилизации использовались для изготовления отщепов. Отметим морфологические особенности некоторых изделий. Один из пренуклеусов представлен крупной галькой с подготовленным двусторонними сколами ребром вдоль одной из продольных сторон (рис. 1, *1*). После его оформления была подготовлена ударная площадка, но реберчатое снятие реализовано не было. Все три леваллуазских нуклеуса средних размеров, сильно уплощенные, выполнены на гальках сургучного и серо-зеленого кремня (2 экз.). Ядрища обладают выпуклыми фасетированными ударными площадками и демонстрируют присущую леваллуазской технологии цикличность: подготовленная мелкими центростремительными сколами выпуклость была удалена одним-двумя сколами с основной площадки, и без повторной подготовки расщепление фронта было невозможным (рис. 1, *2–4*). Остальные нуклеусы маркируют устойчивые для индустрии Биоче схемы расщепления (рис. 1, *5–7*). Однако примечательно, что в одном комплексе присутствуют тщательно подготовленные леваллуазские ядрища для отщепов и преформа с подготовленным ребром на поверхности предполагаемого фронта.

Наиболее показательными среди технических сколов индустрии являются четко идентифицированные сколы подправки ударной площадки (3 экз.) (рис. 1, *8–10*) и единственный экземпляр реберчатого скола (рис. 1, *11*). Наличие данных форм говорит о достаточно высоком (по меркам регионального среднего палеолита) уровне древних мастеров в области использования приемов подправки площадочных нуклеусов и подготовки ребер на фронте. Коллекцию дополняют 3 экз. массивных краевых сколов, маркирующих ранний этап подготовки речных галек к нуклеарному расщеплению.

В индустрии сколов, представленной в основном отщепами, присутствует серия достаточно крупных, чаще продольно ограненных пластин (31 экз.) (рис. 1, *12–15*). Особо примечательны пластины из экзотического мелкозернистого кремня высокого качества с фасетированными ударными площадками (рис. 1, *16, 17*). Часть удлиненных заготовок получена с помощью краевого скалывания, на что указывает наличие линейных ударных площадок с миниатюрными ударными бугорками. Таким образом, состав категорий первичного расщепления говорит о присутствии двух четких компонентов – отщепового и пластинчатого.

Орудийный набор индустрии слоя насчитывает 38 экз. Совершенно нетипичную для традиционного облика индустрии стоянки морфологию имеют удлиненные острия – 4 экз. (рис. 2, *1–4*), для оформления которых выбирались крупные пластины. Соотношение значений длины и ширины целых изделий составляет около 1:3. При этом в индустрии слоя не присутствуют нуклеусы для получения удлиненных заготовок столь крупных размеров, что указывает на возможность их транспортировки на территорию стоянки в уже полностью законченном виде. Для оформ-

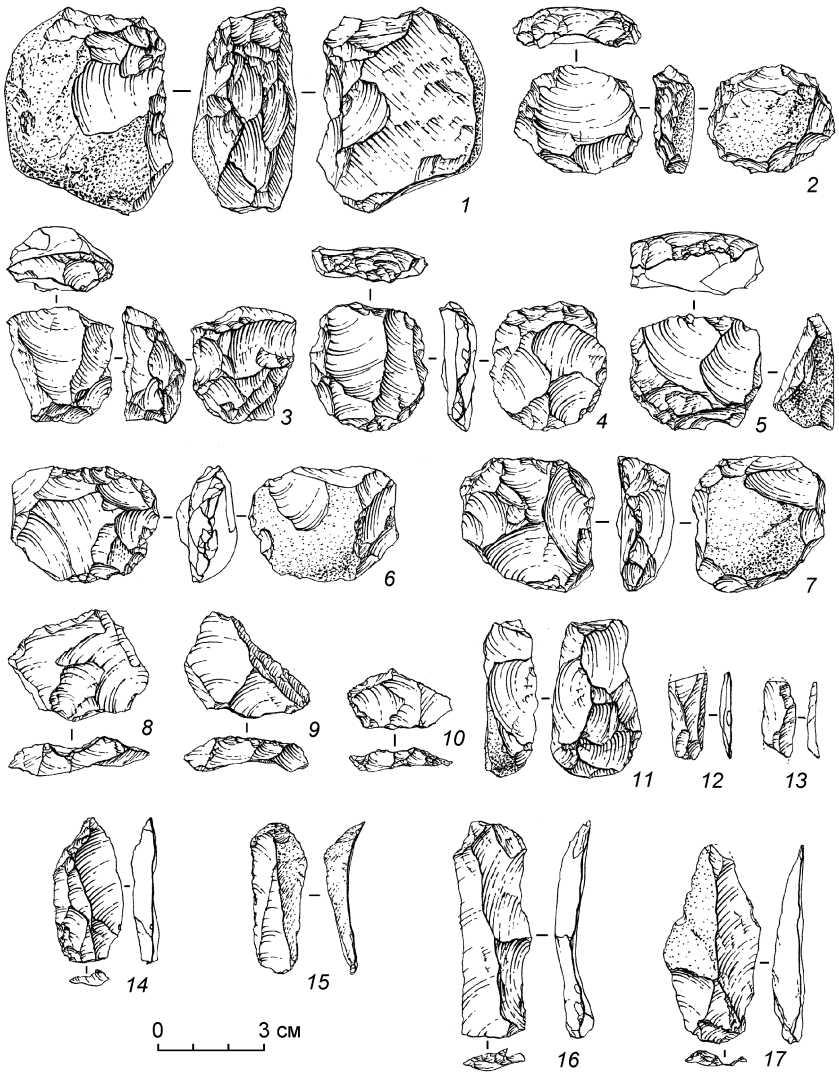


Рис. 1. Каменный инвентарь из слоя 3 скального навеса Биоче.
1–7 – нуклеусы; *8–11* – технические сколы; *12–17* – пластины.

ления орудий использовалась мелкая крутая и отвесная краевая ретушь. На некоторых участках, которые изначально нарушали симметрию предмета, подработка имеет более интенсивный характер. В двух случаях место сопряжения обработанных участков идеально совпадает с технологической осью предмета.

Ретушированные пластины – 3 экз. (рис. 2, *5–7*). Особого внимания заслуживает крупная ретуширование пластина на экзотическом мелко-

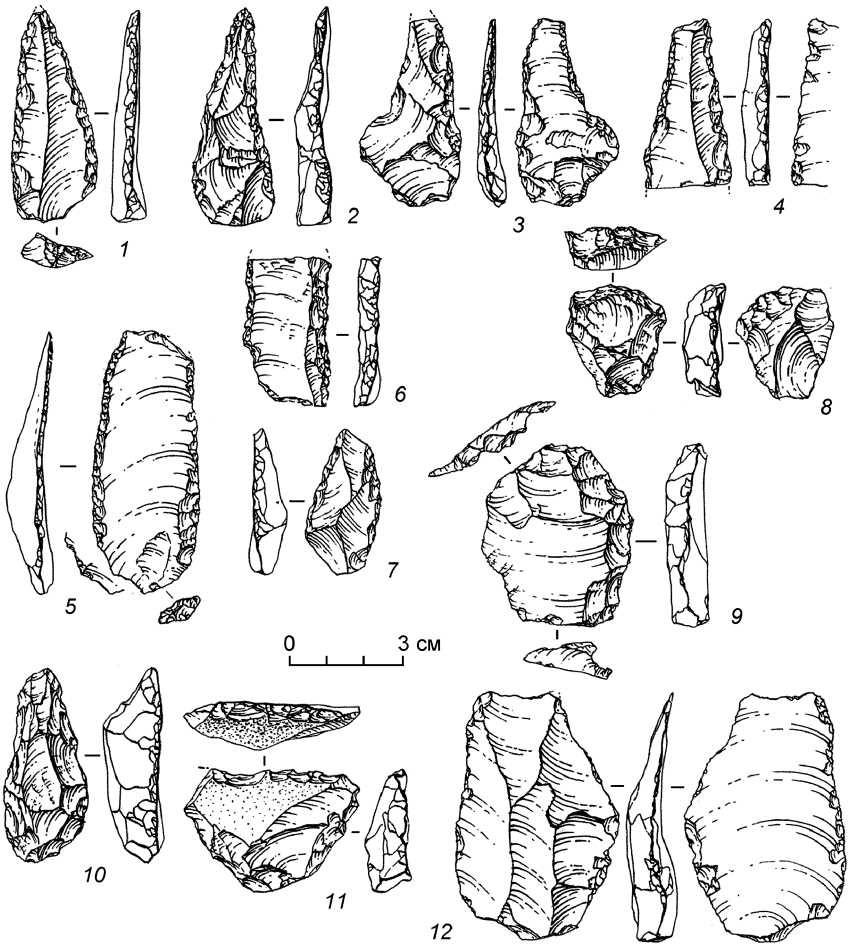


Рис. 2. Каменный инвентарь из слоя 3 скального навеса Биоче.
1–4 – удлиненные острия; *5–7* – пластины с ретушью; *8* – скребок; *9* – тронкированно-фасетированное орудие; *10* – лимас; *11* – скребло; *12* – отщеп с ретушью.

зернистом сером кремне. Она имеет тщательную подработку двух продольных краев постоянной мелкой вентральной чешуйчатой ретушью. В дистальной зоне заготовки по правому продольному краю аналогичная обработка фиксируются и на дорсальной поверхности. Отметим несовпадение морфологической и технологической осей предмета. Второе изделие представлено проксимально-медиальным фрагментом. Оба продольных края обработаны дорсальный ретушью со схожими характеристиками. Последнее орудие небольшого размера по характеру вторичной обработки (постоянная дорсальная ретушь с глубокими заломами) больше соответствует общему облику инструментария стоянки.

Мелкий концевой скребок с вентральным утончением – 1 экз. (рис. 2, *8*). Изготовлен из мелкозернистого кремневого сырья высокого качества. На вентральной поверхности заготовки читаются фасетки уплощающих сколов, проведенных с продольных краев и дистального окончания изделия. Скребковое лезвие расположено в дистальной части предмета и подготовлено постоянной дорсальной крутой краевой чешуйчатой ретушью. Второй скребок с ретушью на 3/4 периметра, также из экзотического серого кремня, представлен во фрагментированном состоянии.

Продольные прямые ножи – 2 экз. В обоих случаях ретушью обработан левый продольный край заготовок с пропорциями отщепов. Ретушь постоянная дорсальная полукрутая краевая чешуйчатая.

Присутствует одно тронкированно-фасетированное изделие (рис. 2, *9*), продольный край которого с помощью нескольких крупных сколов преобразован в ударной площадку. С нее проводились мелкие снятия на вентральную поверхность.

В коллекции содержится единственный лимас (рис. 2, *10*). Подобные орудия являются одним из руководящих типов в индустрии стоянки Биоче. Изделие по периметру обработано мелкими сколами фасонажа и фасетками разноразмерной отвесной ретуши, которые и определили характерную форму предмета.

Дополняют категорию типологически выраженных изделий семь продольных скребел, из которых четыре имеют выпуклые рабочие участки. Выделяется два фрагмента орудий, лезвия которых подготовлены постоянной дорсальной крутой захватывающей многорядной чешуйчатой ретушью. В остальных случаях ретушь одно- или двухрядная и в целом менее тщательная. Двойное скребло дежете (рис. 2, *11*) имеет средние размеры, обработанные участки несут фасетки постоянной крутой краевой чешуйчатой ретуши.

Категория сколов с нерегулярной ретушью в настоящей выборке насчитывает 17 экз. Преобладают отщепы с дорсальной ретушью на продольном крае и распространенной на 3/4 части периметра. На общем фоне выделяются три изделия с фасетками прерывистой вентральной (рис. 2, *12*) и бифасиальной (2 экз.) ретуши.

Таким образом, состав орудийного набора позволяет заключить, что слой 3 содержит как традиционные для индустрии элементы, включая руководящие формы артефактов (продольные однолезвийные скребла, лимас), так и совершенно экзотический археологический материал, который демонстрирует другой, более высокий (в традиционном понимании) уровень развития технологии. Об этом говорит изготовление крупных пластин из экзотического кремневого сырья и преобразование их в орудия (удлиненные остроконечники, ретушированные пластины), в т.ч. с помощью легкой краевой ретуши. Полученные результаты указывают на существование культурно-хронологической изменчивости комплексов на микромустьерских памятниках Черногории и в целом более сложный характер исторических событий в эпоху финального мустье.

Список литературы

Деревянко А.П., Булатович Л., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Кривошапкин А.И., Бакович М. Исследования скального навеса Биоче (Черногория) в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 52–57.

Деревянко А.П., Булатович Л., Бакович М., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В. Исследование скального навеса Биоче (Черногория) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 34–40.

Деревянко А.П., Булатович Л., Бакович М., Агаджанян А.К., Вислобокова И.А., Павленок К.К., Кандыба А.В., Чеха А.М. Исследование скального навеса Биоче (Черногория) в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 46–50.

Црвена Стијена. Зборник радова. – Никшић, 1975.

Bakovic M., Mihailovic B., Mihailovic D., Morley M., Vusovic-Lucic Z., Whallon R., Woodward J. Crvena Stijena excavations 2004–2006, preliminary report // Eurasian Prehistory. – 2008. – Vol. 6 (1/2). – P. 3–31.

Karavanić I. Le Moustérien en Croatie // L'Anthropologie. – 2007. – Vol. 111. – P. 321–345.

А.П. Деревянко[1], У.И. Исламов[2], К.К. Павленок[1], С.В. Шнайдер[1], Е.П. Рыбин[1], Г.Д. Павленок[1], А. Раджабов[2], С.Ю. Лазарев[3], Г.А. Мухтаров[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии АН РУз
[3]Томский государственный университет
[4]Ташкентский областной государственный педагогический институт

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК (УЗБЕКИСТАН) В 2013 ГОДУ*

В полевом сезоне 2013 г. продолжены исследования стоянки Кульбулак (Ташкентская обл., Узбекистан) силами международной экспедиции, организованной ИАЭТ СО РАН и ИА АН РУз (г. Самарканд, Узбекистан). Целью раскопок являлось комплексное изучение литологических слоев 4–11 стоянки. Ранее данные подразделения изучались в рамках изысканий М.Р. Касымова. Согласно мнению исследователя, на этом уровне залегали восемь средне- и два позднемустьерских слоя, в которых появляются объемные нуклеусы для удлиненных заготовок. Типологический облик инструментария определялся разнообразными скреблами и скребками с зубчатой ретушью [Касымов, 1990].

Позже, с 2007 по 2010 г., международной российско-узбекской экспедицией данные слои изучались исключительно в формате зачистки, и археологический материал выявлен не был.

Общая площадь, вскрытая раскопом 2013 г., составила 10 м^2. Описание стратиграфии разреза стоянки (составлено магистрантом ТГУ С.Ю. Лазаревым) представлено сверху вниз (рис. 1).

Слой 4. Светло-коричневая супесь с щебнистыми включениями (20 %), представленными андезит-порфирами. Сортировка материала отсутствует. Подошва слоя нечеткая, но ясная. Генетическая интерпретация слоя затруднена в силу техногенного нарушения. Мощность слоя 0,1 м.

Слой 5. Глыбово-щебнистые отложения селевого генезиса, щебень представлен андезит-порфирами. Сортировка и окатанность материала отсутствуют. Подошва слоя неровная, четкая. Истинная мощность слоя 0,5 м.

Слой 6. Состоит из трех прослоев.

Прослой 6.1. Светло-коричневая желтоватая супесь с щебнистыми включениями (15–20 %), представленными андезит-порфирами. Сортировка и окатанность материала отсутствуют. Отложения данного слоя

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-01-18011, 12-31-01322), РФФИ (№ 12-06-31235 мол_а, 12-06-33041 мол_а_вед, 13-06-12039 офи_м).

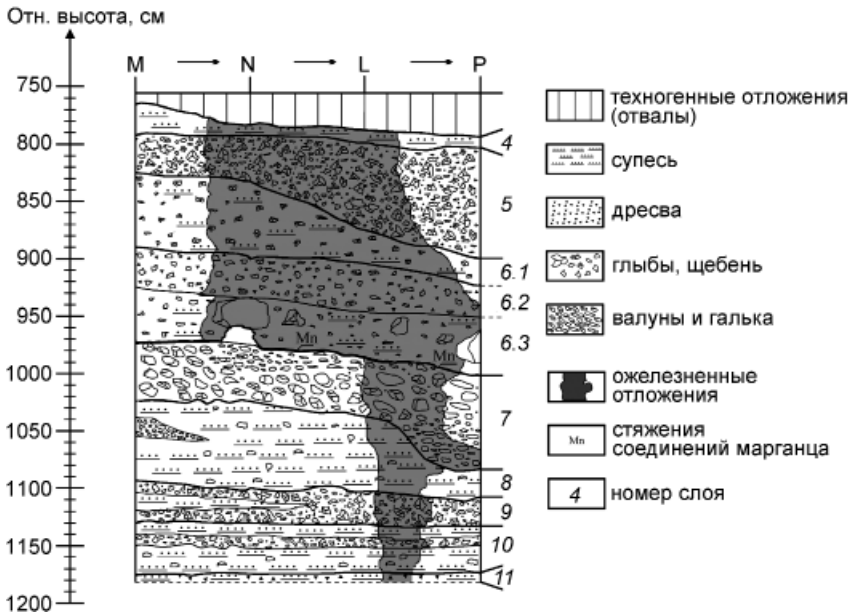


Рис. 1. Стратиграфия северной стенки памятника Кульбулак (раскопки 2013 г.).

приурочены к селевым образованиям. Подошва слоя нечеткая, но ясная. Истинная мощность прослоя от 0,5 м.

Прослой 6.2. Дресвяно-щебнистые отложения селевого генезиса, петрографический состав щебня аналогичен прослою 6.1. Сортировка и окатанность материала отсутствуют. Подошва прослоя неровная, нечеткая, но ясная. Истинная мощность прослоя 0,5 м.

Прослой 6.3. Аналогичен прослою 6.1. В основании прослоя залегают крупные глыбы. Истинная мощность прослоя 0,5 м.

Слой 7. Галечно-щебнистые отложения селевого генезиса, представлены обломками андезит-порфиров (более 80 %) различной степени окатанности. Заполнитель представлен мелко-, средне-, крупнозернистым песком. Сортировка материала отсутствует. Истинная мощность слоя колеблется от 0,45 до 0,7 м.

Слой 8. Светло-коричневая супесь с включениями слабоокатанных галек и андезит-порфиров. В слое отмечена выдержанная линза селевого генезиса мощностью 0,2 м, сложенная щебнем. Генетически отложения слоя приурочены к веерной фации пролювия. Подошва слоя нечеткая, но ясная. Истинная мощность слоя колеблется от 0,5 м до 0,7 м.

Слой 9. Тонкослойчатые отложения, представленные чередованием двух прослоев супеси и трех прослоев дресвяно-щебнистого материала (преимущественно андезит-порфирами). Сортировка материала отсутствует. Отложения слоя приурочены к пролювиальному генетическому типу. Подошва слоя четкая, истинная мощность слоя 0,5 м.

Слой 10. Коричневато-серая массивная супесь, с редкими включениями андезит-порфиров. Отложения генетически интерпретируются как веерная фация пролювия. Подошва нечеткая, но ясная. Истинная мощность слоя 0,4 м.

Слой 11. Светло-коричневые супесно-дресвяные отложения (аналогичны прослоям слоя 9). Отложения приурочены к пролювиальному генетическому типу. Видимая мощность слоя 0,15 м.

Геологический разрез осложнен различными «оплывинами» светло-серого, буро-коричневого и черного цветов, которые являются следствием фильтрации минерализованных растворов.

Наиболее показательные коллекции были найдены в отложениях, генезис которых демонстрирует эпизоды осадконакопления не катастрофического характера (слои 4, 6.1, 6.3, 8 и 10). В слоях 6.2, 7 и 9 археологический материал немногочислен; слой 5 стерилен в археологическом отношении.

Многочисленный археологический материал был обнаружен в слое 4. Коллекция слоя насчитывает 358 экз., большую часть составляют отходы производства (обломки, осколки, чешуйки, отщепы менее 3 см.) – 259 экз. Нуклевидные изделия – 11 экз., представлены типологически определимыми ядрищами (7 экз.), нуклевидными обломками (3 экз.) и заготовкой нуклеуса. Для производства отщепов использовались плоскостные ядрища: бессистемные (2 экз.), ортогональный, поперечный. Нуклеусы для получения заготовок с пропорциями пластинок представлены поперечным (рис. 2, *1*), а также подпризматическим и клиновидным (рис. 2, *5*) нуклеусами.

Технических сколов в коллекции выделено 7 экз.: продольно-краевые сколы – 2 экз., скол продольной подправки фронта, полуреберчатый скол и скол, удаливший основание нуклеуса, сколы ошибок расщепления – 2 экз.

Индустрия сколов представлена отщепами – 60 экз., пластинами – 11 экз. (рис. 2, *2*) и пластинками – 10 экз. Доминирующим типом остаточных ударных площадок сколов являются гладкие, многочисленны двухгранные и многогранные. Огранки сколов свидетельствует о преимущественном использовании приема продольного скалывания. Встречная, конвергентная, центростремительная и ортогональная огранки фиксируется значительно реже.

В коллекции слоя 4 выделяется 279 изделий со следами вторичной модификации, которые изучались в рамках методики, применявшейся для изучения аналогичных изделий в слое 3 Кульбулака [Колобова и др., 2012]. Анализ показал, что ретушь на большей части изделий возникла в результате механического повреждения артефактов в селевом потоке. Тем не менее выделяется серия изделий с преднамеренной вторичной обработкой (15 экз.). Наиболее многочисленную категорию составляют концевые (4 экз.; рис. 2, *3–4*) и боковые скребки (2 экз.). В орудийном ансамбле также выделены пластины с интенсивной ретушью (2 экз.; рис. 2, *6*). Единичными экземплярами представлены тронкированное, шиповид-

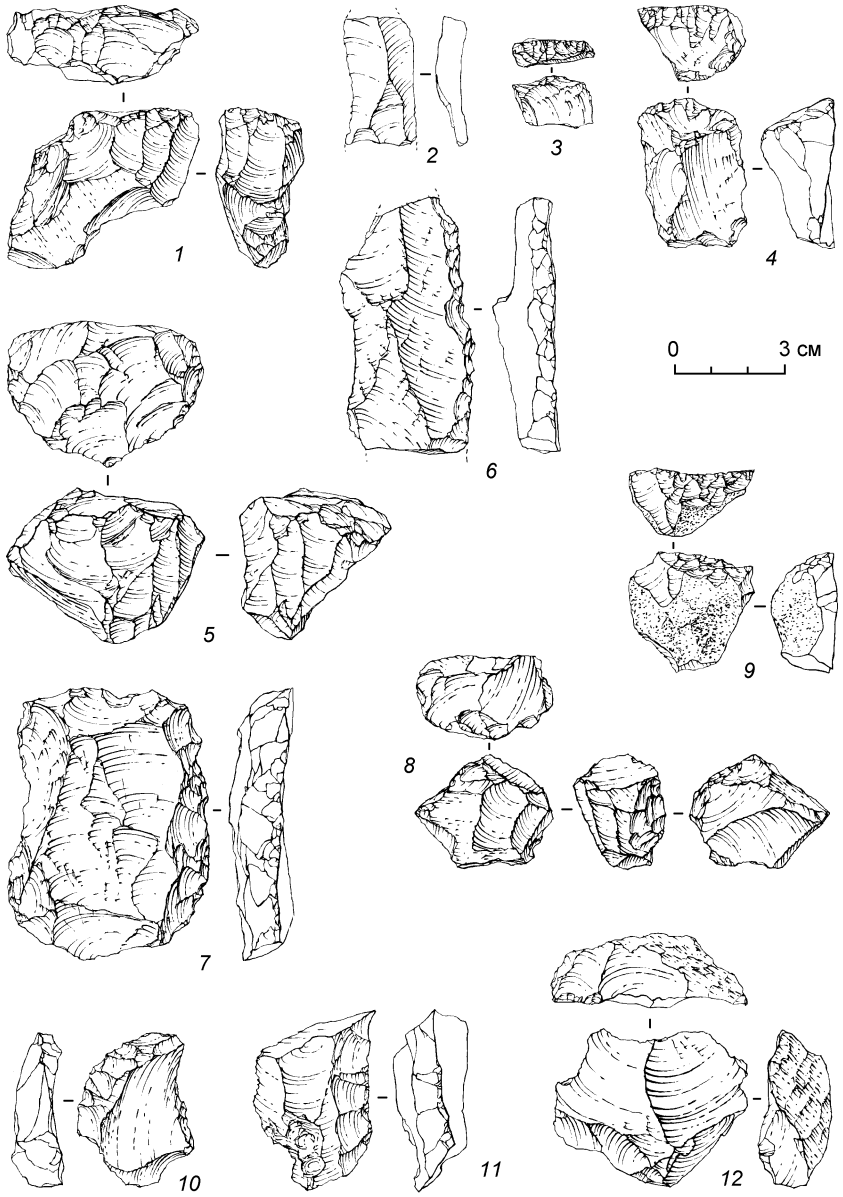


Рис. 2. Каменные изделия стоянки Кульбулак.

1 – поперечный нуклеус (слой 4); *2* – пластина (слой 4); *3*, *4* – концевые скребки (слой 4); *5* – клиновидный нуклеус (слой 4); *6* – пластина с ретушью (слой 4); *7* – скребло (прослой 6.1); *8* – поперечный нуклеус (прослой 6.3); *9* – концевой скребок с шипом (прослой 6.3); *10*, *11* – ножи (слой 8); *12* – ортогональный нуклеус (слой 8).

ное, зубчато-выемчатое, однолезвийное долотовидное орудия, также было выделено двойное продольно-поперечное скребло.

Индустрия прослоя 6.1 насчитывает 27 изделий, большую часть которых составляют отходы производства (13 экз.) и отщепы (10 экз.). В коллекции выделено два нуклеуса для отщепов, изготовленных из кварца. Типологическую принадлежность изделий установить сложно, т.к. они маркируют ситуативное расщепление. Орудийный набор представлен одинарным продольным выпуклым скреблом (рис. 2, *7*).

Немногочисленная коллекция (39 экз.) прослоя 6.2 также представлена в основном отходами производства (27 экз.) и отщепами (8 экз.). В коллекции выделен поперечный нуклеус для отщепов, выполненный из кварца.

Отдельную коллекцию (14 экз.) составили каменные артефакты с площади, где разделить прослои 6.1 и 6.2 было невозможно вследствие действия восходящих источников. Помимо отходов производства (8 экз.) были выделены отщепы (5 экз.) и нуклеус для отщепов, выполненный на кубовидной отдельности кварца.

Индустрия прослоя 6.3 насчитывает 31 экз., большую часть коллекции составляют отходы производства (26 экз.). В коллекции выделен конвергентный поперечный нуклеус для пластинок на отдельности кремневого сырья (рис. 2, *8*). Ядрище претерпело несколько стадий переоформления. Орудийный набор представлен концевым скребком с шипом, выполненный на кремневом массивном первичном отщепе (рис. 2, *9*).

Коллекция слоя 7 (94 экз.) представлена отходами производства (83 экз.) и отщепами (11 экз.).

Индустрия слоя 8 представлена 51 экз., отходы производства насчитывают 44 экз. В коллекции выделено одно ортогональное ядрище для отщепов (рис. 2, *12*). Орудийный набор включает однолезвийные продольные ножи с прямым и выпуклым лезвием (рис. 2, *10–11*). Оба изделия выполнены на кремневом сырье, рабочие участки изделий оформлены дорсальной чешуйчатой распространенной ретушью.

Малочисленная коллекция слоя 9 (13 экз.) представлена отходами производства (8 экз.), отщепами (3 экз.), краевой пластиной и кремневым нуклевидным обломком.

В слое 10 насчитывается 23 изделия, среди которых помимо отходов производства и единичных сколов было выделено три ядрища: продольное для пластин, выполненное на крупном сколе и два ситуационных для отщепов.

Коллекция слоя 11 представлена исключительно отходами производства (7 экз.).

Археологический материал слоев 4–11стоянки Кульбулак на настоящем этапе исследований при отсутствии надежных данных абсолютного датирования можно предварительно отнести к интервалу между переходом от среднего к верхнему палеолиту и развитым верхним палеолитом региона. В разрезе они располагаются между слоем 23, представительная каменная индустрия которого отражает начальный этап оби-рахматской

культуры [Кривошапкин, 2012] со всеми ее характерными признаками, и типично верхнепалеолитическими культурными слоями 2.2 и 2.1 [Колобова и др., 2013]. Наличие нуклеусов для пластинок, сколов с метрическими показателями пластинок и верхнепалеолитического инструментария в виде ножей, концевых и боковых скребков в коллекциях рассматриваемых слоев не противоречит подобной атрибуции.

Благодарности. Коллектив авторов выражает искреннюю признательность председателю махалли Янги-Хайет (г. Ангрен) А. Курбанкулову за неоценимую помощь в организации полевых работ и ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 47 с.

Колобова К.А., Флас Д., Павленок К.К., Кривошапкин А.И., Исламов У.И. К вопросу о выделении фации зубчатого мустье на материалах памятников Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1. – С. 11–24.

Колобова К.А, Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 2–25.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 37 с.

А.П. Деревянко[1], У.И. Исламов[2], К.К. Павленок[1], С.В. Шнайдер[1], К. Шимчак[3], М. Кот[3], А. Раджабов[2], С.Ю. Лазарев[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии АН РУз
[3]Институт археологии, Варшавский университет
[4]Томский государственный университет

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ КАТТАСАЙ (УЗБЕКИСТАН) В 2013 ГОДУ*

В полевом сезоне 2013 г. совместной российско-польско-узбекской экспедицией проводилось археологическое исследование стоянки Каттасай (координаты: N 41,11372°, E 70,09114°; $h_{абс.}$ = 1277 м) в окрестностях г. Янгиабад (Ташкентская обл., Узбекистан), которая была обнаружена в 2006 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН (рис. 1) [Кривошапкин и др., 2006]. Рекогносцировочные зачистки выявили наличие на объекте одного культурного слоя, содержащего серию каменных изделий. Анализ редких артефактов позволил сделать предположение о существовании достаточно развитой традиции получения пластин и предварительно отнести данную коллекцию к рубежу среднего и верхнего палеолита – одному из наименее изученных периодов в древнейшей истории Узбекистана.

Местонахождение приурочено к юго-западной части небольшой пологой вершины, расположенной на слиянии двух небольших рек – Каттасая и Дукент-Сая. Общая площадь, вскрытая раскопом 2013 г., составила 18 кв. м. Описание стратиграфии разреза стоянки (составлено магистрантом ТГУ С.Ю. Лазаревым) представлено сверху вниз от дневной поверхности (рис. 2).

Слой 0. Серая супесь. Современный почвенный горизонт с трещиноватой текстурой. Слой разбит корнями растений. Истинная мощность 0,15 м.

Слой 1. Светло-серая супесь с рыхлой, трещиноватой текстурой за счет усыхания и распространения корневой системы растений. Истинная мощность 0,5 м. Подошва четкая, возможно со свидетельствами техногенных нарушений.

Слой 2. Состоит из двух прослоев.

Прослой 2а. Светло-серая алевритовая супесь с трещиноватой, местами массивной, пористой текстурой. Поверхность напластования между прослоями нечеткая, но ясная. Истинная мощность 0,2 м.

---

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-01-18011, 12-31-01322), РФФИ (№ 12-06-31235 мол_а, 12-06-33041 мол_а_вед, 13-06-12039 офи_м); OPUS3 grant № 2011/03/B/HS3/00473 financed by NCN in Poland.

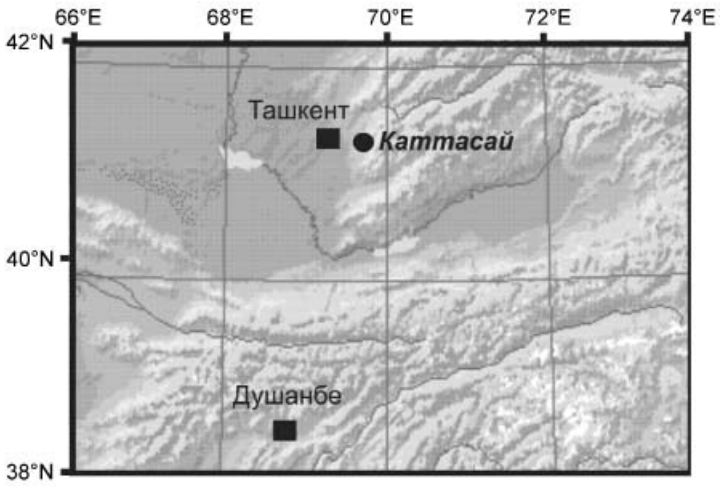


Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Каттасай.

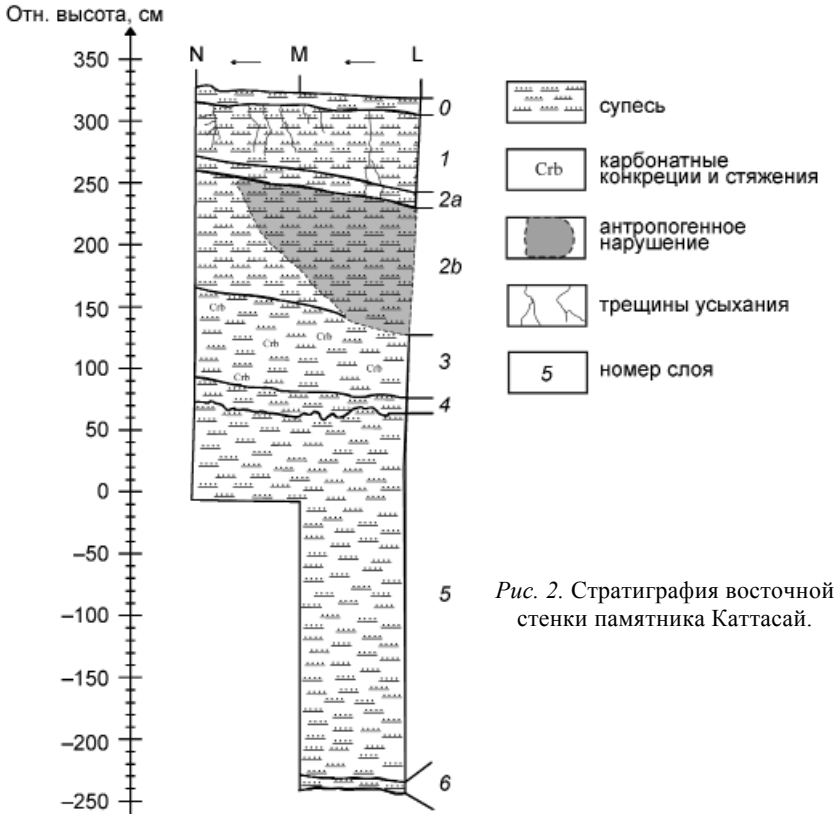


Рис. 2. Стратиграфия восточной стенки памятника Каттасай.

Прослой 2b. Светло-серая с коричневатым оттенком супесь с трещиноватой, комковатой текстурой. Состоит из супесных окатышей и редких обломков гранитов размером от 0,5 до 3 мм. Встречаются глыбы величиной до 4×5×10 см, представленные красноватым среднезернистым гранитом. Отложения осложнены ходами землероев и насекомых размерами от 2 до 10 мм, а также понор – от 3 до 6 см, заполненных светло-серой рыхлой супесью. Истинная мощность варьирует от 0,6 до 1,1 м, в среднем 0,7 м. Подошва слоя неровная, волнистая, нечеткая, но ясная, вероятно с размывом.

Слой 3. Светло-серая, с коричневатым оттенком супесь с включениями карбонатных конкреций. Текстура трещиноватая, вкрапленная, фрагментарно пористая. Значительную часть составляют белые карбонатные конкреции размером от 1 мм до 2 см, в среднем 1 см. Процентное содержание конкреций составляет ~10 %. Слой также осложнен понорами землероев, размеры от 5 до 15 см. Подошва нечеткая, но ясная. Истинная мощность 0,8 м.

Слой 4. Светло-серая с коричневатым оттенком супесь с трещиноватой, пористой, изредка вкрапленной, комковатой текстурой. На разных участках разреза в слое присутствуют белые карбонатные конкреции, аналогичные таковым в слое 3. Поверхность напластования четкая, неровная, местами рваная, резко волнистая. Истинная мощность в среднем 0,3 м.

Слой 5. Коричневая супесь. В верхней части, до уровня 0,3 м ниже поверхности напластования, слой проявляет пятнистую, пористую текстуру. Неровная кровля местами образует вздымания. Ниже по разрезу, с уровня 1 м ниже поверхности напластования, слой сложен супесными темно-коричневыми окатышами, в пространстве между которыми сконцентрированы карбонатные стяжения, образующие, таким образом, сетчатую текстуру. В 0,5 м выше поверхности напластования залегает невыдержанный прослой гальки среднезернистого гранита (размер 1–4 см) и дресвы. Ниже отложения слоя становятся значительно плотнее. Подошва нечеткая, но ясная. Истинная мощность 2,1 м.

Слой 6. Светло-коричневая, коричневая (белесая) супесь с массивной, плотной текстурой. Отложения слоя сильно окарбоначены и имеют большую плотность по сравнению с перекрывающими отложениями. Видимая мощность слоя более 0,15 м.

Отложения стоянки имеют сложный генезис. Предположительно, материал, слагающий разрез, является результатом эолового привноса, на что указывает преобладание в составе отложений алевритовой фракции, фрагментарная пористая текстура, а также отсутствие седиментационных текстур (слоистости и пр.). В дальнейшем эти отложения были переработаны склоновыми и нивальными процессами.

В ходе изучения разреза было обнаружено антропогенное нарушение, представлявшее собой выкопанную и впоследствии засыпанную яму. Данным фактом объясняется локальное перемешивание в разрезе фрагментов керамики и палеолитических изделий.

Общая численность коллекции номерных находок 2013 г. составляет 242 экз., из них 233 каменных артефакта, семь фрагментов керамики и две обожженных отдельности глины. Еще 208 каменных изделий (в основном мелкие чешуйки и осколки) были получены благодаря промывке отработанных оложений. Основное количество находок палеолитического возраста приурочено к отложениям литологических слоев 3 и 4, причем речь идет о единой концентрации археологического материала, что подтверждается многочисленными (26 случаев) склейками каменных артефактов. Вероятно, в дальнейшем целесообразным будет объединение данных слоев, о чем говорит и плавное изменение их фациального состава. Наличие редких находок в слоях 0, 2 и 5 возможно предварительно объяснить поздним антропогенным воздействием и деятельностью землероев.

Отходы производства (осколки, обломки, чешуйки) немногочисленны – 51 экз., к ним же можно отнести отдельности сырья со сколами апробации – 9 экз.

Нуклевидные формы в коллекции 2013 г. представлены семью изделиями, из которых четыре являются типологическими определимыми. Первое изделие (рис. 3, *4*) формально можно отнести к бипоперечным нуклеусам. Расщепление гальки бледнокоричневого алевролита, скорее всего, начиналось с освобождения от корки одной из широких поверхностей, которая выступила в роли площадки для отвесных снятий практически по всему периметру изделия. Таким образом была подготовлена площадка для повторной утилизации поверхности в качестве фронта. Для обеспечения его латеральной изогнутости было проведено снятие с основания нуклеуса в сторону основной площадки. Целевые сколы-заготовки (отщепы) реализовывались последовательно справа налево.

На большей части периметра радиального нуклеуса (рис. 3, *5*) также распространены негативы снятий оформления ударной площадки, проведенные с плоскости фронта расщепления. Сама рабочая поверхность несет негативы отщеповых снятий.

Бипродольный в конечной стадии утилизации нуклеус для отщепов (рис. 3, *6*) демонстрирует неудачную попытку подживления фронта нуклеуса (последующие снятия с основной площадки закончились заломами в начале скалывающей) и перенос ударной площадки в зону основания.

Бипродольный смежный нуклеус (рис. 3, *7*) подготовлен на отдельности эффузивной породы. Слабо скошенная к контрфронту ударная площадка подготовлена одним сколом с левой латерали. С площадки было проведено несколько снятий, приуроченных к латералям. Вероятно, они не были целевыми заготовками, а создавали необходимые условия для отделения с центральной части фронта пластинчатой заготовки с трапециевидным сечением. После этого нуклеус был переориентирован. С противолежащей ударной площадки (не сохранилась) были проведены два аналогичных боковых снятия. Затем был снят отщеп на центральном участке фронта, после чего нуклеус был оставлен.

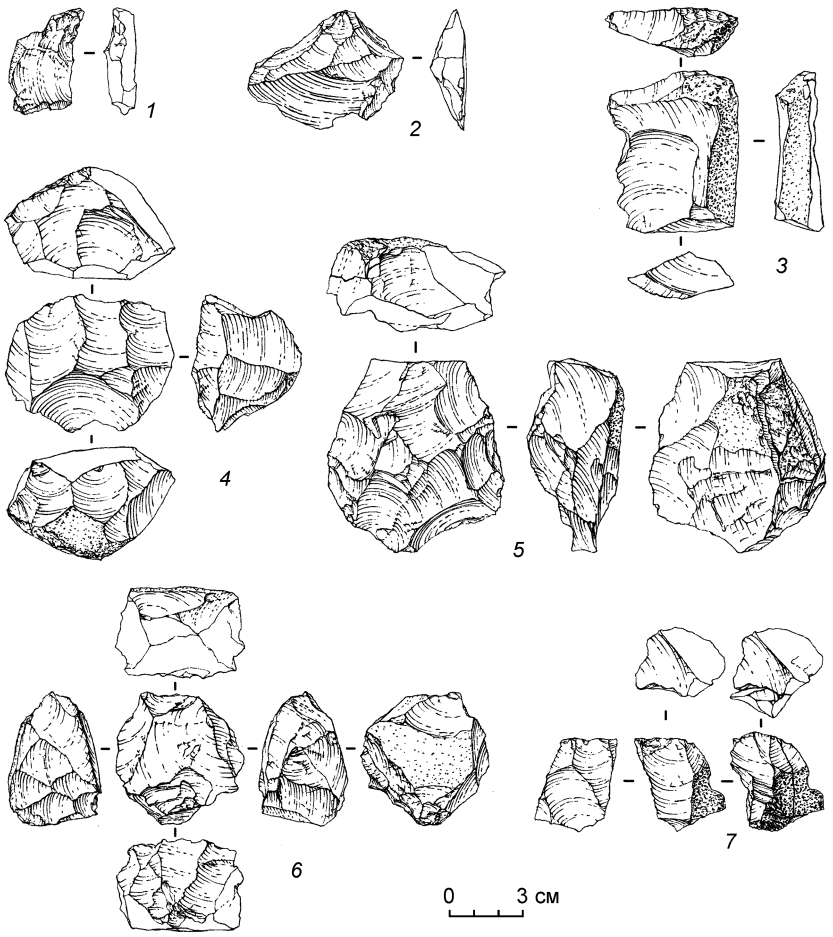


Рис. 3. Каменные изделия стоянки Каттасай.

1–3 – отщепы с ретушью; *4* – бипоперечный нуклеус; *5* – радиальный нуклеус; *6* – бипродольный нуклеус; *7* – бипродольный смежный нуклеус.

Облик индустрии сколов стоянки определяют отщепы (116 экз.), пластины встречаются заметно реже – 46 экз., что хорошо соотносится с морфологией снятий на нуклеусах. Первая категория в основном представлена угловатыми часто ассиметричными изделиями с прямым профилем. Большая часть имеет продольные огранки, серийно представлены изделия с конвергентной, встречной и радиальной огранкой. Среди определимых площадок доминируют гладкие, многочисленны двугранные, заметно реже встречаются многогранные и естественные.

Пластины в основной своей массе прямоосные, чаще прямоугольные, но присутствуют и остроконечные. Изделия с прямым профилем количественно почти вдвое превышают сколы с изогнутым/закручен-

ным профилем. Среди огранок предсказуемо преобладают продольные, но присутствуют изделия с конвергентными и встречными огранками. Гладкие и двугранные ударные площадки представлены в равной степени; фасетированные, многогранные и точечные единичны. Обращает на себя внимание минимальная роль мелкопластинчатого компонента (3 экз.), что резко выделяет данный комплекс на фоне индустрий других стоянок региона переходного и верхнепалеолитического возраста, где их удельный вес значителен [Кривошапкин, 2012; Колобова и др., 2013].

Орудийный набор крайне невыразителен и включает в себя несколько сколов с фасетками нерегулярной ретуши (рис. 3, *1–3*).

В целом, состав коллекции стоянки Каттасай по раскопкам 2013 г. позволяет предварительно определить ее функциональный тип. Скорее всего, речь идет о стоянке-мастерской, где реализовывались операции по производству сколов-заготовок, которые впоследствии уносились. Раскопки показали высокую перспективность дальнейших исследований стоянки Каттасай, которые поспособствуют целостному пониманию динамики окружающей среды и технологической эволюции материальной культуры обитателей региона на рубеже среднего и верхнего палеолита.

Благодарности. Коллектив авторов выражает искреннюю признательность ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 2–25.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 37 с.

Кривошапкин А.И., Исламов У.И., Колобова К.А., Милютин К.И., Мухамаддиев А.Г., Белоусова Н.Е. Предварительные итоги работы международной археологической экспедиции по изучению каменного века Узбекистана в полевом сезоне 2006 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. 1. – С. 162–166.

А.П. Деревянко[1], Нгуен Хак Шу[2], А.А. Цыбанков[1], А.В. Кандыба[1], А.Н. Тихонов[3], Нгуен За Дой[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии ВАОН
[3]Зоологический институт РАН

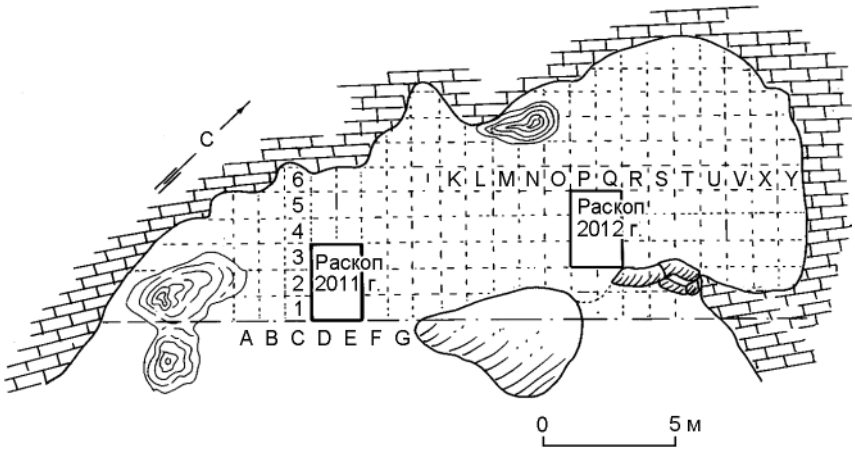
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕРЫ МАН ЧИН (ВЬЕТНАМ) В 2012 ГОДУ*

В рамках российско-вьетнамской экспедиции были продолжены исследования нового археологического объекта – пещеры Ман Чин, обнаруженной в результате разведки в 2010 г. недалеко от археологического памятника Кон Мунг [Деревянко и др., 2012]. Пещера Ман Чин (Mang Chieng) (N 20°18′49″, E 105°35′50″) расположена в северной части Вьетнама в провинции Тханьхоа на территории национального парка Кукфуонг. Географически принадлежит северным предгорьям горной системы Чыонгшонбак (северная часть Аннамского нагорья), находится на высоте 203 м над ур.м. Вход в пещеру размерами 12 м в ширину и более 3 м в высоту ориентирован на юго-восток и большую часть дня предвходовая и входовая части пещеры освещены прямым солнечным светом.

Пещера представляет собой сводовую камеру площадью 160 м^2 и максимальной высотой около 5 м, зал которой поворачивает вправо от входа и расширяется в горизонтальном плане, одновременно сужаясь в вертикальном. Раскоп площадью 6 м^2 был заложен в глубине пещеры на расстоянии 8 м по прямой, перпендикулярно к северо-восточной стенке раскопа предыдущего года (см. *рисунок*). Общая мощность вскрытых отложений составляет 110–120 см и представляет собой три литологических подразделения. Структурной особенностью осадков является их рыхлая, местами кальцинированная, консистенция. Отложения верхней пачки (25–40 см) представляют собой пепельно-серую пылеватую супесь, средняя толща (30–50 см) является серо-коричневой пылеватой супесью, и непосредственно на скальном основании залегает рыхлый красно-коричневый суглинок (30–40 см). Известняковый обломочник крупных размеров присутствует в верхней части отложений и уменьшается в габаритах вниз по слою. Непосредственно на границе рыхлых отложений и скального основания окрас седимента меняется на серо-желтый. Несмотря на видимые различия в литологическом членении, каменная индустрия полностью гомогенна.

Каменный инвентарь равномерно распространен по все толще слоя и насчитывает 308 экз. В коллекции присутствуют 14 галек крупных и средних размеров, 17 обломков галек и 8 обломков сланца, некоторые из которых преобразованы в орудия.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12008-офи-м.



План пещеры Ман Чин.

Набор первичного раскалывания насчитывают 45 предметов, в т.ч. 35 колотых галек и шесть нуклевидных обломков. Помимо этого четыре предмета из числа галек являются отбойниками.

Нуклеусов в коллекции насчитывается четыре, и все они относятся к плоскостной параллельной системе расщепления. Два ядрища являются вариантом поперечной ориентации скалывания. Расщепление велось поперек длинной оси заготовки и без предварительной подготовки ударной площадки. Полукруглый фронт скалывания сохраняет негативы параллельных коротких и укороченных сколов средних и мелких размеров.

Исходным сырьем для двух нуклеусов послужили обломки плиток известняка. Расщепление первого ядрища велось непосредственно с плоскости разлома, ставшей ударной площадкой. Фронт скалывания содержит негативы крупных заныривающих сколов. Последний нуклеус представляет собой истощенный вариант. Плоская ударная площадка полностью сохраняет естественную поверхность. Вогнутый фронт скалывания содержит лишь один негатив укороченного среднего скола. Одна латераль уплощена серией мелких сколов.

Индустрия сколов насчитывает 234 экз., из них 169 отщепов. Огранка дорсала отщепов преимущественно параллельная однонаправленная. Остаточные ударные площадки практически полностью представлены естественным типом. Обломков в коллекции 39, осколков – 16, чешуек – 10.

Орудийный набор насчитывает 54 экз., из них скребел и их фрагментов 15.

Скребло прямое поперечное одинарное создано на кварцитовом крупном отщепе коротких пропорций. Ретушь ступенчатая, среднефасеточная, полукрутая. Другое прямое одинарное скребло сформировано на гальке. После скалывания отдельности на одном из краев оформлено лезвие постоянной ступенчатой среднефасеточной крутой ретушью.

Скребло одинарное выпуклое с обушком, противолежащим лезвию, создано на массивном первичном сколе и оформлено на продольном крае

эпизодической крутой чешуйчатой среднефасеточной ретушью. Противолежащий обушок уплощен мелкими снятиями.

Выпуклое скребло создано вследствие фрагментации плоской гальки. Рабочий элемент оформлен постоянной крутой чешуйчатой ступенчатой ретушью.

Двойное скребло с конвергентно направленными лезвиями и обушком оформлено на обломке гальки среднего размера, один из краев которой оформлен постоянной крутой чешуйчатой разнофасеточной ретушью. Другой край создан эпизодической крутой чешуйчатой ретушью. Обушок (пятка?) уплощен мелкими сколами.

Фрагментированное скребло на гальке трапециевидной в плане формы обладает рабочим краем на узком конце, оформленным постоянной чешуйчатой крутой среднефасеточной ретушью.

Для конвергентного скребла исходным сырьем послужила намеренно фрагментированная плоская галька. Края оформлены постоянной, в одном случае зубчатой, в другом – чешуйчатой, ступенчатой разнофасеточной ретушью.

Группа скребел с рабочим лезвием на 3/4 периметра насчитывает восемь предметов, и для всех исходным сырьем являлся окатанный известняк. Рабочие края, как правило, созданы постоянной, местами бифасиальной, заломистой ступенчатой ретушью, со средними фасетками. Поверхность пятки сохраняет естественную поверхность или является поверхностью разлома.

Морфологически близко к этой группе скребел галечное орудие, оформленное на массивной гальке квадратной в плане формы. Плоская пятка создана снятием многочисленных сколов. Один из продольных краев оформлен бифасиальной оббивкой. Узкий край, противоположный пятке, содержит следы забитости, в результате которой образовались многочисленные мелкие заломистые сколы. Определенную схожесть с данным видом скребел показывает орудие, созданное на массивном куске окатанного известняка грубой бифасиальной оббивкой. Пятка является плоскостью разлома.

Для двух обломков скребел исходным сырьем служили плоская галька и окатанный плоский известняк. В обоих случаях один из краев оформлен унифасиальной постоянной краевой чешуйчатой полукрутой разнофасеточной ретушью.

Орудие с носиком создано на коротком отщепе среднего размера. Рабочий элемент оформлен в проксимальной части на месте ударной площадки постоянной крутой разнофасеточной чешуйчатой ретушью.

Выемчатое орудие создано на продольно-краевом кварцитовом отщепе. Выемка создана на продольном крае в медиальной части постоянной крутой чешуйчатой ретушью.

Довольно представительна группа из шести тесел. Первый предмет создан на окатанной плитке известняка трапециевидной в плане формы. На одном из краев создана выемка постоянной чешуйчатой полукрутой среднефасеточной ретушью. Конвергентно сходящийся противоположный край оформлен сколами и подправлен постоянной ступенчатой среднефасеточной ретушью. Следующее тесло создано на обломке

окатанного известняка прямоугольной в плане формы, рабочий край оформлен постоянной полукрутой ступенчатой, частично заломистой среднефасеточной ретушью.

Исходным сырьем для третьего предмета послужил доломит. Широкий рабочий край оформлен попеременной оббивкой, другой край заужен при помощи постоянной вертикальной крупнофасеточной, местами заломистой ретуши, один продольный край является поверхностью разлома. Еще два предмета также образованы на крупном окатанном четырехугольном куске известняка. Рабочее лезвие оформлено несколькими крупными снятиями, противоположный край является плоскостью разлома.

Последнее тесло создано на массивной гальке квадратной в плане формы. Плоскость рабочего лезвия образована снятием одного крупного отщепа, собственно прямой рабочий край оформлен постоянной чешуйчатой вертикальной среднефасеточной ретушью.

Два чоппера созданы на отдельностях известняка трапециевидной в плане формы первоначально оббивкой, потом подправлены постоянной ступенчатой среднефасеточной ретушью. Еще один чоппер создан на гальке овальной в плане формы аналогичным способом.

Галечное орудие типа чоппинг создано на овальной в плане гальке путем снятия мелких укороченный сколов на одном из узких краев заготовки.

Отмечается присутствие большой группы суматралитов в количестве семи предметов. Суматралиты, как правило, круглой в плане формы и созданы на плоских гальках средних размеров путем грубой постоянной, местами бифасиальной, краевой оббивки на одной плоскости заготовки, и эпизодически подправлены мелкой ступенчатой чешуйчатой ретушью. Единичными находками представлены топор, долотовидное орудие и рубило.

Остеологический материал представлен остатками костей обезьяны, мунтжака, замбара, носорога, серао, кабана. Сильная раздробленность костей, а также следы воздействия огня и обработки орудиями затрудняли определение их видовой принадлежности. Обращает на себя внимание насыщенность костными остатками квадрата Q5, причем вплоть до самого скального основания. Вероятно, именно здесь на протяжении многих лет сохранялись кухонные отбросы или на этом месте происходило приготовление или принятие пищи.

Ориентировочный возраст данного местонахождения, установленный на основании корреляции каменной индустрии с культурными слоями пещеры Кон Мунг [Nguyễn Khắc Sử, 2009], – 10–15 тыс. лет, что соответствует культурно-историческому диапазону позднего Шонви – раннего Хоабинь.

Список литературы

Деревянко А.П., Нгуен Зианг Хай, Нгуен Хак Шу, Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Нгуен За Дой, Фан Тхан Тоан. Результаты полевых исследований пещеры Манчин (Вьетнам) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 59–62.

Nguyễn Khắc Sử. Con Mong cave: new data and new perceptions // Vietnam Archaeology – 2009. – № 4. – P. 40–52.

А.П. Деревянко[1], Нгуен Хак Шу[2], А.А. Цыбанков[1], А.В. Кандыба[1], А.Н. Тихонов[3], Нгуен За Дой[2], А.М. Чеха[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии ВАОН
[3]Зоологический институт РАН

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ВЬЕТНАМА В 2012 ГОДУ*

Для изучения истории заселения Юго-Восточной Азии человеком современного вида и его эволюции в этом регионе на территории республики Вьетнам в 2012 г. были продолжены исследования палеолитических объектов Кон Мунг, Ман Чин (см. статью А.П. Деревянко и др. «Результаты полевых исследований пещеры Ман Чин…» в настоящем сборнике). Обнаружен новый пещерный объект Дьем.

Пещера Кон Мунг (N20°40′860″; E105°65′164″), название которой переводиться с разговорного вьетнамского языка как «пещера животного», находиться на территории дер. Мо коммуны Тханьен р-на Тханьтхань пров. Тханьхоа, а также национального парка Кукфыонг. Она расположена на высоте 147 м над ур.м. и 32 м над ур. долины безымянного сезонного водотока, протекающего перед ней и впадающего в руч. Тханьен, который, в свою очередь, соединяется с р. Бай. Пещера находиться в известняковом массиве, являющемся окончанием горной цепи, которая простирается вдоль р. Су в северо-западном – юго-восточном направлении примерно в 100 км западнее-юго-западнее г. Ханоя. Пещера бочковидной формы, с двумя соединяющимися входами: северо-западный вход 5,2 м в ширину и 6,0 м высоту; ширина и высота юго-восточного входа 5,2 м и 6,2 м соответственно.

Пещера общей площадью 230 м^2 была открыта в 1974 г. и исследовалась вьетнамскими археологами в 1975–1976 и 2008 гг. [Nguyễn Khắc Sử, 2009]. По результатам этих раскопок, а также последующих исследований российско-вьетнамской экспедиции в 2010–2011 гг. в пещере было подробно изучено три основных культурно-хронологических периода [Деревянко и др., 2012].

В 2012 г. было продолжено исследование наиболее перспективного в археологическом и стратиграфическом плане сектора А. Одной из главных задач являлось исследование литологических слоев, залегающих ниже культурного подразделения Шонви.

Наиболее древние отложения пещеры Кон Мунг были исследованы на площади 4,5 м^2 по линиям А и В (квадраты: А-5, А-6, А-7; В-5, В-6,

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12008-офи-м.

В-7). Общая мощность трех выявленных слоев (слои 8, 9, 10, 11) составила 2,5 м.

Слой 8 представляет собой пачку переслаивающихся легких серо-коричневых суглинков с ярко выделяющимися прослойками фосфатов и марганца мощностью 50–60 см.

Слой 9 являет собой однородный пылевато-коричнево-красный легкий суглинок мощностью 35–40 см.

Слой 10 является переслаивающейся пачкой пылеватых темно-красных суглинков с коричневатым оттенков общей мощностью до 1 м. Характерной особенностью слоя является наличие мелко-дресвянистых прослоек.

Слой 11 представляет собой пылеватую супесь, являющуюся следствием химического разрушения выветриваемых минералов известнякового цоколя пещеры.

Исследование данных стратиграфических подразделений на данный момент представляет наибольший интерес, поскольку их расположение непосредственно на скальном основании пещеры предполагает их наиболее древний возраст. Обнаружение двух кварцитовых чопперов в слое 10 также свидетельствует о посещение пещерного комплекса Кон Мунг древним человеком практически сразу после начала осадконакопления.

Новые интересные результаты были получены в ранее не исследованной пещере Дьем (Diem). Пещера Дьем (N20°12′43,8″, E105°55′56,6″) расположена в дер. Бансан, коммуны Тханьен р-на Тханьтхань пров. Тханьхоа и относится к национальному парку Кукфуонг.

Пещера Дьем расположена на высоте 100 м над ур.м. Имеет трубообразную форму при длине 50 м и средней ширине 10 м, состоит из нескольких просторных залов общей площадью 200 м^2. Характерной особенностью пещеры Дьем, как и многих других пещер этого региона, является наличие на стенах крупных кальцинированных конкреций, а также присутствие, как в конкрециях, так и в рыхлых отложениях, огромного количества лесных водных моллюсков.

Для выяснения стратиграфического положения во входовой части пещеры был заложен шурф площадью 1 м^2. Раскопки проводились по условно взятым уровням, равным 5 см. Общая мощность вскрытых отложений составила 95–100 см. В результате шурфовки объекта был получен довольно представительный археологический и костный материал.

Археологический материал был равномерно распределен по всей толще рыхлых отложений. Каменный инвентарь насчитывает 356 экз., включающих 20 галек крупных и средних размеров.

Первичное расщепление представлено тремя предметами, в т.ч. одной колотой галькой крупных размеров с несколькими крупными апробационными сколами.

Нуклеусы в коллекции насчитывают два экземпляра и относятся к плоскостной параллельной системе расщепления.

Оба ядрища одноплощадочные монофронтальные продольные, ориентированы на получение отщепов. Площадка первого нуклеуса естест-

венная, какие-либо следы подработки отсутствуют. Фронт скалывания слабовыпуклый, наблюдаются негативы снятий, в центральной части фронта прерывающиеся заломами. Контрфронт прямой, несет следы минимальной подработки. Площадка второго образована одним крупным снятием. Фронт выпуклый, сохраняет негативы двух крупных сколов. Выпуклый контрфронт образован одним крупным сколом и подработан несколькими мелкими.

Индустрия сколов насчитывает 327 экз. Отщепов насчитывается 214, среди них преобладают сколы средних и крупных размеров. Подавляющее большинство определимых ударных площадок сохраняет естественную поверхность. Огранка дорсальной поверхности преимущественно двух типов – радиальная и продольная. Обломков насчитывается 103, они преимущественно крупных и средних размеров. Семь артефактов являются продольно-краевыми сколами.

Орудийный набор насчитывает 8 экз. Два скребла прямые однолезвийные, изготовлены на крупных обломках известняка. Ретушь первого предмета характеризуется как краевая, полукрутая, чешуйчатая, разнофасеточная, ступенчатая, слабомодифицирующая. У второго предмета рабочий край первоначально подработан крупной ретушью, затем подправлен средними и мелкими фасетками. Ретушь характеризуется как краевая, полукрутая, ближе к уплощающей, чешуйчатая, разнофасеточная, ступенчатая, среднемодифицирующая.

Галечное орудие типа чоппер представлено в единственном экземпляре. Рабочий край оформлен крупными и средними сколами, которые образуют извилистые края изделия. Также в коллекции присутствуют три отщепа с ретушью. Материалом для первого изделия послужил кварц. Ретушь, расположенная на продольном крае дорсальной стороны, характеризуется как эпизодическая, краевая, стелющаяся, чешуйчатая, среднефасеточная, однорядная, слабомодифицирующая. Сырьем для второго передмета послужил известняк. Ретушь расположена на продольном крае дорсальной поверхности. Характеризуется как прерывистая, краевая, плоская, чешуйчатая, крупно и среднефасеточная, однорядная, слабомодифицирующая. Третье изделие, представленное проксимальным фрагментом отщепа, изготовлено на кварцевом материале. Подработанный участок расположен на продольном крае дорсальной поверхности. Ретушь характеризуется как эпизодическая, краевая, плоская, чешуйчатая, среднефасеточная, однорядная, слабомодифицирующая.

Также присутствуют два предмета, которые можно охарактеризовать как отщепы с ретушью. Первый артефакт представлен крупным обломком, на одном из краев которого наблюдается подработка поверхности эпизодической, краевой, полукрутой, чешуйчатой, среднефасеточной, ступенчатой, слабомодифицирующей ретушью. Второе изделие средней величины изготовлено из кварца. Один из краев изделия подработан эпизодической, краевой, плоской, чешуйчатой, крупнофасеточной, однорядной, слабомодифицирующей ретушью.

Остеологический материал представлен костями животных, в большинстве случаев неопределимых, и нижней челюстью человека с несколькими сохранившимися зубами.

Возраст пещеры Дьем в настоящий момент определить довольно сложно. Опираясь на предварительные итоги, можно сказать, что данное местонахождение относится к кругу пещерных памятников коммуны Тханьен, таких как Кон Мунг и Ман Чин. Дальнейшее расширенное исследование пещеры Дьем позволит уточнить ее стратиграфическую и культурно-хронологическую позицию.

Антропологический материал свидетельствует о заселении ее человеком современного анатомического вида, но его индустрия в первичной и вторичной обработке мало чем отличалась от индустрии, типичной для палеолитических стоянок раннего палеолита Вьетнама. Дальнейшее изучение стратифицированных комплексов Северного Вьетнама предполагает изучение более древних культурных слоев, относящихся к эпохе позднего палеолита, в пещерах Кон Мунг, Ман Чин и Дьем, а также расширение фактического материала уже изученных культур.

Список литературы

Деревянко А.П., Нгуен Зианг Хай, Нгуен Хак Шу, Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Чеха А.М., Нгуен За Дой, Фан Тхан Тоан. Предварительные итоги исследований российско-вьетнамской археологической экспедиции на территории Северного Вьетнама в 2010–2011 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 63–67.

Nguyễn Khắc Sử. Con Mong cave: new data and new perceptions // Vietnam Archaeology. – 2009. – № 4. – P. 40–52.

А.П. Деревянко, А.Г. Рыбалко, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН

ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 В 2013 ГОДУ*

Стоянка Дарвагчай-залив-1 была открыта в 2007 г. в ходе разведочных археологических изысканий Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН во время обследования береговых обнажений и отмелей небольшого залива в районе селения (кутана) Кудагу на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский р-н, Республика Дагестан) [Деревянко и др., 2007].

Памятник (координаты: 42°07′36,7″ с.ш., 048°01′51,2″ в.д.) расположен на крутом юго-западном склоне останца древнекаспийской террасы [Деревянко и др., 2009]. Верхняя часть террасы имеет неровную распаханную поверхность, абсолютная высота колеблется в пределах 154–167 м. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет 40 м. Склон местами задернован, покрыт луговой растительностью и редким кустарником. В нижней части склона, на высоте 11–14 м от уреза, прослеживается прерывистая линия глыб монолитного ракушняка (бакинского возраста), переходящих в структурный уступ высотой до 4–5 м.

В 2009 г. на памятнике были проведены полномасштабные рекогносцировочные исследования, в ходе которых на склоне террасы было заложено шесть шурфов. Шурфы размещены непосредственно по склону в одну линию. Линия закладки шурфов (привязка по северо-западным стенкам) проведена от уреза воды до отметки 145 м абс., на границе пашни. В ходе этих исследований артефакты в разной степени концентрации были обнаружены во всех шурфах на протяжении всей мощности вскрытых отложений. Предварительный анализ полученных разрезов позволил выделить три разновозрастные пачки отложений: делювиальные, склоновые отложения, наиболее полно зафиксированные в шурфе № 1; толща ракушняков (шурфы № 2, 3) бакинского возраста, которые являются своеобразным стратиграфическим репером, позволяющим коррелировать геологические разрезы в долине р. Дарвагчай, и галечно-гравийная

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-01-18004-е) и РФФИ (№ 13-06-12012).

толща с линзами и прослоями суглинков и песков, аллювиального генезиса, залегающая выше пояса ракушняков (шурфы № 4–6). Результатом данных исследований явилось обнаружение четырех разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов [Деревянко и др., 2009].

В данном полевом сезоне были начаты стационарные археологические раскопки на части памятника, где были обнаружены каменные артефакты, составляющие третий культурно-хронологический комплекс местонахождения, датируемый ранним палеолитом. Галечно-гравийная толща, в которой были обнаружены артефакты культурно-хронологического комплекса 3, залегает непосредственно на прибрежно-морских отложениях в виде детритовых песков и монолитных пластов ракушняка-известняка. Приблизительная мощность данных отложений, установленная по нивелировочным отметкам, составляет 16,5 м. В текущем полевом сезоне было решено начать археологические раскопки с основания галечно-гравийной толщи, т.к. в этом случае подстилающие ее морские пески являлись бы т.н. материком и свидетельствовали о необходимости прекращения раскопок. Раскоп (4×8 м) площадью 32 кв.м. был заложен в центральной части склона террасы, направление длинной стороны которого было привязано к линии закладки шурфов 2009 г.; все нивелировочные измерения производились от основного нулевого репера. Таким образом, данный раскоп (как и все предыдущие) был вписан в общую схему археологических исследований памятника.

Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху вниз):

Слой 1. Серо-коричневая супесь с большим содержанием гравия и гальки (хорошо окатанной). Генезис элювиально-коллювиальный. Мощность до 0,1 м.

Слой 2. Галечно-гравийные аллювиальные отложения с линзами и прослоями (мощностью до 0,5 м) глинистого крупнозернистого коричневого песка и темно-коричневой глины. В подошве слоя в качестве заполнителя появляется грубозернистый белесый песок. Обломки разной степени окатанности. Сортировка обломков практически отсутствует, но в нижней трети слоя отмечено увеличение размера галек и наличие валунов до 0,4 м в диаметре, ориентировка относительно четкая, субгоризонтальная. Мощность слоя до 2,8 м.

Слой 3. Среднезернистый желтовато-серый песок. Состав кварцево-детритовый. Кровля неровная. В центре раскопа слой представлен в виде мощной, сильно выступающей линзы. Кровля слоя местами сильно перемешена с перекрывающими отложениями, контактная зона до 0,2 м. Видимая мощностью до 0,6 м.

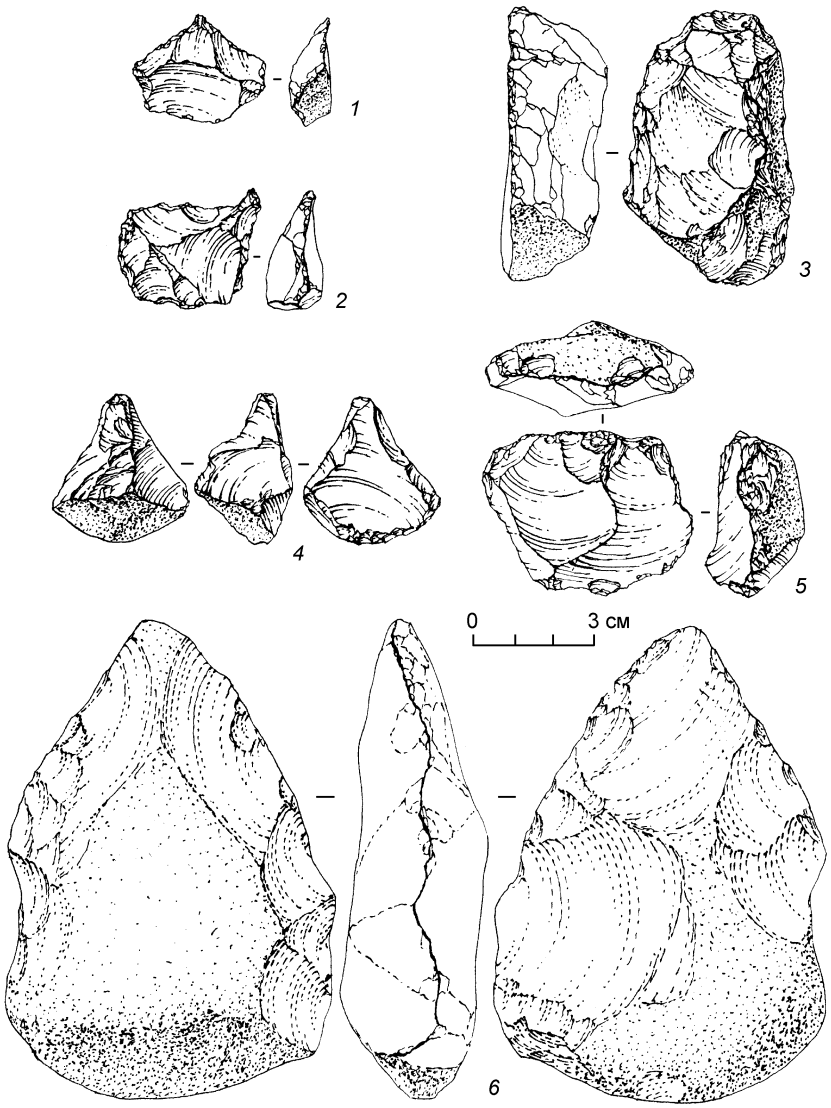
Археологические материалы залегали в слое 2 (галечно-гравийная толща). Слой занимает четкую стратиграфическую позицию, контакт с нижележащим горизонтом неровный, размытый. Данный литологический горизонт ориентирован почти горизонтально и образовался в результате селевых процессов и горного аллювия. Каменные изделия равномерно расположены по всей мощности слоя, по условиям залегания хронологи-

ческое расчленение артефактов не представляется возможным. Образование данного литологического горизонта рассматривается как довольно длительный многоэтапный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов. Этот процесс завершился после образования современного рельефа террасы.

Полученная коллекция насчитывает 193 артефакта, в т.ч. нуклеусы и нуклевидные обломки – 9 экз., отщепы – 129 экз., чешуйки – 3 экз., обломки и осколки – 52 экз. Орудийный набор (58 экз.) состоит из рубила (1), кливера (1), зубчато-выемчатых орудий (5), шиповидных орудий (14), комбинированных орудий (2), пиков и минипиков (3), скребел (10), скребков (6), сколов и обломков с ретушью (16).

Раннепалеолитический культурно-хронологический комплекс 3 памятника Дарвагчай-залив-1 характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклевидных и орудийных форм, а также наличием микроорудий которые составляют примерно третью часть орудийного набора данной каменной индустрии. Поверхность артефактов в основном средне и слабо окатанная, также следует отметить наличие в коллекции небольшого количества неокатанных артефактов, у которых полностью отсутствуют следы соударений, образующиеся на каменных предметах при переносе их водным потоком. Значительное количество изделий представлено в виде обломков и осколков средних и мелких размеров с элементами вторичной обработки. Сколы имеют массивные укороченные пропорции, преимущественно естественную ударную площадку и ярко выраженный ударный бугорок. Дорсальные поверхности сколов в большинстве случаев частично или полностью покрыты галечной коркой. Морфологически выраженные нуклеусы единицы, из них стоит выделить два нуклеуса комбева, выполненных на массивных сколах средних размеров (см. *рисунок*, *5*). Для получения заготовок широко использовался прием дробления. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием каменного сырья (в основном кремня), имеющего многочисленные внутренние дефекты. Количество функциональных типов среди орудийных форм невелико. Это в основном предметы с разнообразными выемками, шиповидными выступами (см. *рисунок*, *1, 2*) и скребловидные изделия (см. *рисунок*, *3*). Стоит отметить наличие в орудийном наборе ашельского рубила (см. *рисунок*, *6*) и кливера. Вторичная отделка довольно примитивна, представлена преимущественно мелкими сколами и грубой, однорядной, крутой и вертикальной ретушью.

Галечно-гравийная толща, в которой были обнаружены артефакты культурно-хронологического комплекса 3, залегает непосредственно на прибрежно-морских отложениях, по геологической шкале имеющих бакинский возраст (750–450 тыс. л.н.). Следовательно, можно приблизительно определить верхнюю границу возраста данного комплекса. Предполагаемый на основании геологических данных возраст вмещающих отложений, специфический характер индустрии и облик основных категорий типологически выраженных артефактов позволяют предваритель-



Каменные артефакты со стоянки Дарвагчай-залив-1.
1, 2 – шиповидные орудия; *3* – скребло; *4* – минипик; *5* – нуклеус; *6* – рубило.

но отнести эти материалы к числу микроиндустрий финальных этапов раннего палеолита.

В аналогичных отложениях (местонахождения Дарвагчай-карьер и Дарвагчай-залив-4) были выявлены артефакты из кремня и несколько ашельских рубил из песчаника. По совокупности данных, индустрия комплекса 3 наиболее близка каменному инвентарю слоя 8 (конгломера-

ты) местонахождения Дарвагчай-1, расположенного на противоположной стороне Геджухского водохранилища. Данный памятник на настоящий момент является наиболее изученным среди раннепалеолитических объектов Дагестана [Деревянко и др., 2012].

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Кулик Н.А., Зенин И.В. Исследования раннего палеолита в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 78–79.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В. Дарвагчай-залив-1 – новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 106–111.

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин, А.М. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Археологические исследования в Денисовой пещере в 2013 г. проводились в центральной части восточной галереи. На данном участке были вскрыты до скального основания отложения литологических слоев 14–17, частично изученных в ходе работ прошлого года [Деревянко и др., 2012]. Из отложений слоев 14 и 15 получены достаточно представительные коллекции каменных изделий среднепалеолитического облика. В пределах стратиграфических слоев 16 и 17 археологический материал не обнаружен.

Коллекция каменных артефактов из слоя 14 насчитывает 2 177 предметов: 40 манупортов в виде галек (1,8 %), 9 валунов со следами расщепления (0,4 %), 6 нуклеусов и 7 нуклевидных форм (0,6 %), 783 отщепа (36,0 %), 1 123 обломка и 180 чешуек (59,9 %), 29 орудий (1,3 %).

Типологически выраженные нуклеусы представлены радиальными моно- и бифронтальными (рис. 1, *1*) ядрищами. Изделия преимущественно округлой формы, сильно истощены, что затрудняет определение характера заготовки. Расщепление велось от ребра по всему периметру ядрища, без предварительной подготовки ударной площадки. Судя по последним негативам, с нуклеусов данного типа получали укороченные и короткие сколы мелкого и среднего размеров. Отдельно следует отметить монофронтальное ядрище подтреугольной формы, выполненное на массивном отщепе (рис. 1, *2*). Изделие демонстрирует начальную стадию расщепления. На ребре заготовки с дорсальной стороны короткими широкими сколами оформлена круговая ударная площадка. Вентральная сторона скола несет негативы крупных целевых снятий.

В число нуклевидных форм входят также три крупных обломка с бессистемными снятиями и четыре массивных отщепа с негативами от единичных крупных сколов на вентральной стороне.

Многочисленную группу составляют отщепы. Анализ целых заготовок размером более 3 см в максимальном измерении (230 экз.) демонстрирует преобладание укороченных (48,7 %) и коротких (35,7 %) сколов. Менее представительны удлиненные отщепы – 15,6 %. Остаточная ударная площадка у сколов преимущественно гладкая (72,6 %) или естественная

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12002-офи-м.

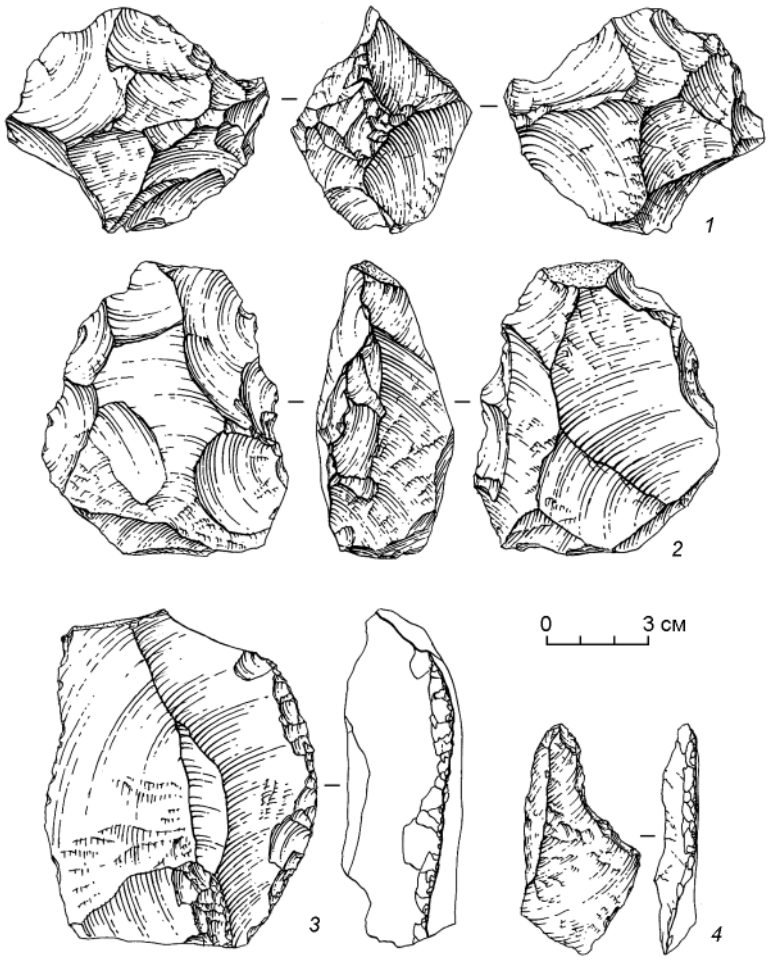


Рис. 1. Каменный инвентарь из слоя 14 в восточной галерее Денисовой пещеры. *1, 2* – нуклеусы; *3* – скребло; *4* – выемчатое орудие.

(17,0 %), площадки с подправкой карниза единичны. По характеру огранки дорсальной поверхности доминируют отщепы с продольной однонаправленной огранкой – 35,7 %, вдвое меньше сколов с ортогональной и неопределимой огранками – по 18,7 %. Распространены сколы, сохранившие галечную поверхность на дорсальной стороне – с полным (12,6 %) или частичным (27,8 %) покрытием.

Заготовками орудий служили крупные укороченные и короткие отщепы, реже удлиненные сколы, достаточно массивные в поперечном сечении. В ряде случаев использовались фрагментированные сколы. Основным приемом вторичной обработки являлась ретушь. Чаще всего использовалась дорсальная, краевая, крутая или полукрутая, чешуйчатая,

средне- или сильномодифицирующая ретушь. Отмечено использование вентральной подтески.

В орудийном наборе преобладают скребла (8 экз.), представленные тремя продольными (рис. 1, *3*), двумя поперечными и конвергентной формами, а также изделием déjeté и скреблом с лезвием на 3/4 периметра. Два скребла имеют подтеску ударного бугорка. Лезвия орудий преимущественно выпуклые. Единичным изделием представлен диагональный прямой нож с естественным обушком. Выемчатые орудия (6 экз.) оформлены ретушированным анкошем (рис. 1, *4*), расположенным на поперечном, реже – на продольном крае заготовки. Зубчатые орудия с выпуклым лезвием (4 экз.) имеют продольную (2 экз.), диагональную или попереч ную форму. Шиповидные орудия (3 экз.) представлены в срединном (2 экз.) и угловом вариантах. Выделены также два орудия с вентральной подтеской дистального окончания и тронкированно-фасетированное изделие. Дополняют коллекцию два отщепа с ретушью и два фрагмента орудий.

В слое 15 найдено 2 502 каменных артефакта: 45 манупортов в виде галек и валунов (1,8 %), 4 колотые гальки (0,2 %), 9 нуклеусов и 12 нуклевидных форм (0,8 %), 809 отщепов (32,3 %), 1 457 обломков и 126 чешуек (63,3 %), 40 орудий (1,6 %).

Все нуклеусы радиальные – три монофронтальных и шесть бифронтальных. Ядрища демонстрируют разные этапы утилизации. Два нуклеуса оставлены на начальной стадии расщепления, когда крупная уплощенная галька оббита только с одной стороны и наполовину периметра. Фронт двух других ядрищ захватывает ок. 3/4 периметра гальки. Остальные нуклеусы сильно истощены, фронт распространяется на весь периметр ядрища, что затрудняет определение характера заготовки (рис. 2, *1*). Во всех случаях расщепление осуществлялось от ребра, без предварительной подготовки места для нанесения удара. Судя по последним негативам, с этих нуклеусов получали укороченные и короткие сколы мелкого и среднего размеров.

Нуклевидные формы представлены пятью крупными обломками с бессистемными снятиями и семью массивными отщепами с негативами единичных крупных сколов на вентральной стороне (рис. 2, *2*).

Анализ целых отщепов размером более 3 см в максимальном измерении (317 экз.) показал преобладание укороченных (47,9 %) и коротких (37,9 %) сколов. Удлиненных заготовок значительно меньше – 14,2 %. Остаточная ударная площадка у отщепов в большинстве случаев гладкая (68,5 %) или естественная (20,2 %), другие типы площадок менее представительны. Площадки с подправкой карниза не отмечены. Огранка дорсальной поверхности сколов преимущественно продольная однонаправленная (33,1 %), распространены отщепы с неопределимой (21,5 %) и ортогональной (16,7 %) огранками. На долю первичных отщепов приходится 11,7 % сколов, а частично сохранивших галечную поверхность – 40,0 %.

Орудия выполнены на коротких и укороченных, реже удлиненных сколах преимущественно крупного размера, достаточно массивных в поперечном сечении. Часто использовались фрагментированные заготовки. Ведущим приемом вторичной обработки является ретушь. Наиболее распространена дорсальная или вентральная, краевая, крутая или полу-

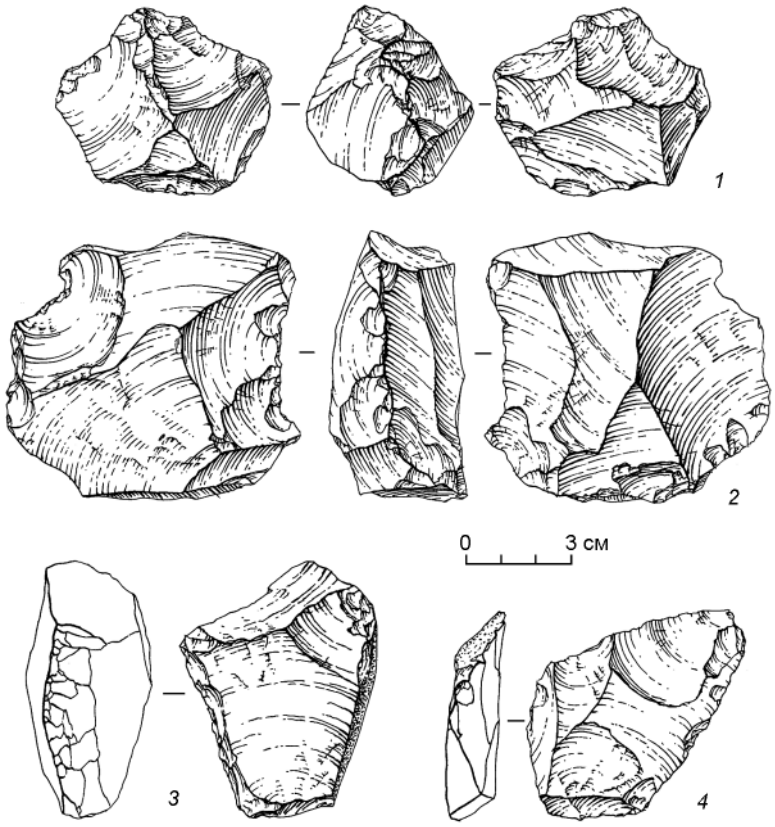


Рис. 2. Каменный инвентарь из слоя 15 в восточной галерее Денисовой пещеры. *1* – нуклеус; *2* – нуклевидное изделие; *3* – скребло; *4* – орудие с подтеской.

крутая, чешуйчатая, средне- или сильномодифицирующая ретушь. Часто использовалась вентральная подтеска.

Набор изделий с вторичной обработкой более многочисленный, но типологически менее разнообразен, чем в индустрии из вышележащего слоя. Скребла (2 экз.) представлены продольными формами с прямым лезвием (рис. 2, *3*). Выемчатое орудие образовано ретушированным анкошем на продольном крае заготовки. Зубчатые орудия с прямым лезвием (4 экз.) оформлены в продольном (2 экз.), диагональном и поперечном вариантах. Шиповидные орудия (7 экз.) представлены срединными формами. Наиболее многочисленную группу составляют орудия с вентральной подтеской – 12 экз. У них в равной степени обрабатывался как продольный, так и дистальный (рис. 2, *4*) край заготовки. Часто край, противоположный подтесанному, несет следы соударения с твердой поверхностью, что свидетельствует, скорее всего, об обработке на наковальне. Помимо типологически выраженных изделий в коллекцию входят шесть отщепов с ретушью и восемь фрагментов орудий.

Сравнительный анализ каменных индустрий из слоев 14 и 15 демонстрирует их полное сходство по основным технико-типологическим характеристикам, что позволяет рассматривать археологические материалы из этих слоев в рамках единого культурно-хронологического комплекса. Первичное расщепление в индустрии из слоев 14 и 15 исключительно радиальное, направленное на получение укороченных и коротких массивных заготовок. Специфичной чертой комплекса является использование объема вентральной выпуклости крупных массивных отщепов для производства одной или нескольких заготовок мелкого или среднего размера, что находит прямые аналогии в технике комбева. Среди сколов зафиксированы отщепы с ударными бугорками на двух плоскостях. Особенностью орудийного набора является представительная серия изделий с вентральной подтеской. В целом для орудийного набора характерны разнообразные формы скребел и ярко выраженный зубчато-выемчатый компонент.

Коллекция 2013 г. практически полностью сходна с материалами из слоев 14 и 15, полученными в результате раскопок 2012 г. Исключение составляют материалы из верхней части слоя 14, включающие серию плоскостных параллельных нуклеусов, подпризматическое и торцовое ядрища, а также несколько пластин [Там же, с. 81]. Ниже по разрезу подобные формы изделий не обнаружены.

В контексте палеолитических индустрий из восточной галереи в целом каменные изделия из слоев 14 и 15 заметно отличается от материалов из вышележащих плейстоценовых отложений. В первую очередь обращает на себя внимание высокая плотность залегания артефактов – более 17 тыс. экземпляров на 6 м^2 площади раскопа, что сопоставимо с численностью всей палеолитической коллекции из центрального зала пещеры [Природная среда…, 2003, с. 114–146]. В технологическом плане к числу основных отличий индустрий из слоев 14 и 15 от палеолитических комплексов из вышележащих слоев относится преобладание радиального расщепления, как следствие этого – отсутствие пластин, небольшой удельный вес удлиненных заготовок и сколов с подправленными ударными площадками. В орудийном наборе преобладают зубчато-выемчатые формы.

Таким образом, в результате раскопочных работ последних двух лет из восточной галереи получены новые среднепалеолитические индустрии, обладающие рядом специфических черт, ранее не отмеченных в палеолите Денисовой пещеры.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Чеха А.М. Исследование отложений среднего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 78–82.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

А.П. Деревянко[1], М.В. Шуньков[1], П. Лутовац[2], А.К. Агаджанян[1], И.А. Вислобокова[1], А.А. Анойкин[1], М. Живанович[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Музей и галерея Подгорицы

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ФАУНЕ КРУПНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ПЕЩЕРЫ ТРЛИЦА, СЕВЕРНАЯ ЧЕРНОГОРИЯ*

В апреле 2013 г. совместный отряд ИАЭТ СО РАН и Центра археологических исследований Черногории продолжил комплексное изучение плейстоценовых отложений в пещере Трлица, расположенной на севере страны, у границы с Сербией. Пещера находится на склоне межгорной депрессии, северо-восточнее устья каньона р. Чеотина, на высоте 925 м над ур.м. В процессе изучения рыхлых отложений карстовой полости вскрыт разрез мощностью до 5,5 м. В толще отложений выделено 12 литологических слоев. Верхняя часть разреза (слои 1–4) представлена красноцветной корой выветривания, которая попадала в пещеру по трещинам или вертикальным карстовым каналам незначительной протяженности. Средняя толща (слои 5–10) несет признаки формирования делювиально-пролювиальными процессами, при этом доля пролювиальной составляющей сильно возрастает вниз по разрезу. Нижние слои 11 и 12 формировались преимущественно в субаквальной обстановке и представляют, скорее всего, отложения водотока с неустановившимся гидрологическим режимом.

В процессе раскопок пещерных отложений в 2013 г. из слоев 5–11 получено 282 определимых кости крупных животных. Большая часть ископаемых остатков принадлежит копытным животным (см. *таблицу*). Хоботные Proboscidea представлены фрагментами зубных пластин детенышей. Среди хищных Carnivora впервые отмечено присутствие саблезубой кошки *Megantereon megantereon*. Этой кошке принадлежит клык, найденный в слое 10. Ранее в этом же слое был найден клык более крупной саблезубой кошки *Homotherium crenatidens*. Оба вида саблезубых кошек сосуществовали в Евразии в раннем плейстоцене. Кроме того, в слое 10 впервые найдены костные остатки крупной антилопы *Gazellospira* sp.

Хищники из местонахождения Трлица представлены разными группами. Среди псовых определены небольшого размера волк *Canis etruscus*, гиеновая собака *Lycaon lycanoides* и мелкая форма *?Vulpus* или *Nyctereutes*. Среди медведей отмечен *Ursus* cf. *etruscus*. Кости гиены принадлежат

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12002-офи-м.

Видовой состав и количество костных остатков крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений пещеры Трлица (сборы 2013 года)

Вид	Слой							Всего
	5	6	7	8	9	10	11	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
CARNIVORA								
Ursus sp.	1	–	–	–	–	2	–	3
Ursus cf. etruscus	–	–	–	–	–	9	1	10
Crocuta sp.	–	–	1	–	–	–	–	1
Pachycrocuta brevirostris	–	–	–	1	–	10	1	12
Panthera onca cf. gombaszoegensis	–	–	–	–	–	1	–	1
Megantereon megantereon	–	–	–	–	–	1	–	1
Canis etruscus	–	–	–	–	–	3	–	3
Lycaon lycanoides	–	–	–	–	–	1	–	1
Canidae	–	–	–	–	–	–	1	1
Canidae (?*Vulpus* или *Nyctereutes*)	–	–	–	–	–	1	–	1
PROBOSCIDEA								
Elephantidae indet. (?*Archidiskodon meridionalis*)	–	–	–	–	–	6	–	6
PERISSODACTYLA								
Rhinocerotidae	1	1	–	–	–	–	1	3
Equidae	–	–	–	–	–	–	1	1
Equus sp.	–	–	–	–	1	–	–	1
Equus cf. suessenbornensis	–	2	–	–	–	–	–	2
Equus cf. stenonis	–	–	2	–	–	–	–	2
Equus cf. major	–	–	–	–	–	1	–	1
Stephanorhinus sp.	–	–	6	5	–	–	–	11
Stephanorhinus etruscus	–	–	–	–	–	46	–	46
ARTIODACTYLA								
Praemegaceros sp.	1	–	6	–	–	24	–	31
Praemegaceros cf. *verticornis*	–	1	–	–	–	–	–	1
Cervus sp.	–	1	2	–	–	2	–	5
Cervus acoronatus	–	–	–	–	–	18	1	19
Cervus cf. *acoronatus*	3	–	–	–	–	–	–	3
Cervidae	–	–	–	1	2	–	–	3
Capreolus sp.	–	–	1	–	–	1	–	2
?*Capreolus* sp.	1	–	–	–	–	–	–	1
Bison sp.	–	6	6	–	2	–	–	14
Bison cf. *shoetensacki*	4	–	–	–	–	–	–	4
Bison (Eobison) sp.	–	–	–	–	–	21	2	23
Ovibovini	5	–	1	–	3	–	3	12
Bovidae	–	4	–	–	1	–	1	6

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Megalovis sp.	–	–	–	3	–	–	–	3
Megalovis balcanicus	–	–	–	–	–	18	–	18
Caprinae	–	–	1	–	–	–	–	1
Caprinae (?Capra)	–	–	–	–	–	3	2	5
Alcini	–	–	–	–	–	3	–	3
?*Soergelia* sp.	–	–	–	–	–	2	–	2
Leptobos	–	–	–	–	–	17	–	17
Leptobos sp.	–	–	–	–	–	–	1	1
Gazellospira sp.	–	–	–	–	–	1	–	1
Итого	16	15	26	10	9	191	15	282

Pachycrocuta brevirostris и *Crocuta.* К семейству кошачьих относятся два вида – *Panthera onca* cf. *gombaszoegensis* и *Megantereon megantereon.* Хоботные представлены несколькими фрагментами зубов, преимущественно молодых особей indet ?*Archidiskodon meridionalis*. Фрагменты зубов носорога принадлежат некрупному виду *Stephanorhinus etruscus*. Остатки зубов лошади относятся к видам *Equus* cf. *stenonis* и *Equus* cf. *major.*

Заметная роль в сообществе млекопитающих из Трлицы принадлежит парнопалым Artiodactyla. Среди оленей определены представители трибы лосей Alcini, гигантских оленей *Praemegaceros* cf. *verticornis* и представители рода *Cervus: C. acoronatus*, *Cervus* sp. Найдены единичные кости косули *Capreolus* sp. В составе полорогих значительная часть костных остатков принадлежит эндемику Балкан – крупному представителю трибы овцебыков *Megalovis balcanicus*. Среди древних Bovidae определены *Leptobos* sp. и *Bison* (*Eobison*) sp. Кроме того, в слое 10 обнаружены остатки зоергелия *?Soergelia* sp., своеобразного представителя овцебыков и представителя рода Capra.

Наибольший интерес среди находок представляют костные остатки саблезубой кошки *Megantereon megantereon* и крупной винторогой антилопы *Gazellospira* sp., впервые обнаруженные в отложениях Трлицы.

Мегантереон *Megantereon* – род саблезубых кошек, известный с плиоцена до середины плейстоцена на территории Африки, Евразии и Северной Америки. Представители этого рода, возможно, были предками более поздних и крупных саблезубых кошек рода *Smilodon*. Наиболее древние остатки мегантерионов, возрастом ок. 4,5 млн лет, обнаружены в Северной Америке. Ископаемые остатки, датируемые 3,0–3,5 млн л.н., известны из Одесских катакомб Причерноморья [Сотникова, 1989]. Кроме того, на территории Чада и Кении были найдены остатки животного, определенного, возможно, как мегантереон. Их возраст от 5,7 до 7,0 млн лет. Полный скелет мегантереона найден на местонахождении Сенез во Франции. Мегантереон относится к типичным представителям виллафранкских фаун. В Европе он существовал до конца раннего плейс-

тоцена, в Африке – до среднего плейстоцена. *Megantereon* присутствует в фауне из местонахождения Унтермассфельд (Untermaßfeld) в Германии, возраст которого ок. 1 млн лет. В Азии они дожили, возможно, до рубежа 500 тыс. лет. Кости мегантереона обнаружены вместе с останками *Homo erectus* в пещерах Чжоукоудянь в Китае.

Представители рода *Megantereon* были крупными специализированными хищниками и охотились на крупных парнокопытных, лошадей, молодых носорогов и слонов. Мегантереон имел мощный приземистый скелет, массивные передние конечности и крупные когти. Самый крупный экземпляр, найденный в Индии, весил 90–150 кг. Мегантереон из Сенез имел высоту в плечах приблизительно 0,70–0,75 м и достигал размеров леопарда. Пропорции и морфология посткраниального скелета этих кошек предполагают, что они были способны удерживать достаточно большую добычу. Однако способ умерщвления ими добычи остается до конца неясным. В отличие от современных кошек с умеренно длинными коническими верхними и нижними клыками, мегантереон имел длинные сплюснутые с боков верхние клыки, чья задняя часть не была зазубрена, как у большинства саблезубых кошек, и относительно маленькие нижние клыки. Тонкие и плоские саблевидные зубы этого зверя могли сломаться при укусе жертвы в затылок и шею сверху. *Megantereon*, возможно, кусал добычу снизу, перекусывал горло и разрывал большинство крупных нервов и кровеносных сосудов. Затем давал жертве истечь кровью до смерти, при этом он должен был защищать добычу от других хищников.

Находка остатков *Megantereon* в Трлице существенно дополняет состав ископаемого сообщества. В Европе эта крупная кошка известна в составе фауны млекопитающих из местонахождения Унтермассфельд: *Hippopotamus amphibius antiquus, Eucladoceros giulii, Stephanorhinus etruscus*, эволюционно продвинутая форма *Archidiskodon meridionalis*, *Bison menneri, Alces carnutorum, Cervus* s.l. *nestii vallonetensis, Capreolus cusanoides, Equus wuesti, Macaca sylvana* ssp., *Pachycrocuta brevirostris, Homotherium crenatidens, Megantereon cultridens adroveri, Panthera onca gombaszoegensis, Acinonyx pardinensis pleistocaenicus, Lynx issiodorensis, Puma pardoides, Canis lycaonoides, Canis mosbachensis, Ursus rhodei, Mimomys pusillus, Microtus thenii* [Kahlke, 2006; 2009]. Кроме того, в отложениях Унтермассфельда найдено 24 каменных орудия и два небольших орудия из кости, что рассматривается как свидетельство одной из ранних миграций древнейших гомининов в Европу.

Род винторогих антилоп *Gazellospira* включает два вида: типовой – *G. torticornis* (Aymard, 1854) и небольшую редкую антилопу *G. gromovae* (Dmitrieva, 1975) [Дмитриева, 1977]. Ископаемые остатки этой антилопы, обнаруженные в отложениях позднего плиоцена и раннего плейстоцена, известны с территории Франции, Германии, Венгрии, Испании, Греции, Болгарии, Турции, Северного Причерноморья, Киргизии и Таджикистана. Ближайшая к Черногории территория, где *Gazellospira* обитала в начале плейстоцена – Греция. Здесь она обнаружена на местонахождениях Волякс, Ватера и Сескло. Находка *Gazellospira* в Трлице важна тем, что она

логически дополняет материалы по мелким млекопитающим. В составе микротериофауны из этого местонахождения присутствует типичный представитель степных биоценозов Lagurini, в т.ч. в слое 10 [Деревянко и др., 2011]. Находка костей винторогой антилопы подтверждает предположение о существовании открытых ландшафтов в период накопления осадков в карстовой полости Трлица. Кроме того, она маркирует новую точку на карте ареала этого вида.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Агаджанян А.К., Вислобокова И.А., Ульянов В.А., Анойкин А.А., Меденица И. Исследования в пещере Трлица на севере Черногории // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 44–47.

Дмитриева Е.Л. Антилопы неогена Монголии и сопредельных территорий. – М.: Наука, 1977. – 120 с.

Сотникова М.В. Хищные млекопитающие плиоцена – раннего плейстоцена. – М.: Наука, 1989. – 125 с.

Kahlke R.-D. Untermassfeld. A late Early Pleistocene (Epivillafranchian) fossil site near Meiningen (Thuringia, Germany) and its position in the development of the European mammal fauna. – Oxford: Hadrian Books Ltd., 2006. – 141 p. (BAR. International Ser.; 1578).

Kahlke R.-D. Das Leichenfeld im Werratal // Natur und Museum. – 2009. – B. 139. – H. 5/6. – S. 146–159.

С.В. Коваленко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Центр по сохранению историко-культурного наследия
Амурской области

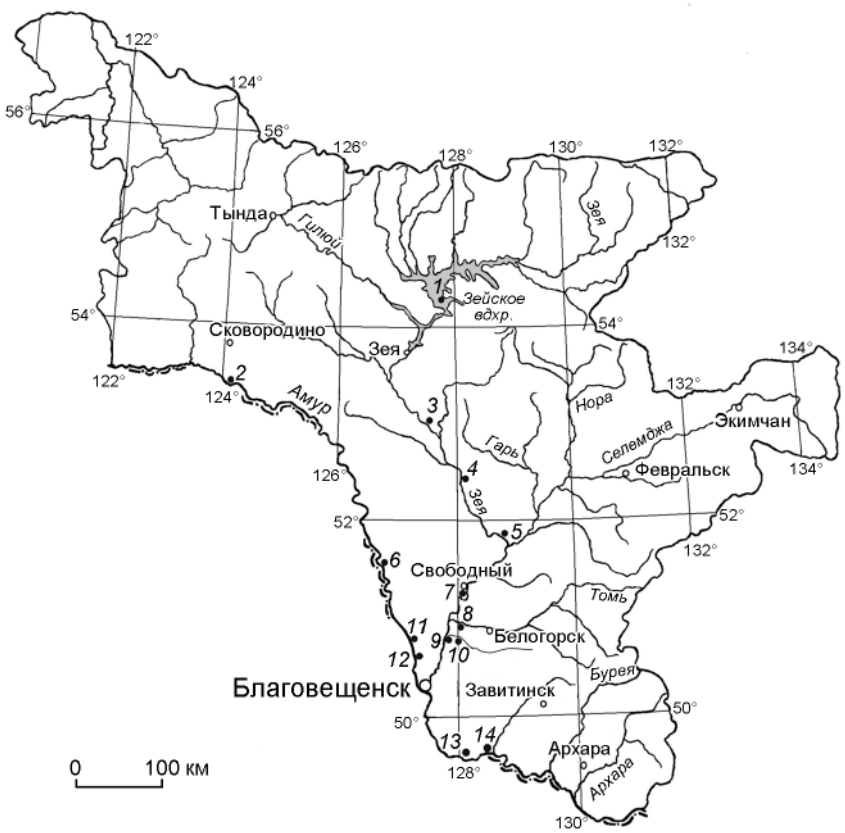
КАРТОГРАФИЯ ОСИНООЗЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ

В настоящее время неолитическая эпоха на территории Западного Приамурья представлена материалами трех культур: громатухинской, новопетровской и осиноозерской. Данная схема сложилась в 1960-е гг. в результате исследования эпонимных памятников (Громатуха, Новопетровка и Осиновое озеро). Осиноозерская культура остается наименее изученной среди неолитических культур Западного Приамурья [Кузьмин, Нестеров, 2010, с. 103]. В этой исследовательской ситуации одной из актуальных проблем является проведение картографирования известных памятников.

Количество хорошо изученных памятников данной культуры незначительно. К одному из таких памятников относится поселение у оз. Осинового в Константиновском р-не Амурской обл. (см. *рисунок*, *13*). Во время разведочных работ 1961 г. отрядом Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова в узкой части береговой рёлки было обнаружено несколько жилищ, западины которых прослеживались в стенках дорожных траншей. В 1962 и 1965 гг. на этом поселении было раскопано несколько жилищ, давших обширный материал для характеристики культуры проживавшего здесь населения [Деревянко, 1973б, с. 104]. На основании материала этого и нескольких других памятников была выделена новая поздненеолитическая осиноозерская культура.

К сегодняшнему дню корпус памятников осиноозерской культуры может быть представлен следующим образом.

Во время работы Дальневосточной экспедиции на верхнем Амуре Э.В. Шавкуновым было обнаружен ряд разновременных памятников, в т.ч. местонахождение у с. Кумары, где наряду с коллекцией палеолитических каменных предметов были обнаружены артефакты неолитического облика, часть которых относилась к выявленной позднее осиноозерской неолитической культуре (см. *рисунок*, *6*). Помимо различных орудий из халцедона были найдены фрагменты керамических сосудов. Орнамент на этих сосудах являлся характерным для керамики осиноозерской культуры и состоял преимущественно из ряда параллельных, иногда перпендикулярных по отношению друг к другу небольших валиков с частыми



Карта памятников поздненеолитической осиноозерской культуры на территории Амурской области.

1 – поселение у оз. Гладковского; *2* – Ульдугичи I; *3* – Поляковский; *4* – Горный; *5* – Громатуха; *6* – Кумары; *7* – Свободный I; *8* – Киселеозерка II; *9* – устье р. Белой; *10* – Озеро Табор; *11* – Сергеевка; *12* – Михайловка-Ключ; *13* – Осиновое Озеро; *14* – гора Шапка.

и глубокими прорезами [Шавкунов, 1957; Сапунов Б.С., Петров, Сапунов И.Б., 2000].

Поселение в устье р. Громатухи – один из ключевых объектов для изучения неолита региона (см. *рисунок*, *5*). По результатам раскопок в 1965–1966 гг. была выделена ранненеолитическая громатухинская культура. Три культурных слоя, по мнению исследователей, представляли этапы развития этой культуры [Окладников, Деревянко, 1977]. В 2004 г. верхний слой был отнесен к осиноозерской культуре. В нем изучено первое жилище этой культуры в северной части ее ареала [Деревянко и др., 2004].

В ходе разведочных работ 1960-х гг. по р. Зее Дальневосточной экспедицией было обнаружено поселение у с. Поляковского с материальными остатками осиноозерской культуры (см. *рисунок*, *3*) [Деревянко, 1973б, с. 107].

В 1968 г. Б.С. Сапуновым и В.В. Сухих открыто многослойное поселение у с. Горного (Падь Калашникова) (см. *рисунок*, *4*). Среди разновременных жилых построек сохранились западины жилищ осиноозерской культуры. Они частично прорезали и разрушили культурный слой поселения громатухинской культуры [Окладников, Деревянко, 1977, с. 115].

Представления об осиноозерской культуре дополняются материалом, найденном на поселении в долине р. Зеи при впадении в нее р. Белой (см. *рисунок*, *9*) [Деревянко, 1973б, с. 106–107]. А.П. Окладников отнес этот материал к разрушенному погребению, так как наряду с характерной осиноозерской керамикой, там были найдены обломки нефритовых браслетов, цилиндрические бусины, подвески, вкладыши и наконечники стрел [Окладников, 1966, с. 38]. На современном этапе изучения памятник пока не найден.

На дюнах у с. Сергеевки обнаружено два культурных слоя. Верхний – неолитический, характеризуется двусторонне ретушированными наконечниками стрел треугольной формы [Окладников, 1966, с. 36]. Имело место также множество фрагментов осиноозерской керамики, украшенной валиками (см. *рисунок*, *11*) [Бродянский, 1987, с. 117].

В 1973 гг. Зейской археологической экспедицией под руководством А.П. Деревянко в зоне затопления Зейской ГЭС проводились охранные раскопки на многослойном поселении у с. Дамбуки в местности Бабек на берегу оз. Гладковского (см. *рисунок*, *1*). Второй культурный слой был отнесен к периоду существования осиноозерской культуры. Для каменных орудий (наконечников стрел, скребков, вкладышей для составных ножей и кинжалов) характерна техника двусторонней ретуши. Основной процент орудий труда изготавлен из крупных отщепов и специальных заготовок. Обнаруженная в этом горизонте керамика была сравнительно тонкостенной, украшена налепными рассеченными валиками и орнаментом, сделанным зубчатым колесиком [Деревянко, 1973а]. В географическом отношении этот памятник является самым северным.

С 1970-х гг. в изучении осиноозерских памятников наступило относительное затишье, и лишь после тридцатилетнего перерыва исследование осиноозерского неолита возобновилось [Алкин, 2011].

В 1996 г. северо-восточнее с. Михайловки начаты раскопки многослойного памятника Михайловка-Ключ [История Амурской области…, 2008, с. 37] (см. *рисунок*, *12*). С 2000 г. на протяжении трех полевых сезонов там проводились широкомасштабные исследования, которые дали уникальный материал для изучения осиноозерской культуры. Впервые была обнаружена мастерская по изготовлению каменных орудий [Алкин, 2001].

В середине 2000-х гг. на территории средневекового Троицкого могильника зафиксировано новое местонахождение осиноозерской культуры, получившее название Озеро Табор (см. *рисунок*, *10*) [Деревянко и др., 2008, с. 173; Алкин, 2011, с. 191].

Проведенные в 2009 г. исследования возвышенной части средневекового городища на горе Шапке позволили получить новые материалы

об объекте, в том числе выявить слой, относящийся к осиноозерской культуре. В целом материал коллекции можно рассмотреть как поселенческий с высокой долей утилизации орудий (см. *рисунок*, *14*) [Зайцев и др., 2010].

Существенным вкладом в формирование источниковой базы и уточнения ареала памятников осиноозерской культуры являются данные, полученные в результате археологических разведок, которые пока слабо введены в научный оборот (Киселеозерка II, Свободный I, Ульдугичи I).

На многослойном поселении Киселеозерка II (см. *рисунок*, *8*) собрана коллекция археологического материала, часть которой можно отнести к осиноозерской культуре. Это отщепы, ножевидные пластины из халцедона и кремнистых пород камня, наконечники стрел треугольной формы с вогнутым насадом, наконечники дротиков, вкладыши, галечное грузило, шлифованное долотовидное орудие, халцедоновое сверло, округло-уплощенные гальки со следами оббивки и пришлифовки с одной из сторон, фрагменты лепной керамики с орнаментом и без него [Зайцев, 2000].

Поселение Свободный I (см. *рисунок*, *7*) практически полностью уничтожено карьером. Выявленный археологический материал позволил датировать один из слоев памятника периодом осиноозерского неолита [Петров, 2002].

В 2011 г. в окрестностях с. Албазино обнаружена стоянка эпохи неолита Ульдугичи I, на которой были найдены фрагменты осиноозерской керамики. Произведенные в 2012 г. раскопки выявили остатки неолитического слоя который был частично разрушен более поздним средневековым поселением. Керамика и каменные артефакты, которые были обнаружены в этом слое, отнесены к осиноозерской культуре [Черкасов и др., 2012]. На данный момент этот памятник является самым западным в географическом отношении (см. *рисунок*, *2*).

На сегодняшний день картографирование известных памятников осиноозерской культуры показывает, что ее носители селились по берегам Амура и Зеи и их притоков, при этом практически по всей территории Западного Приамурья (кроме вышеназванных, осиноозерские материалы встречены еще более чем в двух десятках местонахождений, выявленных во время разведочных работ) (см. *рисунок*). В их ареал вошли как равнинные просторы, так и таежные области.

Список литературы

Алкин С.В. Предварительные результаты изучения памятника Михайловка-Ключ в Среднем Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 11–14.

Алкин С.В. Современное состояние изучения осиноозерской неолитической культуры Среднего Приамурья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. – Уссурийск: Изд-во Уссурийск. гос. пед. ин-та, 2011. – С. 188–198.

Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 276 с.

Деревянко А.П. Научный отчет о раскопках в зоне затопления Зейской ГЭС в 1973 году (Поселение у озера Гладковского). – Новосибирск, 1973а // Архив ИА РАН.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973б. – 354 с.

Деревянко А.П., Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ, Ко Чже Вон, Нестеров С.П., Кан Сун Сек, Ким Чон Чан, Кан Си Нэ, Волков П.В., Комарова Н.А., Савелова А.В., Кудрич О.С., Мин Чжи Хён. Полевые исследования памятника Громатуха на реке Зея в 2004 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 82–86.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., **Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ын Сик.** Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Ин-та культурного наследия, 2008. – Вып. 1, ч. 1: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 г. – 218 с.

Зайцев Н.Н. Отчет об археологической разведке в Благовещенском, Белогорском, Константиновском районах Амурской области в 1999 г. – Благовещенск, 2000 // Архив ЦСН Амурской обл.

Зайцев Н.Н., Волков П.В., Волков Д.П., Коваленко С.В. Неолитическая коллекция с горы Шапка в Амурской области (по результатам раскопок 2009 г.) // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. – Вып. 6. – С. 120–127.

История Амурской области с древнейший времен до начала XX в. – Благовещенск, 2008. – 424 с.

Кузьмин Я.В., Нестеров С.П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Амурск. гос. ун-т, 2010. – Вып. 6. – С. 103–109.

Окладников А.П. Археология долины реки Зеи и среднего Амура // СА. – 1966. – № 1. – С. 32–41.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 286 с.

Петров В.Г. Отчет об археологической разведке на территории Тамбовского, Михайловского и Свободненского районов Амурской области в 2002 году. – Благовещенск, 2002 // Архив ЦСН Амурской обл.

Сапунов Б.С., Петров В.Г., Сапунов И.Б. Памятники каменного века в Амурской области. – Препр. – Благовещенск: Амурск. гос. ун-т, 2000. – 75 с.

Черкасов А., Беляков Б., Вальчак С., Чхаидзе В., Волков Д. Археологические исследования в Албазино: от амурского неолита до русского средневековья // Родина. – 2012. – № 12. – С. 28–30.

Шавкунов В.Э. О чем говорят раскопки // Амурская правда. – 1957. – № 201. – С. 3.

А.И. Кривошапкин[1], В.Н. Зенин[1],
С.К. Васильев[1], А.В. Шалагина[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕРЫ СТРАШНАЯ В 2013 ГОДУ*

В полевом сезоне 2013 г. Чарышским отрядом ИАЭТ СО РАН были возобновлены археологические исследования пещеры Страшная в Краснощековском р-не Алтайского края. Пещера расположена в пределах Северо-Западного Алтая в среднем течении р. Иня (бассейн р. Чарыш), ниже впадения в нее р. Тигирек, в 25 км на юг от с. Чинета и в 3 км на север от д. Тигирек.

Как археологический объект пещера Страшная известна с 1966 г. Первые исследования памятника проводились Н.Д. Оводовым в 1969–1970 гг. В ходе этих работ был накоплен обширный археологический и фаунистический материал. В 1989–1994 гг. было предпринято предварительное изучение пещерных осадков и археологического материала, в результате чего была установлена четкая дифференциация артефактов в соответствии с культурными горизонтами и выделены верхнепалеолитические и мустьерские комплексы [Деревянко, Зенин А.Н., 1995; Зенин А.Н., 1994]. Археологические работы на памятнике были продолжены в 2006–2009 гг. При их проведении были получены уникальные данные по фауне неоплейстоцена; проведен петрографический анализ сырья, использовавшегося при изготовлении каменных артефактов; получена яркая в типологическом отношении коллекция каменных артефактов [Зенин А.Н., 2010]. В результате проведенного радиоуглеродного датирования образцов, отобранных в этот период из культуросодержащих горизонтов, были получены следующие хронологические определения: слой 3_1а – 19150±80 (OxA-V-2359-19, кость); слой 3_1б – 43650±650 (OxA-15804, кость), 44050±700 (OxA-15805, кость), >51800 (OxA-15803, кость); слой 5 (I) – 34780±725 (AA30754, уголь), > 41000 BP (AA-38321, кость); слой 5 (II) – > 41000 BP (AA-38232, кость); слой 6 (III) – 35200±1300 BP (AA-37184, кость). Несмотря на видимую несогласованность датировок, учитывая палеонтологические и археологические данные, допустимо относить верхи слоя 3 к сартанскому времени, а низы слоя 3, слои 4, 5 (возможно и верхи слоя 6) – к каргинскому горизонту.

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-01-18007) и РФФИ (№ 13-06-12039, 12-06-33041).

Основной задачей нынешних исследований было уточнение условий залегания археологических и фаунистических материалов в отложениях плейстоценового возраста, относящихся к 4-му и 5-му литологическим слоям, в рамках возобновления работ по изучению пещеры, прерванных в 2009 г.

После очистки от современного мусора и разбора обвалов была зачищена поверхность слоя 4 на выбранном участке (квадраты Б, В, Г, Д по линиям «19» и «20») общей площадью 8 м^2. В ходе работ 2013 г. были исследованы четыре культурных горизонта 4-го и 5-го литологических слоев, зачищена кровля 6-го слоя.

Слой 4 (горизонт I) представляет собой легкие суглинки сероцветные в прикровельной части и осветленные коричнево-палевые в приподошвенной. Содержание обломочного материала в слое в целом незначительно. Преобладает мелкий изометричный щебень, хаотически ориентированный в толще слоя. Во включениях отмечаются отдельные мелкие ржаво-охристые обломки костного детрита.

Структура слоя 4 (горизонт II) непрочная крупно- и среднезернистая. Средние темноцветные суглинки обильно насыщены дресвой и мелким щебнем, содержание среднещебнистого материала существенно ниже (5–10 %), крупнощебнистые включения единичны. Также для него характерны включения сильно сапролитизированного известняка, представляющие собой гнезда и скопления известняковой дресвы в белесом мучнистом заполнителе.

Легкий палевый суглинок слоя 5 (горизонт I) слабого сероватого и красновато-охристого (в приподошвенной части) оттенков умеренно обогащен щебнисто-дресвянистым материалом. Щебень, как правило, в различной степени выветрелый – присутствует белесая реактивная кайма мощностью 1–3 мм. Встречается и мелкий щебень, полностью выветрелый до состояния белесых мучнистых стяжений, режущихся ножом. Во включениях также отмечены непрочные фрагменты костного детрита ярко-желтого цвета (копролиты крупных плотоядных), обычно деформированные, с нечеткими границами, а также единичные закатыши серых оскольчатых «глин» размером около 1 см в поперечнике. Нижняя граница слоя 5 (I) нечеткая, местами условная, маркируется уровнем залегания артефактов и проводится по горизонтам слабого обогащения мелким щебнем в подошвенной части глыбовых и крупнощебнистых включений.

Слой 5 (горизонт II) представлен красновато-палевым и палевым уплотненным (очень слабая пористость) суглинком с единичными включениями мелкого щебня и дресвы. Отмечены мелкие (0,5–1,0 см) обломки охристых рассыпающихся копролитов. На отдельных участках слой характеризуется резким увеличением количества специфических включений оскольчатых «глин», присутствующих в виде остроугранных неокатанных включений размером около 1–2 см в поперечнике. Нижняя граница слоя местами трассируется по поверхности крупного щебня из нижележащих отложений [Зенин А.Н., Ульянов, 2007].

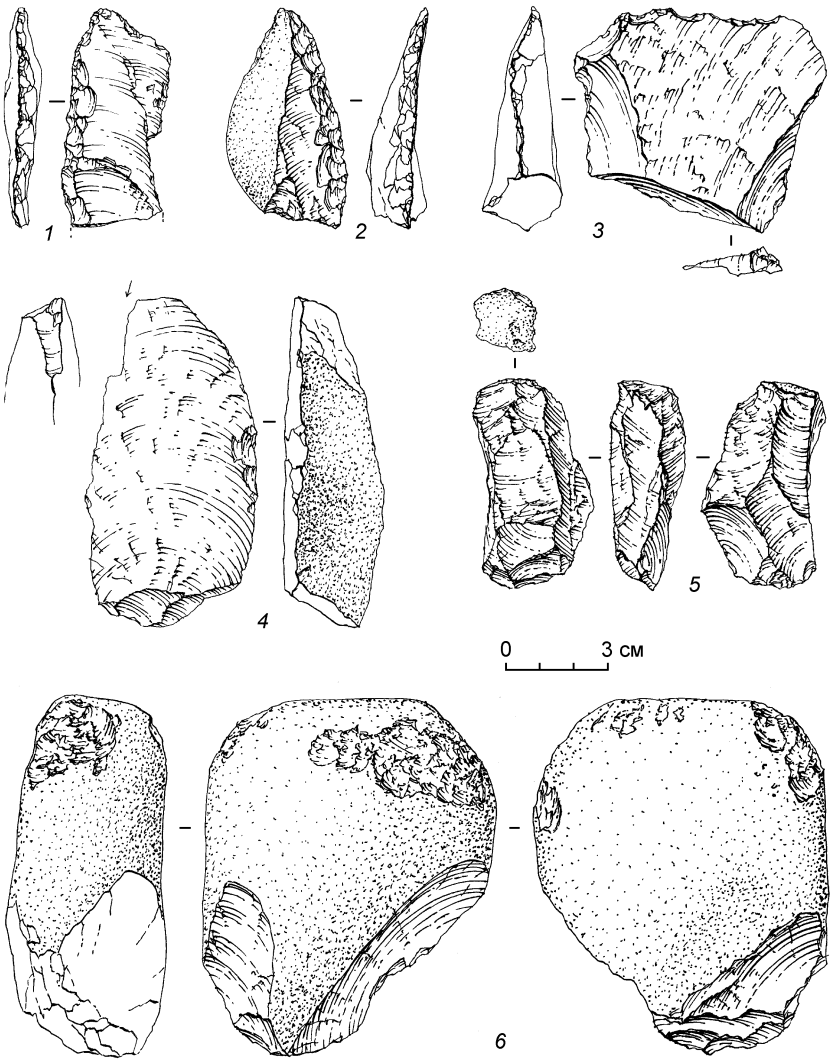
Общая коллекция артефактов из пещеры Страшная, полученная в полевом сезоне 2013 г., насчитывает 454 экз. Из них только половина имеет четкую стратиграфическую привязку, остальные же находки (213 экз.) были обнаружены при разборе обвалов, кротовин и деформаций слоев. Значительная часть каменных артефактов имеет остатки галечной поверхности, из чего можно сделать вывод, что основным сырьем для данной индустрии служил галечный материал с берегов р. Иня ниже слияния ее с левым притоком р. Тигирек.

Археологическая коллекция первого горизонта слоя 4 представлена в основном отходами производства (обломки, осколки, чешуйки, отщепы менее 3 см в максимальном измерении) – 38 экз. Также обнаружены восемь средних отщепов и пять пластин. В этом же слое была зафиксирована довольно крупная галька со следами бессистемного расщепления, которая, вероятно, использовалась как отбойник (см. *рисунок*, *6*). Кроме того, в слое 4 (I) присутствуют четыре орудия: боковой резец, противолежащий резцовому сколу, продольный край которого имеет в средней части участок, обработанный вентральной нерегулярной ретушью (см. *рисунок*, *4*); пластина с вентральной ретушью (см. *рисунок*, *1*), массивная (краевая) пластина с мелкой дорсальной ретушью и отщеп с дорсальной ретушью по левому продольному краю.

При разборе второго горизонта и подошвы слоя 4 было найдено 35 артефактов, среди них мелкая галька, 14 обломка, 9 мелких и 10 средних отщепов, а также пластина. Орудий и нуклеусов зафиксировано не было.

После снятия отложений четвертого слоя была зачищена поверхность слоя 5. В его кровле и при снятии первого горизонта было обнаружено 45 артефактов. Отходы производства представлены 15 обломками, чешуйкой и 10 мелкими отщепами. К категории сколов-заготовок в коллекции относятся 7 средних отщепа и 3 пластины. Также в слое было найдено несколько мелких галек. Среди орудий выделяется диагональное слабовыпуклое скребло с чешуйчатой разноразмерной ретушью, выполненное на остроконечном сколе, дорсальная поверхность которого на половину покрыта естественной коркой (см. *рисунок*, *2*). Также в орудийном наборе присутствует отщеп с нерегулярной ретушью на левом продольном крае и дистальном окончании (см. *рисунок, 3*); отщеп с чешуйчатой разноразмерной ретушью, почти полностью покрытый естественной коркой с дорсальной стороны, и мелкий отщеп с вентральной ретушью в дистальной части.

Наиболее многочисленная коллекция каменных артефактов была обнаружена во втором горизонте 5-го слоя – 102 экз. Но при этом значительная часть (68 экз.) найденного археологического материала – это осколки, обломки, мелкие отщепы, галечный материал. Особое внимание привлекает продольно фрагментированный нуклевидный обломок с подработкой тыльной поверхности радиальными снятиями (см. *рисунок*, *5*) и технический продольно-краевой скол. Среди сколов-заготовок, зафиксированных в указанном слое, преобладает продольная и бипродольная огранки дорсальной поверхности. В слое было найдено 4 пластины, 26 отщепов



Каменные артефакты из пещеры Страшная.

1 – пластина с ретушью; *2* – скребло; *3* – отщеп с ретушью; *4* – резец; *5* – нуклевидный обломок; *6* – отбойник.

средних размеров и 2 крупных. К орудийным формам относится небольшой боковой резец, выполненный на техническом сколе.

На завершающем этапе работ, после разбора отложений слоя 5 (II) была зачищена кровля 6-го слоя, при этом был обнаружен немногочисленный археологический материал: четыре мелких отщепа и обломок.

Несмотря на невыразительность и немногочисленность коллекции, можно сказать, что обнаруженные в 2013 г. артефакты подтверждают

высказанное ранее предположение о том, что слои 4, 5 содержат культурные остатки, принадлежащие финалу среднего – началу верхнего палеолита.

Помимо археологического значения, пещера Страшная вызывает и огромный палеонтологический интерес. По обилию и разнообразию остатков мегафауны пещера занимает одно из первых мест среди других палеолитических памятников Горного Алтая [Васильев, Зенин А.Н., 2009, 2010]. Тафоценоз Страшной пещеры сформировался преимущественно в результате пищевой активности хищных зверей. Доля *Carnivora* в плейстоценовых слоях пещеры достигает более 35 % от числа всех остатков крупных млекопитающих. Именно хищникам (особенно пещерной гиене и волкам) принадлежала ведущая роль в аккумуляции остатков мегафауны в карстовой полости.

Необходимо отметить, что до половины всех определимых костных остатков из пещеры Страшной относится к суркам, норы которых пронизывают насквозь всю толщу плейстоценовых отложений, в результате чего пещерные слои оказываются в значительной степени перемешаны.

Раскопки предыдущих сезонов показали, что на предвходовой площадке и в коридоре, ведущем в центральную камеру, очевидно, отсутствовали условия для массового захоронения остатков мегафауны. По мере продвижения раскопок в глубину пещеры следует ожидать наиболее массовых и интересных находок (в т.ч., возможно, и палеоантропологических), наилучших по своей полноте и сохранности. Сравнительно небольшие по объему раскопки 2013 г. подтвердили это. В нынешнем полевом сезоне было получено более 18 тыс. костных остатков, включающих ряд уникальных находок, например фрагмент верхней челюсти с двумя зубами, астрагал и пяточную кость дикобраза (*Hystrix* sp.).

В целом можно отметить, что существенных изменений в составе плейстоценовой териофауны по отдельным слоям не отмечено, что свидетельствует об относительной стабильности палеоэкологической обстановки. На протяжении всего периода осадконакопления в районе пещеры прослеживается мозаичность биотопов, в то время когда на фоне обширных степных пространств по долинам рек, горным ущельям или склонам северной экспозиции сохранялись небольшие участки лесной растительности. В тафоценозе Страшной преобладают виды животных, характерные для открытых пространств: бизон, крупная кабаллоидная лошадь, лошадь Оводова, шерстистый носорог, дзерен, сайгак, архар, байкальский як, пещерная гиена, пещерный лев. Обитателями скальных биотопов являлись сибирский горный козел и снежный барс.

Учитывая количество и состав археологического материала, а также характеристики фаунистической коллекции, можно сделать вывод, что палеолитический человек появлялся под сводами Страшной пещеры лишь эпизодически, возможно, в определенные сезоны и далеко не каждый год подряд. Большую же часть времени пещера использовалась в качестве убежища или логова для выведения потомства пещерными гиенами, волками и лисицами.

Список литературы

Васильев С.К., Зенин А.Н. Фаунистические остатки из пещеры Страшная (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок в 1988–2008 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 56–62.

Васильев С.К., Зенин А.Н. Остатки мегафауны из пещеры Страшная в Северо-Западном Алтае (по материалам раскопок 2009 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 15–20.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Верхнепалеолитические комплексы пещеры Страшная // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – Вып. VI. – С. 24–26.

Зенин А.Н. Многослойный палеолитический памятник в пещере Страшная (Западный Алтай) – специфические элементы процесса осадконакопления // Всерос. совещание по изучению четвертичного периода: тез. докл. – М., 1994. – С. 96.

Зенин А.Н. Отчет в ОПИ. Археологические исследования в пещере Страшная в 2009 году. – Новосибирск, 2010.

Зенин А.Н., Ульянов В.А. Стратиграфические исследования в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 105–109.

В.Е. Ларичев

Институт археологии и этнографии СО РАН

ФРИЗ «ОЛЕНИ В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ» В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ ЛЯСКО (к методике интерпретации многофигурных композиций из пещерных святилищ палеолита Западной Европы)

Вводные замечания. Доклад призван дополнить многолетнюю программу предъявления доказательств наличия в любой из культур древнекаменного века Евразии от Тихого океана на востоке до Атлантики на западе предметов «искусства» малых форм с «записями» систем счисления времени по Луне и Солнцу* интерпретациями (расшифровками) той же содержательности образно-знаковых композиций «искусства» монументального, запечатленного на стенах закрытых (пещерных) и открытых (вне недр гор) храмов (святилищ) Европы и Сибири.

История вопроса. Открытие в середине прошлого века святилища с живописью Валлон-Пон-д'Арк (Франция) продемонстрировало неприемлимость традиционной методики интерпретации пещерного искусства палеолита. Это событие потребовало разработки неординарных методических приемов анализа образов «первобытного художественного творчества» (предварительный опыт см.: [Ларичев, 1998]). Новые установки были позже успешно опробованы при семантических оценках изделий искусства малых форм и петроглифов культур палеометалла и раннего средневековья Сибири, что позволило сделать вывод о тысячелетиях бережного сохранения информационных традиций в среде жречества Европы и Северной Азии эпохи первобытности [Ларичев, 2011, 2012].

Объект исследования. Программная цель поиска и методические установки. Используя накопленный за 30-летие опыт семантических реконструкций, обратимся к расшифровке знаковых «текстов» загадочного смысла «Фриза оленей» в Большом зале пещеры Ляско (рис. 1) [Laming-Emeraire, 1962, p. 255, fig. 41], которая представляет ранний этап культуры мадлен – ок. 15 тыс. л.н. В докладе ставится задача представить варианты систем счисления времени на финальном этапе верхнего палеолита западных окраин Европы. При решении ее первостепенной проблемой стало

*См. публикации докладов автора по искусству палеолита в серийном издании Института археологии и этнографии СО РАН «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» за 2002–2012 гг.

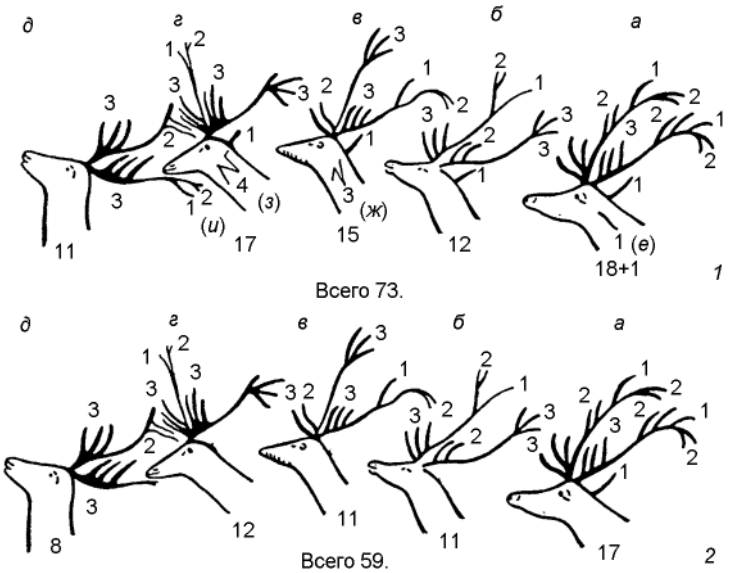


Рис. 1. Фриз «Олени в потоке Времени» в Большом зале Ляско.
1 – «записи» чисел с учетом всех знаков; *2* – «записи» чисел без учета факультативных знаков.

выявление в информационной матрице фриза знаково-числового аспекта его структур*, ключа к расшифровке*.

Презентация фигур фриза и числовых «записей» в каждой из них. Тестирование общего количества знаков и без учета факультативов. За счетные элементы приняты отростки рогов оленей (базовая часть информационной системы) и факультативные знаки (уши, прямая и зигзагообразные линии на шеях животных и три отростка левого из них). Факультативы обеспечивали *вариативность* числовых «записей».

Фриз составляют пять увенчанных рогами голов оленей, видимо, переправляющихся через водный поток (они погружены в него по шею). У первого, крайнего справа, оленя (см. на рис. 1, *1а*) 16 отростков + 2 факультативных знака (ухо и линия *е* на шее) = 18 знаков; у второго (*б*) – 11 отростков + 1 (ухо) = 12; у третьего (*в*) – 11 отростков + 1 (ухо) + 3 (зигзаг на шее (*ж*)) = 15; у четвертого (*г*) – 12 отростков + 1 (ухо) + 4 (зигзаг на шее) = 17; у пятого (*д*) – 8 отростков + 3 (отростки «*и*», *отделенные от остальных нижней частью головы четвертого оленя*) = 11. Всего знаков базовых и факультативных 18 + 12 +15 + 17 +11 = 73, но без учета факультативов 1 (линия на шее оленя «*а*») + 3 (уши оленей «*а–г*») + 3 (зигзаг на шее оленя «*в*») + 4 (зигзаг на шее оленя «*г*») + 3 (отростки «*и*» оленя «*д*») = 14 знаков (рис. 1, *2*). 73 – 14 знаков = 59 знаков.

Оба полученных числа высоко календарно-астрономически значимы, ибо они кратны синодическому (смещение ночного светила относительно Солнца) и сидерическому (смещение ночного светила относительно

звезд) оборотам Луны − 73 сут. : 29,5306 сут. = 2,4720 ≈ $2^1/_2$ *син.* мес.*; 73 сут. : 27,32 сут. = 2,6720 ≈ 2⅔ *сид.* мес.; 59 сут. : 29,5306 сут. = 1,9979 ≈ ≈ 2 *син.* мес.

Реконструкция системы счисления солнечного года. Шестикратное счисление числа 73 выводит на рубеж окончания солнечного года − 73 сут. × 5 = 365 ≈ 365,242 сут. Исключительный интерес этой системы заключается в том, что *солнечный* годовой цикл отслеживался в рамках вариантов месячных *лунных* циклов *без интеркаляций*. Число 73 было известно календаристам мальтинской культуры Сибири (количество знаков на малых подвесках ожерелья с подвесками из погребения детей.

Реконструкция иных вариантов систем счисления времени посредством разных вариаций совмещения фигур оленей. Счетные системы оленей «*а*» (18 знаков) и «*б*» (12) позволяют считывать лунный год по схеме 18 + 12 сут. = 30 сут. и 17 (факультатив шеи оленя «*а*» не считывался) + 12 = 29 сут.; (30 + 29 сут.) × 6 = 354 ≈ 354,367 (рис. 2, *2*).

Счетные системы оленей «*а*», «*б*» и «*в*» *без учета факультативов* на шеях «*а*» и «*в*» позволяют считывать *сидерический* год по схеме 17 (*а*) + + 12 (*б*) + 12 (*в*) = 41; 41 : 27,32 сут. = 1,50073 ≈ $1^1/_2$ *сид.* мес.; 41 сут. × × 8 = 328 ≈ 327,84 сут. (рис. 2, *4*).

Счетные системы оленей «*в*» (12 без факультатива «*ж*»), «*г*» (13 *без факультатива* «*з*») и «*д*» (11) позволяют читывать лунно-солнеч-

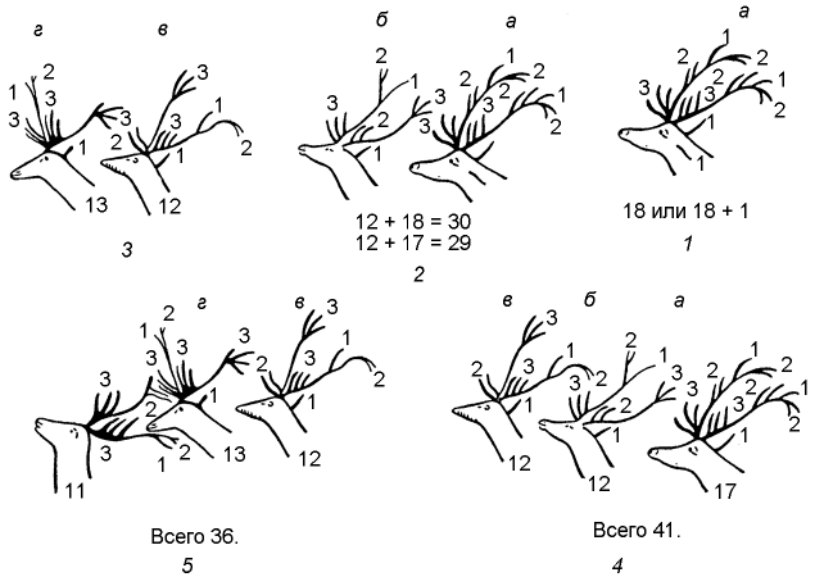


Рис. 2. Вариации совмещения фигур оленей, позволяющие реконструировать несколько вариантов счисления времени.

*Точность счисления времени в палеолите составляла ок. 0,02–0,03 суток.

ный год по схеме (12 + 13 + 11 сут. = 36) × 10 = 360 сут.; 36 сут. кратны *драконическому* месяцу − 36 сут. : 27,2122 сут. = 1,3239 ≈ 1⅓ *дракон* (затменных) мес. В этой же схеме 12 и 13, возможно, отражали, помимо того, количество месяцев *в простом и эмблисмическом* (с интеркаляцией) лунных годах (см. рис. 2, *5*).

Нет уверенности, но возможно, по счетной системе оленя «*а*» отслеживались 18 и 19-летия по схеме 18 → 18 + 1 (повторное считывание факультатива на шее или ухе в зависимости от того, с какого знака начиналось считывание числа 18, а значит, какой знак считывался *дважды;* рис. 2, *1*). Если так, то в Ляско (как и в мальтинской культуре Сибири) были осведомлены о длительности цикла Метона (19 лет) и саросных циклов – 54 (18×3) года и 56 (19→18→19) лет (подтверждение идеи [Ларичев, 1998]).

Заключение. Числовая знаковая система «Фриза пяти оленей» из Ляско представляет те же вариации систем счисления времени по Луне и Солнцу, что и счетные системы объектов «искусства» малых форм Западной Европы. Размещение фриза в недрах пещеры объясняется желанием наверняка обеспечить сохранность календарного характера художественного «текста».

Список литературы

Ларичев В.Е. Космографическая композиция из «Большого зала» Ляско // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. – 1998. – № 3. – С. 44–51.

Ларичев В.Е. Оленные камни: опыт интерпретаций отдельных стел и рядов их в структурах святилищ и погребальных комплексов (к проблеме космичности мировоззрения ранних кочевников Северной и Центральной Азии) // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – Новосибирск: РИЦ Новосиб. гос. ун-та, 2011. – Вып. 16. – С. 97–116.

Ларичев В.Е. Курыканские всадники: космическая охота степных богатырей Прибайкалья на небесного лося или оленя, символов «Всея Вселенной» (опыт реконструкции космогонического мифа кочевников средневековья Сибири) // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – Новосибирск: РИЦ Новосиб. гос. ун-та, 2012. – Вып. 17. – С. 93–100.

Laming-Emperaire A. La Signification de l'Art rupestre paléolitique. – Paris, 1962. – 420 p.

Л.В. Лбова[1, 2], А.В. Барков[2], В.М. Харевич[1], И.В. Стасюк[1, 3], Е.А. Томилова[1], Е.Н. Кукса[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ МАЛАЯ СЫЯ: итоги полевых исследований в 2013 году*

Локально-региональные особенности условий обитания человеческих коллективов приводили к формированию различных культурных феноменов, свидетельствующих о сложной системе взаимных связей системы человек-природа в пространственной и временной динамике. Установлено, что при исследовании взаимосвязей природных и культурных изменений на регионально-локальном уровне наблюдается асинхронность природных и культурных изменений. С этой точки зрения, закрытые котловины как своеобразные социально-экологические *рефугиумы* являются, несомненно, интересным и значимым явлением для изучения палеолитической эпохи в Сибири.

Необходимость актуализации исследовательского интереса к палеолитическому комплексу Малой Сыи обусловлена рядом факторов. Это связано, во-первых, как со значительным увеличением количества синхронных Малой Сые памятников каргинского-раннесартанского времени на территории Средней Сибири, так и с сопутствующим этому росту изучением динамики развития культурного феномена на фоне локальных палеогеографических сценариев в северной части Минусинской котловины. Во-вторых – с нерешенностью ряда научных проблем, связанных оригинальностью и неоднозначностью самих археологических материалов и интерпретацией соответствующего им археологического контекста; неполным представлением в специальной литературе коллекционных сборов прошлых лет. В-третьих, вопросы сохранения и рационального использования археологического наследия в современных условиях остаются одними из первостепенных в зонах активного туристического движения.

Исследовательская программа по изучению Малой Сыи на 2013–2015 гг. предполагает введение всех накопленных к настоящему времени материалов в научный оборот и продолжение комплексных полевых археологических, геолого-геоморфологических, палеопедологических и иных исследований.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00070; при поддержке Минобрнауки РФ, Соглашение № 14.B37.21.0007.

Палеолитическая стоянка Малая Сыя находится в восточных предгорьях Кузнецкого Алатау на левом берегу р. Белый Июс, с южной стороны от пос. Малая Сыя (координаты центральной точки памятника – 54°24′1,96″ с.ш., 89°26′34,64″ в.д.). Стоянка является значимым элементом археологического микрорайона, включающего как открытые стоянки, так и комплекс пещер, в которых обнаружены археологические и палеофаунистические материалы, датируемые в широком хронологическом диапазоне – от палеолита до этнографической современности [Ларичев, 1980].

Первые подъемные сборы на территории карьера кирпичного завода, уничтожившего значительную часть площади памятника, были проведены 1973 г. местным краеведом Ф.И. Кирилловым и сотрудником Института мерзлотоведения СО АН СССР В.Е. Дмитриевым. В 1974 г. осмотр стоянки и подъемные сборы проводил Н.Д. Оводов, в 1975 г. работы были продолжены Н.Д. Оводовым и В.Е. Ларичевым. С 1976 г. в обстановке непрекращающегося разрушения памятника В.Е. Ларичевым были развернуты масштабные раскопки, в результате которых получен основной объем коллекций археологического материала. В 1992, 2000, 2001 гг. Ю.П. Холюшкиным были проведены работы по зачистке разрезов для уточнения стратиграфии памятника. В 2004 г. на территории памятника раскопки проводились Д.Н. Дроздовым [Ларичев, Холюшкин, 1992; Холюшкин, 2009]. Длительность изучения столь значимого для сибирского палеолитоведения объекта, к сожалению, не соответствует степени представленности материалов Малой Сыи в научной литературе. Сложная стратиграфическая ситуация на памятнике и неоднозначность датировок вызвали научную дискуссию о проблеме хронологии стоянки Малая Сыя [Лисицын, 2000; Холюшкин, 2009].

Крайне скудной в публикационном формате является и характеристика каменной индустрии памятника. По мнению авторов раскопок 1976–2001 гг., первичное расщепление памятника направлено на получение пластин, реже – пластинчатых отщепов с одно- и двухплощадочных нуклеусов параллельного и встречного принципа расщепления; в коллекции присутствуют кубовидные, дисковидные нуклеусы, группа массивных торцовых ядрищ. Орудийный набор представлен пластинами с ретушью, пластинами с выемками, резцами на пластинах и реже отщепах, остриями и остроконечниками, скребками (концевыми, боковыми на отщепах, округлыми формами), ножами на пластинах, долотовидными орудиями, скреблами, отщепами с ретушью, орудиями на гальках [Лисицын, 2000; Ларичев, Холюшкин, 1992].

В ходе работ 2013 г. для уточнения стратиграфической позиции археологического комплекса (или комплексов), его датировок и определения перспектив дальнейших исследовании на памятнике были заложены два шурфа и одна зачистка общей площадью 9 м^2. Шурфы были заложены на участках за пределами карьера, зачистка – в борту одной из выемок карьера.

Во всех разрезах зафиксирована сходная последовательность геологических слоев, отличия в мощности и деталях строения отдельных гори-

зонтов связаны с локализацией выработок на отдельных участках склона. Описание стратиграфического разреза дается по южной стенке шурфа № 2.

1. Горизонт современного почвенного комплекса, представлен горной черноземной почвой, сформированной на плотных, тяжелых, гумусированных суглинках. Нижняя граница четкая, неровная, с затеками и карманами в нижележащий слой. Мощность слоя 40–60 см (в карманах до 70 см).

2. Суглинок рыжевато-коричневатый плотный, тяжелый с субвертикальными затеками гумуса из вышележащего слоя, по высыхании пористый, комковатый. Нижняя граница четкая, с нитевидными клиньями (затеками) в нижележащий слой. В разрезе зафиксирован клин, глубиной до 40 см, заложенный под углом 40° относительно древней поверхности склона. Мощность слоя 25–40 см.

3. Суглинок желтовато-коричневатый, более легкий и однородный, чем в вышележащем слое. Имеются отдельные вкрапления карбонатов и пятен ожелезнения. К подошве слоя появляются неясно выраженные прослои более светлого суглинка. Мощность слоя 40–70 см.

4. Суглинок серо-коричневый слабогумусированый, тяжелый, с пятнами и немногочисленными прослоями ожелезнения, карбонатов и отдельными угольками, по высыхании – комковатый. В квадрате К-11 слой выклинивается. Мощность слоя 20 см.

5. Суглинок серо-коричневый, более легкий и менее гумусированый, чем вышележащий. В слое присутствуют отдельные пятна карбонатов и неясно выраженные прослои ожелезнения. Отмечается падение слоя по склону. В квадрате К-11 выклинивается. Мощность слоя 20–40 см. Содержит артефакты.

6. Суглинок серо-коричневый, тяжелый, слабогумусированый, аналогичный слою 4. В слое присутствуют включения карбонатов и выраженные прослои ожелезнения. В подошве слоя содержится дресва. Слой падает согласно склону. Выклинивается в квадрате К-11. Мощность слоя 20–40 см. В данном слое найдена основная масса находок.

7. Суглинок серо-коричневый, слабогумусированый, аналогичный вышележащему. Отличается наличием более мощных и четко очерченных прослоев ожелезнения мощностью до 1,5 см. Падает по склону. Выклинивается в квадрате К-11. В слое фиксируются известковые глыбы. Мощность слоя 30 см. В кровле слоя присутствуют отдельные артефакты.

8. Суглинок сизый, однородный, плотный, тяжелый, с включениями дресвы. Слой вскрыт в квадрате К-11 на глубину 20 см.

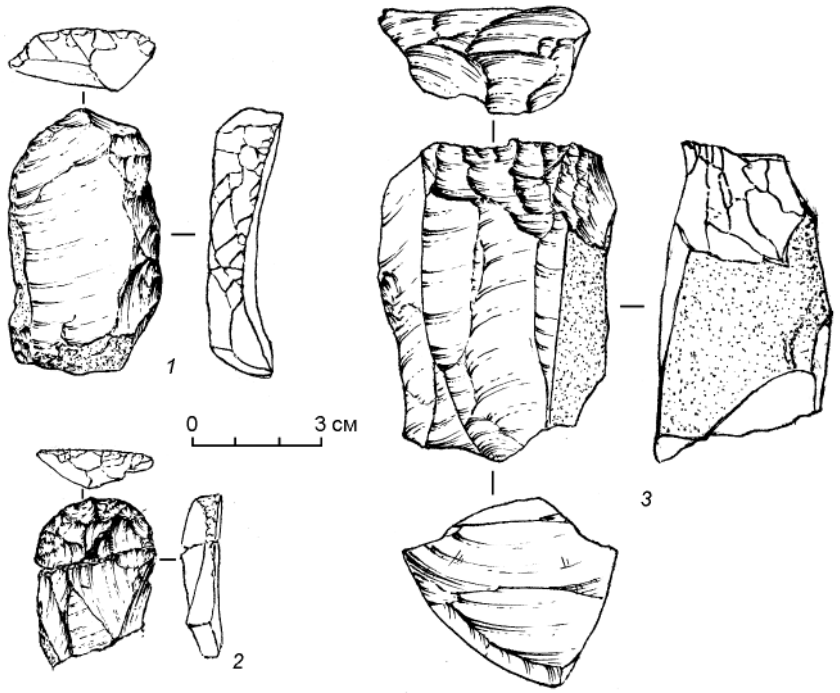
Вскрытая толща четвертичных напластований на изучаемом участке стоянки представлена исключительно отложениями склонового ряда. Нижняя часть разреза, включая культуросодержащие горизонты, по всей вероятности, являются продуктами переотложений ископаемой почвы каргинского (?) времени, осложненных криогенными деформациями в виде мерзлотных клиньев и солифлюкционными процессами. Характер отложений на данном этапе их изучения, не позволяет выделить отдельные комплексы (горизонты?) памятника, заставляет с крайней осторожностью подходить к проблеме выделения отдельных объектов.

Полученная в ходе раскопок коллекция каменных артефактов насчитывает 187 экземпляров. Нуклевидные изделия представлены подпризматическим двухплощадочным монофронтальным нуклеусом для пластин (см. *рисунок, 3*), нуклевидными обломками со следами сколов, обломком фронта нуклеуса с негативами пластинчатых снятий. Индустрию сколов составляют отщепы мелких и средних размеров (69 экз.), обломки и осколки сырья (99 экз.), пластины (3 экз.), одна микропластина и пластинчатые сколы (4 экз.). Необходимо также отметить немногочисленные осколки горного хрусталя (6 экз.) и охры, найденные в культурном слое. Орудийный набор представлен концевым и двойным концевым скребками на пластинах (см. *рисунок*, *1, 2)*.

Костные остатки представлены многочисленными находками расколотых трубчатых костей крупных и средних млекопитающих, костными остатками микротериофауны, фрагментами расколотого бивня.

Проведенные в 2013 гг. работы позволяют сделать следующие предварительные выводы.

1. Представляется, что культуросодержащие отложения распространены на значительной площади за пределами разрушенной части памятника и исследованного ранее участка.



Материалы из раскопок на местонахождении Малая Сыя. Шурф 2. 2013 г.

1 – двойной скребок на пластине; *2* – подпризматический монофронтальный нуклеус; *3* – концевой скребок.

2. В настоящий момент характер культуросодержащих отложений, вскрытых в ходе работ 2013 г., не позволяют разделить археологический материал на отдельные три комплекса, как это предлагали Ю.П. Холюшкин и В.Е. Ларичев.

Список литературы и источников

Ларичев В.Е. Отчет о исследованиях Верхнечулымской археологической экспедиции в бассейне р. Белый Июс в 1978/1979 г. Рукопись. Новосибирск, 1980.

Ларичев В.Е., Холюшкин Ю.П. Археология верхнепалеолитического поселения Малая Сыя // Археология, геология и палеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян). – Красноярск: Зодиак, 1992. – С. 109–122.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – С. 26–30.

Холюшкин Ю.П. Поселение Малая Сыя – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур *Homo sapiens* в Северной Азии) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 137–145.

Н.В. Мартынович[1], С.В. Маркин[2]

[1]Красноярский краевой краеведческий музей
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН

ПАЛЕОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПЕЩЕРЫ ЧАГЫРСКАЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ*

В пещере, приуроченной к среднему течению р. Чарыш, представлены голоценовые (сл. 1–4) и неоплейстоценовые образования (сл. 5, 6а, 6б, 6в/1, 6в/2), нижний интервал которых содержит богатейшие археологические, палеонтологические и антропологические остатки [Деревянко и др., 2013].

Остатки авифауны, в т.ч. со следами кислотной эрозии, полученные из отложений объекта в 2008–2011 гг., свидетельствуют о вероятном приносе их хищными птицами. Здесь выявлены следующие представители.

Anatidae. Гусь (*Anser sp.)* редок в неоплейстоцене Алтая, единичные кости найдены в пещерах Окладникова, Страшной, Усть-Канской.

Кряква (*Anas platyrhynchos*) – наиболее многочисленный вид крупных уток, известный в ископаемом состоянии на Алтае. На гнездовье отмечена в различных частях региона [Сушкин, 1938; Цыбулин, 2009].

Шилохвость/свиязь (*Anas acuta/penelope*) – самые многочисленные среднего размера утки в субфоссильном и фоссильном состоянии на Алтае.

Чирок-свистунок (*Anas crecca*) – обычная мелкая утка в неоплейстоцене Алтая, отмечена в пещерах Логово Гиены, Денисовой, Усть-Канской.

Утка (*Anatidae gen indet*). Ближе неопределимая фаланга пальца ноги (сл. 5, гор. 4).

Falconidae. Пустельга (*Falco tinnunculus*) – самый многочисленный мелкий сокол, найденный в пещерах вследствие его гнездования вблизи мест захоронения.

Accipitridae. Ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*). Симфиз нижней челюсти (сл. 3). В неоплейстоцене найден в пещерах Окладникова и Страшной, в голоцене более многочислен. Обычен в северо-западной и северной части Алтая, где придерживается лесных биотопов [Сушкин, 1938].

Беркут (*Aquila chrysaetos*). Две фаланги (включая когтевую) пальца лапы из сл. 5, гор. 2; одна когтевая фаланга (6в/1, гор. 2). Судя по находкам в пещерах Страшной, Разбойничьей, Денисовой, нередок в неоплейстоцене Алтая [Пантелеев, 2002].

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-18022.

Tetraonidae. Белая куропатка (*Lagopus lagopus*) – индикатор похолоданий, в неоплейстоценовых отложениях пещер Алтая. Как правило, входит в состав смешанных комплексов, не являясь при этом доминирующей в составе ориктоценозов. Ныне мелкая форма *Lagopus lagopus brevirostris* обитает оседло в альпийском поясе хребтов Северо-Западного Алтая [Потапов, 1987].

Тетерев (*Tetrao tetrix*) – немногочислен в неоплейстоценовых отложениях пещер, более заметен в голоценовых осадках Алтая.

Тетеревиные (*Tetraonidae*). Фаланга пальца лапы (сл. 5, гор. 2) птицы размером с белую куропатку или тетерева; шейный позвонок (6 в/1, гор 3).

Серая куропатка (*Perdix perdix*) – обитатель остепненных предгорных ландшафтов Алтая, найденный в позднем неоплейстоцене пещер Окладникова, Усть-Канской, Страшной [Мартынович, 2013].

Rallidae. Коростель (*Crex crex*) – самый многочисленный ископаемый вид пастушковых на Алтае, кости которого обычны в рецентных и голоценовых сборах филиновых ниш [Оводов, Мартынович, Надаховский, 1998].

Погоныш (*Porzana porzana*). Неполный тибиотарзус обитателя камышовых зарослей (сл. 3). Известен в неоплейстоценовых осадках пещер Денисовой, Страшной [Пантелеев, 2002; Мартынович, 2013].

Charadriidae. Мелкий улит (*Tringa ochropus/glareola)* найден по проксимальному фрагменту левого тарсометатарсуса (сл. 5, гор. 6). К чернышу или фифи отнесен по размерам. Фифи представлен единственной неоплейстоценовой находкой из Денисовой пещеры [Пантелеев, 2002], черныш найден в Страшной [Мартынович, 2013].

Перевозчик (*Actitis hypoleucos*). Дистальный фрагмент левого тибиотарсуса (сл. 5, гор. 1).

Бекас или дупель (*Gallinago sp*.). Проксимальный и дистальный фрагменты правой плечевой (сл. 4).

Большой кроншнеп (*Numenius arquata*). Дистальный фрагмент левого тибиотарзуса (сл. 2).

Charadriiformes indet. Проксимальный фрагмент коракоида (сл. 6б, гор. 1).

Pterocleidae. Саджа (*Syrrhaptes paradoxus*). Дистальная часть левого тибиотарсуса (сл. 6а, гор. 3). Находки этого вида в отложениях пещер показательны. Саджа – характерная птица полупустынь и сухих степей Средней и Центральной Азии [Козлова, 1975], включая Монголию и Тыву [Баранов, 1991]. На гнездовании отмечена по южной окраине Алтая и в Чуйской степи [Сушкин, 1938]. В неоплейстоцене Алтая кости саджи известны в отложениях пещер Страшной, Окладникова, Денисовой, Усть-Канской, что, видимо, указывает на существование холодных аридных степей [Мартынович, 2010].

Columbidae. Сизый голубь (*Columba cf. livia*). В неоплейстоцене отмечен в пещерах Окладникова, где входил в доминирующую группу, и Страшной [Мартынович, 1990]. В современном состоянии на Алтае обитает в основном как полудомашняя форма.

Strigidae. Сова болотная (*Asio flammeus*). Проксимальный фрагмент первой фаланги большого пальца кисти (сл. 5, гор.1). Характерна для всех местонахождений Алтая. На гнездовье обычна в степной низкогорной западной части региона.

Apodidae. Белопоясный стриж (*Apus pacificus*). Левый карпометакарпус (сл. 6б, гор. 4). Вид, связанный со скалами, нередок в ископаемом состоянии для Алтая.

Picidae. Седой дятел (*Picus canus*). Правая плечевая кость (сл. 4). Обитатель светлых хвойных лесов.

Hirundinidae. В отложения чаще попадают кости молодых особей из гнезд под сводами пещер. В позднем неоплейстоцене ласточки найдены в пещерах Окладникова, Усть-Канской, Денисовой, Страшной. Определен воронок (*Delichon urbica*), касатка (*Hirundo rustica*) и рыжепоясничная (*Cercopis daurica*) ласточки [Мартынович, 1990; Пантелеев, 2002].

Bombicillidae. Свиристель (*Bombicilla garrulus*). Полный тарзометатарсус (сл. 2).

Corvidae. Ворон (*Corvus corax*). Для Алтая указывается как достаточно редкий вид.

Ворона (*Corvus cornix/corone*). Дистальный фрагмент левого карпометакарпуса (сл. 6а, гор. 1). В неоплейстоцене региона указана для пещер Логово Гиены, Страшной, Денисовой [Пантелеев, 2002], Усть-Канской. Ныне для Алтая свойственна черная ворона *(Corvus corone)*.

Галка (*Corvus cf. monedula*). В голоценовых отложениях Алтая один из доминирующих видов в накоплениях филиновых ниш. В неоплейстоцене обнаружена в северо-западной и центральной частях региона [Пантелеев, 2002; Мартынович, 2010].

Клушица (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*). Полный левый тарзометатарзус (сл. 5, гор. 1). Характерная врановая птица в неоплейстоцене горного пояса Алтая. В современных условиях предпочитает открытые горно-альпийские пространства Южного и Юго-Восточного Алтая.

Мелкая врановая птица (*Corvidae indet*). Проксимальный фрагмент левой бедренной, дистальный фрагмент тибиотарзуса (сл. 5, гор. 1); дистальный фрагмент тибиотарсуса (сл. 5, гор. 5); проксимальный фрагмент левой локтевой, левая бедренная кость (сл. 6а, гор. 1); неполный симфиз вилочки (сл. 6а, гор. 2).

Turdidae. В Чагырской пещере найдены: полный тарзометатарзус в сл. 2 (судя по размерам – рябинник (*Turdus pilaris*)); проксимальный фрагмент левой плечевой в сл. 5, гор. 2 и проксимальный фрагмент левой плечевой, близкий к *ruficollis/philomelos*. Правая локтевая из сл. 6в/1, гор. 3 по параметрам может быть отнесена к размерному классу *philomelos-ruficollis*.

Дрозды – обычная в неоплейстоцене Южной Сибири группа воробьиных, заселяющих лесостепные биотопы. Главным образом отмечены певчий (*T. philomelos*) и темнозобый (группа *ruficollis*) дрозды.

Fringillidae. Снегирь (*Pyrrhula sp.*). Фрагмент нижней челюсти (сл. 5, гор. 4).

Emberizidae. Овсянка (*Emberiza sp.*). Правая плечевая (сл. 4); правый коракоид (сл. 6в/1, гор. 1). Первая кость по размеру близка к таковой овсянки-дубровника (*Emberiza aureola*), вторая немного крупнее каракоида обыкновенной и белошапочной овсянок.

Овсянки, как и дрозды, – одни из наиболее часто встречающихся мелких воробьиных в отложениях пещер Южной Сибири. Три указанных вида овсянок обычны в среднегорье Северо-Западного Алтая, дубровник тяготеет к увлажненным биотопам.

Мелкие воробьиные птицы (*Passeriformes fam gen indet*). В сл. 6а представлена килевая часть грудины, близкой к лесному коньку (*Anthus trivialis)* и горной трясогузке *(Motacilla cinerea*).

В неоплейстоценовых породах пещеры определены 21, а в голоценовых – семь видов птиц (см. *таблицу*). Выявлены следующие экологиче-

Распределение остатков птиц из пещеры Чагырская

Таксон	Слой								Всего
	1	2	3	4	5	6 а	6 б	6в/1, 6в/2	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Anser sp.	–	–	1	–	2/1*	–	–	–	3
Anas platyrhynchos	–	–	–	2/2	1	–	–	1	4
Anas acuta/penelope	1	–	1	–	–	1	–	–	3
A. crecca	–	–	–	–	1	1	–	–	2
Anatidae indet	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Falco tinnunculus	–	–	–	1	1	–	–	3/2	5
Accipiter gentilis	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Aquila chrysaetos	–	–	–	–	2/1	–	–	1	3
Lagopus lagopus	–	–	–	–	–	–	2/1	–	2
Tetrao tetrix	–	2/1	3/1	–	1	1	–	–	7
Perdix perdix	–	3/1	1	–	–	–	–	–	4
Tetrao tetrix/Lagopus	–	–	–	–	1	–	–	1	2
Crex crex	–	–	–	3/1	1	1	–	1	6
Porzana porzana	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Tringa ochropus/glareola	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Gallinago sp.	–		–	2/?	–	–	–	–	2
Numenius cf. arquata	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Actitis hypoleucos	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Charadriiformes	–	–	–	–	–	–	1	–	1
Syrrhaptes paradoxus	–	–	–	–	–	1	–	–	1
Columba cf. livia	–	8/2	6/2	–	1	–	1	–	16

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Asio flammeus	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Apus pacificus	–	–	–	–	–	–	–	1	1
Picus canus		–	–	1		–	–	–	1
Hirundinidae indet	–	–	1	2/1	9/3	2/1	3/2	–	17
Pyrrhula sp.	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Bombicilla garrulus	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Corvus corax	–	–	–	–	–	2/1	5/1	–	7
Corvus cornix – corone	–	–	–	–		1	–	–	1
Corvus cf. monedula	–	2/1	–	–	1	1	–	2/1	6
Pyrrhocorax pyrrhocorax	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Corvidae indet	–	–	–	–	3/?	3/2	–	–	6
Turdus cf. pilaris	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Turdus sp.	–	–	–	–	4/?	–	–	1	5
Emberiza sp.	–	–	–	1	–	–	–	1	2
Passeriformes indet	–	–	–	–	9	3	1	1	14
Aves indet	–	1	2/2	–	6	2	1	–	12
Итого	1	19	17	12	49	19	14	13	144

*Количество костей/количество особей.

ские группировки: водоплавающие (утки), околоводные (кулики), лесные (ястреб-тетеревятник, тетерев, седой дятел, снегирь), обитатели мокрых луговин (коростель), открытых пространств (саджа, болотная сова), горно-скальные (ласточки, ворон, галка, клушица, пустельга, сизый голубь, белопоясный стриж), а также обитатели лесостепных, кустарниково-опушечных биотопов (дрозды, овсянки); горно-тундровые птицы представлены единичными находками белой куропатки. Наиболее показательны находки саджи значительно северо-западнее ее современного ареала, что может свидетельствовать о господстве открытых, полупустынных ландшафтов во время формирования слоя 6а, и европейской пастушковой птицы – обыкновенного погоныша.

Список литературы

Баранов А.А. Редкие и малоизученные птицы Тувы. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та. 1991. – 318 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Сизикова А.О., Солотчина Э.П., Смолянинова Л.Г., Антипов А.С. Чагырская пещера – стоянка среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 2–27.

Козлова Е.В. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии. – Л.: Наука, 1975. – 252 с.

Мартынович Н.В. Птицы позднего плейстоцена из пещеры им. Окладникова как объект для палеоландшафтных реконструкций // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИИФиФ СО РАН, 1990. – С. 66–81.

Мартынович Н.В. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии в плейстоценовых авифаунах Алтая // Орнитология в Северной Евразии. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 210.

Мартынович Н.В. Птицы неоплейстоцена из пещеры Страшной (Северо-Западный Алтай, бассейн р. Чарыш) // Тр. Мензбировского орнитологического общества. – М., 2013. – Т. 2.– С. 94–109.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Надаховский А. «Филиновые ниши» на Северо-Западном Алтае как тафономический и палеоэкологический индикаторы // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 249–256.

Пантелеев А.В. Костные остатки птиц из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии и археологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 173–178.

Потапов Р.Л. Курообразные // Птицы СССР. Курообразные, журавлеобразные. – Л.: Наука, 1987. – С. 7–260.

Сушкин П.П. Птицы Советского Алтая. – М.; Л.: АН СССР, 1938. – 320 с.

Цыбулин С.М. Птицы Алтая. – Новосибирск: Наука, 2009. – 235 с.

В.Е. Медведев

Институт археологии и этнографии СО РАН

СОПКА БОЛЬШАЯ – ПАМЯТНИК ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА НА ЮГЕ ПРИМОРЬЯ

В левобережной приустьевой части р. Партизанской, впадающей в залив Находка, с 1970 по 2005 г. (с перерывами) сначала ИИФФ СО АН СССР, а затем ИАЭТ СО РАН (в 2003–2005 гг. совместно с Институтом культурного наследия Республики Корея) исследовали разновременные и разнокультурные памятники. В археологической литературе нашла отражение информация в основном о шести поселениях: Булочка (раскопано наиболее масштабно, материалы проанализированы и опубликованы в трех трехтомных монографиях), Сопка Большая, Под Липами, У Дороги, Перевал и 8-й километр.

Характерной чертой для всех этих памятников является наличие остатков неолитических жилищ, главным образом зайсановской культуры. Большинство названных поселений частично или полностью были нарушены в более позднее время и лишь два из них – Под Липами и Сопка Большая – сохранились фактически непотревоженными. Первое представлено единственным жилищем (хутор эпохи неолита), второе – Сопка Большая – включает в себя шесть жилищных западин.

Ранее о всех названных памятниках были опубликованы краткие сведения, по которым можно составить о них общее представление [Окладников, Медведев, 1995; Медведев, 2002]. В настоящей работе предлагается новая информация об одной из частей поселения Сопка Большая, вещественных источниках и их интерпретация.

Поселение расположено примерно в 7 км к ЮЗ от с. Владимиро-Александровского. Оно занимает вершину возвышенности – сопки, названной нами Большой. Западины жилищ диаметром от 3 до 8 м размещались в виде компактного гнезда на расстоянии 0,5–2,0 м друг от друга и сильно оплыли, некоторые едва различаются на поверхности почвы. Из выявленных, как отмечено выше, шести западин-жилищ, были исследованы четыре (№ 1–4) в пределах сплошного раскопа площадью 243 м^2. Стратиграфия жилищ: сверху – дерновый слой толщиной 4–10 см, глубже – заполнение котлованов (рыхлый желто-серый суглинок с включениями песчаниковой щебенки). Мощность заполнения от 18–22 до 40–60 см. Материковый грунт – рыхлая песчаниковая щебенка. Все они четырех-

угольной, близкой к квадрату с закругленными углами в плане формы. Стены котлованов пологие, местами не просматриваются. Судя по всему, жилища-полуземлянки функционировали одновременно и составляют единый комплекс.

Наиболее выразительным и лучше других сохранившимся от влияния склоновых процессов является жилище № 1, на характеристике которого остановлюсь подробнее. Жилищная западина диаметром ок. 5 м и глубиной в центре до 20 см выделялась не полностью, в юго-западной части ее контуры терялись. В этом месте почти вплотную к ней примыкало небольшое углубление, оказавшееся, видимо, поздней ямой. Максимальные размеры жилища, ориентированного своими углами по странам света, 5,3×5,5 см, площадь пола равна 21 м^2. Пол довольно ровный, в центре под бровкой отмечена небольшая яма глубиной 10 см, предназначавшаяся, возможно, для очага. Стены котлована наиболее четко определены на северо-западном и северо-восточном его отрезках, высота их 15–35 см (рис. 1).

Подавляющее большинство вещей залегали несколькими группами-скоплениями. Первая группа локализовалась на полу вдоль северо-западной стены жилища на участке длиной около 2,5 м. Вторая, чуть больших размеров – у северо-восточной стены и частично на ее покатой поверхности. Еще одно скопление находок отмечено в южном углу жилища и вдоль составляющих его юго-западной и юго-восточной стен.

Большую серию находок составляют изделия из обожженной глины, в большинстве своем – сосуды вазовидной и горшковидной форм высотой до 17 см. Они были раздавлены грунтом, восстановлены полностью или частично девять изделий. Керамика красноватого или серого цвета, край венчика окаймлен налепным валиком с насечками или ямочками. Основной орнамент – косые штрихи на плечиках и тулове сосудов (рис. 2, *1*). Есть также фрагменты с вертикальным резным зигзагом. Любопытно, что почти все наиболее сохранившиеся керамические емкости локализовались вдоль краев пола юго-западной части жилища. Преобладание раздавленных изделий, скорее всего, бывших целыми в момент покидания людьми своего обиталища, над разрозненными черепками может свидетельствовать о недолгом его функционировании и спешном оставлении. Из других глиняных изделий найдены два дисковидных пряслица.

Многочисленнее и разнообразнее представлены предметы из камня. Это, прежде всего, орудия, связанные с земляными работами, земледелием, – мотыги. Более десяти преимущественно целых мотыг располагались почти по всему периметру пола. Сделаны они из плиток кремнистого сланца с помощью оббивки, почти все скрипковидной формы с широким выпуклым рабочим краем и зауженным верхом (рис. 2, *2*). Отмечен образец узкий внизу и расширенный вверху. Длина мотыг чаще 16,0–21,5 см, но есть и до 24,7 см. Большинство орудий со следами использования в работе, лезвия их затуплены и забиты.

Из кремнистого сланца изготовлены также некоторые другие орудия: шлифованное тесло, овальной формы нож. Зафиксированы обсидиано-

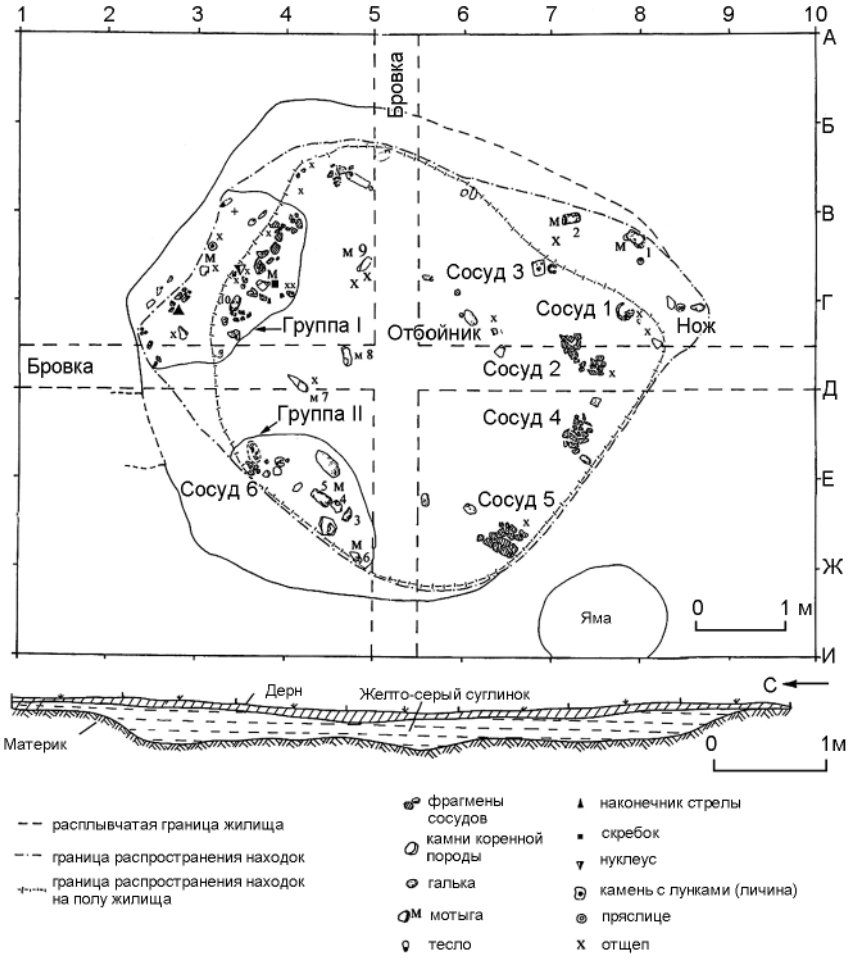


Рис. 1. Поселение Сопка Большая. План и разрез бровки жилища № 1 по линии Д.

вые концевой скребок и обломанный наконечник стрелы. Неподалеку от восточного угла жилища залегал массивный (27×6,5×3,5 см) курант в виде подпрямоугольного бруска с хорошо заглаженными широкими плоскостями. Выявлено сравнительно небольшое количество отщепов из кремнистого сланца, среди них – единичные экземпляры из дымчато-серого обсидиана и яшмовидной породы, а также невыразительной формы нуклеус из кремня. Отдельного освещения заслуживают два так называемых камня с лунками.

Первый из камней в виде подпрямоугольной песчаниковой массивной плитки размерами 14,5×13,0×5,0 см (рис. 2, *4*). Часть большой плоскости в условно верхнем отрезке ее сколота, краю придана выпуклая форма. Ниже на ровной плоскости выбиты четыре чашевидные углубления –

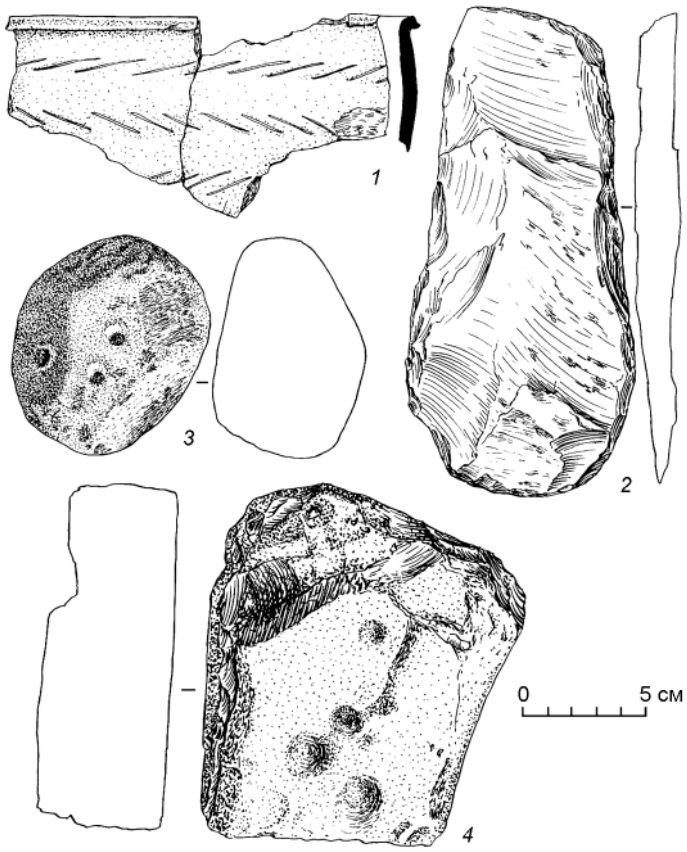


Рис. 2. Археологический материал поселения Сопка Большая.
1 – керамика; *2* – каменная мотыга; *3, 4* – камни с лунками (личины).

лунки диаметром 1,0–1,8 см. Три из них – ближе к противоположному краю от сколотого участка размещены в форме треугольника (парциальная личина), четвертая – рядом со сколотой поверхностью. Над этой лункой-глазом выбит слегка изогнутый желобок (брови?), от которого перпендикулярно отходит более широкий желобок с подтреугольно расширенным концом (нос?). Вполне вероятно, на плитке изображены две личины, одна из которых одноглазая. На противоположной ровной плоскости просматриваются две лунки, которые, скорее всего, также следует связывать с личиной.

Второй камень – песчаниковый окатанный обломок округлой в плане формы размерами 9×6 см. У камня три уплощенно-выпуклых площадки – одна большая и две малых. На последних, разделенных выступом выбиты три круглых лунки диаметром в среднем 1 см. Расположение углублений как бы на покатых плоскостях камня не оставляет сомнений, что перед

нами – парциальная личина или мобильный петроглиф. Это изображение служит надежным подтверждением правильности трактуемых на первом камне лунок и желобков как двух личин.

Не углубляясь в проблему интерпретации «камней с лунками», подобных рассмотренных выше и связи их, якобы, с подставками для лучкового сверления или с приспособлениями для раскалывания орехов (это в каких-то случаях могло иметь место), отмечу следующее. Показанные здесь камни по своей сути не могут подтвердить названные версии. Во всяком случае, второй камень своей угловатой формой с наклонными площадками и лунками на них крайне неудобен для указанных практических целей. Расположение лунок на камне, имеющем форму головы человека (см. рис. 1, *3*), свидетельствует в пользу определения данной реалии, что уже отмечено выше, как парциальной личины. Аналогичный вывод можно сделать и относительно первого камня, с тем лишь уточнением, что на нем показаны две личины. Парциальные личины, оформленные в виде трех чашевидных лунок, хорошо известны в петроглифике, в т.ч. дальневосточной, в частности в Сакачи-Аляне [Окладников, 1971, табл. 31; 36, *3*; 101, *2*]. Камни с изображением личин найдены при раскопках некоторых памятников Приморья, включая неолитические, зайсановские [Бродянский, 2011; Гарковик, 2011]. Поэтому долгое время остававшиеся не опубликованными камни с личинами с Сопки Большой нельзя считать экзотическими или уникальными. Они лишь умножают источниковые фонды в области искусства, духовной сферы населения древности Приморского региона.

Для более цельного представления об исследованном на двух третьих площади данного поселения, следует добавить. Характер вещественных остатков в остальных трех раскопанных жилищах (№ 2–4) в основном такой же, что и в жилище № 1. Например, на полу жилища № 2 обнаружены 10 целых и обломанных мотыг, два куранта и зернотерка – каменная плита с выемчатой затертой рабочей поверхностью и с выбитым изображением змеи на обратной стороне.

Сложилось твердое убеждение, что поселение было создано земледельцами. Налицо практически весь набор инструментария, необходимого для занятий земледелием и обработкой полученного продукта. В последнее время в археологии Приморья укрепилась точка зрения (хотя она существовала и раньше) о бесспорности земледельческой направленности в хозяйстве позднего неолита. Добытые в 1970-е гг. на Сопке Большой материалы способствуют утверждению настоящего положения.

Аналогии некоторым реалиям из анализируемого поселения наблюдаются в ряде памятников зайсановской культуры в южной части региона, в особенности в районах морского побережья. Наиболее близки им материалы из поселений Булочка, У Дороги и Под Липами. Последнее датировано по радиоуглероду 3 915±50 л.н. (СОАН-1530) и 3 635±30 л.н. (СОАН-1532). Подобный возраст, скорее всего, соответствует также поселению Сопка Большая.

Список литературы

Бродянский Д.Л. Дальний Восток: петроглифы из культурного слоя // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 108–109.

Гарковик А.В. Антропоморфные изображения в материалах эпохи камня и раннего палеометалла в Приморье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 121–122.

Медведев В.Е. Погребение эпохи раннего железа на сопке Большой близ устья р. Партизанской // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2002. – Вып. 4. – С. 141–148.

Окладников А.П. Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 335 с.

Окладников А.П., Медведев В.Е. Неолит Южного Приамурья (по материалам раскопок поселений) // Асеагомунхуа. – Сеул, 1995. – С. 601–619.

В.Е. Медведев[1], И.В. Филатова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет

О КЕРАМИКЕ РАННЕГО НЕОЛИТА НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ (по материалам мариинской, малышевской и кондонской культур)

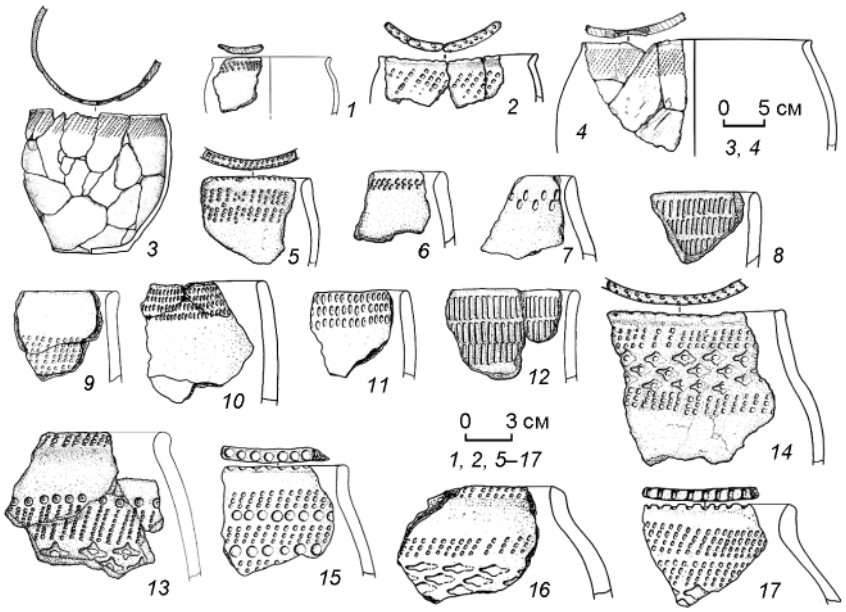
Ранний этап неолита нижнего Приамурья на основе стратиграфических наблюдений, вещественного материала и радиоуглеродных дат в исследованиях последнего времени признается как следующий за начальным этапом (осиповская культура) и связывается с мариинской (VIII–VII тыс. до н.э.), кондонской (середина VII – первая половина V тыс. до н.э.) и малышевской (вторая половина VII – рубеж IV–III тыс. до н.э.) культурами. Мариинская керамика раннего неолита найдена на о-ве Сучу, на поселении Кондон-Почта [Медведев, 2008], кондонская – на этом же памятнике, в Иннокентьевке (пункт II), а также на некоторых других объектах [Шевкомуд, 2003, с. 215], малышевские – преимущественно в Малышево-1, хотя единично встречаются и на Вознесенском, Сучу и прочих местонахождениях. Керамика названных орнаментальных комплексов выделяется своими технологическими, морфологическими и декоративными признаками.

Тесто большей части черепков рыхловатое. В составе формовочных масс мариинской и малышевской керамики присутствует шамот и, возможно, органика, малышевской же и в кондонской – гравий и дресва. Поверхности заглаживались, иногда покрывались ангобом. Цвет фрагментов с обеих сторон и в изломе преимущественно темно-коричневый и темно-серый, иногда почти черный (нередки копоть и нагар). Способ формовки изделий – ленточно-кольцевой налеп.

Характерны открытые и закрытые емкости элементарной профилировки в основном небольших и средних размеров с толщиной венчиков и стенок 0,5–0,7 см. Венчики прямые или отогнутые наружу, реже загнутые внутрь, с округлой, уплощенной или приостренной верхней поверхностью. У горшков выделена короткая (как правило, не более 1,0 см) шейка и покатые плечики. У ситул венчик плавно переходит в плечики и тулово.

Для всех орнаментальных комплексов характерен негативный рельеф как принцип и штампование как способ декорирования поверхности изделий. Технико-декоративные элементы, однако, различаются. В мариинском керамическом комплексе вдавления гребенчатого штампа являются

доминирующими. В малышевском и кондонском, кроме оттисков зубчатой «гребенки», есть также округлые, овальные, квадратные, подпрямоугольные, ромбовидные вдавления штампа. И только в кондонском – треугольные. Зонами размещения декора в мариинской керамике (см. *рисунок*, *1–5*) служили верхняя поверхность венчика, горловина или плечики (реже только горловина сосуда), тулово и придонная часть оставлялись гладкими. Выполнялся орнамент одним технико-декоративным элементом, как правило, гребенчатым штампом. Прямая горизонтальная линия (мотив) скомпонована в горизонтальный пояс. Тип композиции по построению – бордюр. По этим же признакам в керамических комплексах кондонской (см. *рисунок*, *6–8*, *13*, *14*) и малышевской (см. *рисунок*, *9–12*, *15–17*) культур довольно четко выделяются две группы. В первой группе (см. *рисунок*, *5–12*) зонами размещения орнамента служили верхняя поверхность (редко), внешний бортик венчика и плечики; тулово и придонная часть не украшались. Оттиски прямоугольные и овальные компоновались в прямой горизонтальный ряд и составляли бордюр. Во второй группе (см. *рисунок*, *13–17*) зонами размещения декора служили венчик (верхняя поверхность и внешний бортик), горловина и плечики; тулово и придонная часть оставалась гладкой. Технико-декоративные элементы – оттиски гребенчатого штампа, круглые, квадратные и ромбовидные оттиски – составлялись



Керамика раннего неолита Нижнего Приамурья.

1–5 – мариинская культура; *6–8*, *13*, *14* – кондонская культура; *9–12*, *15–17* – малышевская культура.

1–4, *14* – Сучу; *5*, *6*, *13* – Кондон-Почта; *7*, *8* – Иннокентьевка (пункт II); *9–12*, *15–17* – Малышево-1.

в прямые горизонтальные линии и сетку. Горизонтальные пояса повторяются через равные интервалы. По типу построения композиция представляет собой сочетание бордюра и сетки.

Таким образом, технологические, морфологические и декоративные признаки ранненеолитической керамики трех нижнеамурских культур демонстрируют больше признаков сходства, чем различий. Есть точка зрения, что «сходство “раннекондонского” типа керамики с другой “штамповой” культурой Нижнего Амура – малышевской – можно рассматривать как принципиальное (т.е. важное, но достаточно общее) <...> Детальных сходных признаков между ними не прослеживается» [Шевкомуд, 2003, с. 216].

На наш взгляд, обнаруживаются признаки именно детального сходства, причем не только между ранними кондонским и малышевским керамическими комплексами, но и между кондонской и мариинской, что уже было отмечено ранее [Филатова, 2012], а также между малышевской и мариинской керамикой. Проявляются эти признаки в технологических, морфологических и, в первую очередь, декоративных характеристиках изделий. Вероятнее всего, сложившаяся картина объясняется особенностями как стадиального, так и культурного развития: использовавшимися естественными ресурсами и сложившимися традициями в технологии, морфологии и декорировании изделий. Некоторые орнаментальные отличия мариинской керамики, возможно, связаны с характером происхождения этой культуры – смешанным или вообще пришлым [Медведев, 2008].

Список литературы

Медведев В.Е. Мариинская культура и ее место в неолите Дальнего Востока // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале.– М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 36–42.

Филатова И.В. Об «археологических университетах» и керамике мариинской культуры (орнаментальный аспект) // Дальневосточно-сибирские древности: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения В.Е. Медведева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 16–20.

Шевкомуд И.Я. Кондонская неолитическая культура на нижнем Амуре: общий обзор // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции РАН, Владивосток, 11–25 сентября 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 214–218.

В.И. Молодин[1], Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1], Н.С. Ефремова[1], Ю.Н. Ковыршина[1], К.А. Борзых[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНО-РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ НЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА ВЕНГЕРОВО-2А*

Целенаправленный поиск, предпринятый в 2013 г. с целью обнаружения новых неолитических комплексов на памятнике Венгерово-2, увенчался успехом. Изученный погребально-ритуальный комплекс № 2 расположен в 33 м к северо-западу (вдоль края второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас) от объекта, исследованного в 2011–2012 гг. [Молодин, 2012; Молодин и др., 2011; 2012]. Также обнаружено обособленное грунтовое захоронение, относящееся к неолитической эпохе.

Комплекс едва заметно выделялся на ровной поверхности террасы невысоким «холмиком» (разница в нивелировочных отметках составляет до 0,15 м), что подтверждает первоначальное наличие земляного сооружения над конструкцией. Выявление таких рельефных признаков послужит одним из критериев обнаружения других неолитических комплексов в пределах памятника при условии корреляции с данными геомагнитной съемки.

Погребально-ритуальный комплекс № 2, как и предыдущий исследованный объект, состоит из центральной могильной ямы с 19 захороненными особями и окружающих ее рвов, в которых обнаружено еще двое погребенных. К сожалению, конструкция рвов исследована не полностью из-за многолетних деревьев, растущих на площади объекта. В изученной части рва фиксируется один «выход» в сторону реки, ориентированный на юго-запад. В комплексе № 2 необходимо отметить следующие особенности:

– ограничение юго-восточной стороны могилы системой столбовых ям, расположенных между усыпальницей и рвом;

– совершение захоронений не только в могильной яме, но и в окружающем ее рву;

– постепенное расширение основной могильной ямы за счет подхоронения в нее новых индивидов;

– наличие «тайника» в стенке юго-восточного сегмента рва, где были обнаружены кости дикой лошади и уникальное изделие из рога лося (рис. 1, *9*);

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-18023е.

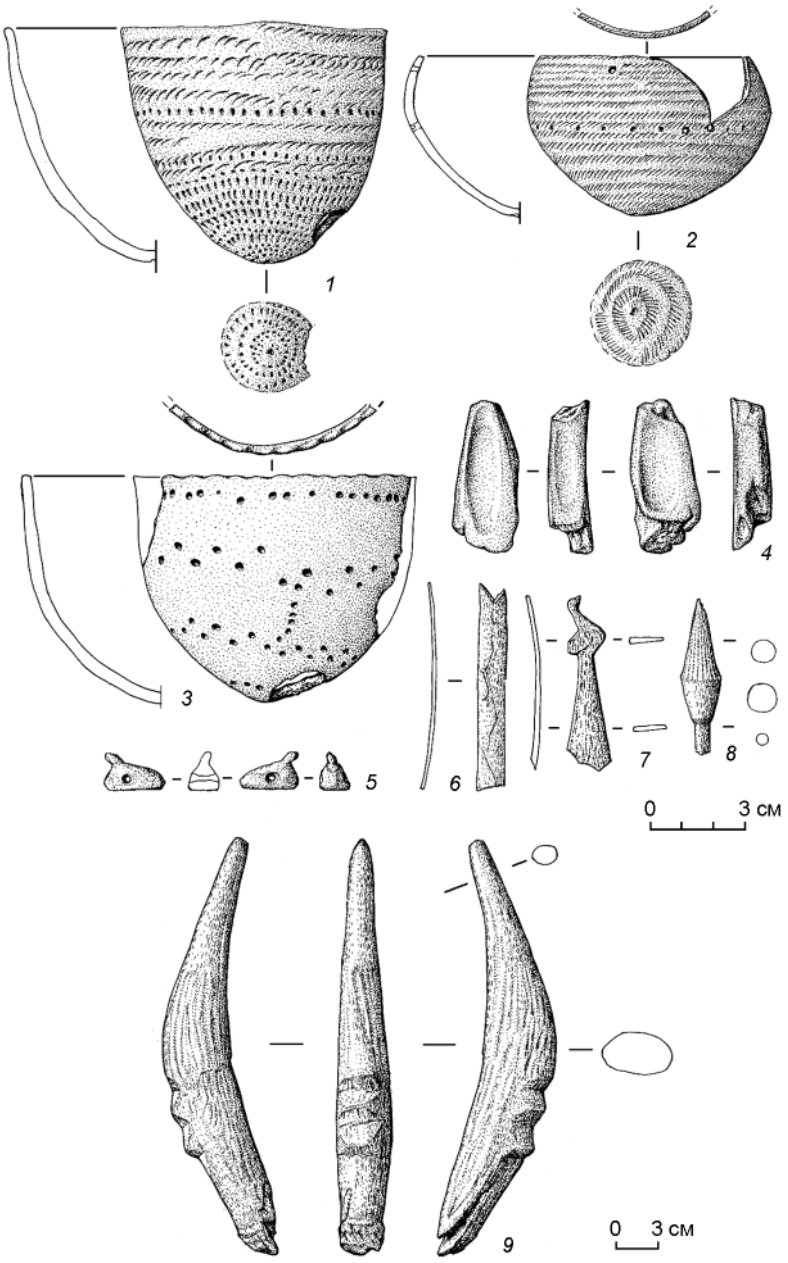


Рис. 1. Венгерово-2А. Погребальный инвентарь.

1, 2 – сосуды из грунтового погребения; *3* – сосуд из погребально-ритуального комплекса № 2; *4* – керамический абразив; *5* – костяная скульптура; *6* – костяная пластина с гравировкой; *7* – скульптурное навершие костяного ножа (?); *8* – костяной наконечник стрелы; *9* – изделие из рога лося.

– сочетание разных способов погребения в пределах одной могильной ямы: трупоположение, трупосожжение, вторичные и парциальные захоронения;

– вариации в ориентации погребенных: на север, север-северо-восток, северо-восток;

– различные варианты положения погребенных в могиле: вытянуто на спине с развернутой к юго-востоку лицевой частью черепа; с приподнятой верхней частью туловища и головой; с подогнутыми в коленях ногами; полусидя с сильно согнутыми ногами, так что кости ступней лежали под тазовыми костями. Кисти рук могли располагаться на тазовых костях или под ними. Ступни сильно вытянуты и развернуты «носками» наружу. В некоторых случаях по характерному положению костей ног и тесному расположению костей верхней части скелета можно предположить, что умерший был плотно «связан» перед преданием земле;

– размещение захоронений друг над другом (до шести уровней);

– использование охры в погребальном обряде, которая фиксируется не только в виде следов на костях, но и отдельными фрагментами красящего минерала;

– наличие как индивидуального сопроводительного инвентаря, так и отдельных находок в насыпи и заполнении могильной ямы.

Сопроводительный инвентарь отличается большим разнообразием. Всего обнаружено 89 артефактов, не считая отдельных фрагментов керамики.

В верхней части заполнения могильной ямы на разной глубине обнаружены фрагменты от одного сосуда (рис. 1, *3*). Открытая банка с приостренным дном (диаметр по венчику 9,5 см) орнаментирована горизонтальными рядами сдвоенных или одиночных круглых ямок. В нижней части сосуда у дна фиксируется специально пробитое отверстие. В заполнении могилы также встречались фрагменты сосудов с отступающе-накольчатой орнаментацией, имеющие прямые аналоги в керамических комплексах соседнего поселения Автодром-2, относящегося к артынской неолитической культуре [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106]. Похожая керамика также встречалась в заполнении погребальной конструкции неолитического могильника Протока в Северной Барабе [Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989, с. 20].

Орудия из камня представлены следующими категориями (всего 47 экз.): отщепы с ретушью и без следов вторичной обработки, ретушированные пластины, миниатюрные топорики-тесла, листовидные наконечники стрел на пластинах и отщепах с плоским насадом, скребки. Под черепом детского скелета (№ 9) обнаружена тонкая сланцевая пластина размером 13,2×7,6×0,4 см. Одна из ее плоскостей интенсивно окрашена охрой и украшена по краям по всему периметру (кроме одной стороны) небольшими насечками, сгруппированными по две (всего 20). На другой ее стороне отмечены узкие желобки, возможно, следы использования пластины в качестве абразивного инструмента.

Изделия из кости представлены проколками и наконечниками стрел. Особого внимания заслуживает черешковый биконический наконечник с граненой головкой т.н. шигирского типа (рис. 1, *8*). Ближайшие аналоги известны в материалах неолитического могильника Сопка-2/1 [Молодин, 2001, с. 21]. Аналогичные изделия широко представлены в неолитических комплексах таежной зоны Евразии [Жилин, 1996] и Зауралья [Чаиркина и др., 2001; Савченко, 2007].

К изделиям из керамики относится обнаруженный с одним из скелетов керамический абразив (рис. 1, *4*). Он представляет собой фрагмент керамики, с трех сторон которого проточены желобки, четвертая сторона, выпуклая, использовалась, вероятно, для лощения.

Довольно представителен в этом погребальном комплексе набор украшений: костяные и каменные каплевидные подвески, имеющие многочисленные аналоги в неолитических могильниках Евразии и Западной Сибири [Молодин, Новиков, Чикишева, 1999, с. 77; Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989, с. 24], костяные кольца из трубчатых костей, резцы бобра, раковина с отверстием, бусины из раковины и т.д.

В составе погребального инвентаря обнаружены и предметы пластического искусства: костяная скульптурка (предположительно, уточки) на плоском основании с отверстием (рис. 1, *5*), пластинка из ребра животного, орнаментированная гравировкой (рис. 1, *6*). Особое место занимает обломок костяного ножа (?) со скульптурным навершием в виде токующей боровой птицы (глухарь, тетерев?) (рис. 1, *7*). Абсолютно аналогичные предметы известны в неолите Восточной Прибалтики на Лубанском озере [Гурина, 1996, рис. 46, *11*].

В 4 м к югу от погребально-ритуального комплекса № 2, ближе к краю террасы, было обнаружено грунтовое захоронение эпохи неолита (рис. 2). Подпрямоугольная яма размерами 1,6×0,3 м и глубиной от уровня материка до 0,7 м была ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Стенки в некоторых местах сильно прокалены. На дне располагался скелет подростка вытянуто на спине, с приподнятой верхней частью туловища, так что череп лежал практически на основании над шейным отделом позвоночника. Отсутствовала кисть правой руки.

В верхней части заполнения погребения найдены два сосуда. Один из них располагался у северо-восточной стенки и представлял собой открытую банку с приостренным дном (диаметр по венчику 9 см) (см. рис. 1, *1*). В нижней части сосуда пробито отверстие. Второй сосуд находился по уровню чуть ниже, у юго-западной стенки, над ногами погребенного. Он представлял собой небольшую круглодонную тонкостенную закрытую банку (диаметр по венчику 7 см) (см. рис. 1, *2*). Подобные небольшие сосуды с приостренным дном, украшенные отступающее-накольчатой техникой, известны в материалах могильника на Татарском увале. В районе лицевой части черепа обнаружен отщеп, а под костями кисти левой руки – раковина.

Положение погребенного, состав и расположение находок, наличие пробитого отверстия в сосуде (несомненно, семантически близкого

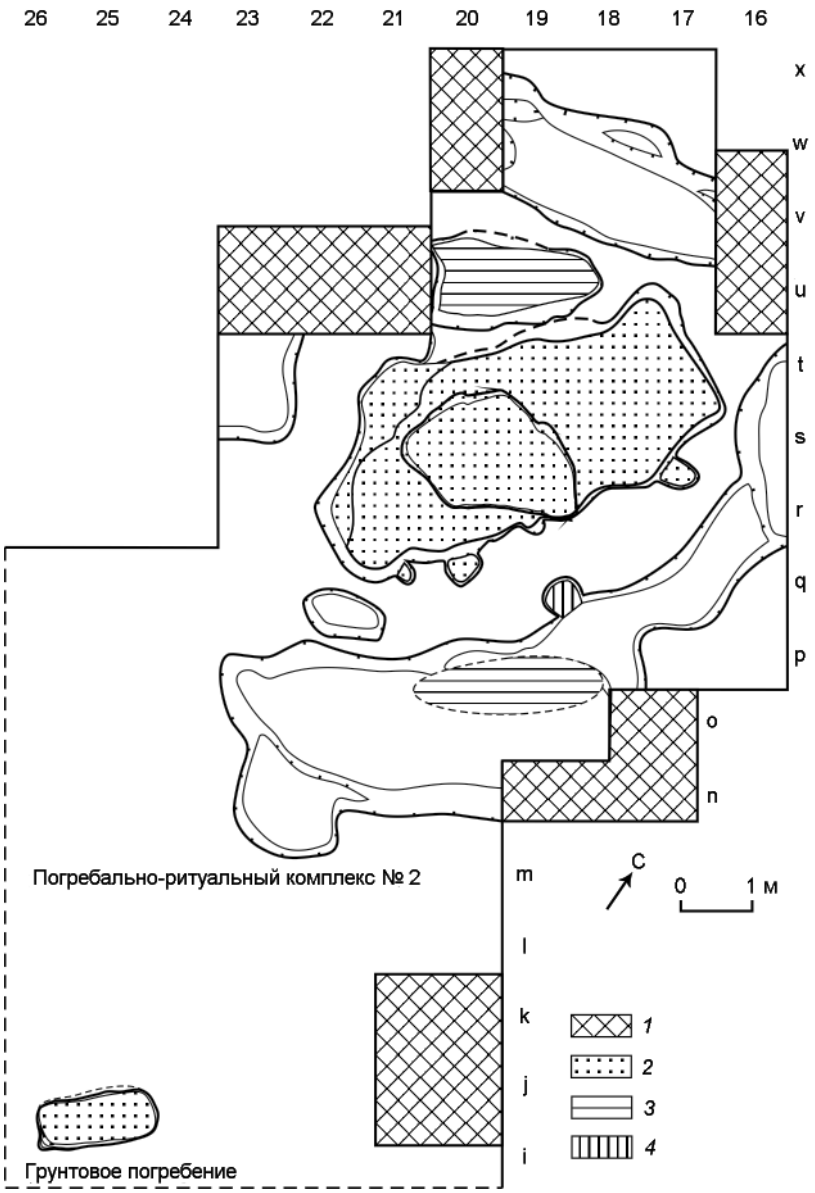


Рис. 2. Венгерово-2А. План могильного пространства.

1 – нераскопанные участки, занятые деревьями; *2* – могильная яма; *3* – погребение за пределами могильной ямы; *4* – «тайник».

к вышеописанному сосуду погребально-ритуального комплекса № 2), расположение в непосредственной близости от погребального комплекса позволяет отнести данное погребение также к эпохе неолита, а возможно, и к общему по времени и культуре некрополю.

Открытие новых погребальных комплексов на могильнике Венгерово-2А имеет исключительно важное научное значение для решения культурных и этических проблем аборигенного населения, проживавшего на данной территории в начальный период голоцена.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 106–108.

Гурина Н.Н. Восточная Прибалтика // Археология. Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 135–161.

Жилин А.Г. Наконечники стрел «шигирского» типа в мезолите – раннем неолите Восточной Европы // Тверской археологический сборник. – Тверь, 1996. – Вып. 2. – С. 50–56.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. I. – 128 с.

Молодин В.И. Послание из новокаменного века // Наука из первых рук. – 2012. – № 3. – С. 14–19.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерово-2 и открытие неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 199–205.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.А. Уникальный погребально-ритуальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 117–122.

Молодин В.И., Новиков А.В., Чикишева Т.А. Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре // Проблема неолита–энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 66–98.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел «шигирского» типа с утолщенной головкой и длинным стержнем в собрании Свердловского областного краеведческого музея // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. – М.: Изд-во ИА РАН, 2007. – С. 253–273.

Чаиркина Н.М., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Литвяк А.С. Археологические памятники Шигирского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 196 с.

А.Н. Мотузко[1], Е.В. Акимова[2]

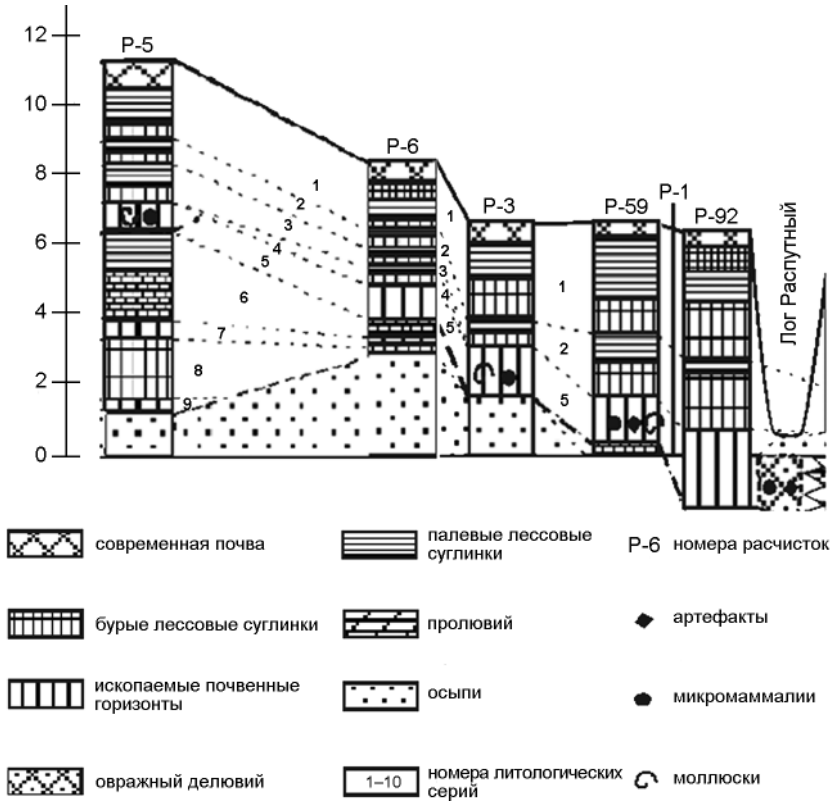
[1]Белорусский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН

ФАУНА МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ПЕДОСЕДИМЕНТА ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ДЕРБИНА V*

В геоморфологическом отношении местонахождение Дербина V соответствует фронтальной части коренного дербинского склона (см. *рисунок*, расчистки 5, 6) и восточному склону древнего лога (см. *рисунок*, расчистки 6, 92), а также древнему конусу выноса лога Распутный. Все три геоморфологических элемента имеют различное геологическое строение [Мотузко и др., 2010, с. 250], но сходную покровную часть, состоящую из педоседимента и литологических серий бурых и палевых суглинков. Геологический разрез в расчистке 5 выделен как стратотипический для четвертичных отложений Дербинского археологического района [Лаухин и др., 2002, с. 52]. Почвенная серия 5 хорошо выражена по всему профилю и как реперный геологический горизонт названа «дербинским педоседиментом». Геологический возраст этого слоя определен палеонтологически по данным мелких млекопитающих и моллюсков.

В 2003 г. в пределах расчистки 5, а в 2004 г. в разрезе самой расчистки 5, была отмыта фауна мелких млекопитающих, в составе которой *Asioscalops altaica* Nikolsky – 15 экз. (10 %), *Ochotona hyperborea* Pallas – 9 экз. (6 %), *Marmota sibirica* Radde – 11 экз. (7 %), *Spermophilus (Urocitellus) undulatus* Pallas – 19 экз. (13 %), *Clethrionomys rutilus* Pallas – 4 экз. (3 %), *Clethrionomys rufocanus* Sundervall – 15 экз. (10 %), *Myopus schisticolor* Lilljeborg – 3 экз. (2 %), *Microtus (Stenocranius) gregalis* Pallas – 11 экз. (7 %), *Microtus (Microtus) mongolicus* Radde – 16 экз. (11 %), *Microtus (Microtus) malei?* Hinton – 4 экз. (3 %), *Microtus (Pallasinus) oeconomus* Pallas – 44 экз. (28 %). Для видового состава ископаемой фауны характерно то, что в структуре животного населения преобладают виды открытых пространств. Виды, связанные с лесными местообитаниями (*Clethrionomys rutilus, Clethrionomys rufocanus, Myopus schisticolor*), составляют в целом 15 %. Это значит, что дербинские склоны в период формирования педоседимента были покрыты травянистыми степями, где обитали длиннохвостые суслики (*Spermophiluus (Urocitellus) undulatus*), сурки (*Marmota sibiricus*), кроты (*Asioscalops altaica*), серые полевки (*Microtus (Stenocranius) gregalis, M. (Microtus) mongolicus*).

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 13-11-24601.



Геологическое строение педоседимента на местонахождении Дербина V.

Остатки мелких животных из педоседимента на склоне древнего лога были собраны в 2004 г. из разрезов в расчистках 1, 3 и 59. Структура фауны имеет следующий вид – *Sorex sp* (1 экз., 0,2 %)., *Lepus sp.* (1 экз., 0,2 %), *Ochotona hyperborea* Pallas (113 экз., 25 %), *Ochotona pusilla* Pallas (2 экз., 0,4 %), *Marmota sibirica* Radde (1 экз., 0,2 %), *Spermophilus (Urocitellus) undulatus* Pallas (11 экз., 2,2 %), *Clethrionomys rutilus* Pallas (28 экз., 6 %), *Clethrionomys rufocanus* Sundervall (69 экз. 16 %), *Lemmus sp.* (1 экз., 0,2 %), *Myopus schisticolor* Lilljeborg (37 экз., 8 %), *Dicrostonyx sp.* (3 экз., 0,7 %), *Lagurus lagurus* Pallas (3 экз., 0,7 %), *Microtus (Stenocranius) gregalis* Pallas (5 экз. 1,2 %), *Microtus (Microtus) mongolicus* Radde (97 экз., 22 %), *Microtus (Microtus) oeconomus* Pallas (79 экз., 17 %). Доминантами в фауне являются северная пищуха (*Ochotona hyperborea*), лесные полевки (*Clethrionomys rutilus, Clethrionomys rufocanus*), лесной лемминг (*Myopus schisticolor*) и серые полевки (*Microtus (Microtus) mongolicus*, *Microtus (Microtus) oeconomus*). В незначительных количествах в составе ископаемой фауны присутствуют степные животные – *Ochotona pusilla, Marmota sibirica, Spermophilus (Urocitellus) undulatus, Lagurus lagurus*,

Microtus (Stenocranius) gregalis. Все вместе они составляют всего 4,7 % от всего количества определимых остатков. Еще экзотичнее выглядит присутствие в фауне представителей тундровых биотопов – *Lemmus sp., Dicrostonyx sp.* Такой необычный состав животного населения логов в период формирования педоседимента становится более понятным при анализе послойных сборов остатков из педоседимента. Специально для подобной цели в расчистке 1 была отмыта серия остатков из разных слоев педоседимента (см. *таблицу*).

Из материалов таблицы видно, что начало формирования педоседимента проходило в условиях открытых и закустаренных биотопов (обр. 1). Животное население было бедным в видовом отношении. Преобладали серые полевки (*Microtus (Microtus) mongolicus*, *Microtus (Microtus) oeconomus*), остатки которых составляют 69 % от всех определимых фрагментов, и северная пищуха (*Ochotona hyperborea*). В структуре фауны остались, с одной стороны, реликты былых тундровых биотопов – лемминги (*Lemmus sp.* – 6 %), а с другой, появились элементы будущих лесных биоценозов – красно-серые лесные полевки (*Clethrionomys rufoca-*

Изменение видового состава микромаммалий на протяжении формирования педоседимента

Виды животных	№ образца*							
	1		2		3		4	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Sorex sp.	–	–	1	0,5	–	–	–	–
Lepus sp.	–	–	1	0,5	–	–	–	–
Ochotona hyperborea Pallas	3	19	72	27	3	14	8	24
Spermophilus (Urocitellus) undulatus Pallas	–	–	–	–	5	24	–	–
Clethrionomys rutilus Pallas	–	–	15	6	1	5	–	–
Clethrionomys rufocanus Sundervall	1	6	65	25	–	–	–	–
Lemmus sp.	1	6	–	–	–	–	–	–
Myopus schisticolor Lilljeborg	–	–	30	12	–	–	–	–
Microtus (Stenocranius) gregalis Pallas	–	–	–	–	–	–	9	28
Microtus (Microtus) mongolicus Radde	4	25	25	10	10	47	14	42
Microtus (Microtus) oeconomus Pallas	7	44	49	19	2	10	2	6
Итого	16	100	258	100	21	100	33	100

*Порядок нумерации образцов – снизу вверх.

nus – 6 %). На следующем этапе формирования педоседимента фауна мелких зверей становится более разнообразной (обр. 2). В ее составе около 70% определимых остатков принадлежат лесным видам. Серые полевки заметно сокращают свою численность. Отсутствуют серые лемминги, и совсем нет узкочерепных полевок (*Microtus (Stenocranius) gregalis*). В это время в древнем логу были развиты лесные мезофильные ландшафты. Завершение развития педоседимента зафиксировано фауной микромаммалий из образца 3. Фауна снова становится бедной в видовом отношении. Из ее структуры почти полностью исчезают лесные элементы, и только красная полевка (*Clethrionomys rutilus*) еще редко встречается в биоценозах. Характерно снижение численности полевки-экономки (*Microtus (Microtus) oeconomus*), что свидетельствует об уменьшении влажности биотопов. Одновременно резко поднимается численность ксерофильного вида – монгольской полевки (*Microtus (Microtus) mongolicus*), а в структуре фауны появляются длиннохвостые суслики (*Spermophilus (Urocitellus) undulatus*). Последний образец (№ 4) отмыт из отложений переходных от педоседимента к отложениям второй литологической серии. Фауна мелких зверей характеризует развитие сухих разреженных степей в пределах древнего лога. В ее структуре появляются в массовом количестве узкочерепные полевки (*Microtus (Stenocranius) gregalis*), индикаторы сухих прохладных степных биотопов. Судя по составу фауны, педоседимент был образован в липовско-новоселовскую стадию каргинского потепления [Мотузко, 2005, с. 69]. По остаткам углей из слоя педоседимента получены абсолютные даты 29230±940 (СОАН-4200) и 32430±1540 (СОАН-4201) [Лаухин и др., 2002, с. 54], которые не противоречат выводам, сделанным по фауне мелких млекопитающих.

В 2013 г. повторно была отмыта фауна из отложений педоседимента на склоне древнего лога. Видовой состав фауны следующий – *Ochotona sp.* (2 экз., 11 %)*, Clethrionomys rutilus* Pallas (2 экз., 11 %), *Clethrionomys rufocanus* Sundervall (1 экз., 5 %), *Myopus schisticolor* Lilljeborg (1 экз., 5 %), *Microtus (Microtus) mongolicus* Radde (5 экз., 26 %), *Microtus (Pallasinus) oeconomus* Pallas (1 экз., 5 %), *Microtus sp.* (7 экз., 37 %). Представленная фауна не отличается от вышерассмотренных комплексов микромаммалий и характеризует начало формирования педоседимента в условиях открытых и закустаренных биотопов. Животное население было бедным в видовом отношении. Преобладали серые полевки (*Microtus (Microtus) mongolicus*, *Microtus (Microtus) oeconomus, Microtus sp.*), остатки которых составляют 68% от всех определимых фрагментов, и пищуха (*Ochotona sp.*). В структуре фауны начали появляться элементы будущих лесных биоценозов – красные (сибирские) лесные полевки (*Clethrionomys rutilus) и* красно-серые лесные полевки (*Clethrionomys rufocanus),* а также лесные лемминги (*Myopus schisticolor* Lilljeborg). Они в сумме составили 21 % в структуре мелких млекопитающих.

Раскоп на пляже, предположительно в районе древнего конуса выноса лога Распутный, был заложен в 2000 г. В верхней части разреза до глубины 60 см были отобраны образцы на микротериологический анализ. Фауна

мелких млекопитающих включала в себя следующие виды: *Asioscalops altaica* Nicolsky – 2 экз., 0,5 %, *Sorex araneus* L. – 3 экз., 0,7 %, *Lepus sp.* (*cf. tolai* Pallas) – 1 экз., 0,3 %, *Ochotona hyperborea* Pallas – 97 экз., 24 %, *Clethrionomys rutilus* Pallas – 3 экз., 0,7 %, *Lemmus sibiricus* Kerr. – 7 экз., 1,7 %, *Dicrostonyx gulielmi* Sanford –10 экз., 2,5 %, *Microtus (Stenocranius) gregalis* Pallas – 70 экз., 17,3 %, *Microtus (Microtus) mongolicus* Radde – 141 экз., 34,8 %, *Microtus (Microtus) oeconomus* Pall – 70 экз., 17,3 %, *Carnivora gen.* – 1 экз., 0,3 %. Присутствие в фауне копытных леммингов *Dicrostonyx gulielmi* свидетельствует о том, что фауна относится к периоду сартанского оледенения. Об этом говорит и степной облик фауны с узкочерепными и монгольскими полевками (*Microtus (Stenocranius) gregalis*, *Microtus (Microtus) mongolicus*). Очень редкими становятся представители лесов – *Clethrionomys rutilus*, *Sorex araneus*, *Asioscalops altaica*. Все сказанное является признаком того, что фауна существовала в начале сартанского времени. С этим выводом совпадает и абсолютные даты по ^{14}C, которые получены для этого геологического слоя – 21100±200, 21320±300 (СОАН-4346, 4346А) [Акимова и др., 2001, с. 8].

В результате многолетних исследований установлено, что местонахождение Дербина V содержит две возрастные группы фаунистических материалов. Более древняя группа связана с развитием педоседимента в лесостепных условиях липовско-новоселовской стадии каргинского времени. Более поздняя группа получена из отложений древнего конуса выноса лога Распутный, формирование которого происходило в ранние фазы развития сартанского похолодания в условиях холодных сухих степей.

Список литературы

Акимова Е.В., Томилова Е.А., Стасюк И.В., Лаухин С.А., Гуляев А.А. Археологическое изучение позднепалеолитического местонахождения Дербина V // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 6–10.

Лаухин, С.А., Санько А.Ф., Еловичева Я.К., Мотузка А.Н., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Дербина V – опорный разрез Дербинского археологического района (юго-запад Восточного Саяна) // Литосфера. – 2002. – Т. 16, № 1. – С. 49–57.

Мотузко А.Н. Фауна мелких млекопитающих дербинского педоседимента в опорном разрезе Дербина-5 // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий. – Ростов-н/Д, 2005. – С. 67–69.

Мотузко А.Н., Васильев С.Ю., Вашков А.А., Еленский Ю.Н., Кравченко Е.Н. Геолого-геоморфологическое строение склонов и древних логов на территории Дербинского археологического района // Региональная физическая география в новом столетии. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2010. – Вып. 4 – С. 247–275. – Деп. в БелИСА 10.12.2010, № Д-201032.

Т.И. Нохрина[1, 2], А.Н. Чеха[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет

КОСТЯНОЙ ВКЛАДЫШЕВЫЙ КИНЖАЛ ИЗ ПЕЩЕРЫ БИЙКА-1 (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)*

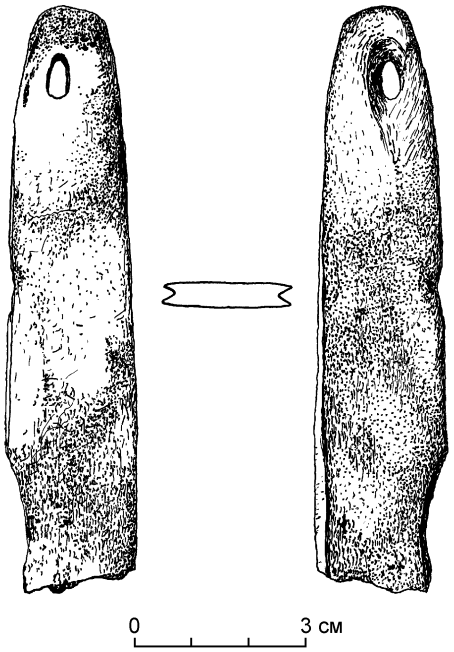
Пещера Бийка-1 входит в комплекс археологических объектов, расположенных в карстовых полостях правого склона долины р. Бийка, впадающей в р. Катунь справа в 8 км выше пос. Еланда (Чемальский р-н Республики Алтай) [Петрин и др., 1995, с. 80–85]. Входы в карстовые полости, отчетливо видимые с поймы р. Бийка, находятся между правым ее притоком – ручьем Донгулёк и логом Ядорлан и имеют абсолютные отметки 720–730 м. Высота карстовых полостей относительно русла р. Бийка – от 15 до 17 м, а ближайших водоразделов выше по течению – до 700 м, ниже по течению – до 540 м.

Вход в пещеру Бийка-1 ориентирован на юг, совпадая с направлением тектонического воздействия на породы раннего палеозоя. Длина ходов, пригодных для прохождения, – 45 м, общая – 76 м. Ширина входа по капельной линии – 6,7 м, высота ок. 4 м. В 1991 г. геологи, работавшие по программе обследования зоны затопления проектируемой Катунской ГЭС, заложили в устьевой части пещеры Бийка-1 несколько шурфов, в результате чего археологический контекст памятника пострадал; в выбросе из шурфов при промывке были найдены артефакты.

Основа вкладышевого кинжала найдена в выбросе из шурфа 2. Изделие, изготовленное их ребра крупного млекопитающего, сломано: отсутствует острие (см. *рисунок*). Размер сохранившейся части 100×23×5 мм. По бокам прорезаны два паза шириной ок. 3 мм, глубиной ок. 2,5 мм. Верхняя часть изделия округлой формы, в ней имеется овальное отверстие размером 7,4×4 мм.

В этом же шурфе найден вкладыш, материалом для которого послужила однородная тонкозернистая кварцевая порода – бесцветная, хорошо просвечивающая, более всего соответствующая кварцитовидному агрегату халцедона. В породе наблюдаются включения черных пленок, вероятнее всего – гидроокислов марганца, которые образуют серии субпараллельных полос, расположенных наискось по отношению к удлинению изделия (определение Н.А. Кулик). Вкладыш размером 59×8×3 мм

*Работа выполнена в раках проекта РГНФ № 13-04-00070.



Костяной вкладышевый кинжал из пещеры Бийка-1.

изготовлен из пластины. Изделие обработано плоской двусторонней ретушью, покрывающей всю поверхность. При помощи плоской двусторонней ретуши также оформлены поперечные края.

На территории Алтая основы костяных вкладышевых кинжалов с двумя или одним пазом находят, как правило, в погребениях. В пещере Каминная (Северо-Западный Алтай, долина р. Каракол) в погребении женщины и неродившегося ребенка среди предметов надмогильного инвентаря присутствовал плоский костяной кинжал размером 245×28 мм с двумя пазами, идущими от острия до края отверстия в основании рукояти [Маркин, 2000, с. 57, рис. 3; с. 60; с. 62]. В могильнике Усть-Иша (северные предгорья Алтая, р. Иша) в погр. № 4, 5, 8, 9, 12 найдено восемь основ для кинжалов [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000]. Стороны шести основ уплощены и вогнуты к средней оси; в рукояточной части расположено отверстие [Там же, с. 17; рис. 22, *1, 2*; рис. 23]. Боковые пазы идут от острия и до края отверстия. У двух основ пазы занимают ок. 2/3 длины изделия и не доходят до острия [Там же, с. 17; рис. 22, *3, 4*]. В рукояточной части одного из них отсутствует отверстие. Среди материалов могильника Солонцы-5 (р. Чапшушка, левый приток р. Бии) из погр. 1, 5, 6 происходят три основы вкладышевых кинжалов [Кунгурова, 2005]. Длина изделий от 300 до 320 мм, ширина от 25 до 28 мм. У всех экземпляров концы обломаны [Там же, рис. 38, *2–4*]. Судя по рисунку, пазы занимают ок. 2/3 длины изделия, начинаясь от отверстия в рукояточной части, но не доходя до острия.

В Прибайкалье основы вкладышевых кинжалов с двумя пазами происходят из погребений Серовского [Окладников, 1950, рис. 62; 109, *1*, *5*], Верхоленского [Окладников, 1978, табл. 26, *1*; 33, *2*; 45, *4*, 90, *3*; 93, *2*; 100, *1*; 121, *1*; 128, *9*; 136, *1*] и других могильников.

На западе как односторонние, так и двусторонние вкладышеввые кинжалы длиной до 560 мм есть в инвентаре самарской культуры [Васильев, Синюк, 1985, с. 10; табл. 6, *11, 12*].

Для оснащения костяных основ использовались каменные вкладыши, изготовленные из пластин или отщепов. Например, вкладыши для костяных основ из могильника Усть-Иша (погр. № 8, 12а) изготовлены из пластин, один боковой (рабочий) край которых оформлен мелкой краевой, а другой – крупной формирующей ретушью (для закрепления в пазу) [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, с. 17; рис. 22, *3, 4*]. В мог. № 1 могильника Большой Мыс рядом с основой сохранились два вкладыша [Там же, с. 39; рис. 46, *10, 11*]. У целого экземпляра прямоугольной формы размером 18×5 мм боковые края ретушированы с двух сторон. Здесь же найден обломок вкладышевой основы с двумя фрагментированными пластинами без подработки. В мог. № 2 этого же могильника найден вкладыш, изготовленный на пластине. Один боковой край пластины подработан средних размеров ретушью, фасетки которой располагаются на дорсальной поверхности. Найденный в погр. 1 могильника Солонцы-5 костяной кинжал оснащен вкладышами, изготовленными из длинных прямых пластин и их фрагментов [Кунгурова, 2005, цветная вклейка между с. 64–65, фото 9]. Они ретушированы с двух сторон по краям.

В отличие от алтайских, вкладыши костяных кинжалов из Прибайкалья обработаны двусторонней ретушью, покрывающей всю поверхность [Окладников, 1950, рис. 62; 1978, табл. 26, *1*; 33, *2*; 100, *2, 3*; 128, *9*; 136, *6*]. Судя по иллюстрациям, они крупнее алтайских.

Судя по ^{14}С-датам, алтайские погребения, в материале которых встречаются двухпазовые костяные кинжалы, имеют возраст в пределах 5 485±85–5 055±115 л.н. [Кунгурова, 2005, с. 57, табл. 4; Маркин, 2000, с. 63]. В Прибайкалье серовская культура, по данным радиоуглеродного анализа, существовала в IV тыс. до н.э [Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 31]. По данным А.В. Вебера и Д.В. Линка, раннее серово-глазково (поздний неолит) укладывается в период 6 000–5 400/5 000 л.н.; позднее (бронзовый век) – датируется 5 400/5 000 л.н. [2001, с. 145].

Несмотря на то, что вкладышевый кинжал из пещеры Бийка-1 не имеет стратиграфической привязки, о его возрасте можно судить по ^{14}С-дате, полученной по древесному углю из кострища № 1, – 5 235±140 л.н. (СОАН-3614). Поскольку проба датирована на очень незначительном количестве счетного препарата (менее 1 мл), дата может рассматриваться как ориентировочная и, возможно, удревненная. Во всяком случае, изделие сопоставимо с аналогичными или близкими образцами эпохи позднего неолита/энеолита Алтая, Прибайкалья, Поволжья. Что же касается вкладыша из пещеры Бийка-1, то предметов с подобной обработкой в алтайских памятниках пока не найдено. Отдаленное сходство по способу обработки можно обнаружить только на вкладышах из серовских погребений Прибайкалья.

Авторы выражают искреннюю благодарность канд. геол.-минерал. наук Л.А. Орловой (Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск) за проведенное радиоуглеродное датирование и канд. геол.-минерал. наук Н.А. Кулик (Институт археологии и этнографии СО РАН) за петрографическое определение.

Список литературы

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит восточно-европейской лесостепи. – Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1985. – 117 с.

Вебер А.В., Линк Д.В. Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 135–146.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 117 с.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул: Барнаул. юр. ин-т МВД России, 2005. – 128 с.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по ^{14}C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. – 1989. – № 1. – С. 19–32.

Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 53–64.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I, II. – 412 с. – (МИА; № 18).

Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – 287 с.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Усачева И.В., Нохрина Т.И., Феденева И.Н. Исследования пещерного комплекса на р. Бийка (правобережье р. Катунь, Горный Алтай) // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 80–85.

А.Г. Рыбалко, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 В 2013 ГОДУ*

В отчетном полевом сезоне работы проводились на территории Дербентского р-на Республики Дагестан. Раскопки памятника Дарвагчай-залив-1 производились в верхней части склона террасовидного уступа, на котором расположен памятник. Раскоп был заложен непосредственно на пашне, на участке, продолжающем линию шурфов 2009 г. в северо-восточном направлении [Деревянко и др., 2009]. Данные исследования явились логическим продолжением полевых исследований предыдущего года [Деревянко и др., 2012], вскрытая площадь составила 37 кв.м (рис. 1).

В ходе работ вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 3 м от дневной поверхности. В разрезе отчетливо фиксируются четыре геологических горизонта. Ниже приводится описание разреза (сверху вниз).

Слой 1А. Серо-коричневый лессовидный легкий суглинок с неоднородной, комковатой текстурой. Техногенная толща (пашня). Имеет относительно выдержанную мощность (в пределах раскопа). Истинная мощность (И.м.) 0,3–0,4 м. Подошва субгоризонтальная, четкая. Имеет падение в западном направлении.

Слой 1Б. Светло-коричневый лессовидный суглинок с неоднородной текстурой. По-видимому, изменен в ходе хозяйственной деятельности человека (выравнивание поверхности террасы). При высыхании серо-коричневый, трещиноватый с редкими карбонатными стяжениями (Ø до 1 см) равномерно разбросанными по всей толще горизонта. И.м. в среднем 0,4 м. Подошва резкая, четкая, субгоризонтальная (падение в западном направлении).

Слой 2. Лессовидный серо-коричневый суглинок. Плотный, умеренно пористый. Генезис эоловый, при незначительном участии делювиальных процессов. Текстура слоя пятнистая, из-за карбонатизированных пятен (Ø до 3 см). В средней части и в подошве слоя встречаются немногочисленные ходы землеройных животных. Подошва, относительно ров-

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-01-18004-е) и РФФИ (№ 13-06-12012-офи-м).

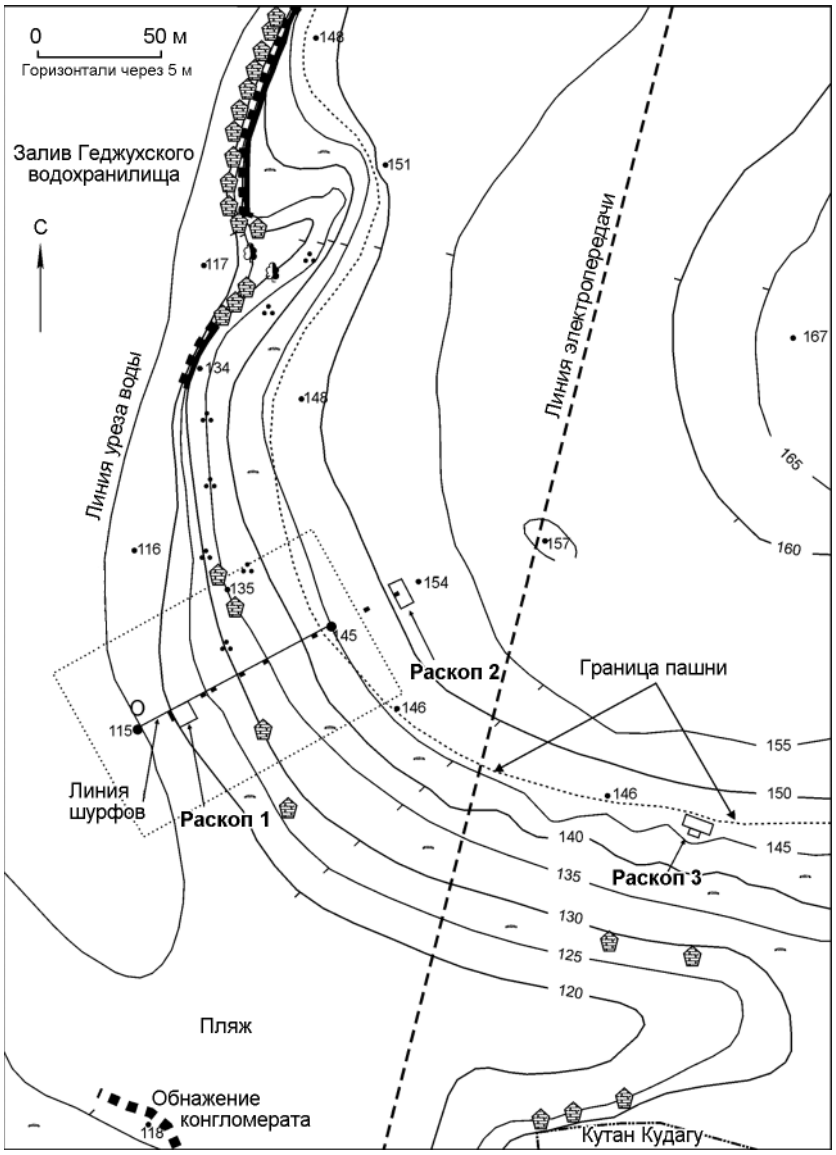


Рис. 1. Дарвагчай-залив-1. Топоплан местности с указанием раскопов.

ная, четкая, имеет падение в западном направлении (угол падения 5–10). И.м. меняется от 0,6 до 0,85 м.

Слой 3. Буро-коричневая, гумусированная супесь (погребенная почва), пылеватая в сухом состоянии. Текстура слоя пятнистая. Нижняя часть горизонта имеет более темный черно-бурый оттенок (последние 0,1–0,2 м). По всему слою отмечаются многочисленные кротовины разнообразной

формы и размеров, заполненные светло-коричневым суглинком. Генезис биогенный и эоловый. Подошва слоя размытая, субгоризонтальная. И.м. ~ 0,8–1,5 м.

Слой 4. Плотный желтовато-коричневый тяжелый суглинок. Верхняя часть слоя (первые 20–25 см) имеет красно-бурый оттенок (контактная зона). Генезис, делювиально-эоловый. Текстура пятнистая. Отмечаются карбонатные стяжения (размер 1–2 см). В кровле слоя видны трещины усыхания (средняя ширина в устье 2–3 см, при глубине 0,2 м). Видимая мощность слоя 0,4 м.

Археологические материалы залегали в слое 3 – буро-коричневая, гумусированная супесь (погребенная почва). Немногочисленная, но выразительная коллекция артефактов насчитывает 193 экз. каменных изделий.

Нуклеусов насчитывается 9 предметов, из них семь нуклеусов относятся к леваллуазской системе расщепления. Первые два ядрища крупных размеров округлой в плане формы имеют плоские слегка скошенные ударные площадки образованные несколькими снятиями средних размеров. Фронт скалывания, в одном случае плоский, в другом выпуклый, сохраняет негативы центростремительных снятий средних и мелких размеров. Особенностью следующей группы из трех нуклеусов является оформление одной из латералей мелкими укороченными сколами со стороны контрфронта. Изделия крупных размеров овальной формы. Два последних предмета мелких размеров имеют крайнюю степень истощения. Оба нуклеуса обладают выпуклыми фасетированными ударными площадками. Фронты скалывания сохраняют негативы целевых снятий. Латерали и основание ядрища, округлой формы, оформлены мелкими сколами с плоскости фронта. Обработка данных частей подтреугольной формы нуклеуса заключалась в снятии мелких сколов с плоскости контрфронта. Для всех ядрищ характерно сохранение естественной желвачной корки на поверхности контрфронта.

К системе параллельного расщепления отнесены два предмета. Первый является двуплощадочным монофронтальным ядрища. Плоские ударные площадки оформлены одним снятием. Фронт скалывания сохраняет негативы крупных пластинчатых снятий. Второй предмет крупных размеров является двуплощадочным бифронталым нуклеусом с перекрестной системой снятия. Ударные площадки плоские, одна из которых оформлена одним крупным сколом. Плоские фронты скалывания сохраняют негативы крупных и средних сколов средних пропорций. Большинство снятий являются отраженными, что и послужило причиной прекращения расщепления.

К нуклевидным обломкам отнесены три предметы аморфных очертаний, определить систему расщепления не представляется возможным. Еще два артефакта можно охарактеризовать как обломки леваллуазских нуклеусов.

В коллекции присутствуют две плоские гальки крупных размеров определяемых как отбойники (рис. 2, *1*). Для них характерна забитость на одном из узких краев предметов.

Индустрия отщепов насчитывает 122 экз. Крупных предметов в коллекции четыре экземпляра удлиненных пропорций. Ударные площадки представлены двумя типами – естественные и гладкие – в равных коли-

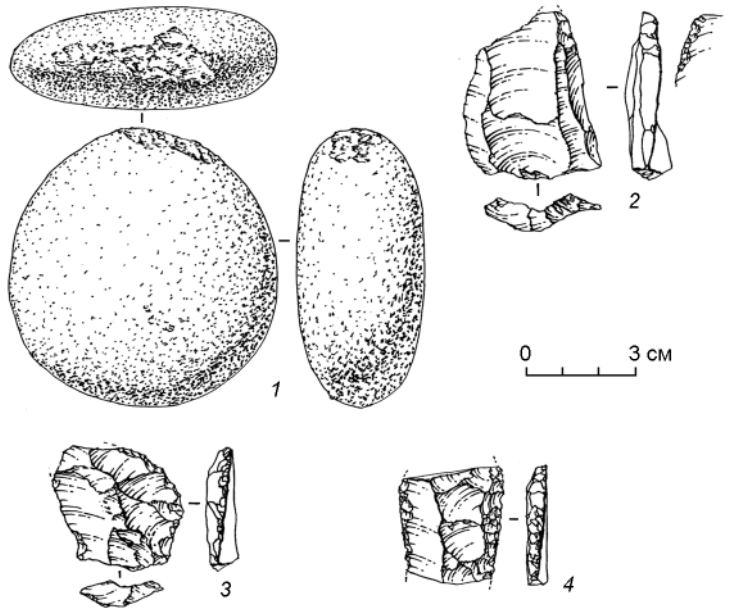


Рис. 2. Каменный инвентарь памятника Дарвагчай-залив-1, раскоп 2.
1 – отбойник; *2* – леваллуазский отщеп; *3* – отщеп с ретушью; *4* – комбинированное орудие.

чествах. Огранка дорсала определима у трех предметов: параллельная однонаправленная, продольно-поперечная и гладкая. Отщепы средних размеров 28 экз. (из них 4 предмета фрагментированые). Целые предметы имеют в 3 случаях укороченные, в 10 короткие, а в 11 удлиненные пропорции. Определимые ударные площадки представлены следующими типами: естественные (2 экз.), гладкие (11 экз.), фасетированные (3 экз.). Девять предметов имеют параллельную однонаправленную огранку дорсала, два параллельную бинаправленную, один гладкую, восемь спродольно-поперечную, а два артефакта обладают радиальной огранкой дорсала. Отщепы мелких размеров 90 экз. (из них фрагментированных 43 экз.). Целые предметы по пропорциям делятся на удлиненные (5 экз.), короткие (39 экз.) и укороченные (5 экз.). Определимые ударные площадки представлены естественными (2 экз.), гладкими (31 экз.), фасетированными (4 экз.). Огранка дорсала представлена следующими типами: параллельная однонаправленная (22 экз.), параллельная бинаправленная (5 экз.), гладкая (3 экз.), продольно-поперечная (6 экз.).

Пластин в коллекции насчитывается 3 экз. (из них один предмет фрагментированный). Целые предметы имеют параллельную однонаправленную огранку дорсала и гладкие остаточные ударные площадки.

В коллекции также присутствуют обломки в количестве 34 экз., четыре осколка, десять чешуек и один неопределимый технический скол.

Орудийный набор состоит из 9 экз., из них три являются леваллуазскими отщепами средних размеров, один из которых обладает оформленным

мелкофасеточной, чешуйчатой, пологой ретушью участком на вентральной стороне дистальной части предмета (рис. 2, *2*). В коллекции также присутствуют два выемчатых орудия. Первое изготовлено на дистальной части мелкого отщепа. Анкош создан постоянной, сильномодифицирующей, чешуйчатой, крутой, средне- и мелкофасеточной ретушью. Исходной заготовкой для второго выемчатого орудия послужил отщеп средних размеров. Формированию выемки способствовал естественный контур края заготовки, вторичная обработка представлена постоянной, мелкофасеточной, слабомодифицирующей, крутой чешуйчатой ретушью. Также в коллекции присутствуют два отщепа с ретушью. Первый предмет представляет собой укороченный отщеп средних размеров с постоянной, мелкофасеточной, полукрутой, чешуйчатой ретушью на продольном крае (рис. 2, *3*). Следующий отщеп средних размеров является фрагментированным, вторичная обработка на вентральной плоскости заключалась в нанесении эпизодической, среднефасеточной, чешуйчатой, крутой ретуши. Также необходимо отметить наличие вторичной обработки на обломке средних размеров. Один из продольных краев оформлен постоянной, разнофасеточной, чешуйчатой, полукрутой, сильномодифицирующей ретушью.

Интерес представляет последнее фрагментированное комбинированное орудие, являющейся медиальной частью пластины средних размеров (рис. 2, *4*). Один из продольных краев представляет собой лезвие ножа и оформлен постоянной, мелкофасеточной, слабомодифицирующей, полукрутой ретушью. Другой край является рабочим краем скребла, созданным постоянной, среднемодифицирующей, крутой, чешуйчатой ретушью.

Таким образом, полученные данные полностью согласуются с результатами предыдущего года исследований. Первичное расщепление данной каменной индустрии демонстрирует преобладание леваллуазской системы расщепления, при подчиненном положении простой параллельной системы скалывания. Пластинчатые сколы представлены единичными экземплярами. Ударные площадки в основном гладкие и фасетированные. В орудийном наборе преобладают скребловидные и выемчатые изделия.

Общий технико-типологический облик и характер залегания обнаруженных каменных артефактов позволяет рассматривать их в рамках широкого культурно-хронологического интервала – развитого среднего палеолита. Исследование нового культурно хронологического комплекса памятника Дарвагчай-залив-1 представляется перспективным для уточнения типологического облика среднего палеолита Дагестана и корреляции стратиграфических разрезов палеолитических стоянок в долине реки Дарвагчай.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В. Дарвагчай-залив-1 – новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 96–101.

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 68–73.

А.И. Соловьев, Е.А. Соловьева

Институт археологии и этнографии СО РАН

К ВОПРОСУ О СХОДСТВЕ КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ В НЕОЛИТЕ ЯПОНИИ (посуда и обрядовая пластика)*

Как показывают работы российских ученых, феномен возникновения керамической посуды в Приморье в конце плейстоцена позволяет рассматривать его в совокупности со столь же ранним появлением керамики в Японии [Деревянко, Медведев, 1993, с. 25; Egami, 1973, p. 64–66]. Отмеченное для более поздних культур Японских островов и приморских районов материка сходство в форме и орнаменте керамической посуды и глиняной антропоморфной пластики [Молодин, 1990, с. 76–80] позволяет рассматривать причины происхождения и развития керамического производства как целостного явления.

Традиция изучения неолитической японской пластики сложилась еще во второй половине прошлого века, но не потеряла актуальности и сегодня. Классификационная схема, разработанная известным специалистом по керамике Т. Эсака, позволяет исследовать различные типы статуэток *догу* в соотнесении с выделяемыми типами керамической посуды [Egami, 1973, p. 152–156]. Установлено, что появление разнообразных форм статуэток совпадает со временем сложения определенных типов керамики, и происходит это на среднем этапе периода *дзёмон*. В это время на северо-востоке Японии, в районе Тохоку, формируется керамический тип Дайги, представленный глубокими горшками с несколькими ушками и украшенными веревочным оттиском, двойным зигзагом, спиралями. Синхронно в центральной Японии, в районе Канто, существуют несколько типов посуды. Керамика типа Кацусака представлена узкими цилиндрическими урнами и горшками, украшенными прямыми линиями, иногда изображениями лягушки; горшки типа Атамадай снабжены четырьмя ушками. Глубокие цилиндрические сосуды типа Касори Е украшены веревочным оттиском, спиралями и рельефным орнаментом по горловине. Там же, в Центральной Японии, в районе Тюбу, встречается керамический тип Тонай, представленный горшками, кувшинами, чашами с четырьмя ушками и рельефным волнообразным орнаментом; горшки типа Уматака, известные больше как посуда «с языками пламени», украшены декоратив-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 11-01-00092.

ными ушками. Сосуды типа Сори изготавливались с большими ушками и спиралевидным рельефным орнаментом.

На позднем этапе периода *дзёмон* в южной части Тохоку появляются глубокие и плоские горшки и кувшины, украшенные орнаментом «рыболовная сеть», относящиеся к типу Синги. Горшки типа Конгодзи украшены треугольными налепами, встречаются сосуды черного и зеленого цвета. В районе Канто преобладает керамический тип Хориноути, представленный глубокими горшками с веревочным и геометрическим орнаментом. Встречаются также большие черные горшки со шлифованной поверхностью и выпуклыми спиралями, относящиеся к типу Касори В. Горшки с четырьмя ушками, вертикальными налепами, веревочным оттиском и украшенной точками кромкой относятся к керамическому типу Ангё. На заключительном этапе периода *дзёмон* в районе Тохоку появляется и господствует тип посуды Охора (или Обора), к которому относятся горшки и миски с толстыми стенками, шлифованной поверхностью, черно-коричневого цвета. Некоторые типы керамической посуды можно вполне уверенно связывать с типами статуэток *догу*. Например, в центральной Японии параллельно с цилиндрическими сосудами типа Хориноути обнаруживаются статуэтки-цилиндры и догу-сердце, крупным шлифованным орнаментированным спиралями сосудам типа Касори В соответствуют догу-гора, сосуды с четырьмя ушками и вертикальными налепами типа Ангё встречаются в сопровождении догу-сова [Эсака, Оно, 1983, с. 85–87].

Несомненно, связи между статуэтками и керамическими сосудами не ограничиваются только соответствием типов и нахождением в хронологически и территориально близких памятниках, изучение керамики и статуэток позволяет находить сходство на разных уровнях, начиная от орнаментальных мотивов и заканчивая элементами ритуальной практики.

Изучение керамических коллекций района Тохоку на северо-востоке Японии позволило выявить близкие аналогии между керамическим сосудом и известной статуэткой *догу*. Большинство предметов керамической посуды периода *дзёмон* украшено, как правило, абстрактным и геометрическим орнаментом, но иногда встречаются изображения медведей, лягушек или даже человеческих лиц и тел [Соловьева, Табарев, 2013]. Последняя категория находок, по нашему мнению, является наиболее интересной.

Керамический сосуд, представляющий собой кувшин, обнаружен на стоянке Токосинай, префектура Аомори, относящейся к позднему этапу периода *дзёмон*, датируемой 1500–1000 гг. до н.э. Высота кувшина 22,5 см, в настоящее время хранится в Токийском Национальном музее. Кувшин имеет круглое тулово и длинное узкое горло, к верхней части тулова прикреплена антропоморфная фигура (рис. 1, *1*). Длинные руки фигуры вытянуты в стороны и согнуты в локтях вниз. Голова включена в опоясывающую ленту веревочного оттиска. Туловище фигуры также покрыто веревочным оттиском. Детали лица выполнены следующим образом: брови и нос представляют собой единую полосу, глаза и рот –

Рис. 1. Керамический сосуд и статуэтка догу из префектуры Аомори, р-н Тохоку. *1* – кувшин со стоянки Токосинай (по: [The Power…, 2009]); *2* – догу со стоянки Номотэтай (по: [Dogu..., 2012]).

в виде выпуклых окружностей. Подобное изображение деталей лица часто встречается в пластике позднего этапа периода *дзёмон*.

Среди немногочисленных целых статуэток известна серия догу в сидячей позе. К этой группе относится статуэтка со стоянки Номотэтай, префектура Аомори. Стоянка относится к позднему этапу периода *дзёмон* и датируется 1 500–1 000 гг. до н.э. Размеры статуэтки составляют 8×2 см, хранится в частной коллекции. Фигурка изображает сидящего человека с согнутыми коленями (рис. 1, *2*). Руки сложены, левая рука поддерживает правую руку. По мнению некоторых исследователей, подобные фигурки изображают неких служителей культа эпохи неолита во время совершения ритуала [The Power…, 2009, p. 155]. Брови и нос, вылепленные из одной полосы глины, придают лицу некоторую злость или свирепость. Тело статуэтки покрыто веревочным оттиском.

При внимательном изучении можно выделить несколько сходных черт в изображении человека между статуэткой и кувшином. Это в целом изображение тела достаточно реалистичное, длинные руки и ноги, веревочный оттиск по всей поверхности фигурки, выполнение дета-

лей лица из полосок глины, соединение бровей и носа в одну линию. Особый интерес представляет данное сходство с учетом того обстоятельства, что найдены предметы в различных археологических памятниках, хотя и не столь удаленных друг от друга (рис. 2). В таком случае, можно предполагать наличие определенной изобразительной традиции в керамическом производстве северо-восточной части Японии, которая, несомненно, связана с ритуальными действиями, поскольку большая часть керамической посуды и, особенно, статуэтки *догу* имели именно такое назначение. К сожалению, случаи обнаружения столь близких по исполнению керамических сосудов и предметов пластики буквально единичны, что серьезно снижает возможности изучения.

Рис. 2. Карта Японии.
1 – стоянка Токосинай; *2* – стоянка Номотэтай.

Список литературы

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1980). – Новосибирск: Наука, 1993. – 25 с.

Молодин В.И. К вопросу о штампах для орнаментации древней керамики // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука 1990. – С. 76–80.

Соловьева Е.А., Табарев А.В. Керамическая посуда с антропоморфными сюжетами в древних культурах Тихоокеанского бассейна: дзёмон (Япония) и илама (Колумбия) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. – С. 133–141.

Эсака Т., Оно М. Догу-но тисики. (Знание о догу). – Токио, 1983. – 144 с. (на яп. яз.).

Dogu, a Cosmos. Miho Museum. – Tokyo: Hatori Press, 2012. – 344 p

Egami N. The Beginnings of Japanese Art. – N.Y.; Tokyo, 1973. – 180 p.

The Power of Dogu. – L.: British Museum Press, 2009. – 170 p.

И.В. Стасюк[1, 2], Е.А. Томилова[1, 2], Е.Н. Кукса[2], Е.В. Акимова[1, 2], В.М. Харевич[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ДЕРБИНА VII (Дербинский археологический район)*

Местонахождение Дербина VII находится на правом берегу р. Дербины, в 3,5 км выше залива Малтат (55°18′59,0′ с.ш., 92°31′45,4″ в.д.). Памятник, выявленный в 1999 г., до настоящего времени представлял собой классический пример палеолитического объекта в береговой зоне Красноярского водохранилища: относительно немногочисленная, но довольно представительная коллекция каменного инвентаря была собрана в экспонированном состоянии на береговой отмели и не имела стратиграфической привязки [Стасюк и др., 2002].

В 2013 г. в зачистке берегового обнажения на глубине 2,5(2,8)–2,8(3,2) м был обнаружен культурный слой. В этом месте был заложен раскоп площадью 21 кв. м. В раскопе зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация:

1. 0,00–0,24 м. Пахотный горизонт современной лесостепной черноземной почвы.

2. 0,24–0,49 м. Иллювиальный горизонт современной почвы, представленный супесями коричневатыми гумусированными, рыхлыми, комковатыми, с обильными корнеходами и следами деятельности современной биоты.

3. 0,49–0,92 м. Супеси желтовато-серые, коричневато-серые лессовидные, плотные до средних, неслоистые.

4. 0,92–1,28 м. Супеси серые лессовидные, неслоистые, легкие, пористые.

5. 1,28–1,60 м. Супеси желтовато-серые, серые лессовидные, неяснослоистые.

6. 1,60–1,85 м. Суглинки красновато-коричневые, коричневато-серые плотные, тяжелые, неслоистые. По всей мощности слоя прослеживается интенсивная карбонатизация в виде пятен и натеков.

7. 1,85–2,44 м. Суглинки желтовато-коричневатые, лессовидные, неяснослоистые, ожелезненные. Ожелезнение в виде полос и прослоев, интенсивность ожелезнения увеличивается к подошве слоя.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-11-24601.

8. 2,44–2,8 м. Сложное переслаивание плотных тяжелых гумусированных суглинков – коричневато-серых, сизоватых, карбонатизированных в виде прослоев и пятен. В верхней части слоистость неясная, в виде разнородных прослоев и пятен различных по содержанию гумуса. К данной части геологического слоя приурочена основная часть находок. Ниже слоистость отчетливая, субгоризонтальная согласная современному склону, со следами течения, смятий.

9. 2,80–2,96 м. Суглинки коричневые, плотные, тяжелые, неслоистые.

10. 2,96–3,15 м. Суглинки серые, зеленовато-серые, легкие, пористые, лессовидные.

Геологический слой 8, содержащий в кровле и верхней своей части археологический материал и палеофаунистические остатки, по всей видимости, представляет собой продукты переотложения ископаемой почвы каргинского времени. Локализация культурных отложений именно в верхней части педоседимента может свидетельствовать о более позднем, по сравнению с прочими опорными памятниками района, времени формирования культурного горизонта, позже периода интенсивных солифлюкционных процессов (конощельский эпизод каргинского интерстадиала), в условиях относительной стабилизации склоновых процессов [Лаухин и др., 2002]. До получения абсолютных датировок, возраст памятника следует определять в хронологическом интервале липовско-новоселовского потепления – начала гыданской стадии сартанского времени.

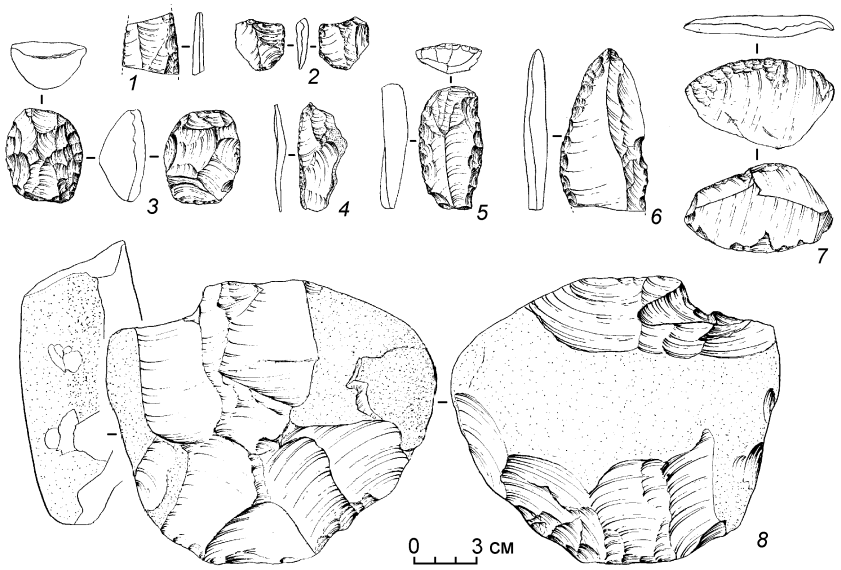
Насыщенность культурного слоя крайне низкая. В культурном горизонте зафиксировано 23 артефакта, большую часть которых составляют отходы производства – отщепы, осколки (19 экз.). В диагностичной части коллекции фрагмент пластины с дорсальной ретушью по одному краю, двойное продольное альтернативное скребло на отщепе (см. *рисунок*, *7*) и заготовка неопределимого изделия. Фаунистические остатки представлены неопределимыми обломками колотых трубчатых костей (36 экз.), а также локтевой и пяточными костями бизона, пястной, запястной и промежуточной костями марала (определение С.К. Васильева).

Открытие культуросодержащего горизонта *in situ* позволяет с достаточной долей уверенности отнести рубежу каргинского-раннесартанского времени и экспонированный комплекс памятника.

Общая численность коллекции, собранной в 1999–2007 гг., составляет 420 экз., из которых 309 экз. – отщепы, сколы, обломки, битые гальки.

Сырьевая база местонахождения типична для ранних памятников Дербины. Большую часть составляют породы из состава галечников р. Дербины – андезиты и трахиты, как правило, невысокого качества. Меньшая доля – кремни, кварциты и туфы галечных пород Енисея.

Первичное расщепление также демонстрирует общие черты, свойственные группе ранних индустрий Дербины: пластинчатый характер расщепления, сходные приемы оформления фронтальных поверхностей и ударных площадок, приемы переориентации ядрищ в процессе утилизации, сходные типы нуклеусов и их заготовок [Харевич, Стасюк, 2008;



Каменный инвентарь позднепалеолитической стоянки Дербина VII.
1–6, 8 – подъемный материал (1999–2005 гг.); *7* – культурный слой (2013 г.).

Харевич, Акимова, Стасюк, 2010; Харевич, Стасюк, Акимова, 2011]. В коллекции присутствуют следующие типы нуклевидных изделий:

1. Заготовки нуклеусов и нуклеусы в начальной стадии утилизации (5 экз.) с подготовленными, скошенными площадками и оформленными латеральными снятиями с контрфронта поверхностями скалывания.

2. Нуклеусы с галечными ударными площадками (8 экз.) и фронтальными поверхностями, оформленными радиальными (2 экз.) или субпараллельными снятиями.

3. Ортогональные нуклеусы (5 экз.).

4. Одноплощадочные монофронтальные нуклеусы (3 экз.): нуклевидное изделие в начальной стадии использования на крупном массивном пластинчатом сколе с оформленной площадкой и следами оформления латерального ребра; галечный нуклеус с оформленной одним снятием ударной площадкой, выпуклым фронтом, несущим следы серии параллельных снятий и подработанным с контрфронта дистальным концом; одноплощадочный монофронтальный нуклеус с радиальной обработкой контрфронта.

5. Двухплощадочные монофронтальные нуклеусы с противолежащими площадками (4 экз.): массивное изделие на небольшом дисковидном валуне со следами субпараллельных снятий с подготовленных скошенных противолежащих площадок (см. *рисунок*, *8*); сработанные до состояния плоского фронта изделия с подготовленными, скошенными площадками и следами подработок одной из латералей (2 экз.); сработанное изделия со встречными снятиями вдоль короткой оси нуклеуса.

В единственных экземплярах представлены радиальный бифронтальный нуклеус; трехплощадочный бифронтальный нуклеус из высококачественного галечного енисейского кремня, сработанный до дисковидного состояния встречными и перекрестными снятиями по противолежащим фронтам; двухплощадочный бифронтальный нуклеус с противолежащими противонаправленными скошенными ударными площадками; четырехплощадочный нуклеус с перекрестным расположением фронтов, скалывание по каждому из которых велось во встречном направлении.

Присутствуют нуклевидные обломки со следами эпизодических снятий – (11 экз.) и краевые сколы с нуклеусов – 3 экз.

Орудийный набор по облику и типологическому составу практически не выделяется из ранней группы памятников Дербины. В составе коллекции присутствуют следующие категории изделий:

1. Скребки (4 экз.): концевой на пластине с ретушью, со слабоскошенным рабочим краем на дистальном конце (см. *рисунок*, *5*); боковой и двойной боковой на пластинчатых сколах; боковой на сколе с частичной двусторонней подработкой обушка.

2. Пластины (10 экз.) и отщепы (18 экз.) с ретушью.

3. Галечные орудия: чопперовидные изделия с выпуклым отвесным рабочим краем (2 экз.), в том числе – орудие со следами сильной изношенности рабочей кромки (струг?); чопперовидное орудие с прямым рабочим краем; рубиловидное изделие-унифас на гальке, с острием, сформированным двумя конвергентными отвесными выпуклым и вогнутым рабочими краями.

4. Ножевидные изделия на отщепах (4 экз.) и пластинчатых сколах (2 экз.). Рабочие края сформированы приостряющей регулярной дорсальной ретушью.

5. Заготовки и обломки неопределимых изделий (массивные отщепы и сколы с эпизодической ретушью, не формирующей диагностически выраженных участков рабочего края) (11 экз.).

6. Заготовка бифаса на удлиненной гальке (массивном сколе?).

7. Остроконечники (2 экз.): остроконечник-унифас на массивном первичном отщепе и остроконечник на дистальном фрагменте призматической пластины (см. *рисунок*, *6*) .

8. Скребла (9 экз.): продольные вентральные на первичных отщепах с прямым рабочим краем (2 экз.); продольные дорсальные на первичных отщепах со слабовыпуклым рабочим краем (3 экз.); продольное дорсальное на пластинчатом сколе с галечным обушком; двойное альтернативное поперечное дорсальное на первичном отщепе; скребловидные изделия на массивных отщепах (2 экз.).

9. Долотовидные орудия с одной, двумя парами противолежащих рабочих краев, оформленных двусторонней подтеской, в одном случае, вероятно, на сработанном нуклеусе (2 экз.) (см. *рисунок*, *2*, *3*).

10. Проколка на отщепе с жальцем, сформированным двумя выемками. Противолежащий рабочему край отщепа оформлен двусторонней подтеской (переоформление из долотовидного?) (см. *рисунок*, *4*).

11. Тесловидное орудие (?) на массивном пластинчатом сколе. Рабочий край оформлен на дистальном конце с вентральной стороны изделия.

Обнаружение культурного горизонта на местонахождении Дербина VII, с одной стороны, пополняет список стратифицированных объектов начала верхнего палеолита Енисея, с другой – демонстрирует перспективность и насущную необходимость регулярного мониторинга береговой зоны водохранилища в условиях неостановимой абразии береговых обнажений.

Список литературы

Лаухин, С.А., Санько А.Ф., Еловичева Я.К., Мотузко А.Н., Акимова Е.В, Стасюк И.В., Томилова Е.А. Дербина V – опорный разрез Дербинского археологического района (юго-запад Восточного Саяна) // Литосфера. – 2002. – Т. 16, № 1. – С. 49–57.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., Томилова Е.А., Лаухин С.А., Санько А.Ф., Тихомиров М.Ю., Махлаева Ю.М. Палеолитические местонахождения Дербинского археологического района (Красноярское водохранилище) // Вестн. археологии, антропологи и этнографии. – Тюмень, 2002. – Вып. 4, № 4. – С. 3–16.

Харевич В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В. Каменная индустрия позднепалеолитического местонахождения Дербина V (Красноярское водохранилище) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 5. – С. 86–96.

Харевич В.М., Стасюк И.В. Техника первичного расщепления позднепалеолитического местонахождения Усть-Малтат-2 (средний Енисей) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2008 – Т. 7, вып. 3. – С. 84–95.

Харевич В.М., Стасюк И.В., Акимова Е.В. Позднепалеолитическая стоянка Дербина-4 (Красноярское водохранилище) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 7. – С. 119–129.

А.В. Табарев[1], Й. Каномата[2], К. Стосерт[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Университет Тохоку
[3]Университет Сан-Антонио

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ РАННЕГОЛОЦЕНОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛАС-ВЕГАС, ЭКВАДОР*

В сентябре 2013 г. авторы статьи с официального разрешения Министерства культурного наследия Республики Эквадор работали с коллекциями каменных артефактов культуры Лас-Вегас (рис. 1), хранящихся в Лаборатории Каутиво в г. Ла-Либерта (пров. Санта-Элена).

Культура Лас-Вегас – древнейшая культура на тихоокеанском побережье этой страны [Табарев, 2002, 2006] – представлена примерно 40 памятниками (в основном на территории п-ова Санта-Элена), среди которых специалисты выделяют кратковременные сезонные стоянки и несколько т.н. базовых лагерей (памятники № 66, 67 и 80). Последние отличаются значительной площадью распространения артефактов, погребальными комплексами и мощными отложениями органических остатков [Stothert, 1985].

По различным видам органики было получено более 30 радиоуглеродных дат, которые определяют время существования культуры в пределах раннего голоцена: 10,0–6,6 тыс. л.н. Большинство археологов подразделяют культуру на два этапа – ранний Лас-Вегас (10–8 тыс. л.н.) и поздний Лас-Вегас (8,0–6,6 тыс. л.н.). Кроме того, три даты позволяют условно говорить о периоде пре-Лас-Вегас (10,8–10,1 тыс. л.н.) и две – о периоде пост-Лас-Вегас (5,8–5,7 тыс. л.н.).

Культура Лас-Вегас – докерамическая, основу экономики составляли охота, рыболовство и собирательство во внутренних и прибрежных частях полуострова. Подавляющая часть побережья в раннем голоцене была покрыта мангровыми лесами – уникальными экологическими нишами с исключительно высокой плотностью биомассы. Несмотря на присваивающий характер экономики, носители культуры Лас-Вегас достаточно рано (около 8 тыс. л.н.) начинают эксперименты с доместикацией растений (тыква, маис, лерен, возможно, маниока и хлопок) [Stothert, 2011].

За более чем 40-летний период исследования культуры Лас-Вегас специалистами были детально проанализированы фаунистические и флористические данные, выполнены реконструкции палеоклимата и динами-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00001а.

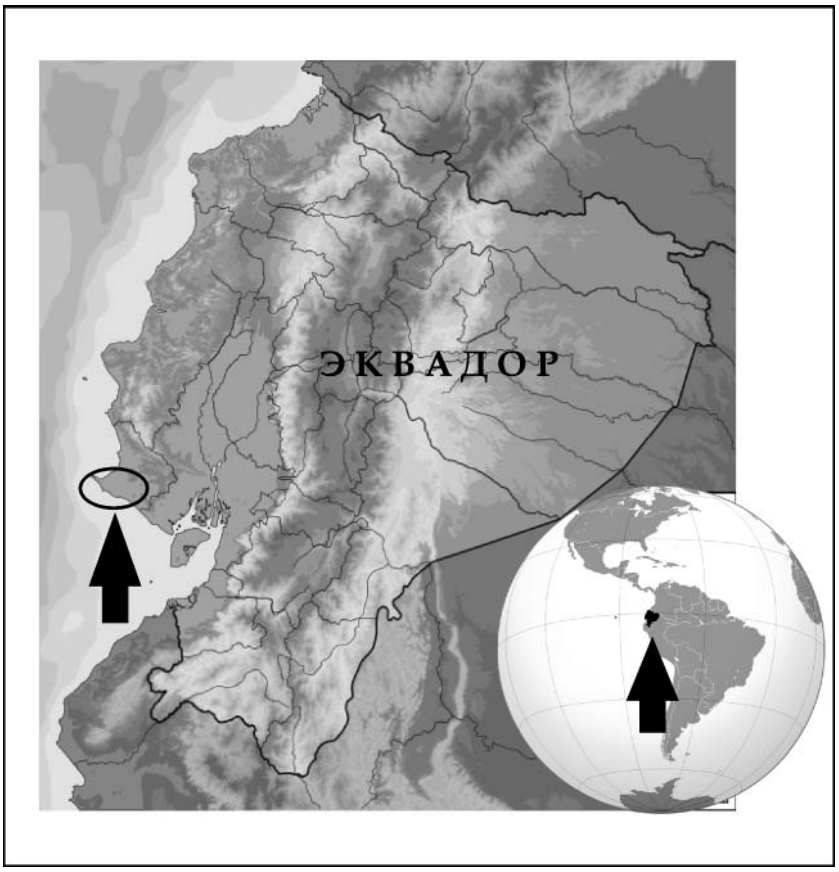


Рис. 1. Карта Эквадора с указанием ареала распространения памятников культуры Лас-Вегас.

ки береговой линии в раннем – среднем голоцене, тщательно изучены антропологические материалы из погребений (ок. 192 полных и неполных скелетов). В меньшей степени рассматривались особенности каменной индустрии.

В рамках нашего проекта мы работали с наиболее массовой (до 50 тыс. единиц) коллекцией по комплексу № 80, а также с достаточно представительной выборкой по памятникам № 38, 66, 67 и 78 (в целом ок. 3 тыс. единиц). Около 100 артефактов было изучено на предмет наличия следов использования. Отметим, что трасологический метод для коллекций культуры Лас-Вегас применялся впервые. В настоящей публикации нами приводятся предварительные выводы по анализу коллекций.

Индустрия внешне не столь эффектна – в ней нет таких «ключевых» категорий как наконечники метательных орудий, нет нуклеусов

для снятия пластин или пластинчатых заготовок, крайне мало морфологически выраженных орудий с регулярной фасиальной и краевой ретушью, резцовым сколом, подшлифовкой или подтеской. В коллекциях преобладают расколотые гальки, мелкие и средние отщепы, сколы, обломки и осколки: 99,9 % всех артефактов вообще не имеют никаких признаков вторичной обработки. Однако это не показатель «простоты» или «примитивности» технологии. Наоборот, перед нами пример весьма эффективной адаптации технологии к экономической специализации культуры, акцент на быстрое изготовление орудий кратковременного (разового) использования.

В качестве сырья использовались кварцит, разноокрашенные кремнистые сланцы, халцедоны, яшмоиды. Практически на 90 % эти виды сырья и разноразмерные отбойники можно найти в сухих руслах многочисленных мелких рек в радиусе 3–5 км и на 100 % в радиусе 10–15 км от памятника № 80.

Среди просмотренных нами материалов не оказалось ни одного фрагмента обсидиана, ближайшие месторождения которого находятся в континентальной части Эквадора на расстоянии около 200 км. Примечательно, что в последующие периоды импортное вулканическое стекло стабильно присутствует в прибрежных культурах.

Расщепление сырья можно условно свести к двум вариантам: расщепление кварцитовых галек для получения первичных и вторичных отщепов овальных очертаний (рис. 2, *1–2*), а также скалывание мелких и средних отщепов с конкреций кремнистого сланца и халцедона. На финальной стадии такие «ядрища» (2,5×3×2,5 см) внешне напоминают истощенные подпризматические нуклеусы, но без выраженной ударной площадки и подправки дуги скалывания. Очень часто такие «ядрища» раскалывались не по направлению импульса от отбойника, а по внутренней микротрещине или каверне – отсюда большое количество отходов, которые можно диагностировать как обломки и осколки.

Позволяет ли анализ материала выявить какие-либо различия в каменной индустрии раннего и позднего периодов культуры Лас-Вегас? Во всяком случае, есть ряд интересных наблюдений. Во-первых, в позднем периоде встречается значительно больше «ядрищ» из качественного сырья, позволяющего получать большее количество снятий с желаемыми параметрами. Во-вторых, 80 % морфологически выраженных инструментов (боковые и концевые скребки, сверла, резец) найдены в слоях, датируемых поздним периодом (рис. 2, *3–7*).

Впрочем, есть интересные артефакты и для раннего периода. Выше упоминалось, что предыдущие исследователи не отметили в каменном инструментарии культуры никаких признаков метательных наконечников и бифасиальной техники в целом. Тем не менее, нам удалось зафиксировать один выразительный фрагмент листовидного бифаса (толщина сечения не более 4 мм) из качественного красноватого кремнистого сланца (рис. 2, *8*). Он найден на глубине 150–180 см в слое с датой 10 100±130 л.н. (ранний или даже пре-Лас-Вегас). Трасологический анализ фрагмен-

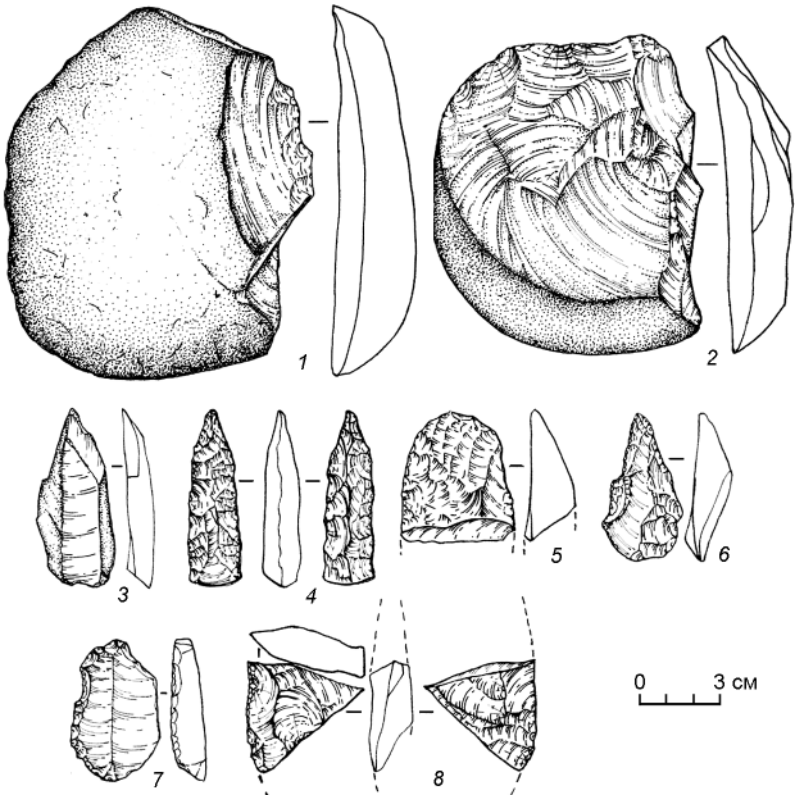


Рис. 2. Каменный инвентарь культуры Лас-Вегас (художник Ю.В. Табарева).
1 – первичный отщеп с галечной коркой; *2* – вторичный отщеп; *3* – резец; *4* – сверло; *5–7* – скребки; *8* – фрагмент бифасиального изделия.

та позволил определить, что им работали как скобелем или скребком по твердому плотному материалу (кость, рог).

Наиболее близкие аналогии этому изделию можно отметить в континентальной части Эквадора (граница провинций Асуай и Лоха) в комплексе Кубилан (местонахождение 27), для которого известны две радиоуглеродных даты в промежутке 10,5–10,3 тыс. л.н. [Temme, 1982]. Среди обнаруженных там каменных инструментов выделяется серия бифасиальных наконечников (листовидной формы и с черешком) длиной до 7,5–8,0 см, которые могли эффективно использоваться при охоте на средних и мелких животных.

Предварительный анализ материалов индустрии Лас-Вегас подтверждает версию о том, что в раннем голоцене на территории Эквадора существовали несколько локальных культур, инструментарий которых четко отражает хозяйственную специфику. Характер контактов между ними еще предстоит выяснить.

Список литературы

Табарев А.В. Древнейшие памятники тихоокеанского побережья Южной Америки: истоки приморской адаптации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 203–206.

Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье.: учеб. пособие. – Новосибирск: Сибирск. науч. книга, 2006. – 244 с.

Stothert K. E. The Preceramic Las Vegas Culture of Coastal Ecuador // Amer. Antiquity. – 1985. – Vol. 50. – P. 613–637.

Stothert K.E. Coastal Recourses and the Early Holocene Las Vegas Adaptation of Ecuador // Trekking the Shore. Changing Coastlines and the Antiquity of Coastal Settlement. – N.Y.: Springer, 2011. – P. 355–383.

Temme M. Excavaciónes en el sítio précerámico de Cubilán (Ecuador) // Miscelánea Antropológica Ecuatoriana. – 1982. – N. 2.

В.А. Ульянов, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕДИМЕНТОГЕНЕЗА ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

При стратиграфическом членении разрезов плейстоценовых отложений важную роль играет изучение характера и степени изменения первичного осадка в процессе диагенеза. Для геологических разрезов пещерных палеолитических объектов, включающих, как правило, многослойные культурно-стратиграфические колонки отложений, особое значение имеет выяснение генезиса и динамики постседиментационных нарушений залегания осадка. При этом следует различать нарушения, обусловленные переотложением вещества при разрушении слоя (обычно связанные с биогенно-антропогенной деятельностью или быстро протекающими гравитационными процессами), и собственно деформации геологического тела, связанные с медленным внутримассовым перемещением осадка без разрушения его целостности.

Основными факторами, определяющими характер и динамику внутримассовых деформаций пещерных отложений, являются особенности морфологии карстовой полости, механических свойств грунта и температурно-влажностных условий. Археологические исследования последних лет в восточной галерее Денисовой пещеры позволяют дать достаточно полную характеристику ее строения и особенностей залегания заполняющих рыхлых отложений [Деревянко и др., 2011, 2012].

Галерея заложена по системе крутопадающих на запад-юго-запад субпараллельных трещин в массиве силурийских биогермных известняков. Вскрытый раскопом участок галереи имеет длину 9 м, ширину 3 м и глубину 7,5 м, при этом наблюдается тенденция к сужению галереи в нижней части до 1,0–1,5 м. Днище галереи пока не достигнуто, вместе с тем можно предположить, что его формируют чередующиеся поперечные скальные выступы (ригели) и крутопадающие тоннелеобразные переуглубления, приуроченные преимущественно к локальным расширениям. Таким образом, галерея представляет собой разработанную карстовыми процессами узкую субвертикальную расщелину.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12002-офи-м.

Восточная галерея, являясь частью спелеосистемы Денисовой пещеры, испытала сходные и, видимо, синхронные с центральным залом этапы заполнения рыхлыми отложениями. Мощная толща заполняющих ее осадков в седиментационно-литологическом отношении сформирована тремя пачками, разделенными хорошо выраженными перерывами в осадконакоплении.

Нижняя пачка (слой 17) выполнена суглинистыми и тяжелосуглинистыми отложениями охристо-желтого цвета с обильными включениями известнякового щебня, глыб и выщелоченных натечных образований. Генетически она представляет переотложенный материал, характерный для закрытых карстовых полостей (пещерная «терра росса»). Накопление этого материала соответствует наиболее древнему этапу заполнения пещеры, когда полость была еще закрыта для внешних воздействий.

Средняя пачка (слои 16–11) представлена линзовидно-слоистым глыбово-щебнистым материалом с пестроцветным легкосуглинистым заполнителем. Ее формирование происходило после вскрытия карстовой полости в обстановке интенсивного биогенно-антропогенного воздействия на фоне резко усилившегося влияния региональных климатических факторов.

Верхняя пачка (слой 9 и вышележащие антропогенные отложения голоцена) образована легкими лессовидными суглинками с линзами и единичными включениями дресвы и мелкого щебня. Для этих суглинков, прежде всего для голоценовых отложений, характерна высокая насыщенность органическим веществом, обеспечившая интенсивное химическое преобразование подстилающего осадка.

Основные этапы заполнения галереи рыхлыми отложениями разных генераций оставили следы в микроморфологии поверхности стен карстовой полости. Прослежено несколько гипсометрических ярусов, в целом соответствующих пачкам заполняющих галерею осадков. В нижней части галереи ее стены и стенки идущих снизу тоннелей зашлифованы, имеют незначительные хорошо оглаженные неровности, обусловленные внутренними неоднородностями в составе коренных известняков; признаки десквамации или шраттирования отсутствуют. На этом гипсометрическом уровне большая часть трещин в коренных стенках морфологически не выражена или залечена кальцитовым цементом. Эти участки, как правило, законсервированы суглинистыми отложениями нижней пачки.

Выше расположен ярус накопления средней грубообломочной пачки отложений. На этом уровне часто встречаются блоки отседания от коренных стен пещеры, развившиеся по сети трещин, субпараллельных простиранию галереи. Для образованного при этом обломочного материала характерны крупный гранулометрический состав и удлиненность или изометричность формы, что нетипично для десквамационных процессов. Следует отметить, что некоторые блоки отсели от коренных стен галереи, когда были уже перекрыты толщей рыхлых отложений. С этими процессами связаны локальные деформации осадка в непосредственной близости от стен.

Верхняя часть стен галереи на уровне накопления лессовидных суглинков несет следы активного поверхностного растворения. На этом уровне отмечено интенсивное развитие желобковых карров (шраттов), наиболее выраженных на участках, перекрытых голоценовыми отложениями с высоким содержанием органического вещества.

На участках стен, расположенных над поверхностью голоценовых отложений, и свода галереи, подверженных активному воздействию колебаний температуры и влажности, развивались десквамационые процессы. Вместе с тем на этих участках также отмечено слабо выраженное шраттирование, связанное с растворяющим действием грунтовых и конденсационных вод.

В системе карстовых полостей Денисовой пещеры восточная галерея наиболее удалена от капельной линии, поэтому ее микроклимат отличается от микроклимата центрального зала относительно высокой влажностью и стабильностью температурно-влажностных условий. Эти отличия нашли отражение как в вещественном составе заполняющих галерею отложений, так и в активном проявлении постседиментационных вязкопластических деформаций просадочного генезиса. Возникновение просадок с большой вертикальной амплитудой связано с тиксотропными свойствами грунта нижней пачки отложений, который постепенно проседал в базальную часть галереи. При этом относительно консолидированные грубообломочные отложения средней пачки местами продавливали кровлю пластичных суглинков слоя 17, вызывая появление деформаций второго порядка в виде диапиров и гофр, распространявшихся в субгоризонтальном направлении под действием бокового сжатия грунта. Поэтому характерной особенностью отложений в восточной галерее является залегание в виде синклинали, совпадающей с осевой линией галереи, с круто (45–50°) падающими крыльями.

Следует отметить, что просадки не сопровождались хаотическим перемешиванием вещества разных стратиграфических подразделений даже в пристенных зонах, где градиенты смещений обычно наиболее велики. Первоначальное положение слоев уверенно реконструировано по текстурам течения грунта и фрагментам вещества на коренных стенах галереи.

Проявления просадок с постепенно уменьшающейся амплитудой отмечены во всех литологических слоях восточной галереи, включая голоценовые отложения. Вероятно, они во многом обусловили специфику диагенетического преобразования осадка в кровле средней грубообломочной пачки, самым ярким проявлением которого является мощный горизонт фосфатной цементации в слое 11 на контакте со слоем 9. Наиболее сильно фосфатизация проявилась вдоль осевой линии галереи в виде своеобразной траншеи шириной до 1 м и глубиной до 0,5 м, с четкими границами, заполненной осадками, в которых известняк полностью замещен фосфатами кальция.

Феномен массового и глубокого химического преобразования отложений слоя 11 отмечен только в пределах восточной галереи пещеры. Пока

не ясно, с каким палеогеографическим этапом или источником связано поступление значительного количества химически активного фосфорсодержащего вещества. Вместе с тем можно предположить, что локализация зоны наиболее интенсивных преобразований вдоль осевой линии галереи связана с углублением на поверхности пола пещеры, где концентрировались содержащие фосфаты растворы. Образование такого линейно вытянутого углубления могло быть обусловлено постоянными просадочными процессами. В дальнейшем эти участки наиболее сильно измененного и разрыхленного вещества, наряду с легкосуглинистыми отложениями вышележащей пачки, стали активно осваиваться животными-землероями. При этом грубообломочные отложения слоя 11 на пристенных участках галереи в меньшей степени нарушены деятельностью землероев, чем зона химического диагенеза вдоль ее осевой линии.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Чеха А.М. Раскопки плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 48–53.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Чеха А.М. Исследование отложений среднего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 78–82.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.В. Алкин[1, 2], Е.А. Сергушева[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

СЕМЕНА МАРИ БЕЛОЙ (*CHENOPODIUM ALBUM*) В КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ УСТЬ-ЧЁРНИНСКОГО ГОРОДИЩА*

С 2009 г. при исследованиях Усть-Чёрнинского городища в Забайкалье используется методика водной флотации. Растительные остатки, представленные плодами и семенами (карпоидами), обнаружены во всех флотационных пробах из нескольких археологических объектов – котлованов жилищ, рва и грунтовых западин на ритуальном комплексе в окрестностях памятника. Были получены предварительные данные о насыщенности культурных отложений карбонизированными растительными остатками, проведено их видовое определение, осуществлены подсчеты и статистические вычисления. Впервые на материалах района, расположенного на стыке Восточной Сибири и Дальнего Востока, появилась возможность предметно обсуждать проблему использования растений населением, которое, как мы считаем, связано своим происхождением с районами Среднего Приамурья [Алкин, 2012].

Идентификация полученного археоботанического материала показала, что культурный слой содержал остатки как культурных, так и дикорастущих растений. Это позволило начать работу по реконструкции таких компонентов системы жизнеобеспечения обитателей городища, как земледелие и собирательство растений. Предварительно сформулирован вывод об особенностях хозяйственной деятельности населения городища, которая выглядит весьма специфично на фоне того, что известно по земледелию предшествующих и средневековой эпох дальневосточного региона. Среди культурных растений обнаружены семена гречихи посевной (*Fagopyrum esculentum*), проса метельчатого (*Panicum miliaceum*), пшеницы мягкой (*Triticum aestivum*) и, возможно, гороха посевного (*Pisum sativa*). По количеству находок доминируют остатки гречихи, на втором месте – просо обыкновенное и конопля. Не все виды культурных растений идентифицированы однозначно, но наличие земледелия у обитателей городища подтверждено. Это, на наш взгляд, является одним из подтверждений прихода в этот район мохэских групп с территории Среднего Приамурья в конце I тыс. н.э. В то же время, полученные материалы

*Работа выполнена в рамках проектов интеграционных исследований СО РАН № 39 и ДВО РАН № 12-II-СО-11-031.

позволяют сделать вывод о серьезных различиях в списочном составе культурных растений обитателей городища и мохэсцев, а также родственных им бохайцев, обитавших на территории юга Дальнего Востока России, земледелие которых было просяным [Сергушева, 2012, 2013; и др.]. Феномен преобладания гречихи в полученных нами образцах еще требует своего объяснения.

Широко представлены в коллекции сорные растения. Среди них обращает на себя внимание большое количество семян мари белой (*Chenopodium album*) из семейства *Маревые* (*Chenopodiaceae*). Они зафиксированы в половине всех проб 2009–2011 гг. (пробы 2012 г. в обработке). В отдельных случаях их число достигает огромных значений, что позволяет отнести марь белую к категории собираемых растений, в то время как присутствие единичных остатков других дикорастущих растений на Усть-Чёрнинском городище могло иметь случайный характер.

Карбонизированные семена мари зафиксированы в заполнении котлованов двух жилищ [Алкин, Нестеренко, Колосов, 2011]. В количественном отношении во многих пробах они составляли больше половины находок всех карпоидов. Кроме того в ходе раскопок заполнения жилища № 66 огромное количество семян мари было визуально зафиксировано в его юго-восточном углу в виде скопления, которое находилось на поверхности фрагмента бересты, лежащего на полу котлована. Согласно неокончательным подсчетам, изъятая часть этого скопления, содержит более 6 тыс. семян. Частота и количество находок семян мари дает достаточные основания говорить о ее неслучайном присутствии в жилищах и предполагать, таким образом, устойчивый характер использования семян мари населением городища. Однако характер использования не вполне понятен.

Марь белая — однолетнее, травянистое растение, типичный сорняк и рудеральное растение, один из распространенных спутников человека, и обильно произрастает рядом с человеческим жильем, в местах с нарушенным почвенным покровом, засоряет посевы. По разным оценкам одно растение мари может продуцировать от 100 до 600 тыс. семян [Буч и др., 1981]. Это при хорошей всхожести приводит к тому, что через относительно небольшой промежуток времени марь может образовывать настоящие плантации, где заготовка ее семян не представляет трудности.

Семена мари заключены в плотный околоплодник, защищающий зародыш и перисперм, питающий его. На околоплодник приходится порядка 30 % веса плода. В нем содержится растительный гликозид сапонин, который придает плодам горьковатый вкус, а в большой концентрации обладает отравляющим действием на организм человека. Регулярное употребление семян мари в пищу возможно только при условии удаления сапонина. Известно, что семена мари используются в качестве добавок в корм скоту и для кормления домашней птицы [Вульф, Малеева, 1969]. Заметим, однако, что концентрация находок семян мари в заполнении жилищ позволяет предполагать создание и использование этих запасов для самих обитателей жилища, а не в качестве корма.

Археологические находки семян мари (как мари белой, так родственных растений) известны на археологических памятниках Азии, Европы, обеих Америк, Австралии [Ли Кёна, 2005; Лю Чанцзян, Цзинь Гуйюань, Кун Чжаочэнь, 2008; Behre, 2008]. Они свидетельствуют о достаточно древней (по крайней мере, с раннего неолита) и широко распространенной традиции собирательства и использования мари.

Для дальневосточного региона находок мари и родственных ей растений немного. Однако они подтверждают раннее начало использование этого растения. Флотационная проба из ранненеолитической раковинной кучи Сэджунни в Корее, (вторая половина VI тыс. до н.э.) дала значительное число семян мари (69 %). При этом отмечается, что следов земледелия на памятнике не обнаружено, а население занималось собирательством, на что указывают ямы-хранилища с желудями. На раковинной куче Тонсамдон (в районе Пусана; середина IV тыс. до н.э.) находки семян мари зафиксированы наряду с просом обыкновенным. Количество находок семян мари на памятниках корейского неолита уменьшается на фоне развития земледелия просяного типа [Ли Кёна, 2005]. Важно отметить и то, что марь нередко сопутствует просу. Так на Тайване отмечен факт совместного выращивания на одном поле проса и мари [Fogg, 1983, p. 100].

Этнографически подтверждено использование корейцами молодых листьев и семян мари в пищу [Pemberton, Lee, 1996, p. 62]. Имеются сведения об использовании корейцами этого растения в качестве лекарственного сырья [http://cafe.daum.net/sang6230/O1qM/44?q=Chenopodium]. Свежевыжатый сок помогает при солнечных ожогах, при укусе насекомых и при некоторых кожных заболеваниях (экзема, чесотка и др.). Хотя в больших дозах может вызывать раздражение кожи. Отвар из травянистой части растения используют при кишечных заболеваниях. Порошок из сухих листьев смешивается в равной пропорции с порошком из водорослей тасима (*Laminaria japonica)* для лечения десен.

Для изученных жилищ Усть-Чёрнинского городища отмечено малое содержание находок семян и плодов культурных растений. Возможно, их запасы находились не в жилищах, а в специальных хранилищах. Наличие же семян мари непосредственно в жилищах может быть объяснено двояко. Во-первых, в случае использования их в пищу требовалась тепловая обработка для освобождения от околоплодника, что было удобно рядом с очагом. Во-вторых, это могло быть связано с особенностями использования самого растения, которое представляет интерес еще и как лекарственное сырье.

Отметим, что с подобной находкой мы столкнулись впервые: ни на одном археологическом памятнике Дальнего Востока не были обнаружены намеренно собранные семена мари в таких количествах. Очевидно, на городище Усть-Чёрная мы столкнулись с феноменом использования семян этого растения, который требует дополнительного исследования и приемлемой интерпретации. В качестве рабочей гипотезы мы полагаем, что обитатели городища Усть-Чёрная могли употреблять семена (и возможно иные части растения) мари в пищу, а также как лекарственное сырье.

Список литературы

Алкин С.В. Миграция мохэ на р. Шилка в Забайкалье: к проблеме ранних контактов прототунгусов и протомонголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы III Междунар. науч. конф. – Вып. 3.2. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – С. 499–504.

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К. Работы на Усть-Чёрнинском городище в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XVII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 127–130.

Буч Т.Г., Качура Н.Н., Швыдкая В.Д., Андреева Е.Р. Сорные растения Приморского края и меры борьбы с ними. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1981. – 147 с.

Вульф Е.В., Малеева О.Ф. Мировые ресурсы полезных растений: справочник. – Л.: Наука, 1969. – 564 с.

Ли Кёна. Переосмысление точки зрения о «земледелии» неолитического времени, основанное на материале растений // Хангук синсокки сидэый когохак (Изучение неолита Кореи). – 2005. – № 10. – С. 27–49 (на кор. яз.).

Лю Чанцзян, Цзинь Гуйюань, Кун Чжаочэнь. Чжи у каогу: чжунцзы хэ гоши яньцзю (Археоботаника – изучение семян и плодов). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2008. – 273 с. (на кит. яз.).

Сергушева Е.А. Земледелие на территории Приморья в период существования государства Бохай (по археоботаническим и археологическим данным) // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. – 2012. – № 1. – С. 100–107.

Сергушева Е.А. Предварительные результаты изучения семян и плодов растений со средневекового городища Усть-Чёрная (Забайкальский край) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы IV Междунар. науч. конф. – Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2013. – Ч. II. – С. 85–91.

Behre K.-E. Collected seeds and fruits from herbs as prehistoric food // Vegetation History and Archaeobotany. – 2008. – V. 17. – P. 65–73.

Fogg W.H. Swidden cultivation of foxtail millet by Taiwan aborigines: a cultural analogue of the domestication of Setaria italica in China // The Origins of Chinese Civilization. – Berkeley: Univ. of California Press, 1983. – P. 95–115.

Pemberton R., Lee N.S. Wild food plants in South Korea: market presence, new crops, and exports to the United States // Economic Botany. – 1996. – № 50 (1). – P. 57–70.

В.В. Ахметов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет

ПРОБЛЕМА БОХАЙСКИХ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ В КОРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Бохай (698–926) – первое государственное образование тунгусо-маньчжурских племен, оказывавшее серьезное влияние на политические процессы на Дальнем Востоке в раннее средневековье и способствовавшее развитию этносов (прежде всего *мохэсцев*) [Государство…, 1994, с. 32].

Коллективные захоронения – довольно распространенное явление в бохайской погребальной обрядности [Чхвэ Муджан, 2003, с. 286]. Чаще всего в них хоронили умерших по обряду как первичного, так и вторичного погребений. Количество погребенных по первичному обряду обычно составляло от 1 до 3 чел., а по вторичному могло достигать 14–17 чел.

Проблемой коллективных захоронений занимались исследователи из Южной Кореи и Яньбянь-корейского автономного округа (КНР). Коллективные захоронения интерпретировались некоторыми из них как жертвоприношения рабов умершему господину. Вариантом этой интерпретации является предположение, что такой обряд применялся тогда, когда умерший имел отношение к правящему клану Бохая. К данной точке зрения близок Сон Кихо [1984, с. 94]. Другие ученые считают такие захоронения семейными [Пан Хакпон, 2006, с. 63].

Сон Кихо называет три важных условия, которые свидетельствуют о сопогребении живых людей: 1) «одновременность»; «подчиненность» (возможность проследить различия статуса погребенных); 3) «захоронение в одном месте» (в одной могиле). Когда он рассматривает коллективные погребения Бохая, все эти условия, на его взгляд, соблюдены.

Такую трактовку феномена коллективных захоронений подверг сомнению антрополог Ким Джэхён. Он справедливо указал, что «одновременность» погребений в коллективных захоронениях практически не прослеживается. Так, в могиле 1 Дачжутуня тела погребенных № 1 и 4 уже подверглись разложению, когда подхоронили погребенных № 2 и 3 [Сон Кихо, 1984, рис. *8*]. Видимо, при этом первых погребенных плотно придвинули к стенкам могилы, но анатомический порядок их костяков сохранился: связки на костях все еще оставались. Это значит, что захоронения совершены в разное время, а трактовка обряда в данной могиле как сопогребения живых людей сомнительна [Ким Джэхён, 1997,

*Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН (№ 39).

с. 118]. Кроме того, в этом захоронении, у дальней от входа северной стенки, в беспорядке лежали останки четырех человек, погребенных раньше всех. Их кости были смещены во время подхоронений.

Археологические данные указывают на сомнительность объяснения коллективных захоронений обрядом жертвоприношения и в некоторых других известных нам случаях. Если такой обряд существовал, то рабов, приносимых в жертву, должны были убить на похоронах господина, а затем погрести вместе с ним одновременно. Так, например, делали в Древнем Китае [Городецкая, 2005, с. 141]. Однако сам факт использования вторичного обряда говорит о значительной временной разнице между смертью погребенного по первичному обряду и захороненных позднее. В некоторых могилах по стратиграфии погребения четко фиксируется разница во времени подхоронений [Ом Джаннок и др., 1993, с. 84; Пан Хакпон, 2005, с. 55].

Если бы коллективные захоронения действительно отражали обряд жертвоприношения умершему господину, то можно говорить о большом количестве рабов или представителей бесправных слоев в бохайском обществе. Однако это не находит подтверждения в исторических источниках. В них лишь говорится о большом количестве домашних рабов у Тудицзи и его сына Ли Цзиньсина – мохэских вождей, ушедших на рубеже VI–VII вв. на территорию, контролируемую империей Тан. Они участвовали в военных столкновениях на стороне империи и пользовались различными привилегиями, поэтому судить по количеству рабов о характере взаимоотношений в мохэском обществе не представляется возможным [Ивлиев, 2003, с. 310]. Другие сведения о рабах, как правило, исчерпываются перечислением их в списке подарков китайским императорам [Государство…, 1994, с. 52].

Действительно, если в Бохае существовал обряд сопогребения живых людей, его могли себе позволить лишь люди с высоким статусом. В этом государстве на верхней ступени иерархической лестницы находился *ван* и члены его клана. В погребениях же бохайских принцесс Чжэнь Хуэй и Чжэнь Сяо (дочери третьего бохайского вана Муна) нет следов коллективных захоронений [Пан Хакпон, 2006, с. 145]. Нет таких погребений и на могильнике Лунхай, который, согласно выводом авторов раскопок, считается местом захоронения представителей правящего клана [Ли Цян, 2009]. Велика вероятность, что обычай жертвоприношения не был распространен среди высшей знати Бохая.

Определение бохайских могил с коллективными захоронениями как семейных более логично. Вероятно, погребенные в них по первичному обряду могли быть основателями или чтимыми членами определенной семьи. Может, они были (как в могиле 1 Дачжутуня) просто теми, кто подхоронен последними. Могила с коллективным захоронением, скорее всего, была своеобразным семейным «склепом», где покоились разные поколения семьи. Подтверждение находим в исторических источниках. В «Сань го чжи», при описании Восточного Окчо, упоминается, что каждая семья имеет по одному гробу, в котором хоронят ее членов [Пак, 2001, с. 25]. Племена *окчо* были близкими соседями племен *илоу* – наиболее

вероятных предков *мохэсцев*. Обряд коллективного захоронения на позднем этапе существования государства Бохай проводился все реже. Скорее всего, это связано с постепенным ослаблением кровнородственных связей. Лишь отголоски этого обряда встречаются у *чжурчжэней* – потомков *мохэсцев* и *бохайцев* [Медведев, 1977, с. 116]. Думается, актуальными к тому времени стали семейные родовые могильники, где каждый умерший представитель семьи покоился в отдельной могиле. Общность членов фиксировалась не общей могилой, а общим могильником.

Таким образом, в корейской историографии проблеме коллективных захоронений Бохая уделено большое внимание. В результате подробного изучения данного вопроса большинство исследователей пришло к выводу: такого рода захоронения в Бохае, скорее всего, являлись следствием определенных семейных отношений, а не проведения обряда сопогребения живых людей (т.е. жертвоприношения). Интерпретация бохайских могил с коллективными захоронениями как семейных погребений (видимо, функционировавших продолжительное время) представляется наиболее достоверной, исходя из анализа имеющихся археологических и письменных источников.

Список литературы

Городецкая О.М. Дух и тело в погребальных традициях Древнего Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2005. – № 2. – С. 133–143.

Государство Бохай и племена Дальнего Востока России. – М.: Наука, 1994. – 219 с.

Ивлиев А.Л. Китайские летописи об образовании мохэского государства Чжэнь // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: мат-лы XI сес. археологов и антропологов Дальнего Востока: третья междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 310–318.

Ким Джэхён. Сопогребения живых людей в Корее // Мунмульёнгу. – 1997. – № 1. – С. 105–123 (на кор. яз.).

Ли Цян. Результаты работ на могильнике правящей династии Бохая Лунхай г. Хэлун пров. Цзилинь // Каогу. – 2009. – № 6. – С. 23–39 (на кит. яз.).

Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней: конец X – XI век (по материалам грунтовых могильников). – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Ом Джаннок, Пак Рёнён. Бохайский могильник Бэйда // Пархэсаёнгу 2 (Исследования истории Пархэ т. 2). – Сеул: Соульдэхаккёчхульпханбу, 1993. – С. 54–112 (на кор. яз.).

Пак М.Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань-го чжи») // Российское корееведение: альманах Междунар. центра корееведения при МГУ. – М.: МЦК МГУ «Муравей», 2001. – Вып. 2. – С. 17–39.

Пан Хакпон. Пархэый мунхва (сахвэсэнхвальпхунсокыль чунсимыро) (Культура Пархэ (общество и традиции)). – Сеул: Чонтхочхульпхан, 2005. – Т. 1. – 339 с. (на кор. яз.).

Пан Хакпон. Погребальный обряд бохайцев и его особенности // Пархэый юмуль юджок (ха) (Бохайские памятники). – Сеул: Соульчхульпханса, 2006. – Т. 3. – С. 137–154 (на кор. яз.).

Сон Кихо. Бохайские коллективные погребения // Хангуксарон. – 1984. – № 11. – С. 3–94. (на кор. яз.).

Чхвэ Муджан. Пархэый кивонгва мунхва (Культура и происхождение Пархэ). – Пхаджу: Хангукхаксульджонбо, 2003. – 375 с. (на кор. яз.).

В.В. Бобров[1, 2, 3], А.Г. Марочкин[2], А.Ю. Юракова[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт экологии человека СО РАН
[3]Кемеровский государственный университет

ЖИЛИЩЕ ПЕРИОДА РАННЕЙ – НАЧАЛА РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ НА ПОСЕЛЕНИИ АВТОДРОМ-2 (северо-запад Барабинской лесостепи)

Поселение Автодром-2 достаточно хорошо известно специалистам по неолиту Западной Сибири, а представленные на нем комплексы артынской (поздний неолит) и боборыкинской культур неоднократно освещались в научной периодике и сборниках [Бобров, Марочкин, 2011; Бобров, Марочкин, Юракова, 2012; и др.]. Вместе с тем на памятнике зафиксированы комплексы и более поздних периодов, но до настоящего времени они оставались неизвестны широкому кругу исследователей.

В данной статье изложена характеристика и предварительный культурно-хронологический анализ жилища и сопутствующего ему предметного комплекса ранней – начала развитой бронзы. На современном этапе археологическое изучение данного историко-культурного периода в Западной Сибири связано с широким кругом актуальной проблематики, и в первую очередь с проблемой генеза автохтонных комплексов сейминско-турбинского времени [Молодин, Нескоров, 2010; Ковтун, Марочкин, 2011]. Однако количество источников по данному периоду остается незначительным, что определяет необходимость ввода в научный оборот новых материалов.

Методика выявления жилища и его характеристика. Остатки конструкции выявлены при исследовании боборыкинской полуземлянки № 36, т.е. констатирован факт частичного переиспользования неолитической западины. В рамках общей номенклатуры объектов на памятнике, рассматриваемое сооружение получило обозначение № 36 (п), где литера «п» означает «поздний». Глубина котлована и его контуры на северо-западном участке периметра определены с помощью серии стратиграфических разрезов, на фоне более темного заполнения боборыкинской постройки (рис. 1). Цветовая разница между заполнениями разновременных строений связана с объективными условиями археологизации, когда более поздний котлован сооружался начиная с уровня белого песка, перекрывающего слой песка белого цвета с красным оттенком.

Выявленный объект изначально представлял собой полуземлянку, с округлым котлованом размерами ок. 5×5 м, глубиной до 0,3 м. Следует отметить, что точное определение метрических данных сооружения затруднительно, т.к. его восточная часть не была распознана стратиграфически при исследованиях 2012 г., и фиксируется по планиграфии харак-

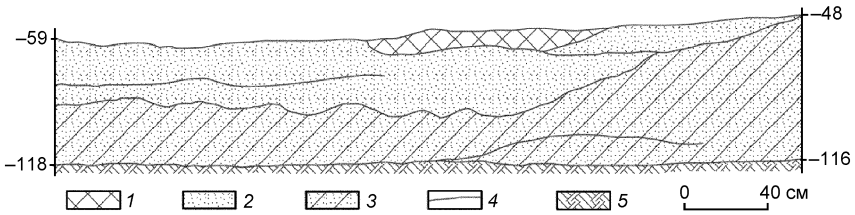


Рис. 1. Стратиграфический разрез северо-западного сегмента жилища № 36 (п).
1 – прокал; *2* – заполнение позднего котлована (белый песок); *3* – заполнение боборыкинского жилища № 36 (белый песок с красным оттенком); *4* – ортзандовые прослойки; *5* – уровень «материка».

терной керамики. Стенки крутые, но не отвесные, пол ровный. В верхних горизонтах заполнения зафиксирован прокал округлой формы, диаметром ок. 1 м и мощностью 0,1 м, генезис которого может быть связан с процессом разрушения наземной части постройки. Не исключена связь его происхождения с деятельностью более позднего населения (на юго-западном участке поселения выявлены комплексы новочекинской культуры раннего железного века и раннего средневековья).

Характеристика предметного комплекса. Приступая к характеристике связанного с жилищем материального комплекса, мы отдаем себе отчет в том, что он почти наверняка включал в себя не только керамику, но и предметы каменной индустрии. Однако специфика археологического контекста, а именно «впускной» характер изучаемого объекта относительно неолитического жилища делает почти невозможной эпохальную дифференциацию каменных изделий, представленных в основном такими универсальными категориями, как отщепы, пластины, скребки и т.д. Основу культурно-хронологической идентификации жилища № 36 (п) составляет довольно представительный комплекс керамики – 55 фрагментов от семи сосудов простых открытых форм. Особенно важно, что часть фрагментов зафиксирована скоплением *in situ* непосредственно на стратиграфическом уровне дна котлована и дополнительно маркирует его.

Предварительно весь комплекс делится на три орнаментально-морфологические группы, объединяемые, помимо прочего, визуально определимыми особенностями состава формовочной массы (значительная примесь песка, в отличие от боборыкинской керамики) и толщиной стенок (7–10 мм).

Первая группа насчитывает 39 фрагментов (13 – венчика, 26 – тулова) от трех сосудов (рис. 2, *1–4, 7*); 31 фрагмент одного из сосудов зафиксирован в виде компактного скопления на дне жилища.

В орнаменте сочетаются разнонаправленные ряды «шагающей гребенки» и пояса ямок под венчиком. Представлены гребенчатые бордюры с вертикальной, горизонтальной и диагональной направленностью. По срезу венчика нанесены косые насечки, выполненные гладким штампом.

Вторая группа представлена одним фрагментом венчика и 12 фрагментами тулова предположительно от трех сосудов, декорированных горизонтальными рядами наколов округлой или подтреугольной формы

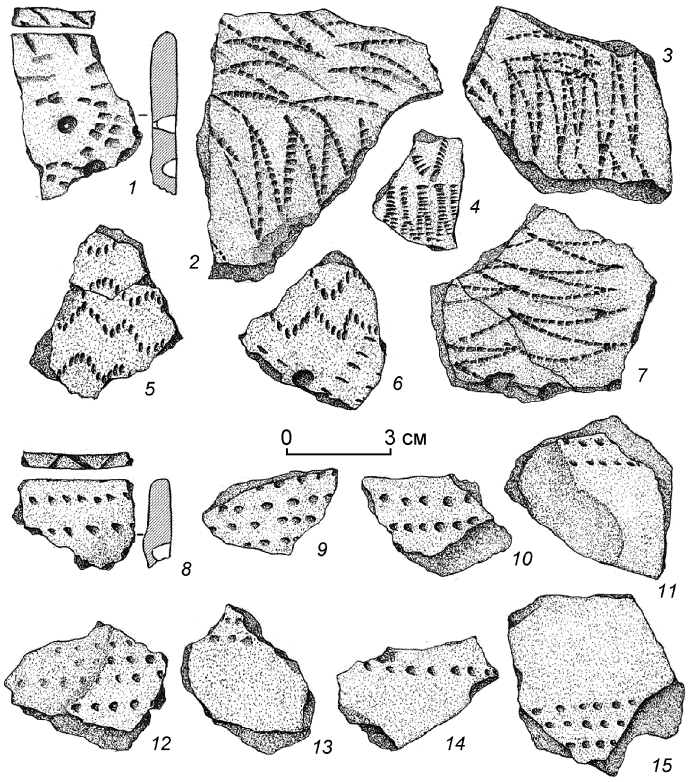


Рис. 2. Керамика ранней бронзы поселения Автодром-2.
1–4, 7 – группа 1; *5, 6* – группа 3; *8–15* – группа 2.

(рис. 2, *8–15*). На срезе венчика нанесен зигзагообразный узор из оттисков гладкого штампа.

К третьей группе относится единственный сосуд (три фрагмента тулова), который, по всей видимости, имел усложненную орнаментальную композицию, образованную сочетанием волнистых линий или зигзага из наколов овальной формы, наклонных линий продолговатых гладких оттисков («насечек») и, вероятно, редких горизонтальных поясов округлых ямок (рис. 2, *5, 6*).

Наименее выразительна группа № 3, единичность фрагментов которой затрудняет поиск достоверных аналогий. Группы № 1 и 2, напротив, находят явственные типологические аналоги в материалах ранней бронзы юга Западной Сибири. В частности, группа № 2 с ее упрощенным накольчатым орнаментом сопоставима с материалами поселений одиновской культуры Барабы и Ишимо-Иртышья [Молодин, 1985, рис. 11, *10*; Крижевская, 1977, табл. XX]. Композиционные аналогии орнаменту группы № 1, применительно к комплексам Западной Сибири, можно обозначить в широком хронологическом диапазоне (поздний неолит – развитая бронза). Но и в данном случае, ближайшее сходство по нюансам орнаменталь-

ной композиции этот сосуд демонстрирует с материалами одиновского могильника Сопка-2/4а, а именно с посудой из погребения № 189 [Молодин, 2012, рис. 202, *1*].

Итак, предварительный культурно-хронологический анализ представленных материалов позволяет соотнести жилище № 36 (п) с докротовским периодом эпохи бронзы Барабинской лесостепи, обозначив его археологическую датировку в диапазоне середина III – начало II тыс. до н.э. Можно ли однозначно констатировать культурную принадлежность выявленного жилища к одиновскому массиву? Учитывая предварительность сделанных выводов, есть резон пока ограничиться констатацией стадиальной идентичности комплекса, определив при этом круг одиновских памятников в качестве основного направления поиска культурных связей. Как известно авторам статьи, в ближайшее время корпус источников по одиновскому времени Барабы будет пополнен материалами раскопок поселения Старый Тартас-5 (раскопки В.И. Молодина). Возможно, новые поселенческие источники расширят сравнительную базу для рассматриваемых материалов, позволив судить об их культурной принадлежности более определенно.

Таким образом, жилище № 36 (п) и связанная с ним керамика маркируют на поселении Автодром-2 культурно-хронологический комплекс раннего – начала развитого периодов эпохи бронзы, расширяя знание о хроностратиграфии памятника. В связи с этим актуальными становятся поиск на поселении других объектов этого времени, а также ревизия уже имеющихся материалов с целью возможного выявления идентичной керамики.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII, ч. 1. – С. 14–19.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. – № 3. – С. 4–13.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Арчекасский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 69–76.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1977. – 159 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 58–71.

В.В. Бобров[1, 2], А.Г. Марочкин[2], А.Ю. Юракова[2], Л.В. Панкратова[3], К.В. Конончук[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт экологии человека СО РАН
[3]Томский государственный педагогический университет
[4]Музей-заповедник «Томская Писаница»

ПОСЕЛЕНИЕ ИВАНОВКА-1 НА ЮГЕ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ

Одной из перспективных задач археологии Кузнецко-Салаирской горной области является изучение практически неисследованных районов, к каковым по праву можно отнести юг Нижнего Притомья, а именно участок от г. Кемерово до административной границы Кемеровской и Томской областей. С этим районом связано изучение, прежде всего, писаниц – Томской, Новороманoвской, Тутальской и Висящего камня. Собственно археологические исследования ограничивались преимущественно разведками, и редкими исключениями стали раскопки А.С. Васютиным средневековых захоронений (Юрты Константиновы, Зимник) и раскопки В.В. Бобровым и А.Г. Марочкиным разновременных поселенческих памятников в окрестностях Новороманoвской писаницы (подробный обзор см.: [Марочкин, Герман, 2011]). В 2008–2012 гг. на материалах стоянки Долгая-1 сформирована первая региональная хронологическая схема (неолит – палеометалл – средневековье) (предварительные итоги см.: [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012]).

В 2013 г. начаты исследования поселения Ивановка-1, расположенного в нескольких километрах вниз по течению от Томской писаницы, в Яшкинском р-не Кемеровской обл. (рис. 1). Впервые памятник обнаружен И.В. Ковтуном в 1990 г. (как поселение ранней бронзы Верхняя Санюшка) и вторично зафиксирован П.В. Германом в 2005 г. (как поселение ранней бронзы Ивановка-1), но его раскопки ранее не производились. Организаторами работ выступили научные коллективы Института экологии

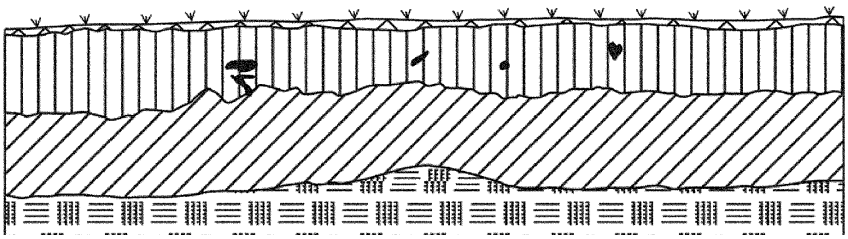


Рис. 1. Поселение Ивановка-1 на карте южных районов Нижнего Притомья.

человека СО РАН, Кузбасской лаборатории археологии и этнографии СО РАН – КемГУ, Томского государственного педагогического университета и Музея-заповедника «Томская Писаница».

В 2013 г. раскопки проведены на двух останцах третьей надпойменной террасы правого берега р. Томь, разделенных большим оврагом. Высота террасы достигает 13 м. Вытянутая с юго-востока на северо-запад, она ограничена с юго-запада береговым склоном, а к северу переходит в обширный луг с относительно ровной поверхностью. Большая часть этого луга, за исключением самой кромки террасы, занята остатками разрушенной деревни Ивановка (западины от домов, следы от мусорных и навозных куч, насаждения садовых растений). С востока естественной границей террасы является долина пересохшего ручья, и именно примыкающий к ней участок связан с археологическим местонахождением. В 400 м на северо-запад от памятника терраса прерывается руслом речки Первая Синяя. Всего заложены два раскопа, 85 кв.м и 19 кв.м соответственно. Выявленная стратиграфия характеризуется визуально однородными напластованиями гумусированного суглинка темно-серого цвета (0,3–0,8 м), но по глубине залегания разновременных находок отчетливо выделяются несколько горизонтов. Обнаруженные материалы констатируют на памятнике четыре культурно-хронологических комплекса.

I. Русский комплекс (конец XIX – первая половина XX в.). Находки данного времени (рис. 2, *1*), связанные с жизнью русской деревни Ивановка, в большом количестве содержатся в верхних горизонтах культурного слоя на обоих раскопах. Массово представлены фрагменты стеклянных емкостей (50 экз.); фрагменты русской красноглиняной глазурованной керамики (80 экз.); обломки фарфоровых тарелок и кружек (15 экз.)*; металлический мусор (фрагменты железной проволоки, гвоздей, скоб, крюков, гильз, монет 1920–1930-х гг. – всего 103 экз.); осколки костей животных (150 экз.).

С комплексом также связана каменная конструкция, представляющая собой прямоугольный «ящик» из сланцевых плит (110×155 см), забутованный галечными валунами. Невзирая на конструктивное сходство ящика с погребальными объектами развитой и поздней бронзы Южной Сибири, его можно достоверно связать с производство-хозяйственным комплексом русского поселка. Предположительным функциональным назначением ящика являлось гашение извести, что подтверждается присутствием в стратиграфических разрезах известковой массы.

II. Комплекс эпохи раннего средневековья (VI–IX вв. н.э.). Представлен на раскопе № 1 (западном) фрагментами от одного сосуда, декорированного рельефными налепными бордюрами, рассеченными изогнутыми «защипами» (рис. 2, *3–9*). Датирующие аналоги сосуду обнаруживаются

---

*На одном из фрагментов дна сохранилось фабричное клеймо: «...КМП РСФСР Хайтинская фабрика». Известно, что данный вид клейма использовался знаменитым Хайтинским фарфоровым заводом в промежутке между 1917 и 1925 гг. [http://sovfarfor.forumbb.ru/viewtopic.php?id=37].

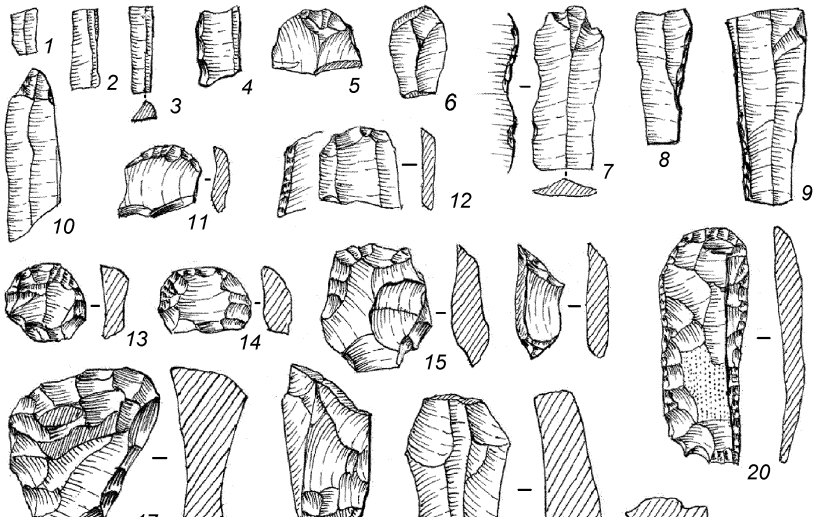


Рис. 2. Материальный комплекс поселения Ивановка-1. Керамика.

в материалах лачиновской культуры, памятники которой распространены по Притомью вплоть до нижнего течения реки [Ширин, 1997]. В Среднем Приобье аналогичную по технике нанесения орнамента керамику Л.А. Чиндина относит к релкинской культуре [1991]. Происхождение этого керамического комплекса все исследователи связывают с территорией Сибири, лежащей к востоку от Енисея.

III. Комплекс кулайской культуры (последняя треть I тыс. до н.э.). На раскопе № 2 (восточном) в едином стратиграфическом и планиграфическом контексте зафиксированы галечные выкладки, развал керамического сосуда, остатки погребальной кремации. Культурно-хронологическую принадлежность комплекса, предварительно интерпретированного в качестве ритуального, удостоверяет морфологическая специфика найденного сосуда (рис. 2, *2*). Последний представляет собой круглодонный горшок приземистых пропорций, орнаментированный в зоне венчика и шейки горизонтальными рядами оттисков штампов в виде «уточек», «скоб» и пояском округлых ямок. Декор сосуда является типично кулайским и позволяет датировать комплекс в рамках переходного от васюганского к саровскому этапу [Чиндина, 1984].

IV. Комплекс крохалевской культуры (конец III – начало II тыс.). Комплекс представлен в основном фрагментами т.н. ложнотекстильной керамики (рис. 2, *10–15*), залегающими в нижних горизонтах культурного слоя на обоих раскопах. Обнаружен 331 фрагмент от разных сосудов, в т.ч. обнаруженных в трех скоплениях *in situ*. Большинство фрагментов имеют следы выбивания рубчатой лопаточкой, прокатывания зубчатых инструментов. Подобные технологические приемы типичны для посуды крохалевской культуры раннего – развитого периодов бронзового века

Верхнего Приобья (обзор см.: [Ковтун, Марочкин, 2011]). Собственно орнамент представлен ямочными вдавлениями, «жемчужником», оттисками гребенчатого штампа. Кроме посуды, обнаружена керамическая «шишка», применяемая в цветной металлургии при отливе втульчатых орудий.

Стратиграфически с крохалевской керамикой связаны каменные предметы (рис. 3, *1–24*). Обнаружены желваки (6 экз.), фрагменты призматических и конических нуклеусов (3 экз.), первичные сколы (16 экз.), отщепы случайных и пластинчатых форм (31 экз.), сегменты ретушированных пластин (4 экз.) и пластин без ретуши (15 экз.), абразивы (4 экз.), галечные орудия с минимальной обработкой (1 экз.) и грубые бифасы (1 экз.). Отдельный интерес представляет шлифованное «когтевидное» долотце в форме трапеции, размерами 30×32×8 мм (рис. 3, *19*). Подобные изделия характерны для комплексов неолита и ранней бронзы Северной Европы, а восточная периферия их распространения связана с лесостепью Западной Сибири [Бобров, 1997].

Таким образом, очевидно, что научная значимость полученных результатов не одинакова. Русский комплекс хронологически граничит с современностью, представляя интерес для т. н. «русской археологии Сибири». Средневековый сосуд, в силу своей единичности, характеризует соответствующий этап обитания населения только в контексте с археологическими данными Притомья в целом. Напротив, исследованные комплексы кулайской и крохалевской культур имеют первостепенное значение, определяя перспективность дальнейших изысканий на памятнике.

Миграции кулайцев в Верхнее Приобье являются доказанным историческим фактом, но до настоящего времени они подтверждались лишь единичными фрагментами керамики на поселениях или случайными находками художественного литья [Бобров, 2008, рис. 1]. Материалы Ивановки-1 даже на первоначальном этапе их изучения представляют

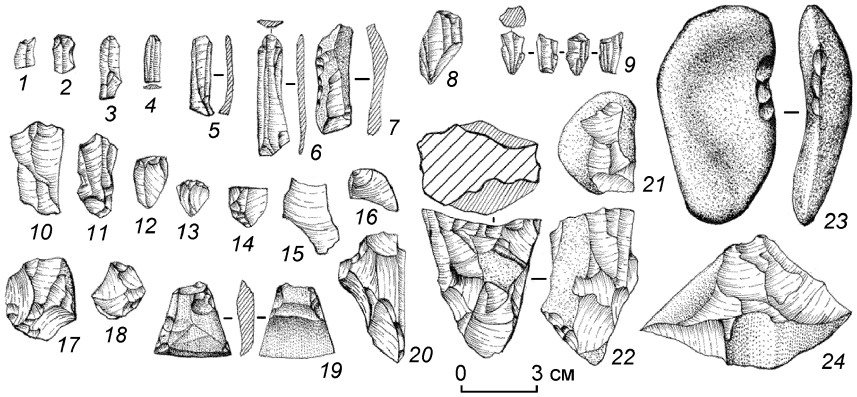


Рис. 3. Материальный комплекс поселения Ивановка-1. Камень.

принципиально новый источник, необходимый для понимания специфики освоения кулайцами Южного Притомья.

Крохалевский комплекс, в свою очередь, существенно дополняет корпус источников для изучения раннего и начала развитого периодов эпохи бронзы Верхнего Приобья. Немаловажно, что наряду с материалами близлежащей стоянки Долгая-1 [Марочкин, 2011], крохалевский комплекс Ивановки-1 содержит предметы бронзолитейного производства, дополнительно характеризуя одну из важнейших составляющих материальной культуры древнего населения.

Список литературы

Бобров В.В. Исследования поселения Танай-4А и некоторые проблемы западно-сибирской археологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 138–143.

Бобров В.В. Новая находка художественной металлопластики кулайской культуры // Тропою тысячелетий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 144–146.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 170–174.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Арчекасский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – № 1. – С. 69–76.

Марочкин А.Г. Материалы раскопок у Новомановской писаницы: комплекс крохалевской культуры эпохи ранней бронзы // Наскальное искусство в современном обществе. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 124–127.

Марочкин А.Г., Герман П.В. К археологической карте южных районов Нижнего Притомья // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. III. – С. 78–86.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 254 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 184 с.

Ширин Ю.В. Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 65–76.

А.П. Бородовский[1], Е.Л. Бородовская[2], Л. Олещак[3], П. Щепаник[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный педагогический университет
[3]Ягеллонский университет

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ НИЖНЕЙ КАТУНИ

Совместные российско-польские археологические исследования ведутся в Майминском районе Республики Алтай в горной долине нижней Катуни с 2004 г. Инициатором этих работ стал профессор Ягеллонского университета Я. Хохоровский (г. Краков, Польша). На протяжении последнего десятилетия были изучены курганная группа скифского времени Чултуков Лог-1, более десяти курганов северного локального варианта пазырыкской и кара-кобинской культур [Шаинян, 2013; Crossley, 2013] (находки см. на рис. 1).

Экспедиционные исследования нескольких последних лет включали поиск однослойных поселений майминской археологической культуры на высоких надпойменных террасах р. Катуни. Вероятность их наличия здесь очень высока. Об этом свидетельствует топографическая ситуация размещения в предгорной зоне эталонного поселения Майма I [Акимова и др., 2008, с. 21–23] и случайные находки предметов майминской культуры на высоких террасах в окрестностях с. Манжерок (Чултуков Лог-9).

Поселенческий комплекс Чултуков Лог-9 расположен на мысовидном выступе высокой террасы правого берега Катуни между селами Черемшанка и Манжерок (Майминский р-н Республики Алтай). Общее распространение археологического материала, полученного жителями с. Манжерок при возделывании земли для посадок картофеля на протяжении 1990-х гг., позволяет предположить, что площадь памятника составляет около 5 тыс. м^2. Основная часть поселения располагается на краю мыса и защищена крутыми склонами с запада, севера и северо-востока (рис. 2, *2*). На открытом южном участке, возможно, находится ров (ширина до 2 м; глубина незначительная). Его культурно-хронологическую принадлежность еще предстоит установить. Проведенные на основной поселенческой площадке памятника Чултуков Лог-9 геофизические исследования (рис. 2, *1*) позволили выявить сложную структуру культурного слоя.

Под слоем гумуса практически на всей исследованной площади находился мощный культурный слой (от 0,5 до 1 м). Он отсутствовал только на северо-западном участке склона, где установлена граница поселения. Всего в рекогносцировочном раскопе на поселении обнаружены 16 объек-

Рис. 1. Предметный комплекс из погребения пазырыкской культуры кургана 112 памятника Чултуков Лог-1 (*1–3, 5–6* – бронза; *4* – железо).

тов: очаги, ямы, столбовые ямы и жилище типа котлована (полуземлянки). Обращает внимание наличие в одном из них (об. 3) почти подквадратной выкладки из камней. Однако слой золы и прокал здесь не выявлены. Следует подчеркнуть, что это сооружение напоминает типичные майминские очаги, обнаруженные М.Т. Абдулганеевым [1998] на поселении Майма I. Майминские очаги подквадратной конструкции встречаются на поселениях Манжерок-5 и Муны-1, т.е. в радиусе от одного до двадцати километров от поселения Чултуков Лог-9.

Самая многочисленная группа находок с памятника Чултуков Лог-9 – фрагменты керамики (1 032 ед.). Общее количество венчиков керамических сосудов составляет 137 ед., а орнаментированных фрагментов

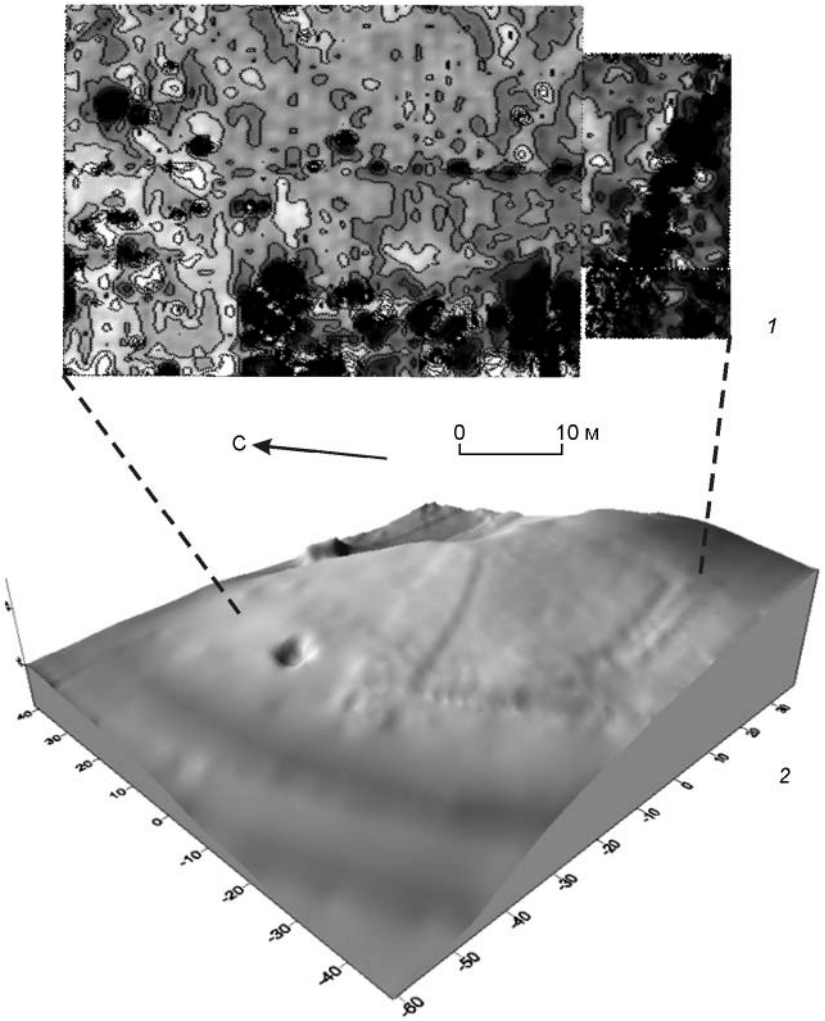


Рис. 2. План поселения Чултуков Лог-9.
1 – результаты геофизического исследования части территории; *2* – трехмерный топографический план.

стенок – 181 ед. Большинство керамических сосудов изготовлено способом грубой ручной формовки. Керамика хорошо обожжена. Венчики сосудов слегка отогнуты. Орнамент типичен для майминской посуды: ряды округлых ямок под венчиками, ряды наклонных насечек, часто образующих «елочку» или зигзаг. Встречаются фрагменты керамики, орнаментированные оттисками штампа. Во время раскопок найдены пряслица, изготовленные из различных материалов: 1 каменное, 1 костяное и 5 керамических, в т.ч. фрагмент керамического кружка, вырезанного

из фрагмента посуды. Одно из керамических пряслиц орнаментировано кольцом насечек.

На поселении Чултуков Лог-9 найдены 3 каменных зернотерки, 7 каменных орудий, применявшихся, вероятнее всего, для растирания зерна и кореньев, а также 3 абразивных оселка. Зернотерки связаны в основном с земледельческой деятельностью и собирательством. Многочисленная коллекция предметов данного типа, обнаруженная на сравнительно небольшой площади рекогносцировочного раскопа, может свидетельствовать о роли земледелия в хозяйственной системе древнего населения. Каменные зернотерки и куранты найдены и на других поселениях майминской культуры (например, Чепош-2, Майма I) [Абдулганеев, 1998, с. 67]. Близкие по форме растирающие орудия, связанные с обработкой руды, на поселении Чултуков Лог-9 пока не обнаружены. Галечные орудия небольших размеров с поселения Чултуков Лог-9, а так же Манжерок-13 и -15 похожи на инструменты, экспериментально использованные Г.Ф. Коробковой для обработки краевых участков шкур животных [Семенов, Коробкова, 1983, с. 154, рис. 34, *1, 14–15*].

На майминских поселениях часто находят предметы, аналогичные костяным изделиям, обнаруженным на поселении Чултуков Лог-9. В их числе пряжка для ремня, гарпун, орудия из крыльев таза крупных копытных. Еще одна категория изделий из рога (11 фрагментов) – обкладки лука гуннского типа. Аналогичные изделия выявлены на эталонном поселении майминской культуры Майма-I [Акимова и др., 2008, с. 22]. На памятнике Чултуков Лог-8 найдено 3 костяных наконечника стрел. Коллекцию костяных предметов дополняют 2 трубки, вероятно, являвшихся игольницами. Зафиксировано большое количество костяного сырья и заготовок, что тоже характерно для майминской культуры.

Остеологическая коллекция с поселения включает 2,5 тыс. фрагментов костей, принадлежавших, главным образом, лошади, корове, овце, маралу и косуле.

Найдено несколько предметов из железа: иглы, ножи, кельт, деталь поясной гарнитуры. Наиболее интересная находка – миниатюрный нож для обработки кости и рога [Бородовский, 1997, с. 120, рис. 15, *3, 4*]. Бронзовая бляшка из Чултукова Лога-9 – пока единственный бронзовый предмет, обнаруженный на поселении. Бляшка имеет прямые аналогии с деталями украшений для головных уборов (повязок) из майминских погребений Чултукова Лога-1, что позволяет синхронизировать погребальные и поселенческие комплексы гунно-сарматского времени на территории горной долины нижней Катуни

В целом, археологические материалы поселения Чултуков Лог-9, Манжерок-5, -13 и -15 отражают характер освоения горной долины нижней Катуни в гунно-сарматскую эпоху. Названные памятники представляют собой долговременные и сезонные поселения, на которых велось комплексное хозяйство на рубеже тысячелетий. Тогда, как и в скифское время, в горной долине нижней Катуни существовали синхронные поселенческие и погребальные памятники, отражающие стабильность в освоении данного пространства на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Список литературы

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-I и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 165–171.

Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Киреев С.М. Археологические памятники и объекты Майминского района. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – 144 с.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит. Энеолит. – Л.: Наука, 1983. – 256 с.

Шаинян К. Алтай, хайвей и бусы Клеопатры // Популярная наука [Электронный ресурс]: http://www.svoboda.org/content/article/24893374.html (дата обращения: 28.10.2013).

Crossley L. The brilliant beads of ‘Cleopatra’s necklace’: Ancient Egyptian jewellery plucked from burial mound of Siberian «virgin princess» // Mail Online [Электронный ресурс]: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2272817 (дата обращения: 28.10.2013).

А.П. Бородовский[1], С.В. Горохов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАПАДНОГО СКЛОНА ХРЕБТА САЛЬДЖАР НА АЛТАЕ*

Хребет Сальджар расположен на территории Онгудайского района Республики Алтай и входит в сложную орографическую структуру южного участка северо-восточного Алтая. Буквальный перевод с алтайского топонима «Сальджар» – «берег с разветвлениями, рукавами, притоками» [Молчанова, 1979, с. 281]. От места схождения нескольких горных хребтов у Красных ворот хребет Сальджар ориентирован на запад. Максимальная высота хребта составляет 2340 м. Западный склон упирается в естественно изолированный участок правобережной части долины р. Катуни, где еще в начале XX в. проходил колесный Чуйский тракт, построенный в период существования Российской империи.

Известный знаток русского Алтая профессор В.В. Сапожников более ста лет назад так описывал эту местность: «Прямая дорога левым берегом Катуни не возможна, так как на довольно большом протяжении к реке подходят обрывистые скалы. Здесь проходила довольно трудная вьючная тропа с перевала Юркошь (верблюжьи колючки), но о проведении здесь колесной дороги не могло быть и речи. У Кор-Кечу другая дорога спускается с высокой террасы к берегу Катуни прямо на паром… На правом берегу опять крутой подъем на террасу и к вашим услугам ровная дорога по довольно широкой степной долине с мелкой травкой… Около 3-х часов вы едете прекрасной ровной дорогой по красноватой степи. Перед хребтом Сальджар, упирающимся в правый берег Катуни, из боковой долины выходит речка Сальджар, которая разведена арыками по небольшому участку степи, засеянному хлебом. Пшеничный хлеб, выращенный на степной почве Катунской террасы, редкой белизны и отличного вкуса. К сожалению боковых речек слишком недостаточно, что бы оросить всю степь между Кор-кечу и Сальджаром. …Немного выше устья Большого Еломана хребет Сальджар выходит к Катуни, образуя Боозолу – бом, где дорога проходит по скальному карнизу; к которой примыкает высокая террасы; в последней откопана дорога в виде узкого карниза, которая спускается к небольшой пойме реки и приводит ко второму перевозу

*Исследования выполнены при поддержке РГНФ (грант 13-01-18-042).

через Катунь на левый берег между бомом Кынграрь и устьем р. Малый Еломан» [1912, с. 65].

В настоящее время на этот обширный участок Катунского правобережья ведет только одна грунтовая дорога. Сначала она основательно петляет по долине р. Карасу за селом Малая Иня, а затем упирается в горный перевал высотой 1800 м. Пересекая его, попадаешь в ущелье, где берет свое начало ручей Сальджар.

Отсутствие хороших дорог и естественная изолированность прикатунских территорий хребта Сальджар существенно усложняли возможность проведения археологических работ. В конце прошлого столетия здесь побывали лишь немногие археологи. Среди них В.А. Могильников (г. Москва) [1981, с. 197, 198], Е.П. Маточкин, В.Д. Кубарев (г. Новосибирск) [Кубарев, Маточкин, 1992] и О.В. Ларин (г. Горно-Алтайск) [2005].

В 2011 г., в связи с археологическим обследованием трассы магистрального газопровода «Алтай», на территории западного склона хребта Сальджар работы проводил Ю.Т. Мамадаков, который выявил 26 археологических памятников [Мамадаков, Беликова, Бородаев, 2013]. Повторные исследования данного участка трассы газопровода, осуществленные в 2012 г., позволили обнаружить еще 31 объект. В ходе работ 2013 г. проведено сплошное обследование западного склона хребта Сальджар. Общее количество выявленных археологических памятников составило 178 (см. *таблицу*).

Особый интерес представляют петроглифы. Наскальные изображения располагаются на горных склонах, хорошо освеженных в утренние и вечерние часы. Изображения размещены ярусами, в зависимости от наличия подходящих ровных скальных поверхностей. Часть петрогли-

Типы археологических памятников западного склона хр. Сальджар

Тип	Количество (ед.)
Погребальные и поминальные памятники	115
Петроглифы	43
Случайные находки	5
Пещеры и гроты	4
Этнографические кладбища	3
Каменные стены	2
Культовые места	2
Сувак	1
Дольмен (?)	1
Оленный камень	1
Мегалит	1
Итого	*178*

фов нанесена на скальные выходы в глубине горных массивов, а другие выбиты на утесах, непосредственно обрывающихся у р. Катуни. Довольно много наскальных изображений можно обнаружить на многочисленных массивных скальных блоках, составляющих своеобразные «сады камней», а также на галечных валунах, лежащих на кромке высокой катунской террасы. Наскальные рисунки есть на некоторых каменных конструкциях афанасьевских погребальных сооружений [Бородовский, 2013].

Среди других петроглифов западного склона хребта Сальджар особенно интересны изображения быков. Их, как правило, датируют эпохой бронзы. В ряде случаев они аналогичны изображениям Киргизии.

С эпохой ранних кочевников на скалах Сальджара связана достаточно представительная группа петроглифов. Основным образом этой эпохи был олень. Существует несколько вариантов изображений этого животного, датируемых от раннескифского до пазырыкского времени. Самые ранние изображения оленей характеризуются гипертрофированными, фантастическими чертами. Животные показаны с огромными рогами и мордой, напоминающей птичий клюв. Такая манера изображения сформировалась в заключительный период эпохи бронзы на территории Забайкалья и Монголии, получив широкое распространение вплоть до территории горного Алтая.

Другие раннескифские изображения оленей имеют значительные размеры (рис. 1, *2*). Привлекают внимание фрагменты образов этих животных, выполненных в архаичной манере (рис. 1, *5*).

Не менее интересны олени скифского времени с ветвистыми рогами. Одни из них имеют аналогии с предметами торевтики и петроглифами кургана Аржан II в Туве (рис. 1, *4*). Другие изображения оленей с древовидными рогами близки образам гунно-сарматской торевтики (рис. 1, *6*). Несколько петроглифов с оленями входят в состав сложных сцен охоты с участием лучника и собаки (рис. 1, *2*). Некоторые антропоморфные образы с собаками имеют явные признаки палимпсестных изображений. Так, более раннее изображение роженицы (рис. 1, *1б*) было трансформировано в композицию мужчины с собакой (рис. 1, *1а*).

Общее количество петроглифов на западном склоне хребта Сальджар – несколько тысяч. В этом урочище для наскальных изображений характерна преемственность развития на протяжении почти пяти последних тысячелетий. К таким местонахождениям на горном Алтае относятся: Калбак-Таш на р. Катуни, Елангаш и Чаганка в бассейне р. Чуя, высокогорное плато Укок на границе России с Китаем и Монголией.

Другим интересным объектом западного склона хребта Сальджар является каменная коридорообразная конструкция (размеры 8×1,5 – 2 м; высота до 1 м), перекрытая плитами (рис. 2). Ее обнаружили в устье лога Большой Мигуля. Сооружение расположено поперек долины р. Катуни. За пределами каменной конструкции сформировался культурный слой эпохи раннего железа, что позволяет относить датировать сооружение более ранним временем – эпохой бронзы. Такая дольменообразная конструкция на сегодняшний день не имеет прямых аналогов среди каменных

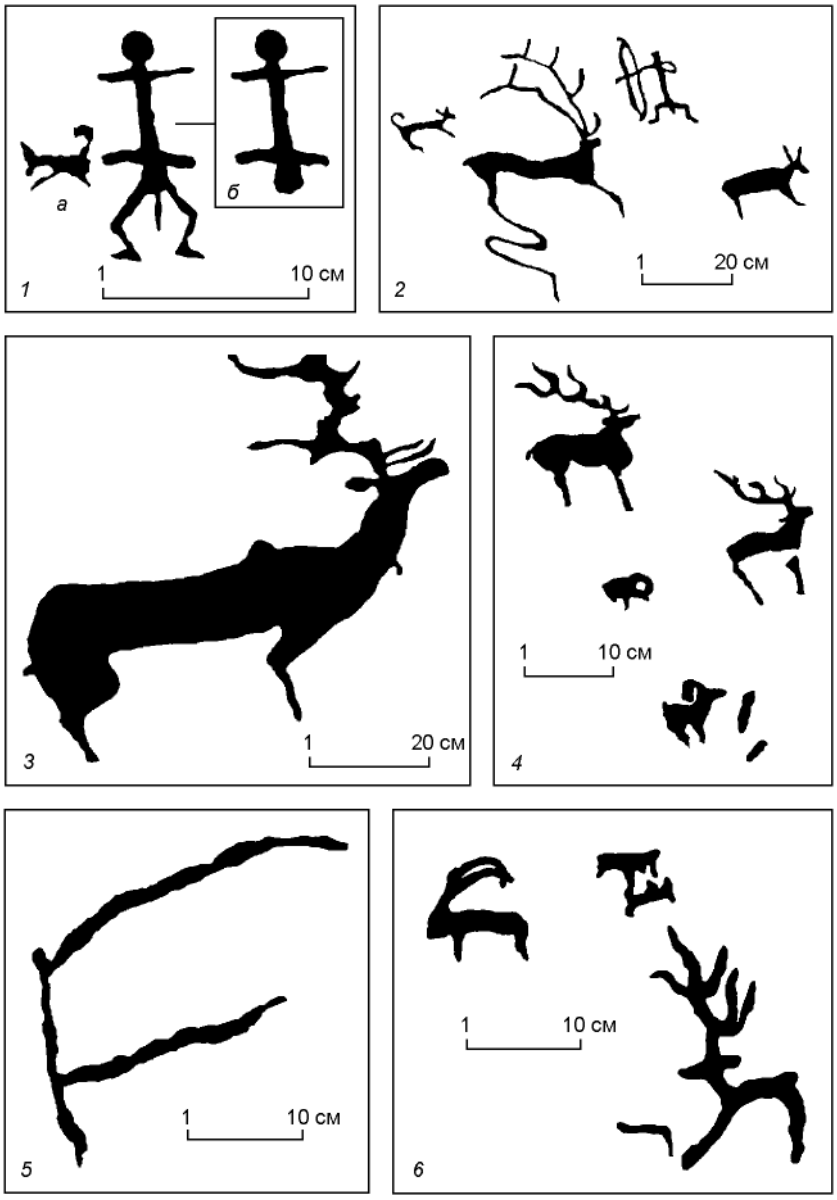


Рис. 1. Петроглифы западного склона хребта Сальджар.

1 – антропоморфное полимпсестное изображение; *2* – сцена охоты на оленя; *3* – самое крупное изображение оленя; *4* – олени, выполненные в аржанской традиции; *5* – фрагмент архаичного изображения оленя; *6* – изображение оленя, сходное с образцами гунно-сарматской торевтики.

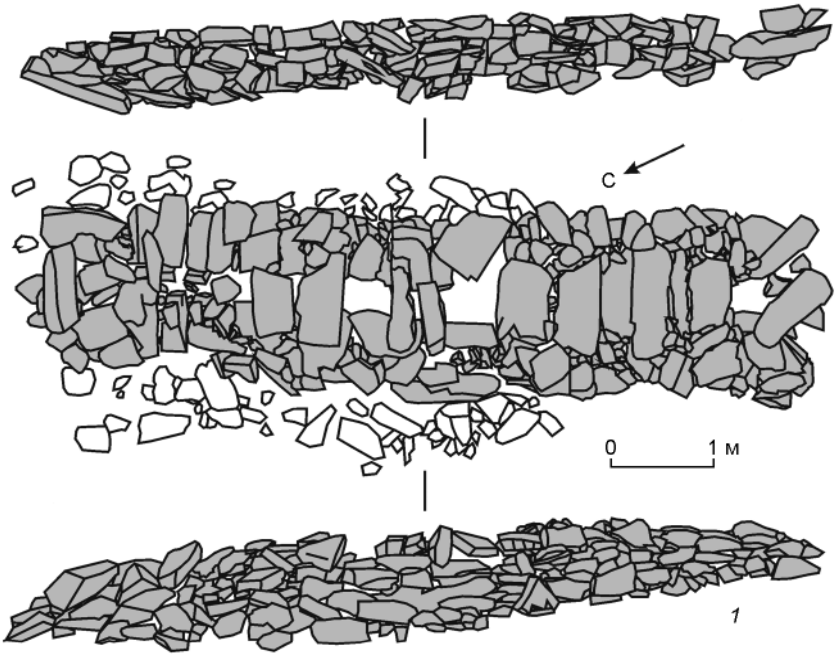


Рис. 2. Мегалитическая коридорообразная конструкция.
1 – план; *2* – «коридор».

сооружений Саяно-Алтая. Все это ставит ряд проблем ее культурно-хронологической атрибуции, а также требует поиска подобных сооружений на горном Алтае.

Одним из путей решения проблемы является датирование естественнонаучными методами органических материалов (костей), попавших в нижний ряд каменной кладки данной конструкции с определенными мегалитическими признаками.

Среди каменных изваяний западного склона хребта Сальджар следует отметить фрагмент оленного камня на перевале, а также два антропоморфных и два древнетюркских изваяния на правобережье Катунской долины.

Итогом археологических исследований 2012–2013 гг. стала сводная археологическая карта западного склона хребта Сальджар – одного из самых насыщенных археологическими находками участков Онгудайского района Республики Алтай.

Список литературы

Бородовский А.П. Петроглифы на каменных погребальных конструкциях афанасьевского некрополя Сальдьяр I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 88–94.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск, 1992. – 124 с.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. – Барнаул, 2005. – 208 с.

Мамадаков Ю.Т., Беликова О.Б., Бородаев В.Б. Новые археологические памятники на участке 2175–2310 км магистрального газопровода «Алтай» (Онгудайский район Республики Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 321–340.

Могильников В.А. Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1980 года. – М., 1981. – С. 197–198.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979. – 398 с.

Сапожников В.В. Пути по Русскому Алтаю. – Томск, 1912. – 170 с.

**А.А. Василевский, В.А. Грищенко, П.А. Пашенцев,
А.В. Можаев, А.С. Перегудов**

*Сахалинская лаборатория археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН
Сахалинский государственный университет*

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА НА ОСТРОВЕ САХАЛИН В 2013 ГОДУ

В июле-августе 2013 г. отряд археологической экспедиции Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и СахГУ производил охранные археологические раскопки поселений Озерный-7 и -8 на косе залива Пильтун – крупнейшей морской лагуны северо-восточного побережья о-ва Сахалин. Ландшафт косы полого равнинный. Растительность представлена кедровым стлаником, ягелем и ягодниками. Дюны, формирующие рельеф пересыпи между заливом и Охотским морем, невысокие – 3–5 м, редко до 9 м над уровнем залива. Коса представляет собой морской аккумулятивный барьер, а отчленяемый ею залив – сопряжённую лагуну, образовавшуюся на месте подтопленных низовьев рек. На косе широко развит эоловый перенос, который привёл, к образованию аккумулятивных и абразионных форм рельефа (дюн и участков ветровой эрозии).

В 1978–2013 гг. здесь выявлено более 40 археологических объектов, в т.ч. многослойные поселения с десятками жилищ, временные стоянки, отдельные находки. В результате раскопок стоянки Одопту-2 [Голубев, Лавров, 1988] и поселения Лебединый-1 [Василевский, Грищенко и др., 2010] определены этапы заселения косы: ранний и поздний неолит, палеометалл, средневековье, Новое время.

В ходе разведочных работ 2002–2013 гг. установлено: на ряде участков (в т.ч. в местах скопления подъемного материала) дюнных стоянок Озерный-7 и -8 сохранился культурный слой, перекрытый эоловыми отложениями (мощность до 2,5 м). В целях сохранения объектов археологического наследия перед активной фазой строительства объектов нефтегазовой промышленности, археологи и заказчики при поддержке Министерства культуры Сахалинской области приняли решение о проведении спасательных раскопок. Были заложены 3 раскопа: № 1 – на поселении Озерный-7; № 1 и 2 – на поселении Озерный-8.

В раскопе 1 (площадь 400 м^2) на Озерном-7 под слоем эоловых отложений выявлено погребенное жилище-полуземлянка прямоугольной формы (размеры 10×9 м), ориентированная по оси восток-запад (рис. 1, *2*). Найдены остатки полуподземного коридора-лаза (длина 6 м, ширина

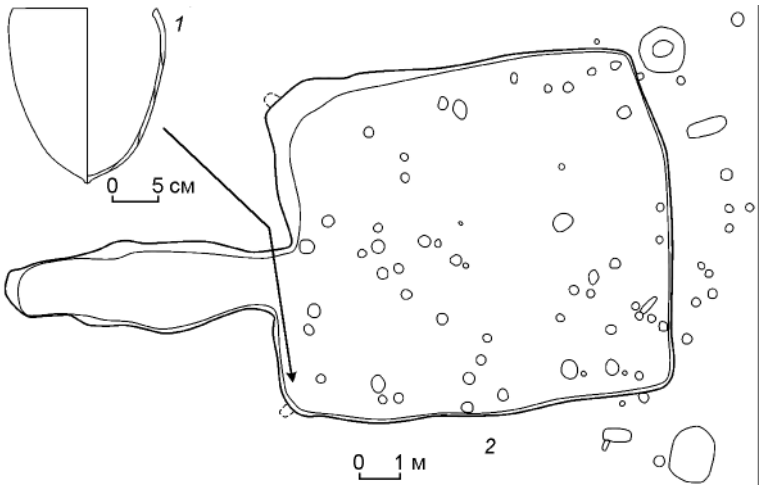


Рис. 1. Керамика (*1*) и план жилищной западины (*2*) раскопа 1 (2013 г.) поселения Озерный-7.

до 1,5 м), формировавшего выход из жилища на восток. В прошлом кровлю коридора покрывали шкуры, корьё или береста (ее фрагмент обнаружен в восточной части). Подобная конструкция позволяла снизить потери тепла в условиях суровой северной зимы. Артефакты, формирующие вещественный комплекс раскопа 1, представлены изделиями из камня (в т.ч. янтаря) и железа, керамикой (рис. 1, *1*). Сосуды имеют пропорции и черты, типичные для *набильской культуры* I тыс. до н.э.: острое дно, параболическое тулово, вогнутый венчик, срезанный наискосок, простейший декор из композиций гребенчатого штампа и прочерченного орнамента [Василевский, Грищенко, 2012]. Особо значимы находки *in situ* корродированных изделий из железа. Они обосновывают отнесение набильской археологической культуры к эпохе палеометалла. Комплекс янтарных украшений указывает на обменные связи жителей северной и южной части о-ва Сахалин. Ближайшие – стародубское и крильонское – месторождения янтаря находятся в 700 и 800 км на юг от Пильтунской косы.

Поселение Озерный-8 включает 2 пункта скопления археологического материала – южный (Б) и северный (А). В раскопе 1 (пункт Б) на площади 1 047 м^2 выявлены 2 западины древних жилищ-полуземлянок, хозяйственные ямы, скопления углей и артефактов (в межжилищном пространстве). Котлован полуподземного жилища 1, вырытый в слое плотного светло-коричневого песка, имел подчетырехугольную форму (8×8×0,8 м). Жилище 2, будучи перекрыто слоем эоловых отложений (мощность более 1 м), внешних признаков на дневной поверхности не имело. По форме оно приближается к неправильному пятиугольнику. В жилищах обнаружена система столбовых ям, позволяющая моделировать конструкцию каркаса. Артефакты, относящиеся к комплексу жилищных западин, представле-

ны изделиями из камня (в т.ч. янтаря) и керамикой. Интересна находка каменного ножа на полу жилища 2: изготовленный методом шлифовки, он копирует металлический прототип. Янтарные изделия являют собой типичные для региона украшения – подвески и бусины.

В комплексе жилища 1 представлена характерная для *пильтунской археологической культуры* Северного Сахалина керамика [Василевский, Грищенко, 2012]: круглодонные сосуды с шаровидным туловом, шейкой без выраженного сужения и отогнутой венечной частью, образующей широкое открытое устье (рис. 2, *2*).

Среди находок из жилища 2 присутствует остродонная керамика набильской культуры: сосуды закрытых и открытых форм с профилированными или прямыми стенками. В элементах декора фиксируется гребенчатый штамп, прочерченный орнамент, лепной бордюр. Хотя типологически остродонная керамика относится к набильской культуре, ряд элементов (например, декор) сближают керамический комплекс с пильтунской и большебухтинской керамикой. Это позволяет поставить вопрос о взаимовлияниях и межкультурных контактах народов амуро-сахалинского региона в эпоху палеометалла.

Раскоп 2 заложен на территории памятника Озерный-8 (пункт А), на гребне 4–5-метровой дюны к северу от раскопа 1. В ходе разведочных работ 2013 г. в шурфах выявлен культурный слой, перекрытый эоловыми наносами. Разбор напластований проводился четырьмя слоями.

Слои 1–3 (до 0,8–1,0 м) – покровные отложения и подстилающие их мелкозернистые или пылеватые по структуре пески эолового генезиса. Слой 4 – мелкозернистый песок, прокаленный до розового или бордового цвета. Основание раскопа – плотный, ожелезненный слой коричневого песка.

Основная часть находок концентрировалась в слое 4. Артефакты располагались *in situ*. Следы жилищных конструкций не выявлены. В слое 4 присутствуют фрагменты костей морских млекопитающих, что может указывать на существование здесь временного лагеря охотников на мор-

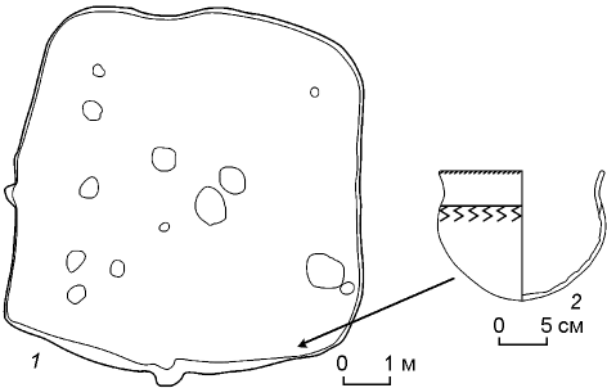


Рис. 2. Керамика (*2*) и план жилищной западины (*1*) раскопа 1 (2013 г.) поселения Озерный-8 (пункт Б).

ского зверя. Выявлено большое количество отщепов, истощенных нуклеусов и отбойников. Есть изделия из местных пород, но обращает на себя внимание присутствие артефактов из янтаря и обсидиана.

В раскопе обнаружены фрагменты керамических изделий. Яркая черта этой керамики – шнуровые оттиски, формирующие сплошной веревочный декор, сочетающийся с проколами, ритмично размещенными под венчиком сосудов. Керамика типологически близка сосудам сахалинских, хоккайдских и курильских локальных культур эпохи палеометалла (типа Южная-2, Предрефлянка, Онкороманай, Кузнецово-1 и др.) и сходна с изученным экспедицией СахГУ комплексом поселения Кашкалебагш-5 (2008 г.), формируя самую северную ойкумену культурных традиций круга *постдзёмон*.

Обнаруженные в ходе раскопок изделия из обсидиана и янтаря свидетельствуют о широких связях древнего населения северного Сахалина с южными районами острова Сахалин и островом Хоккайдо. Итогом проведённых в 2013 г. на северном Сахалине работ явилось введение в оборот новых источников, отражающих интенсивные культурные связи населения в эпоху палеометалла (I тыс. до н.э.) с материковой и островной частью Дальнего Востока. Важнейшими являются находки *in situ* изделий из железа, обсидиана и янтаря, а также подтверждение разграничения и частичного смешения комплексов набильской и пильтунской культуры, что отражает широкие связи, отсутствие изоляции и постоянную экономическую и этнокультурную динамику островного населения в эпоху палеометалла.

Список литературы

Василевский А.А., Грищенко В.А. Сахалин и Курильские острова в эпоху палеометалла (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.) // Ученые зап. СахГУ. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2012. – Вып. IX. – С. 29–41.

Василевский А.А., Грищенко В.А, Федорчук В.Д., Можаев А.В. Археологические исследования Сахалинского государственного университета в 2003–2007 гг. // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Ж.В. Андреевой. – Владивосток: ООО «Рея», 2010. – С. 73–88.

Голубев В.А., Лавров Е.Л. Сахалин в эпоху камня. – Новосибирск: Наука, 1988. – 240 с.

П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН

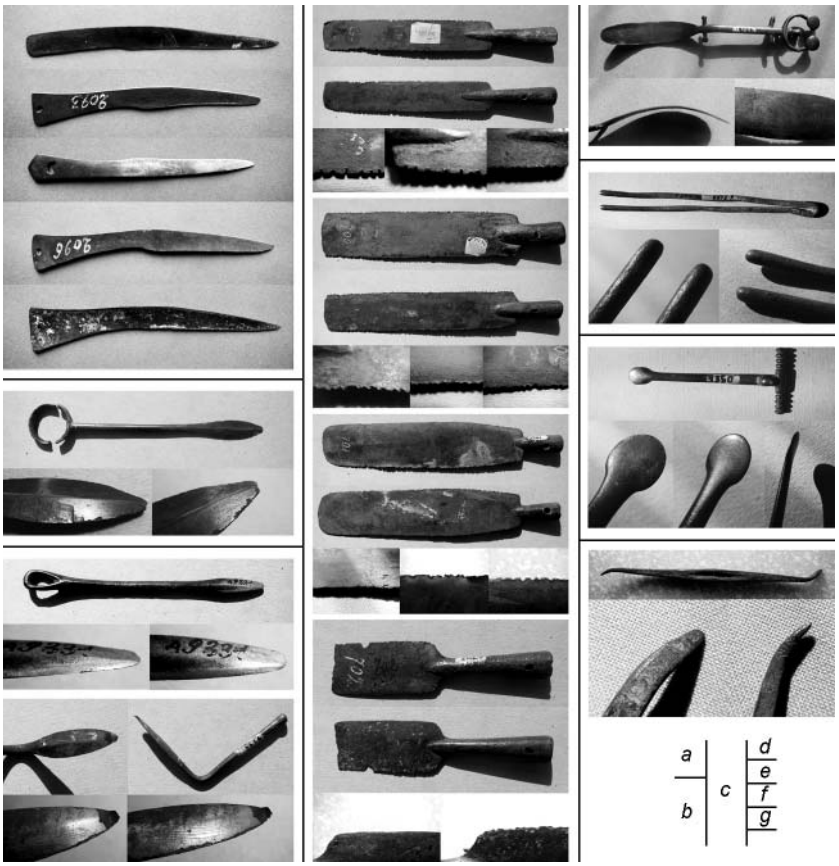
ХИРУРГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В СИБИРИ

На основе опыта экспериментальных исследований в археологии Северной и Центральной Азии [Волков, 2013] на базе лаборатории ИАЭТ СО РАН было проведено трасологическое изучение следов на поверхности трепанированных черепов срагашенского времени тагарской культуры [Киселев, 1951; Членова, 1967]. В поисках инструментов, которыми могли быть выполнены данные операции, обследованы коллекции Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Выявлена серия артефактов, которые, судя по следам износа, специфике форм и аналогиях с инструментами европейских хирургов римского времени, могли применяться при проведении медицинских операций в эпоху раннего железа на территории Сибири.

В качестве оперативного ножа для резания кости при трепанации могли использоваться достаточно распространенные в ту эпоху ножи. Размеры изделий: 179×12×3,3 мм, режущая часть – 113 мм; 153×22×2,2 мм, режущая часть – 81 мм; 154×17×2,6 мм, режущая часть – 88 мм; 178×26×2,9 мм, режущая часть – 96 мм; 186×39×4,5 мм, режущая часть – 120 мм (коллекционные номера музея: 2087, 2093, 2094, 2096, 2086). Ножи являются подъемным материалом, собранным в 1901 г. вблизи населенных пунктов Восточное, Березовка, Белый Яр и Мартьяново. Орудия такого типа оставляют при резке кости следы, аналогичные наблюдаемым на упомянутых выше трепанированных черепах.

В качестве ланцетов при операциях могли использоваться инструменты из Минусинского музея (коллекционные номера 9330, 9331 и 9333), найденные в районе сел Бейское и Листвягово (см. *рисунок*, *b*). Толщина клинков ланцетов стандартна – 1,5 мм, ширина – 7–9 мм; общая длина от 104 до 126 мм. Следы износа на рабочем участке орудий характерны для «ножей по мясу».

В собрании музея выявлены 5 артефактов, функциональный анализ следов износа которых позволяет определить их как пилы по относительно твердому органическому материалу. Трасологический анализ рабочей поверхности инструментов выделил ряд признаков, по которым можно уверенно говорить об использовании для пиления рога или кости. Не ис-



Хирургические инструменты из коллекции Минусинского музея.

ключено, что перед нами еще один тип орудий, которые можно отнести к хирургическому инструментарию (не имеет аналогов в европейских археологических коллекциях) (см. *рисунок*, *c*; коллекционные номера музея: с 699 по 702). Размеры полностью сохранившихся изделий: 213×30, 205×43 и 200×40 мм. Толщина лезвий у пил одинакова, сужаясь от основания к окончанию с 2,5 до 1,5 мм. Зубья орудий сформированы пилами перпендикулярно лезвию, выполненными неустановленным инструментом. Развод зубьев у изучаемых изделий изначально отсутствовал и сформирован позже, в процессе их утилизации. Обнаружены изделия в Курагинском районе, у д. Паначево.

Изделие с коллекционным номером 9315 (см. *рисунок, d*) могло использоваться при хирургических операциях в качестве зонда. Однако следы износа на рабочем участке орудия свидетельствуют о его применении как режущего инструмента и при выскабливающих движениях. Размер артефакта 180×15×1 мм.

Пинцет (см. *рисунок, е*) имеет скругленные, сглаженные окончания (коллекционный номер музея 8688; длина 125 мм, диаметр сечения у окончания 3 мм). Достоверные свидетельства использования данного артефакта в медицине не выявлены, однако форма захвата этого пинцета удобна для щадящих операционных действий хирурга.

В качестве медицинских зондов при трепанациях могли использоваться инструменты, подобные экспонатам из собрания музея с коллекционным номерами 9350 (см. *рисунок, f*) и 7535 (см. *рисунок, g*). Их размеры: 75×31×0,7 мм и 132×65 мм. Рабочие края орудий заглажены и содержат следы, характерные для инструментов, продолжительное время соприкасавшихся в работе с относительно «мягким органическим материалом». Крючки (типа изделия *g* на *рисунке*) встречаются в археологических коллекциях довольно часто. Вероятно, их обычное назначение было связано с извлечением камней из копыт лошадей. Однако отсутствие следов такого рода действий на поверхности артефакта с номером 7535 дает основание предположить его использование при более деликатных операциях.

Большинство перечисленные изделия (кроме пил) имеют морфологические и функциональные аналоги в синхронном европейском инструментарии хирургов. «Ближайшие аналогии минусинским предметам дают инструменты из медицинских наборов римских врачей. Конечно, удаленность друг от друга территории сравниваемых находок, а также различие во времени, вынуждают нас делать подобные сравнения весьма осторожно. Но, в данном случае необходимо, на мой взгляд, исходить из следующего соображения – само функциональное предназначение подобного инструментария диктует его форму и размеры, поэтому сопоставление функционально аналогичных инструментов из разных регионов вполне допустимо и этот метод успешно применяется историками медицины» [Наглер, 2013, с. 348.].

Совокупность описанных выше орудий можно считать вполне достаточным типичным инструментарием хирурга, практиковавшего в конце последнего тысячелетия до н.э. Морфология и функция орудий близка европейским аналогам. Какими путями шел обмен медицинским опытом между людьми, жившими так разрозненно, – повод для более детальных исследований.

Список литературы

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб.: Нестор-История, 2013.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Наука, 1951.

Наглер А. О наличии медицинских инструментов у населения Евразии в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию акад. А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 337–351.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.; Л.: Наука, 1967.

Р.Р. Ибрагимова

Новосибирский государственный университет

ГЛИНЯНЫЕ ФИГУРКИ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ ХАНЬ*

Погребения древних культур являются главным источником сведений не только о жизни погребенного, но и всего общества. Не являются исключением и могилы эпохи Хань в Китае. Богатый инвентарь раскрывает перед нами все достижения культуры и науки того времени, знакомит с особенностями обрядов и жизнью людей. Среди погребального инвентаря особое место занимает погребальная пластика, которую можно разделить на фигурки людей и животных, модели архитектурных строений. В данной статье будут рассмотрены изображения людей.

Что касается истоков погребальной пластики, то большинство китайских и российских исследователей склоняются к традиции снабжать усопшего свитой и прислугой, широко распространенной в период Шан-Инь [Кравцова, 2004, с. 226]. Эпоха Хань – второй пик развития погребальной пластики в Китае. Первый пик пришелся на период правления Цинь Шихуанди. Погребальная пластика эпохи Хань – прямая наследница циньской традиции. Можно сказать, что в царстве Цинь в период Чжаньго сформировалась такая культурная особенность, как погребальная пластика, а в период Хань она развилась и получила повсеместное распространение. Поскольку происхождение данной традиции связано с древним обычаем захоронения вместе с усопшим его свиты, то и погребальная пластика представлена преимущественно изображениями людей.

Наиболее яркий пример – глиняные «армии» из Янцзявань и Янлин (мавзолей императора Цзин-ди, даты правления которого 156–141 гг. до н.э.). Они схожи с циньскими *бинмаюнами* (фигурами солдат и лошадей), но отличаются стилем и размерами [Zhao, 2010, p. 50], являясь промежуточным вариантом между армией первого императора Цинь и широко распространенной погребальной пластикой эпохи поздней древности и раннего средневековья.

«Армия» императора Цзин-ди, как и знаменитая армия Цинь Шихуанди, полностью не сохранилась. Вероятно, изначально она насчитывала 1 688 фигур пехотинцев (полностью сохранились только 368 экз., от остальных остались только головы). Высота фигур намного меньше,

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (№ 11-01-00489а).

чем воинов первого императора – всего 62 см. Как и у воинов Цинь Шихуанди, лица и облачение тщательно проработаны, однако фигуры статичны и лишены индивидуальных черт. По-видимому, динамичность им должны были придавать двигающиеся руки, которые изготавливали из дерева и прикрепляли к глиняному корпусу.

Армия из Янцзявань, принадлежавшая, вероятно, одному из военачальников, включает 1,8 тыс. воинов. Все статуэтки расписаны. Разными красками переданы костюмы, обмундирование, конское убранство (см.: [Кожанов, 1985]). У них, как и у воинов императора Цзин-ди, нет индивидуальных особенностей, однако отличает естественность поз и живость. Размеры фигур – около 50 см [Кравцова, 2004, с. 229]. Рассматривая статуэтки людей из ханьских погребений, отдельно следует выделить редко встречающиеся изображения всадников. Причина в том, что в первую очередь всадники – это воины, а фигурки воинов помещали только в могилы императоров или военачальников. Самые известные статуэтки – 116 парных фигур воинов и лошадей, обнаруженные среди воинов терракотовой армии Цинь Шихуанди. Стоит заметить, что все воины спешены, стоят чуть впереди и слева от лошади, держат в правой руке повод, тогда как в левой зажат лук или арбалет [Комиссаров, Хачатурян, 2010, с. 129]. Столь необычное положение объясняется незначительной ролью конницы в период империи Цинь. Однако она могла играть стратегическую роль во время сражений. Хотя кавалерия в китайской армии появилась еще в период Чжаньго, но к III в. до н.э. так и не превратилась в значимую часть китайского войска. К тому же, вряд ли, кавалерию составляли собственно китайцы. Наиболее вероятно, что служили в ней наемники-кочевники. Возможно, наличие фигур конных воинов в погребении императора должно было подчеркнуть мощь его армии.

В армии из Янцзявань насчитывается более 500 всадников. Все войско находилось в одиннадцати ямах, в шести из которых обнаружены воины-всадники. В отличие от армии Цинь Шихуанди, все конные воины показаны верхом. Столь большое количество объясняется тем, что при династии Хань конница из новшества постепенно превратилась в важную составляющую армии. После ряда тяжелейших поражений от конницы *сюнну* (*хунну*) в начале правления Западной Хань, при императоре Вэнь-ди, численный состав конных отрядов был значительно увеличен (до 180 тыс. всадников). Выращиванию строевых коней и специальной подготовке воинов-кавалеристов стали уделять больше внимания [Комиссаров, Хачатурян, 2010, с. 132]. По мнению китайских авторов, такая возможность появилась с восстановлением сельского хозяйства и экономики [Чжань Ли, Чжоу Шицюй, 1977, с. 23].

Таким образом, наличие в погребениях большой армии демонстрировало мощь государства. В эпоху Цинь и Хань в погребальных статуэтках воплощали лишь всадников-воинов, тогда как в более позднее время (например, в эпоху Тан) на конях изображали не только солдат, но и обычных наездников – мужчин и женщин. Объясняется это изобретением и распространением стремян в IV–V вв.

В ранний период государства Западная Хань погребальные статуэтки помещали только в императорские могилы. В средний и поздний периоды производство таких фигур освободилось от ограничений государственных ремесленных мастерских и стало широко распространяться среди населения. Однако это повлияло на изменение характера изображений. Во-первых, размеры статуэток стали значительно меньше [Хэнань чуту…, 2002]. Во-вторых, все реже встречаются фигурки воинов, но появляются изображения женщин, разного рода слуг и свиты: танцовщиков, музыкантов, акробатов и др. В поздний период Восточной Хань предметов погребальной пластики становится меньше. Причина – экономический упадок Хань. Свою роль сыграло и проникновение буддизма, который изменил взгляд на смерть и погребальный обряд.

Что касается манеры изображения людей, то М.Е. Кравцова [2004, с. 226] выделяет две самостоятельные стилистические линии, зародившиеся еще в период Чжаньго и соотносимые с центральным и южным регионами Китая. Глиняная пластика центральных районов характеризуется миниатюрностью и примитивно-условной манерой, но изображения людей динамичны. Южные образцы более крупные и изготовлены из дерева. Однако это разделение носит относительный характер. Например, в погребении Фэнхуаншань обнаружено немало как керамических, так и деревянных фигурок людей и животных. Первые выполнены очень аккуратно и естественно, в отличие от вторых, довольно схематичных [Хубэй…, 1974].

Набор и число предметов в каждой могиле различались и зависили от статуса умершего, иногда будучи весьма значительными. В «Споре о соли и железе» говорится: «Ныне в могилы кладут много имущества и обильные запасы, и утварь, и орудия такие же, как у живых людей» [Хуань Куань, 2001, с. 92]. Тем не менее, изображения людей встречены лишь в крупных и средних погребениях, принадлежавших знати. В рядовые могилы тоже помещали погребальный инвентарь, но это были предметы, связанные с хозяйственной деятельностью. Антропоморфные статуэтки были прерогативой высших слоев общества.

Как упоминалось выше, вся погребальная утварь, в т.ч. и фигурки людей, должна была служить погребенному в его посмертной жизни. В эпоху Хань «относились к мертвым, как к живым», а порой и более уважительно, даже если это разоряло семью. Считалось, что потусторонний мир существует параллельно с миром живых, и умершие продолжают жизнь в ином мире, но с теми же потребностями. В то время широко была распространена идея бессмертия. Бессмертие могло быть как физическим, так и духовным. Первое трактовалось как жизнь в «суетном мире, без болезней, несчастий и страданий», а второе – как сохранение тела после смерти. Идея внеземного бессмертия распространилась очень широко. Требовалось перенести в иное бытие не только самого умершего, но и все, что окружало его на земле [Лёве, 2005, с. 123, 124]. «Потусторонний мир рассматривался в Китае не просто как отражение, а скорее как непосредственное продолжение мира живых; обитатели царства теней

зависели от живущих и, в свою очередь, могли оказывать им помощь» [Малявин, 2007, с. 101]. В царство теней брали с собой то, что оставляли на земле, но уже в другом воплощении. Предметы погребальной пластики могли служить умершему оберегом в другом мире.

Список литературы

Кожанов С.Т. Снаряжение и одежда воинов эпохи Хань (по материалам глиняных скульптур Янцзявань) // Древние культуры Китая. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 112–119.

Комиссаров С.А., Хачатурян О.А. Мавзолей императора Цинь Шихуанди: учеб. пособ. для студентов отд. востоковедения. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. – 216 с. – (Тр. ГФ НГУ. Сер. V).

Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: учеб. пособ. – СПб.: Лань; ТРИАDA. – 2004. – 960 с.

Лёве М. Китай династии Хань: быт, религия, культура / Пер. с англ. С. Федорова. – М.: Центрполиграф, – 2005. – 224 с.

Малявин В.В. Народные верования // Духовная культура Китая: энцикл. в 5 т. – М.: Вост. лит., 2007. – Т. 2. – С. 100–109.

Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь) / Пер. с кит., коммент. и прил. Ю.Л. Кроля. – М.: Изд. фирма «Вост. лит» РАН, 2001. – Т. II. – 831 с.

Хубэй Цзянлин Фэнхуаншань Си Хань му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках погребения Западной Хань Фэнхуаншань у г. Цзянлин, пров. Хубэй) // Вэньу. – 1974. – № 6. – С. 45–65, 92–99.

Хэнань чуту Ханьдай цзяньчжу минци (Погребальные модели архитектурных сооружений эпохи Хань пров. Хэнань). – Чжэнчжоу: Дасян чубаньшэ, 2002. – 308 с.

Чжан Ли, Чжоу Шицюй. Шитань Янцзявань ханьму цибинъюн – дуй Си Хань цяньци цибин вэньтидэ таотань (Обсуждение погребальных статуэток всадников из ханьского погребения в Янцзявань: К вопросу о кавалерии в ранний период эпохи Западная Хань) // Вэньу. – 1977. – № 10. – С. 22–26.

Zhao Wenbi. Chinese Sculpting: History trough centuries of Sculpting. – Beijing: China Intercontinental Press, 2010. – 152 p.

К.Ю. Кирюшин

Институт археологии и этнографии СО РАН

ПОСЕЛЕНИЕ НОВОИЛЬИНКА VI – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭНЕОЛИТА КУЛУНДЫ*

До недавнего времени памятники эпохи энеолита на территории Кулунды не были обнаружены, поэтому каждый новый объект археологического наследия этого времени существенно расширяет круг источников по древней истории Алтая. В 2013 г. в Хабарском районе Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка VI.

На протяжении нескольких полевых сезонов археологической экспедицией АГУ проводится археологическое изучение поселения эпохи энеолита Новоильинка III (Хабарский район Алтайского края). В 2005–2011 гг. здесь раскопано 240 м^2. Даже такие небольшие исследования позволили сформировать значительный корпус источников [Кирюшин, Ситников, Семибратов и др., 2010]. По костям животных с памятника Новоильинка III получена серия радиоуглеродных дат. Максимальный разброс по сигме 2 (95,4 % probability) составил интервал от 3700–2850 BC до 3500–2400 BC [Кирюшин, Силантьева, Ситников и др., 2013].

В ходе раскопок 2005–2011 гг. на исследованной площади не выявлены следы жилищ и каких-либо конструкций. Для выяснения планиграфии памятника было решено провести геомагнитную съемку. В 2012 г. на площади 6,4 тыс. м^2 осуществлена геомагнитная съемка с использованием квантового градиентометра G-858 методом вертикального градиента. Однако объекты, которые можно было бы сопоставить с жилищами, не обнаружены [Кирюшин, Силантьева, Дядьков и др., 2012].

Летом 2013 г. археологические исследования по изучению планиграфии поселения Новоильинка III продолжились. На этот раз приоритет был отдан традиционным методам археологических исследований. В 300 м к востоку от Новоильинки III (на другой стороне небольшого болотца), в выкиде из барсучьей норы, обнаружили кости коней и мелкие фрагменты керамики. Рядом с норой разметили сетку раскопа (10×2 м), ориентированного длинной стороной по линии север-юг. На размеченной площади вскрывались два крайних квадрата и центральный (2×2 м). Во всех квадратах снят дерн и слой почвы (до 0,3 м), не содержавшие находок.

Северный квадрат вскрыт на глубину 0,7 м. Археологические материалы были приурочены к слою гумусированной супеси темного серого цвета,

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (№ 12-01-00340а).

который залегал на глубине от 0,3 до 0,7 м. В центральном квадрате вся площадь оказалась забита находками. Грунт отличался темным цветом и большей степенью гумусации по сравнению с северным квадратом. Возникло предположение, что мы вышли на жилище или периферию поселения, т.е. место, куда выбрасывали мусор, пищевые отходы, разбитую посуду и т.д. Заброшенные жилища, заполненные мусором, исследованы археологами на синхронных памятниках павлодарского Прииртышья. В соответствии с пунктом 3.10 «Положении о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации» ОПИ ИА РАН, работы были приостановлены, раскоп рекультивирован. В 2014 г. планируется оконтурить этот объект, проследить его границы и после этого искать следы жилищных конструкций.

Полученные материалы сложно переоценить. С 8 м^2 (с учетом рекультивированного квадрата) получено 694 фрагмента керамики, 2 146 каменных артефактов и несколько тысяч костей животных.

Из 694 фрагментов керамики один является археологически целым сосудом (рис. 1, *1*). Венчиков сосудов найден 31 экз., придонных частей – 5 экз. (рис. 1, *6*, *13*). Остальные находки – фрагменты стенок, из которых 470 экз. не превышают размеров 2×2 см.

Техника орнаментации керамики очень разнообразна. Наиболее распространенный вариант – «отступающая» палочка с элементами накалывания (86 экз.; рис. 1, *13*). Этот орнаментальный прием в 86 случаях сочетается с рядами ямок (наколов) (рис. 1, *4, 8, 9, 11, 12*). Довольно много неорнаментированной керамики – 45 фрагментов. Керамика, декорированная гребенчатым штампом, различается по форме (рис. 1, *1, 3, 5, 10*) и приемам орнаментации. Отпечатками гребенчатого штампа украшены 35 фрагментов (рис. 1, *1*). В тринадцати случаях такие отпечатки образуют ряды «елочек» (рис. 1, *5*), либо «сеточки» (рис. 1, *10*), сочетающиеся с рядами ямок (наколов). Отпечатки гребенчатого штампа могут образовывать ряды «шагающей» гребенки (20 экз.; рис. 1, *3*). В двух случаях они сочетаются с ямками. В девятнадцати случаях ямки являются самостоятельным орнаментом (рис. 1, *2*). В десяти случаях встречена гладкая «качалка», а еще в двух она совмещена с ямками. В пяти случаях выявлен т.н. «ложный текстиль», а на трех фрагментах он сочетался с ямками. Наименее распространен прочерченный орнамент (2 экз.), который в двух случаях дополнен ямками (рис. 1, *7*).

У многих сосудов отпечатками гребенчатого штампа декорированы не только внешняя, но внутренняя поверхности (рис. 1, *3, 10, 13*). Очень часто венчики орнаментированы с внутренней стороны рядами насечек или отпечатками штампа (рис. 1, *4, 7*). Орнаментальные схемы разнообразны. Интересны фрагменты керамики с геометрическим орнаментом (рис. 1, *7, 11–13*). В некоторых случаях возникают ассоциации с андроновской керамикой (рис. 1, *7, 12*). Особенно это касается венчика сосуда, декорированного прочерченными треугольниками (рис. 1, *7*). На нем присутствуют ямки, а обратная сторона украшена насечками. Это свидетельствует, что данный фрагмент – часть единого керамического комплекса исследуемого памятника.

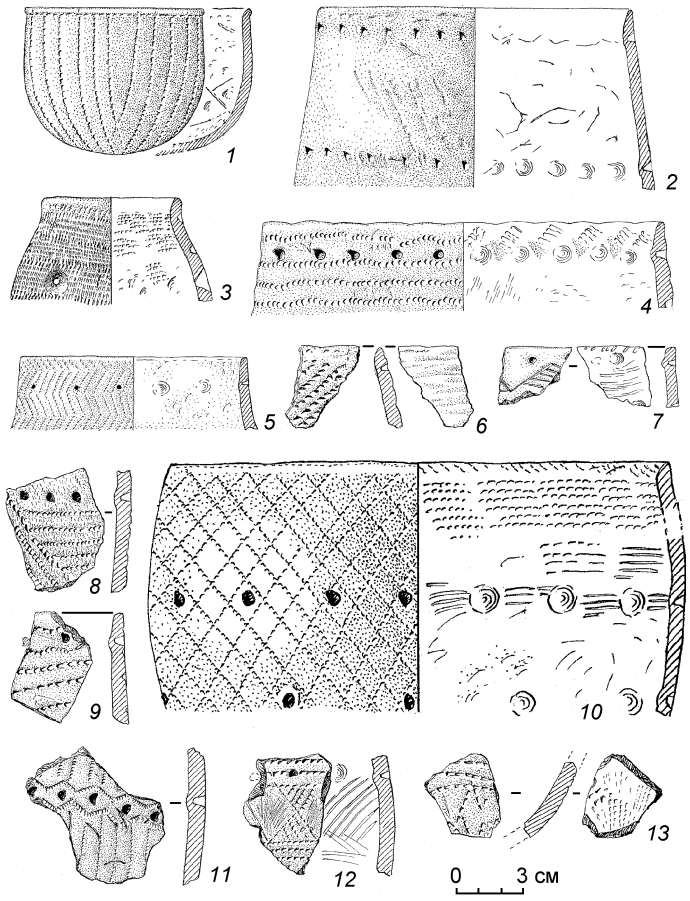


Рис. 1. Керамика с поселения Новоильинка VI.

Как уже отмечалось, найден один археологически целый сосуд (см. рис. 1, *1*). Еще несколько форм реконструируются частично (рис. 1, *2–5, 10*). Судя по имеющимся материалам, по форме посуда близка керамике с поселения Новоильинка III [Кирюшин, Силантьева, Ситников и др., 2013]. На общем фоне выделяется сосуд небольшого размера, с хорошо профилированным венчиком и узкой горловиной (рис. 1, *3*).

Из 2 146 каменных артефактов 2070 (96,46 %) являются отходами производства: осколки – 16 экз., отщепы – 210 экз., чешуйки – 1 837 экз., фрагменты пластин – 7 экз. (рис. 2, *7, 9*). Продукты первичного расщепления представлены пятью экземплярами (0,23 % общего количества каменных артефактов): обломок нуклеуса, скол ударной площадки нуклеуса, 2 боковых скола и пластинчатый отщеп.

Орудийный набор включает 71 предмет: орудия на пластинах – 5 экз., орудия на отщепах – 63 экз., отбойник – 1 экз., абразивы – 2 экз. Орудия на пластинах очень немногочисленны (рис. 2, *1, 5, 6, 8, 10*): наконечник

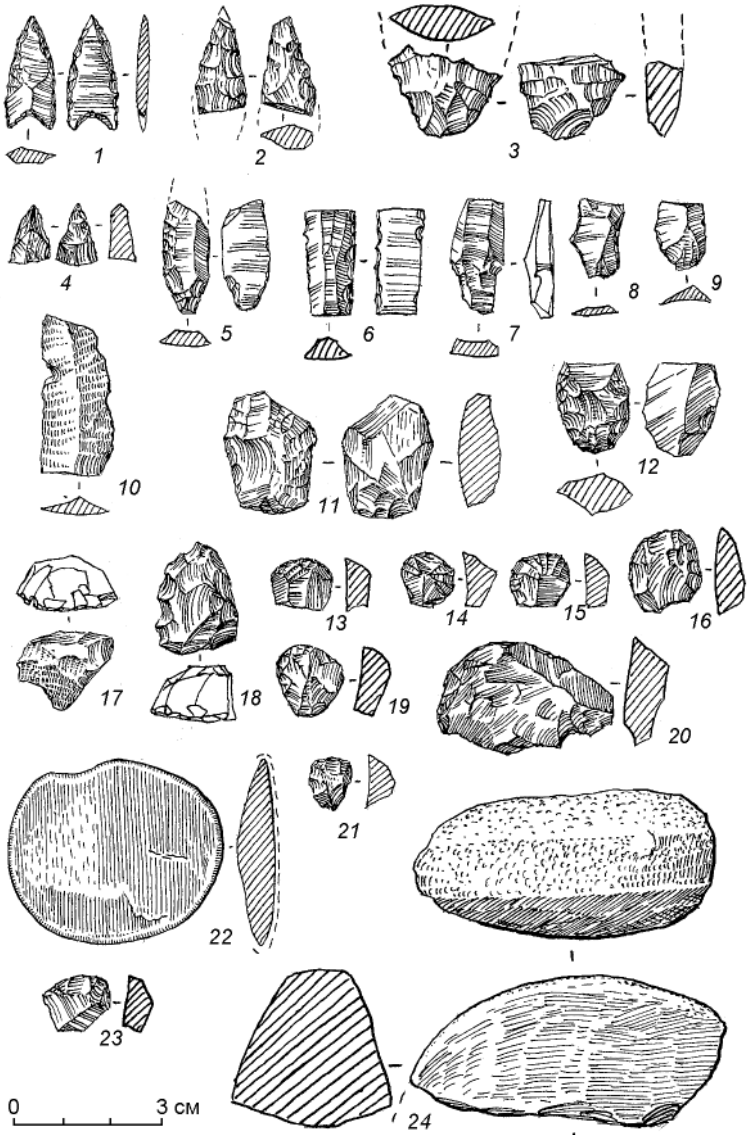


Рис. 2. Каменный инвентарь с поселения Новоильинка VI.

стрелы (рис. 2, *1*), обломок наконечника (рис. 2, *5*), фрагменты пластин с ретушью, (рис. 2, *6, 8*), медиальные фрагменты без ретуши (рис. 2, *10*). Среди орудий на отщепах самая распространённая категория – скребки (рис. 2, *17–21, 23*), далее идут обломки наконечников стрел (рис. 2, *2–4*), фрагменты небольших, бифасиально обработанных орудий (рис. 2, *11–12*) и абразивы (рис. 2, *22*). Интересна находка обломка дисковидного изделия (рис. 2, *24*).

Керамические коллекции поселения Новоильинка VI имеют много общего с материалами поселения эпохи энеолита Новоильинка III. Сходство прослеживается в наличии керамики, орнаментированной отпечатками «отступающей» палочки с элементами накалывания в сочетании с рядами ямок. Различия прослеживаются в наличии керамики с прочерченным орнаментом, которая характерна для неолитических комплексов Барабы, верхнего Приобья и Приобского плато. В составе каменных артефактов встречены орудия на пластинах, обломки и сколы с нуклеусов. Однако для серьезного анализа материала явно недостаточно.

Поселения Новоильинка III и Новоильинка VI разделяет небольшое болотце, являющееся, по всей видимости, старицей р. Бурлы. Новоильинка VI – стратифицированный памятник, культурный слой которого дошел до нашего времени в неразрушенном состоянии. Это – большая редкость, т.к. подавляющее большинство памятников неолита Алтая представлено поселениями с разрушенным культурным слоем, а археологические коллекции являются сборами с поверхности, в результате чего произошло механическое смешение разновременных материалов.

В 2013 г. с поселения Новоильинка VI отобраны материалы для радиоуглеродного датирования. Предварительно материалы памятника можно датировать рубежом IV–III тыс. до н.э. (если использовать некалиброванные даты). Имеющиеся в нашем распоряжении археологические коллекции позволяют сделать вывод, что материалы поселения Новоильинка VI на 500–600 лет старше памятника Новоильинка III и тоже относятся к эпохе энеолита, но к более раннему этапу. Археологические коллекции исследуемого памятника, скорее всего, синхронны материалам поселения Венгерово-3 [Молодин, 1985]. Мы склонны считать, что коллекция с поселения Новоильинка VI относятся к раннему энеолиту, но не исключено, дата может быть скорректирована по мере накопления материала и получения результатов радиоуглеродного датирования.

Список литературы

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И. Исследование поселения Новоильинка III в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 211–216.

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Дядьков П.Г., Михеев О.А., Позднякова О.А. Магнитометрические и ботанические исследования на поселении Новоильинка III в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 184–188.

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Ситников С.М., Семибратов В.П., Соломонова Н.Ю., Сперанская Н.Ю. Археоботанические и фитолитные исследования на поселении Новоильинка-3 (Северная Кулунда) // Вестник ТГУ. Сер. История. – № 4 (24). – 2013. – С. 10–14.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

К.Ю. Кирюшин[1], С.М. Ситников[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Барнаульская государственная педагогическая академия

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА III В 2012–2013 ГОДАХ*

Памятник Новоильинка III открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. было вскрыто около 40 м^2. В 2010–2011 гг. на поселении исследовано 200 м^2. Даже небольшие раскопки позволили сформировать значительный корпус источников, анализ которого крайне важен для реконструкции этнокультурных процессов на территории юга Западной Сибири в IV–III тыс. до н.э. [Кирюшин, Ситников и др., 2010].

По костям животных с поселения Новоильинка III получена серия радиоуглеродных дат: 4270±170 л.н. (Ле-7534), 4585±70 л.н. (СОАН-8318), 4310±110 л.н. (СОАН-8319), 4250±120 л.н. (СОАН-8320) [Кирюшин, Силантьева, Соломонова и др., 2013]. Калибровка этих дат почти на тысячу лет удревнила формирование культурного слоя поселения. Максимальный разброс по сигме 2 (95,4 % probability) составил интервал от 3700–2850 BC до 3500–2400 BC.

В 2012 г. комплексные исследования поселения Новоильинка III были продолжены. До начала археологических раскопок на площади 6,4 тыс. м^2 проведена геомагнитная съемка [Кирюшин, Силантьева, Дядьков и др., 2012]. Получена магнитограмма исследованного участка, на котором не удалось выделить объекты, которые можно сопоставить с жилищами или производственными площадками. Обнаруженные аномалии плохо поддавались интерпретации. Основная задача исследований 2012 г. состояла в проверке результатов геомагнитной съемки.

Для этого на границе между квадратами II и III с востока на запад была заложена линия квадратов полосой 4×40 м. Под слабым дерновым слоем (мощность 0,03–0,05 м) шел слой слабогумусированной супеси (около 0,1 м), а под ней – песок. К сожалению, в этой части раскопа практически ничего не найдено [Кирюшин, Ситников, 2013]. В разрезах хорошо фиксировались следы распашки, направление которой совпадало с полосами на геомагнитной съемке. М.М. Силантьева сделано заключение: в 1970–1980-е гг. на этой территории в промышленных

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (№ 12-01-00340а).

масштабах заготавливали корень солодки [Кирюшин, Силантьева, Дядьков и др. 2012]. Для этого землю вспахивали, переворачивали пласты земли и доставали корни солодки. В результате произошло частичное нарушение культурного слоя и перемещение артефактов по горизонтали и вертикали.

Археологические раскопки были продолжены и в квадрате II, от траншеи 2012 г. в направлении раскопа 2004–2011 гг. (вдоль восточной границы квадрата II). Заложен раскоп в 160 м^2 (полоса 8×20 м) [Кирюшин, Ситников, 2013, рис. 1]. В этих квадратах стратиграфическая ситуация выглядела иначе. По направлению к раскопу прошлых лет постепенно увеличивалась мощность дерна и слоя гумусированной супеси. Дерновой слой составил 0,07–0,1 м. Под ним шел слой гумусированной супеси темного цвета (мощность 0,15–0,2 м). Культурный слой (слабо-гумусированная супесь серого цвета), содержавший находки, залегал на глубине 0,3–0,85 м. В 2012 г. исследование этой части раскопа не было закончено. Высокая плотность находок существенно тормозила работу. Из-за сухой и жаркой погоды почва пересохла и стала очень твердой. В центральной части раскопа осталось невыбранным пятно гумусированной супеси. Пришлось рекультивировать раскоп.

В квадратах III и IV в 2012 г. выявлено несколько аномалий. Они могли быть связаны с погребениями, что необходимо было проверить [Кирюшин, Ситников, 2013, рис. 1, *4*].

В 2013 г. работы на поселении Новоильинка III продолжались. В квадрате III исследована одна из аномалий [Кирюшин, Ситников, 2013, рис. 1, *4*]. Раскоп (4×4 м) полностью охватил выявленную в 2012 г. геомагнитную аномалию. Выяснилось, что исследованный объект имеет природное происхождение: пятно гумусированной супеси с аморфными границами. Археологические находки не обнаружены.

В 2013 г. закончены работы в законсервированном раскопе. Большое количество осадков, выпавших летом 2013 г., хорошо увлажнило грунт. В результате удалось последить все нюансы стратиграфии в этой части раскопа. Хорошо фиксировалась западина (ширина 2,5–3 м) с аморфными краями и дном, вытянутая по направлению ЮВ–СЗ. Границы западины уходили в сторону раскопа 2004–2011 гг. Практически весь археологический материал связан именно с этой западиной. После работ 2013 г. не осталось сомнений, что нами исследован природный объект (скорее всего, старица р. Бурлы), который в древности использовался как место сбора мусора и пищевых отходов.

Коллекция керамики, полученная в 2012–2013 гг., насчитывает более тысячи фрагментов. Наиболее представительна часть коллекции, включающая фрагменты сосудов, орнаментированных рядами или волнами отступающей палочки, разделенными рядами наколов. Как правило, толщина стенок таких сосудов составляет 6–9 мм. «Шагающей» гребенкой орнаментированы 24 фрагмента керамики. Довольно много неорнаментированной керамики (34 экз.). Керамика, орнаментированная только наколами, включает 52 фрагмента. В одном случае венчик сосуда

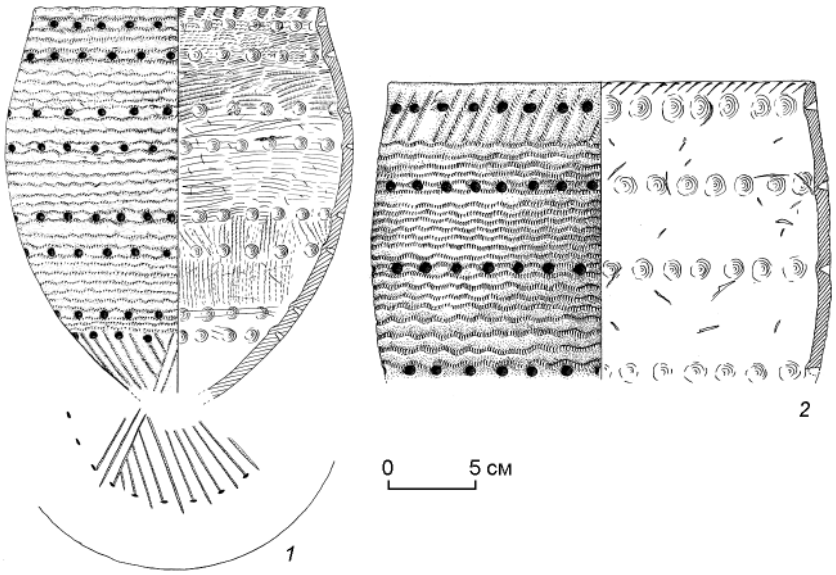


Рис. 1. Реконструкция керамических сосудов с поселения Новоильинка III.

декорирован насечками. Многие фрагменты венчиков орнаментированы по верхней кромке с внутренней стороны насечками. Визуально в керамическом тесте фиксируются следы органики. На внутренней и внешней поверхности сосудов хорошо видны следы обработки гребенчатыми орудиями перед нанесением орнамента. Отпечатки «отступающей» палочки часто создают ряды ромбов и треугольников, а иногда – паркетный орнамент. Геометрические мотивы – довольно распространенный сюжет в декоре керамики с поселения Новоильинка III.

Обнаружены развалы 4 сосудов, у которых частично реконструируется форма. Они представляют собой крупные сосуды открытой формы, у которых высота примерно в 1,5 раза больше диаметра (рис. 1, 2). Днища отсутствуют, но, судя по материалам предыдущих лет, сосуды были остродонными. По ним можно реконструировать орнаментальные схемы.

Первый сосуд орнаментирован по венчику и тулову отпечатками «отступающей» палочки с элементами накалывания (рис. 1, *1*) и горизонтальными рядами ямок. Придонная часть дошла до нас неполной, но видно, что острое или приостренное днище было разделено на сектора, орнаментированные «отступающей» палочкой с элементами накалывания. На внутренней поверхности венчика есть отпечатки штампа. На внутренней и внешней поверхностях сосуда прослежены отпечатки «шагающей» гребенки.

Другой сосуд декорирован по венчику рядом ямок и диагональными рядами параллельных линий, выполненных отпечатками «отступающей» палочки с элементами накалывания (рис. 1, *2*). Тулово украшено отпе-

чатками «отступающей» палочки с элементами накалывания (рис. 2, *1*) и горизонтальными рядами ямок. На внутренней поверхности венчика есть отпечатки штампа.

Интересен сосуд, орнаментированный рядами отпечатков гребенчатого штампа, образующими «елочки», которые разделены горизонтальными рядами наколов и отпечатков «отступающей» палочки с элементами накалывания (рис. 2, *1*). В результате сочетания орнаментальных мотивов образовалась динамичная композиция. На внутренней поверхности венчика видны отпечатки штампа. На внутренней стороне верхней части сосуда прослеживаются отпечатки «шагающей» гребенки (рис. 2, *1*). Есть они и на внешней поверхности. Видимо, это технологические следы, связанные с процессом формовки посуды.

Четвертый сосуд декорирован отпечатками гребенчатого штампа, которые образуют ряды «елочек» (рис. 2, *2*). В нижней части сосуда ямки вытянуты в ряд, а в верхней – не упорядочены.

В ходе работ 2012–2013 гг. на поселении Новоильинка III получены представительные керамические коллекции, которые требуют дальнейшего изучения.

Коллекция каменных артефактов с поселения Новоильинка III превышает 500 экз. В основном они представлены отходами производства: осколками, чешуйками, отщепами. Изделия на отщепах – наиболее представительная категория орудийного набора: скребки, скобели, острия, комбинированные орудия, обломки бифасов, наконечники стрел. Один из наконечников выделяется крупными размерами и мог быть наконечником дротика. Орудия на пластинах представлены двумя экземплярами медиальных фрагментов пластин с ретушью. Обнаружены также 2 абразива и 2 обломка орудий с подшлифовкой.

После работ 2013 г. не осталось сомнений, что исследованный в 2012–2013 гг. участок – древний водоток (скорее всего, старица р. Бурла), который использовался для сброса мусора и пищевых отходов.

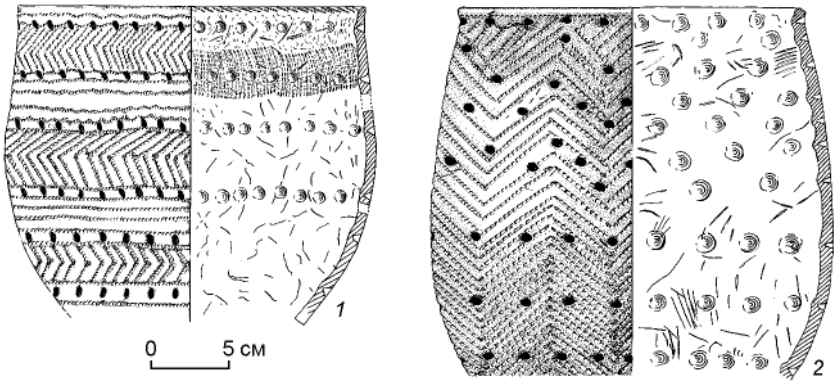


Рис. 2. Реконструкция керамических сосудов с поселения Новоильинка III.

Список литературы

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Дядьков П.Г., Михеев О.А., Позднякова О.А. Магнитометрические и ботанические исследования на поселении Новоильинка III в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 184–188.

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Соломонова М.Ю., Ситников С.М., Семибратов. В.П., Сперанская Н.Ю. Реконструкция среды обитания энеолитического населения Кулунды (по результатам археоботанических и фитолитных исследований на памятнике Новоильинка-3) // Культуры и народы северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флороинского. – Томск: ТГУ, 2013. – Вып. 3. – С. 184–193.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование памятника Новоильинка III в 2012 г.: полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2011–2012 гг. // Археология, этнография, устная история. – Барнаул: АлтГПА, 2013. – Вып. 8. – С. 43–50.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И. Исследование поселения Новоильинка III в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 211–216.

Ю.Ф. Кирюшин[1, 2], Д.В. Папин[1, 2], А.С. Федорук[2], А.А. Редников[2], О.А. Федорук[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ «БУРЛИНСКОГО ТИПА» ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ СТЕПНОГО АЛТАЯ*

Несмотря на то, что с момента открытия В.С. Удодовым на территории Степного Алтая памятников с бегазы-дандыбаевскими древностями и формулирования проблемы «бурлинского типа» прошло двадцать лет [1994], принципиально представления об этнокультурной ситуации, сложившейся в эпоху поздней бронзы в Кулунде, не изменились. Проводившиеся в последние десятилетия плановые исследования поселений Жарково III, Рублево VI и Калиновка II показали присутствие бегазы-дандыбаевской и «станковой» керамики, но статистически доля этих групп не превышает 5 % [Кирюшин, Иванов и др. 2004; Кирюшин, Папин и др., 2008]. Таким образом, выдвинутая В.С. Удодовым гипотеза о существовании в эпоху поздней бронзы на территории Кулундинской равнины «бурлинского типа» памятников как устойчивого сочетания культур бегазы-дандыбаевской и носителей традиции изготовления керамики на гончарном круге, касается ограниченного микрорайона среднего течения р. Бурлы. Осложняет ситуацию и то, что материалы раскопок В.С. Удодова до сих пор не введены в научный оборот. В связи с этим Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири совместно с АГУ в 2013 г. возобновили плановые тематические исследования на поселении Бурла II.

Основной целью работ стали раскопки в северо-восточном направлении центрального участка памятника, а также изучение южной и северо-западной части периферийной зоны, в частности, участка, где располагался обнаруженный в 2012 г. объект, предположительно связанный с гончарным производством.

Для решения поставленных задач к южному краю раскопа В.С. Удодова был прирезан новый участок (площадь 64 м^2). Выяснилось, что в данном направлении культурный слой не распространяется, а находки носят единичный характер. Второй участок (площадь 88 м^2) прирезан к восточной

*Работа осуществлена в рамках проекта Президиума СО РАН и гранта РГНФ (№ 12-01-00360 «Периодизация, генезис и связи археологических культур степного Обь-Иртышского междуречья в эпоху поздней бронзы»).

границе раскопа 1988 г. Здесь удалось выявить 3 конструкции, уходящие под стенки раскопа.

Конструкция 1 (исследованные размеры 1,6×4,0 м) располагалась в северном секторе и была углублена в материк на 0,15–0,2 м. Вдоль стен обнаружен ряд столбовых ям, а в центре изученного пространства – прокал, заполненный керамическим шлаком.

Котлован жилища 2 вскрыт южнее первого, на отметке 0,7 м. Изученная его часть имеет подпрямоугольную форму (5,2×3,2 м). Вдоль стен зафиксированы остатки столбовых ям.

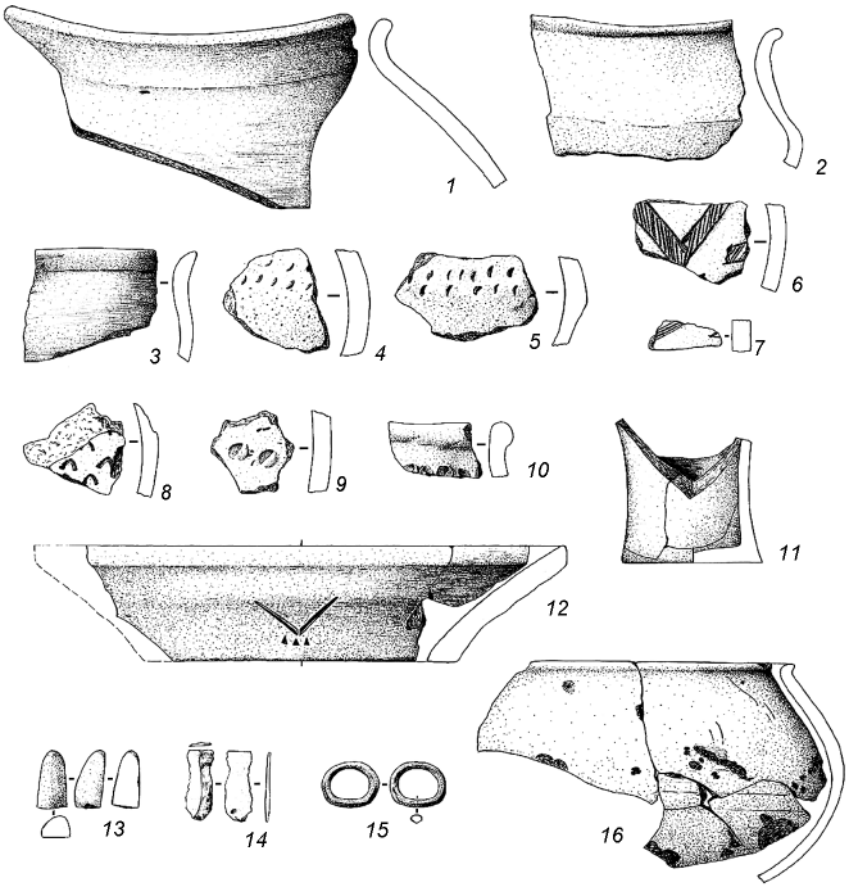
Котлован конструкции 3 находился в юго-западном секторе и был связан с жилищами, изученными В.С. Удодовым в 1988 г. В раскопе обнаружены фрагменты керамики, изготовленной на гончарном круге, и бегазы-дандыбаевского типа, бронзовое кольцо и каменное лощило (см. *рисунок, 13, 15*).

Третий раскоп заложен на береговой террасе, где разведка 2012 г. зафиксировала скопление керамического шлака. В границы раскопа попал фрагмент сооружения овальной в плане формы и глубиной до 2,2 м. Стенки его были обмазаны глиной. Возможно, существовал свод, сооруженный из обожженной глины. Мощный прокал свидетельствует о долгом воздействии высоких температур. Из ямы происходит керамический шлак и керамика, изготовленная на гончарном круге.

Коллекция находок, сформировавшаяся в ходе изучения поселения Бурла III, включает керамику, изготовленную на гончарном круге (см. *рисунок, 1, 2, 3, 11, 16*), и бегазы-дандыбаевского типа (см. *рисунок, 4–10*). Орнаментация последней группы имеет широкие аналогии среди керамических комплексов эпохи поздней бронзы Кулундинской степи и идентична материалам из раскопок прошлых лет.

В ходе проведения работ сделано важное наблюдение: керамика бегазы-дандыбаевского облика сосредоточена в котлованах конструкций, а находки фрагментов керамики, изготовленной на гончарном круге, встречались по всей площади раскопа и по массовости значительно превосходят бегазы-дандыбаевские. Кроме того, обнаружено большое количество керамического шлака, распространенного по всей площади поселения. Наибольшая степень его концентрации отмечена в третьем раскопе и, скорее всего, связана с наличием вышеописанного теплотехнического сооружения. Можно высказать предположение, что аномальная концентрация керамики, изготовленной на гончарном круге, связана с существованием здесь постоянного керамического производства.

Среди других находок необходимо выделить изготовленный на гончарном круге небольшой сосудик стаканообразной формы (см. *рисунок, 11*) и глиняную подставку с тамгой (см. *рисунок, 12*). Оба типа изделий уже описаны открывателем памятника В.С. Удодовым как культурно-диагностирующие предметы, указывающие на связь со среднеазиатскими центрами [1994].



Материалы с поселения Бурла III.
1–12, 16 – керамика; *13, 14* – камень; *15* – бронза.

Таким образом, в результате полевого изучения поселения Бурла III в 2013 г. удалось исследовать в общей сложности 168 м^2 памятника, получить уникальные данные по планиграфии и стратиграфии поселка, а также представительную серию стратифицированных материалов по эпохе поздней бронзы.

В настоящее время поселение Бурла III – один из наиболее перспективных поселенческих комплексов эпохи поздней бронзы Кулундинской степи. С одной стороны, его материалы отражают процессы взаимодействия пришлого среднеазиатского (?) населения (керамика изготовлена на гончарном круге) с носителями традиций бегазы-дандыбаевской культуры, с другой – впервые зафиксировано наличие участка, связанного с производством керамики. Дальнейшие работы позволят выяснить региональную специфику «бурлинского типа» памятников.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Федорук А.С., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Калиновка-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 269–274.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2008. – С. 5–18.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

Л.С. Кобелева[1], А. Наглер[2], И.А. Дураков[3], М.С. Демахина[1], С. Хансен[2], В.И. Молодин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Германский археологический институт (DAI)
[3]Новосибирский государственный педагогический университет

САРГАТСКИЙ МОГИЛЬНИК ЯШКИНО-1 (продолжение исследований)*

Российско-германская экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН и Евразийского отделения Германского археологического института продолжила совместные исследования курганного могильника раннего железного века Яшкино-1. Памятник расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл., в 5 км от с. Заречье и в 1,5 км от оз. Яшкино, в 200 м от трассы федерального значения Чаны – Кыштовка. Могильник насчитывает пять курганов различной величины, два из которых были раскопаны А.В. Нескоровым в 1982 г. [Молодин, Новиков, 1998]. В ходе исследования им получены данные, датирующие памятник временем бытования саргатской культуры.

Обнаруженные в кург. 1 и 2 великолепные материалы, которые в настоящее время готовятся к публикации, послужили мотивом для продолжения исследований могильника монографически.

В 2012 г. был проведен геофизический мониторинг трех оставшихся курганов**. На всех объектах выявлены кольцевые рвы и другие многочисленные аномалии, явно свидетельствующие о наличии в сооружениях погребальных комплексов (рис. 1, *1*).

Для раскопок был выбран кург. 5, размеры которого позволили исследовать объект вручную, без применения техники.

Общая площадь раскопа составила 840 кв.м. Объект имел насыпь округлой формы, диаметром 27×27 м, высотой 1,04 м. При разборке конструкции обнаружены многочисленные кости птиц, а также фрагменты керамики от одного сосуда. Кроме того, зафиксированы следы четырех кострищ в центральной и юго-восточной частях насыпи. Н.В. Полосьмак отмечает наличие следов кострищ в насыпях более половины исследованных курганов саргатской культуры на территории Барабинской лесостепи и связывает подобное явление с возможным культом огня [1987, с. 13].

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-18056.

**Геофизические исследования выполнены сотрудниками Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН в рамках интеграционного проекта под общим руководством д-ра геол.-мин. наук А.К. Манштейна.

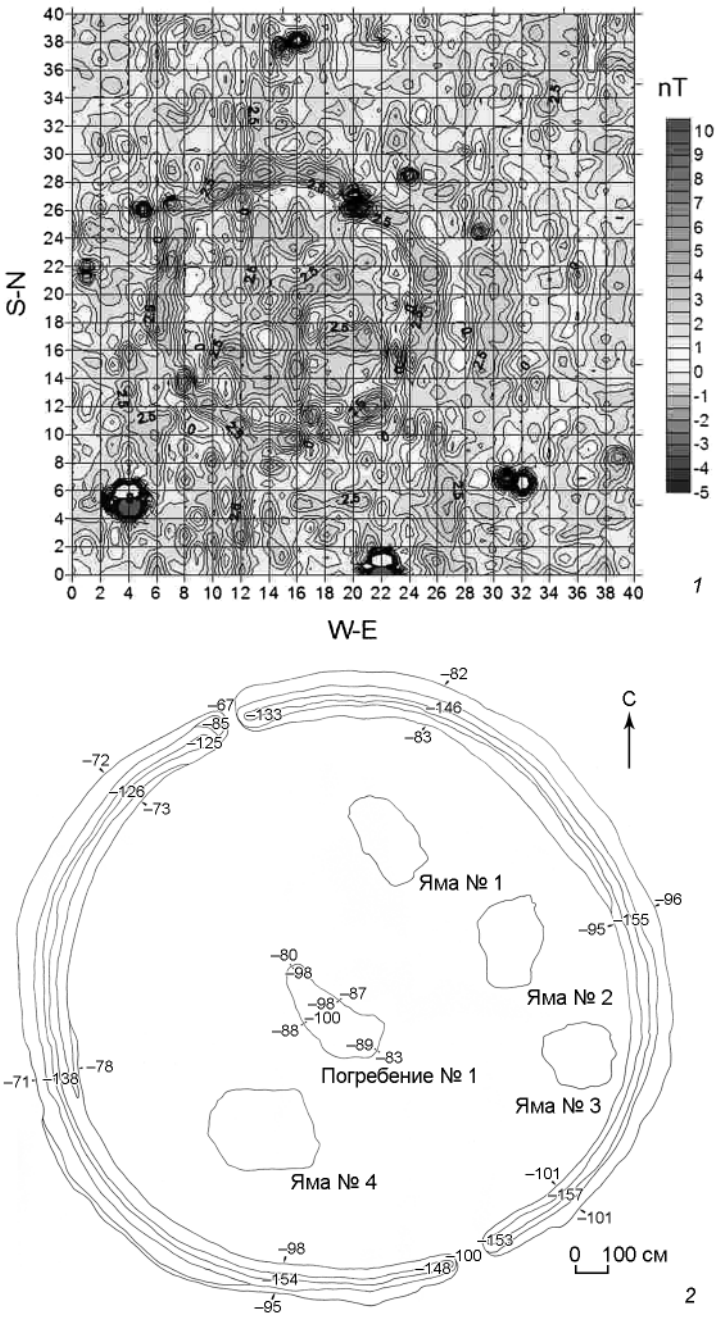


Рис. 1. Могильник Яшкино-1, кург. 5.
1 – магнитограма кургана; *2* – план на уровне материка.

Кости птиц также присутствуют в насыпях и захоронениях саргатских погребальных памятников означенной территории. В могильниках Венгерово-6 и Погорелка-2 обнаружены многочисленные кости крупной утки [Молодин, Наглер и др., 2009; Молодин, Ефремова и др., 2011]

После снятия насыпи выявлена конструкция в виде округлого кольца (ровика), диаметром 22,25 м, имеющего по линии СЗ–ЮВ перемычки, разделяющие кольцо на два полукруглых сегмента (рис. 1, *2*). Максимальная ширина ровика в центральной части составила 1,75 м, глубина 0,6 м. Внутренняя стенка ровика более отвесная, чем внешняя, дно сужается книзу. Судя по заполнению, ровик некоторое время стоял открытым. Наличие ровика под насыпями исследователи называют одной из характерных конструктивных особенностей курганов саргатской культуры [Корякова, 1977, 1988; Полосьмак, 1987, с. 10–11; Матвеева, 1993, с. 134].

В центральной части огороженной площадки обнаружено захоронение, ориентированное по линии СЗ–ЮВ. Могила была ограблена, четкие контуры хода грабителей читались в стратиграфическом разрезе. Могила имела подчетырехугольную форму, ориентированную по линии СЗ–ЮВ, с примыкающим к ней в западной части вытянутым, сужающимся к концу выступом.

Объект имел разное заполнение, подчетырехугольная часть содержала бурую прокаленную почву, в которой была локализована основная часть костей человека, узкая выступающая (лаз грабителей) – темно-серую мешаную супесь. После выборки заполнения обнаружились конструктивные особенности могильной ямы. Восточная ее часть имела подпрямоугольную форму, с закругленными углами, стенки неровные, пологие, в нескольких местах нарушены ходами грызунов. Западная часть была вытянутой, с прямыми, слегка пологими стенками. Максимальные параметры могильной ямы по верхнему абрису 389×150 см, по нижнему – 374×147 см.

После выборки заполнения обнаружилось, что кости погребенного лежат в полном беспорядке. Погребен взрослый мужчина, кости которого имели многочисленные следы прижизненных заболеваний, например, третий и четвертый позвонки были сросшимися.

Среди костей человека найдены четыре наконечника стрелы из кости (рис. 2, *1–4*).

Подобные изделия были широко распространены в саргатских памятниках Барабинской лесостепи [Полосьмак, 1987, с. 25]. Не вполне типичными для саргатской культуры являются их сравнительно небольшие размеры.

Кроме того, в могиле обнаружены фрагменты предметов из железа в виде пластин толщиной 0,5 см, шириной до 2,0 см. Реконструировать их достаточно сложно, как и определить точное количество и предназначение.

В заполнении погребения выявлены грудина и килевая кость птицы, фрагменты бересты и угля, а также обломок керамического сосуда.

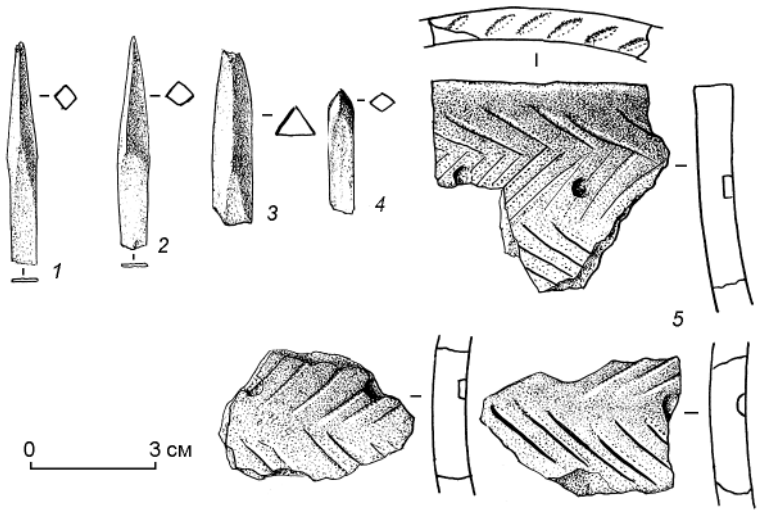


Рис. 2. Могильник Яшкино-1.
1–4 – наконечники стрел из кости; *5* – фрагменты керамического сосуда.

Другие фрагменты от этого же сосуда зафиксированы в насыпи кургана (рис. 2, *5*).

Керамика присутствует в большинстве саргатских захоронений и является основным культурным индикатором [Полосьмак, 1987, с. 25; Матвеева, 1993, с. 139]. Обнаруженные фрагменты сосуда орнаментированы «елочкой», выполненной в резной технике, поверх которой нанесены ямки. Обработка поверхности и орнаментация керамики не вполне типична для саргатской культуры, имеет северные черты, характерные для новочекинской культуры. Аналогии можно найти в материалах поселений Новочекино-1, Омь-1 [Полосьмак, 1987, с. 58, 106].

Центральную площадку, на которой располагалось погребение, в восточной части окружали четыре крупных ямы, имеющие, вероятно, ритуальное значение (см. рис. 1, *2*). Возможно, какие-то ямы впоследствии предполагалось использовать для захоронений.

Аналогов наличия ритуальных ям под насыпями саргатских курганов на территории Барабинской лесостепи нам не известно, однако в могильнике Новочекино-2, в кург. 3 (новочекинская культура) под насыпью, в юго-западной части, присутствует яма схожая по конструкции [Полосьмак, 1987, с. 60].

Таким образом, ориентируясь на погребальную практику и сопроводительный инвентарь, исследованный объект, несомненно, оставлен носителями саргатской культуры. Вместе с тем налицо проявление северных, таежных черт, вероятно, свидетельствующих о контактах саргатской и новочекинской культур.

Список литературы

Корякова Л.Н. Ансамбль некрополя саргатской культуры // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: Уральск. рабочий, 1977. – С. 134–152. – (Вопр. археологии Урала; вып. 14).

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Уральск. гос. ун-т, 1988. – 240 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Сальникова И.В., Борзых К.Л. Аварийные раскопки могильника саргатской культуры Венгерово-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 188–194.

Молодин В.И., Наглер А., Соловьев А.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Чемякина М.А., Дядьков П.Г. Новый этап сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института. Раскопки могильника саргатской культуры Погорелка-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 343–349.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

С.А. Комиссаров[1, 2], М.А. Кудинова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет

КАМЕННЫЕ СТАТУИ, НАЙДЕННЫЕ В ГОРАХ ГУЙЦЗАЙЛИН НА ЮГЕ КИТАЯ*

Памятник Гуйцзайлин находится в горах Гуйцзайлин (от которых он и получил название), на расстоянии 1 км к юго-востоку от дер. Тяньгуандунцунь уезда Даосянь провинции Хунань. Происхождение названия *Гуйцзайлин* («Горы чертенят») связано с тем, что в данном районе на поверхности и под землей найдены многочисленные каменные скульптуры, которые местные жители называют *гуйцзайцзай* – «чертенята». В ходе обследования памятника обнаружено до 10 тыс. разнообразных каменных изваяний. Скульптуры разбросаны по территории, площадь которой составляет 15 тыс. м^2. Некоторые специалисты считают, что там находилась мастерская по изготовлению статуй, но большинство трактуют это место как большой жертвенник.

Скопление каменных скульптур обнаружено в 1989 г. местными жителями. Они же передали несколько экземпляров на экспертизу в управление по охране памятников материальной культуры. Поскольку скульптуры были серьезно повреждены эрозией, первоначально они не вызвали у чиновников никакого интереса. В «Географическом атласе памятников материальной культуры пров. Хунань» имеется лишь краткое описание данного памятника: «Площадь составляет около 100 кв. м., найдено более 200 каменных статуй различной формы, …высота 0,2–1 м, техника резьбы грубая. Дата неизвестна».

Памятник привлек к себе внимание во время проведения в г. Юнчжоу в 2008 г. «Археологического форума провинций Хунань, Цзянси, Гуандун и Гуанси-Чжуанского автономного района» и «11-й конференции Археологического общества пров. Хунань». В сборник материалов конференции была включена работа местного археолога Тан Чжунъюна [2010]. Статья вызвала большой резонанс как в научных кругах, так и в средствах массовой информации (см.: [Statutes…, 2010; Over…, 2010; Фань Есян, Лю Цзюнь, 2010; Лун Цзюнь, 2010]).

Согласно оценкам, на поверхности земли в Гуйцзайлин разбросано около 5 тыс. каменных изваяний. Пробные раскопки показали, что на глу-

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (№ 11-01-00489а).

бине более 2 м от поверхности земли находятся 5–6 слоев упорядоченно уложенных скульптур. Таким образом, число статуй, скрытых под землей, по оценкам исследователей, тоже составляет не менее 5 тыс. Вместе с изваяниями, рассредоточенными в смежных районах, их общее количество превышает 10 тыс. Высота статуй колеблется от 30 до100 см.

Предварительное знакомство с фотографиями и описаниями находок наводит на мысль об их средневековом происхождении. Однако Тан Чжунъюн [2010] разделил все скульптуры на три группы, в соответствии с периодом изготовления: 1) «доисторические» (вплоть до эпохи бронзы, свыше 4 тыс. л.н.); 2) династии Цинь-Хань-Вэй-Цзинь; 3) династии Тан-Сун-Юань. Вероятно, изначально скульптуры использовались в ритуалах жертвоприношений или мемориальных церемониях. Впоследствии их изготовление могло утратить первоначальный смысл, но традиция сохранялась на протяжении веков.

Техника изготовления скульптур первого периода – резьба по цельному куску камня. Вследствие большой древности находок, под действием ветра и дождя поверхность изваяний оказалась сильно поврежденной, черты лица не всегда различимы. Часто левая нога согнута, а правая – вытянута. Такие скульптуры составляют приблизительно 30 % от общего числа статуй, найденных на поверхности.

Стиль и техника изготовления статуй второго периода в основном сохраняет традиции предшествующей эпохи. Круглая скульптура выполнена с учетом особенностей материала: линии резьбы гармонируют с естественными изгибами камня. Изваяния характеризует неглубокий рельеф. Черты лица даны в одной плоскости («плоский портрет»). Выделяется широкий рот с толстыми губами. Нос передан двумя отверстиями. Глаза показаны резными линиями; глазницы без зрачков. Уши изображены углубленными линиями в форме полумесяца. Одеяния, вырезанные на скульптурах, соответствуют повседневной мужской одежде эпохи Хань: куртка до колен, полы запахнуты на правую сторону; повязан пояс; на ногах обувь с круглым «носом». Волосы завязаны в узел на макушке. Такая прическа в эпоху Хань называлась «чжуйцзи». Ее часто можно видеть на стенных росписях и рельефах ханьской эпохи, на образцах ханьской погребальной глиняной пластики. Статуи второго периода – наиболее многочисленные среди изображений, обнаруженных на поверхности земли (более 50 %).

Среди статуй третьего периода большинство составляют изображения воинов. Основания скульптур выполнены в форме неправильного прямоугольника. Изваяния выше, чем в предшествующие периоды: до 100 см. Скульптуры данного типа составляют около 20 % от общего числа.

На протяжении всех трех периодов статуи вырезали из известняка (95 %). Выявлены также скульптуры из красного песчаника (5 % от общего числа), а такой материал в основном применялся в эпохи Тан, Сун и Юань. В нашем случае месторождение известняка находится в двух километрах от места находки. Красный песчаник можно найти непосредственно на памятнике.

Среди образов присутствуют изображения гражданских и военных чиновников, солдат, а также, возможно, беременных женщин. Гражданские чиновники изображены в свободной одежде с длинными рукавами, высоких головных уборах, с табличками для записей на императорских аудиенциях в руках. Военачальники обычно изображены верхом на конях и слонах, в доспехах и шлемах, с мечами в руках. Солдаты тоже одеты в доспехи, с мечом или кинжалом в руках, с грозным выражением лица. Фигурки т.н. «беременных» женщин относительно крупные, руки сложены на выпуклом животе, на голове повязан платок.

Каменные изваяния подобного типа распространены на территории трех уездов провинции Хунань – Даосянь, Цзянъюн и Цзянхуа-Яоский автономный, а также в волости Майлин Фучжоу-Яоского автономного уезда Гуанси-Чжуанского автономного района. Здесь изваяния в большинстве своем обнаружены сваленными в кучи в пещерах. Количество их невелико: обычно в пределах 10–50 статуй. Набор скульптур сравнительно однороден. Не обнаружены изображения военных, «беременных» женщин и наездников на лошадях или слонах. Кроме того, эти скульптуры копируют особенности, присущие изваяниям позднего периода (Сун-Юань). Таким образом, судя по количеству, разновидностям и времени изготовления статуй, именно район Гуйцзайлин был центром концентрации каменной скульптуры данного вида [Тан Чжунъюн, 2010].

Что касается трактовки скульптур, то она осложняется отсутствием данных письменных источников. Единственным эпиграфическим свидетельством является установленная на холме поблизости стела, называемая «Записи о духах жертвенника у Дубового источника». Надпись на памятнике выполнена в 29-й год правления цинского императора Гуансюя (1904 г.) местным *сюцаем* Сюй Юнчжуанем. В ней зафиксировано местное предание о каменных статуях из Гуйцзайлин: «Диковинные камни были извлечены из-под земли, все в форме человеческих фигур, самые высокие не выше трех чи, самые мелкие около нескольких цуней высотой, по виду совершенно разнообразны… Они могут посылать людям беды и счастье, жизнь и смерть… Это воины-духи, ночью спустились с гор, услышали крик петуха и превратились в камни…» (цит. по: [Яо Инун, 2010]). Как поясняет со ссылкой на местную легенду Яо Инун, «это подземное воинство, не принадлежащее человеческому роду. Оно под землей получило приказ собираться в поход, и в ту же ночь совершило стремительный бросок. Но еще до того, как оно достигло цели, уже забрезжил рассвет, закричал петух, и тут же все огромное войско обратилось в камни. В это мгновение застыли они навечно».

Выдвинута гипотеза о связи данного жертвенника с культом древнего императора Шуня: земляной холм, возвышающийся рядом с памятником, считается могилой этого легендарного правителя. Кроме того, жители дер. Тяньгундунцунь принадлежат к родам Чэнь, Чжэн, Вэнь, Фань и Го, считают себя потомками Шуня и ежегодно совершают обряды в его честь. Возможна связь жертвенника с ритуалами народа *яо* [Тан Чжунъюн, 2010].

Список литературы

Лун Цзюнь. Чжуаньцзя поцзе Гуйцзайлин шисянчжи ми: гужэнь цзао шисян тицзуй (Специалисты раскрыли тайну каменных изваяний в Гуйцзайлин: древние люди изготовляли каменные статуи-«заместители») // Вэньхуа чжунго (источник: Гуанмин жибао). – 30.08.2010. – Кит. информ. портал под управлением Пресс-канцелярии Госсовета КНР. – URL:http://www.china.com.cn/culture/minsu/ 2010-08/30/content_20821322.htm (дата обращения 30.10.2012).

Тан Чжунъюн. Даосянь Гуйцзайлин шисян диюй фэньбу, сочу хуаньцзин, фэньци фэньлэй цзи цзячжи фэньси (Анализ территориального расположения, окружающей среды, периодизации, классификации и ценности каменных скульптурных изображений из Гуйцзайлин, уезд Даосянь) // Даочжоу ван (Новостной портал уезда Даосянь) / Управление памятников материальной культуры уезда Даосянь – 26.07.2010. – URL: http://www.425300.com/news/NewsShow-4482.html (дата обращения 03.11.2013).

Фань Есян, Лю Цзюнь. Тань ми Хунань Гуйцзайлин гудай шисянцюнь, маньшань «гуй цзай цзай» цзисы шуй (Раскрыть тайну скопления древних каменных изображений в Гуйцзайлин, пров. Хунань: кому приносили в жертву «чертенят», заполнивших горы?) // Синьвэнь чжунсинь – Чжунго ван [Новостной центр Кит. информ. портала под управлением Пресс-канцелярии Госсовета КНР]. – 20.08.2010. – URL: http://www.china.com.cn/news/txt/2010-08/20/content_20756945.htm (дата обращения 30.10.2012).

Яо Инун. Юнчжоу Гуйцзайлин шисянцюнь: букэ поидэ мими? (Скопление древних каменных изображений в Гуйцзайлин, г. Юнчжоу: тайна, которую нельзя раскрыть?) // Сян шэн бао. – 22.10.2010. – Хунань чжэнсе синьвэньван [Новостной портал НПКС пров. Хунань]. – URL: http://www.xiangshengbao.com/bencandy.php?fid-152-id-2809-page-1.htm (дата обращения 30.10.2012).

Over 5,000 pre-Qin statutes found in Hunan // Shanghai Daily. – 19.08.2010. – China.org.cn (Кит. информ. портал под управлением Пресс-канцелярии Госсовета КНР). – URL: http://www.china.org.cn/china/2010-08/19/content_20745500.htm (дата обращения 30.10.2012).

Statues older, more numerous than terracotta warriors found in Hunan // People's Daily Online. – 18.08.2010. – URL: http://english.peopledaily.com.cn/90001/90782/90873/7108783.html (дата обращения 30.10.2012).

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ЧУЙСКОГО ОТРЯДА НА АЛТАЕ В 2013 ГОДУ*

В полевой сезон 2013 г. Чуйский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН продолжил планомерные археологические разведочные работы в долине р. Чуи на территории Республики Алтай. Объектом исследования стали широко известные местонахождения петроглифов Калбак-Таш I и II. Наскальные рисунки пункта Калбак-Таш I нашли отражение в многочисленных статьях различных исследователей и в двух монографиях В.Д. Кубарева [Kubarev, Jacobson, 1996; Кубарев 2011], а петроглифы Калбак-Таша II, за исключением отдельных статей, не опубликованы.

Еще в 1991 г. В.Д. Кубарев обнаружил и предпринял сплошное копирование петроглифов местонахождения Калбак-Таш II. Однако монография об этом пункте наскального искусства не была написана. Таким образом, задачей работ на Калбак-Таше I явился мониторинг уже известных наскальных рисунков, а также поиск и копирование новых изображений. В рамках подготовки монографического издания петроглифов Калбак-Таша II при помощи GPS-приемника проводилось снятие географических координат границ отдельных участков местонахождения и наиболее ярких композиций с целью последующего нанесения их на карту и создания плана. Другой задачей стало копирование больших сцен граффити предтюркского и древнетюркского периодов, большая часть которых не была скопирована в 1991 г.

Даже после сплошного копирования и издания петроглифов того или иного пункта наскального искусства всегда остаются не учтенные и не опубликованные петроглифы. Иногда это происходит из-за полного покрытия их лишайниками [Миклашевич, Мухарева, 2011]. Некоторые петроглифы представляют собой тонкие гравированные рисунки, сложные для снятия копий и интерпретации. В результате проведенных работ на местонахождении Калбак-Таш I нами обнаружена небольшая группа неизвестных ранее гравированных рисунков древнетюркской эпохи. Они располагаются достаточно компактной группой на скалах северной око-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 13-06-00344).

нечности памятника – участке XV [Кубарев В.Д., 2011, рис. II]. Это – образы пронзенных стрелами оленей и козлов, парциальные, «бюстовые» изображения лося, фигуры стремительно бегущих оленей.

Наибольший интерес вызвала редкая для древнетюркской эпохи сцена терзания (рис. 1). На ней запечатлен кульминационный момент: два хищника, более всего похожие на волков, нападают с двух сторон на мелкое травоядное (?) животное. Техника резной гравировки позволила автору рисунка передать малейшие детали: оскаленные пасти хищников с рядами зубов и клыков, когтистые лапы. Очень реалистично изображены такие подробности, как прижатое к голове ухо одного хищника и складчатый, приподнятый при рычании кончик носа другого. Загнанный травоядный зверь больше всего похож на кабана, однако имеет непропорционально длинный нос и такие же уши. Один из хищников удерживает жертву когтистой лапой за грудь, а ее нос уже находится в клыкастой пасти.

Любопытно, что древний художник не показал целиком фигуры хищников, а сознательно использовал край скальной поверхности для того, чтобы их «обрезать», сосредоточив все внимание на кульминационном моменте. Сцену терзания в древнетюркских граффити Алтая можно назвать уникальной. Нам не известны какие-либо опубликованные аналогичные изображения. Однако пример «обрезания» фигур далеко не единственный. В долине р. Бураты, практически в месте ее выхода в Чуйскую степь, нами обнаружена и скопирована сцена боя двух воинов, показанных только по пояс [Кубарев В.Д. и др., 2005, с. 366]. Здесь тоже в технике граффити изображен кульминационный момент боя двух воинов, вооруженных копьями.

Возможно, подобная манера изображения как-то связана с т.н. «парциальными» или «бюстовыми» изображениями животных, в особенности лося. Такое изображение головы лося есть на одной плоскости в непосредственной близости от уже рассмотренной сцены терзания на памятнике Калбак-Таш I. Гравированные парциальные фигуры различных животных (в т.ч. лося) известны по петроглифам Жалгыз-Тебе в Чуйской степи [Кубарев В.Д., 2003, рис. 2].

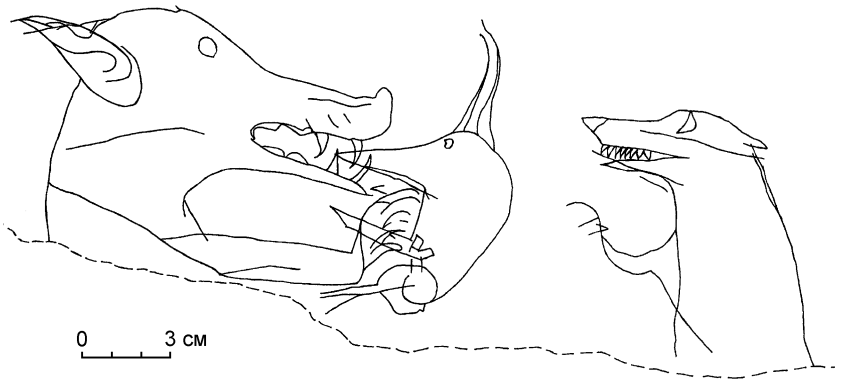


Рис. 1. Сцена терзания древнетюркской эпохи. Калбак-Таш I.

Рис. 2. Изображение лося. Калбак-Таш I.

На соседней со сценой терзания плоскости обнаружено и скопировано изображение лося (рис. 2). Оно является незаконченным, как будто эскизным, однако выполнено четкими уверенными линиями, с большим мастерством и реализмом. Круп лося и задняя нога не показаны. У животного характерная длинная и массивная голова, большая верхняя губа, нависающая над нижней, большие развесистые рога «лопатой». Из деталей многочисленными, параллельными резами обозначены глаз, ухо и шерсть. Изображение лося налегает на более раннюю выбитую фигуру лошади (?), а снизу есть незаконченная гравировка всадника на коне. Незавершенность некоторых линий или даже части изображения, их эскизность при высокой реалистичности – характерная черта древнетюркских граффити Алтая [Кубарев Г.В., 2004, рис. 4; Еркинова, Кубарев, 2004, рис. 3, *1,3*].

В наши дни ареал лося в северо-восточном Алтае ограничен: оба берега Телецкого озера, притоки Чулышмана, северный, лесной склон Курайского хребта. Надо думать, что и полторы тысячи лет назад зона обитания этого животного была примерно такой же. Поэтому не удивительно, что изображения лосей древнетюркской эпохи есть среди петроглифов Калбак-Таша и Чуйской степи, граничащей с Курайским хребтом. Хотя в древнетюркских граффити Алтая, как и в петроглифах более ранних эпох, образ лося значительно более редкий по сравнению с многочисленными изображениями оленей.

Как уже упоминалось, кроме снятия плана при помощи GPS-приемника на памятнике Калбак-Таш II нами проводилось копирование гравированных рисунков. Среди прочих была зафиксирована композиция на большой скальной поверхности (размеры 2×1,5 м). Она была сплошь покрыта гравировками. Доминирующей темой является охота: реалистичные олени в большом количестве, стреляющие из лука охотники, гипертрофированно большие, по сравнению с фигурами животных, стрелы, воспроизведенные едва ли не в натуральную величину. Многие изображения, как кажется, хаотично налегают друг на друга и, несомненно, оставлены разными художниками и в разное время. Судя по стилистическим особенностям, эти граффити нанесены в предтюркское время и в древнетюркскую эпоху. Во всяком случае, часть фигур животных выполнена в типичной «таштыкской» манере: с четырьмя ногами, согнутыми в коленях. Другие рисунки стилистически близки древнетюркским изображениям.

Важным открытием прошедшего полевого сезона стало обнаружение двух новых древнетюркских рунических надписей. Они найдены при осмотре петроглифов святилища Большой Яломан III, находящегося в урочище Уркош, недалеко от впадения р. Большой Яломан в р. Катунь (Онгудайский район Республики Алтай). Надписи выполнены на вертикальной скальной поверхности тонкими резами. В первой из них, имеющей две вертикальные строки, насчитывается около 28 знаков. Вторая надпись короткая: 7 знаков. На сегодняшний день на территории Алтая за всю историю изучения найдено около 90 рунических надписей [Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012, с. 16]. Каждая новая находка является большим научным открытием. Публикация найденных рунических надписей и их перевода предполагается осуществить в отдельной статье.

Кроме того, Чуйским отрядом проведен мониторинг уже известных археологических памятников – могильников в предгорной зоне Алтая, с целью возможного исследования в будущем.

Список литературы

Еркинова Р.М., Кубарев Г.В. Граффити Бичикту-Бома (из творческого наследия Г.И. Чороса-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Ин-та алтаистики, 2004. – Вып. 2. – С. 88–97.

Кубарев В.Д. Наскальное искусство Алтая. – Горно-Алтайск: АКИН, 2003. – 124 с.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев В.Д., Им Се Гвон, Сонг Хва Соб, Чанг Мёнг Су, Пак Гын Гунн, Ри Ха Ву, Кубарев Г.В., Хохлова О.Н., Ким Хо Сук, Банг Кук Чжин. Исследования Российско-корейской экспедиции на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 364–367.

Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Ин-та алтаистики, 2004. – Вып. 2. – С. 75–84.

Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новые петроглифы Калбак-Таша: к вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 233–246. – (Тр. САИПИ; вып. VII).

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских руническихпамятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2012. – 152 с.

Kubarev V.D., Jacobson E. Siberie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – T. V. 3. – F. 3. – Paris, 1996. – P. 45, Pl. 15, Fig. 662.

Г.В. Кубарев, Д.В. Поздняков

Институт археологии и этнографии СО РАН

РЕКОНСТРУКЦИЯ УПРЯЖИ КОНЯ ИЗ КУРГАНА 2 МОГИЛЬНИКА УЛАНДРЫК IV (из раскопок В.Д. Кубарева)*

Значение и информативность уникальных предметов из органики (дерева, кожи, ткани и др.), сохранившихся благодаря линзам вечной мерзлоты в пазырыкских курганах Алтая, сложно переоценить. К одному из наиболее ярких погребальных комплексов, исследованных В.Д. Кубаревым в долине р. Уландрык и содержащих многочисленные предметы из органики, принадлежит погребение кургана 2 в могильнике Уландрык IV. Материалы этого погребения в основном опубликованы в одной из монографий [Кубарев В.Д., 1987, с. 186–189, табл. LXXI–LXXV]. Однако большая часть артефактов осталась не отреставрированной, поэтому у исследователя не было возможности в полном объеме ввести материалы в научный оборот. Фиксация деталей и украшений снаряжения трех коней во время раскопок, надо думать, осложнялась их различной степенью сохранности, смещением костяков и их снаряжения под тяжестью грунта и каменной насыпи, возможным частичным смешением упряжи различных коней. Подобные факты хорошо известны по раскопкам других пазырыкских курганов, в т.ч. элитных [Грязнов, 1950, с. 24–40]. До сегодняшнего дня не известны форма, количество и комплектность деревянных блях или украшений из рассматриваемого уландрыкского погребения. Данная статья призвана восполнить пробел, являясь первым опытом интерпретации материалов на основе проведенной реставрации.

Особого внимания заслуживают сложносоставные предметы снаряжения коня, одежды и вооружения. Остановимся на реконструкции убранства одного из коней, обнаруженных в указанном погребении. В результате начатых реставрационных работ с фрагментами деревянных украшений и деталей узды удалось уточнить их количество, установить особенности и предложить реконструкцию наиболее сохранившегося уздечного набора.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-01-18027е «Реставрация, реконструкция и интерпретация археологических материалов из пазырыкских погребений Уландрыка (из раскопок В.Д. Кубарева в Горном Алтае)»).

В парном погребении мужчины и женщины кургана 2 могильника Уландрык IV обнаружены костяки трех коней, уложенных в северной части ямы, головой на восток, на брюхе, с поджатыми ногами. Если костяк верхнего коня под тяжестью грунта завалился на правый бок и частично на перекрытие сруба, то два других костяка оказались втиснуты в узкое пространство между срубом и северной стенкой ямы. Средний костяк, вероятно, принадлежал жеребенку. Костяк нижнего коня лежал в слое вечной мерзлоты.

У всех коней в челюстях сохранились железные кольчатые удила с деревянными псалиями (либо их фрагментами), остатки деревянных щитов из переплетенных кожаными ремешками деревянных палочек. Щиты первоначально были подвешены к седлам. Из других предметов конского снаряжения следует отметить роговую подпружную пряжку на костяке верхнего коня, деревянные седельные дуги и застежки от торочных ремней или пут двух нижних коней.

Деревянные предметы конской упряжи наилучшим образом сохранились на костяках двух нижних коней. На третьем (нижнем) костяке собрано наибольшее количество деревянных украшений узды. Они выполнены в виде двух симметричных, развернутых друг к другу голов грифов, между которыми заключен трилистник: вероятно, цветок в виде лотоса (рис. 1, *1, 2*). Деревянные украшения, имитирующие кабаньи клыки (16 шт.), и обломки деревянных блях прямоугольной формы найдены на груди и шее третьей лошади.

В результате начатых реставрационных работ удалось установить, что первоначальное количество подвесных деревянных блях в виде противопоставленных голов грифов, по меньшей мере, 20 шт. Они восстановлены полностью или частично. Эти бляхи представлены двумя вариантами, которые отличают разная трактовка и оформлением рогов (рис. 1, *1, 2*). По-видимому, они входили в убранство одного коня. Размеры блях значительны: 10×9,5 см. Первоначально их, вероятно, покрывала оловянная фольга, мелкие фрагменты которой сохранились на бляхах. Элементный анализ чешуек может подтвердить или опровергнуть наше предположение. Во всяком случае, оно выглядит вполне вероятным, учитывая украшение уздечных блях из других пазырыкских погребений преимущественно оловянной фольгой и только отдельных ее элементов – фольгой из золота [Грязнов, 1950, с. 24–40; Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012, с. 201].

В один комплект с уздечными бляхами входят деревянные псалии с головами грифа и кошачьего хищника на окончаниях (рис. 1, *3*), а также развилки, орнаментированные полосами (рис. 1, *4*). Орнаментация последних, возможно, имитирует «гармонику» из нанизанного гофрированного ремня, использовавшуюся для украшения развилок из кожаных ремней [Руденко, 1953, с. 158–159, рис. 97, 98]. Любопытно, что в уздечный набор входит одна бляха с противопоставленными грифами, изогнутая под небольшим углом. Это не деформация деревянного украшения в условиях погребения, как могло бы показаться, а намеренное изготовление

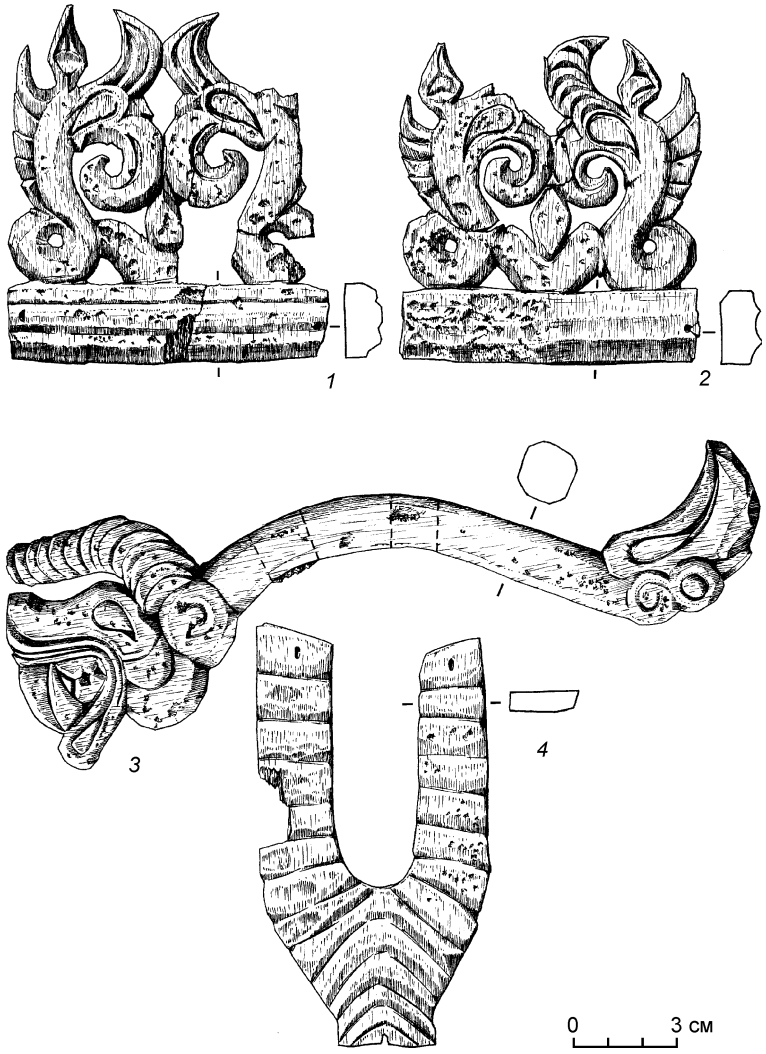


Рис. 1. Основные детали, украшавшие снаряжение третьего (нижнего) коня. Уландрык IV, курган 2.

изогнутого экземпляра. Несомненно, такая бляха располагалась в центре ремня переносья, повторяла анатомическую линию носовой кости коня и обеспечивала ее лучшее прилегание. Примеры подобных изогнутых блях есть среди целых сохранившихся уздечных наборов из Пазырыка [Руденко, 1953, табл. XXXIV, *1*; XL, *1*; XLIII].

Другие деревянные украшения, тоже выполненные в виде симметрично расположенных голов грифов, заметно отличаются от вышеописанных блях и принадлежал к уздечному набору другого коня. Их характерные

детали: отсутствие рога и хохолка, круглые глаза и уши (на уже рассмотренных бляхах они выполнены в виде «запятых»). К сожалению, украшения сохранились лишь фрагментарно, ни один целый экземпляр пока не восстановлен. Этому уздечному набору соответствуют фрагменты других деревянных псалий. Их окончания увенчаны головкой грифа, стилистически очень близкой изображениям на уздечных бляхах: с круглым глазом и ухом.

Конструкция пазырыкской узды хорошо известна по многочисленным хорошо сохранившимся экземплярам из элитных погребений [Грязнов, 1950, с. 24–40, 54–57; Руденко, 1953, табл. XXXIV, XL, XLIII и др.]. Она достаточно консервативна, чего не скажешь о ее художественном оформлении. Деревянные уздечные бляхи и бляхи седельных ремней декорированы растительным орнаментом, яркими зооморфными и даже антропоморфными образами или их сочетанием [Грязнов, 1950, с. 24–40; Руденко, 1953, табл. XXXIV, XL, XLIII и др.].

Деревянные бляхи в виде противопоставленных голов грифов из Уландрыка (рис. 1, *1, 2*), как отмечал еще В.Д. Кубарев, практически не имеют точных аналогов среди материалов из курганов знати Пазырыка, Башадара, Туяхты и др. [Кубарев В.Д., 1987, с. 37]. Однако образ грифа был чрезвычайно популярен у пазырыкцев. Тем не менее, в этом же погребении Уландрыка найден обломок бляшки, композиционно близкий и представляющий вариацию на эту же тему [Кубарев В.Д., 1987, рис. 3, *8*]. В нескольких погребениях юго-восточного Алтая тоже обнаружены уздечные бляшки с противопоставленными головами грифов: Ташанта II, курган 2 [Кубарев В.Д., 1987, табл. XC, *4*]; Юстыд XII, курган 19 [Кубарев В.Д., 1991, табл. XLV, *3*]; Уландрык I, курган 14 [Кубарев В.Д., 1987, табл. XXXII, *4*]. В последнем случае изображение на бляхах предельно стилизовано: угадывается только контур грифонов. Наиболее близки уландрыкским изделиям уздечные бляхи из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1 [Полосьмак, 2001, рис. 25]. Несколько иная трактовка образа грифа представлена в изображениях на уздечных бляхах из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 [Полосьмак, 2001, рис. 54] на Укоке и кургана 1 могильника Олон-Курин-гол-10 [Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012, рис. 59] в Монгольском Алтае.

Украшение окончаний деревянных псалий головами кошачьего хищника и грифа встречается не так уж часто в пазырыкских материалах [Руденко, 1953, табл. LVI, 3]. Их воплощение на уландрыкских экземплярах отличается индивидуальностью и мастерством. Как уже упоминалось, в конское снаряжение входило 16 украшений-имитаций в виде кабаньих клыков. Они достаточно большие: длина около 10 см. При этом четыре из них отличаются большой изогнутостью. Подобные украшения упряжи коня встречены в большинстве пазырыкских погребений юго-восточного Алтая: Уландрык I, курганы 3, 14 и 15; Уландрык III, курган 1; Ташаната I, курган 1; Ташанта II, курган 1 [Кубарев В.Д., 1987, табл. XXXI, XXXII, XXXIV и др.]; Юстыд XII, курганы 10, 19, 21, 23, 25 и 26 [Кубарев В.Д.,

Рис. 2. Реконструкция снаряжения третьего (нижнего) коня. Уландрык IV, курган 2.

1991, табл. XXIX, L, LII, LV и др.]; Барбургазы I, курган 30 [Кубарев В.Д., 1992, табл. XXXVI]. Они являются частой находкой в составе конского снаряжения во многих других пазырыкских погребениях Алтая, поэтому дальнейшее перечисление аналогов лишено смысла. Такие украшения в основном использовались на седельном нагрудном ремне, реже – на уздечных ремнях или маске лошади.

Учитывая наличие псалий и развилок, а также количество блях, украшавших снаряжение третьего (нижнего) коня из рассматриваемого уландрыкского погребения, а также сопоставляя их с уже известными и дошедшими до нас полными наборами конского снаряжения из пазырыкских курганов Алтая, можно предложить реконструкцию убранства верхового коня из Уландрыка (рис. 2). Вместе с тем, хотелось бы отметить, что реставрационные работы продолжаются, как продолжается и дальнейшее изучение фотоархива В.Д. Кубарева. Не исключена корректировка реконструкции снаряжения коней из уландрыкского кургана.

Список литературы

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 91 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 304 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: Триумф-принт, 2012. – 565 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., 120 табл.

Я.В. Кузьмин[1], О.В. Софейков[2], И.Д. Зольников[1, 3], Д.А. Чупина[1], О.И. Новикова[3, 4], А.В. Никулина[3], Д.Е. Ануфриев[5]

[1]Институт геологии и минералогии СО РАН
[2]Новосибирское городское юридическое агентство
[3]Новосибирский государственный университет
[4]Институт археологии и этнографии СО РАН
[5]Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области

ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ) В 2013 ГОДУ*

В 2013 г. продолжалось изучение адаптации древнего человека к обстановкам природной среды Барабинской лесостепи на основе технологий геоинформационных систем (ГИС), начатое в 2012 г. [Кузьмин и др., 2012]. Работы проводились в Чановском, Барабинском, Куйбышевском и Здвинском районах Новосибирской обл. Фактическим материалом послужили опубликованные своды археологических памятников двух районов области [Молодин, Новиков, Софейков, 2000; Молодин, Соловьев и др., 2011], а также архивные материалы НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области и Новосибирского городского юридического агентства. Обследовались, прежде всего, те объекты, для которых известна хронологическая принадлежность; в поле определялись GPS координаты и геоморфологическая ситуация. С помощью анализа ГИС-методами цифровой модели рельефа SRTM до начала полевых работ была построена геоморфологическая схема исследованного района (рис. 1).

Исследованный участок в геоморфологическом отношении является частью Барабинской слабоволнистой гривно-озерной равнины [Земцов и др., 1988]. В пределах изученной в 2013 г. территории можно выделить два района: 1) северный, приуроченный к долине р. Оми и ее притоков, и окружающие ее водораздельные поверхности; 2) южный, включающий берега озер Чаны, Сартлан, Урюм, Тандово и др., водораздельные пространства между ними, а также долины рек Каргат и Чулым.

В северном районе в пределах долины р. Оми выделяются пойма (высота до 2–2,5 м над урезом) и первая надпойменная терраса (высота до 5–7 м); в долинах малых рек (Кама и др.) выделяются пойма (высота до 1–1,5 м) и первая надпойменная терраса (высота 2–3 м). Долина р. Оми имеет хорошо выраженное чётковидное строение – чередование озеровидных расширений («займищ») и сравнительно узких участков. Значительные участки (особенно в окрестностях оз. Бол. Казатово) представляют

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 12-06-00045.

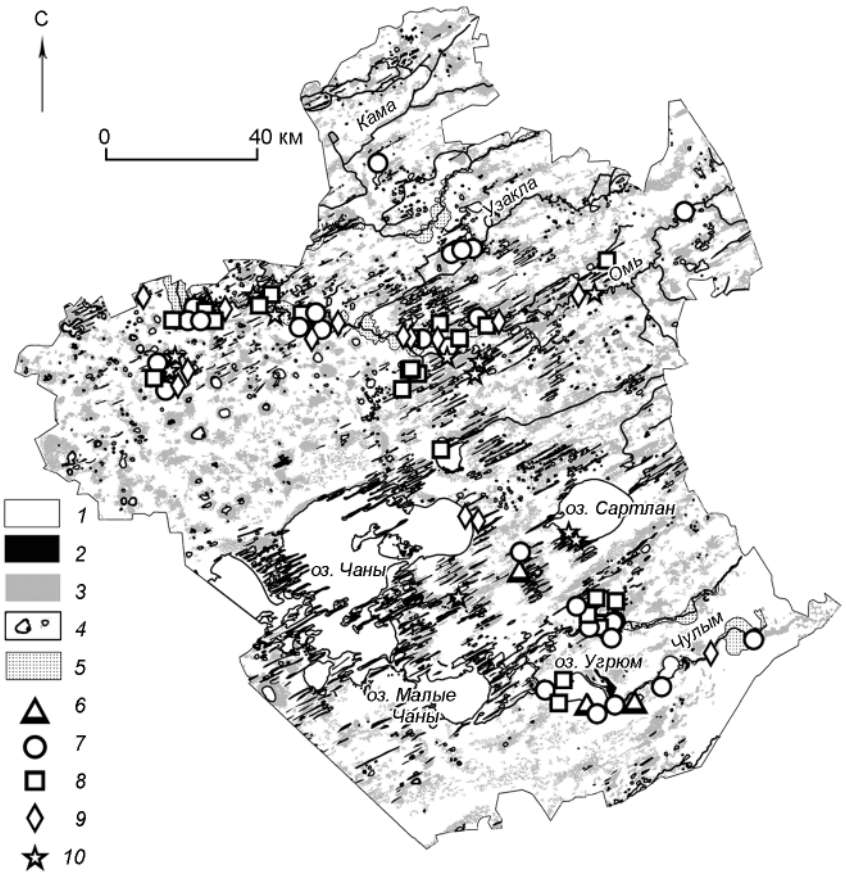


Рис. 1. Геоморфологическая схема района работ 2013 г. и положение археологических памятников.

Типы рельефа: *1* – слаборасчлененная водораздельная поверхность; *2* – гривы; *3* – озеровидные и межгривные понижения; *4* – современные озера; *5* – долинный комплекс (пойма и надпойменная терраса).

Археологические памятники: *6* – неолит; *7* – бронзовый век; *8* – железный век; *9* – раннее средневековье; *10* – позднее средневековье.

собой плоские водоразделы, частично заболоченные. Наиболее высокие отметки заняты гривами (рис. 1).

В южном районе рельеф в целом менее расчлененный, чем в северном. Общим фоном здесь являются уплощенные водоразделы, наивысшие точки которых занимают гривы. Межгривные понижения, а также участки, прилегающие к крупным озерам, часто заболочены. Долины рек Каргата и Чулыма слабо врезаны в водораздельную поверхность и практически не имеют террас (рис. 1); хорошо выражен лишь уровень пойменной аккумуляции (высота до 1,5–2,0 м над меженным уровнем воды).

В 2013 г. было обследовано ок. 100 археологических объектов неолита, бронзового века, железного века и средневековья (для многослойных памятников каждый культурный компонент является отдельным объектом). Установлено, что в северном районе подавляющая часть памятников приурочена к водораздельному типу рельефа – гривам и контакту водораздельного пространства с долинным рельефом (рис. 1). При этом некоторые объекты (Преображенка-3, -6) находятся на сниженной водораздельной поверхности, сложенной субаэральными осадками, близ тылового шва надпойменной террасы [Зольников и др., 2008]. Ряд памятников (Шубинское Озеро-1; Казатово-1, -5, -7, -8) занимает плоские водоразделы, в настоящее время слабо заболоченные. Лишь единичные объекты (Преображенка-2) располагаются на поверхности надпойменной террасы (высотой до 5 м).

В южном районе большая группа памятников (в основном курганные могильники) находится на вершинах и склонах грив; также обычной является позиция на плоском водоразделе. Отдельные памятники (Чича-5) расположены в межгривных понижениях. Некоторые объекты (Каргат-4, -6) находятся очень низко по отношению к современному уровню рек (не выше 1,5–2,0 м), однако наличие котлованов жилищ говорит о том, что они не затапливались при половодьях – по крайней мере в то время, когда на них проживали древние люди. Единичные памятники (Михайловка-5, близ оз. Урюм) занимают древнюю озерную поверхность, на высоте 1,5–2,0 м над современным уровнем озера (см. также [Молодин, Новиков, Софейков, 2000, с. 83]).

Полученные в 2013 г. данные послужат основой для выполнения основной цели проекта – изучения адаптации древнего населения к природным условиям на основе пространственно-временнóго анализа археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи. Однако уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы, касающиеся природной обстановки системы озер Чаны, Малые Чаны, Урюм, Сартлан и Саргуль, а также территории между ними. На основании изучения палеогеографии Барабинской лесостепи [Орлова, 1990; Зыкин, Зыкина, 2009] сделан вывод о том, что уровень оз. Чаны и других крупных водоемов Барабы в позднеледниковье и в раннем голоцене (13,0–6,5 тыс. л.н.) был ниже современного. В среднем – позднем голоцене (6000–250 л.н.), по данным ряда авторов [Орлова, 1990; Зыкин, Зыкина, 2009, с. 80–81], Чановская озерная система была в целом больше современной, с максимальным превышением зеркала воды в отдельные отрезки времени до 3–4 м над сегодняшним уровнем, т. е. до абсолютной отметки около 110 м.

Наши данные позволяют подойти к оценке достоверности этих выводов с точки зрения геоархеологии. Получив на основе цифровой модели рельефа SRTM [Кузьмин и др., 2012] положение горизонтали 110 м (рис. 2), мы установили, что в пределы гипотетического водоема попадает не только территория между современными озерами Сартлан и Малые Чаны [Орлова, 1990, с. 81], но и обширные пространства в бассейне

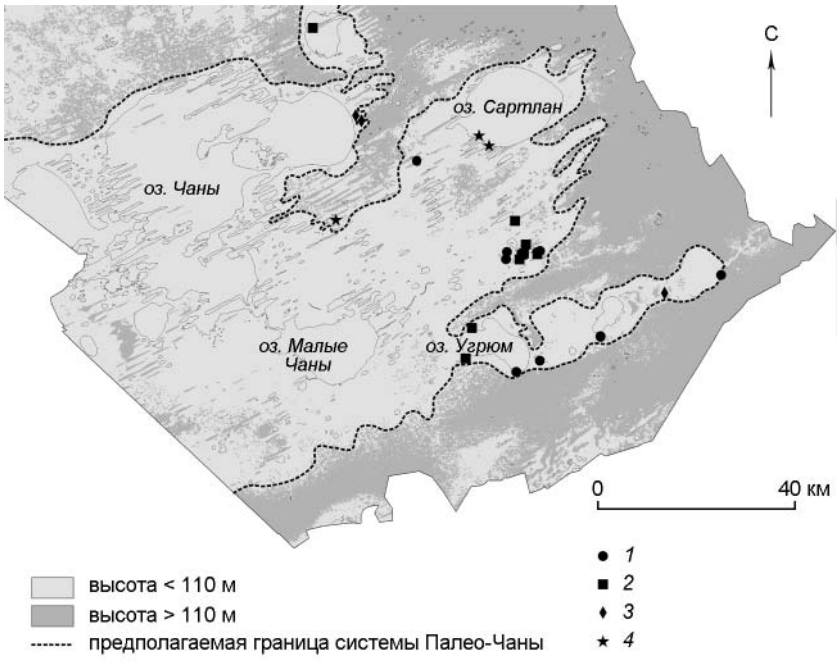


Рис. 2. Положение предполагаемой береговой линии системы Палео-Чаны по отметке 110 м [Орлова, 1990; Зыкин, Зыкина, 2009] и позиция археологических памятников (*1* – бронзовый век; *2* – железный век; *3* – раннее средневековье; *4* – позднее средневековье).

р. Каргат, включая озера Урюм и Саргуль (рис. 2). В пределах водоема, который можно назвать *Палео-Чаны*, находится целый ряд археологических памятников различного возраста – в основном бронзового века и эпохи раннего железа. Возраст этих культурных комплексов Барабы можно определить как ок. 4200–2800 л.н. для бронзового века [Молодин, Марченко и др., 2010; Molodin et al., 2012], и ок. 2800–1600 л.н. для эпохи железа [Молодин, Савинов и др., 1988].

Хотя некоторые памятники находятся на вершинах и склонах грив в пределах возможного затапливаемого пространства (например, Новогребенщиково-1, -2; Сивково-1, Чича-1, Здвинск-1 и др.), и вполне могли существовать в условиях более высокого уровня системы Палео-Чаны, целый ряд объектов располагаются на дне гипотетического водоема (например, Михайловка-5, Каргат-4, Каргат-6, Чулым-1, Нижний Чулым-1, Саргуль-2, Урюм-2, Верх-Урюм-1) (рис. 2).

Принимая во внимание, что интервал существования этих памятников можно оценить как 4000–1600 л.н., возникает вопрос о том, возможно ли было сколько-нибудь долговременное затопление этой территории Палео-Чанами в позднем голоцене, а если возможно, то когда?

Полученные нами в 2013 г. данные требуют дальнейшего анализа, однако уже сейчас становится очевидным, что весьма большие размеры системы озер Палео-Чаны, которые реконструировались ранее [Орлова, 1990; Зыкин, Зыкина, 2009], нуждаются в более аргументированном геологическом и геохронологическом обосновании.

Список литературы

Земцов А.А., Мизеров Б.В., Николаев В.А., Суходровский В.Л., Белецкая Н.П., Гриценко А.Г., Пилькевич И.В., Синельников Д.А. Рельеф Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1988. – 192 с.

Зольников И.Д., Кузьмин Я.В., Чемякина М.А., Новикова О.И. Геоархеологические наблюдения в центральной части Барабинской равнины летом 2008 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 160–163.

Зыкин В.С., Зыкина В.С. Проблемы расчленения и корреляции четвертичных отложений юга Западной Сибири // Бюлл. комиссии по изуч. четвертич. периода. – 2009. – № 69. – С. 71–84.

Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Софейков О.В., Новикова О.И., Глушкова Н.В., Чупина Д.А., Ануфриев Д.Е. Результаты геоархеологических исследований в Венгеровском районе Новосибирской области в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII.– С. 201–205.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 240–246.

Молодин В.И., Новиков А.В., Софейков О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 2000. – 224 с.

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров А.И., Бородовский А.П., Новиков А.В., Ким А.Р., Чикишева Т.А., Беланов П.И. Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И., Чемякина М.А., Сумин В.А., Ануфриев Д.Е., Евтеева Е.М., Князев А.О., Кравченко Е.В. Археологические памятники Чановского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия; ИАЭТ СО РАН, 2011. – 258 с.

Орлова Л.А. Голоцен Барабы (стратиграфия и радиоуглеродная хронология). – Новосибирск: Наука, 1990. – 128 с.

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., Van Strydonck M., Orlova L.A. ^{14}C chronology of burial grounds of the Andronovo period (middle Bronze Age) in Baraba forest steppe, Western Siberia // Radiocarbon. – 2012. – Vol. 54. – № 3/4. – P. 737–747.

В.Е. Ларичев[1], Е.Г. Гиенко[2], С.А. Паршиков[2]

[1]*Институт археологии и этнографии СО РАН*
[2]*Сибирская государственная геодезическая академия*

САРАТСКИЙ СУНДУК: АСТРОКОМПЛЕКС НАБЛЮДЕНИЯ ВОСХОДА СОЛНЦА В ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ И СЕМАНТИКА СВЯЗАННЫХ С НИМ ПЕТРОГЛИФОВ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА СЕВЕРНОЙ ХАКАСИИ

Структуры астросвятилища и астрономической обсерватории окуневской культуры Саратский Сундук примечательны очевидной связью обнаруженных в границах памятника наскальных рисунков с астрономически значимыми точками горизонта. Окуневская личина определяла место захода Солнца в дни летнего солнцестояния, композиция из окуневской личины и двух антропоморфных фигур – линию небесного меридиана, а антропоморф – зону восхода низкой зимней Луны в дни полнолуния [Ларичев и др., 2011; 2013]. Объективные, основанные на четко обоснованных календарно-астрономических фактах сведения открыли благоприятную перспективу для доказательной (*естественнонаучного уровня достоверности*) интерпретации наскальных изображений, а с нею определили начало избавления искусствоведения эпохи палеометалла от субъективных семантических оценок. Осознание неоднократно замеченного, информационно ценного аспекта превратилось в сигнал необходимости перемен в методике изучения петроглифов на плоскостях скальных храмов юга Сибири. Предъявим очередной факт правильности изложенного.

Объекты исследования. Постановка проблемы и программная цель астроархеологически ориентированного поиска. При детальном обследовании юго-восточной зоны подножия вершины Саратского Сундука, расположенной вне пространства святилища, ограниченного северным и южным валами, обратили на себя внимание структуры, функциональное назначение которых не увязывалось с астрономическими объектами центрального пространства вары. К ним относились:

1) значительного размера конструкция из вертикально, наклонно и горизонтально размещенных плит (рис. 1). Вблизи этого сооружения уложена массивная подпрямоугольная плита, пространственно обособленная часть комплекса. О неординарном назначении структуры свидетельствуют изображения лосей, выбитые на широкой плоскости одной из плит конструкции (рис. 2);

2) четко просматривающиеся на северо-восточном горизонте верхушки песчаниковых плит и блоков вала, который отгораживает юго-восточную зону подножия вершины (см. рис. 1) от северо-восточной.

Рис. 1. Конструкции из плит юго-восточного комплекса, определяющие астрономически значимые направления.

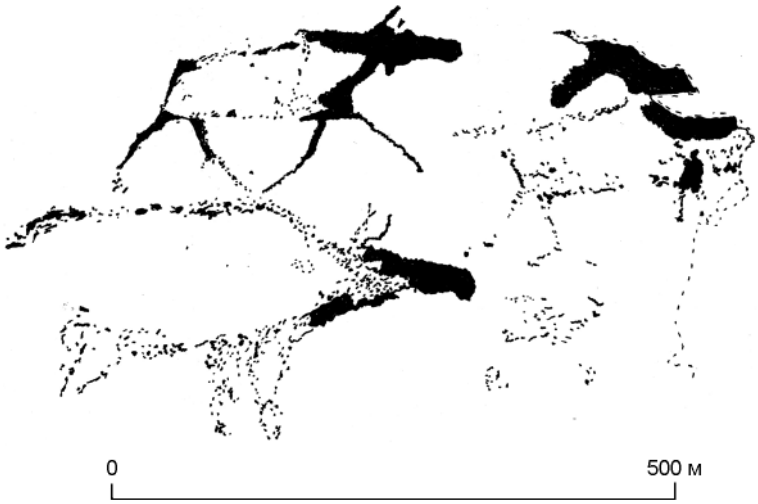


Рис. 2. Композиция из пяти фигур лосей на плите одной из конструкций юго-восточного астрокомплекса.

Предстояло выяснить назначение каждой структуры, а в случае с первой из них, ко всему прочему, попытаться интерпретировать смысловой контекст изображений лосей. В заключение следовало определить время и культурную принадлежность всего комплекса юго-восточной зоны вершины Сундука.

Методические установки поиска и результаты их использования. По ходу решения реконструктивных задач изучения периферийного объекта (топографическая съемка участка размещения его структур и определение высоты северного и северо-восточного участков горизонта) выяснилось следующее.

Плита с изображениями лосей определяла направление восхода Солнца в дни зимнего солнцестояния при наблюдении с выделенной астроплощадки (ее описание см.: [Ларичев и др., 2011; 2013]), фиксировала время завершения *осеннего астрономического сезона*, начало *зимнего астрономического сезона* и смещение точек восхода дневного светила на север, в сторону небесного экватора.

Кроме того, строго на *астрономический Восток* (с точностью 1 градус) от данной плиты располагался хорошо просматривающийся разрыв в валу юго-восточной части подножия вершины.

Плита с изображением лосей установлена в полутора метрах *к востоку от линии меридиана*, разделяющей весь комплекс на две примерно равные части – восточную и западную. Между крайними точками направления нет прямой видимости, а значит, древние устроители комплекса умели выполнять задачу передачи направления постепенно, от одной точки к другой.

Плита с изображением лосей не случайно установлена именно в крайней южной части комплекса (отмечая самую южную точку восхода Солнца), а также к востоку от линии меридиана.

Реконструкция смыслового контекста изображений лосей. Композиции из фигур лосей появились на юге Западной Сибири позже этапа расцвета окуневской культуры. Они представляют художественную традицию иного этноса – культур *горно-таежной зоны северных регионов Сибири*. Это обстоятельство позволяет оценить «периферийный» объект святилища Саратский Сундук как свидетельство проникновения на территорию северной Хакасии племен таежно-тундрового Севера или показатель первых контактов их с окуневцами (фигуры лосей на стелах перекрывают контуры истинно окуневских изображений). Композиция включает двух крупных животных, которые двигаются в сторону юго-востока, где наблюдаются *восходы зимнего Солнца и полной летней Луны,* и трех других – навстречу им, в противоположную сторону, на северо-запад, где наблюдаются *заходы летнего Солнца и зимней полной Луны*. Поскольку зимнее солнцестояние определяет рубеж перехода от осеннего астрономического сезона к зимнему, то резонно предположить, что композиция из пяти фигур лосей на плите первой структуры астрокомплекса призвана отразить обстоятельства «пребывания» дневного светила в «Нижнем (южном) мире» Вселенной в полугодие суток осени и зимы. В этой связи видится примечательным *увеличение количества животных в правой части композиции*, в особенности наличие среди них *фигуры малого размера:* по-видимому, новорожденного лосенка. Если так, то последний, с наибольшей вероятностью, *символизировал «новое время», новогодие, начало которого, видимо, определяли сутки зимнего солнцеворота*.

Итоги. Юго-восточный комплекс святилища Саратски Сундук свидетельствует о сохранении традиции наблюдения дневного светила в период появления в Июсской котловине представителей таежных культур севера Западной и Средней Сибири. Перемещения Солнца в «нижней» сфере Мира осмысливались ими *протонаучно, календарно-астрономически и в рамках астральной мифологии обитателей тайги, у которых лось и олень* играли первостепенную роль в мировоззренческих постулатах неолита, палеометалла и средневековья.

Список литературы

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А. Саратский Сундук – астрономическая обсерватория и астросвятилище окуневской культуры (к проблеме функционального назначения «крепостей» долины Белого Июса) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XXVII. – С. 176–181.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А. Наблюдательная астрономия и системы счисления времени бронзового века Северной Хакасии (к проблеме астрального характера религии жречества окуневской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2013. – Вып. VI. – С. 120–146.

Ж.В. Марченко[1], В.С. Панов[1], Л.А. Орлова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт геологии и минералогии СО РАН

НАЧАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПО ДАТИРОВАНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ГОЛОЦЕНА НА УМС В ЦКП СО РАН «ГЕОХРОНОЛОГИЯ КАЙНОЗОЯ»: экспериментальные ^{14}C-даты и сравнительный анализ данных*

Работа ЦКП «Геохронология кайнозоя» началась в 2007 г. Тогда же была создана Лаборатория пробподготовки образцов для датирования и произведена сборка, наладка и запуск оборудования ускорительного масс-спектрометра – УМС (accelerator mass-spectrometry, AMS)**. С 2008 г. в Центре начаты экспериментальные работы по датированию органических (уголь, кость, древесина) и неорганических материалов (седименты, карбонаты, раковины моллюсков) из археологических памятников и из природных объектов. Некоторые тестовые результаты для периода позднего плейстоцена подтверждают ожидания исследователя [Глушенко, 2013, с. 123]. Также апробация экспериментальных данных прошла на материалах скифской эпохи [Бородовский, 2013, с. 79]. Однако отсутствие анализа самих дат (в т.ч. калибровки) делает их использование затруднительным. Первые результаты, полученные для памятников эпохи голоцена, на наш взгляд, имеют меньшую информативную ценность по сравнению с данными по плейстоценовым объектам. Описание результатов датирования голоценовых объектов и является целью публикации.

Экспериментальное датирование на УМС осуществлялось на материалах памятников эпохи бронзы Барабинской лесостепи. С целью контроля результатов был использован принцип сравнительного датирования – измерение возраста одних и тех же образцов в разных радиоуглеродных центрах.

Направление по экспериментальному датированию совпало с программой систематического серийного ^{14}C-датирования памятников эпохи бронзы юга Западной Сибири (с 2007 г.; см. напр.: [Молодин и др., 2010; Molodin et al., 2012]). Здесь для построения радиоуглеродной культурно-

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12022-о-фи-м и Интеграционного проекта СО РАН № 107.

**Авторы выражают благодарность за выполнение измерений на УМС коллективу ИЯФ СО РАН под руководством чл.-кор. РАН В.В. Пархомчука; д-ру ист. наук В.Н. Зенину и канд. ист. наук А.Е. Гришину за участие в обсуждении результатов.

хронологической шкалы в качестве полигона были выбраны материалы из погребений. Практически все захоронения не нарушены. Материал – кость человека, иногда – кость животного (сопроводительная пища). Основным центром для измерения возраста органических остатков в рамках программы серийного датирования являлась Лаборатория геологии и палеоклиматологии кайнозоя ИГМ СО РАН. Здесь, начиная с 2007 г., выполнено более 160 определений возраста для комплексов эпохи неолита и бронзы. Для ряда памятников и культур эти результаты были проверены в других центрах* (в т.ч. и на других материалах – биоапатитах) и хорошо согласуются [Там же]. Таким образом, ^{14}C-определения Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя ИГМ СО РАН являются надежной контрольной основой для сопоставления измерений УМС в ЦКП «Геохронология кайнозоя».

Для экспериментального датирования на УМС было выбрано 9 образцов из 5 некрополей эпохи раннего металла – ранней бронзы, изученных, начиная с 1980-х гг. В.И. Молодиным [2001]. Могильники принадлежат усть-тартасской культуре эпохи раннего металла (Крючное-6, Гришкина Заимка) и культурам эпохи ранней бронзы – одиновской (Преображенка-6) и кротовской (Камыши-1, Сопка-2/4Б). Все анализируемые комплексы имеют точную культурную привязку и определенное положение в системе периодизации культур юга Западной Сибири (см. *таблицу*).

Восемь антропологических образцов (бедренная кость) были отобраны и переданы для анализа в ИГМ СО РАН (SOAN-). Затем из этих образцов специалистами из Лаборатории пробподготовки ЦКП «Геохронология кайнозоя» были отобраны пробы для датирования на УМС (NSKA-). Такая процедура полностью исключает вероятность «подмены» образца. Кроме того, 4 образца (другая бедренная кость индивидуума) из этих захоронений были переданы на датирование в Радиоуглеродную лабораторию ИИМК РАН (Санкт-Петербург, Le-). Для могильника Преображенка-6 по двум погребениям одиновской культуры ранее были получены две согласные друг другу даты в разных радиоуглеродных центрах (см. *таблицу*), что и определяло возраст могильника. Поэтому в данном случае для сравнительного анализа была возможность выбрать материал из другого одиновского захоронения данного некрополя.

Все даты были прокалиброваны в программе OxCal_3.10 [Reimer et al., 2004]. Помимо уточнения реального возраста это давало возможность оценить в рамках доверительных интервалов (± 1 и 2 сигма) соответствие экспериментальных результатов контрольным измерениям (см. *таблицу*). Здесь важно отметить, что результаты пересчета программой OxCal в настоящее время являются сильно приближенными, поскольку, в отличие от аттестованных AMS, УМС СО РАН не позволяет вносить поправку на стабильные изотопы. Такая поправка может достигать 400–500 лет для образцов, возрастом до 10000 лет [Stuiver, Polach, 1977]. Тем не менее,

---

*Санкт-Петербург (Россия), Берлин (ФРГ), Киль (ФРГ), Брюссель (Бельгия), Тусон (США).

Радиоуглеродные и калиброванные даты из памятников Барабинской лесостепи

Памятник	Комплекс	Данные УМС ЦКП «Геохронология Кайнозоя»			
		Шифр	^{14}C-дата, л.н.	Калиброванная дата, лет до н.э.	
				± 1 сигма	± 2 сигма
Преображенка-6	п. 56	NSKA-(s634)*	3865±257	2850 (1,2 %) 2800 2700 (67,0 %) 1950	3100 (95,4 %) 1600
Камыши-1	к.1, п. 3, ск. Б	**NSKA-(s187)**	**3748±226**	2500 (68,2 %) 1800	2900 (95,4 %) 1600
	к. 1, п. 2, ск. А	**NSKA-(s188)**	**2765±205**	1300 (67,3 %) 750 700 (0,9 %) 650	1450 (95,4 %) 400
	к. 2, п. 1, ск. 2	**NSKA-(s192)**	**2555±205**	900 (68,2 %) 400	1300 (95,4 %) 100
Крючное-6	п. 19, ск. А	**NSKA-(s193)**	**5237±240**	4350 (68,2 %) 3750	4600 (95,4 %) 3500
Гришкина Заимка	к. 2, п. 4	**NSKA-(s194)**	**4171±228**	3100 (68,2 %) 2400	3500 (95,4 %) 2000
Сопка-2/4Б	п. 230	**NSKA-(s467)**	**4144±218**	3050 (68,2 %) 2300	3400 (95,4 %) 2100
	п. 468	**NSKA-(s479)**	**4188±203**	3100 (68,2 %) 2450	3400 (95,4 %) 2200
	п. 491	**NSKA-(s190)**	**3621±224**	2300 (68,2 %) 1650	2700 (95,4 %) 1400

Окончание таблицы

Памятник	Другие данные			
	Шифр	^{14}C-дата, л.н.	Калиброванная дата, лет до н.э.	
			± 1 сигма	± 2 сигма
Преображенка-6	SOAN-7234	3765±65	2290 (55,8 %) 2120	2460 (5,6 %) 2360
			2090 (12,4 %) 2040	2350 (88,7 %) 2010
				2000 (1,1 %) 1970
	Bln-5842L+ Bln-5904LI	3745 ± 27	2210 (58,0 %) 2130	2280 (4,5 %) 2250
			2080 (10,2 %) 2060	2210 (66,1 %) 2110
				2100 (24,8 %) 2030

Камыши-1	Le-9089	3010±270	1550 (68,2 %) 850	2000 (95,4 %) 500
	SOAN-8282	**3395±35**	1740 (68,2 %) 1630	1870 (2,0 %) 1840
				1780 (93,4 %) 1600
	SOAN-8281	**3405±45**	1750 (68,2 %) 1630	1880 (94,1 %) 1600
				1570 (1,3 %) 1530
	Le-9090	4470±430	3700 (68,2 %) 2500	4300 (95,4 %) 1900
	SOAN-8283	**3325±65**	1690 (68,2 %) 1520	1750 (95,4 %) 1450
Крючное-6	**SOAN-8284**	**6050±95**	5200 (3,2 %) 5170	5220 (95,4 %) 4720
			5070 (65,0 %) 4800	
	Le-9088	5770±200	4840 (62,4 %) 4440	5250 (95,4 %) 4200
			4430 (5,8 %) 4370	
Гришкина Заимка	Le-9087	5170±290	4350 (68,2 %) 3650	4700 (95,4 %) 3300
	SOAN-8285	**4980± 85**	3930 (15,8 %) 3870	3960 (95,4 %) 3640
			3810 (52,4 %) 3650	
Сопка-2/4Б	**SOAN-8266**	**4095±60**	2860 (15,2 %) 2810	2880 (86,8 %) 2550
			2750 (7,6 %) 2720	
			2700 (43,8 %) 2570	2540 (8,6 %) 2490
			2520 (1,6 %) 2500	
	SOAN-8270	**4010±45**	2575 (68,2 %) 2470	2840 (2,0 %) 2810
				2670 (93,4 %) 2450
	SOAN-8271	**4120±90**	2870 (17,0 %) 2800	2900 (95,4 %) 2470
			2780 (51,2 %) 2570	

*Образец – кость животного, остальные – кость человека.

Примечание. Жирным шрифтом отмечены даты, полученные по одному образцу; к. – курган, п. – погребение, ск. – скелет.

учитывая приближенность результата, сравнение данных для памятников эпохи бронзы без использования калибровки в настоящее время невозможно (см. напр.: [Reimer et al., 2004]).

Сравнительный анализ измерений образцов, выполненных в ИГМ СО РАН, с результатами других центров (Берлин, Bln-; Санкт-Петербург, Le-) выявил практически во всех случаях схожесть результатов как по ±1 сигма (SOAN-7234 и Bln-5842L+Bln-5904LI; Le-9088 и SOAN-8284; Le-9087 и SOAN-8285), так и по ± 2 сигма (Le-9089 и SOAN-8282). Только в одном случае дата Le-9090 была сильно удревнена*, что не соответствовало ни археологическим реалиям, ни остальным четырем ^{14}C-определениям для памятника кротовской культуры – в рамках XIX–XVII вв. до н.э. (см. *таблицу, рисунок*).

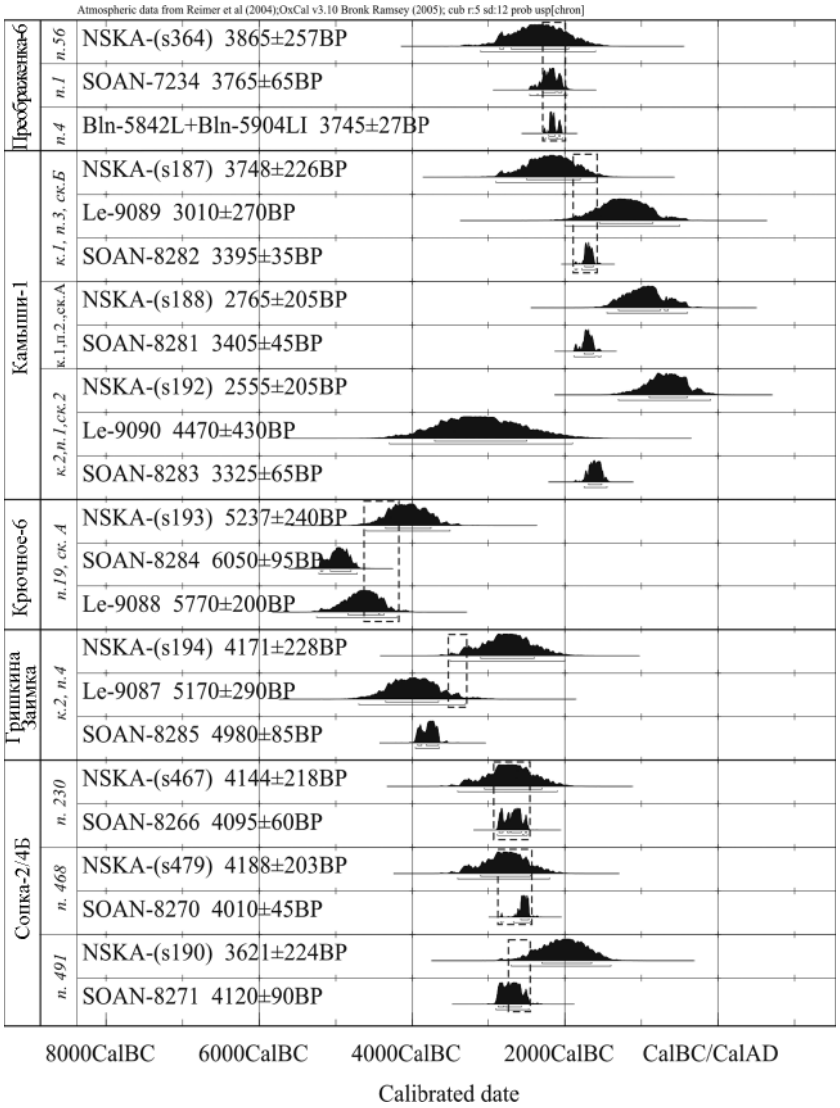
Результаты, полученные на УМС (9 дат), можно разделить на три категории: полностью соответствующие контрольным измерениям, соответствующие частично и не соответствующие. К первой категории относятся данные по Преображенке-6 (NSKA-(s364)), по одному из погребений Камыши-1 (NSKA-(s187)) и по всем захоронениям на Сопке-2/4Б (NSKA-(s467), NSKA-(s479), NSKA-(s190)) (см. *рисунок*). Необходимо отметить, что измерение возраста кости животного на могильнике Преображенка-6 полностью соответствовало возрасту останков погребенных, что продемонстрировало точность измерений (см. *таблицу*). В трех случаях (NSKA-(s364), NSKA-(s467), NSKA-(s479)) соответствие возраста находилось в пределах ±1 сигма, что указывает на высокую точность измерений (см. *рисунок*). ^{14}C-возраст трех образцов, выполненных по материалам Сопки-2/4Б (NSKA-(s190), -(s467), -(s479)), полностью соответствовал предыдущим серийным измерениям возраста этого памятника в рамках первой половины III тыс. до н.э. [Молодин и др., 2010].

Частичное совпадение результатов (NSKA-(s193), NSKA-(s194)) обнаружилось только с датами Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (Le-), выполненными по материалам захоронений усть-тартасской культуры эпохи раннего металла (Крючное-6, Гришкина Заимка) (см. *рисунок*). Пересечение результатов этой группы дат (NSKA- и Le-) во многом обусловлена, на наш взгляд, довольно большой среднеквадратичной ошибкой (± ≥200 лет), в то время как для дат SOAN- величина ошибки меньше (± ≥35–65 лет).

Полное несовпадение результатов наблюдается для двух образцов из погребений могильника Камыши-1 (NSKA-(s188), NSKA-(s192)). Выше уже отмечалось, что для этого памятника имеется пять дат, из которых четыре находятся в одном хронологическом диапазоне – XIX–XVII вв. до н.э., и один из экспериментальных образцов (NSKA-(s187)) хорошо согласуется с общей хронологией могильника. Характерно, что во всех случаях частичного или полного несовпадения результатов, измерения на УМС отличаются трендом к омоложению. Разница в возрасте составляет 700–800 радиоуглеродных лет (см. *таблицу*).

---

*С другой стороны, верхний рубеж даты по ± 2 сигма граничит с нижними пределами дат Le-9089, SOAN-8281, -8282.



Радиоуглеродные даты и распределение их калиброванных значений.
Пунктиром обозначены интервалы соответствия экспериментальных дат другим ^{14}C-определениям возраста.

Таким образом, сравнив результаты УМС с контрольными измерениями возраста в других лабораториях, можно заключить, что на данный момент только в половине случаев можно судить о точности измерений на УМС. Кроме того, использование ^{14}C-дат, выполненных только на УМС, с большой среднеквадратичной ошибкой (± ≥200) для памят-

ников эпохи бронзы вызывает определенные сложности. В археологии эпохи бронзы Сибири в ряде случаев точность определения хронологии памятника или культуры находится в рамках 100–200 калиброванных лет (см.: напр.: [Molodin et al., 2012]). Имея при калибровке дат вариационный размах возраста 1500 лет (по ±2 сигма), можно в лучшем случае только подтвердить очевидную принадлежность объектов к эпохе бронзы, но невозможно определить этап и тем более надежно судить о хронологии археологической культуры. Для использования результатов датирования археологических объектов эпохи голоцена необходима дальнейшая работа по повышению точности определения возраста [Rastigeev et al., 2012], в т.ч. внесение в измерения поправки на изотопное фракционирование.

Список литературы

Бородовский А.П. Хронология предметов июсского клада (по результатам традиционного и естественно-научного датирования) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2013. – Т. 12, вып. 5. – С. 76–84.

Глушенко М.А. Среднеангарское местонахождение Курчатовский Залив как наиболее близкая аналогия Макарово-4 // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2013. – Т. 12, вып. 5. – С. 122–131.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронлогический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 240–246.

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., Van Strydonck M., Orlova L.A. Radiocarbon chronology of burial grounds of the Andronovo Period (Middle Bronze Age) in Baraba Forest Steppe, western Siberia // Radiocarbon. – 2012. – Vol. 54, N. 3/4: Proceedings of the 6th Radiocarbon and Archaeology International Symposium. – P. 737–747.

Rastigeev S.A., Frolov A.R., Goncharov A.D., Klyuev V.F., Konstantionov E.S., Kutnykova L.A., Parkchomchuk V.V., Petrozhitskii A.V. Development of the BINP AMS complex at CCU SB RAS // Вопр. атомной науки и техники. – 2012. – № 3 (79). – С. 188–190.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Bertrand C.J.H., Blackwell P.G., Buck C.E., Burr G.S., Cutler K.B., Damon P.E., Edwards R.L., Fairbanks R.G., Friedrich M., Guilderson T.P., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Manning S., Bronk Ramsey C., Reimer R.W., Remmele S., Southon J.R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F.W., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP // Radiocarbon. – 2004. – Vol. 46, № 3. – P. 1029–1058.

Stuiver M., Polach H.A. Discussion reporting of ^{14}C data // Radiocarbon. – 1977. – Vol. 29, N. 1. – P. 24–44.

Г.Г. Матасова[1], А.Ю. Казанский[1], О.А. Позднякова[2], В.И. Молодин[2], Л.Н. Мыльникова[2], М.С. Нестерова[2], Л.С. Кобелева[2]

[1]Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПЕТРОМАГНИТНОГО МЕТОДА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

Для исследования археологических памятников Барабинской лесостепи успешно применяется магнитометрический градиентный метод. Залогом его эффективности является контрастность магнитных свойств верхнего гумусового горизонта современной почвы и подстилающего субстрата (суглинков, супесей, песков). Темно-серый гумусовый горизонт черноземов Барабинской лесостепи обладает повышенными значениями магнитной восприимчивости (40–100*10^{-5} ед. СИ, в среднем 60–80*10^{-5} ед. СИ) по сравнению с подстилающими грунтами (10–20*10^{-5} ед. СИ, в среднем 15*10^{-5} ед. СИ) [Матасова, 2006]. Заполнение искусственных выемок (могил, хозяйственных ям и т.п.) гумусовым почвенным слоем приводит к увеличению общего объема магнитного материала и, соответственно, к появлению над такими объектами микроаномалий магнитного поля, которые хорошо фиксируются высокочувствительными магнитометрами. Карты пространственного распределения таких аномалий дают археологам возможность еще до раскопок идентифицировать археологический памятник, определить его границы и планиграфические особенности. Примером такой высокоэффективной работы магнитометрического метода могут служить результаты археолого-геофизических исследований памятников Чича-1 [Молодин и др., 2004], Преображенка-6 [Дядьков и др., 2005], Аул-Кошкуль-1 [Молодин и др., 2010] и др.

Вместе с тем на фоне ситуации, в целом благоприятной для применения магнитной съемки, за годы интеграционных исследований древних памятников Барабы было зарегистрировано немало случаев, когда результаты магнитного картирования оказывались малоинформативными или бесполезными для предварительного планирования археологических работ. Сопоставление археологических и геофизических данных позволило сформулировать эту проблемную ситуацию в трех вариантах: 1) на магнитных картах выделяются аномалии, сопоставимые по своим параметрам с археологическими ямами, но сами ямы отсутствуют; 2) археологические комплексы плохо идентифицируются в слабоконтрастных

*Работа выполнена в рамках Интеграционного проекта СО РАН № 118.

аномалиях; 3) магнитные аномалии над археологическими объектами не фиксируются.

Долговременное сотрудничество между Институтом археологии и этнографии СО РАН и Институтом нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН в области археолого-геофизических исследований позволило не только обозначить данную проблемную ситуацию, но и наметить пути ее решения. Поскольку объективной основой для эффективного использования магнитометрического метода является контрастность магнитных свойств верхнего горизонта почвы и подстилающего субстрата, одним из основных направлений совместной работы стало изучение проблемы контрастности на территории археологических памятников средствами геофизики, геохимии и микробиологии. С учетом поставленных задач, в исследовательскую программу был включен петромагнитный метод, направленный на изучение магнитных свойств различных видов грунтов. В 2013 г. полевые петромагнитные исследования были проведены на археологических памятниках Тартас-1 и Старый Тартас-5, где ранее были выявлены случаи неэффективного применения магнитной съемки.

Методика работы включала в себя полевое картирование магнитной восприимчивости почв каппаметром КТ-5 (Чехия), измерение магнитной восприимчивости вертикальных профилей современных почв и нижележащих материнских пород, лабораторные измерения петромагнитных характеристик отобранных образцов. Полевые измерения необходимы для первичной оценки степени магнетизма различных элементов природной среды. С их помощью можно в короткие сроки исследовать большие по площади участки археологических памятников и строить для них прогнозные карты распределения магнитных свойств. Лабораторные измерения позволяют получать дополнительные магнитные характеристики для определения состава, количества и размеров частиц магнитных минералов – носителей магнетизма, дают объяснение выявленным в полевых условиях закономерностям изменения магнитных свойств исследуемых объектов.

Наиболее прост для решения вариант проблемной ситуации, когда на магнитных картах выделяются аномалии, а археологические объекты отсутствуют. Анализ таких случаев показывает, что причиной этого являются природные факторы, либо последствия современного антропогенного воздействия на почвенный слой. Это может выражаться в наличии в грунте черного металла, глубоких следов распашки или локальных увеличений мощности слоя почвы. Как аномалии могут проявляться также муравейники, норы, следы кострищ и т.п. Последние могут быть легко отделены от «археологических» аномалий посредством фиксации их местоположения на участке съемки. Новые наблюдения хорошо согласуются с аналогичными случаями, зафиксированными ранее, например, при раскопках некрополя на городище Чича-1 [Молодин и др., 2004, с. 240–261].

Второй и третий варианты проблемной ситуации тесно связаны между собой и обусловлены недостаточной контрастностью магнитных свойств

вмещающей среды и заполнения археологических объектов. Причины малой контрастности можно подразделить на естественные и искусственные.

Естественные (природные) причины обусловлены ландшафтными и климатическими условиями, при которых формируются различные типы грунтов и их магнитные характеристики. Так, например, на разновременном памятнике Тартас-1, на участке в 1 км^2 обнаружено три типа почв – черноземная (автоморфная), луговая (полугидроморфная) и пойменная (гидроморфная) – и три типа подстилающих пород – суглинки, супеси, пески. Результаты площадной каппаметрической съемки показали, что наиболее магнитной является автоморфная почва, далее по степени убывания показателей магнитной восприимчивости идут луговая и пойменная почвы. Лабораторные исследования позволили установить, что магнитная фракция (МФ) автоморфной почвы состоит преимущественно из магнетита с большим количеством ультратонких суперпарамагнитных частиц (био)химического происхождения, что обеспечивает повышенные значения ее магнитных характеристик. МФ пойменных почв содержит, в основном, слабомагнитные минералы – гетит и гематит. МФ суглинков состоит из магнетита и гематита с преобладанием последнего, здесь отсутствуют наночастицы аутигенного происхождения. Количество магнетита в МФ супесей и песков еще меньше, чем в суглинках.

Сопоставление археологических и геофизических данных показало, что в зоне автоморфных почв планиграфическое расположение геофизических аномалий и археологических объектов совпадает полностью. Участок луговых почв средне перспективен для магнитной съемки: не все ямы проявляются в виде четких микроаномалий магнитного поля. В зоне распространения слабомагнитных пойменных почв археологические объекты магнитной съемкой не обнаруживаются. Таким образом, существует жесткая взаимосвязь между типом почвы, ее магнитными характеристиками и степенью перспективности магнитного картирования. Только в случае заполнения ям гумусовым горизонтом автоморфной почвы контрастность магнитных свойств заполнения и вмещающих пород достаточна для получения четкой магнитной аномалии над археологическим объектом.

Помимо этого, природные факторы могут нивелировать благоприятные условия контрастности, снижая эффективность применения магнитной съемки. Так, регулярное застаивание сезонных осадков в жилищных западинах одиновской культуры памятника Старый Тартас-5 привело к интенсивному растворению и вымыванию магнитных минералов. Слабомагнитные вмещающие суглинки оказались перекрыты еще более слабомагнитным оглеенным слоем. Отсутствие контрастности магнитных характеристик заполнения и материнских пород привело к тому, что данные магнитного картирования оказались малоэффективными.

Искусственные причины малой контрастности между заполнением ям и вмещающей средой обусловлены деятельностью древних людей. Величина микроаномалии над археологическим объектом может зависеть от того, какое количество почвенного магнитного материала попало в его заполнение. Существенным фактором является также размер и глубина

ямы. Особенно четко эта зависимость фиксируется в среднеперспективных для магнитной съемки зонах, где небольшие по размерам объекты не образуют аномалий магнитного поля.

Таким образом, применение петромагнитного метода для исследования археологических памятников Барабинской лесостепи и сопоставление его результатов с археологическими и геофизическими данными показало, что основной причиной неэффективности магнитной съемки является недостаточный магнитный контраст между почвой и подстилающими грунтами. Обозначенные нами факторы природного и искусственного характера объективно ограничивают возможности магнитометрического метода по поиску и идентификации археологических объектов. Необходимо также отметить, что петромагнитный метод может быть эффективным инструментом для специалистов, использующих магнитную съемку в качестве этапа предварительного планирования раскопок. Он не только позволяет производить объективную оценку информативности геофизических карт, но и обеспечивать экономичность полевых работ за счет сокращения затрат на геофизическое исследование неперспективных участков.

Список литературы

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 304–309.

Матасова Г.Г. Магнетизм позднеплейстоценовых лессово-почвенных отложений Сибирской субаэральной формации: автореф. дис. ... д-ра геол.-мин. наук. – Новосибирск, 2006. – 44 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с. – (Мат-лы по археологии Сибири).

Молодин В.И., Фассбиндер Й.В.Е., Горка Т., Позднякова О.А., Чемякина М.А., Дураков И.А., Хансен С., Наглер А. Новый могильник древнетюркского времени Аул-Кошкуль-1 в Барабинской лесостепи: геофизические исследования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. – С. 46–56.

Е.А. Миклашевич

Кемеровский государственный университет
Институт археологии и этнографии СО РАН

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В 2012–2013 ГОДАХ

В полевые сезоны 2012–2013 гг. нами были продолжены работы по документированию, картографированию и мониторингу состояния сохранности памятников наскального искусства на территории Республики Хакасии и южной части Красноярского края.

Продолжалось планомерное исследование наскальных изображений комплексных памятников Сулек (Орджоникидзевский р-н Республики Хакасия) и Суханиха (Минусинский р-н Красноярского края). Завершено документирование памятника Изырых-Тас (Аскизский р-н Республики Хакасия). Начато копирование петроглифов на горе Ильинская и у с. Прихолмье (Минусинский р-н Красноярского края): несколько плоскостей были расчищены от лишайника, выявлены гравированные рисунки раннего средневековья, сделаны копии ряда разновременных композиций, среди которых наиболее интересной является сцена с изображением шамана, держащего в руках колотушку и бубен с подвесками (рис. 1, *3*). На этой плоскости и примыкающих к ней изображены многочисленные зооморфные фигуры и всадник, а также непонятные предметы. Если зооморфные фигуры связаны с образом шамана, то (пока предположительно) его можно датировать тесинским временем, следовательно, это может быть наиболее раннее в Минусинской котловине изображение шамана с привычными атрибутами (колотушка и бубен). На опубликованном местонахождении Усть-Туба II [Blednova et al., 1995, pl. 34–40] было найдено несколько изображений, не попавших в публикацию, в т.ч. большая плоскость, расчищенная из-под густо покрывавшего ее лишайника: на ней обнаружились фигуры трех быков и человека, соединяющего руками две из них (рис. 1, *2*).

Проводилось обследование состояния некоторых памятников наскального искусства, расположенных по берегам р. Енисей и большую часть времени затопленных Красноярским водохранилищем. Весной 2012 г. уровень воды был довольно низким, что позволило осмотреть скальные выходы на таких памятниках как Оглахты I, II и Усть-Туба III. Сравнивая их сохранность с результатами наших осмотров в 1990 и 2002 гг., мы отметили, что за прошедшее время состояние этих памятников, регулярно

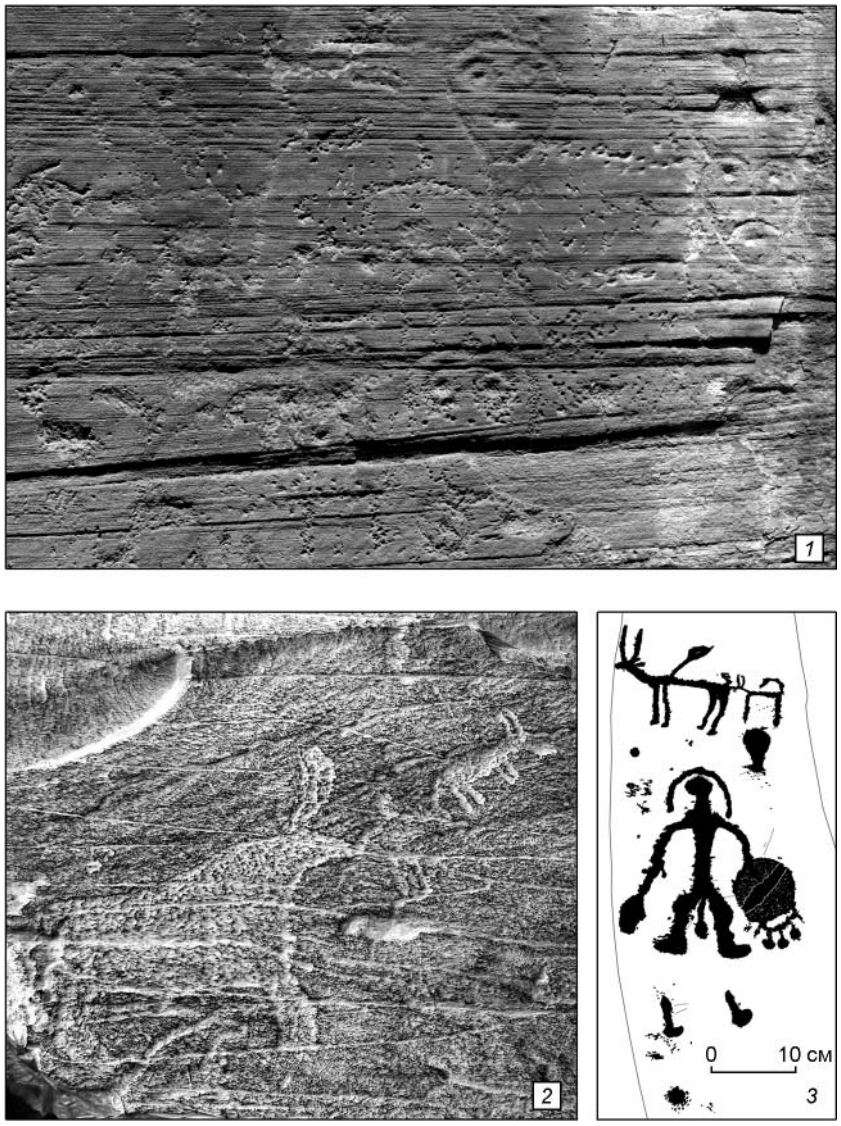


Рис. 1. Изображения на скалах.

1 – личины в логу Каменка, фрагмент плоскости, фото; *2* – изображения быков и антропоморфная фигура, Усть-Туба II, микалентная копия; *3* – изображение шамана с бубном и колотушкой на горе у д. Прихолмье, прорисовка.

затапливаемых водохранилищем, повреждаемых ледоходами, осыпями разрушающихся скал и т.д., существенно ухудшилось. От некоторых огромных плоскостей остались лишь небольшие фрагменты, другие исчезли навсегда. Произведена фотофиксация сохранившихся рисунков и замерены их координаты. Была также предпринята попытка поиска мест нахождения таких памятников как Каменка, Черемушный Лог и Усть-Кулог (Тесинская писаница) [Шер, 1980, с. 160–166] на правом берегу Енисея в северной части Минусинской котловины (Краснотуранский р-н Красноярского края), однако на этом участке уровень воды в водохранилище был высоким, полностью скрывающим береговые скалы. На местонахождении Каменка мы, тем не менее, обследовали скальные выходы, находящиеся высоко над рекой и на удалении от берега. Обнаружено несколько плоскостей с наскальными рисунками, среди которых наибольший интерес вызывает целый «иконостас» с изображением личин окуневской культуры (рис. 1, *1*). К сожалению, скальная поверхность и выбивка подверглись довольно сильному выветриванию, многие личины сохранились фрагментарно или едва прослеживаются. Тем не менее около десятка из них определяются вполне уверенно. Личины выполнены в технике выбивки и прошлифовки, одни из них оконтуренные, другие – нет, одни имеют округлый контур, другие – сердцевидной формы. У некоторых обозначены дополнительные линии на «лице», имеются внешние «отростки» в виде прямых линий либо изогнутых рогов.

Другим направлением исследований было документирование изображений на курганных плитах. Главный интерес для нас представляли петроглифы на плитах могильников, расположенных в непосредственной близости от местонахождений петроглифов на скалах. Так, были выявлены рисунки тесинского времени (рис. 2, *1*) на плитах тесинских курганов у с. Нижняя Тея (Аскизский р-н Республики Хакасия), соотносимые с ранее исследованными петроглифами этого же времени [Миклашевич, 2008, с. 190–192] на горе, у подножия которой расположен могильник. Интересная композиция из антропоморфных фигур, одни из которых изображены с подогнутыми под себя ногами, другие – вниз головой, обнаружена на плите тагарского кургана в логу Каменка на правом берегу Енисея. Множество изображений выявлено в результате расчистки от лишайника плит курганов нескольких могильников у горы Тепсей (рис. 2, *2*) на правом берегу Енисея у места впадения в него р. Тубы (Минусинский р-н Красноярского края). Зафиксированные изображения выполнены в технике выбивки и гравировки, относятся к тагарской, тесинской, таштыкской культурам и могут быть сопоставлены как с материалами раскопок археологических памятников этого ареала [Комплекс…, 1980], так и с изображениями на скалах Тепсея [Blednova et al., 1995].

Проведено полное обследование территории вокруг горы Бычиха (Краснотуранский р-н Красноярского края), известного памятника наскального искусства, документирование которого можно считать завершенным. Нашей задачей было изучение археологического контекста памятника. В результате были локализованы и картографированы: остатки

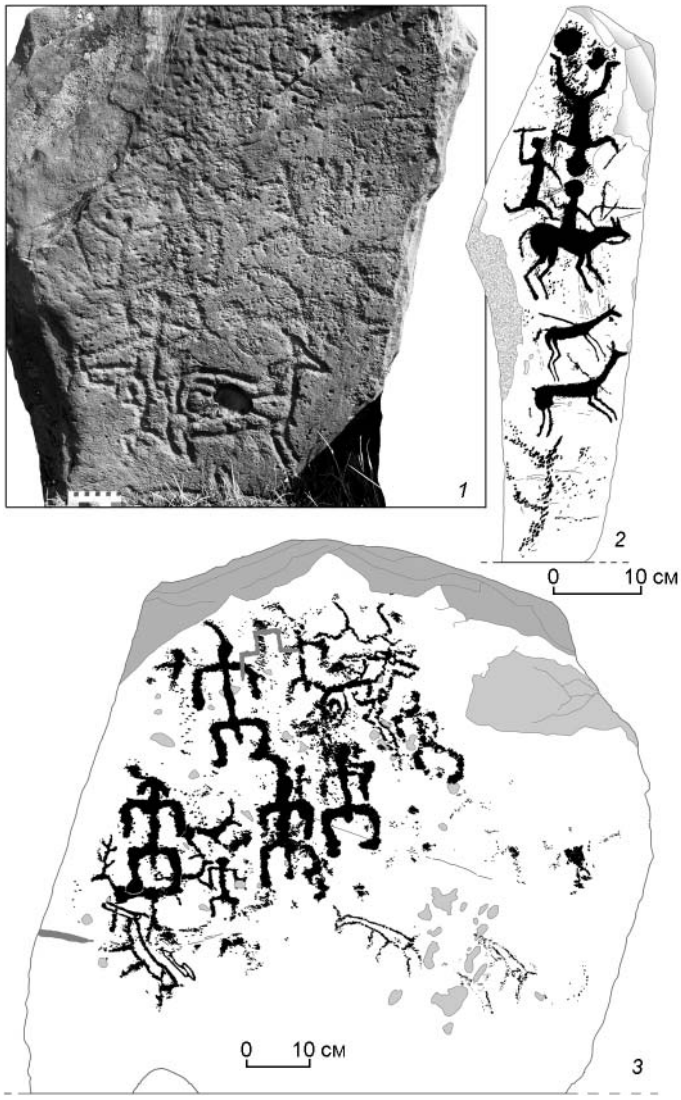


Рис. 2. Изображения на курганных плитах.

1 – камень ограды кургана у с. Нижняя Тея, фрагмент, фото; *2* – камень ограды кургана у г. Тепсей, одна из граней; *3* – камень ограды кургана под г. Бычиха.

разновременного поселения, стоянка тесинского времени, могильник карасукской культуры, курганы разных этапов тагарской культуры, таштыкские склепы. Всего на могильных полях под горой Бычиха насчитывается не менее 160 разновременных курганов. Камни оград всех курганов были тщательно обследованы на предмет наличия изображений. В результате

петроглифы выявлены и документированы на 28 гранях камней 23 курганов. При этом мы не обнаружили изображений, зафиксированных С.В. Киселевым [1930, рис. 4]. К сожалению, в ходе сельскохозяйственного освоения этой территории в XX в. курганные плиты столь усердно изымались и вывозились, а некоторые намеренно ломались, что к настоящему времени уцелела, видимо, лишь очень небольшая часть курганных рисунков. Те петроглифы на плитах, которые были нами скопированы, находились на курганах тагарского и тесинского времени и датируются этими же периодами (рис. 2, *3*), некоторые (тамги) – относятся к этнографической современности. Большинство изображений, по-видимому, было нанесено в тесинское время. Удивительно, что на плитах карасукского могильника (затопленного водами Сыдинского залива Красноярского водохранилища и осмотренного нами в период спада воды) не нашлось ни одного изображения, при том, что бóльшая часть петроглифов на скалах Бычихи относится именно к карасукскому времени [Советова, Миклашевич, 1999, с. 60–62]. В целом, документирование рисунков на курганных плитах позволило уточнить культурно-хронологическую атрибуцию петроглифов на скалах горы Бычиха и других памятников Минусинской котловины.

Список литературы

Киселев С.В. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц // Техника обработки камня и металла. – М., 1930. – С. 91–100. – (Тр. секции археологии Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН; вып. V).

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1980. – 168 с.

Миклашевич Е.А. Документирование памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2008 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV, ч. 1. – С. 190–195.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южно-Сибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1999. – С. 47–74.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J.A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – Paris: De Boccard, 1995. – Fas. 2: Sibérie du Sud: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). – 153 p.

В.И. Молодин[1], Н.С. Ефремова[1], Л.С. Кобелева[1], И.А. Дураков[2], Ю.Н. Ковыршина[1], Д.А. Ненахов[1], М.С. Демахина[1], А. Наглер[3], Л.Н. Мыльникова[1], С. Хансен[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный педагогический университет
[3]Германский археологический институт (DAI)

ВАРИАТИВНОСТЬ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ НА ПАМЯТНИКЕ ТАРТАС-1*

Широкомасштабные раскопки разновременного погребально-поминального комплекса Тартас-1 были продолжены в северо-западном направлении. В минувшем сезоне было вскрыто 1540 кв. м площади, исследовано 54 захоронения и 115 ям, очевидно, ритуального назначения. Напомним, что исследования велись методом сплошного вскрытия всей площади памятника.

Основная масса выявленных комплексов относится к смешанным «андроноидным» группам. Этот факт принципиально отличает изучаемый памятник от расположенных в непосредственной близости уже раскопанных андроновского и позднекротовского могильников Старый Тартас-4 и Сопка-2/5. Интенсивное проникновение носителей андроновской культуры с территории современного Казахстана на юг Западной Сибири в эпоху развитой бронзы привело к взаимодействию представителей местного познекротовского населения с пришлым андроновским [Молодин и др., 2009, с. 340–342], что проявилось, в первую очередь, в особенностях погребального обряда.

Проявлением вариативности синтеза культур в материалах 2013 г. является захоронение № 528. В могильной яме обнаружен скелет ребенка, лежащего в скорченном положении на левом боку *in situ*. Погребальный инвентарь представлен подвеской из клыка животного со сквозным отверстием, тонкой бронзовой иглой и двумя серьгами в виде разомкнутого кольца. Отличительной чертой этого погребения является археологический целый керамический сосуд, найденный в заполнении могильной ямы (рис. 1). Его орнаментальная композиция сочетает в себе черты, присущие трем археологическим культурам (одиновской, кротовской, андроновской).

Еще одним проявлением вариативности является использование рыбы в погребальном обряде. Как правило, кости рыбы находят на дне могильной ямы в ногах погребенного, под его костями, в заполнении керамических сосудов. Следует отметить, что замена у пришлого населения – андроновцев – заупокойной мясной пищи рыбой могла быть вызвана

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-18025.

как причинами ритуального характера, так и следствием трансформации экономики в новых эколандшафтных условиях.

Вариации в рамках андроновской традиции (между классическим вариантом и местным) проявились в особенностях погребального обряда, в частности организации погребального пространства.

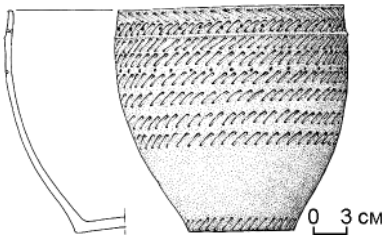


Рис. 1. Могильник Тартас-1. Керамический сосуд из погребения № 528.

Так, например, захоронение № 557 содержало останки как минимум двух человек, возможно подростков. Среди костей погребенных, обнаруженных лежащими в беспорядке, найдены фрагменты двух сосудов. Сосуд № 1 орнаментирован рядами вдавлений палочкой и прочерченными линиями-желобками. Ниже по тулову идут ряды горизонтальной «елочки», выполненной гладким штампом. Сосуд № 2 орнаментирован рядами горизонтальной «елочки», выполненной мелкозубым гребенчатым штампом.

С северной и южной сторон погребение окружали две ямы, образуя полукольцо и, очевидно, заменяя или имитируя ровик (рис. 2, *2*). Судя по орнаментации керамических сосудов, захоронение относится к андроновской (федоровской) культуре.

Подобная ситуация встречалась на памятнике и ранее – в группе погребений андроновской культуры (№ 476, 481, 483, 506, 507, 510), окруженных вытянутыми ямами сложной конструкции с трех сторон [Молодин, 2011].

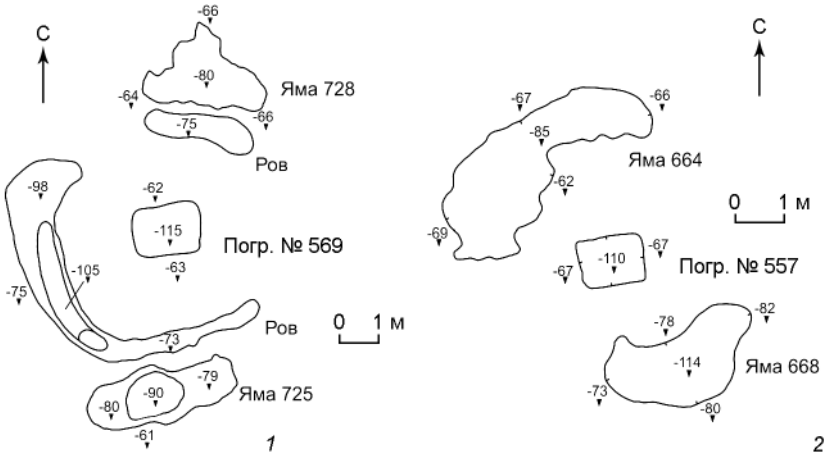


Рис. 2. Могильник Тартас-1. Планы погребений на уровне материка.
1 – погр. № 569; *2* – погр. № 557.

Еще одно захоронение (№ 569) содержало останки взрослого человека. Основная масса разрозненных костей его скелета найдена в восточной части могильной ямы, *in situ* сохранились только кости стоп, обнаруженные в северо-западном углу. Исходя из их положения, можно определить, что погребенный лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. Часть костей скелета отсутствовала. В могиле, у восточной стенки, в центре обнаружен керамический сосуд – горшок, плоскодонный, орнаментирован рядами косых вдавлений между параллельными горизонтальными линиями. Композиция нанесена гребенчатым штампом. Край горловины орнаментирован рядом насечек. Кроме этого, на горловине зафиксированы две сквозные ямки, выполненные в технике накола. Интересной особенностью данного захоронения является наличие полукруглого рва и трех ям, окружающих его по периметру (рис. 2, *1*).

С западной стороны захоронение окружал ровик, состоящий из двух разных по размеру сегментов – северного и южного. Северный сегмент имел пологую, широкую внешнюю стенку и более прямую, практически отвесную – внутреннюю. На уровне дна в центральной части сегмента зафиксировано резкое понижение, ширина сегмента варьируется от 0,32 м до 1,48 м. Южный сегмент сравнительно небольшой, имел сходное строение и глубину. Ширина варьирует от 0,60 до 0,88 м. Исходя из заполнения, можно предположить, что ров некоторое время стоял открытым.

Аналогичная конструкция была выявлена ранее. Она находилась южнее, в непосредственной близости от раскопанного в этом году объекта. Группу из двух захоронений (№ 454, 455) окружал круглый ровик, содержащий внутри остатки столбовой конструкции [Молодин, 2011].

В то же время погребения, относящиеся к андроновской группе, не оконтуренные ровиком и ритуальными ямами, по-прежнему имеют на памятнике высокий количественный процент и остаются самой массовой серией. Примечательно, что для различных участков некрополя характерно наличие практически идентичных по деталям погребального обряда захоронений данной группы. Таковым, например, является исследованное в 2013 г. погребение № 525 (рис. 3). В могилу подпрямоугольной формы, ориентированную продольной осью по линии СВ–ЮЗ, помещены двое погребенных (женщина и мужчина) в скорченном положении, лицом друг к другу. Руки умерших были согнуты в локтях, кисти располагались перед лицевой частью черепа. Между погребенными, на уровне тазовых костей мужчины и коленных суставов женщины обнаружены кости черепа младенца. Особенности погребального обряда и облик двух сосудов, обнаруженных в погребении, позволили уверенно отнести последнее к андроновской (федоровской) культуре. Аналоги данного захоронения, являющие во многом подобные детали погребального обряда, находятся в южной части некрополя. Так, в могиле (№ 121) совершено идентичное коллективное погребение четырех человек: мужчины, женщины и двоих детей (младенцев?), произведенное по обряду федоровской культуры [Гришин, 2007, рис. 2А].

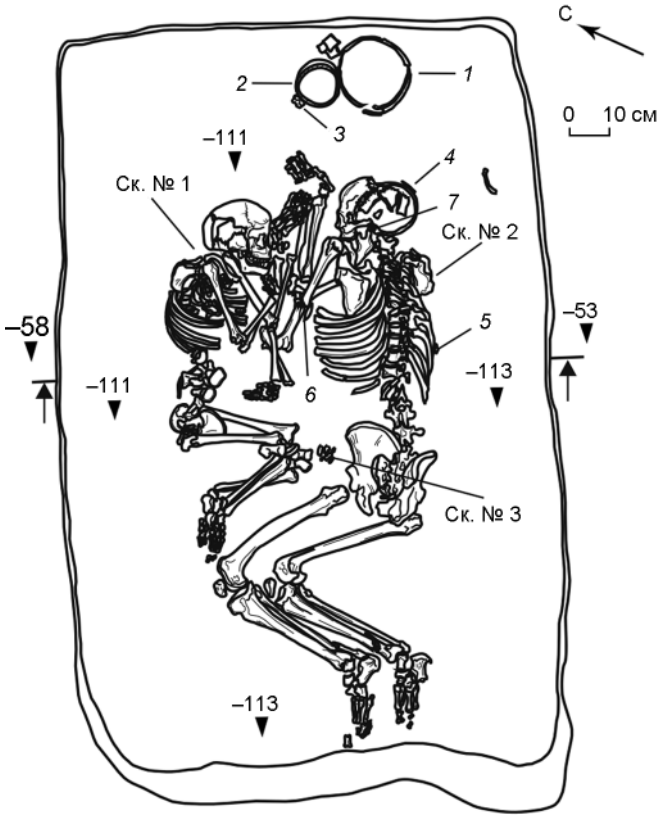


Рис. 3. Могильник Тартас-1. План погребения № 525.

1 – сосуд № 1; *2* – сосуд № 2; *3* – астрагал барана; *4* – бронзовая игла; *5* – фрагмент бронзового изделия (бляшка?); *6* – ножевидная пластина (бронза); *7* – бронзовая серьга.

Таким образом, на сегодняшний день на памятнике для андроновских захоронений зафиксированы три принципиально разные ситуации расположения погребений в пространстве:

– захоронения расположены параллельно друг другу в ряду (при этом отмечено чередование взрослых и детских погребений);

– одно или группа параллельных захоронений обособлены округлым или полукруглым ровиком;

– захоронение или группа захоронений обособлена с двух или трех сторон бесформенными ямами.

Из-за постоянной распашки территории могильника достаточно сложно говорить о наличии надмогильных сооружений, но четкая планиграфия захоронений позволяет предположить, что они были.

Аналоги обособления погребального пространства ровиками мы находим в могильниках андроновской (федоровской) культуры Старый Тартас-4 и Погорелка-2, находящихся в Центральной Барабе [Молодин,

Новиков, Жемерикин, 2002, с. 53, рис. 3, 2; Наглер и др., 2011, 2012]. Следует отметить, что факты обособления погребального пространства в виде прямоугольных или квадратных каменных оградок встречаются как в андроновских (федоровских) памятниках Минусинской котловины, так и на территории Казахстана [Усманова, 2005, рис. 32, *1*; 34, *3*; Маргулан и др., 1966; Максименков, 1978, табл. I, XVIII, XXI]. При этом (из-за отсутствия выходов камня на территории Барабы) вполне объяснима замена оградки на ров.

Возможно, выявленные на памятнике Тартас-1 погребения с обособленным ровиками и ямами погребальным пространством иллюстрируют завершающую стадию трансформации классического погребального обряда андроновской (федоровской) культуры, когда осуществляется непосредственный переход от захоронений под насыпями курганов к грунтовым могилам, расположенным в ряд.

При этом, несомненно, нельзя исключать вариант единовременного освоения всей территории некрополя.

Список литературы

Гришин А.Е. Некоторые особенности погребальной практики андроноидного населения Барабы (могильник Тартас-1, группа Б) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 216–221.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 192 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – 436 с.

Молодин В.И. Отчет об археологических раскопках в Венгеровском и Чановском районах Новосибирской области в 2011 г. Рукопись. Новосибирск, 2011.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьёв А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Этнокультурные процессы у населения Центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 337–343.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 48–62.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновский (федоровский) курган на могильнике Погорелка-2 (Центральная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 212–216.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновские (федоровские) курганы могильника Погорелка-2 в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 249–253.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда; Лисаковск: Изд-во Кар. гос. ун-та, 2005. – 232 с.

В.И. Молодин[1], Л.С. Кобелева[1], А. Наглер[2], И.А. Дураков[3], Н.С. Ефремова[1], Д.А. Ненахов[1], М.С. Демахина[1], Л.Н. Мыльникова[1], С. Хансен[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Германский археологический институт (DAI)
[3]Новосибирский государственный педагогический университет

КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ВОСТОЧНОГО АРЕАЛА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МНОГОСЛОЙНОМ ПАМЯТНИКЕ ТАРТАС-1*

На памятнике Тартас-1 было продолжено изучение выявленного ранее святилища эпохи поздней бронзы, относящегося, судя по находкам, к восточному ареалу пахомовской культуры [Молодин и др., 2012].

Особый интерес представляют собой два исследованных в этом году культовых сооружения (ритуальные комплексы № 3 и 4). Оба зафиксированы у южного края надпойменной террасы, на которой расположен могильник, в непосредственной близости от исследованного в прошлом полевом сезоне ритуального комплекса № 1. Важно отметить, что керамика пахомовского типа встречается в культурном слое в пространстве между этими объектами, поэтому не исключено, что они составляют единый обширный культовый комплекс.

Ритуальный комплекс № 3 представлял собой остатки каркасно-столбовой конструкции, включавшей в себя два параллельных друг другу ряда столбовых ям, ориентированных по линии СВ–ЮЗ, между которыми обнаружена сравнительно большая аморфная яма (рис. 1, *1*). В столбовых ямах найдены жженые кости и зубы животных и несколько фрагментов керамики пахомовской культуры.

Видимо, данное сооружение представляло собой прямостенную наземную конструкцию подпрямоугольной формы, размером 4×5 м и площадью приблизительно ок. 20 кв. м. Яма, выявленная в центральной части сооружения, содержала жженые кости и зубы животных, фрагменты технической керамики и две крупные шаровидные конкреции из известняка. В культурном слое над ней найдены многочисленные фрагменты керамики эпохи поздней бронзы (рис. 1, *3–8*) и бронзовый кельт с «пещеркой» (рис. 1, *2*).

Кельт относится к типу ассимитричных кельтов-тесел со сквозной втулкой. С конструктивной точки зрения он характеризуется простым полуовальным в сечении туловом, слабо расширяющемся к лезвийной части, и четко выраженной асимметрией конфигурации профиля.

Общий вес изделия 199 гр. Максимальная высота кельта на лицевой стороне изделия 8,05 см, минимальная (с оборотной стороны) – 7,70 см.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-18025.

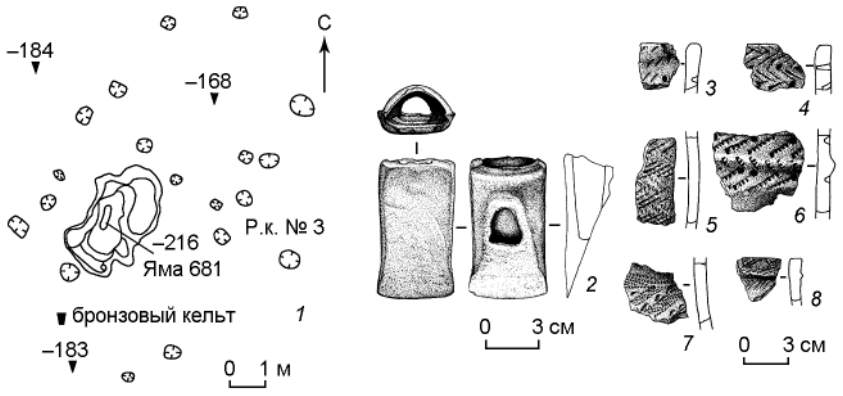


Рис. 1. Могильник Тартас-1. Ритуальный комплекс № 3.
1 – план ритуального комплекса № 3; *2* – бронзовый кельт; *3–8* – фрагменты керамики.

Лезвие полукруглое, его ширина 4,6 см. Судя по состоянию лезвийной части орудия, кельт не подвергался длительной эксплуатации, если вообще использовался в работе.

Втулка полуовальная, ее размеры 4,4×3 см, глубина 4,3 см. Толщина стенок по верхнему краю колеблется в пределах 0,6 см. По внешнему краю оборотной стороны прослеживается рельефный валик, край лицевой стороны гладкий. Пещерка арочного типа, верхний край оформлен рельефным валиком. Ее вертикальный показатель – 1,9 см, ширина у основания 1,8 см.

На боковых сторонах кельта прослеживаются рельефно выраженные литейные швы. Их ширина 0,15–0,20 см. По краю втулки прослеживаются следы от двух литников вытянутой щелевидной формы. Их размеры 2,1×0,4 см и 1,5×0,4 см. Заливка металла в форму при изготовлении кельта осуществлялась через двухканальную литниковую систему с рассекателем потока металла.

Судя по расположению литейных швов, литников и литейных дефектов, кельт отлит в двухсторонней глиняной литейной форме, состоящей из двух створок и сердечника. Формовка, судя по отпечатку отверстия сквозной втулки, перешедшей на отливку с модели, была осуществлена по уже готовому кельту. На изделии заметно небольшое смещение створок относительно друг друга вдоль плоскости разъема формы (дефект № 6235 по классификации литейных пороков) [Атлас…, 1958, с. 35]. Следовательно, створки формы крепились достаточно свободно.

Кельты-тесла со сквозной втулкой в западносибирских культурах характерны для памятников конца бронзового века [Гришин, 1971, с. 22, рис. 11, *5, 8*].

Ситуация нахождения крупных бронзовых предметов в скоплениях фрагментов керамики, обожженных костей и зубов животных, в центре

ритуальных строений уже встречалась в ранее раскопанных на памятнике Тартас-1 комплексах № 1 и 2. В частности, здесь были обнаружены два бронзовых наконечника копья или дротика [Молодин и др., 2012, рис. 2, *1, 2*].

Техническая керамика также является характерным признаком культовых мест пахомовской культуры [Сальников, 1949, с. 94–95; Эдинг, 1940, с. 14].

Ритуальный комплекс № 4 выявлен в непосредственной близости от ритуального комплекса № 3 и, возможно, составлял с ним единое целое.

Объект включал в себя два параллельных друг другу ряда столбовых ям, ориентированных СВ–ЮЗ, между которыми в восточной части зафиксирована сравнительно большая яма округлой формы. В юго-западной части комплекса обнаружена еще одна конструкция, которая представляла собой яму округлой формы, размером 187×251 см, окруженную по периметру столбовыми ямками. В ее заполнении обнаружен керамический сосуд, орнаментированный «елочкой», выполненной в гребенчатой технике. По плечикам зафиксирован ряд подтреугольных вдавлений (рис. 2, *1*). Кроме этого, в верхних слоях заполнения конструкции найдены многочисленные фрагменты керамики эпохи поздней бронзы и жженые кости и зубы животных, на уровне дна обнаружены крупные кости травоядного животного (три нижние челюсти, лопатка, позвонок), а также скопление костей крупной рыбы.

Заслуживает особого внимания длинная узкая яма подпрямоугольной формы, явно относящаяся к исследуемому святилищу. В ее заполнении, помимо пахомовской керамики (рис. 2, *2*), обнаружен фрагмент горловины позднеирменского сосуда (рис. 2, *3*), что лишний раз демонстрирует как сосуществование данных популяций на одной территории, так и позднее время пребывания пахомовцев на востоке, фактически на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века.

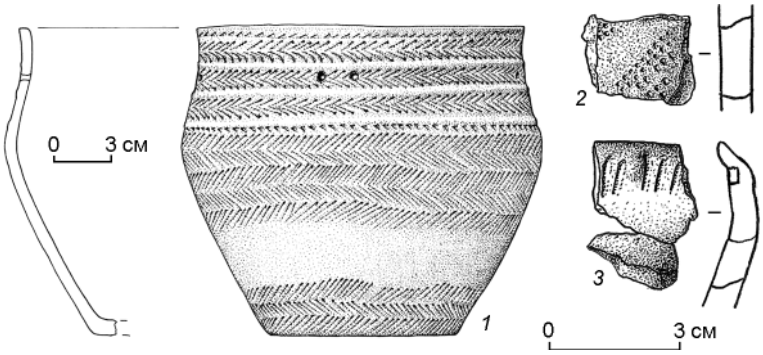


Рис. 2. Могильник Тартас-1. Ритуальный комплекс № 4.

1 – сосуд из заполнения конструкции; *2* – керамика пахомовской культуры; *3* – керамика позднеирменской культуры.

Исследованные ритуальные комплексы находят прямые аналоги в материалах пахомовской культуры как на уровне планиграфии и конструктивного решения при устройстве сакрального пространства, так и в составе жертвенного инвентаря: крупные металлические предметы, развалы сосудов, техническая керамика (фрагменты тиглей и форм), обломки костей животных [Сальников, 1949, с. 95].

На огромной территории – от Урала до Западной Сибири – вариативности основ мировоззрения древних этносов практически не фиксировалось, что было обусловлено сходством природно-климатических условий, этнической близостью населения, существованием преемственности культурных традиций [Потемкина, 2007, с. 197–198]. Данный вывод можно аргументировать не только наличием здесь специфических культовых объектов, но и отмечаемыми на других археологических памятниках следами ритуальных действий, имеющими место как на поселенческих комплексах эпохи бронзы и переходного от бронзы к железу времени, так и на некрополях [Новикова, 2007; Молодин, Новиков, 1998, с. 61, 84].

В правобережной части Прииртышья ближайшим памятником восточного ареала пахомовской культуры является недавно открытое поселение Ложка-6 [Бобров, Моор, 2011, с. 139–141, рис. 1], а также могильник Старый Сад [Молодин и др., 2010]. Кроме того, классический погребальный комплекс пахомовской культуры был обнаружен и на Тартасе-1 [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2011].

Таким образом, перед нами, скорее всего, значительный и долго функционировавший ритуальный комплекс пахомовской культуры, несомненно, представляющий собой уникальное явление не только для данной культуры, но и для эпохи поздней бронзы Западно-Сибирского региона в целом.

Список литературы

Атлас литейных пороков. Пороки отливок из ковкого чугуна, стали и сплавов цветных металлов. – М.: Центр. бюро науч.-тех. информации тяжелого машиностроения, 1958. – Т. II. – 228 с.

Бобров В.В., Моор Н.Н. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 139–142.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. – 170 с. – (САИ; вып. В3-12).

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Погребальный комплекс эпохи поздней бронзы на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология, 2011. – Т. 10, вып. 3. – С. 100–105.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нескоров А.В. Продолжение исследований могильника эпохи поздней бронзы Старый Сад в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 247–250.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с.

Новикова О.И. К проблеме выявления ритуальных археологических комплексов на поселениях (по материалам городища Чича-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 355–358.

Потемкина Т.М. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. – С. 197–223.

Сальников К.В. К вопросу о древней металлургии в Зауралье. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 92–95. – (КСИА; № XXIX).

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. – М.: Гос. исторический музей, 1940. – 102 с. – (Тр. ГИМ; вып. 10).

В.И. Молодин[1, 2], С.А. Комиссаров[1, 2], Ван Пэн[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Институт археологии АОН КНР

МОГИЛЬНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЯБАНЬДИ НА ВОСТОЧНОМ ПАМИРЕ (СИНЬЦЗЯН, КИТАЙ)

Находки бронзовых и золотых вещей андроновского типа на классических памятниках династии Шан закономерно вызывали вопрос о путях их проникновения в Китай с территории Сибири, Казахстана или Средней Азии. При этом наиболее вероятной транзитной территорией считался нынешний Синьцзян, где спорадически находили андроновские бронзы (см.: [Молодин, Комиссаров, 2000, с. 342–343; Шао Хуйцю, 2009]). Исследования китайских археологов в течение последних десятилетий не только подтвердили эту гипотезу, но и позволили наметить маршруты такого перемещения. Значительного внимания удостоился клад бронзовых орудий из Агаршэн в верхнем течении р. Или (уезд Гунлю) (см., напр.: [Кузьмина, 2010, с. 100–102]), а также керамические сосуды из небольших могильников в Сацзы и Вэйсяо в окрестностях г. Чугучака (см.: [Molodin, Komissarov, 2004, p. 217]). Однако массовый материал удалось получить в ходе широкомасштабных спасательных работ при строительстве гидроэлектростанций в бассейнах рек Или и Тарим в период 2000-х гг.

Так, в мае – июне 2010 г. во время работ в зоне ГЭС Саликэтэ на р. Каш на высоте 1 811 м специалисты Института археологии и памятников материальной культуры Синьцзяна исследовали 25 могил, из числа которых девять были датированы эпохой бронзы. Захоронения в прямоугольных или квадратных ямах под невысокими земляными насыпями, иногда с каменным кольцом вокруг. Преобладает ингумация в скорченном положении на боку, но встречается и кремация; инвентарь состоит из керамики андроновского типа (без орнамента), бронзовых сережек с раструбом и бронзовых цепочек [Жуань Цюжун, 2012б].

В июне – августе 2010 г. в ходе спасательных работ в зоне ГЭС Кушитаи был раскопан могильник Коксу-запад-2, состоящий из 93 могил; семь из них датированы бронзовым веком. Погребальная конструкция очень вариабельна. На поверхности их отмечают земляные или каменные насыпи, у могильных ям может быть короткий коридор-дромос (тогда стены ямы обложены камнем), либо подбой с захоронением в положении с подогнутыми ногами на боку (при этом стены обшиты деревом). Инвентарь содержит андроновскую по форме керамику (включая великолепный

чернолощеный горшок с орнаментом в виде треугольных фестонов вдоль венчика) и обломки бронзовых украшений [Жуань Цюжун, Ван Юнцин, 2012; Жуань Цюжун, 2012в].

В целом, можно согласиться с мнением исследователя двух вышеназванных памятников о том, что обнаружен новый тип андроновских памятников, обладающих значительной местной спецификой, который он предложил назвать «тип Танбалэсаи» [Жуань Цюжун, 2012а]. С учетом важности сделанного открытия, оба могильника были включены в список «Десяти самых важных археологических открытий Китая за 2011 год» [Цянь Юй, 2012].

Однако наиболее богатый и представительный материал был получен при раскопках группы могильников Сябаньди. Различные по размерам и хронологии объекты были изучены в ходе обследований 1989 и 2001 гг. и полномасштабных раскопок 2003–2004 гг. в зоне строительства гидроузла на р. Ташкурган (в пределах Ташкурган-Таджикского автономного уезда Кашгарского округа) [У Юн, 2005]. Эта горная область на крайнем юго-западе Синьцзяна относится к Восточному Памиру, где средняя высота над уровнем моря даже в речных долинах превышает 3 000 м. Полная обработка материалов потребовала значительного времени, итоговый отчет вышел в свет только в самом конце 2012 года. Всего раскопано 14 могильников с общим числом 178 захоронений, в которых обнаружено 186 предметов погребального инвентаря [У Юн, 2012а], то есть по существу это рядовое, небогатое кладбище. Наибольшего внимания заслуживают 89 погребений, отнесенных к первому периоду бронзового века (рис. 1–3).

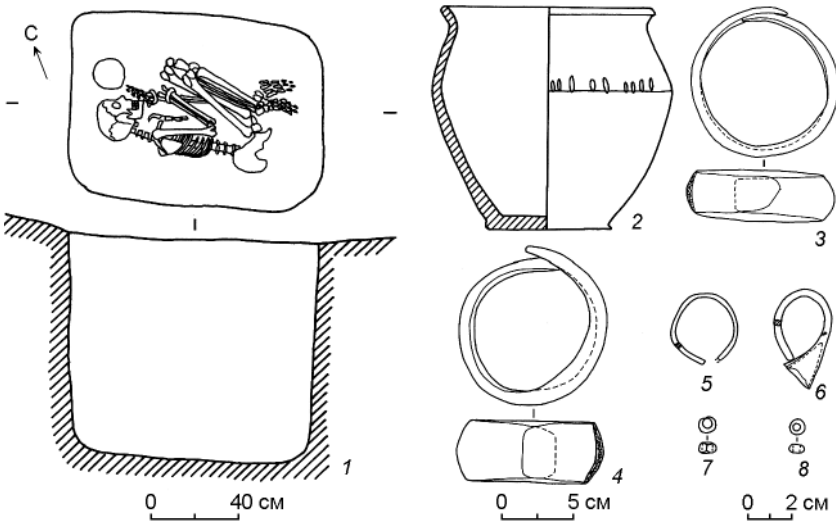


Рис. 1. План могилы AIIM42 и найденный в ней инвентарь.

1 – план могилы; *2* – керамический сосуд; *3, 4* – бронзовые браслеты; *5, 6* – бронзовые серьги; *7, 8* – бронзовые звенья цепочки.

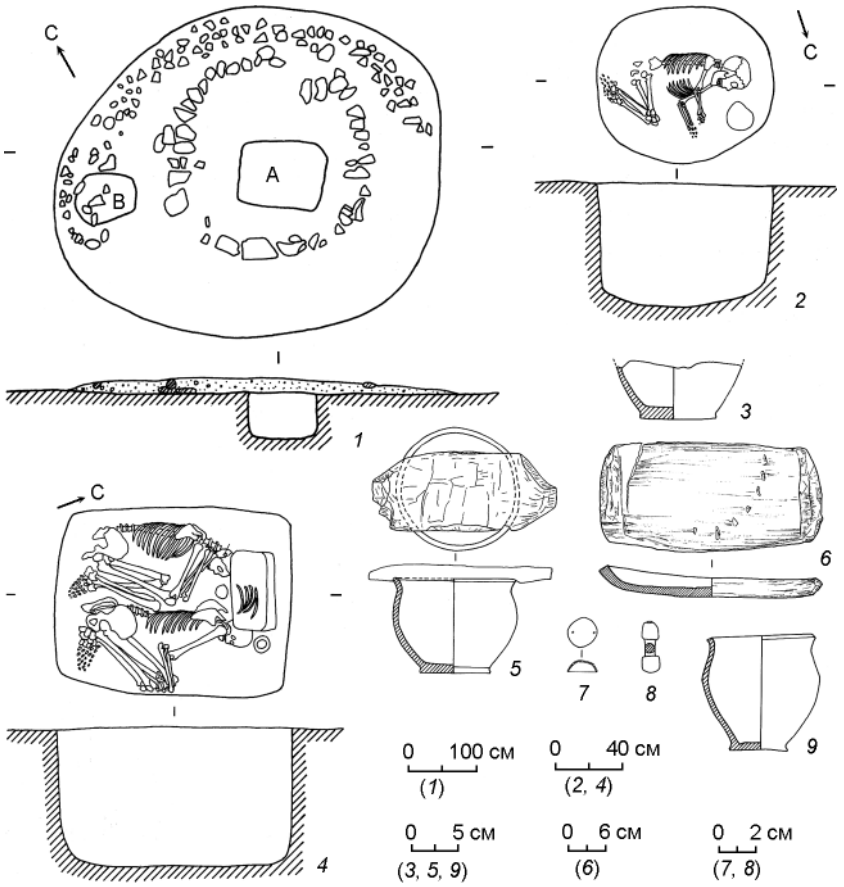


Рис. 2. План могилы AIIM52 и найденный в ней инвентарь.

1 – план могилы; *2* – план захоронения B; *3* – донышко керамического сосуда из захоронения B; *4* – план захоронения A; *5* – керамический сосуд, закрытый деревянным блюдом, из захоронения A; *6* – деревянное блюдо из захоронения A; *7* – бронзовая бляшка из захоронения A; *8* – деревянная застежка из захоронения A; *9* – керамический сосуд из захоронения A.

Погребальный инвентарь (прежде всего, керамика) довольно однороден, тогда как погребальные сооружения и обряд значительно различаются. Большинство погребений совершено по обряду трупоположения в небольших ямах, иногда перекрытых каменными плитами или деревянными плахами; с невысокими земляными или каменными насыпями или каменными оградками на поверхности. Скелеты располагались на боку (чаще левом), в скорченном положении, ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. В 23 случаях использовалась кремация, в основном в самой могильной камере, редко – на стороне. Последний вариант использовался в больших могилах для нескольких захоронений. В погребении AII M62 три кучки обожженных костей и пепла размещались на травяной

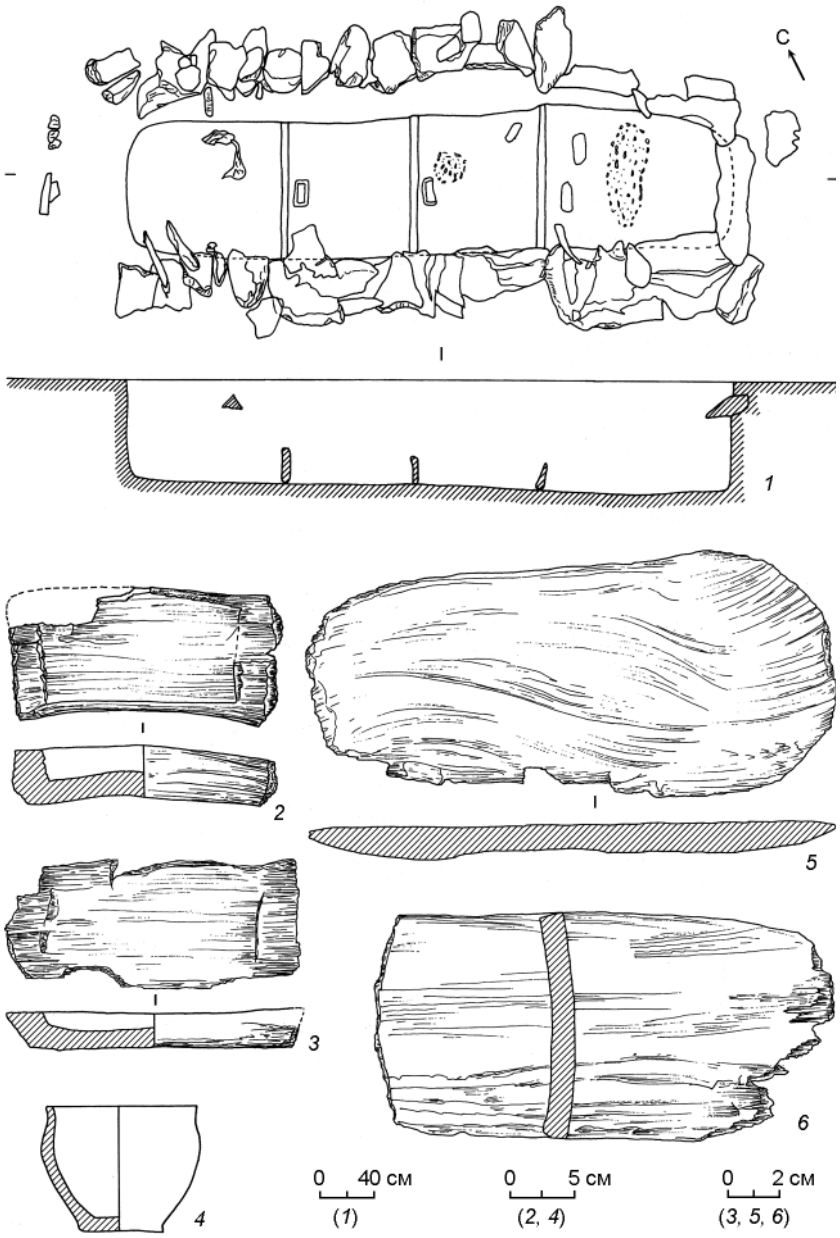


Рис. 3. План могилы AIIM110 и найденный в ней инвентарь.
1 – план могилы; *2, 3, 5, 6* – деревянные блюда; *4* – керамический сосуд.

подстилке под земляной насыпью; местами прослеживаются фрагменты деревянной конструкции, очевидно, укреплявшей стенки камеры. Погребение MIIA110 прямоугольной формы, отмечено на поверхности каменной выкладкой, внутри разделено досками на четыре отсека, в двух последних выявлены кучки обожженных костей и пепла (рис. 3).

Инвентарь состоит в основном из керамической и деревянной посуды. Преобладают глиняные горшки с выделенным поддоном и слегка отогнутым венчиком; стаканы в форме открытых банок; а также деревянные плоские блюда и чашки с рукоятями. Бронзовые изделия представлены простыми украшениями: височными кольцами с раструбом, плоскими пластинчатыми браслетами, звеньями ножных цепочек-браслетов. В могиле AIIM32 нашли две сережки с раструбом, изготовленные из серебра, причем в одном случае проволока была витой. Весь этот инвентарь находит прямые аналоги в материалах классических комплексов андроновской культуры по исторической общности более северных территорий своего исконного обитания [Аванесова, 1991, рис. 44, 45, 46, 53].

Для могильника получена серия датировок по радиоуглероду, одна из которых (по древесному углю из погребения с кремацией) оказалась 4055±55 до н.д., четыре других (по дереву, взятому как из могил с кремацией, так и с ингумацией) оказались достаточно близки (3525±35, 3475±40, 3425±45, 3300±35); после калибровки дата для 1-го периода определена как 3 500–3 300 лет до н.д. [У Юн, 2012б, с. 144–145], но автор не исключает для культуры в целом и более позднюю дату.

Несмотря на почти полное отсутствие орнаментации, большинство сосудов имеют характерную форму, сближающую их с керамикой андроновской общности. Таким образом, могильник Сябаньди отмечает самый южный рубеж в распространении андроновцев. Причем очень важно отметить, что инвентарь состоит не из престижных вещей, которые могли распространяться через торговлю, подношения, захваты и т.п., но из обычной кухонной посуды и повседневных украшений, т.е. из простых, стандартных вещей, неразрывно связанных с их производителями.

Как считает руководитель раскопок У Юн [Там же, с. 147–149], находки наиболее близки семиреченскому типу. Впервые выделившая этот тип Е.Е. Кузьмина указала на три возможных стадии контактов андроновцев с их восточными соседями: 1) проникновение изделий из металла в результате культурного обмена; 2) действия отдельных кланов литейщиков из Семиречья; 3) в конечном счете, миграция позднеандроновских групп населения [Kuzmina, 2008, p. 106]. Соответственно, клады типа Агаршэнского могут относится к первой фазе, небольшие могильники, отмечающие спорадическое проникновение носителей культуры, представляют вторую фазу, а большие по масштабам могильники в долине р. Или и на Восточном Памире – заключительную фазу, связанную с массовым освоением переселенцами новых территорий и их взаимодействием с местными традициями. В конечном итоге это привело к формированию новых культурных вариантов в рамках андроновской культурной общности. Важно, что при раскопках последних памятников получена большая

антропологическая коллекция, что позволит в дальнейшем подкрепить (или скорректировать) археологические свидетельства данными антропологического и палеогенетического анализа.

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. – Ташкент: Фан, 1991. – 119 с.

Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа – Азия. – М.: КомКнига, 2010. – 240 с.

Молодин В.И., Комиссаров С.А. Андроноидный могильник на территории Восточного Туркестана (Синьцзяна) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 342–349.

Жуань Цюжун. Синьцзян Или дицюй фасянь Аньдэлоново вэньхуа синь лэйсин (В округе Или, Синьцзян найден новый тип андроновской культуры) // Чжунго вэньу бао. – 02.03.2012а.

Жуань Цюжун. Нилэкэсянь Танбалэсаи муди каогу фацзюэ баогао (Отчет об археологических раскопках могильника Танбалэсаи, уезд Нилка) // Синьцзян вэньу (г. Урумчи). – 2012б. – № 2. – С. 4–20.

Жуань Цюжун. Синьцзян Тэкэсысянь Кокэсуси 2 муцюнь дэ фацзюэ (Раскопки могильника Коксу-запад-2, уезд Текес, Синьцзян) // Каогу. – 2012в. – № 9. – С. 5–16.

Жуань Цюжун, Ван Юнцян. Тэкэсысянь Кокэсуси 2 муцюнь каогу фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет об археологических раскопках могильника Коксу-запад-2, уезд Текес) // Синьцзян вэньу (г. Урумчи). – 2012. – № 2. – С. 51–67.

У Юн. Синьцзян Каши Сябаньди муди каогу фацзюэ синь шоухо (Новые результаты археологических раскопок могильника Сябаньди, округ Кашгар, Синьцзян) // Сиюй яньцзю (г. Урумчи). – 2005. – № 5. – С. 109–113.

У Юн. Лунь Синьцзян Каши Сябаньди муди цинтун шидай вэньхуа (О культурах бронзового века могильника Сябаньди, округ Кашгар, Синьцзян) // Сиюй яньцзю (г. Урумчи). – 2012а. – № 4. – С. 42–50.

[**У Юн**]. Синьцзян Сябаньди муди (Могильник Сябаньди в Синьцзяне). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2012б. – 11, 174 с. + 46 цв. ил.

Цянь Юй. Синьцзян фасянь Аньдэлоново вэньхуа шици каогу вэньхуа синь лэйсин (В Синьцзяне найден новый тип археологической культуры периода андроновской культуры) // Информ.-аналитич. портал «Сердце Азии» («Я синь») корпорации «Синьцзянская экономическая газета». – 07.03.2012. – URL: http://news.iyaxin.com/content/2012-03/07/content_3377125.htm (дата обращения 19.10.2013).

Шао Хуйцю. Синьцзян дицюй Аньдэлоново вэньхуа сянгуань ицунь таньси (Анализ памятников, связанных с андроновской культурой в регионе Синьцзяна) // Бяньцзян каогу яньцзю (г. Чанчунь). – 2009. – Вып. 8. – С. 81–97.

Kuzmina E.E. The Prehistory of the Silk Road. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2008. – XII, 248 p.

Molodin V.I., Komissarov S.A. Recent Finds of Bronze Age Cultures in Xinjiang and their Siberian Affinities // Тао ли чэн си – Цинчжу Ань Чжиминь сяньшэн баши шоучэнь (Путь среди персиков и слив: К 80-летию учителя Ань Чжиминя). – Hong Kong: Centre for Chinese Archaeology and Art; The Chinese University of Hong Kong, 2004. – P. 214–221.

В.И. Молодин[1], Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1], К.А. Борзых[2], Д.П. Иванова[3], П.С. Головков[4], Д.В. Селин[3], Л.А. Орлова[5], С.К. Васильев[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный педагогический университет
[3]Новосибирский государственный университет
[4]Сургутский государственный педагогический университет
[5]Институт геологии и минералогии СО РАН

КОНСТРУКТИВНЫЕ И ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩА № 5 ПОСЕЛЕНИЯ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕНГЕРОВО-2*

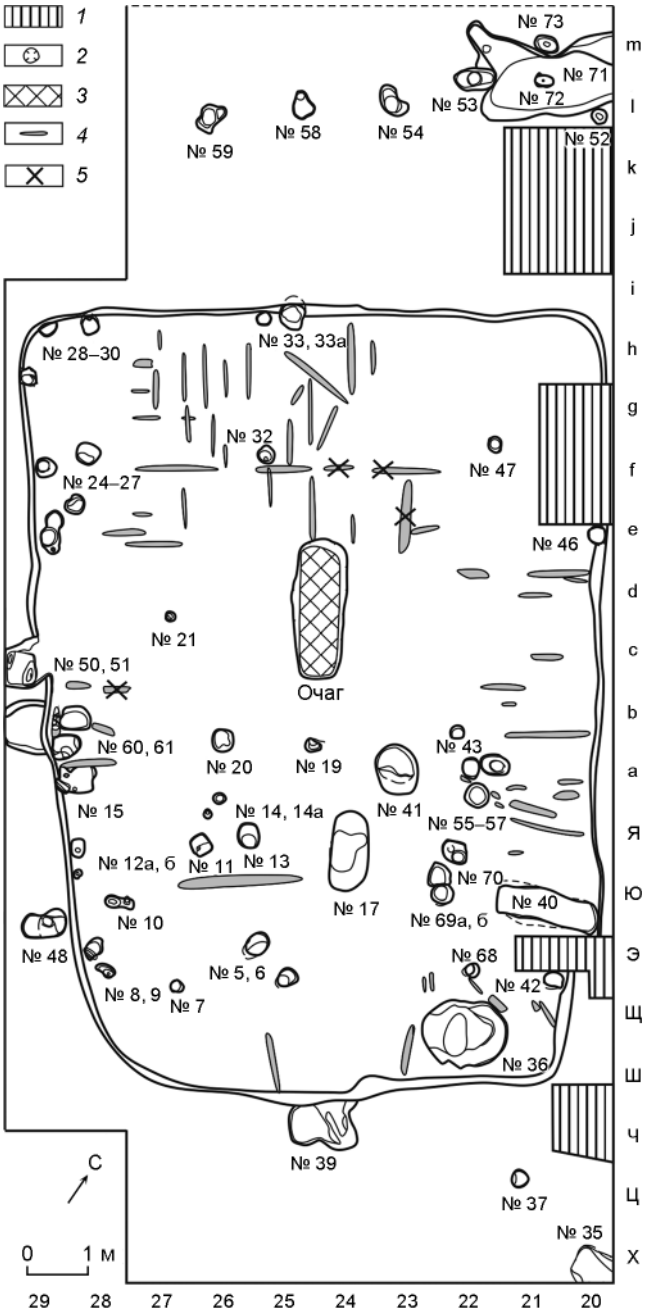
Исследования на памятнике Венгерово-2 являлись продолжением раскопок, начатых еще в 70-е гг. прошлого столетия и возобновленных в последние три года [Молодин, Полосьмак, 1978; Молодин и др., 2011; Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2012; Молодин, Нестерова, Мыльникова и др., 2012].

Напомним, что памятник Венгерово-2 расположен на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Поселение открыто в 1966 г. Т.Н. Троицкой [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980]. До начала работ 2013 г. была сделана магнитная съемка участка будущего раскопа, однако получить четкое представление о расположении объектов до раскопок не удалось, т.к. по краю террасы проходит линия связи (металлические провода), заглушающая все другие аномалии.

Раскоп 2013 г. занял 275,5 кв. м. В качестве объекта изучения была выбрана самая крупная западина, находящаяся на периферии поселения и расположенная перпендикулярно остальным объектам. В результате удалось подтвердить овально-кольцевую планировку поселка: по всей видимости, два-три ряда котлованов, расположенных параллельно друг другу, замыкались крупным жилищем, ориентированным вдоль террасы [Молодин, Нестерова, Мыльникова и др., 2012, с. 237–238].

Котлован жилища № 5 (см. *рисунок*) трапециевидной формы размерами 13×10 м, ориентирован длинной стороной по линии северо-запад – юго-восток. Углы округлые, стенки отвесные, высотой 20–29 см. Пол относительно ровный, с понижением к стенкам котлована. Выход, представляющий собой небольшой тамбур размерами 1,0×1,2 м, сооружен в юго-восточной стенке и направлен в сторону поселка. За пределами котлована, с северо-западной стороны в 3 м выявлен ряд столбовых ям, расположенных на одной линии. Ранее подобная ситуация была зафиксирована при раскопках жилища № 3, где аналогичные столбовые ямы интерпретированы как следы навеса, примыкающего к постройке [Молодин и др., 2011, с. 201]. Таким образом, можно констатировать, что сооружение

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №13-01-18023е.



Венгерово-2. План жилища № 5.

1 – нераскопанные участки, занятые деревьями; *2* – ямы; *3* – очаг; *4* – углистые линзы; *5* – место взятия проб угля.

навеса с одной из сторон жилища – конструктивная особенность строений, по крайней мере, на данном поселке.

Расположение котлована на краю террасы на достаточной глубине от современной поверхности (до 1 м) привело к хорошей консервации культурного слоя. При выборке заполнения котлована удалось четко зафиксировать конструктивные особенности постройки: т.к. жилище сгорело, упавшие стропила и деревянная рама сохранились как насыщенно-черные линзы с фрагментами углей.

Наличие в центре и у стен жилища многочисленных столбовых ям, а также тщательное изучение сохранившейся деревянной конструкции позволят в будущем осуществить более качественную реконструкцию жилого сооружения. Предварительно можно заключить, что жилище представляло собой каркасно-столбовую конструкцию пирамидальной формы с плоским верхом, стены которой были укреплены мощной «завалинкой» из утрамбованной материковой супеси. Подобные реконструкции выполнены М.П. Грязновым по материалам поселения эпохи бронзы у хут. Ляпичева [1953, с. 145].

Анализ планиграфического распределения находок на площади помещения, исследованного авторами в 2011 г., позволил выявить особенности внутренней планировки кротовского жилища и наметить несколько основных хозяйственно-производственных зон. Так, состав артефактов, зафиксированных в северо-западном углу, противоположном от входа, свидетельствует об организации здесь бронзолитейного производства. Юго-восточная часть, отличающаяся местонахождением огромного количества крупных фрагментов сосудов со следами ремонта и изготовлением из них керамических изделий, интерпретирована как место вторичной обработки керамики [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2012, с. 91–93; Молодин, Нестерова, Мыльникова и др., 2012, с. 240]. В жилище № 5, несмотря на его иную ориентацию и размеры, наблюдается аналогичная ситуация. В северо-западном участке жилища обнаружены фрагменты составного тигля со следами плавки в нем металла, бронзовые сплески, фрагменты литейных форм, орудия из кости, отщепы со следами ретуши. Юго-восточный угол занят скоплением фрагментов керамики, среди которых выявлены и вторичные изделия – скребки, абразивы, лощила. Таким образом, представляется, что организация внутреннего пространства обуславливалась не ориентацией самого жилища в контексте поселения, а связывалась с различными природными факторами (преобладающая роза ветров, стороны света, источник воды и т.д.).

Состав находок в жилище № 5 практически идентичен материалам раскопок предыдущих лет [Молодин, Полосьмак, 1978; Молодин и др., 2011]. Обращает на себя внимание бережное отношение к каменным артефактам: помимо собственно орудий, зачастую многофункциональных, практически на всех отщепах, даже самых мелких, фиксируются вторичная обработка и следы использования.

В центральной части жилища обнаружен мощный углубленный очаг подпрямоугольной формы, ориентированный параллельно длинным стенам жилища. Размеры очажной ямы (2,3×0,9 м), значительная прокаленность дна и стен (до 0,1 м), мощность заполнения (0,4 м), фиксация в заполнении огромного количества жженых костей позволяет говорить о долговременности использования очажного устройства и, соответственно, о длительности существования жилища. Впервые в очаге удалось обнаружить бронзовые сплески, что, несомненно, подтверждает предположение об осуществлении плавки металла в пределах жилого комплекса [Нестерова, 2012, с. 115]. Еще одной конструктивной особенностью очага является укрепление северо-западной стенки глиняной обмазкой. Использование глины при сооружении очажного устройства зафиксировано в жилищах кротовского поселения Преображенка-3 [Молодин, 1977, с. 54].

Исследованное жилище отличается от изученных ранее не только большими размерами, но и значительным количеством крупных фрагментов керамики, расположенных вдоль стен. Следует подчеркнуть, что это были не развалы сосудов, а отдельные крупные части фрагментов тулова, возможно, заготовки для изготовления керамических изделий. Отмечено также использование битой керамики для вымостки пола [Там же, с. 51], а также нижней части стен в районах производственных участков.

В плане изучения остеологических остатков показателен объект № 2, где помимо фрагментов керамики, предметов, связанных с бронзолитейным производством и орудиями из камня и кости, было обнаружено 428 костных фрагментов. Удалось определить остатки следующих видов (число костей / минимальное число особей): лесная куница (261/6), соболь (2/1), косуля (5/2), лось (2/1), лошадь (10/2), коза домашняя (16/2). Единичными находками представлены лисица, собака и сайгак. Таким образом, в скоплении 88,3 % определимых костей относятся к пушным зверям: кунице и единично представленным соболю и лисице. Менее представительны дикие копытные – косуля, лось и сайгак (2,7 % в сумме). Из заведомо домашних животных найдены остатки козы (5,4 %) и собаки. Судя по тому, что челюсть лошади принадлежит к молодой особи, ее остатки (3,3 %), возможно, также относятся к домашней форме. Присутствие в этом скоплении челюстей и зубов диких животных может свидетельствовать о каких-либо ритуальных действиях, сопровождавщих процесс плавки металла.

Таким образом, проведенные исследования позволили не только существенно пополнить коллекцию материала, но и уточнить некоторые особенности организации жилого пространства поселка кротовской культуры. Изучение конструкции жилища в свою очередь даст качественно новые выводы о домостроительных приемах населения эпохи развитой бронзы Барабинской лесостепи.

Из проб углей сгоревшей конструкции исследованной постройки в лаборатории ИГМ СО РАН были получены четыре радиоуглеродные даты (см. *таблицу*). Все они были прокалиброваны в программе OxCal_3.10

Радиоуглеродные и калиброванные даты поселения Венгерово-2

Контекст	Шифр	^{14}C-дата, л.н.	Калиброванная дата, лет до н.э.	
			± 1 сигма	± 2 сигма
Кв. b/28, h=-90	СОАН-9000	3360±50	1740ВС (10,9 %) 1710 ВС 1700ВС (51,0 %) 1600 ВС 1570ВС (6,3 %) 1530 ВС	1770ВС (95,4 %) 1510 ВС
Кв. f/23-24, h=-90	СОАН-9001	3550±65	1980ВС (41,9 %) 1860 ВС 1850ВС (26,3 %) 1770 ВС	2120ВС (1,6 %) 2090 ВС 2040ВС (92,3 %) 1730 ВС 1720ВС (1,5 %) 1690 ВС
Кв. e/23, h=-90	СОАН-9002	3560±80	2020ВС (46,6 %) 1860 ВС 1850ВС (21,6 %) 1770 ВС	2140ВС (95,4 %) 1690 ВС
Кв. f/24, h=-90	СОАН-9003	3550±45	1960ВС (45,1 %) 1870 ВС 1850ВС (23,1 %) 1770 ВС	2020ВС (95,4 %) 1750 ВС

[Reimer et al., 2004]. Суммарная хронология памятника Венгерово-2 по полученным результатам укладывается в промежуток XX–XVIII вв. до н.э. (по ± 2 сигме).

Список литературы

Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону // КСИИМК. – 1953. – Вып. 50. – С. 137–148.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Мароч-кин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерово-2 и открытие неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 199–205.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Вторичное использование фрагментов керамики на поселении кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. – С. 91–109.

Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н., Ефремова Н.С., Борзых К.А. Организация жилого пространства носителями кротовской культуры (на примере поселения Венгерово-2) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVII. – С. 237–240.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Венгерово-2 – поселение кротовской культуры // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. – С. 17–29.

Нестерова М.С. Проблемы идентификации очажных устройств (на примере поселения кротовской культуры Венгерово-2) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. – С. 110–116.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Bertrand C.J.H., Blackwell P.G., Buck C.E., Burr G.S., Cutler K.B., Damon P.E., Edwards R.L., Fairbanks R.G., Friedrich M., Guilderson T.P., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Manning S., Bronk Ramsey C., Reimer R.W., Remmele S., Southon J.R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F.W., Plicht J. van der, Weyhenmeyer C.E. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP // Radiocarbon. – 2004. – Vol. 46, № 3. – P. 1029–1058.

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова,
М.С. Нестерова, Д.А. Ненахов

Институт археологии и этнографии СО РАН

ПОСЕЛЕНИЕ ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРЫЙ ТАРТАС-5

Поселения одиновской культуры Барабы, в отличие от западного ареала ее распространения, изучены крайне слабо. Исключение составляет лишь памятник Марково-2, расположенный в Центральной Барабе [Молодин, 1981, 1985]. В связи с этим актуально исследование нового поселенческого комплекса с жилищными и хозяйственными сооружениями Старый Тартас-5.

Памятник открыт одним из авторов статьи в 1994 г. [Молодин, Новиков, 1998, с. 57]. Он расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл., в 1 км к югу от с. Старый Тартас, в 40 м к востоку от дороги Венгерово – Чаны, у километрового столба с отметкой 124/34, в березовой роще. Он представляет собой остатки поселения, состоящего из визуально фиксируемых 11 западин, расположенных в два параллельных ряда-улицы. Раскопкам предшествовал геофизический мониторинг.

Современное топографическое расположение памятника вдали от источника воды свидетельствует о существовании в древности недалеко от поселения исчезнувшего гидрологического объекта (старое русло, озеро?). Уже приходилось отмечать, что в Барабинской лесостепи размещение поселений кротовской культуры (Преображенка-3, Абрамово-10, Венгерово-2) на второй надпойменной террасе Оми и Тартаса, на значительном удалении от современного русла (более километра) неоспоримо свидетельствует о сильнейшем обводнении региона и, следовательно, о влажном и холодном климате в западносибирской лесостепи во второй половине III тыс. до н.э. [Молодин, Зах, 1979, с. 51–53]. Аналогичная климатическая ситуация характерна и для времени существования одиновской культуры, по крайней мере, для ее этапа, на котором названная и кротовская культуры сосуществовали (подробный сценарий культурогенеза предложен в ряде работ (см.: [Молодин, 2010; Molodin, 2012]). В пользу положения о холодном климате и обводнении говорят также геоморфологическая специфика процессов почвообразования на памятнике, сведения по палеоклиматологии, полученные для изучаемой территории, и своеобразие изломов фрагментов одиновских сосудов из нижних горизонтов – со значительной степенью ожелезненности. Возможно, этим

объясняется большое количество очагов и кострищ на раскопанной части памятника, которые, вероятно, помимо выполнения своих основных функций, служили и для обогрева рабочих площадок на территории поселения [Нестерова, Мыльникова, 2012].

В общей сложности сплошной площадью вскрыто 307 кв. м (рис. 1). Стратиграфическое распределение артефактов, обнаруженных на поселении, планиграфическое расположение объектов и анализ керамического материала свидетельствуют как минимум о четырех этапах его заселения. К наиболее раннему периоду относится керамика и серия каменных орудий, порой локализованные планиграфически (например, яма 31). Аналогии комплексу можно видеть в материалах артынской культуры эпохи позднего неолита, наиболее исследованной в Барабе на памятнике Автодром-2 [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106–108].

Основная масса находок и архитектурных сооружений относится к одиновской культуре. Их предварительному анализу посвящена настоящая работа.

Небольшие комплексы керамики эпохи средневековья и, вероятно, гребенчато-ямочной посуды байрыкского типа дополняют общую картину, фиксируемую на сегодняшний день на поселении.

В результате раскопок два сооружения (№ 1, 3) были исследованы полностью, а еще два (№ 2, 4) – частично. Все они относятся к одиновской культуре и имеют разное функциональное назначение. Кроме того, в межжилищном пространстве исследована серия ям, прокалов и очагов (рис. 1).

Типовым и, по-видимому, жилым сооружением на памятнике является конструкция № 1. Котлован подпрямоугольной формы с округлыми углами размерами 7,0×7,6 м, глубина – до 0,33 м в центральной части. Стенки котлована с небольшим наклоном или отвесные, высотой 0,08–0,19 м, дно ровное, понижается к центру жилища.

В центе жилища располагался очаг, являющийся частью производственного комплекса. Очажная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,32×0,45 м и глубиной от 0,05 до 0,15 м ориентирована параллельно стенкам жилища. Тщательная фиксация заполнения очага позволила выделить несколько участков, вероятно, связанных с особенностями функционирования объекта. Его юго-западная часть состояла из прокаленной супеси с многочисленными включениями мелких кусочков обожженной глины. В северо-западной части фиксировалась полоса золистой белесой супеси, в которой находились фрагменты керамики от одного сосуда, установленные на «торцах». Для размещения керамики подобным образом была сооружена неглубокая канавка. Северо-восточный участок отличался мощной линзой насыщенной углистой темно-серой супеси, в которой обнаружены фрагмент глиняного сопла и глиняный шарик с желобком, а также фрагменты литейных форм. Наличие экрана из фрагментов керамики, состав находок позволяют предположить, что очаг был многофункциональным и использовался не только для приготовления пищи и освещения, но и для производственной деятельности, связанной с металлургией.

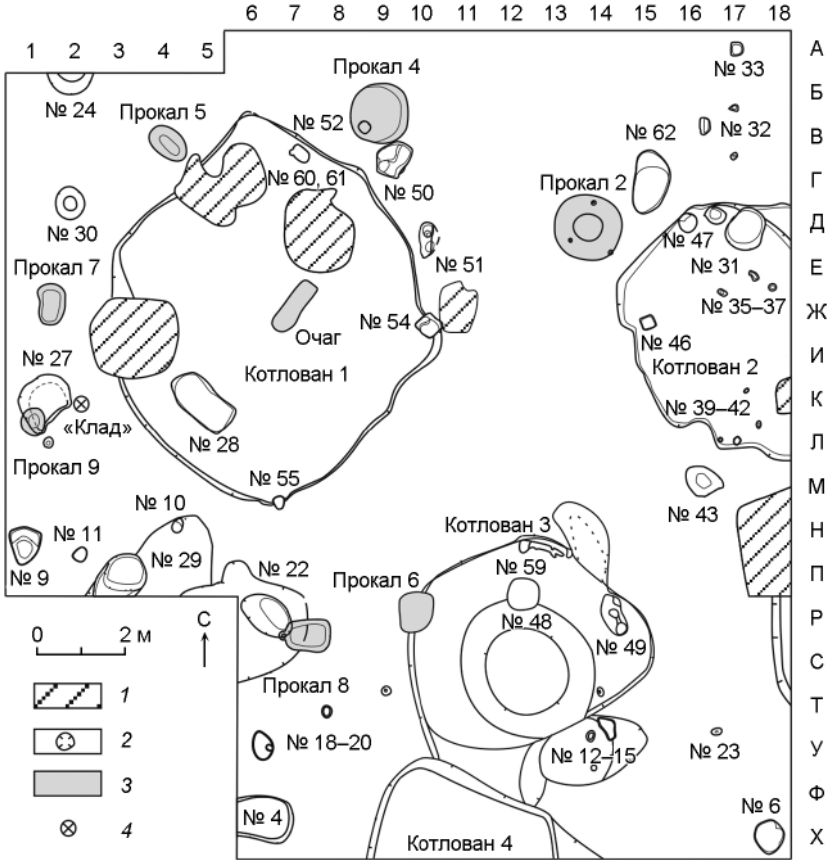


Рис. 1. Старый Тартас-5. План раскопа по материку.

1 – нераскопанные участки, занятые деревьями; *2* – ямы; *3* – участки прокаленного грунта; *4* – «клад».

Остальные архитектурные сооружения, выявленные при раскопках, скорее всего, имели хозяйственное назначение, о чем свидетельствуют их размеры, состав находок и отсутствие в них очагов.

Основная часть керамики несет на себе черты классической одиновской традиции: большинство сосудов – плоскодонной баночной формы, средних размеров. На внутренней поверхности читаются следы расчесов гребенчатым штампом. У значительной части изделий на срезе венчика располагаются оттиски гребенчатого штампа. Иногда оттиски штампов имеются и на зоне под венчиком с внутренней стороны (рис. 2, *12, 14, 16, 17*).

Орнамент покрывает всю поверхность изделий, зачастую и днище. Основу декора составляют разно наклонные ряды оттисков гребенки, чередующиеся с рядами ямок, а также ряды оттисков тонкого гладкого штампа. Под венчиком встречаются ряды жемчужин.

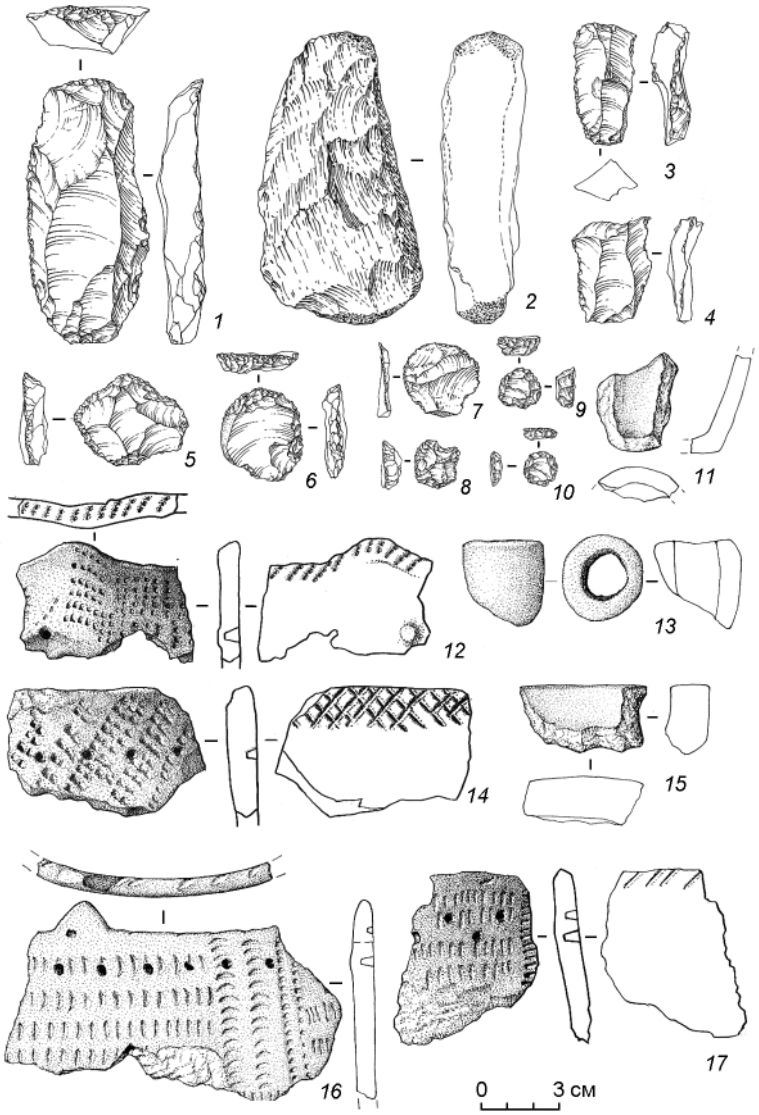


Рис. 2. Старый Тартас-5. Основные категории инвентаря из комплекса одиновской культуры.

1–5 – орудия из «клада»; *6–10* – скребки; *11, 15* – фрагменты тиглей; *12, 14, 16, 17* – фрагменты керамики; *13* – сопло.
1–10 – камень; *11–17* – глина.

Атрибутом керамического комплекса можно считать изделия с отпечатками «текстиля» на внутренней или наружной поверхности, как результат формовки изделий выбивкой. Поверх такого технического орнамента обычно нанесен декоративный. Следует отметить редкие орнаменты: пальцевые защипы по венчику, налепной валик, оттиски шагающей гребенки. В целом полученный комплекс абсолютно тождественен материалам как западного, так и восточного ареалов распространения одиновской культуры [Крижевская, 1977], равно как и посуде из погребальных комплексов Барабы [Молодин, 2012, рис. 203, 235].

Основным материалом для орудийного набора служил камень. В условиях отсутствия местного сырья его петрографическое изучение становится источником для реконструкции путей его доставки в регион. Использование каменных артефактов до полной сработанности, а также следы утилитарной ретуши на невзрачных обломках и большинстве отщепов свидетельствуют о ценности каменного сырья. Так, например, размеры скребков варьируют от 6 до 1 см в диаметре (рис. 2, *6–10*). Также велика доля многофункциональных комбинированных орудий, маргиналы которых использовались для различных функций (проколки, скребки, скобели, ножи). Помимо типичной индустрии встречаются достаточно крупные массивные пластинчатые отщепы, использовавшиеся в качестве скребел. Большой процент находок составляют гальки разной формы и диаметра. За пределами жилища № 1 с западной стороны зафиксирован «клад», состоящий из шести каменных предметов: двух скребков, двух пластин с ретушью и «ударника» (рис. 2, *1–5*), а также нескольких изделий из кости. Несмотря на плохую сохранность кости, после реставрации четко видно, что это – орудия, большинство из них имеют следы употребления в виде залощенности, отверстий, надрезов.

Выявлены предметы, связанные с бронзолитейным производством: тигель, обломки форм, глиняные сопла (рис. 2, *11, 13, 15*). Впервые для поселенческого комплекса одиновской культуры обнаружено изделие из бронзы (фрагмент пластины).

Таким образом, полученная на памятнике разноплановая информация имеет большое значение для изучения культуры и хозяйственной деятельности носителей одиновской культуры, которая представляет собой яркое и самобытное явление эпохи бронзы в Западной Сибири.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 106–108.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та. – 1977. – 128 с.

Молодин В.И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 63–75.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Современное представление об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой): сб. ст. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Зах В.А. Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейнах рек Оби, Ини, Оми и их притоков // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1979. – С. 17–29.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохр. культ. наследия, 1998. – 140 с.

Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н. К реконструкции очажных устройств одиновской культуры (по материалам поселения Старый Тартас-5) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVII. – С. 258–261.

Molodin V.I. The Ob-Irtysh Forest-Steppe in the Bronze Age // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. – Krakow, 2012. – P. 491–499.

В.П. Мыльников[1, 2], Д.П. Волков[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Центр по сохранению культурного наследия Амурской области

ДЕРЕВЯННЫЕ ПРЕДМЕТЫ НАСЕЛЕНИЯ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ассортимент и функция*

В статье представлены результаты комплексного трасологического и сравнительно-типологического анализов деревянных артефактов, добытых во время первых археологических исследований в 1975–1976 гг. на территории Албазинского острога XVII–XIX вв. в Амурской обл. Авторы археологических раскопок – С.В. Глинский и В.В. Сухих. Материалы до недавнего времени хранились в архиве ИАЭТ СО РАН. В прошлом году коллекция предметов, изготовленных из дерева, была исследована по отработанной и проверенной временем методике [Мыльников, 1999; 2008; 2011]. Весной все артефакты 2013 г. были переданы в Центр сохранения историко-культурного наследия Амурской области в г. Благовещенск. В настоящее время большая часть вещей дополняет экспозицию истории Албазинского острога в городском государственном краеведческом музее.

Городище «Албазинская крепость» – это уникальный памятник русской истории и культуры на Дальнем Востоке. Албазин (ныне с. Албазино Сковородинского р-на Амурской обл.) в работах историков фигурирует в связи с двумя крупными событиями второй половины XVII века в Приамурье: приведением Е.П. Хабаровым в русское подданство значительной части населявших Приамурье народов в 1649–1653 гг. и двумя осадами крепости маньчжурами в 1685 и 1686–1687 гг. Во время нового заселения Приамурья в XIX в. на месте Албазина была вновь основана казачья станица. На начало XX в. в ней проживало ок. 600 жителей. В настоящее время памятник является объектом исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения [Артемьев, 1990; Глинский, Сухих, 1992]. Некоторые из атрибутов Албазинского острога хранятся в крупнейших музеях страны: знамя с образом Спаса Вседержителя – в оружейной палате Московского кремля, серебряная печать 1682 г. – в Государственном Эрмитаже. Икона Албазинской Божией Матери из острога до сих пор является самой почитаемой святыней православия на Дальнем Востоке [Александров, 1984].

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 14-06-00465.

Результаты исследования. Коллекция насчитывала более ста предметов. Из них археологически целых изделий около половины, остальные – крупные и мелкие фрагменты. Наиболее репрезентативные и атрибутированные представлены на фото (рис. 1, 2). Примерно половина предметов со сложной конфигурацией формы сделана из древесины лиственных пород, вторая половина – из хвойных. Это объясняется механическими

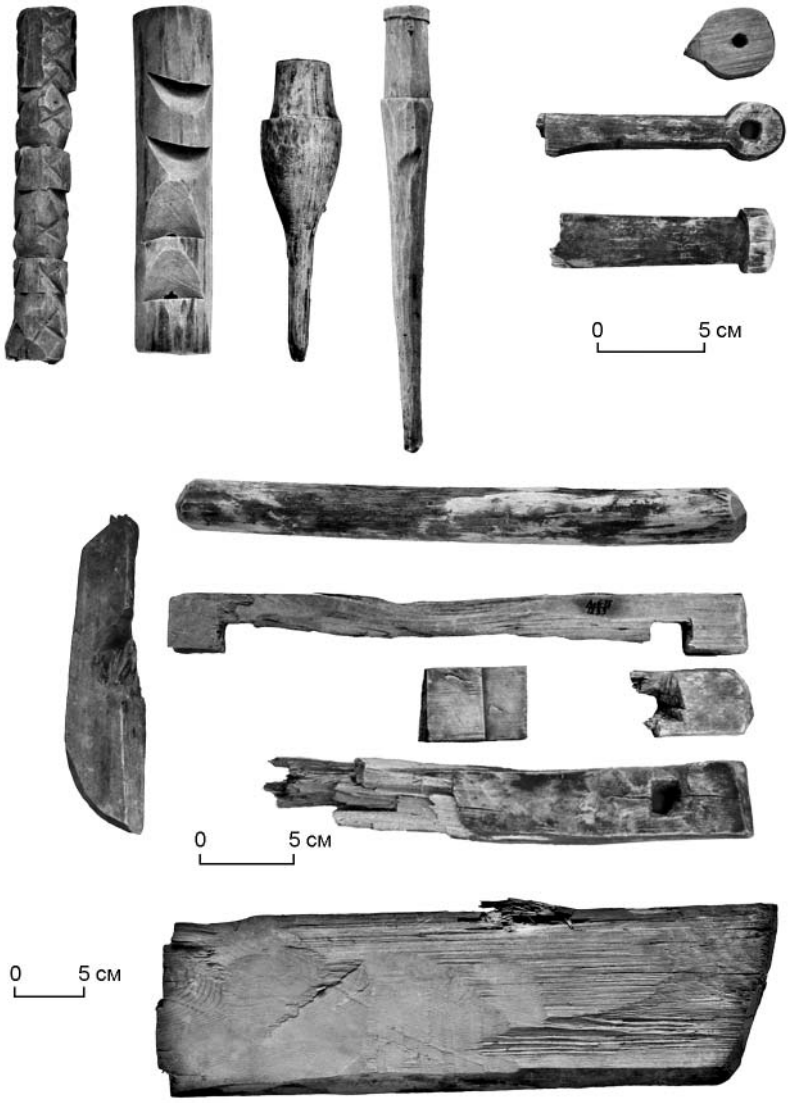


Рис. 1. Деревянные предметы XVII–XIX вв. из Албазинского острога.
Деталь украшения, фрагмент свирели, предметы для прядения и ткачества, фрагменты рукоятей инструментов, хозяйственно-бытовые предметы.

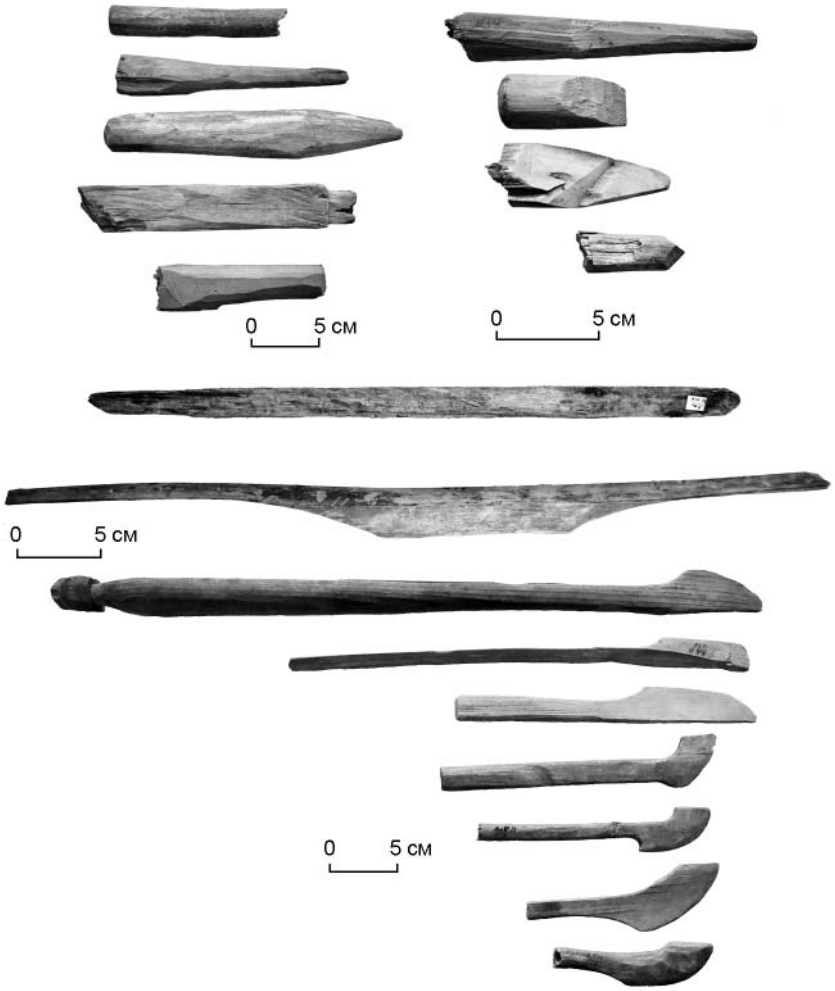


Рис. 2. Деревянные предметы XVII–XIX вв. из Албазинского острога.
Колья, клинья, фрагменты древков хозяйственно-бытовых предметов, фрагменты рукояти кнутовища, рукояти кибити лука, набор вспомогательных инструментов гончара.

и физическими свойствами материала. Древесина лиственных пород более пластична и менее колка. Из нее лучше, чем из хвойных (исключая древесину кедра), легче и проще изготавливать изделия с усложненной криволинейной формой.

Анализ трасологии следов лезвий инструментов позволил выделить следующие их виды: топор – ширина лезвия 9–12 см, ножи с широким и узким лезвиями, стамески с прямым лезвием шириной 6–10 мм, сверла диаметром 3–6 мм. Операции деревообработки: рубка, раскол, строгание, долбление, сверление, шкурение, заглаживание, гнутье, резьба.

Функциональный анализ выявил определенные категории предметов.

Хозяйственно-бытовые предметы: клинья, колья, колотушки, дощечки; заготовки для рукоятей и фрагменты различных инструментов, фрагменты круглых древков разной длины и профиля, реечки.

Кухонные предметы: крючки, плашки с выбранными ободками и регулировочные планки с отверстиями для подвешивания котелков и чайников над очагом; обломки деревянных ободов для деревянных емкостей (ведер, логушков, лоханей, ушатов, бочек) и т.д.

Предметы вооружения: рукоять кибити простого лука, фрагменты древков деревянных стрел.

Музыкальные инструменты и предметы искусства: расколотые пополам фрагменты свирели и палочки с балясинками, покрытой резьбой с геометрическим орнаментом.

Инструменты ремесленников: вспомогательные инструменты гончара – дощечки, стеки (шнарики, резцы, профили), ножи, специальные заостренные деревянные палочки, скребки, клюшки; части и фрагменты простейших приспособлений для прядения и ткачества – детали механизма для ножной прялки, конусовидные древки с полусферой и выбранным ободком для наматывания нити.

Проведенные исследования выявили богатый и разнообразный ассортимент деревянных предметов, свидетельствующий о широком применении древесины лиственных и хвойных пород для изготовления предметов самого разнообразного назначения на территории Албазинского острога в XVII–XIX вв.

Список литературы

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. – 272 с.

Артемьев А.Р. Памятники истории освоения русскими Дальнего Востока: проблемы археологического изучения // Вестн. ДВО АН СССР. – 1990. – № 4. – С. 113–119.

Глинский С.Г., Сухих В.В. Реконструкция крепостных сооружений Албазинской крепости по археологическим источникам и опубликованным материалам // Зап. Амурск. обл. краевед. музея и общества краеведов. – Благовещенск, 1992. – Вып.7. – С. 91–97.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная Азия): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 54 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 188 с.

В.П. Мыльников[1, 2], Е.В. Степанова[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Государственный Эрмитаж

ФИЗИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ПОЛУЧЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ КОМПЛЕКСНОМ АНАЛИЗЕ ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТОВ*

Проблема извлечения максимальной информации из первоисточника была и остается вопросом первостепенной важности. Все больше новых разнообразных аналитических методов и подходов включаются исследователями в комплексное изучение археологических предметов. Одним из проверенных и хорошо зарекомендовавших себя в отечественной археологии является метод физического моделирования [Семёнов, 1968; Минасян, 1990; Мыльников, 1995, с. 3; 1999, с. 4; Глушков, 1996; Бородовский, 1997]. Физическое моделирование целиком основано на эксперименте. Оно заключается в воспроизведении реплик-копий изучаемых археологических предметов из того же (или максимально приближенного по структурным показателям к аналогу) материала, теми же инструментами, способами и приемами. Основная его цель – выявление по отпечаткам следов лезвий орудий необходимого набора инструментов, технологических операций, техник и приемов обработки, временного показателя накопления опыта, знаний, навыков и умений, необходимых для полного изготовления реплики, а также определения условий, влияющих на характеристики и показатели процесса деревообработки [Мыльников, 1999, с. 4]. Являясь определенным критерием истины, эксперимент позволяет на практике проследить логику реальных технологических действий древних мастеров и среди многообразия предположений провести естественный отбор целесообразного и рационального. Ценность его заключается еще и в том, что все реконструкции, построенные на исследовании археологического материала этнографической сохранности, имеют абсолютную достоверность. Иными словами, такие реконструкции имеют доказательную верификацию.

В статье публикуются результаты исследований, полученные при изучении эталонных археологических материалов классического памятника Пазырык, курган 3 – набор седельных украшений коня, вырезанных из кедровых дощечек. Чтобы результаты проведенного анализа были объективны, верифицируемы и достаточно представительны, мы ото-

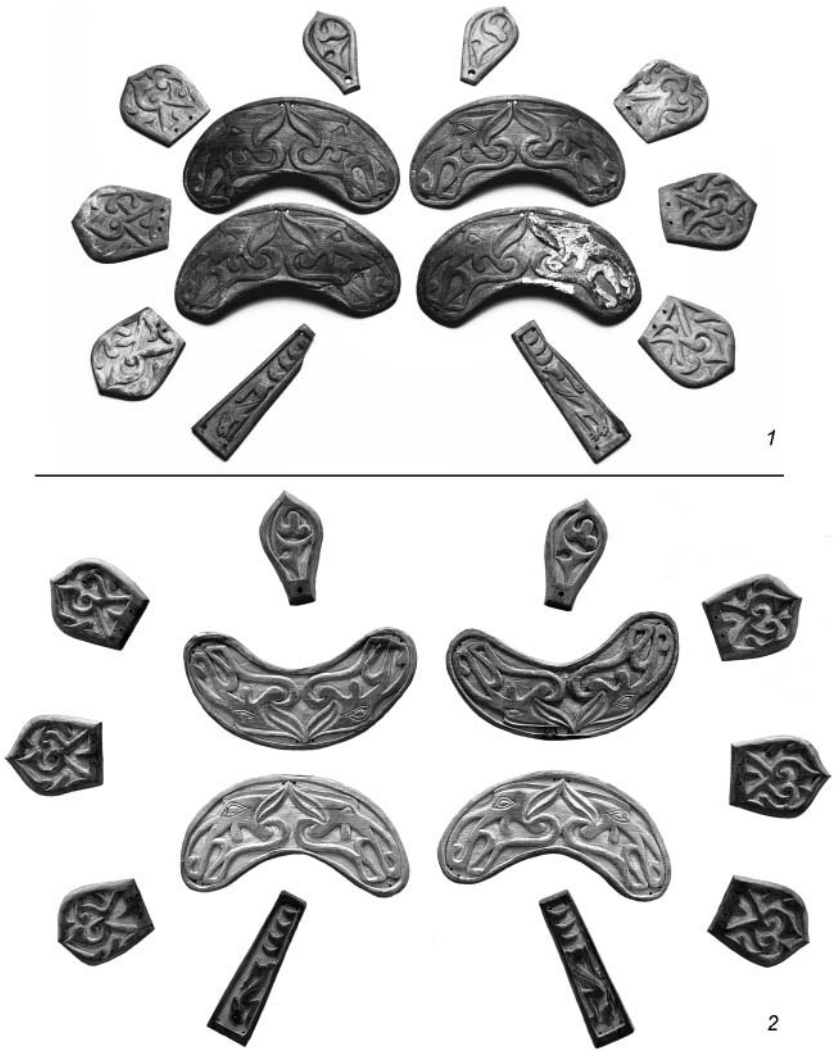
*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 14-06-00465.

брали источники самой высокой степени сохранности с максимальным количеством следов обработки. Эти два показателя находятся в прямой зависимости друг от друга и определяют уровень пригодности источника для его комплексного анализа и интерпретации [Гарден, 1983, с. 49, 194; Квиркелия, 1988, с. 30; Кузьмин, Варламов, 1988, с. 146; Погребова, Раевский, 1992, с. 4]. Формула «сохранность артефактов – следы обработки – возможность реконструкции» в идеале должна составлять основу для изучения любого из древнейших производств. Все, вместе взятое, создает реальную перспективу перехода к «доказательным интерпретациям статуса уже не гипотез, а проверяемой методами точных наук теории» [Ларичев, 1988, с. 184].

Многолетние исследования убедили нас в том, что художественная резьба у носителей пазырыкской культуры на Алтае была специализированным видом обработки дерева [Мыльников, 1995; 1999; 2008; 2011]. Она сочетала в себе все достижения плотницкого и столярного искусства и в то же время находилась в некоторой обособленности от плотницкого и столярного дела. Плотники и столяры могли стать искусными резчиками по дереву, имея многолетнюю практику работы с материалом малых размеров. Специалист по художественной обработке дерева мог и не быть классным столяром или плотником, тем не менее, он знал основы их мастерства, необходимые ему для выбора материала, изготовления заготовок, подготовке их к резьбе. Техника и технология художественной резьбы, особенно высокого качества, требовала многолетней наработки навыков специализированного отбора материала, наиболее подходящего для конкретного вида работ, способов и приемов его обработки. Помимо чисто технологических аспектов профессиональный резчик должен был знать культурные традиции данной социальной группы или общественного объединения, легенды и предания, мифы и сказания, связанные с историей каждого рода и племени, их тотемных покровителей и многое другое. Практика и секреты технологии художественной резьбы вырабатывали у резчиков профессиональные традиции этого вида ремесла. Особенность художественной резьбы у резчиков степной и лесостепной полосы Северной и Центральной Азии в раннем железном веке заключалась в том, что заготовки для резьбы – кедровые бруски и дощечки – изготавливали при помощи топора, тесла, клиньев. А выявление объема, простого и сложного орнамента и рельефов производилось в основном одним универсальным инструментом – ножом.

Экспериментальные исследования при изготовлении копий-реплик деревянных седельных украшений коня носителей пазырыкской культуры из кургана 3, могильника Пазырык (см. *рисунок*) показали, что физическое моделирование, как метод извлечения дополнительной информации из первоисточника при комплексном анализе дает много дополнительной ценной информации, которую невозможно получить при традиционном подходе. Ниже приведены основные результаты.

Малые и средние подвесные бляхи седельных ремней с криволинейным орнаментом изготовлены из прямых оструганных дощечек. На про-



Комплект седельных украшений коня из кург. 3 могильника Пазырык.
1 – предметы из коллекции Государственного Эрмитажа; *2* – экспериментальная копия.

изводство бляхи среднего размера с простым криволинейным орнаментом затрачивается втрое меньше времени, чем на одну больших накладок на седельную луку с изображением лосиных голов. Малые бляхи требуют временных затрат в полтора раза меньше, чем украшения среднего размера.

Заготовки больших накладок на седельную луку с изображением лосиных голов, ориентированных в разные стороны (протомы), после раскола, обрубки, лицовки долго оструживаются мелкими частыми срезами для придания им необходимой дугообразной формы с кривизной дуги

160°. При этом, при постоянном контроле, соблюдается необходимая ровная толщина заготовки по всей поверхности. После этого наносится сложный рисунок по лекалу или (в зависимости от уровня мастерства) на глаз и потом вырезается рельеф.

Планки накладок на подхвостные седельные ремни в форме вытянутых трапеций изготовлены с затратами разного количества времени. У первого изделия, где фигура ориентирована слева-направо, туловище зайца больше размерами и рельеф проработан четче. У второго изделия больше времени затрачено на проработку зеркального отражения рисунка – уменьшенное изображение зайца ориентировано в противоположную сторону, и вместо трех косых полулунных островерхих дополнительных украшений (мощные когти или клыки кошачьего хищника – магический оберег) – четыре.

Первое изделие из серии всегда требует больше временных затрат, чем последующие.

Даже при использовании одного лекала (шаблона) не получается двух абсолютно одинаковых предметов. Обязательно появляются небольшие допуски и расхождения.

На выявление рельефа орнамента малых блях затрачено времени в полтора раза меньше, чем на резьбу блях среднего размера.

Всего чистого рабочего времени от момента выбора сырья до полного изготовления предмета (изготовление заготовок, рубка, раскол, отеска, лицовка, разметка, резьба) затрачено 60 ч. Четыре больших накладки на седельную луку с изображением пар голов лосей сработаны за 28 ч, шесть средних подвесных блях седельных ремней с криволинейным орнаментом – за 24 ч, две малые подвесные бляхи седельных ремней с криволинейным орнаментом – за 8 ч.

В ходе исследования возникли два вопроса. Почему мастер только у одной из четырех больших накладок на седельную луку с изображением пар голов лосей тщательно с дополнительными деталями проработал глаз у левого изображения головы лося? Почему на одной из накладок на подхвостный ремень изображение зайца меньше, чем на другой и вместо трех когтей вырезано четыре? Пока нет определенного ответа. Есть два предположения по первому вопросу: 1) необходимость сокращения времени – на вырезание дополнительной оконтуривающей веко прорези; 2) без выраженного контура век глаз более реалистичен.

Список литературы

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. до н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. – М.: Прогресс, 1983. – 295 с.

Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Квиркелия О.Р. Методологические проблемы кабинетного исследования // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 18–32.

Кузьмин Н.Ю., Варламов О.Б. Особенности погребального обряда племен минусинской котловины на рубеже нашей эры // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 146–156.

Ларичев В.Е. Мальтинская пластина – счетная календарно-астрономическая таблица древнекаменного века Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 184–225.

Минасян Р.С. Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // Археологический сборник. – Л.: Искусство, 1990. – № 30. – С. 67–76.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры: автореф. дис…канд. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 18 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная Азия): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 54 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 188 с.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1992. – 260 с.

Семёнов С.А. Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 220 с.

С.П. Нестеров

Институт археологии и этнографии СО РАН

НАЧАЛО РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРИАМУРЬЕ

Оценивая современное состояние уровня изучения этнокультурных процессов в Приамурье в эпоху палеометалла, начало которой связано с урильской культурой (в XII в. до н.э.), в первую очередь, нужно иметь в виду переходный период от одной эпохи к другой и те этнические и культурные изменения, которые происходили у данного населения. Для Приамурья – это был период конца II тыс. до н.э., когда в регионе вместе с урильской культурой появляются изделия из бронзы и железа. Несмотря на то, что поздненеолитические осиноозерская и вознесеновская культуры различаются в культурном плане, есть мнение исследователей о том, что их население могло принять участие в формировании урильской культуры [Деревянко А.П., 1973, с. 272; Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001, гл. III]. Однако данный процесс в настоящее время мало изучен. Не совсем понятна доля участия приамурского поздненеолитического населения в ее становлении на раннем этапе, т.к. уже в это время (к рубежу II–I тыс. до н.э.) урильская культура представлена археологическими памятниками, свидетельствующими об ее однородности. Причем ранние памятники урильской культуры есть и в Западном (Урильский Остров, Букинский Ключ-1, Сухие Протоки-2), и в Восточном (Рыбное Озеро, Кочковатка, Круглое Озеро) Приамурье.

Носители урильской культуры объединили территорию Приамурья в единый культурный ареал. Однако уже в середине I тыс. до н.э. в восточной части Приамурья с ее участием формируется польцевская культура [Деревянко А.П., 1976]. В Западном Приамурье урильская культура доживает до II в. до н.э., когда ее население смешивается с прототалаканскими племенами, пришедшими из Забайкалья, образуя талаканскую культуру. Новое объединение Приамурья в единый этнокультурный регион происходит не ранее конца VII в. н.э., когда в Западное Приамурье переселяются мохэ.

Основная проблема, которая требует своего разрешения, – определение места исхода протоурильского населения в Приамурье. О том, что это была мощная миграция, причем не только в Приамурье, но и в Приморье, свидетельствует сходство урильской и янковской культур [Деревянко А.П., 1973].

Предположение А.В. Гребенщикова [Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001, гл. III] об участии населения поздненеолитической культуры в формировании урильской культуры не объясняет, почему в ареале поздненеолитической осиноозерской культуры в Западном Приамурье раннеурильская керамика схожа с таковой из Восточного Приамурья. К тому же для урильских памятников западной части Приамурья получены пока самые ранние радиоуглеродные даты [Нестеров, Кузьмин, Орлова, 1998].

Анализ раннеурильских материалов с памятников Урильский Остров, Букинский Ключ-1, Сухие Протоки-2, Максим Горький показал, что ряд предметов из бронзы (дольчатые пронизки, бляшки, лапчатые бляшки-нашивки) и железа (коленчатый нож, кельты), свидетельствует о том, что носители урильской культуры, видимо, еще до прихода на Амур были знакомы с предметным комплексом карасукской культуры. Новое, что появилось уже в Приамурье, – это изделия из железа и чугуна [Краминцев, 1996]. Столь раннее появление в урильской культуре изготовления железа и чугуна могло быть связано с высокотехнологическими знаниями протоурильского населения в области обжига керамической посуды и бронзолитейного производства. В условиях Приамурья, где отсутствует легкий доступ к меднорудным источникам в горных районах [Конькова, 1989], навыки, связанные с высокотемпературным производством в области бронзовой металлургии, могли быть реализованы в производстве железа из болотных руд, которые представляют собой разновидность бурого железняка, отлагающегося в болотах, встречающегося в приречных или болотистых лугах (луговая руда).

Материалы ранних урильских памятников демонстрируют знакомство населения с земледелием, животноводством (свиноводством), охотой и рыболовством. Освоение левого берега Амура, Зеи и Буреи (охотничье-рыболовные стоянки в таежной зоне), Сунгари и Уссури косвенно можно связать с наличием в хозяйстве речного транспорта (лодок). Не исключено, что данные навыки хозяйственной деятельности были присущи им еще до прихода в Приамурье.

Для определения места исхода протоурильского населения в Приамурье необходимо сочетание фактов. Часть из них была названа выше, исходя из данных археологических материалов. Если говорить о географическом факторе, то масштабный исход с севера из Якутии синхронного урильской культуре населения усть-мильской культуры маловероятен. Можно говорить о совпадении в обеих культурах валикового, вафельного и гребенчатого орнамента, но якутская керамика – круглодонная, а приамурская – плоскодонная. Бронзовые изделия из Якутии имеют близкие аналоги среди образцов с севера Забайкалья и Прибайкалья, что предполагает культурные связи или инфильтрацию населения в это время на данную территорию [Эртюков, 1990, с. 95–109; Алексеев, 1996, с. 70–80]. К тому же для одновременного появления мигрантов из Якутии в разных частях Приамурья, т.е. к западу и к востоку от гор Малого Хингана, который практически всегда для населения был этнокультурной грани-

цей, отсутствуют удобные маршруты. На северо-востоке нижнего Амура по окончании неолитической эпохи выделяется керамический комплекс раковинной традиции с петлевидной, шнуровой орнаментикой – памятники копинского типа (или культуры), отсутствующие в керамике урильской культуры [Шевкомуд, 2004, с. 139–141].

Западное (из Восточного Забайкалья) направление можно с определенной долей вероятности также исключить из возможной точки исхода. Несмотря на то, что население верховьев Амура в конце II тыс. до н.э. могло быть знакомо с достижениями бронзолитейного дела соседей в Забайкалье, в том числе с карасукскими бронзами, и в условиях гор Большого Хингана знать свиноводство, движение вниз по Амуру должно было привести к последовательному освоению его бассейна. Тогда в урильских материалах, возможно, можно было бы увидеть влияние на нее поздненеолитической осиноозерской культуры, элементы которой при дальнейшем освоении территорий вниз по Амуру должно было бы оказаться в Восточном Приамурье. Однако этого пока не наблюдается. Правда, и наши знания о населении верхнего Амура этого периода пока ограничиваются лишь находками керамики осиноозерской и урильской культуры в районе с. Албазино [Черкасов и др., 2012, с. 30].

Роль осиноозерских традиций в сложении урильской культуры пока в достаточной степени не выявлена. Можно лишь говорить о наличии в обеих культурах шлифованных каменных изделий, но они были широко распространены и во времени, и в пространстве азиатского региона [Деревянко А.П., 1973, с. 267–268]. Сохранение на раннем этапе в урильской культуре традиции изготовления шлифованных орудий (топоров, тесел, стамесок и др.) могло быть связано с дефицитом предметов из бронзы и с трудностями первоначального освоения железа. Так, на памятнике Сухие Протоки-2 на р. Бурее в урильском слое, наряду с обломком бронзового ножа, бронзовой бляшки-пронизки, фрагментом коленчатого железного ножа и кусками чугунного кельта, найдены шлифованные предметы. В тоже время на стоянке Букинский Ключ-1 ниже по течению Буреи, в раннем урильском слое найдена бронзовая лапчатая бляшка-нашивка, железный стержень, куски железистого шлака, но шлифованные изделия не обнаружены, хотя памятник раскопан практически полностью.

Южное, маньчжурское направление как региона, откуда началась миграция населения, которое освоило Приамурье и Приморье и положило начало эпохе раннего железного века на Дальнем Востоке, является наиболее перспективным. Маньчжурия граничит с северными районами Китая и Центральной Азией, откуда к ее населению могли попадать достижения в области материальной культуры (в том числе бронзолитейной) шан-иньской, чжоуской и карасукской общности.

Имеющиеся данные китайских летописей свидетельствуют о том, что толчком к переселению маньчжурских протоурильских и протоянковских племен могли послужить политические события XII–XI вв. до н.э., связанные с походами правителей государства Чжоу Чэн-вана (1115–1078 гг.

до н.э.) и Му-вана (1001–946 гг. до н.э.) против восточных варваров – сушэней. Последние были вынуждены мигрировать с Северо-Китайской равнины на территорию Ляодуна, Маньчжурии, Приморья и Корейского полуострова [Шавкунов, 1990, с. 23, 26]. Не исключено, что сушэньская миграция и чжоуская агрессия вынудили местное население искать спасение на севере – в Приамурье, а также на востоке – в Приморье. Наличие водных путей вверх по р. Нонни и ее притокам, вниз по р. Сунгари способствовало быстрому продвижению двух родственных миграционных потоков. В Западном Приамурье мигранты, пройдя «коридором» между западными отрогами Малого Хингана и Ильхури-Алинем, вышли на Амур и на Зейско-Буреинскую низменность. В Восточном Приамурье протоурильские племена, пройдя узкий саньсинский проход в низовьях Сунгари, оказались в междуречье Амура, Сунгари и Уссури на Нижне-Амурской и Нижне-Сунгарийской низменности.

Протоурильские миграционные потоки в этнокультурном плане были схожи, хотя не исключено, что состояли из различных родовых и племенных групп. Возможно, о многокомпонентности состава урильской культуры свидетельствует разнообразие форм керамических сосудов и орнамент на них. В археологическом плане сейчас пока четко вычленяется «пиктографический» узор, который был свойственен керамике культуры байцзиньбао в бассейне Нонни и Сунгари. В урильской культуре он присутствует на памятнике Рыбное Озеро [Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001, с. 67]. Его производные в виде отдельных «пиктографических» элементов, по нашему мнению, можно наблюдать на посуде многих урильских памятников Приамурья: к нему можно причислить и прочесы зубчатым шпателем («разложившийся меандр»), и сложнофигурные рельефы, выполненные как прочерчиванием, так и выглаженными валиками [Там же, с. 80–110].

Таким образом, появление урильской культуры в Приамурье в настоящее время можно связать с миграцией протоурильского конгломерата из Маньчжурии в XII–XI вв. до н.э., спровоцированного чжоуской агрессией против «восточных варваров». Роль поздненеолитических культур Приамурья в формировании урильской культуры пока в достаточной степени не определена.

Список литературы

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.

Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И. Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Конькова Л.В. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР (рубеж II–I тыс. до н.э.). – Л.: Наука, 1989. – 124 с.

Краминцев В.А. Литая сталь польцевского поселения // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири (Мат-лы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1996 г.). – Новосибирск, 1996. – С. 125–128.

Нестеров С.П., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А. Хронология культур раннего железного века и средневековья Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 19–25.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII веков и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 282 с.

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 156 с.

Черкасов А., Беляков Б., Вальчак С., Чхаидзе В., Волков Д. Археологические исследования в Албазино: от амурского неолита до русского средневековья // Родина. – 2012. – № 12. – С. 28–30.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

А.В. Новиков[1], Ю.Н. Гаркуша[1],
О.И. Новикова[1, 2], А.В. Кениг[1, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА НЯЛИНСКОЕ I В 2013 ГОДУ

Городище Нялинское I находится в Ханты-Мансийском р-не ХМАО – Югры, в 5 км к северо-западу от западной окраины поселка Нялино. Памятник расположен на узком длинном мысу, вдающемся в низкую болотистую пойму р. Оби. Южная оконечность мыса отделена от остальной площади городища двусторонним глубоким (до 4 м) рвом. Верхняя площадка мыса, имеющая с напольной стороны ширину 8 м, постепенно сужается и приобретает форму острого гребня, шириной менее 1 м. Высота мыса составляет 8 м от подножия и 9 м от уреза воды. Длина мыса по гребню – 76 м от рва до оконечности у подножия террасы. Общая площадь мысовой части городища приблизительно 230 кв. м., она значительно потревожена несанкционированными раскопками «черных археологов», а также имеет разрушения природного характера.

Памятник был обнаружен разведочной группой Уральской археологической экспедиции в составе О.В. Малоземовой и А.П. Зыкова в 1994 г. В обнажениях культурного слоя была собрана керамика двух культурно-хронологических типов: зеленогорского (VI–VII вв. н.э.) и кинтусовского (X–XII вв. н.э.), на основании чего памятник был датирован эпохой средневековья [Малоземова, 1995]. В 2005 г. в ходе мониторинга археологических объектов, проводившегося Центром охраны культурного наследия (г. Ханты-Мансийск), состояние городища Нялинское I было признано аварийным. В 2006–2007 гг. на южном участке городища Л.Н. Сладковой проводились аварийно-спасательные работы, в ходе которых была вскрыта площадь в 64 кв. м. Раскоп 2007 г. был не закончен и законсервирован. С учетом стратиграфической ситуации, планиграфии и характера находок, исследователем был сделан вывод о том, что площадку № 1 (южный участок) городища Нялинское I следует считать культовым местом, которое функционировало с эпохи раннего средневековья вплоть до начала XX в. [Сладкова, 2007, 2008]. Материалы раскопок не опубликованы, за исключением коллекции перстней [Кузина, 2012].

В ходе полевых работ 2013 г. был доисследован законсервированный раскоп 2007 г. и изучены прилегающие к нему участки. Общая площадь раскопа составила 76 кв. м. Мощность культурных напластований на раз-

ных участках варьировалась от 35 до 150 см. Были зафиксированы следы антропогенного нарушения культурного слоя: на глубине приблизительно 0,7 м от поверхности находились современные пластиковые предметы.

В процессе исследования в различных археологических контекстах было выявлено семь ярко выраженных объектов: остатки разных по площади древесно-земляных построек, сооруженных по принципу полуземлянки, с комплексом столбовых ямок и различные по функциональному назначению теплотехнические сооружения. К сожалению, древесина представлена в крайне деградированном виде, чаще всего в виде полос трухи различной размерности, где невозможно проследить и направление волокон.

К наиболее интересным объектам мы относим остатки древесно-земляных сооружений (объекты № 4, 9), выявленных на ЮВ склоне мыса. Первая конструкция (объект № 4) представляет собой котлован прямоугольной в плане формы, часть которого была разрушена в результате эрозии склона. Размер уцелевшей части сооружения составляет по верхнему контуру 5,5–2,5×4,2 м. Внутренняя планировка имела ступенчатый вид, обусловленный последовательным применением серии котлованов с уменьшающимися по мере увеличения общей глубины сооружения, размерами. В завершении конструкции, на самой нижней, уплощенной площадке была вырыта яма диаметром около 1,4 м и глубиной около 0,8 м от ее края. При возведении постройки была использована древесина небольшого диаметра и полотнища бересты. Также была зафиксирована система ямок для возведения опорных столбов.

Объект № 9 представляет собой остатки горизонтального настила прямоугольной формы из плотно уложенных друг к другу плах или досок, расположенных на поперечных лагах. Можно предположить, что нами была выявлена часть напольного покрытия внутри постройки.

Время возведения построек и их функциональное назначение на данном этапе исследования остаются пока под вопросом. Но некоторые конструктивные детали построек и артефакты, обнаруженные в их заполнении, позволяют связать изученные объекты со строительной практикой аборигенного населения этих мест (ханты) в эпоху позднего средневековья – нового времени.

В процессе работы на площади раскопа было найдено 204 индивидуальных находки, среди которых присутствуют украшения, орудия труда, оружие, предметы быта, монеты. Украшения представлены различными изделиями, выполненными из железа, бронзы, серебра: серьги, височные кольца, подвески, накладки, перстни и кольца, бусы и бисер. Орудия труда представлены, главным образом, различными типами железных ножей и абразивами. Из предметов вооружения обнаружены исключительно железные наконечники стрел. К бытовым предметам отнесены различные костяные изделия и заготовки, функциональное назначение которых далеко не всегда определимо. Также были найдены предметы, связанные с металлургическим производством: фрагменты льячек, литейных форм, печной обмазки, воздуходувных труб. Нумизматическая коллекция, собранная на памятнике, представлена монетами середины

XVIII в., первой трети XIX в., а также т. н. чешуйками – серебряными российскими монетами, распространенными вплоть до начала XVIII в. Среди массовых находок преобладают кости животных. Обращает на себя внимание незначительное количество керамики на памятнике. Она сильно фрагментирована, всего найдено 223 фрагмента керамики, из них только 64 орнаментированных и 16 венчиков.

Выявленный предметный комплекс позволяет отнести исследованные в 2013 г. культурные напластования и объекты ко времени со второй половины XVII в. до конца XIX в. К более раннему периоду можно отнести только несколько фрагментов керамики. На наш взгляд, южная часть городища Нялинское I (площадка № 1) в разное время могла использоваться как производственная площадка с комплексом хозяйственных, а возможно, и жилых сооружений. Также не исключается определение этой части памятника и как культового места для отдельных периодов его существования.

Список литературы и источников

Кузина А.В. Коллекция перстней с городища Нялинское I // Вестн. угроведения. – 2012. – № 4 (11). – С. 162–166.

Малоземова О.В. Отчет об археологической разведке в Ханты-Мансийском и Сургутском районах Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, проведенной летом 1994 года. Екатеринбург, 1995 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 4786. Д. 38. 90 с.

Сладкова Л.Н. Отчет об археологических раскопках на памятнике «Городище Нялинское I» в Ханты-Мансийском районе ХМАО Тюменской области, произведенных летом 2006 года. Ханты-Мансийск, 2007 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 5354. Д. 849. 127 с.

Сладкова Л.Н. Отчет о НИР – археологических раскопках на памятнике «Городище Нялинское I» в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, произведенных летом 2007 года. Ханты-Мансийск, 2008 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 5612. Д. 1023. 44 с.

А.В. Новиков[1], Ю.Н. Гаркуша[1], А.Н. Шеин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН

АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЙКАРСКОГО ГОРОДКА В 2013 ГОДУ*

В 2013 г. были продолжены комплексные исследования Войкарского городка (городище Усть-Войкарское I) в Шурышкарском р-не ЯНАО. Памятник расположен в пойме протоки р. Горная Обь, на мысу, образованном руслом протоки и безымянным ручьем, в 2,2 км к ССВ от с. Усть-Войкары. Сам городок представляет собой большой холм, вытянутый по линии север – юг на 100 м при ширине до 50 м, более широкий в его южной части (рис. 1). Высота холма от восточного подножия составляет 11 м [Брусницына, 2003].

Несмотря на то, что памятник как археологический объект известен с конца XIX в., первые обследования на нем были проведены только в 1993 г. [Косинская, Федорова, 1994]. В 2003–2008 гг. стационарные

Рис. 1. Войкарский городок. Общий вид памятника.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №13-01-18003е.

работы на памятнике проводились под руководством А.Г. Брусницыной и Н.В. Федоровой, в 2012 г. – под руководством А.В. Новикова [Брусницына, 2003; 2005; Федорова, 2004; Новиков и др., 2012]. Проведенные исследования позволили датировать памятник в интервале начало XIV – начало XIX в. Установлено, что памятник содержит слой мерзлоты, вследствие чего хорошо сохраняются артефакты из органических материалов.

Продолжение работ на территории Войкарского городка в 2013 г. обусловлено аварийным состоянием объекта и его исключительным значением для реконструкции историко-культурных процессов в Приполярном Приобье в эпоху позднего средневековья.

В ходе работ 2013 г. на памятнике впервые в истории его изучения были применены методы геофизического исследования, включающие метод георадиолокации и магнитную съемку. Метод георадиолокации основан на отражении электромагнитных волн от границ неоднородностей в изучаемой среде. Целью исследования было выявление перспективных для раскопа участков площади и уточнение структуры памятника. При исследованиях применялся георадар серии ОКО-2 (ООО «Логические системы», Россия) с антенным блоком центральной частоты 250 МГц.

Наземная полевая магнитная съемка проводилась с помощью пешеходных магнитометров. При исследовании применялся ядерно-прецессионный (протонный) магнитометр GSM-19 фирмы Gem System (Канада). Целью съемки было выявление магнитных аномалий, которые могут быть вызваны печными сооружениями диаметром 1,5–2,0 м.

Общая площадь памятника, обследованная геофизическими методами, составила 4200 кв.м. В результате георадарных исследований были построены карты амплитуд отраженного электромагнитного сигнала на разных временах, что соответствует разным глубинам. Общей закономерностью планов является наличие двух зон с повышенным значением амплитуд отраженного электромагнитного сигнала: в восточной и центральной части исследуемой площади. Логично предположить, что там, где нет остатков сооружений, там и будут более благоприятные условия для измерения георадаром (сухая однородная среда). Сигнал не будет быстро-затухающим, а на картах в таких местах будут проявляться границы и объекты на более низких глубинах. Следовательно, повышенные аномалии, продолжающиеся на глубину – это признак не перспективности площади для раскопа.

Таким образом, георадарная съемка позволила выявить наиболее перспективные участки. Выделение конкретных объектов на исследуемой площади не представляется возможным ввиду особенностей внутреннего строения памятника (хаотичность элементов строений).

В результате магнитных измерений была построена карта абсолютных значений полного геомагнитного поля. Анализ карты позволяет проследить повышение общего фона магнитного поля в направлении запад-восток. Что касается магнитных аномалий, связанных с печными сооружениями, то их можно выделить с большими сомнениями: это должны быть круговые аномалии радиуса 1,5–2,0 м. Мы выделяем

несколько аномалий. Четыре из них связаны с повышением амплитуды, а пятая характеризуется понижением. Стоит отметить, что все аномалии находятся в перспективной зоне для раскопа, выделенной в результате радарограммной съемки.

Археологические работы были возобновлены на законсервированном раскопе 2012 г. и начаты на сопредельных участках. Общая площадь раскопа составила 65 кв. м. Была продолжена расчистка архитектурных сооружений, выявленных в 2012 г. В ходе работ завершены исследования срубов № 1 и № 2 (соответственно № 13 и № 14 по сквозной нумерации объектов за все годы работ на памятнике) в нижней их части (рис. 2), а также начат процесс изучения нового сооружения – сруба № 3 (№ 15), имеющего значительно лучшую сохранность.

В постройке №1 (№ 13) был установлен уровень, с которого было возведено сооружение. Определено, что основой для возведения чувала послужила рама, выложенная из обрубков бревён. В качестве дополнительного элемента в конструкции очага отмечено сооружение стенки длиной около 0,6 м из горизонтально уложенных и закрепленных вертикальными колами досок, служившей перегородкой между чувалом и ЮВ стенкой сруба.

В постройке № 2 (№ 14) уровень пола, сформированного подсыпкой из мелких строительных отходов, маркировался расположенной с внутренней стороны предвходового пространства циновкой. В качестве элемента нижнего (первого) венца использовано бревно, либо взятое из другого сооружения (разрушенного), либо качество исполнения конструктивных деталей помешало использовать его согласно первоначальному замыслу. В ряде случаев прослеживалась фиксация стен вертикальными колами из жердей, установленных с внутренней стороны сруба. Высота колов наблюдалась на высоту сохранившихся венцов постройки (до пяти-шести венцов).

Рис. 2. Войкарский городок. Раскоп 2013 г. Срубы № 1 (№ 13) и № 2 (№ 14) в процессе расчистки.

Сруб № 3 (№ 15) находился непосредственно под остатками сруба № 2: сохранились пять нижних венцов. Максимальная высота сохранившейся части строения составила около 0,6 м. Постройка имела прямоугольную форму и была ориентирована стенами по сторонам света. Часть постройки расположена за пределами границы раскопа. Была достоверно определена длина западной стены сруба: она составила около 2,5 м. Северная и южная стены изучены частично, предполагаемая длина не менее 2,8–2,9 м. Неисследованный участок, находящийся за пределами раскопа, составляет по нашему мнению, четвертую часть от возможной общей площади сооружения.

Венцы были собраны «в обло» из ошкуренных полубревен и плах. При возведении сруба первыми устанавливали длинные плахи южной и северной стен, затем в прямоугольные вырубы-чаши помещали плахи западной и восточной стен (венец 1). Верхние и нижние плоскости имели уплощающую подтёску, тем не менее, между венцами были отмечены многочисленные щели. Следует отметить, что в данном сооружении щели не устранялись с помощью мха либо другого органического сырья, используемого в качестве утеплителя. Нижний венец строения с внутренней стороны фиксировался вертикальными колами из тонких жердей и обрубков бревен. Такие же отходы деревообработки подкладывались под венец для выравнивания его уровня по горизонту.

Входной проём выполнен в середине южной стены в виде промежутка в стеновом наборе полубревен (плах), начиная с третьего венца. Нижняя его часть оформлена продольной ступенью, выполненной в серединной части плахи второго венца в виде треугольного выруба, обращенного внутрь сруба. Общая длина участка, маркирующего входной проем, составила 0,56–0,57 м.

Специфическое оформление нижней части входного проема позволяет говорить о том, что дверь была предусмотрена, открывание происходило внутрь строения. Вертикальных элементов конструкции входного проема не зафиксировано, но изготовление торцевых частей стеновых плах, обращенных к входу, в виде шипа предполагает их изначальную фиксацию посредством такого рода элементов и, вероятно, с использованием пазового соединения. В привходовой части внутри сруба располагалась циновка, ее фрагменты также отмечались на примыкающей к южной стене площади.

Особенностью внутренней планировки являлось наличие своеобразной опалубки в два венца, сооруженной из плах, уложенных широкими плоскостями друг на друга, и расположенной в неглубоком котловане. Пространство между стенами сруба и опалубкой составило 15–20 см. С внутренней стороны рама из плах фиксировалась вертикальными колами, на отдельных участках для них дополнительно вырубали небольшие пазы либо делали подтеску.

В центральной части пространства, ограниченного опалубкой, практически напротив входа, находились остатки очага: скопление вертикально стоящих по окружности коротких тонких кольев. Пространство между ними и поверх них было заполнено глиняной обмазкой мощнос-

тью до 0,10–0,12 м. Внешний диаметр каркаса из кольев составил около 0,8 м. В свою очередь, он располагался внутри рамы, изготовленной из обрубков тонких бревен, лежащей в основании очага. Вероятно, место, выбранное для его сооружения, изначально обкладывалось берестяными листами, т.к. отмечены случаи пробивания кольями каркаса бересты. Наличие очага позволяет предположить, что постройка являлась жилым сооружением.

Наличие хорошо сохранившихся остатков деревянных конструкций делает перспективными дендрохронологические работы на объекте. Именно по результатам дендрохронологических исследований были датированы материалы из раскопов предшествующих лет. Так, образцы из раскопа у подножья холма датированы XIV и XV вв., на склоне холма – XVI и XVIII вв., на вершине холма – XVII – концом XIX в. [Гурская, 2008]. В ходе работ 2012–2013 гг. нами были взяты 84 дендропробы, которые в настоящее время обрабатываются.

Следствием наличия в культурном слое памятника мерзлоты является уникальная сохранность артефактов из органических материалов. В ходе работ 2013 г. на площади 65 кв. м. было обнаружено более 700 индивидуальных находок, основная часть которых изготовлена из органического сырья (береста, дерево, различные ткани, войлок, трава, кожа). С учетом обилия и состояния находок из органического сырья непосредственно в полевых условиях был проведен цикл оперативных консервационно-реставрационных работ. Остеологическая коллекция передана на определение в Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург).

Список литературы

Брусницына А.Г. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры: матлы VI Сибир. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск: [Тип. ООО «Тобольск-Нефтехим»], 2003. – С. 45–52.

Брусницына А.Г. Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: Приоритеты развития. – Екатеринбург; Салехард: АРТмедиа, 2005. – С. 22–32.

Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. – С. 212–231.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. – Препр. – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 114 с.

Новиков А.В., Слюсаренко И.Ю., Швец О.Л., Ломов П.К. Предварительные результаты исследований на Войкарском городке в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 262–266.

Федорова Н.В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. – Новосибирск: АртИнфоДата, 2004. – Вып. 2. – С. 106–108.

А.Г. Новиков, О.И. Горюнова

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН
Иркутский государственный университет

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ПРИОЛЬХОНЬЯ (ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ)

В 2013 г. сотрудниками Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН проведены работы по проверке сведений, полученных в разные годы, об открытии новых археологических объектов в Ольхонском р-не Иркутской обл. Информация касалась мало исследованных территорий района: в долине р. Куртун и на участке между мысами Орсо и Улан-Нур.

Сведения о новых наскальных рисунках в местности Куртун поступили весной 2013 г. от доцента кафедры динамической геологии Иркутского государственного университета (ИГУ) Т.М. Мельниковой. Рисунки были обнаружены в 2006 г. доцентом кафедры нефти и газа ИГУ В.Ф. Лузиным. Исследование рисунков проведено сотрудниками Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН летом 2013 г.

Новый объект, получивший название Куртун XVI, находится в 19 км к СЗ от п. Бугульдейка и в 1 км к ССВ от д. Куртун, в устьевом участке левого берега р. Шаманка, в 800 м к СЗ от места ее впадения в р. Куртун.

Рисунки расположены на поверхности скального останца, на высоте 5 м над уровнем проселочной дороги, ведущей в заброшенный п. Заозерный (справа от дороги). Останец сложен темными сланцами.

Скальная поверхность, занятая рисунками, размерами 0,40×0,35 м. Ее экспозиция – южная. Изображения выполнены красной охрой. Композиция состоит из двух определимых рисунков, расположенных один под другим. Вверху нарисована лодка, в которой сидят антропоморфные фигуры. Лодка изображена в профиль. Она выполнена условно, в виде горизонтальной (слегка выгнутой вниз) линии длиной 35 см. В ней изображено 11 стилизованных антропоморфных фигур, в виде прямых линий (стержней) разной высоты. Левая часть рисунка частично повреждена в связи с отслоением скальной поверхности. Под лодкой (ниже ее центральной части) отмечено аморфное пятно охры.

Второй рисунок находится на 5 см ниже лодки. Он представляет собой антропоморфную фигуру, выполненную в полный рост, в фас. Туловище изображено в виде прямого стержня, ноги – развилкой. Точное положение рук и изображение головы достоверно определить сложно в связи

с плохой сохранностью рисунка. Возможно, они подняты вверх. Размер фигуры 7×4 см.

Изображения лодок широко распространены в наскальном искусстве северной Евразии. Они встречаются от Скандинавии до Чукотки [Окладников, 1959; Заика, 2003; Колпаков, Шумкин, 2012; и др.]. Однако в разных регионах они существенно отличаются друг от друга. На территории Прибайкалья сцены с лодками отмечались ранее только на Шишкинских писаницах, расположенных на Верхней Лене [Окладников, 1959; Мельникова, Николаев, Демьянович, 2012]. Здесь выявлено 8 рисунков лодок, отличающихся между собой внешним оформлением, общим количеством находящихся в них антропоморфных фигур, изображением рук и головы. На Шишкинских писаницах преобладают рогатые антропоморфные фигуры. В сочетании с лодками часто встречаются антропоморфные фигуры и изображения копытных животных. Все эти рисунки выполнены темно-малиновой охрой. По трактовке антропоморфных фигур (в виде вертикальных линий – стержней, без выделения рук и голов) рисунки Куртуна XVI наиболее сопоставимы с Шалаболинскими петроглифами на Енисее и с изображениями наскальных объектов Нижней Ангары [Заика, 2003, 2007]. Сцены с лодками – довольно устойчивый сюжет в наскальных рисунках северной Евразии, датируемых эпохой раннего металла [Окладников, 1959; Заика, 2003; Мельникова, Николаев, Демьянович, 2012]. Академик А.П. Окладников предположил, что эти рисунки связаны с представлениями о плавании душ умерших в загробную страну; лодки перевозят их по реке, ведущей в мир предков [Окладников, 1959, с. 97].

В целом, новые наскальные рисунки являются памятником духовной культуры древнего населения Прибайкалья бронзового века. В них нашло свое отражение мировоззрение таежных охотников региона.

Сведения о втором объекте (каменной стене – «городище») поступили от руководителя Иркутского спелеологического клуба «Арабика» А.В. Осинцева в 2012 г. Она была обнаружена им в 1998 г. при обследовании скальных массивов западного побережья озера Байкал, в результате поиска пещерных полостей и гротов. Проверка поступивших сведений и исследование нового объекта проведены сотрудниками Иркутской лаборатории летом 2013 г.

Каменная стена – «городище» находится в местности Орсо, в 25 км к СВ от п. Еланцы и в 2,5 км к ЮВВ от летника Улан-Нур, на плато между мысами Орсо и Улан-Нур (в СВ части плато, ближе к мысу Орсо). Объект представляет собой каменную стену, соединяющую две небольшие скальные вершины, ограничивающих площадку с СВ и с ЮЗ. Ее протяженность 204 м; ориентация по линии ЮЗ – СВ. В центральной части стена образует зигзаг, обходя скальную вершину. Стена охватывает участок с СЗ. Юго-восточная сторона площадки ограничена обрывистым берегом. В центре отгороженного участка расположена небольшая скальная вершина, которая разделяет его на две части (по линии СЗ – ЮВ).

Стена состоит из камней, уложенных друг на друга плашмя, в несколько слоев, без связующего раствора (рис. 1, 2). Высота стены с внутренней

Рис. 1. Общий вид на каменную стену – «городище» с юга.

Рис. 2. Фрагмент каменной стены – «городища» (вид с ССВ).

стороны достигает 0,75 м; с внешней – от 1,2 м до 1,4 м. Ширина стены варьируется от 1,3 м до 3,0 м (с развалом камней). Вдоль стены (с ее внутренней стороны) отмечено 3 дополнительных сооружения в виде дугообразных построек, выложенных из камней. В стене имеется 4 прохода шириной от 1,5 м до 2,5 м.

На отгороженной площадке зафиксировано 7 каменных искусственных сооружений. В ЮЗ ее части отмечена прямоугольная, контурная

кладка, состоящая из вертикально установленных плит, в один-два ряда. Ее СЗ стенка (торцевая) – ограничена одной плитой. Размеры сооружения: 1,60×1,00 м; ориентация большей стороной по линии СЗ – ЮВ.

Три аналогичные между собой кладки обнаружены в средней части площадки, в восточном ее конце. Они расположены в одну линию (по направлению запад – восток), рядом друг с другом. Кладки – округлые, курганного типа. Они состоят из камней, уложенных плотно друг к другу в один-два слоя. Их диаметры: 1,2, 1,0 и 1,0 м.

В западном конце средней части площадки (недалеко от стены) отмечено две кладки. Одна из них – полуовальная, сплошная. Состоит из крупных плит, уложенных плашмя в 1 слой. Размеры сооружения: 1,80×1,40 м; ориентация большей стороной по линии СВ – ЮЗ. Другая кладка (расположенная рядом с проходом в стене) – полукольцевая, с открытой восточной стороной. Она состоит из наклонных плит, установленных в 2 ряда. Размеры кладки: 2,70×1,70 м; ориентация большей стороной по линии север – юг. В центре сооружения – скопление из 5 крупных камней.

В 30 м к СВ от последней кладки (так же у прохода в стене) обнаружена овальная, сплошная конструкция. Она состоит из плит, уложенных плашмя или слегка наклонно. Размеры сооружения: 1,40×1,00 м; ориентация большей стороной по линии СЗ – ЮВ.

За пределами огороженного стеной пространства искусственные сооружения не зафиксированы. Вероятно, исследованный объект представляет собой культовую площадку (сакральное место), отгороженное каменной стеной.

Первые каменные стены – «городища» в Приольхонье были открыты И.Д. Черским в конце XIX в. [1881]. В настоящее время на этой территории зафиксировано около 20 подобных сооружений, однако их раскопки практически не проводились. Исследования, как правило, ограничивались картированием, описанием, фотофиксацией, составлением планиграфии и небольшими шурфовочными работами. Единой точки зрения на функциональное назначение и датировку этих объектов на сегодняшний день не существует. Традиционно их относят к позднему железному веку (V–X вв. н.э.) и интерпретируют временными убежищами или культовыми площадками – святилищами, сакральную территорию которых отгораживают каменные стены [Асеев, 1980; Дашибалов, 1995; Харинский, 2002]. На территории Хакасии, где проводились крупные раскопки подобных сооружений, выявлено ряд объектов, которые датированы бронзовым веком [Готлиб, Подольский, 2008]. Большинство исследователей рассматривают эти сооружения как культово-обрядовые места религиозных действий [Ларичев, Гиенко, Паршиков, 2001, с. 177; Готлиб, Подольский, 2008]. Для решения вопроса датировки каменных стен – «городищ» Приольхонья необходимо проведение специальных раскопочных работ.

В целом, в результате исследований 2013 г. подтвердились сведения о выявлении новых археологических объектах, проведено их картирование и изучение. Полученные материалы расширяют наши представления о духовной культуре населения региона периода бронзового – железного веков.

Список литературы

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). – Новосибирск: Наука, 1980. – 152 с.

Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. – СПб.: Элексис-Принт, 2008. – 222 с.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 191 с.

Заика А.Л. Лодки в страну предков (анализ сюжета в петроглифах Нижней Ангары) // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 21–31.

Заика А.Л. Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция: альманах. – Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 24–38.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Лодки в петроглифах Канозера и Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1. – С. 76–81.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А. Саратский Сундук – астрономическая обсерватория и астросвятилище Окуневской культуры (к проблеме функционального назначения «крепостей» долины Белого Июса) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 176–181.

Мельникова Л.В., Николаев В.С., Демьянович Н.И. Шишкинская писаница. – Иркутск: Ин-т земной коры СО РАН, 2012. – Т. 2: Природные условия формирования плоскостей, основные сюжеты и датировка, семантика древних образов и объекта в целом. – 288 с.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы – памятник древней культуры Прибайкалья. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 210 с.

Харинский А.В. Топография и конструкция «городищ» маломорского побережья озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2002. – Вып. 2. – С. 109–126.

Черский И.Д. Некоторые примечания к описанию Байкала К. Риттера, помещенному в его «Землеведении Азии» // Изв. ВСОРГО. – 1881. – Т. XII, № 4/5. – С. 62–74.

Н.В. Полосьмак[1], А.Н. Чистякова[2],
Е.С. Богданов[1], С.С. Шацкая[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Сибирский институт международных отношений и регионоведения
[3]Институт химии твердого тела и механохимии СО РАН

КИТАЙСКОЕ ЗЕРКАЛО ИЗ 22-ГО НОИН-УЛИНСКОГО КУРГАНА*

Среди находок в 22-м ноин-улинском кургане, исследованном в 2012 году российско-монгольской экспедицией, были четыре фрагмента бронзового зеркала круглой формы диаметром 8 см (см. *рисунок*). Они были найдены на полу потревоженной грабителями погребальной камеры. До сих пор в ноин-улинских курганах фрагмент китайского зеркала находили лишь однажды – в 25-м кургане пади Суцзуктэ [Руденко, 1962, с. 92, рис. 65г].

По сохранившейся части зеркала из 22-го кургана можно восстановить украшавший его поверхность орнамент. Скорее всего, зеркало было с орнаментом 四乳四虺 «сы жу сы хуэй» – «четыре соска, четыре ядовитые змеи». Другой вариант названия данного узора 四乳四螭 «сы жу сы чи» – «четыре соска, четыре безрогих дракона *чи*». Между орнаментом и ободком зеркала идет узор 栉齿 «чжи чи» – зубья гребня. В композиции «четыре соска, четыре ядовитые змеи» змеи обычно изображены в виде крючка, по обеим сторонам которого есть дополнительные украшения, чаще всего это птицы или другие мелкие животные [Ли Сюэмэй, Сяо Бинъи, 1998, с. 21]. На зеркале из 22-го кургана были изображены птицы. Зеркала с таким орнаментом Ли Сюэмэй и Сяо Бинъи относят к позднему периоду Западная Хань и раннему периоду Вос-

Бронзовое зеркало из 22-го ноин-улинского кургана.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12026-офи-м.

точная Хань [Там же, с. 61]. Наиболее популярны они были в поздний период династии Западная Хань [Ханьдай…, 2008, с. 309].

Аналогий зеркал с подобным орнаментом множество. Они были найдены, например, при строительных работах кумирни Хэшаньмяо в г. Иян пров. Хунань (сейчас зеркало хранится в городском музее г. Иян), в погребении из могильника Цисиндуй в предместье г. Гаоань, пров. Цзянси, а также в погребении № 3 хуннского могильника Ильмовая падь [Филиппова, 2000, с. 104]. Бронзовые зеркала, найденные в погребении № 8 в Тэвш-Уле [Törbat Tsagaan, 2011, p. 317, fig. 1:6)] и в погребении № 16 в Тариат [Там же, fig. 1:7)], вероятно, также принадлежат к стилю «сы жу». Большое количество зеркал этого типа выставлено на продажу на китайских антикварных аукционах.

В связи с тем, что для литья зеркал использовалась бронза того же состава, что и для литья монеты, для сохранения стабильного курса монеты и ее ценности строго контролировались литье и продажа зеркал. Во времена династий Хань ситуация была довольно стабильной. Большинство бронзовых зеркал было отлито в государственной мастерской 尚方 Шанфан, подведомственной шаофу (т.е. налоговому ведомству при императорском дворе). Шанфан была подразделена на три секции: первая производила зеркала, две другие – ткань [Елисеефф В., Елисеефф Д., 2007, с. 179]. Право на отливку зеркал принадлежало императорской семье. В задачи ведомства входило также контролировать и запрещать отливку зеркал частным мастерским. Однако с конца династии Западная Хань появляются и частные мастерские, отливающие зеркала [Гудай…, 1997, с. 13, 25].

В ханьском Китае при изготовлении зеркал особое значение придавалось чистоте металла. Необходимость тщательного изготовления зеркал была обусловлена ритуально-магическими целями, что часто находило свое отражение в надписях на зеркалах.

Для изготовления зеркала, обнаруженного в 22-м ноин-улинском кургане, использован сплав оловянно-свинцовой бронзы со значительной долей олова (21,095 %) и свинца (6,950 %)*. Интересно, что концентрация олова в сплаве оказалась меньше концентрации олова в некоторых точках поверхности зеркала. Это может говорить о том, что олово не только входит в состав бронзы, но также образует на ее поверхности отражающий зеркальный слой. Этот сплав использовался на протяжении веков (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.) для отливки китайских зеркал [Богданова-Березовская, 1975, с. 140].

Китайские зеркала, помимо их использования по назначению, имели еще несколько функций: в качестве украшения бронзовое зеркало подвешивалось на пояс; оберегало от нечистых сил; часто зеркала клали в могилу к погребенным. Для умершего зеркало, должно быть, служило предметом повседневного пользования в загробном мире: зеркало должно

---

*Определение сделано в ИТТМ СО РАН методом атомной абсорбции на приборе Spectra AA 280 FS.

было рассеивать тьму, защищать от нечисти и обеспечивать спокойствие и отдых умершему [Гудай.., 1997, с. 4].

В культуру кочевников было перенесено особенное отношение, которое придавали зеркалам ханьцы. Зеркала, а чаще их обломки, находят во многих погребениях кочевников Центральной Азии, иногда и в Европе. Как отмечал Е.И. Лубо-Лесниченко, почти все ханьские зеркала, известные на территории Минусинской котловины, сохранились во фрагментах со сглаженными краями – факт, указывающий на то, что они долго находились в употреблении и высоко ценились местным населением [1975, с. 11], так же как это было и у хунну.

Список литературы

Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Привозные зеркала Минусинской котловины. – М.: Наука, 1975. – С. 140.

Гудай тунцзин (Древние бронзовые зеркала). – Пекин: Чжунго хуадянь, 1997. – 181 с. – (Сер.: Сборник материальной культуры Китая). (на кит. яз.).

Елисеефф В., Елисеефф Д. Цивилизация классического Китая. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 640 с. – («Великие цивилизации»).

Ли Сюэмэй, Сяо Бинъи. Тунцзин (Бронзовые зеркала). – Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1998. – 153 с. (на кит. яз).

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1975. – 167 с.

Руденко С.И. Культура хунну и Ноинулинские курганы. – М; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 100–108.

Ханьдай учжи вэньхуа цзыляо тушо (Сведения о материальной культуре эпохи Хань с иллюстрациями и пояснениями). – Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 2008. – 641 с. (на кит. яз.).

Törbat Tsagaan. A Study on Bronze Mirrors in Xiongnu Graves of Mongolia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. – Bonn: Wilhelms-Univertat, 2011. – P. 315–325. – (Bonn contributions to Asian archaeology; vol. 5).

Н.А. Рудая[1], Д.В. Папин[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет

СРЕДНИЙ И ПОЗДНИЙ ГОЛОЦЕН КУЛУНДЫ (климат, растительность, человек)*

Юг Западной Сибири является важнейшей транзитной территорией, связывающей центральноазиатские степи и североазиатскую тайгу. Уникальность региона отражена и в культурном многообразии археологических памятников неолита, бронзового, железного и средних веков.

Палеоэкологические данные, полученные с юга Западной Сибири, а также прилегающих территорий Монгольского Алтая и Казахстана, показали пространственную и временную вариабельность голоценовых изменений растительности и климата [Blyakharchuk et al., 2004, 2007; Rudaya et al., 2009, 2012, 2013; Tarasov et al., 1997]. Это определяется важной ролью Алтайских гор, которые разделяют крупный регион на три географические части. Реконструкции предполагают разные механизмы, определяющие послегляциальную динамику природных условий территории.

Первая половина голоцена Северного Казахстана была более аридной, чем сейчас. Поворот к более влажному климату состоялся только во второй половине голоцена, когда вся территория от Балтийского моря до Северного Казахстана и Южной Сибири находилась под контролем атлантических воздушных масс. Палеозаписи из Российского Алтая предполагают наличие двух максимумов увлажнения в течение последних 12 тыс. лет. Раннеголоценовый максимум, связанный с летним муссоном, больше проявился в восточной части региона. Позднеголоценовый максимум, обусловленный западным воздушным переносом, выражен в основном в западной части Российского Алтая, что согласуется с общей схемой развития природы Северного Казахстана, Барабы и Кулунды.

В 2010 г. получена колонка донных отложений оз. Большое Яровое (самое глубокое бессточное озеро Кулундинской депрессии). Данные палеомагнитного, палинологического и диатомового анализов легли в основу палеоэкологической реконструкции (детали см.: [Rudaya et al., 2012]).

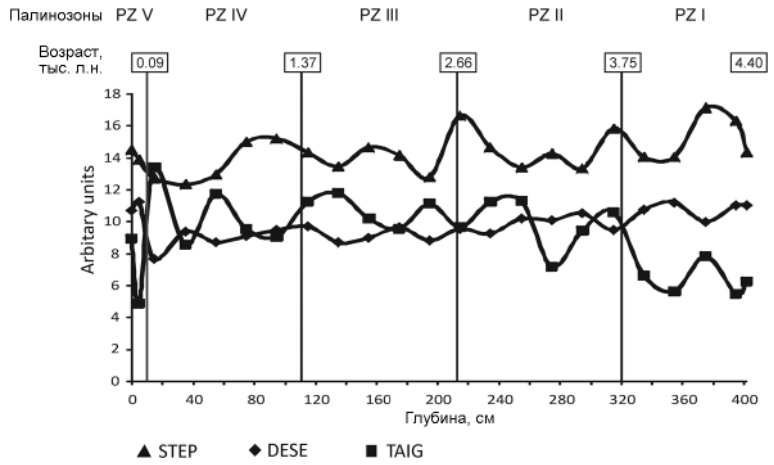
*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (№ 12-11-22008).

Интерпретация результатов предполагает доминирование степных сообществ на западе Кулунды в течение последних 4,4 тыс. лет (см. *рисунок*). Аридный и теплый климат реконструируется в интервале 3,75–4,4 тыс. л.н., когда полупустынные степи распространились в западной части региона. Распространение сосны обыкновенной ограничивалось речными долинами, хотя березовые колки были широко развиты. Резкое сокращение пыльцы маревых и увеличение доли хвойных отмечено после 3,75 тыс. л.н., что отражает распространение хвойных лесов на западе Кулунды вплоть до ~1860 г.

Начало позднего голоцена (после 2,6 тыс. л.н.) характеризуется господством степей с развитием березовых и сосновых лесов по долинам рек и понижениям. Количественные реконструкции типов растительности демонстрируют сокращение веса степного биома между 1000 и 1860 гг. и увеличение веса биома холодных листопадных лесов с доминированием около 1720–1860 гг. Это событие может быть соотнесено с окончанием малого ледникового периода в регионе. В целом, интервал с 1000 до 1860 гг. реконструируется как наиболее прохладный и гумидный на протяжении последних 4,45 тыс. лет.

После 1860 г. распространились открытые степные ландшафты с участием полупустынной растительности и фрагментарными березовыми колками. Параллельно шло резкое сокращение хвойных лесов в западной Кулунде.

Хронологически нижней части колонки соответствует вторая половина эпохи ранней бронзы (см. *таблицу*), которая представлена археологическими культурами местного происхождения или связанными с миграциями с территории Северного Казахстана [Редников, 2010].



Типы растительности (биомы), реконструированные по палинологической записи озера Большое Яровое (Кулунда).

STEP – степь; DESE – пустыня; TAIG – тайга.

Заселение и динамика природных условий Кулунды в среднем и позднем голоцене

Хронологические пределы палинозон	Археологический период или историческое событие	Природные условия	Тип хозяйственной деятельности
~2440–1795 гг. до н.э.	Бронзовый век Культуры ранней бронзы Елунинская культура	Опустыненная степь Березовые колки Сухой климат	Животноводство с доминированием малого рогатого скота
~1795–710 гг. до н.э.	Бронзовый век Андроновская культура Бегазы-дандыбаевская культура Саргаринско-алексеевская культура	Злаково-разнотравные степи Начинают распространяться хвойные леса Более гумидный климат	Животноводство с доминированием крупного рогатого скота К концу периода возрастает доля овец, коз и лошадей Переход к кочевому образу жизни
~710 г. до н.э. – 580 г. н.э.	Железный век Каменская культура скифского круга	Распространение хвойных лесов Относительно гумидный климат	Кочевое скотоводство
После 500 г. н.э.	Тюркская эпоха	Максимальное распространение леса и редукция степей	Кочевое скотоводство
1200–1700 гг. н.э.	Монгольский период Золотоордынский период	Относительно гумидный климат	Уменьшение численности населения с начала второго тысячелетия
После 1750 г. н.э.	Начало русской колонизации	Относительно гумидный климат	Земледельческое освоение
После ~1860 г. н.э.	Заселение русскими крестьянами	Резкое сокращение лесов. Аридизация.	Оседлый образ жизни Развитие индустрии и земледелия

Наиболее ярким образованием того времени была елунинская археологическая культура, хозяйственная деятельность которой включала животноводство при доминировании малого рогатого скота [Косинцев, 2005].

Период с 1795 по 710 гг. до н.э. отмечен важными изменениями в этнокультурной истории региона: нижняя граница соответствует концу эпохи ранней бронзы, а верхняя граница – рубежу бронзового и железного веков. Около XVIII в. до н.э. на Алтае отмечен значительный приток мигрантов (андроновская культура) с территории Центрального Казахстана. Хозяйство носителей новой культурной традиции имело ярко выраженный животноводческий характер при преобладании крупного рогатого скота. С дальнейшим развитием этой традиции связана эпоха поздней бронзы, когда в регионе стало формироваться хозяйство кочевнического типа. Надежно фиксируется изменение состава стада: увеличивается доля малого рогатого скота и лошади [Кирюшин, Косинцев и др., 2010]. Данный тренд хорошо коррелируется с увеличением увлажнения в тот период, что привело к увеличению снежного покрова зимой. В такой ситуации в системе жизнедеятельности древнего населения на первое место вышла лошадь и малый рогатый скот с их способностью к тебеневанию. Новый хозяйственно-культурный тип окончательно оформился в раннем железном веке и существовал в регионе вплоть до начала активного экономического освоения региона русскими переселенцами.

Начало средних веков совпало с увеличением облесения Кулунды, а также со значительными миграциями населения. Вторая половина I тыс. н.э. тесно связана с тюркской культурой, появлением первого и второго тюркского каганатов. С первой половины XIII в. Алтай был втянут в орбиту монгольского влияния. Период с XV по XVI вв. – «белое пятно» в археологическом отношении. Археологические памятники этого времени неизвестны, нет упоминаний и в письменных источниках [Тишкин, 2007]. Возможно, это связано с неблагоприятными для ведения традиционного хозяйства климатическими условиями. Зафиксировался пик похолодания, вследствие чего часть населения откочевала на южные территории.

В конце XVII – начале XVIII в. Кулундинская равнина стала местом кочевки племен монголоязычных телеутов. После их переселения в середине XVIII в. степные пространства Алтая оказались свободными и активно колонизировались русскими переселенцами [Булыгин, 1967]. Основной поток шел в Рудный Алтай, что связано с деятельностью Колывано-Воскресенских горных заводов. Только с рубежа XIX–XX вв. значительные массы крестьян начали селиться в степной Кулунде. С этого времени лесные массивы Кулунды начали сокращаться, а открытые степные группировки получили наибольшее распространение. В настоящее время природа Кулундинской равнины значительно изменена экономической деятельностью населения.

Список литературы

Булыгин Ю.С. Первые русские крестьяне в бассейне Кулунды: из истории заселения Алтая // Общественные науки. – 1967. – Вып. 5. – С. 60–69.

Косинцев П.А. Животноводство и охота населения Березовой Луки // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – Т. I. – С. 150–164.

Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Федорук А.С. Вопросы хозяйственной деятельности населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы: сб. науч. тр. – Барнаул: Слово, 2010. – С. 122–128.

Редников А.А. Ранний бронзовый век на территории Кулундинской равнины Алтайского края // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы: сб. науч. тр. – Барнаул: Слово, 2010. – С. 38–49.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. – 356 с.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. Late-glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2004. – № 209. – P. 259–279.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. Late Glacial and Holocene vegetational history of the Altai Mountains (southwestern Tuva Republic, Siberia) // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2007. – № 245. – P. 518–534.

Rudaya N., Li H.-Ch. A new approach for reconstruction of the Holocene climate in the Mongolian Altai: The high-resolution δ13C records of TOC and pollen complexes in Hoton-Nur Lake sediments // Journal of Quaternary Science. – 2103. – № 69. – P. 185–195.

Rudaya N., Nazarova L., Nourgaliev D., Palagushkina O., Papin D., Frolova L. Middle-Late Holocene environmental history of Kulunda, southwestern Siberia: vegetation, climate and humans // Quaternary Science Reviews. – 2012. – № 48. – P. 32–42.

Rudaya N., Tarasov P., Dorofeyuk N., Solovieva N., Kalugin I., Andreev A., Daryin A., Diekmann B., Riedel F., Tserendash N., Wagner M. Holocene environments and climate in the Mongolian Altai reconstructed from the Hoton-Nur pollen and diatom records: a step towards better understanding climate dynamics in Central Asia // Quaternary Science Reviews. – 2009. – № 28. – P. 540–554.

Tarasov P., Jolly D., Kaplan J. A continuous Late Glacial and Holocene record of vegetation changes in Kazakhstan // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 1997. – № 136. – P. 281–292.

Н.Ф. Степанова

Институт археологии и этнографии СО РАН

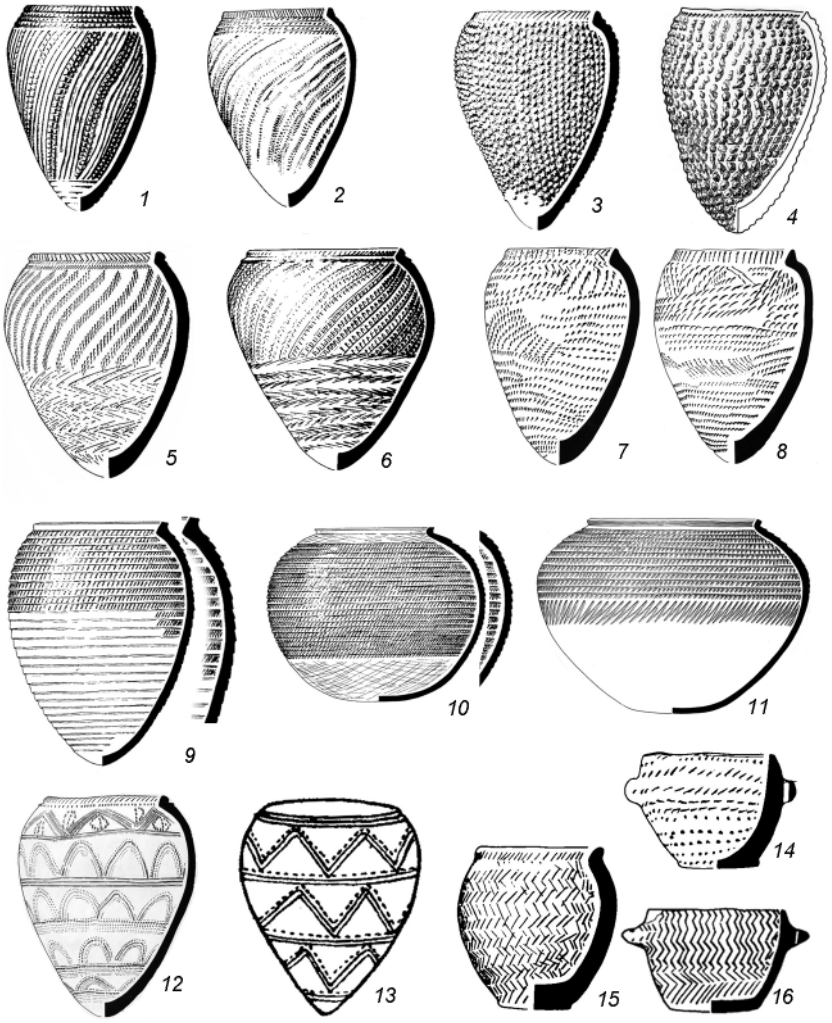
К ВОПРОСУ ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ АФАНАСЬЕВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЕНИСЕЯ (по материалам керамических комплексов)*

Результаты изучения керамики имеют значение для решения многих вопросов, в т.ч. проблем относительной хронологии памятников. Исследование глиняной посуды афанасьевской культуры Горного Алтая в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [1978, 1999], выявило, что керамика, изготовленная одной группой мастеров, предположительно, происходит с синхронных памятников [Волкова, 1998; Степанова, 2009, 2012]. Предварительный анализ керамических комплексов этой культуры с Енисея указывает на индивидуальное сходство ряда изделий, что позволяет рассматривать вопрос относительной хронологии некоторых могильников и захоронений.

В погребениях афанасьевской культуры Енисея обнаружено более 350 сосудов. Они подразделяются по форме тулова на яйцевидные, шаровидные, вазочки-курильницы, а по форме дна – на остродонные, круглодонные, плоскодонные и чаши на ножках (курильницы). Небольшую группу, датировку и культурную принадлежность которой предстоит уточнить, составляют немногочисленные баночные и четырехугольные изделия.

Яйцевидные сосуды различаются по целому ряду признаков. Большинство яйцевидных сосудов остродонные, реже встречаются круглодонные (Афанасьева Гора) и плоскодонные. Аналогично по оформлению дна подразделяются шаровидные изделия, но большую их часть составляют сосуды с круглым дном, а меньшую – с плоским и уплощенным; изредка встречаются остродонные. Яйцевидные сосуды делятся на группы по пропорциям в целом, по высоте, диаметру венчика и другим параметрам. Большинство составляют сосуды с максимально раздутой частью тулова, которая расположена в пределах четверти от общей высоты изделия (см. *рисунок, 1–3, 5–8*). Несмотря на то, что на каждом из могильников отмечено несколько типов сосудов, преобладают изделия одного из ва-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (№ 11-01-00191а).



Керамика с афанасьевских памятников Енисея.

1–3, 7, 8, 12, 14, 15 – Карасук III; *4* – Восточное; *5* – Черновая VI; *6* – Саргов; *9, 10* – Малиновый Лог; *11* – Красный Яр; *13* – Тесь; *16* – Летник VI (по: [Грязнов, 1999; Вадецкая, 2010, 2012а; Боковенко, Митяев, 2010; Киселев, 1951; Пшеницына, 2011]).

риантов, основной признак которого – расположение максимально раздутой части тулова по отношению к общей высоте изделия. Например, на Карасуке III большинство составляют изделия с максимально раздутой частью тулова, находящейся в пределах четверти от общей высоты сосуда [Грязнов, 1999, рис. 37, *6*; 39, *2*; 40, *3, 4* и др.].

Изучение керамических комплексов показало, что памятники различаются по количеству сосудов той или иной формы. По числу яйцевидных

сосудов с острым дном наиболее близки могильники Подсуханиха, Малые Копены и Малиновый Лог (27–37,5 %). Другую группу составляют Афанасьева Гора, Красный Яр, Моисееха (Потрошилово) и Сыда (48–55%). Самый высокий процент яйцевидных остродонных сосудов на Карасуке III и Теси-1 (61 %), а также на Барсучихе (78 %). По количеству шаровидных выделяются следующие группы памятников: 1) Карасук III, Моисееха (Потрошилово), Малые Копены, Тесь и Афанасьева Гора (19–28 %); 2) Сыда, Малиновый Лог, Красный Яр (37–47 %).

Наибольшие отличия по количеству яйцевидных и шаровидных сосудов отмечены между Барсучихой и Подсуханихой. По числу курильниц близки Афанасьева Гора и Карасук III, Малые Копены, Моисееха (Потрошилово) и Тесь-1. На Барсучихе и Подсуханихе в погребениях вообще нет курильниц.

Количество плоскодонных изделий колеблется от 5 до 17 %. Наибольшие различия отмечаются между Моисеехой (Потрошилово), Малиновым Логом, Красным Яром и Сыдой, с одной стороны, и Афанасьевой Горой, Карасуком III, Барсучихой и Тесью – с другой.

На разных могильниках или в различных погребениях одного памятника найдены следующие сосуды:

1) одного типа: остродонные – Карасук III (огр. 7, м.1; огр. 12, м. 1; огр. 13), Саргов (м. 3) и др.; плоскодонные первой группы – Карасук III (огр. 4, м. 4, 7), Летник VI (огр. 3, м. 1) и др.; плоскодонные второй группы – Карасук III (огр. 9, м. 2), Летник VI (огр. 29, м. 14), Малиновый Лог (огр. 3, м. 2); баночные с «ушками» – Карасук III (огр. 4, м. 8) и Летник VI (огр. 37);

2) с похожим орнаментом: Карасук III (огр. 2, м. 1), Восточный, Карасук III (огр. 7, м. 1) и др. [Грязнов, 1999, рис. 15, *1, 2, 4*; 39, *8*; Пшеницына, 2011, рис. 1, *4, 34, 41*; Боковенко, Митяев, 2010, рис. 7, *3*; Вадецкая, 2012а, рис. 21, 22, 34, 35 и др.; Степанова, 2012, рис. 3, *1–4, 7*].

В отличие от Горного Алтая, где отмечено особое сходство форм, на Енисее наиболее показательны аналогии в орнаментации (способы нанесения, оформление рабочего края орнаментиров, композиционное построение узора) [Степанова, 2012; Вадецкая, 2012а]. В частности, это такие сосуды:

1) с «рельефным» профилем: Малиновый Лог (огр. 3, м. 1; огр. 5, м. 1), Красный Яр (огр. 7, м. 1; огр. 8 и 9; огр. 13, м. 1) и др.;

2) украшенные налепами типа «жемчужин»: Восточное и Карасук III (огр. 7, м. 1) [Боковенко, Митяев, 2012, рис. 7, *2*; 11, *3, 4*; Вадецкая, 1981, рис. 12, *5, 8*; 13, *10, 11*; 2012а, с. 32, рис. 34, 35];

3) декорированные композициями в виде диагональных рядов, выполненных аналогичными способами: Саргов, Черновая VI (к. 1, м. 1), Карасук III (огр. 12, м. 2; огр. 12, м. 3), Афанасьева Гора (м. 6), Малиновый Лог (огр. 4, м. 2) [Грязнов, 1999, рис. 5, *4*; Боковенко, Митяев, 2010, рис. 8, *4*];

4) с геометрическим орнаментом: Карасук III (огр. 1, м. 1), Тесь [Грязнов, 1999, рис. 25, *4*; Киселев, 1951, табл. III, *15*];

5) с растительным орнаментом: Афанасьева Гора (м. 30), Моисееха (Потрошилово) (к. 11, м. 1) [Грязнов, 1999, рис. 13, *5*; Ковалева, Леонтьев, Амзараков, 2010, рис. 6, *9*].

Выделенные группы керамики связывает не случайное сходство, а общие традиции в орнаментации и изготовлении, которые передаются контактным путем. Вероятнее всего, в большинстве случаев сосуды изготовлены одной группой мастеров в короткий промежуток времени.

Анализ материалов показал, что керамические комплексы некоторых памятников объединяет целый ряд черт. Прежде всего, это относится к могильникам Малиновый Лог и Красный Яр. Для них характерно преобладание шаровидных изделий, нанесение орнамента похожими зубчатыми инструментами, рельефный профиль сосудов (см. *рисунок, 9–11*). Особое сходство по ряду признаков отмечено для могильников Карасук III, Летник VI, Афанасьева Гора, Тесь, Сыда, Саргов и др. Признаки эти следующие: форма сосудов, способы нанесения орнамента, оформление рабочего края инструмента, композиционное построение и др.

Объединяют керамические комплексы с разных памятников элементы орнамента:

1) распространенные (например, нанесение узора «качалкой» – шагание с прокатыванием);

2) редко встречающиеся (например, шагание, выполненное инструментами, имеющими индивидуальные особенности: Афанасьева Гора, Итколь III, Карасук III, Малиновый Лог, Сыда, Тесь и др.) [Грязнов, 1999; Боковенко, Митяев, 2010; Поляков, 2010; Степанова, 2012].

Нахождение на разных могильниках сосудов, изготовленных в рамках общих традиций, имеющих индивидуальное сходство форм и орнаментированных идентичными способами и инструментами, позволяет предположить, что часть изделий выполнены одной группой мастеров в один промежуток времени, а также, что погребальные комплексы близки по времени сооружения (Карасук III, Летник VI, Восточное, Афанасьева Гора, Сыда, Саргов, Пистах). Могильники Малиновый Лог и Красный Яр, вероятно, близки не только хронологически, но и оставлены группами населения, которое выделял среди других ряд одинаковых этнографических черт. Необычные для афанасьевской культуры сосуды баночной формы с «ушками» и плоскодонные горшки, аналогичные по форме и имеющие сходство по другим показателям, обнаружены на разных памятниках. Они свидетельствуют о появлении новых одинаковых навыков в изготовлении глиняной посуды, о контактах населения. Вероятнее всего, появление плоского дня и баночные сосуды являются поздними признаками, а захоронения, в которых они найдены, могут быть отнесены к поздней группе погребений. Это позволяет предположить, что ряд объектов сооружен на позднем этапе афанасьевской культуры. Вопрос о длительности функционирования памятников пока остается открытым, однако дальнейшие исследования в этом направлении перспективны.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Боковенко Н.А., Митяев П.Е. Афанасьевский могильник Малиновый Лог на Енисее // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 16–29.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 33–62.

Вадецкая Э.Б. Могильник Черновая VI (республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 35–46.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевская керамика (классика археологического рисунка) // Афанасьевский сборник-2. – Барнаул: Азбука, 2012а. – С. 31–84.

Вадецкая Э.Б. Могильник Малые Копены // Афанасьевский сборник-2. – Барнаул: Азбука, 2012б. – С. 85–102.

Волкова Е.В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. – Тверь, 1998. – № 3. – С. 135–146.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. – 136 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 642 с.

Ковалева О.В., Леонтьев Н.В., Амзараков П.Б. Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисееха в 1959 г. // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 108–121.

Поляков А.В. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 144–158.

Пшеницына М.Н. Погребальные памятники афанасьевской культуры в предгорьях Саян на юге Хакасии // Тр. III (XIX) всерос. археолог. съезда. – 2011. – Т. I. – С. 267–270.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской археологической культуры Горного Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Азбука, 2009. – С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник-2. – Барнаул: Азбука, 2012. – С. 173–182.

М.А. Стоякин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Университет Корё

ЗАЩИТНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ В БОХАЕ*

Изучение защитного снаряжения бохайцев практически не осуществлялось, о нем лишь упоминали [Горелик, 1993, с. 158]. На бохайских памятниках в Приморье латные пластины встречаются редко, устойчивые формы не прослежены [Болдин, Шавкунов, 1997, с. 79]. Даже на самых изученных памятниках Краскинское городище и Чернятино-5 почти нет таких находок. Изданы отдельные работы по военному делу *мохэ*, составлявших значительную часть населения Бохая [Деревянко, 1987].

Мохэ известны как очень воинственный народ, который помогал Когурё в войнах с Китаем. Вся история этого корейского государства связана с военными действиями, как и развитие оборонительного вооружения. Позже часть когурёсцев вошла в состав государства Бохай.

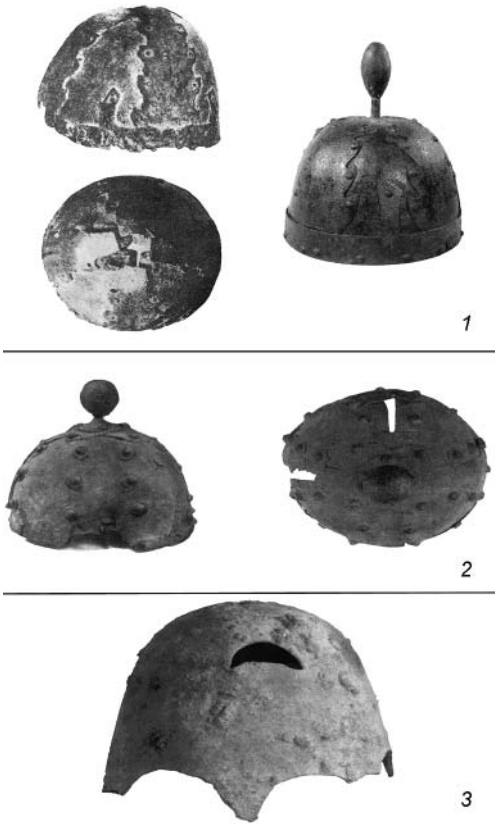
В настоящее время на территории Бохая найдены три шлема. Один обнаружен в могиле рядом с городищем Верхней столицы (пров. Хэйлунцзян КНР), а другой – на развалинах храма (кумирни) в Омэри (пров. Южная Хамгён в КНДР). Место обнаружения третьего шлема неизвестно.

Шлем из могилы состоит из 8 относительно широких железных пластин (см. *рисунок, 1*). Снизу пластины закреплены ободом, в затылочной части – внахлест и спаяны между собой так, что на самом верху осталось отверстие для навершия. Диаметр шлема 20,3 см, а высота 16,7 см. Навершие крепилось к шлему посредством небольшого стержня, который постепенно расширяется в виде продолговатой шишечки (ширина 1,4 см, высота 3 см). Общая высота шлема могла достигать 20 см [Чосон…, 2009, с. 33–34].

Шлем из Омэри выглядит иначе (см. *рисунок, 2*). Снизу нет обода. Край пластин не ровный, а обрезан в виде волны. На верхушке шлема имеется небольшое отверстие (диаметр 1 см), но навершие утрачено. В 3,5 см ниже верха проделаны три отверстия в виде полумесяца. Возможно, через них продевался ремешок для закрепления шлема на голове. Диаметр нижней части изделия равен 21,2 см, высота – 16 см, толщина – 0,5 см [Чосон…, 2009, с. 34, 36]. Оформление вырезного или волнистого края пластин относится к тюркскому времени [Горелик, 1993, с. 170].

*Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН (№ 39).

Третий шлем хранится в музее пров. Хэйлунцзян (Харбин) (см. *рисунок, 3*). Данных по нему мало. Судя по фотографии, он аналогичен первому шлему [Чосон…, 2009, с. 35, фото 505–506]. Однако у третьего шлема «шишка» округлая, снизу нет обода, но края ровные, а заклепки на пластинах заметно выступают над поверхностью.



Бохайские шлемы из Верхней столицы (*1*) (справа – реконструкция), Омэри (*2*) и Музея пров. Хэйлунцзян (*3*). *Масштаб не соблюден.*

Если находки бохайских шлемов очень редки, то в материалах мохэской археологической культуры они вообще отсутствуют. Однако есть возможность сравнить бохайские шлемы с когурёскими. Так, шлемы, обнаруженные в горной крепости Гаоэр (окрестности г. Фушунь, КНР), состоят из двух десятков узких продолговатых пластин. Шлем конусообразный, с большим отверстием для крепления навершия. А вот шлем из форта Ачасан-4 (Сеул, Республика Корея) представляет собой каску небольшого размера (диаметр 15 см, высота 6–7 см). На полах сделаны отверстия для крепления пары рядов небольших пластин (бармица) [Пак Каён, 2001, с. 75].

Другим элементом защитного снаряжения бохайцев были доспехи. Целый экземпляр пока не обнаружен. Редки находки латных пластин в бохайских памятниках: Верхняя столица, крепость Чхонхэ (КНДР), поселение Константиновское-1, могильники Ёнчхаголь (КНДР), Хунцзуньюйчан и Эрдаохаоцзы (КНР), Чернятино-5.

Северокорейские исследователи выделяют по форме 6 типов железных пластин: 1) прямоугольные; 2) прямоугольные с одной закругленной стороной; 3) один конец закруглен, а у другого обрезаны два угла; 4) одна сторона заострена, другая – округлена; 5) в виде лопатки: у широкой стороны два угла заострены, с 2 отверстиями; 6) в виде ромба. Наиболее распространены первые три типа. Длина пластин варьирует от 5 до 10 см (редко до 12 см), ширина – от 1,5 до 3 см; толщина составляет 0,1 см [Чосон…, 2009, с. 36–38].

К седьмому типу можно отнести небольшую узкую пластину с двумя округлыми концами и двумя отверстиями на каждой стороне (всего 12) [Чон Ёнджин и др., 2006, с. 276]. Для каждого типа характерно определенное количество и расположение отверстий, что влияло на функциональное место в конструкции доспеха. Отверстия сгруппированы по 2 по краям, нередко и посередине. Их количество составляет от 2 до 16 ед.

На селище Константиновское-1 и могильнике Чернятино-5 обнаружено несколько пластин, которые могут быть отнесены к типу 3. В них сделано 12–13 отверстий, расположенных попарно на коротких сторонах и по 2 – на продольных, в нижней и верхней частях; посередине – дополнительное отверстие [Болдин, Шавкунов, 1997, с. 78–79; Никитин, Чжун Сук-бэ, 2006, с. 160].

На могильнике Хунцзуньюйчан раскопано более трех сотен могил. Пластины найдены лишь в 11 могилах и 2 насыпях. Их можно отнести к типам 1–3. Встречаются экземпляры с тремя отверстиями на широкой стороне (например, из насыпи FT1). Кроме того, в могиле 2001 обнаружены две обломанные костяные пластины, каждая с тремя отверстиями на широкой стороне [Хунцзуньюйчан…, 2009, с. 74–75]. Это – первые бохайские костяные пластины. Подобные изделия редки и в мохэских материалах. Панцири из кости были намного дешевле металлических, поэтому они часто копировали форму железных изделий [Деревянко, 1987, с. 68].

Для Верхней столицы характерно наличие латных пластин типа 4, различающихся размерами [Бохай…, 2009, фото 304, 336, 391]. Известны две небольшие бронзовые пластины с растительным орнаментом. Они имеют форму погона: прямоугольные в плане, с одной заостренной стороной и одним отверстием. При раскопках дворцовых сооружений 3 и 4 обнаружены разнообразные позолоченные пластины [Бохай…, 2009, с. 307–309]. В отверстии одной из них сохранился маленький гвоздь. Видимо, пластины украшали деревянные изделия или стены, а не часть доспеха.

Пластины с округлым концом обнаружены на памятниках польцевской культуры. Их появление связывают с влиянием культур скифского мира [Деревянко, 1987, с. 30]. Дальнейшее развитие доспехи получил в мохэское время. Однако целые доспехи до сих пор не найдены. В могилу чаще всего клали предметы, символизирующие доспехи: несколько пластин, часто намеренно сломанных. Типы и размеры пластин, как и количество отверстий, типичны. Они расположены попарно или по одному, некоторые – в центре.

Мохэский доспех мог быть чешуйчатым, с большим числом пластин, прикрепленных к кожаной или тканой подкладке, либо пластинчато-наборным без подкладки [Деревянко, 1977, с. 136–137]. Считается, что мохэский чешуйчатый панцирь несет следы тюркского влияния. Пластины этого типа на памятниках Алтая и Тувы датируются VI–VIII вв. [Деревянко, 1987, с. 139].

Когурёский доспех тоже представлен единичными латными пластинами. Однако сохранилось значительное количество фресок, изображающих воинов в защитном вооружении. Так, в гробнице Анак-4 изображено шествие аристократа, где часть пеших воинов держат длинные и узкие

щиты. (В когурёских коллекциях есть «звездочки», вероятно, крепившиеся на щиты.) На головах воинов нарисованы шлемы, украшенные плюмажем из перьев; сзади виднеется бармица. Встречаются на изображениях шлемы с широкими «рогами», направленными назад под углом 45 градусов. На тело надет простой легкий доспех в виде кафтана до бедер.

Намного мощнее была защита у всадников. У одних показаны шлемы округлой формы, у других – вытянутой, с украшением из перьев. Шлем имел бармицу. Кроме нее шею защищал металлический ворот. Доспех состоял из двух частей – кафтана (корсет) и штанов. Только у некоторых воинов изображены наплечники. Кони облачены в защиту в виде единого доспеха. Заметим, что на бохайских фресках (в могиле Чжэнь Хуэй) есть изображения людей с луками, но без доспехов. Скорее всего, это связано с сюжетом (соревнование в стрельбе из лука), но, возможно, является отражением гендерного аспекта.

На данный момент по отдельным пластинам сложно реконструировать форму бохайского и мохэского доспехов. Тем не менее, закругленные и обрезанные концы пластин служили для плавного соединения в единое целое. Судя по изображениям на когурёских фресках, существовали разные типы защитного вооружения. Несмотря на высокий уровень культурного развития, изготовление защитного вооружения в Бохае не было распространенным явлением. Железный доспех (особенно шлем) отсутствовали у большинства простых воинов. Вероятно, они пользовались деревянными щитами и кожаной броней. Возможно, пластины нашивали на кожу, что удешевляло защитное вооружение. Бохайские шлемы заметно отличаются от когурёских по форме, что, вероятно, связано с тюркским влиянием.

Список литературы

Болдин В.И., Шавкунов В.Э. Предметы вооружения с селища Константиновское-1 // Вест. ДВО РАН. – 1997. – № 1. – С. 71–81.

Бохай Шанцзинчэн: отчет об археологических раскопках Верхней столицы Бохая в 1998–2007 гг. – Пекин: Вэньу, 2009. – Т. 2. – 1079 с. (на кит. яз.).

Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 149–179.

Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. − Новосибирск: Наука, 1987.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2005 году. – Владивосток; Сеул, 2006. – 372 с.

Пак Каён. Изготовление когурёских доспехов по историческим исследованиям // Ханбок мунхва. – 2001. – № 4,1. – С. 73–87 (на кор. яз.).

Хунцзуньюйчан: отчет об археологических раскопках в 1992–1995 гг. бохайского могильника Хунцзуньюйчан. – Пекин: Вэньу, 2009. – Т. 1. – 543 с. (на кит. яз.).

Чон Ёнджин, Юн Хёнчхоль, Ли Донхви. Особенности бохайской культуры: по материалам погребений. – Сеул: Тонбукаёксаджэдан, 2006. – 353 с. (на кор. яз.).

Чосон когохакчонсо 43: энциклопедия археологии Северной Кореи 43 (раздел «Средневековье» 20 – находки Бохая). – Квачон: Чининчжин, 2009. – 166 с. (на кор. яз.).

С.Ф. Татауров

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ТАРСКИЙ КРЕМЛЬ
(итоги исследований 2013 года)*

В 2013 г. прошел пятый сезон археологических исследований в историческом центре г. Тары, проводимых совместной экспедицией Омского филиала ИАЭТ СО РАН и ОмГУ, при участии специалистов Автономного университета штата Мехико (Мексика), а также археологических практик ТГУ и Тарского филиала ОмГПУ. В предыдущем сезоне приступили к раскопкам одного из основных комплексов Тарского кремля – воеводской усадьбы. В соответствии с имеющимися градостроительными планами и письменными описаниями города удалось после снятия культурного слоя, на глубине более 3 м, достаточно точно выйти на искомый объект. Нами была вскрыта часть дома – крыльцо, теплые сени и фрагмент основного сруба, а также подходящая к усадьбе мостовая (ширина 6 м) и небольшая баня на другой стороне. Такое нетипичное расположение хозяйственного комплекса вызвало ряд сомнений в планиграфии усадьбы. Их должны были разрешить раскопки следующего сезона.

Прирезаясь к раскопу 2012 г., мы полагали, что помимо продолжения изучения собственно воеводского дома выйдем на хозяйственные комплексы усадьбы. Наши предположения полностью подтвердились: раскоп практически полностью накрыл хозяйственную часть усадьбы (см. *рисунок*). Теперь можно реконструировать планиграфию воеводской усадьбы в Тарском кремле (за исключением жилой части).

Отметим, что выше усадьбы были сняты два строительных горизонта. Первый горизонт, располагавшийся примерно в метре от современной дневной поверхности, отнесен к середине XX в. и представляет собой остатки построек базарной площади: крытые навесы для торговли, мусорную яму со срубом из плах, небольшую избу из разнокалиберных бревен, использованных ранее для других целей. Некоторые бревна в венцах избы состоят из двух и даже трех частей. По всей вероятности, это была постройка для сторожа базара.

*Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Хозяйственная часть воеводской усадьбы.

Второй горизонт (мощность 1,5–2,5 м) датируется XIX – началом XX в. и представлял собой длинную комбинированную ограду, состоящую из фрагментов заплота и частокола. Вероятнее всего, это был загон для лошадей, т.к. с одной стороны выявлены плотные напластования конского навоза. Данный культурный горизонт подтвердил тот факт, что в конце XVIII – начале XIX в. тарский кремль срыли (историкам неизвестна точная дата этого события), и на этом месте долгое время отсутствовали какие-либо постройки. Только в начале XX в. территория стала постепенно застраиваться.

Вернемся к воеводской усадьбе. Мостовая, зафиксированная нами в 2012 г., не проходила мимо усадьбы, а начиналась от нее. Часть мостовой напротив дома была накрыта крышей, т.е. представляла собой крытый двор. Поэтому баня находилась не через дорогу, а всего лишь на другой стороне двора, что типично для русских усадеб.

За пределами двора находился погреб. Следует отметить, что по истечении почти четырех веков он полностью сохранился: под перекрытием осталась полая камера. Опущенный в землю более чем на 2 м сруб погреба (площадь около 10 м^2) выполнен из больших бревен (диаметр не менее 0,4 м) и имел 2 пола. Это говорит о том, что его использовали в качестве ледника: на первый пол клали лед, поверх него клали второй настил, а на него – продукты. Высота камеры составляла 1,7 м. Для спуска в погреб из ствола дерева (диаметр около 0,5 м) была срублена лестница. В самом погребе обнаружены фрагменты нескольких бочек и крупных глиняных сосудов: по всей вероятности, они служили для хранения продуктов. Найдено несколько свернутых в кольца тонких корневищ (возможно, кедра и березы). Интересна находка зуба мамонта и нескольких крупных галек, которые использовали в качестве гнета. Таким образом, можно говорить,

что в начале XVII в., как и сейчас, зубами и фрагментами бивней мамонта осаживали в бочках огурцы и капусту.

Практически вплотную к погребу стоял колодец, что является обычной практикой для Сибири из-за высоких грунтовых вод. Колодец служил своего рода водоотводом для погреба. От колодца остались два столба, на которых крепилась крыша, и один венец сруба. Колодец был забран в сруб. Верхние венцы на уровне поверхности усадьбы сохранились плохо, но ниже они в очень хорошем состоянии. После углубления при выборке на 0,5 м со дна колодца стала обильно просачиваться чистая вода. Дальнейшую выборку пришлось прекратить из-за угрозы подтопления раскопа. По всей вероятности, колодец стоял на одном или нескольких родниках, поэтому после снятия четырех метров культурного слоя давление почвы ослабло, и вода стала поступать.

В одном ряду с погребом и колодцем, в углу усадьбы, находилась изба (размеры 4,5×4,5 м). Сохранились 4 венца из бревен (диаметр 0,3 м), пол из хорошо протесанных плах, а также *опечек* из мощного бруса (размеры 0,4×0,4 м), срубленный в «чистый угол». Опечек ограничивал глинобитную печь (высота около 1,5 м) с большим подом (около 0,8 м). Изба сгорела. Сохранившиеся венцы засыпаны фрагментами сгоревшего дерева, землей и щепой. После пожара избу не разбирали, поэтому там сохранилась утварь и бытовые предметы: горшки разной величины для приготовления пищи, керамические и деревянные миски, деревянные ложки и черпаки, берестяные туески, несколько железных ножей и др. Интересна находка фрагментов двух цветных стеклянных штофов, датируемых первой половиной XVII в. В избе также обнаружено несколько кожаных поршней и три лаптя (два сплетены из лыка, один – из бересты).

Расположение избы в усадьбе и ассортимент находок указывает на то, что постройка предназначалась для обслуживающего персонала воеводы – кучера, повара, прислуги и др. В этой части усадьбы, около погреба, колодца и избы, настила нет, поэтому, очевидно, крытый двор был только над прилегающей к сеням мостовой и соединялся с крышей бани.

Таким образом, можно говорить, что воеводская усадьба нами исследована полностью (за исключением собственно жилого дома, раскопки которого возможны только после вскрытия значительной части асфальта на площади). Усадьба представляла собой полный комплекс для жизнеобеспечения тарского воеводы: дом с крытым двором, баня, погреб, колодец, изба для прислуги.

В ходе раскопок 2013 г. собрана большая коллекция предметов материальной культуры тарчан XVII–XX вв. Среди наиболее интересных находок выделим несколько категорий.

Односторонние и двусторонние формы из коры хвойных деревьев (кедра или сосны) использовались для отливки рыболовных свинцовых грузил и блесен. В Тарском Прииртышье, на русском Ананьинском поселении, основаннном в начале XVII в., найдена блесна из такого металла [Татауров, 2007]. Теперь мы нашли и формы, в которых они отливались. Набор шахмат, собранный в предыдущие годы исследований, пополнился

фигуркой ладьи. Традиционно много в культурном слое г. Тары найдено кожаной обуви: поршни, сапоги разных форм и фасонов. В этом году добавилось несколько лаптей.

Хочется отметить еще одну категорию находок – детские игрушки. В этом году найдено большое количество «бабок» и «альчиков» для игры в «бабки». Некоторые из них просверлены и залиты свинцом, другие спилены с одной стороны для более хорошего контакта с землей. Коллекцию пополнили миниатюрные глиняные сосудики, маленький лук с набором стрел и кораблик из кедровой коры.

Вызывает некоторое недоумение крайне малое количество в культурном слое изделий из металла и практически полное отсутствие фарфора. Возможно, это объясняется тем, что на протяжении всего XVII в. г. Тара был на военном положении, в связи с чем испытывал проблемы с поступлением металла. Объяснения отсутствия фарфора пока нет. Так, на поселении Ананьино, которое располагается в 15 км, найдено большое количество китайского и русского фарфора [Татауров, 2011]. Вполне вероятно, что фарфор может быть сконцентрирован в жилой части усадьбы.

Исследования 2013 г. еще раз показали перспективность создания на месте тарского кремля музейного комплекса, в котором воеводская усадьба заняла бы достойное место.

Список литературы

Татауров С.Ф. Рыболовство в Нижнетарском археологическом микрорайоне // Рыцарь сибирской археологии: сб. ст., посвящ. памяти В.И. Матющенко. – Омск, 2007. – С. 255–275.

Татауров Ф.С. Школы, основные центры производства и характер распространения фарфора из археологических памятников Западной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. – Омск: Изд-во Омск. филиала РГТЭУ, 2011. – С. 180–189.

Л.В. Татаурова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ЖИЛИЩНЫЙ КОМПЛЕКС РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ XVII–XVIII ВЕКОВ АНАНЬИНО I

В 2013 г. были продолжены раскопки поселенческого комплекса XVII–XVIII вв. Ананьино I в Тарском районе Омской области. В письменных источниках упоминание о деревне Ананьино приходится на начало XVII в. [Буцинский, 1999, с. 153]. Раскопки на памятнике начаты автором в 2005 г., а продолжены в 2010–2012 гг. Исследовано 604 м^2 на поселении и 260 м^2 – на кладбище [Татаурова, 2010, с. 316–319; 2012, с. 292–295]. Раскоп 2013 г. пополнил изученную площадь поселения на 256 м^2. Именно на этот участок попал жилищный комплекс – трехчастная изба-«связь» (рис. 1).

Жилище вытянуто по линии СЗ-ЮВ и фасадной частью ориентировано на оз. Ананьино. Состояло оно из трех частей: изба, сени, клеть. Северо-западная часть была избой, большей относительно сеней и клети по размеру. В раскоп она попала наполовину. Вероятно, изба квадратная в плане, с длиной стены (ЮВ) 6,2 м. Постройка имеет вид сруба, от которого остались два венца с выпусками; углы рублены «в чашу».

Внутренняя планировка избы соответствовала северо-среднерусскому типу, который преобладал в Западной Сибири и характеризовался положением русской печи в углу, у стены, направленной устьем к окнам фасада [Этнография…, 1981, с. 114–115, 128; Очерки…, 1994, с. 127].

В изученном жилище битая печь занимала пространство вдоль северо-восточной стены избы, справа от входа. Нами она зафиксирована как развал с несколькими скоплениями керамики.

Вся юго-западная половина избы была застлана полом из плах, ориентированных на СВ–ЮЗ (см. рис. 1).

Юго-восточная часть жилища представляла собой клеть: сруб размером 4,5×4 м; площадь внутреннего пространства 12 м^2. В центре клети был устроен подпол: яма с впущенным срубом из четырех венцов; площадь внутреннего пространства 7 м^2; с СЗ устроена полка шириной 60 см. Все пространство между стенами клети и срубом подпола было заполнено (вероятно, для теплоизоляции) озерным илом – вязкой плотной субстанцией серого цвета без находок. На дне подпола в разных направлениях валялись доски. Как и изба, клеть построена в виде сруба с выпусками

Рис. 1. Общий вид на раскопанный жилищный комплекс (с запада). Слева – трехчастная изба-«связь» с деревянным полом.

и углами, рубленными «в чашу». Между ними находились холодные сени, пристроенные к избе и клети методом «набирки»: вертикальные столбы с пазом, в который вставлены бревна стен. Внутренние размеры клети составляли 11 м^2.

С северо-восточной стороны жилища, в сенях, рядом со стеной избы была дверь, выходившая на крыльцо, сделанное из коротких плах. Отдельное крыльцо было устроено перед клетью с подполом (тоже с СВ).

К северо-востоку от жилища, вероятно, располагался крытый двор. Его кровля примыкала к жилищу и, скорее всего, держалась на столбах. Все пространство крытого двора было застлано деревянным полом. Ширина этого пространства (СВ–ЮЗ) 6,3 м. Пол уходил под северо-восточную стенку раскопа. Длина половиц 4,8–5 м, ширина 0,4–0,6 м (рис. 2). Раскопанная площадь пола составила 32 м^2. В северо-восточной части поверх пола зафиксирован угол сооружения, уходящего за пределы раскопа.

С юго-западной стороны жилища, вероятно, располагалась «летняя кухня». Сохранилась одна из стен, перпендикулярно примыкавшая к клети, рядом с которой зафиксирован развал глинобитной печи и скопления керамики вокруг (см. рис. 1, справа).

Интересен объект на материке, частично попавший под «летнюю кухню». К юго-востоку от развала печи после зачистки на «материке» прослеживалось пятно, контурами похожее на сруб, но остатков дерева в нем не было. Размеры пятна 3,8×3,6 м. В южном углу, над пятном, выявлен аморфный прокал небольшой мощности. После выборки его

Рис. 2. Вымостка из досок на территории крытого двора.

заполнения в погребенной почве внутри обозначенного пятна на разных уровнях зафиксированы 4 скелета собак, целый череп лошади, несколько фрагментов еще одного черепа лошади, многочисленные кости животных. Назначение объекта объяснить пока сложно. Есть мнение, что выявленные в материке контуры, похожие на сруб, являются следами более ранней, чем описанное выше жилище, постройки, котлован которой могли использовать какое-то время для утилизации павших животных. Подобный случай зафиксирован автором при раскопках Бергамакского острога, где в яме погреба (вероятно, уже не использовавшегося по назначению) утилизировали конечности и черепа лошадей [Татаурова, 1997, с. 357–358]. Правда, в Ананьино видовой состав животных более разнообразен, а количество костей не столь велико.

Инвентарный комплекс включал 265 индивидуальных находок. Среди них 5 монет середины – конца XVIII в., фрагменты веревочек, сплетенных из шерсти, «головка» курительной трубки из кости, «бабки» для игры, залитые свинцом, белые и синие бусины различной формы, медный крестик (первого типа, по В.И. Молодину), женское украшение с подвеской из синей бусины, швейные иглы. Много фрагментов изделий из кожи: обуви (чирки, голенище сапога, подошвы), части ремня.

Представителен массив керамики, среди которой черно- и краснолощеная, лепная и гончарная. Среди массовых находок – фрагменты китайского фарфора династий Мин и Цин (XVII в.). Найдено много предметов, относящихся к хозяйственно-бытовому комплексу: глиняные и каменные

грузила, удила, строительная «черта» и скобель, ножи, пинцеты, кресало и кресальные камни, др.

Жилищный комплекс и полученный в ходе раскопок инвентарь характеризуют различные стороны культуры проживавшего здесь в XVIII в. служилого и крестьянского населения, дают обширную информацию для реконструкции системы жизнеобеспечения.

Список литературы

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 1. – С. 153.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – Т. 1, кн. II: Поселения и жилища. – 286 с.

Татаурова Л.В. Исследования Бергамакского острога // Археологические открытия. – М.: Наука, 1997. – С. 357–358.

Татаурова Л.В. Русский археологический комплекс XVII–XVII вв. Ананьино I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 316–319.

Татаурова Л.В. Результаты археологических исследований русского комплекса Ананьино I в 2011–2012 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 292–295.

Этнография русского крестьянства Сибири XVII – сер. XIX в. – М.: Наука, 1981. – 268 с.

Л.В. Татаурова[1], П.В. Орлов[2], Л.В. Быков[3], А.С. Костюк[3], П.М. Погарский[4]

[1]Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
[2]Омский государственный университет
[3]ООО «Лаборатория автоматизации геодезических и фотограмметрических работ»
[4]ООО «Опытно-конструкторское бюро "Малые беспилотные аппараты"»

ГЕОДЕЗИЯ И ОРТОФОТОМЕТРИЯ В АРХЕОЛОГИИ РУССКИХ XVII–XVIII ВЕКОВ (на примере комплекса Ананьино-I в Тарском районе Омской области)*

В полевых сезонах 2012–2013 гг. авторский коллектив разработал и опробовал методику использования геодезических методов определения пространственного положения археологических памятников, раскопанных объектов и находок, что позволит выполнять различные реконструкции.

В археологических исследованиях основным источником получения обзорной информации являются аэрофотоснимки и космические изображения. С их помощью проводится предварительная разведка местности. Сопоставление изображений с имеющимися картами и планами археологических памятников позволяет выявить наиболее общие закономерности в расположении и структуре объектов исследования. Фотопланы, созданные по данным дистанционного зондирования (ДДЗ) Земли, служат для общего знакомства с территорией, уточнения положения археологических памятников относительно картографической основы, планирования работ, выбора конкретных объектов для более тщательного изучения.

Недостатком ДДЗ является то, что с их помощью затруднено сопровождение археологических работ. Получение информации возможно с непредсказуемой периодичностью, поскольку используются архивные материалы съемок. Специальные съемки практически не выполняются, т.к. размеры археологических памятников незначительны по площади, а заказная аэросъемка чрезмерно дорога.

С появлением беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), приспособленных для аэрофотосъемки (АФС), стала возможна периодическая съемка памятника в процессе археологических исследований. Преимущества беспилотной АФС – оперативность, невысокая стоимость, строгая фотограмметрическая обработка снимков, малая площадь объектов съемки. Это позволяет сопровождать раскопки на различных стадиях исследований.

*Статья подготовлена по итогам работы Международной полевой научной школы для молодежи «Естественнонаучные методы в археологии: геофизика, геодезия и ортофотометрия, антропология» при финансовой поддержке РФФИ (проект 13-06-06835).

В сезонах 2011–2012 гг. сотрудниками «Лаборатории автоматизации геодезических и фотограмметрических работ», учеными ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Омского филиала ИАЭТ СО РАН и специалистами «ОКБ “Малые беспилотные аппараты”» выполнены работы по апробации технологии геодезического сопровождения археологических исследований с применением БПЛА. Эксперименты проводились на территории археологического памятника саргатской культуры близ дер. Ново-Оболонь Горьковского района Омской области. Результаты опубликованы [Орлов, Татаурова, Лашов, 2013, с. 36–45; Быков и др., 2013, с. 139–145].

В 2012 г. на русском комплексе XVII–XVIII вв. Ананьино I в Тарском районе Омской области начата разработка и апробация методики полного цикла геодезического сопровождения археологических работ [Татаурова, 2012, с. 292–295]. На первом этапе методами спутникового позиционирования были определены координаты базовой станций. Способом электронной тахеометрии создана ландшафтная модель местности, выполнена привязка раскопа к мировой системе координат, в которой определялось положение находок и объектов, обнаруженных в процессе работ.

В полевом сезоне 2013 г. комплексные исследования по предложенной методике на памятнике были продолжены. Задачи второго этапа были следующими:

1. Разработка методики построения ландшафтной модели местности с помощью БПЛА.

2. Разработка методики построения трехмерных моделей раскопанных объектов и их привязка к площади раскопа и памятника.

Для построения ландшафтной модели выполнена аэрофотосъемка местности в районе расположения памятника. Производилась она при помощи беспилотного летательного аппарата «Эльф ПП-45» конструкции П.М. Погарского. Технические характеристики БПЛА:

– продолжительность полета 1,5–2 ч;

– производительность аэросъемки 1,5–2 км^2 за один полет;

– рекомендуемый масштаб фотопланов 1:500 – 1:2000;

– погрешность построения цифровой модели рельефа (ЦМР) от 0,1 м.

Съемочная система состоит из трех синхронно работающих фотоаппаратов, смонтированных на единой платформе. Оптическая ось центрального аппарата ориентирована в надир, два других аппарата наклонены в противоположные стороны от надира под углом 15 градусов. Такое расположение аппаратов обеспечивает увеличение угла зрения системы до 80 градусов, что гарантирует необходимое поперечное перекрытие снимков и захват снимаемого объекта.

Фотографирование выполнялось с высоты 200–300 м. Пилотирование осуществлялось по изображению на экране компьютера. С помощью специально разработанного программно-аппаратного комплекса на экране компьютера отображалась следующая информация:

– изображение участка местности, полученное по космическому фотоснимку, ориентированному в принятой системе координат;

– проектное положение маршрутов аэрофотосъемки;

– фактическое положение летательного аппарата в реальном времени;

– фактическая траектория движения летательного аппарата;

– схематичное положение кадров;

– видеоизображение местности, предаваемое с бортовой видеокамеры в реальном времени;

– навигационные данные: высота полета, скорость, направление, состояние бортового оборудования.

Управление летательным аппаратом осуществлялось с помощью навигационного компьютера и пульта дистанционного управления.

Для уменьшения динамических «смазов» изображения полет по маршруту выполнялся в режиме планирования. В результате за один полет получалось примерно 200 снимков, из которых формировались маршруты с наилучшим геометрическим и фотографическим качеством.

Для привязки аэроснимков в районе работ выполнена маркировка и привязка опознаков. Точки маркировались искусственным контрастным материалом. Координаты опознаков определялись относительно базовой станции в мировой системе координат WGS-84 по GNSS технологии в режиме RTK.

Камеральная обработка аэроснимков осуществлялась в цифровой фотограмметрической системе (ЦФС) «Фотомод».

Фотограмметрические работы выполнены с точностью, отвечающей требованиям создания топографических планов масштаба 1:2000. В результате создан фотоплан местности, дальнейшая работа с которым выполнялась в среде ГИС MapInfo (рис. 1).

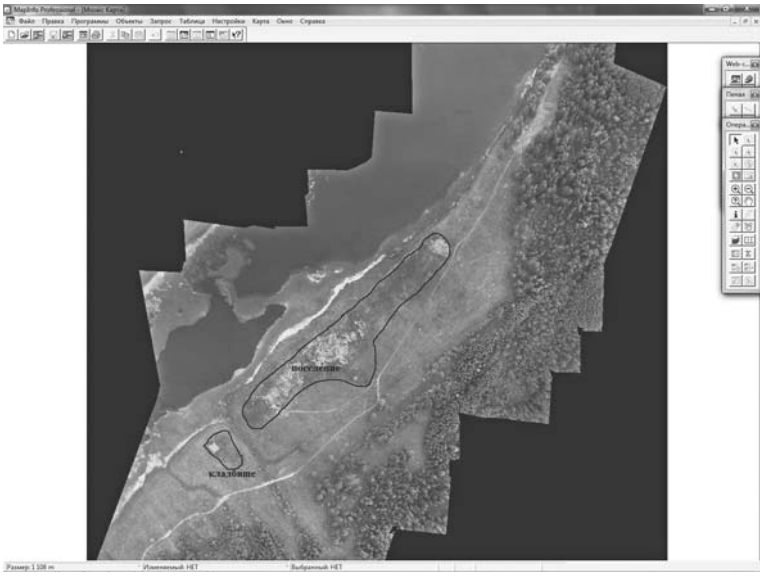


Рис. 1. Ортофотоплан комплекса Ананьино-I с обозначением границ поселения и кладбища.

Стереотопографическая съемка местности не выполнялась, поскольку во время аэрофотосъемки поверхность земли была покрыта высокой травой. Информация о рельефе местности скопирована с материалов наземной топографической съемки, выполненной в 2012 г. Дополнительно на модель нанесены границы раскопов 2012 и 2013 гг., дешифрирован контур бывшего поселения. По этой информации выполнена трехмерная визуализация, создана ландшафтная модель местности.

В процессе раскопок, по мере обнаружения находок и объектов, кроме послойного картографирования артефактов и площадных объектов выполнялась наземная стереосъемка отдельных участков. Для привязки изображений использовались специальные маркированные точки, координаты которых определялись относительно базовой станции в единой системе с опознаками аэрофотосъемки. Это позволило совместить фотопланы раскопанных объектов (сооружений, скоплений керамики) и фотопланы раскопов.

Фотограмметрическая обработка снимков выполнялась с помощью цифровой фотограмметрической станции «Фотомод». Съемочные камеры были предварительно калиброваны на тест-объекте по авторской методике. Взаимное ориентирование аэрофотоснимков осуществлялось со средней квадратичной погрешностью 0,3 пикселя. Построение модели выполнялось способом связок с использованием 6–10 опорных точек. Результаты оценки точности построения модели по материалам наземной стереосъемки составили: по остаточным поперечным параллаксам – 0,3 пикселя, по расхождениям координат опорных точек в плане – 5 мм, по высоте – 3 мм.

В процессе стереофотограмметрической обработки сети создана цифровая модель рельефа, ортофотопланы, трехмерная визуализация местности и раскопа (рис. 2).

Предложенные методические приемы использования БПЛА для построения трехмерных ландшафтных моделей местностей позволили:

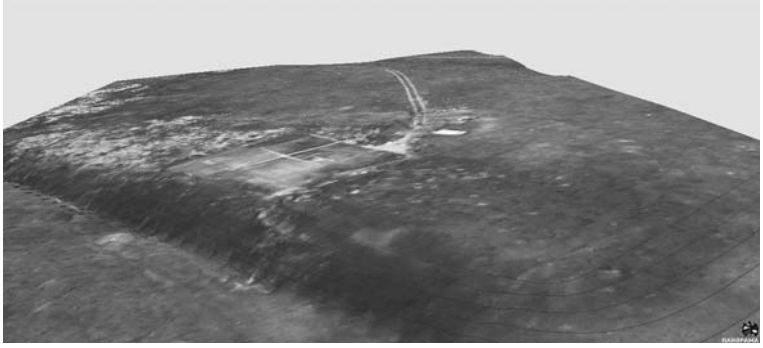


Рис. 2. Трехмерная реконструкция ландшафтной модели памятника с привязкой места раскопа.

– точно привязать археологические комплексы к системе координат местности и создать ландшафтную модель территории, на которой эти объекты сформировались, функционировали и стали археологическими;

– определить планиграфию археологического памятника с выявлением структурных особенностей и границ (по результатам исследований площадь поселения Ананьино составила около 1,7 га);

– точно привязать границы раскопа к местности с указанием координат реперных точек.

При долговременном исследовании памятника наличие этих координат обеспечит точную прирезку новых площадей для раскопок.

Результаты послойного картографирования артефактов и площадных объектов станут основой для трехмерного моделирования памятников и их виртуальной реконструкции.

Описанный опыт работы в археологических исследованиях использован впервые.

Список литературы

Быков А.Л., Костюк А.С., Быков В.Л., Быков Л.В., Татаурова Л.В., Орлов П.В., Погарский П.М. Применение материалов аэрофотосъемки с беспилотного летательного аппарата для картографического обеспечения археологических работ // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2013: IX междунар. науч. конгр. (15–26 апр. 2013 г., Новосибирск): междунар. науч. конф. «Дистанционные методы зондирования Земли и фотограмметрия, мониторинг окружающей среды, геоэкология». – Новосибирск: Изд-во СГГА, 2013. – Т. 1. – С. 139–145.

Орлов П.В., Татаурова Л.В., Лашов М.В. Использование БПЛА и систем высокоточного спутникового позиционирования для построения трехмерных ландшафтных моделей археологических памятников // Виртуальная археология (неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции): матлы первой междунар. конф. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – С. 36–45.

Татаурова Л.В. Результаты археологических исследований русского комплекса Ананьино I в 2011–2012 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 292–295.

К.Н. Тихомиров

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ XVI–XVIII ВЕКОВ*

Одним из важнейших этапов истории Сибири является ее колонизация подданными Российского государства. Этот процесс окончательно сложился к концу XVI в. и маркируется походом группы под руководством Ермака. Именно тогда окончательно оформилось государственное освоение Сибири. Была создана сеть снабжаемых казной крепостей, которые служили проводниками политики государства, защищали его интересы и гарантировали безопасность его союзников на новых территориях. Период закрепления российского присутствия и дальнейшей колонизации Сибири являлся важнейшим, т.к. проверялась сама возможность этого, решалось будущее России. Два встретившихся мира адаптировались друг к другу, изыскивая возможность сосуществования. Знания историков о том периоде недостаточны. Во многом это объясняется малым количеством известных памятников того времени, связанных с историей коренного населения. Еще меньше их исследуется. Именно поэтому так важно введение в научный оборот каждого нового памятника, оставленного коренным населением Сибири.

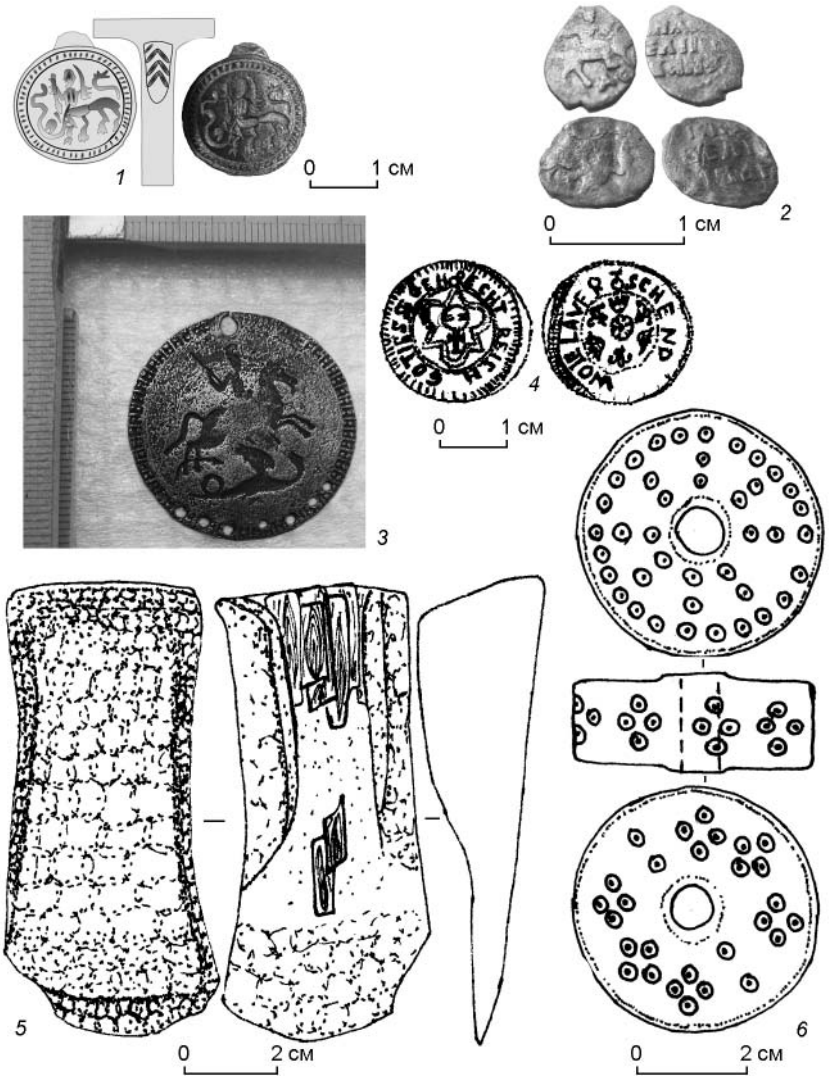
В 2010–2013 гг. в Среднем Прииртышье выявлены и частично исследованы несколько таких памятников. Наиболее интересны два из них: могильник Сеитово IV и городище Усть-Тамак II (в Тарском и Знаменском районах Омской области соответственно).

Сеитово IV. Грунтовый могильник. Располагался на краю низкой правобережной террасы в пойме р. Иртыш, в 1 км к юго-западу от крыльца каменного магазина в д. Сеитово. Здесь местные жители в течение 20 лет берут грунт (светло-серо-коричневую супесь) для своих нужд, вследствие чего образовался карьер. При этом тут находят различные материальные остатки (подвески, стеклянные бусы, медные котлы и др.), а также человеческие кости. Один из предметов, найденных на могильнике, – металлический перстень (бронза), подаренный автору и переданный на хранение в Музей народов Сибири ОНЦ СО РАН.

Перстень выполнен из бронзы. Он имеет щитковую конструкцию. На круглом щитке (20,10×20,45 мм) выгравировано изображение кен-

*Работа выполнена в рамках гранта РФФИ (№ 13-06-98028).

тавра с коротким копьем (острием вниз) в правой руке и саблей (острием вверх) обушком к телу – в левой (см. *рисунок*, *1*). Судя по всему, кентавр поражает змея копьем. Изображение окантовано рядом насечек, расположенных между двумя окружностями. На дужках перстня, прилегающих к щитку, с двух сторон выгравирован растительный орнамент: два ряда листьев, направленных друг к другу и образующих «елочку». По имеющимся аналогам из европейской части России перстень можно



Материалы из могильника Сеитово IV (*1–3*) и городища Усть-Тамак II (*4–6*) (*1, 3* – бронза; *2* – серебро; *4* – билон; *5* – железо; *6* – кость).

датировать XVI–XVIII вв. и предположить, что он был импортирован. По мнению Б.В. Мельникова и Г.В. Холостых, перстни с геральдическими рисунками и мифологическими сюжетами (изображения кентавра, Георгия Победоносца) «явно русские» [1994, с. 210].

К другим находкам из могильника относятся: сломанный медный котел; круглая бронзовая бляшка (диаметр 36 мм, толщина 2,5 мм), являвшаяся когда-то частью сложного украшения, о чем свидетельствуют 8 отверстий для крепления другие частей. На одной стороне бляшки выполнено изображение Георгия Победоносца, поражающего змея (см. *рисунок*, *3*). Оно практически полностью повторяет изображения на русских монетах начала – середины XVIII в. [Спасский, 1962 с. 149, рис. 100, *3*; с. 151, рис. 102; с. 153, рис. 103 и др.]. Вторая сторона бляшки не орнаментирована.

В 2013 г. в ходе предварительных спасательных работ карьер был обследован, произведены раскопки на площади 32 м^2. Вскрыты остатки могильного комплекса 1, состоявшего из погребения и остатков ровика, частично уничтоженного карьером. Анализ планиграфии показал, что площадка, оконтуренная ровиком, была покрыта слоем сажи, а могильное пространство заполнено более светлым грунтом и оконтурено сажевым пятном. Это может свидетельствовать о том, что перед помещением трупа могильную яму, площадку и ровик обжигали. В могиле по обряду трупоположения погребена женщина 25–30 лет, покоившаяся вытянуто на спине, головой на запад. Инвентарь погребения: 3 бронзовых щитковых перстня, металлический нож, берестяной чехол с бисером из синего стекла, бронзовый наперсток, обломки бронзовых сережек в виде вопросительного знака, 2 серебряных деньги (отчеканены при Иване IV, до 1547 г.).

Еще один памятник периода освоения русскими Среднего Прииртышья – городище **Усть-Тамак II**. Оно располагается на высоком краю останца р. Иртыш, в правобережной пойме, в 1 км к юго-западу от д. Усть-Тамак (*Уш-Тамак* в местной огласовке).

В настоящее время городище представляет собой площадку, с трех сторон окруженную валом (ширина 3,5–4 м, высота 0,4–0,5 м) и рвом (ширина 3–3,5 м в устье и 0,5 м – на дне, глубина 0,5 м). В южной части есть перемычка (ширина 3,5 м). На дневной поверхности зафиксировано 9 подпрямоугольных насыпей (размеры 5,2–5,5×3,5–4 м). Насыпи возвышаются над окружающей местностью на 10–12 см. Возможно, на памятнике были и другие объекты, но т.к. здесь находится действующее мусульманское кладбище (мазарат) соседней деревни, их выявление затруднено.

Во время исследования культурного слоя в 2006 (12 м^3) и 2010 (48 м^3) годах получены материалы начального этапа взаимодействия русского и татарского населения.

Наибольшую часть коллекции составили керамика и кости животных. Керамика включает в основном неорнаментированные фрагменты, аналогичные т.н. «русской» керамике, привнесенной переселенцами из-за Урала. Кроме того, на памятнике обнаружено несколько фрагмен-

тов толстостенной лепной керамики с округлым венчиком. По их форме можно предположить, что посуда имела форму чаши. В верхней части, под венчиками, сосуды орнаментированы рядом ямок. Наибольшие количество аналогов такой посуды есть среди материалов эпохи позднего средневековья Западной Сибири.

На памятнике также найдены костяные изделия, в т.ч. обломок ложечки (аналоги обнаружены на памятнике Зимние V), железные черешковые ножи с прямой спинкой, железный кельт с несомкнутой втулкой (см. *рисунок*, *5*), наконечники стрел, костяные проколки, бронзовый колокольчик, обрезки меди, металлическая пуговица, кусочки кремния, каменные и костяные напрясла. Одно из напрясел, выполненное из рога, украшено «циркульным» орнаментом (см. *рисунок*, *6*). Названные предметы имеют широкий круг аналогов среди материалов памятников эпохи позднего средневековья – нового времени Западной Сибири.

При исследовании культурных напластований на городище обнаружены остатки сооружения из обожженной глины. Заполнено оно было кусками глиняной обмазки. На некоторых из них видны следы заглаживания пальцами и налепы на каркас из прутьев. Довольно четко выделяется внешняя и внутренняя сторона этих фрагментов. Внутренняя сторона, вследствие термического воздействия, изменила цвет: он варьируется от красного прокаленного к черному сажевому. Среди фрагментов, наиболее отдаленных от центра, есть части обгорелых деревянных конструкций. Остатки сооружения из глины наиболее достоверно интерпретируются как обломки глиняной печи. Скорее всего, это была печь типа *чувала*. Такие чувалы были распространены в позднем средневековье на обширных территориях Западной Сибири и в сопредельных землях [Томилов, Богомолов, Курочка, 1975; Очерки культурогенеза..., 1994, с. 83, 180]. Расположение остатков печи в виде вытянутого прямоугольника позволяет предположить, что это – остатки верхней части (дымохода).

Во время исследования сооружения найден счетный пфенниг. На нем с одной стороны изображен *драйшпис*, в который вписана держава, увенчанная крестом. По краю фиксируется надпись. На другой стороне находится двойная розетка, в центре которой расположен пятилистник, окруженный тремя коронами и тремя геральдическими лилиями. По краю шла надпись, в которой есть слова «VOLF LAUFER» (см. *рисунок*, *4*). Такие счетные пфенниги производились Вольфом Лауфером в г. Нюренберге в XVII в. Эта находка позволила говорить о нижней дате функционирования городища [Корусенко, Милищенко, 2002, с. 111]. Наиболее близкие аналоги есть в составе инвентаря могилы 281 курганно-грунтового погребения Окунево VII.

Анализируя материалы могильника Сеитово IV и городища Усть-Такмак II, можно датировать памятники концом XVI – XVIII вв. Найденные коллекции содержат предметы, существовавшие в культуре дорусского населения (костяные изделия, железный кельт с несомкнутой втулкой, медный котел, берестяная сумочка с бисером и др.) и включенные в повседневность пришельцами (керамика, счетный пфенниг, деньги времени

правления Ивана IV, щитково-серединные перстни, бляшка с изображением Георгия Победоносца и др.). Таким образом, ранние материалы этих памятников маркируют начало взаимодействия пришлой и местной культуры, поэтому их дальнейшее исследование поможет нарисовать более полную историческую картину.

Список литературы

Корусенко М.А., Милищенко О.А. Счетные пфенниги из памятников в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 5. – С. 110–121.

Мельников Б.В., Холостых Г.В. Украшения позднего комплекса Окуневского могильника ОМ VII // Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – Т. 1, кн. II: Поселения и жилища. – 286 с.

Спасский И.Г. «Русская монетная система»: историко-нумизматический очерк. – Л., 1962. – 256 с.

Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1975. – Вып. 16. – С. 176–205.

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет

СРЕДНЕВЕКОВАЯ САБЛЯ ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ*

В музейных собраниях разных городов Сибири хранится немало предметов вооружения российского производства, которые могут быть отнесены ко времени присоединения этого региона к Российскому государству. В составе коллекции Музея археологии и этнографии Томского государственного университета им. Ф.М. Флоринского есть несколько образцов клинкового оружия, собранного или приобретенного известным купцом, золотопромышленником и краеведом И.П. Кузнецовым на территории Минусинской котловины. Выражаем признательность Л.А. Чиндиной за предоставленную возможность изучить эти экспонаты.

В конце XIX в. И.П. Кузнецов активно интересовался южносибирскими древностями. Он спонсировал некоторые археологические исследования в Минусинском крае. При его содействии Д.А. Клеменц смог издать каталог древностей Минусинского музея [1886, табл. I–XXI]. В дальнейшем И.П. Кузнецов самостоятельно проводил раскопки некоторых археологических памятников в Минусинской котловине. Иногда он издавал свои научные труды по истории и археологии Сибири под именем «Кузнецов-Красноярский» [Беликова, 2002, с. 142–144]. В одном из сочинений он предложил свой вариант классификации древних и средневековых могил, а также фортификационных сооружений на территории Минусинской котловины [Кузнецов, 1889, с. 15–20]. Он выразил сомнение, что в эпоху средневековья енисейские кыргызы могли проживать на территории долины р. Енисей. По его предположению, они могли жить «гораздо южнее Енисейской губернии, может быть между хребтами Танну-Ола и южным Алтаем» [Кузнецов, 1889, с. 35–36]. В последующие годы И.П. Кузнецов продолжал совершать поездки по территории Южной Сибири, в ходе которых фиксировал археологические памятники [Вадецкая, 1973, с. 127–129].

Во время поездок по Минусинскому краю он собрал значительную коллекцию древностей, среди которых есть несколько образцов клинкового

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (№ 13-01-00049 «Воины сибирских народов на российской службе в Сибири в XVI – XVIII вв.»).

оружия. В их числе железная сабля, обнаруженная на юге Минусинской котловины, в с. «Юдино» (или «Иудино»; современное с. Бондарево, расположенное в Бейском районе Республики Хакасии). В конце XIX в. сюда были сосланы сектанты-молокане из европейской части Российской империи. Поселение получило название от губернских властей. Переселенцы активно занимались распашкой земель, при этом нередко разрушая древние и средневековые памятники. В окрестностях села обнаружено несколько средневековых археологических памятников. Среди них известные каменные стелы с енисейскими руническими надписями, некогда находившиеся близ оз. Алтын-Кель. Их привез в село один из местных жителей, а в дальнейшем Н.М. Матрьянов доставил для хранения в Минусинский музей. Позднее было установлено, что одна из стел посвящена кыргызскому кагану Барс-бегу [Кляшторный, 2006, с. 332, 340–341].

Сабля, найденная в с. «Юдино», имеет длинный, плавно изогнутый однолезвийный клинок с плоской спинкой, двулезвийным острием и уплощенным черенком рукояти, слегка отогнутым в сторону лезвия. На черенке есть 2 округлых отверстия для крепления обкладки рукояти. Длина клинка сабли 81 см, ширина 12 см; высота черенка рукояти 5 см. По формальным признакам находку можно отнести к саблям с плавно изогнутым клинком и рукоятью, отогнутой в сторону лезвия. Условия нахождения данного оружия не установлены.

Проведен сравнительный анализ исследуемой сабли со средневековыми образцами, находившимися на вооружении у енисейских кыргызов в раннем и развитом средневековье. Он показал, что юдинская сабля отличается бóльшим изгибом клинка в сторону спинки и отогнутостью рукояти в сторону лезвия, чем сабли кыргызских воинов конца I – начала II тыс. н.э. [Худяков, 1980, с. 44]. Сходные по конструктивным особенностям слабоизогнутые сабли были в арсенале средств ведения ближнего и рукопашного боя енисейских кыргызов в эпоху позднего средневековья и начале Нового времени [Бобров, Худяков, 2008, с. 274–275; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 63]. Клинковое оружие упоминается в хакасском фольклоре как *хылыс* – изогнутая полумесяцем булатная сабля [Бутанаев, 1981, с. 189]. Такие сабли могли изготавливать енисейские кыргызские и шорские мастера-оружейники, а приобретали их у среднеазиатских купцов, монголов и ойратов.

С конца XVI до начала XVIII в. енисейским кыргызам приходилось неоднократно встречаться на полях сражений с военными отрядами русских казаков и служилых людей. Русские были вооружены саблями со слабоизогнутыми клинками и отогнутыми в сторону лезвия рукоятями [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 44–47].

Важным источником для изучения клинкового оружия русских и сибирских татарских воинов служат изображения воинов с саблями на миниатюрах Ремезовской летописи. Здесь нарисованы различные сабли. Нередко они показаны с изогнутыми клинками, висящими на поясе, вложенными в ножны как русских и европейских воинов казачьего отряда атамана Ермака, так и сибирских татарских воинов. В некоторых баталь-

ных сценах русские и татарские, пешие и конные воины размахивают саблями. Как правило, воины с саблями в руках стоят в первых рядах отрядов всадников и пехотинцев. Вероятно, это были наиболее выдающиеся, отборные воины или военачальники. На некоторых миниатюрах с клинковым оружием в руках показаны даже святые покровители российских войск [Сибирские летописи…, 2008, с. 494, 503]. На рукоятях некоторых сабель с миниатюр выделены фигурные гарды и навершия, а острие клинка нередко снабжено расширением, напоминающим *елмань* [Миллер, 1999, рис. 11–13; Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, ил. 182; Сибирские летописи…, 2008, с. 469, 470–474, 479, 486–488].

В результате изучения российских источников установлено, что сабли сравнительно редко числились в составе российских воинских арсеналов Сибири. Как правило, они находились в собственности у российских воинских начальников, наиболее состоятельных казаков и служилых людей. В сибирские города и остроги клинковое оружие завозилось преимущественно из европейской части России, приобреталось у среднеазиатских купцов или захватывалось у воинов сибирских тюркских этносов [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 44–45]. Известно, что российские купцы, несмотря на категорические запреты царских властей, неоднократно продавали оружие сибирским и центральноазиатским народам. При этом представители российских властей часто дарили клинковое оружие монгольским правителям [Бобров, Худяков, 2008, с. 260–261]. В период присоединения Южной Сибири к Российскому государству отдельные образцы клинкового оружия российского производства могли находиться в распоряжении енисейских кыргызских воинов. Находка «юдинской» сабли может иметь отношение к изделиям российского производства, использовавшимся в течение некоторого времени кыргызским воином.

Список литературы

Беликова О.Б. «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. Ф.М. Флоринского. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – Т. 1. – С. 140–162.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового Времен (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 776 с. – (Historia Militaris).

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учеб. пособ. – Новосибирск: НГУ, 2010. – 288 с.

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII в. Вооружение и военная организация: учеб. пособ. – Новосибирск: НГУ, 2012. – 128 с.

Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 188–197.

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаб. археолог. исследований. – Кемерово, 1973. – Вып. VI. – С. 91–159.

Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремизовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская краткая кунгурская. Исследование. Текст и перевод. – Тобольск: «Возрождение Тобольска», 2006. – 270 с.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея: памятники металлических эпох: атлас / Сост. Д. Клеменц. – Томск: Тип. «Сибирской газеты», 1886. – 21 табл.

Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006. – С. 332–344.

Кузнецов И.П. Древние могилы Минусинского округа. – Томск, 1889.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 1999. – Т. I. – 630 с.

Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань: Александрия, 2008. – 688 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. н. э. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Ю.С. Худяков[1, 2], А.Ю. Борисенко[2], Ж. Орозбекова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет

ИЗУЧЕНИЕ ОРУЖЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЯХ ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЫ КЫРГЫСТАНА

Изучение истории военного дела в Центральной Азии должно включать выявление особенностей вооружения, характерных для разных кочевых этносов, что позволит проследить основные направления развития и взаимного влияния различных оружейных комплексов. Одним из районов, откуда поступало оружие ремесленного производства в Северную и Центральную Азию на протяжении всей эпохи средневековья, была Средняя Азия. Благодаря поддержке Омского радиозавода им. А.С. Попова (РЕЛЕРО) в 2012 г. сотрудники ИАЭТ СО РАН и Лаборатории гуманитарных исследований НИЧ НГУ приняли участие в проекте по изучению истории военного дела народов Южной Сибири и Центральной Азии в средние века, смогли совершить поездку по Чуйской долине и Иссык-Кульской котловине Кыргызстана, изучить изображения воинов на петроглифах и каменных изваяниях, исследовать предметы вооружения в музейных собраниях Бишкека, Бураны и Чолпон-Аты [Худяков, Табалдиев и др., 2012, с. 306–308].

В апреле 2013 г. участники проекта по изучению истории военного дела средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии совершили поездку по Таласской долине, во время которой смогли изучить оружейные коллекции в некоторых музеях Республики Кыргызстан. Значительное количество предметов вооружения, относящихся к культуре средневекового населения, в т.ч. культуре кыргызов Тянь-Шаня эпохи позднего средневековья и нового времени, было осмотрено в музее «Манас Ордо».

Среди предметов вооружения, которые удалось изучить благодаря деятельному содействию сотрудников музея, разнотипные железные черешковые наконечники стрел, железный кинжал и боевой топор периода развитого средневековья. Большая часть этих находок происходит со средневекового городища Шельджи, расположенного в Таласской долине и существовавшего несколько столетий (с VIII по XVIII в.)

К оружейному комплексу кыргызов Тянь-Шаня эпохи позднего средневековья и нового времени относятся разные предметы вооружения, хранящиеся в коллекции данного музея. Среди них ударная часть булавы,

втульчатый наконечник копья с удлиненно-ромбическим пером, клинок палаша с обломанным острием и череном рукояти, боевые топоры с полукруглым лезвием «ай-балта» [Худяков, 2013, с. 239–240].

Еще одна значительная коллекция предметов вооружения из памятников древних и средневековых культур хранится в музее школы им. М. Орозбекова в с. Кызыл-Адыр Кара-Буринского района Таласской области Республики Кыргызстан. Найдены они в разное время в пределах данного района. Значительная часть находок коллекции собрана учениками школы под руководством учителя истории М.Ф. Тур на погребениях и поселении в окрестностях села. Часть предметов вооружения происходит из подбойных и катакомбных могил хунно-сяньбийского времени. Другое оружие обнаружено на площади средневекового городища Шельджи. В составе собранной за многие годы коллекции имеются разные образцы железного оружия. На городище найдено несколько железных, трехлопастных, округлых, овальных и плоских в сечении наконечников стрел, двулезвийные и однолезвийные кинжалы, частично сохранившийся боевой топор, колчанный крюк, панцирная пластина, втулка и кольца от боевого кистеня. Среди находок выделяются предметы вооружения, которые можно отнести к развитому и позднему средневековью.

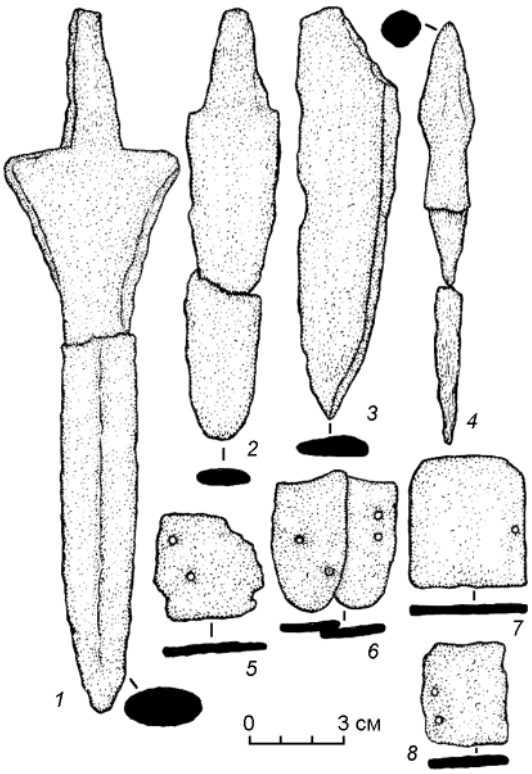
Научный интерес для изучения военного дела кочевого населения Тянь-Шаня и Семиречья хунно-сяньбийского времени могут представлять археологические находки, которые происходят из катакомбных и подбойных захоронений Таласской долины. Их можно отнести к кенкольской культуре Средней Азии. В составе изученной оружейной коллекции из школьного музея в с. Кызыл-Адыр есть предметы из памятников кенкольской культуры.

В их числе железный наконечник стрелы с округлым в сечении пером, остроугольным острием, удлиненно-ромбической боевой головкой, удлиненной шейкой с упором и сломанным на две части черешком (см. *рисунок, 4*). Ранее наконечники с округлым сечением пера среди бронебойных стрел кенкольских воинов не встречались.

Из памятников кенкольского типа окрестностей с. Кызыл-Адыр должен происходить железный кинжал с остроугольным острием и прямым, двулезвийным, сломанным на две части клинком. При подходе к рукояти клинок имеет треугольные выступы, выше которых располагается прямой черен рукояти (см. *рисунок, 1*).

В составе коллекции имеется еще один кинжал – с полуовальным острием, прямым двулезвийным сломанным клинком, упором и прямым череном рукояти (см. *рисунок, 2*). Ранее при изучении кинжалов кенкольской культуры выделены только однолезвийные клинки [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 91].

Интересен обломок довольно крупного и прямого железного однолезвийного клинка с остроугольным острием, пологой спинкой, скошенной в сторону лезвия, и прямым лезвием с несколькими зазубринами (см. *рисунок, 3*). Вероятно, острие является частью палаша с прямым однолезвийным клинком. Палаши с длинными прямыми однолезвийными клинками



Оружие кенкольской культуры из собрания музея школы им. М. Орозбекова в с. Кызыл-Адыр.

1, 2 – кинжалы; *3* – обломок клинка палаша; *4* – наконечник стрелы; *5–8* панцирные пластины.

неоднократно находили в воинских погребениях кенкольской культуры [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 89]. Ранее среди кенкольских палашей не встречались клинки со скошенной в сторону лезвия спинкой.

В исследованном музейном собрании есть несколько фрагментов железных панцирных пластин. Одна из этих пластин имеет подпрямоугольную форму, скругленные верхние углы и отверстие с одного края (см. *рисунок, 7*). Другой фрагмент включает обломки соединенных между собой двух пластин прямоугольной формы с округлыми концами. На поверхности каждой пластины прослеживаются по 2 округлых отверстия для скрепления частей (см. *рисунок, 6*). Две эти пластины представляют собой часть горизонтального ряда ламеллярного панциря. Еще два фрагмента пластин сохранились частично. Они имеют подпрямоугольную форму, по 2 округлых отверстия вдоль одной из сторон (см. *рисунок, 5, 8*). Подобные панцирные пластины ранее неоднократно встречались в ходе раскопок катакомбных могил кенкольской культуры в разных районах Кыргызстана [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 92–93].

Рассмотренная коллекция предметов вооружения из музейного собрания школы им. М. Орозбекова в с. Кызыл-Адыр, в составе которой выявлены неизвестные ранее формы стрел и клинкового оружия, может служить важным дополнением к изученным в прошлом собраниям оружия кенкольской культуры.

Список литературы

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–106.

Худяков Ю.С. Кыргызские боевые топоры «ай-балта» из Таласской долины (из собрания музея «Манас Ордо») // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2013. – С. 238–240.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Акматов К.Т. Изучение изображений воинов на петроглифических памятниках Прииссыккулья и средневековых предметов вооружения в музейных собраниях Кыргызстана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 306–309.

Ю.С. Худяков[1, 2], Ж. Орозбекова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОИНОВ НА ПАМЯТНИКЕ ЭГЕМБЕРДИ ДАТКА В ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЕ КЫРГЫЗСТАНА

Традиция изображать воинов в культуре кыргызов восходит к эпохе раннего средневековья. К этому периоду относятся изображения всадников с луками и стрелами из Копенского чаатаса и рисунки воинов и охотников на Сулекской писанице в Минусинской котловине. В долине Енисея найдено несколько бронзовых бляшек, на которых показаны всадники в панцирях с копьями в руках, с мечами и колчанами на поясе – кыргызские воины-батыры [Худяков, 1980, табл. L, LI].

В IX в., одержав победы над уйгурами, кыргызы образовали Кыргызский каганат, охвативший всю территорию Центральной Азии. Отряды кыргызских воинов совершали далекие походы в Забайкалье, Ордос, восточный Тянь-Шань. Их изображения можно встретить в разных районах Центральной Азии. Так, рисунок кыргызского воина есть среди петроглифов Барун-Бичигита в Гобийском Алтае (Монголия) [Волков, 1965, рис. 1, *1*] и на фресках городища Кум-Тура в Восточном Туркестане [Худяков, 1979, с. 105–109].

Сложившаяся в кыргызской культуре традиция изображать воинов и охотников сохранялась у кыргызов Тянь-Шаня до позднего средневековья и нового времени. У современных кыргызов прослеживаются некоторые пережитки доисламских верований, в т.ч. рисунки воинов на погребальных памятниках – *гумбезах*, хотя в исламе не принято изображать на них людей и животных. Этот тип сооружений получил распространения на Тянь-Шане и в Семиречье в эпоху развитого средневековья. Подобные надгробные памятники кыргызы устанавливали в XVI–XX вв. [Бернштам, 1950, с. 39]. При оформлении сооружений на могилах известных батыров и охотников воспроизводили сцены охоты и перекочевки, а умерших рисовали с оружием в руках.

Одним из первых свидетельств использования воинских атрибутов при оформлении надмогильных сооружений на Тянь-Шане стало описание могилы батыра Ногоя на Иссык-Куле, составленное Ч.Ч. Валихановым во время путешествия по Кыргызстану в середине XIX в. Он упоминает гумбез Ногоя – одно из великолепных сооружений, возведенных в честь батыра из рода Салмаке. Ему удалось зарисовать и описать гумбез Джантая из рода Атаке-сарыбагыша [Валиханов, 1984, с. 330–331].

В дальнейшем памятник был осмотрен П.П. Семеновым-Тянь-Шанским. Он обратил внимание на купол гумбеза, где изображен батыр Ногой, сидящий на коне, с длинной пикой в руке. За батыром стоит его сын Чон-Карач, а далее – все члены семейства Ногоя и ряд вьючных верблюдов [Семенов-Тянь-Шанский, 1946, с. 182–183].

В XX в. на традицию украшения гумбезов обращали внимание А.Н. Бернштам [1941, с. 111] и Б.А. Дуйшеев [1986, с. 70].

Вплоть до конца XVIII в. у кыргызов Тянь-Шаня сохранялась традиция помещения в могилу оружия умерших воинов [Абрамзон, 1971, с. 325].

Об изображенных на надмогильных сооружениях кыргызов фигурах воинов с оружием есть упоминания в героическом эпосе «Манас». Б.А. Дуйшеев, анализируя материалы К. Айдаркулова, отметил, что во второй части трилогии эпоса «Семетей» имеется описание возведения Каныкей (женой Манаса) гумбеза в память о знаменитом муже-богатыре. Здесь же говорится о росписях на гумбезе Манаса. Согласно эпосу, Каныкей соорудила на берегу р. Талас монументальный гумбез – прообраз ханской ставки. Это была куполообразная ставка-юрта с величественным порталом. Вход украшал богатый декор *кыял* – символ непобедимости и безграничной власти погребенного. «Интерьер гумбеза составляли жанровые сцены эпических богатырей. Центральной фигурой был сам Манас, здесь же – звери покровители: тигр, лев, леопард, орел. Манас представлялся в доспехах и во всеоружии, на боевом коне, также в панцирной попоне. Его спутники-богатыри: *кырк чоро* (сорок сподвижников, сорок витязей. – *Х.Ю.*, *О.Ж.*), изображались в бою и единоборстве с врагами. Здесь же и многочисленные бытовые сцены, отображающие полукочевой образ жизни киргизского народа» [Дуйшеев, 1986, с. 71–72]. Можно предположить, что такие гумбезы с богато оформленными военными, охотничьими и бытовыми сценами получили распространение у кыргызов с эпохи средневековья.

В ходе экспедиционной поездки в Таласскую долину в марте 2013 г. нами был осмотрен мавзолей *Эгемберди датка*. Гумбез расположен в непосредственной близостью от дороги Талас – Бишкек, к северу от трассы. Здание современной постройки облицовано белым и серым камнем, имеет центральную и четыре угловых башни, над которыми возвышаются фигуры в виде полумесяца. Угловые башни снабжены колоннами. В верхней части здания расположены узкие окна. Сооружение возведено на фундаменте. К входной деревянной двери гумбеза ведет лестница из нескольких ступеней. Над дверью висит табличка с надписью, что это – могила известного кыргызского деятеля Эгемберди датка, жившего в XIX в. Гумбез огражден железными забором на фундаменте. У входа в мавзолей есть железные ворота, которые декорированы скрещенными саблями и округлыми щитами из железа. Подобные композиции имеются на каждой створке ворот.

От ворот до гумбеза ведет дорожка, огражденная рядами невысоких железных столбиков, соединенных цепями. За воротами на квадратных фундаментах установлены две скульптуры кыргызских воинов. Они показаны в колпаках, плащах-накидках и верхней одежде, с копьями и щи-

тами в руках. Концы плаща-накидки соединены круглой бляхой. На руке, в которой воин держит древко копья, изображена боевая рукавица. На копьях выделены наконечники и бунчуки. Наконечники имеют узкое граненое перо с остроугольным острием и коническую втулку с кольцом, где крепится *бунчук*. Копья были рассчитаны на пробивание панцирной брони. Щиты имеют округлую форму. На внешней поверхности щитов выполнены барельефы: голова льва внутри округлого обода. У воинов показаны поясные ремни с широкой прямоугольной бляхой. Скульптуры окрашены в коричневый цвет. Данное надмогильное сооружение отличается своеобразием (см. *рисунок*).

По сведениям, полученным от информатора Жоробек уулу Эстебес, Эгемберди датка, погребенный в гумбезе, был известным деятелем у киргизов Таласской долины. Его дедушка Бостон был *биеи* в местности Кызыл-Жар, которая находится в долине Аксы. После смерти Бостона его вдова с двумя сыновьями переехала жить в Талас, поскольку была родом из с. Кок-Ой в Таласской долине. Младший из братьев – Бекболот – умер в 35 лет. Через год его брат Жанболот, проведя поминки по Бекболоту, взял в жены его вдову, согласно обычаям того времени. Тогда Эгемберди было три года. У него был старший брат Эшей, должен был родиться младший брат, которого называли Эшаалы. Все они были детьми Бекболота.

С детства Эгемберди выделялся способностями. Когда ему исполнилось 14 лет, он уже стал добрым молодцем, справедливым, честным

Гумбез Эгемберди датка в Таласской долине.

и уважаемым человеком. Ему пришлось с малых лет решать некоторые спорные вопросы, которые могли перерасти в межродовые ссоры. Поскольку Эгемберди пользовался большим уважением среди населения Таласской долины, глава местного исполнительного органа власти *аким* вручил ему печать и присвоил почетное звание *датка*. В течение многих лет, вплоть до конца жизни, Эгемберди был даткой Таласской долины. Он умер в 75 лет [Жоробек…, 2013]. Память об этом человеке сохранилась у местных жителей до настоящего времени, о чем свидетельствует богато украшенный мавзолей.

Приведенные материалы свидетельствуют о сохранении кыргызами Тянь-Шаня традиции изображать воинов и оружие на погребальных памятниках до этнографической современности.

Список литературы

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л.: Наука, 1971. – 403 с.

Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. – М.; Л.: Изд-во АН ССР, 1950. – 146 с.

Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль 1856 г. // Собр. соч.: в 5 т. – Алма-Ата: Глав. ред. Казах. сов. энциклопедии, 1984. – Т. I. – С. 306–357.

Волков В.В. Гобийский всадник // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. – С. 286–288.

Дуйшеев Б.А. Память Тянь-Шаня. – Фрунзе: Мектеп, 1986. – 120 с.

Жоробек уулу Эстебес [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://traditionalknowledge.org/?page_id=5953&lang=ru (дата обращения: 20.05.2013).

Семенов-Тянь-Шаньский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. – М.: Гос. изд-во географ. лит., 1946. – 256 с.

Худяков Ю.С. Легендарная сцена из Кум-Тура // Сибирь в древности. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 105–109.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Д.В. Черемисин[1], Л.В. Зоткина[2], Е.А. Миклашевич[3], Л.В Лбова[1], Ж.-М. Женест[4], Ю. Плиссон[4], К. Кретан[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Кемеровский государственный университет
[4]Лаборатория «Национальный центр первобытной истории» UMR 5199 университета Бордо-1

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ГОРНОГО АЛТАЯ В 2013 ГОДУ*

Изучение технологических особенностей памятников древнего искусства, как мобильного, так и монументального, является важным направлением исследований в современной археологии. Получение достоверной информации о том, как были выполнены образцы древнего искусства, является базисом для более широких обобщений в этой области. Изучение особенностей техники нанесения наскальных изображений Алтая – одна из задач комплексной международной программы исследований первобытного искусства Западной Европы и Сибири, где в качестве центральных проблем рассматриваются характер взаимодействия древнего населения Евразии и вопрос о транслировании стилистических и технологических особенностей в первобытном искусстве.

В 2013 г. нами были проведены полевые исследования, в задачи которых входили: изучение технологических особенностей нанесения петроглифов; определение характера и материала орудий, которыми производился пикетаж; фиксация следов, образующих наскальные изображения, для трасологического анализа и для пополнения коллекции образцов точечной выбивки; выявление предпочтительных технических приемов в зависимости от особенностей субстрата; первичный трасологический осмотр (изучение морфологических характеристик следов пикетажа) и экспериментальное моделирование техники выбивки, направленное на уточнение возможностей обработки твердых горных пород.

Основными объектами изучения стали два памятника – Калбак-Таш II и Калгутинский рудник. Петроглифы каждого из местонахождений обнаруживают стилистическое своеобразие. Характер расположения изображений и горные породы, на которых они выполнены, также различны: мягкие породы горного обрамления Чуи и твердые гранитоиды в истоках Калгуты. Благодаря опыту трасологических исследований петроглифов Минусинской котловины, выполненных в технике выбивки, выработан ряд критериев трасологического анализа наскальных изображений, нанесенных на относительно мягкие горные породы, такие как сланцы и пес-

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 13-21-08002 и 13-31-01264.

чаники. В ходе изучения местонахождения Калбак-Таш II применялась экспериментально-трасологическая методика исследования петроглифов, разработанная для мягких горных пород [Гиря, Дэвлет, 2010].

Местонахождение Калбак-Таш II находится на правом берегу р. Чуи, недалеко от места ее слияния с Катунью в нескольких километрах ниже по течению от известного комплекса наскального искусства Калбак-Таш I. Это довольно крупный памятник с разновременными изображениями, давно известный в литературе [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 32, 34–36; и др.], хотя опубликовано лишь несколько композиций и отдельных изображений [Кубарев, 2007, рис. 1, 2]. Особенности скальной породы, на которой выполнены петроглифы Калбак-Таша II, позволяли древним мастерам с равным успехом применять технику гравировки и выбивки. Гравированные линии хорошо прослеживаются и сейчас, а сохранность выбивки в большинстве случаев позволяет распознавать следы инструментов. Выявлено много случаев предварительной разметки выбитого рисунка гравированными линиями, а также использования комбинированной техники нанесения изображений (гравировка+выбивка; гравировка+выбивка+пришлифовка).

Одна из исследованных композиций относится к эпохе ранней бронзы, скорее всего, к каракольской культуре, с последующим добавлением изображений эпохи поздней бронзы. Прорисовка основной части этой плоскости была ранее опубликована, к сожалению, в очень мелком масштабе [Кубарев, 2007, рис. 1]. На двух участках имеются антропоморфные изображения, несомненные аналогии которым известны на плитах могильников каракольской культуры. Собственно, открытие именно этих изображений позволило ставить вопрос о выделении каракольского пласта в наскальном искусстве Алтая [Кубарев, 1999; 2007; 2009]. Одна из антропоморфных фигур выполнена тонкой гравировкой, другая выбивкой в сочетании с гравировкой. При исследовании плоскости выяснилось, что на ней, помимо опубликованных выбивок, имеется значительное количество гравированных рисунков и эскизов, а также гравированные детали выбитых рисунков.

Документирование гравировок осуществлялось с помощью метода цифровой фотосъемки скальной поверхности небольшими фрагментами и последующей «склейки» их в единое изображение, дающее возможность увеличения на экране компьютера в несколько раз [Миклашевич, 2012, с. 176]. В частности, была выявлена интересная сцена копуляции лосей (рис. 1, *1*), где обе фигуры выполнены резными линиями. Обратим внимание, как тщательно, частыми черточками, в характерном развороте, выполнены рога самца. На этой же плоскости, как и на соседних, зафиксированы другие фигуры лосей, рога которых выполнены точно в такой же манере, только в технике выбивки. В одном случае хорошо прослеживается и гравированный рисунок-основа (эскиз), и выбивка, нанесенная поверх него (рис. 1, *3*). При исследовании комплекса наскального искусства Соок-Тыт на р. Чаган исследованы изображения, выполненные в той же изобразительной манере, но в технике прошлифовки

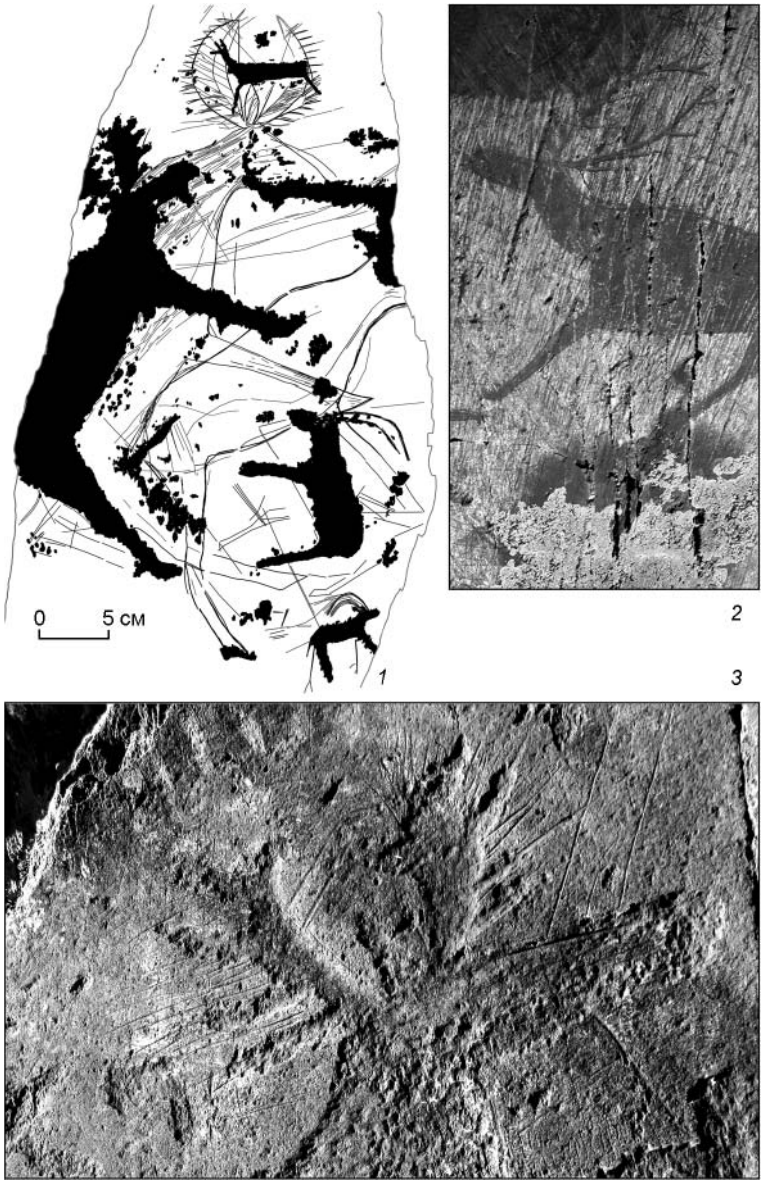


Рис. 1. 1 – изображения, выполненные в технике гравировки и выбивки (Калбак-Таш II, фрагмент композиции, прорисовка); *2* – изображение оленя, выполненное в технике прошлифовки (Соок-Тыт, фрагмент композиции, фото); *3* – голова лося, выполненная в технике выбивки по гравированному эскизу с последующей пришлифовкой (Калбак-Таш II, фрагмент изображения, фото).

(протира), которая наилучшим образом отвечает особенностям скального субстрата этого местонахождения (рис. 1, *2*).

Гравированные изображения животных на описываемой плоскости Калбак-Таша II, по всей вероятности, синхронны каракольской культуре. Очень близкая аналогия на памятнике Торгун в Центральном Алтае (та же композиционная связь животных и антропоморфных персонажей, сходство в технике исполнения) демонстрирует аналогичный контекст. Здесь на одной плоскости выявлено гравированное изображение «солнцеголового» персонажа и пары животных (лосей?), самца и самки, где самец показан с пышными рогами, переданными в характерной манере [Миклашевич, Бове, 2010, рис. 1, *2*]. Если это совпадение не случайно, то к каракольской культуре, вероятно, следует отнести и большой пласт зооморфных изображений, выполненных в технике выбивки, которые известны на многих памятниках Алтая.

В ходе первичного трасологического изучения петроглифов Калбак-Таша II мы пришли к выводу, что практически все изученные изображения, выполненные в технике выбивки, были нанесены металлическими орудиями. При этом характер следов пикетажа, образующих некоторые изображения, позволяет утверждать, что орудия, которыми они были нанесены, схожи по ряду признаков: довольно массивны, выполнены из износоустойчивых металлов, рабочая часть в большинстве случаев имела форму острия, оставляющего округлые следы. Выявлены также устойчиво повторяющиеся сочетания технических приемов выполнения ряда наскальных изображений.

При обследовании местонахождений крупного комплекса наскального искусства на р. Чаган [Черемисин, 2010] также было зафиксировано большое разнообразие технологических приемов, применявшихся для создания наскальных изображений разных эпох. Породы скальных обнажений в этом ареале благоприятны как для нанесения, так и сохранения рисунков, выполненных едва ли не во всех разновидностях выбивки, гравировки и прошлифовки. Наибольший интерес, пожалуй, вызывают изображения в технике легкого протира (рис. 1, *2*), которые на многих других породах бесследно исчезают в результате выветривания и патинизации, а на скалах по берегам р. Чаган сохранились во множестве, хотя их выявление связано с определенными трудностями.

Следующей «площадкой», на которой проводились экспериментально-трасологические исследования, стали скалы правого берега р. Калгуты на плато Укок. Петроглифы памятника Калгутинский рудник содержат архаичные изображения, которые, по мнению их исследователей, могут относиться к финалу палеолита [Молодин, Черемисин, 1999]. Эта датировка была принята не всеми (см.: [Кубарев, 2004]), и остается дискуссионной. Тем большее значение имеет трасологическое изучение древнейших петроглифов Укока, начатое в 2013 г. в рамках международного проекта. Изучение следов, образующих петроглифы Калгутинского рудника, показало, что для получения данных о технологических особенностях изображений, выполненных на твердых гранитоидных породах, необхо-

димо проведение специальных исследований. Требуется осуществление серий дополнительных экспериментов и петрографического анализа, а также апробации и адаптации методики трасологического изучения следов выбивки на гранитоидных породах.

Тем не менее, уже на данном этапе можно выделить несколько характеристик следов, образующих наскальные изображения местонахождения Калгутинский рудник. Довольно часто на поверхности скальных выходов встречаются мелкие округлые, довольно глубокие следы, в большом количестве фиксирующиеся в пределах абриса фигур животных (рис. 2, *2, 3*). Несмотря на стабильность округлой формы таких следов и их регулярные края, их не следует рассматривать как результат пикетажа металличе-

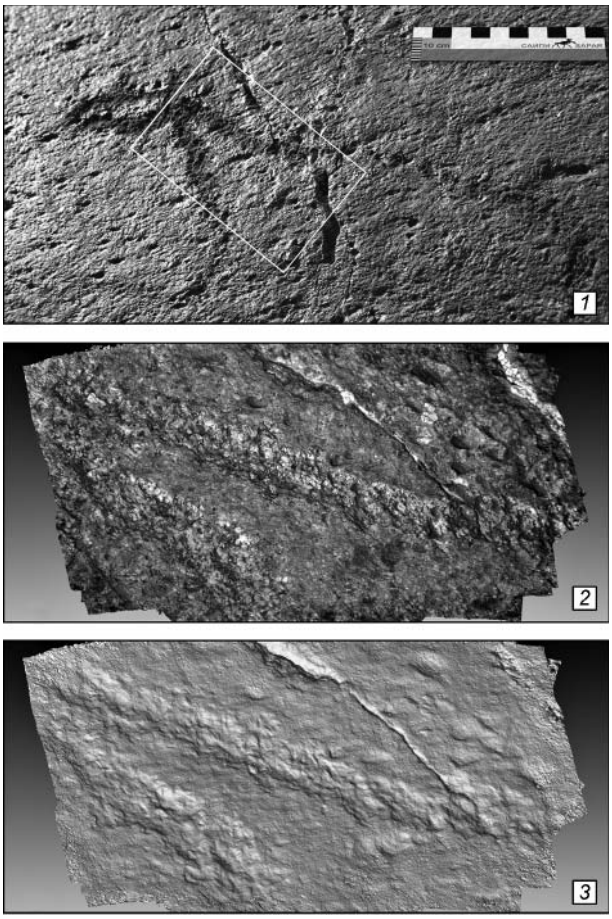


Рис. 2. Калгутинский рудник. Изображение лошади.

1 – общий вид, фото; *2* – фрагмент, трехмерная реконструкция с текстурой; *3* – фрагмент, трехмерная реконструкция без текстуры.

скими инструментами, так как горная порода, на которой они встречаются, довольно твердая. Кроме того, эти округлые следы имеют большое сходство с естественными лунками, обнаруженными практически на всех скальных выходах Калгутинского рудника. Это позволяет предположить, что такие следы, фиксируемые как на поверхности линий пикетажа, так и на естественной скальной корке, возникают в результате природных процессов – выветривания. Наличие таких следов затрудняет трасологическое изучение наскальных изображений. Однако даже при первичном осмотре и небольшом увеличении очевидно, что на скальной поверхности присутствуют следы искусственной обработки, анализ которых требует специальной адаптации трасологической методики. В любом случае первые пробные эксперименты показали, что материал орудий, которыми выполнены калгутинские изображения, должен был быть весьма прочным и износоустойчивым (применение экспериментальных орудий из местных пород – кварца и гранита – пока не дало хороших результатов).

В ходе полевых исследований также была проведена работа по фотофиксации и трехмерному моделированию наскальных изображений по методу фотограмметрии (рис. 2). Применение цифровых технологий позволяет сформировать коллекцию 3D-моделей петроглифов и их фрагментов, которые в будущем обеспечат необходимую базу для наиболее детального изучения технологических особенностей наскального искусства. Для трасологического анализа следов, образующих петроглифы, необходимо фиксировать их характеристики как в плане, так и в профиле; именно поэтому получение трехмерных реконструкций наиболее информативных фрагментов изображений необходимо для изучения всего комплекса трасологических признаков петроглифов. Более детально различные способы трехмерного моделирования в археологии рассматриваются в ряде специальных работ [Pierrot-Deseilligny, Clery, 2011; Plets et al., 2012].

В результате проведения первых трасолого-экспериментальных исследований петроглифов Юго-Восточного Алтая получены данные, изучение которых на широком сравнительном материале позволит уточнить наши представления о генезисе и развитии традиций наскального искусства региона.

Список литературы

Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральск. ист. вестн. – 2010. – № 1 (26). – С. 107–118.

Кубарев В.Д. Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. пед. ин-та, 1999. – С. 47–48.

Кубарев В.Д. Древнейшие изобразительные памятники Монголии и Алтая: проблемы хронологии и интерпретации // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова. – Москва: ИА РАН, 2004. – С. 228–242.

Кубарев В.Д. Калбак-Таш II: памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII, ч. 1.– С. 282–287.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 264 с.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992.

Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202. – (Тр. САИПИ; вып. IX).

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование петроглифов горы Торгун в Онгудайском районе Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI.– С. 229–233.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов Юго-Восточного Алтая в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 327–330.

Pierrot-Deseilligny M., Clery I. Evolutions récents de la photogrammétrie et modélisation 3D par photos des milieux naturels // Images et Modèles 3D en Milieux naturels. Colléction Edytem. – Bourget-du-Lac, 2011. – Vol. 12. – P. 51–66.

Plets G., Verhoeven G., Cheremisin D., Plets R., Bourgeois J., Stichelbaut B., Gheyle W., De Reu J. The deteriorating preservation of the Altai rock art: assessing three-dimensional image-based modeling in rock art research and management // Rock Art Research. – 2012. – Vol. 29. – P. 139–156.

Д.В. Черемисин[1], Е.А. Миклашевич[2], Л.Л. Бове[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Кемеровский государственный университет

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО АЛТАЯ В 2013 ГОДУ*

На многих памятниках наскального искусства Горного Алтая особенности скальных поверхностей таковы, что позволили хорошо сохраниться изображениям, выполненным не только в технике пикетажа и глубокой гравировки, но и нанесенным поверхностными резными линиями, легкими штрихами, процарапыванием абриса, прошлифовкой (протиром) силуэта и т.п. Такими приемы, видимо, были широко распространены в наскальном искусстве многих регионов и разных эпох, но рисунки, созданные с их помощью, особенно древнейших пластов, сохранились далеко не везде. В этом плане мягкие и вязкие породы камня (песчаник и сланцы), которыми сложены скалы на некоторых местонахождениях Юго-Восточного и Центрального Алтая, предоставляют исследователю удивительные возможности по выявлению изображений с высокой степенью детализации, по определению последовательности палимпсестов, по насыщенности композиций и т. п. [Окладникова, 1988; Черемисин, 2004; Миклашевич, 2012; и др.]. До недавнего времени бóльшая часть наскальных гравюр Алтая была представлена экспрессивными изображениями древнетюркской эпохи. Сейчас становится понятно, что эта техника была не менее популярной в искусстве других эпох – каракольской культуры, эпохи поздней бронзы, раннескифского и пазырыкского времени, не говоря уже о множестве гравировок нового и новейшего времени. То же самое относится и к другим вышеперечисленным техническим приемам. Документирование петроглифов, выполненных в техниках, отличных от пикетажа, представляет известные трудности [Черемисин, 2011, с. 146]. Многие из них на настоящем этапе успешно преодолеваются с помощью цифровых технологий. Современная фототехника, мощные компьютеры и программы обработки изображений позволяют «проявить» почти исчезнувшие линии, которые трудно увидеть невооруженным глазом; прорисовать по фотографии при сильном увеличении миниатюрные рисунки и мельчайшие детали; разобраться в наслоении изображений и хитросплетениях линий и т.д.

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 13-21-08002м, № 13-04-00070а, № 11-01-00489а.

В 2013 г. авторами проводилось документирование ряда сложных в технологическом и композиционном аспекте плоскостей на памятниках Торгун и Калбак-Таш II в Центральном Алтае (Онгудайский р-н Республики Алтай), Соок-Тыт, Шин-Оозы и Абиджай по берегам р. Чаган в Юго-Восточном Алтае (Кош-Агачский р-н). Применялась ранее разработанная и апробированная на памятниках Алтая и других регионов методика фотосъемки плоскостей с петроглифами отдельными фрагментами с последующим монтажом полученных кадров в единое изображение, обладающее высоким разрешением и превосходящее реальные размеры плоскости в несколько раз. Съемка выбранных для документирования объектов производилась при наиболее комфортном для каждой плоскости освещении, позволяющем наилучшим образом выявить рельеф поверхности. Использовались полноматричные зеркальные цифровые камеры с функцией шумоподавления, что позволяло фиксировать все особенности скальной поверхности и изображений резко, контрастно и равномерно по всему кадру. Полученные для каждой плоскости наборы исходных кадров на этапе камеральной обработки монтировались в единое изображение. В результате, мы получили для нескольких многофигурных плоскостей их цифровые отображения, которые при сильном увеличении на экране монитора позволяют рассматривать даже тончайшие полустершиеся линии и мельчайшие детали рисунков, нюансы технического исполнения, что не всегда возможно увидеть на оригинальной скальной поверхности. На основе полученных цифровых аналогов плоскостей в специальных компьютерных программах (Adobe Photoshop и подобных графических редакторах) можно детально прорисовывать линии рисунков отдельным слоем поверх фотоизображения, то есть создавать электронные графические воспроизведения (прорисовки) наскальных композиций. Электронная форма прорисовок на основе фотоизображения имеет огромные преимущества перед традиционной: возможности масштабирования, разделения на слои, адекватной передачи тонких линий и мелких деталей, возможность проверки точности прорисовки и ее коррекции и т.д.

Применение этой методики сделало возможным, например, документирование одной из больших разновременных плоскостей памятника Соок-Тыт, на которой главную трудность представляла фиксация миниатюрных изображений древнетюркской эпохи с мельчайшими деталями исторических реалий. На рис. 1 представлен лишь небольшой фрагмент этой композиции. Электронная копия позволила отобразить разбросанные по плоскости сцены в их композиционной связи. Увеличение цифрового фотоизображения подтвердило, что, как правило, многофигурные композиции древнетюркской эпохи, помимо хорошо различимых и достаточно глубоких резных линий для воспроизведения главных персонажей, содержат серию множественных легких гравировок, возможно, связанных с разметкой композиционного пространства и являющихся частью эскизов. Выявилось также наличие изображений более раннего пласта, очевидно, хуннской эпохи, исполненных в технике легких поверхностных частых штрихов (см. крупную фигуру животного в «позе размашистой рыси»

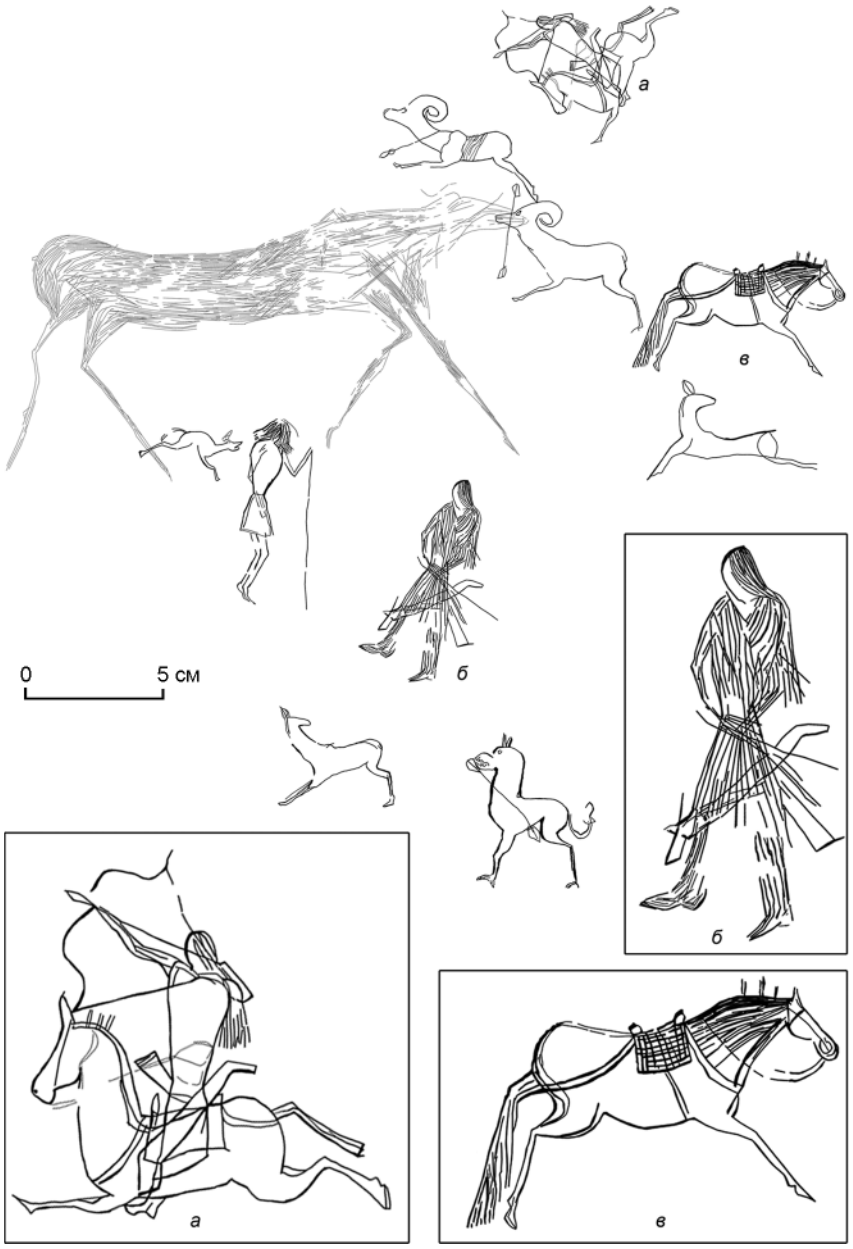


Рис. 1. Гравированные рисунки. Соок-Тыт, р. Чаган, фрагмент многофигурной композиции, прорисовка. *А, б, в* – увеличенные детали композиции.

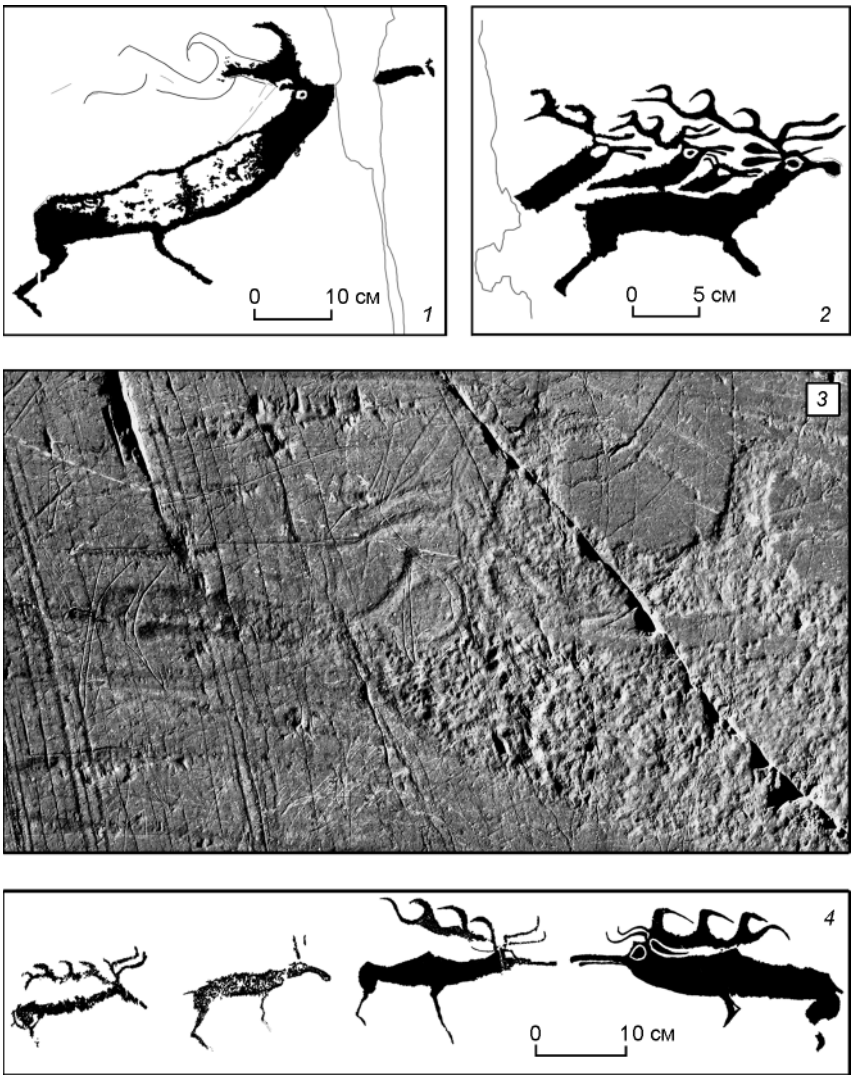


Рис. 2. Изображения оленей в стиле оленных камней.
1 – Калбак-Таш II, фрагмент композиции; *2* – Шин-Оозы, р. Чаган; *3, 4* – Соок-Тыт, р. Чаган, фрагмент изображения (фото) и прорисовка композиции.

на рис. 1). Видимо, они стали слабо различимы довольно скоро после нанесения и поэтому игнорировались древнетюркскими мастерами, вырезавшими свои миниатюры поверх рисунков предшествующего времени.

Отдельным направлением наших исследований было выявление и документирование петроглифов «в стиле оленных камней» [Савинов, 1990]. Для наскального искусства Алтая эта тема представляет особый интерес,

поскольку, как известно, в этом регионе из сотни оленных камней лишь на единичных изображены характерно стилизованные олени [Кубарев, 1979], при том, что на скалах таких изображений оленей представлено чрезвычайно много [Черемисин, 1998; 2012]. Пока не удается объяснить этот парадокс. Следует ли искать истоки стиля оленных камней в наскальном искусстве, как предложил Д.Г. Савинов, или оленные камни повлияли на создание соответствующих образов на скалах? В любом случае, приблизиться к решению проблемы может помочь документирование и систематизация как можно большего числа всех имеющихся изображений. Большое значение имеет изучение технологических особенностей и композиционных решений в воспроизведении сюжетов. Некоторые из зафиксированных нами петроглифов в стиле оленных камней демонстрируют сложившиеся каноничные образы, построение композиций в точном соответствии с правилами размещения фигур оленей на изваяниях, технологические приемы, свойственные именно изображениям на оленных камнях (рис. 2), то есть недвусмысленно указывают на вторичность данных наскальных изображений по отношению к монументальным памятникам. При этом есть большая серия стилизованных оленей, на скалах представленных в композиционном контексте, отличающемся от обычного для оленных камней. Загадкой остается то, почему статуарные прототипы с образцами этого стиля хорошо известны на территории Монгольского Алтая, но почти не представлены на Алтае Российском.

Список литературы

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.

Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202. – (Тр. САИПИ; вып. IX).

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронологии) // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140–158. – (Сб. МАЭ; вып. XLII).

Савинов Д.Г. Петроглифы в стиле оленных камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР, 1990. – С. 174–181.

Черемисин Д.В. Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 609–614.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 40–51.

Черемисин Д.В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 146–160. – (Тр. САИПИ; вып. VII).

Черемисин Д.В. Петроглифы в стиле оленных камней на Алтае: новые находки и размышления // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 310–315.

О.Л. Швец

Институт археологии и этнографии СО РАН

ПОДБОР МЕТОДА КОНСЕРВАЦИИ «ВЕЛИКОВОЗРАСТНОЙ» КОЖИ (на материалах могильника Уландрык I)*

Единого метода консервации археологических предметов из мягкого органического материала не существует до сих пор. Любой фрагмент, а если повезет и целый предмет, требует со стороны реставратора подробного изучения, знания свойств, подбора метода консервации. Особое внимание уделяется уникальным кожаным изделиям, возраст которых более 2 тыс. лет. К числу таковых относится комплект детской одежды, длительное время находившийся на фондохранении. Комплект состоит из куртки, головного убора (чепца) и сапог с голенищем-раструбом.

Чтобы понять, почему кожаная одежда сохранилась в кургане-кенотафе № 2 могильника Уландрык I (раскопки В.Д. Кубарева, 1968 г.), обратимся к описанию раскопа. Диаметр насыпи составлял 2 м, а высота – 0,3 м. В могильной яме находился двухвенцовый деревянный сруб. Внутри сруба, на двух досках погребального настила, положенных на слой веток курильского чая, обнаружен кожаный костюм [Кубарев, 1987, с. 156–157]. Перекрытие сруба, состоящее из двух обтесанных плах и положенной между ними жерди, находилось на глубине 1,3 м. Венцы сруба сложены из плах, обтесанных с двух сторон, и обтесанных с одной стороны бревен. Дно сруба располагалось на глубине 1,8 м. Могильная яма выкопана в грунтовом слое с высоким содержанием глины, благодаря чему древесина сруба хорошо сохранилась**. За счет плотно подогнанных между собой венцов и перекрытия, расположенного в глинистом слое (глубина залегания до 1,5 м), внутри сруба, вероятно, образовалась воздушная камера. Все это способствовало созданию полости без контакта с грунтом, с минимальным проникновением воды. Немаловажным было отсутствие самого погребенного. Сложившиеся вместе условия и факторы, возможно, стали естественным консервантом для комплекта детской одежды. При извлечении из сруба кожаные предметы содержали в себе минимальное количество влаги.

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (№ 13-01-18027).

**Автор выражает благодарность И.Ю. Слюсаренко за предоставленную информацию.

Первая попытка подобрать методику для консервации кожаного комплекта, уже довольно длительное время находившегося в фондах Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН, осуществлена нами в 2004 г. В реставрационных мастерских Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург), под руководством зав. отделом органических материалов, реставратора высшей категории К.Ф. Никитиной, велась работа с фрагментом рукава куртки.

Основной целью проводимых мероприятий было возвращение коже утраченной пластичности, благодаря которой возможно устранение деформаций, полученных за время существования захоронения и приобретенных в результате хранения. Для подтверждения адекватности выбора метода консервации в течение нескольких лет проводилось визуальное наблюдение за состоянием кожи.

На момент начала работ кожа фрагмента, не прошедшая никакой первичной обработки и смягчения, была сильно покороблена и смята. Можно предположить, что частичная усадка и нарушение целостности предмета появились еще в погребении. Из-за потери остаточной влаги уже при хранении образовались новые смятости и произошла полная утрата пластичности. Кожа истончилась, стала хрупкой и ломкой. Прослеживалось шелушение и отслаивание чешуек дермы. Внешняя и внутренняя поверхность фрагмента, состоящего из рукава и аппликативных полос (4 слоя), была покрыта белыми пятнами. Природу их возникновения объяснили анализы соскобов, проведенные в ЛФХИМ и лаборатории биологического контроля Государственного Эрмитажа. От потери влаги за время существования предмета в различных условиях на поверхности кожи появились неорганические вещества – *высолы*, отдельные споры микроскопических грибов и клетки бактерий, присутствие которых на археологических предметах является нормой.

Для пластификации, расправления и укрепления внутренней микроструктуры данного фрагмента был предложен *метод консервации с использованием эмульсии РК*. Он уже опробован на подобных археологических материалах в мастерских Эрмитажа и не требует больших временных трат. Последовательность выполняемых мероприятий была следующей:

1. Сухая чистка поверхности кожи от остатков грунта и легко удаляемых белых пятен (проводилась механически мягкой кистью).

2. Увлажнение фрагмента в камере отдаленного увлажнения холодным туманом позволило коже набрать достаточное количество влаги, необходимой для начала мягкого расправления и устранения коробления.

3. Полное погружение влажного фрагмента рукава в жирующую эмульсию РК насытило кожу необходимыми для восстановления пластичности и водостойкости веществами.

4. Удаление излишков эмульсии, одновременное расправление кожаных заломов и дальнейшая ручная пластификация и сушка.

Нам удалось восстановить форму предмета. Наблюдение за фрагментом рукава в течение последовавших за консервационными мероприятиями лет показало, что кожа сохраняет частичную пластичность

Рис. 1. Фрагмент аппликативной полосы рукава после консервации.

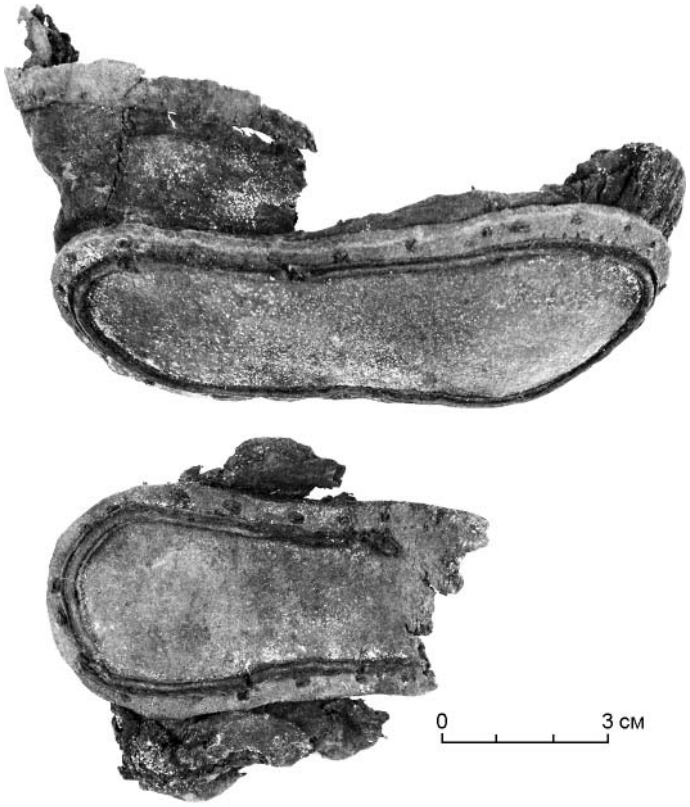


Рис. 2. Сохранившиеся части сапожек.

до настоящего времени. Появление на ее поверхности легкого белого налета связано, скорей всего, со старением введенных в кожу консервирующих и пластифицирующих веществ.

Одновременно велось наблюдения за другими предметами комплекта. Отмечено давно установившееся, стабильное состояние кожи. Однако проведение консервационных работ со всеми предметами комплекта детской одежды указанным методом не может быть продолжено из-за прекращения производства эмульсии РК.

Другим результативным методом сохранения разновозрастной кожи является *консервация с использованием полиэтиленгликоля* (ПЭГ) различных молекулярных масс. Продолжительные по времени исполнения консервационные мероприятия, примененные к предметам, датированным XIV–XIX вв., дали хорошие результаты [Синицына, 2005, с. 119; Швец, 2011, с. 316]. Удобство метода заключается в использовании одновременно действующих свойств ПЭГов – консервирующего и пластифицирующего с начального этапа работы. Последовательность выполняемых мероприятий следующая:

1. Удаление поверхностных загрязнений и первичное увлажнение водным раствором низкомолекулярного ПЭГ-400, размягчение и пластификация.

2. Укрепление микроструктуры и дальнейшая пластификация кожи путем полного погружения в водный раствор ПЭГ-400.

3. Закрепление микроструктуры и восстановленной пластичности двусоставным водным раствором из ПЭГ-400 и высокомолекулярного ПЭГ-1500.

4. Сушка вымораживанием в специальной морозильной камере с одновременным нанесением жирующей смазки.

После консервации полиэтиленгликолем различных молекулярных масс археологическая кожа приобрела определенную прочность и пластичность. Восстановленные свойства кожи дали возможность провести дублирование слабых мест и соединить разрозненные детали в единое целое. Возможно восстановление цвета и фактуры кожи. Применяемый метод консервации можно расценивать как щадящий.

В настоящее время появилась реальная возможность практически применить и проверить описанную методику на уникальных археологических кожаных изделиях из комплекта детской одежды, хранящихся в фондах Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.

Список литературы

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Синицына Н.П. Некоторые проблемы реставрации археологической кожи // Грабаревские чтения. – М.: Сканрус, 2005. – Вып. VI. – С. 118–128.

Швец О.Л. Консервация и реставрация археологических кожаных предметов из могильника Горноправдинский (ХМАО-Югра) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. – Вып. 9. – С. 311–323.

Д.П. Шульга

Новосибирский государственный университет

ХОЗЯЙСТВО КОЧЕВНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО КИТАЯ И ПРОБЛЕМА ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ*

Оленные камни, будучи одним из важнейших видов каменных изваяний Центральной Азии в эпоху раннего железа, имеют своеобразную территорию распространения. С одной стороны, они есть в Синьцзяне, Южной Сибири, Монголии и Забайкалье, с другой – практически полностью отсутствуют в Северной Китае (Ганьсу, Хэбэй, Нинся и др.).

Рассмотрим связь между хозяйствованием той или иной общности и наличием (либо отсутствием) оленных камней. Оленные камни как маркер культурных связей справедливо вызывают интерес у ученых [Цыбиктаров, 2000, с. 98–102].

Представляется логичным сначала остановиться на хозяйственном типе культур Синьцзяна и Северного Китая VIII–VI вв. до н.э. Дело в том, что у этих общностей довольно много близкого в культуре. Однако, как отмечалось выше, оленные камни имеются не везде. Может ли это быть связано со способом производства?

Традиционно в российской и китайской науке население Центральной Азии (Алтай, Синьцзян, Монголия) относилось к *номадам*. Раскопки поселений на Алтае дают материал, подтверждающий эти выводы [Шульга, 1994, с. 48–57]. Вопрос о социальном развитии населения Центральной Азии чаще всего поднимается также в контексте изучения развития кочевых обществ [Мартынов, 1989, с. 284–292]. Китайские исследователи говорят о населении данного региона и носителях археологических культур Северного Китая как о кочевниках [У Энь, 2007; Раскопки…, 2009, с. 35–41].

Интереснейший материал дают письменные источники древнекитайских авторов о ранних кочевниках. Приводимые ниже свидетельства возникли на несколько сотен лет позже, чем самые поздние оленные камни. Но ни климатические, ни хозяйственные изменения на территории Центральной Азии в первом тысячелетии до нашей эры не происходили. По крайней мере, такие, чтобы можно было говорить о коренном переходе больших групп населения к кочеванию от земледелия и наоборот.

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (№ 11-01-00489).

В шанских гадательных надписях на панцирях черепах и лопатках животных северо-западные соседи иньцев именуются и «во множестве разводящими лошадей цянами». Позднее, в эпоху Чжоу, название *цян* исчезло, и население соседних территорий именовалось *жунами*. Северные и северо-восточные соседи названы *ди*, но они появились в поле зрения китайских исследователей лишь при описании событий VII–IV вв. до н.э. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 346]. В эпоху Троецарствия государственный деятель царства Шу Чжугэ Лян сообщал: «Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пустыни, которые дают возможность для обороны. Для пропитания охотятся и пьют молоко, от холода их защищает кожаная одежда на меху, они стреляют в зверя на скаку, и этим добывают средства к существованию. Им никак не привить законы морали, победить их с помощью армии невозможно» [Чжугэ Лян, 2008, с. 142].

Для иллюстрации хозяйственного типа племен Северного Китая можно привести свидетельства о горных *жунах*. В «Исторических записках» говорится: «Они пасут стада коней, овец и коров, следуя за источниками воды и травы, им незнакома агрикультура» [Цзюньдушань муди…, 2010, с. 565–566].

Интерес к территории Западного края (Синьцзяна) у историков и правителей Китая возник значительно позднее, чем к общностям, описанным выше. Ко времени проникновения китайцев в Западный край немало племен и целых государств региона существовали за счет скотоводства. Это подтверждается археологическими материалами, особенно из северной части СУАР [Отчет…, 2004, с 25–37]. Объемный письменный материал относится уже к гунно-сарматскому времени. С большим количеством оговорок его можно использовать. Очень ценными являются сообщения Чжан Цяня, который в 138 г. до н.э. был направлен на запад для установления союза с *юэчжами* против *хунну*. Сведения о его странствиях донес Сыма Цянь в своем труде «Ши цзи». По крайней мере, четыре из описанных им царств являлись кочевыми. Мы упомянем два, которые располагались именно в Синьцзяне. «Большое Юэчжи находится примерно в 2–3 тыс. ли к западу от Даваньи и к северу от р. Гуйшуй. Это кочевое государство, народ которого следует за скотом. По обычаям одинаково с Сюнну. Натягивающих лук – 100–200 тысяч… Первоначально Юэчжи жили между Дуньхуаном и Цилянь… Немногочисленные остатки их народа закрепились в южных горах. Цяны назвали их Малым Юэчжи».

Из приведенного отрывка следует, что до конфликта с *сюнну* Юэчжи обитали именно на территории современных Ганьсу и Синьцзяна. Схожая ситуация с миграцией под ударами *сюнну* сложилась и у общности Усунь. Во время путешествия Чжан Цянь сообщал: «Усунь к северо-востоку от Давань, примерно в 2000 ли. Это кочевое государство, народ которого переселяется, следуя за скотом. По обычаям одинаково с Сюнну. Натягивающих лук – несколько десятков тысяч» [Боровкова, 2001, с. 91–100]. Однако «отец нынешнего куньмо имел маленькое царство у западной

границы Сюнну» [Боровкова, 2001, с. 112–113]. Из этого следует, что общность Усунь ранее обитала в районе Ганьсу, распространяя свое влияние, вероятно, и на часть Синьцзяна. Достаточно рано перешло к оседлости население Хотана. Чжан Цянь писал, что в Хотане процветала добыча нефрита для отправки в Ханьскую империю [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 212]. Уже упоминавшийся Чжугэ Лян сообщает: «Народы, населяющие запад, имеют смелый и агрессивный нрав, они алчны, некоторые из них живут в укрепленных городах, другие предпочитают дикую жизнь, корма в их землях не хватает, но много золота и серебра» [2006, с. 144].

Таким образом, исходя из анализа источников, мы можем с уверенностью говорить о присутствии земледельческого компонента у населения Синьцзяна в раннем железном веке. Пока на территории СУАР не обнаружено достаточное количество археологического материала с поселений VIII–III вв. до н.э. По материалам раскопок погребальных сооружений можно получить лишь примерное представление об оседлости общностей, их создавших. На территории Восточного Туркестана скотоводство и земледелие сосуществовали вплоть до современности. Впрочем, следует прислушаться к мнению китайских исследователей, что животноводство в то время занимало господствующее положение в экономике [Отчет…, 2004, с. 45–46].

Итак, можно сделать вывод, что хозяйственный способ не оказывал существенного влияния на наличие или отсутствие оленных камней в культуре. Оленный камень, трактуемый зачастую как изображение воина, не имел распространения среди агрессивных скотоводов Северного Китая, о противостоянии которых с могущественными царствами Центральной равнины писали многие древние авторы. В то же время, куда менее воинственные (причины – скудность природных ресурсов, малочисленность населения, относительно бедный оружейный комплекс) общности Синьцзяна в ареале распространения имели оленные камни. Чем же может быть вызвано такое резкое отличие в некоторой степени родственных (искусство, конская упряжь и др.) соседствующих культур?

Возможно, оленные камни на территории Северного Китая просто пока не найдены. Они могли не иметь такого широкого распространения, как в Монголии и Забайкалье, но единичные экземпляры вполне могут быть обнаружены.

Другой причиной отсутствия оленных камней в Северном Китае может быть сильное влияние государств Центральной равнины. Скульптурные традиции Поднебесной получили развитие на раннем этапе истории. Разумеется, во время торговли и войн «варвары» часто видели бронзовые и керамические фигуры, куда более реалистичные, чем оленные камни их соседей. Несомненно, оленный камень был окружен ореолом сакральности. Близость китайской духовной традиции могла как-то повлиять на данный аспект. Наши выводы, кроме сказанного выше, косвенно подтверждаются более ранним проникновением китайских изделий (и мотивов в искусстве) в культуры Северного Китая, в отличие от их соседей на территории Синьцзяна и Южной Сибири.

Список литературы

Боровкова Л. А. Царства «Западного края» во II–I вв. до н.э. – М: Изд-во ИВ РАН; Крафт+**, 2001. – 368 с.**

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. – 346 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути: шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. – М.: Вост. лит., 1994. – 326 с.

Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 284–292.

Отчет о новых результатах археологических изысканий в Турфане. – раскопки на могильнике Янхай // Турфановедческие исследования [吐鲁番考古新收获 – 鄯善县洋海墓地发掘简报 // 吐鲁番学研究]. – Турфан, 2004. – № 1 (№ 9). – С. 1–66.

Раскопки памятника Дунхэйгоу в уезде Баликунь СУАР // Исследования культуры Восточного Тян-Шаня в 2009 году [新疆文物考古研究所、西北大学文化遗产与考古学研究中心、 哈密地区文物局。新疆巴里坤县东黑沟遗址 // 2009年东天山文化研究。乌鲁木齐： 新疆人民出版社]. – Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2009. – С. 1–42.

У Энь (Уэньюэсыту). Бэйфан цаоюань каогусюэ вэньхуа яньцзю: цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай [乌恩岳斯图。 北方草原考古学文化研究：青铜时代至早期铁器时代。北京：科学出版社] (Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века). – Пекин: Кэсюэ-чубаньшэ, 2007. – 386 с.

Цзюньдушань муди: Хулугоу юй Силянгуан [军都山墓地. 葫芦沟与西梁洸/北京市文物研究所编著. 一北京：文物出版社，2010.1.] (Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан): в 2 т. / Тр. Пекин. город. ин-та культур. наследия. – Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2010. – 850 с., 114 табл. (на кит. языке).

Цыбиктаров А.Д. Оленные камни монгольско-забайкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центр. Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – Т. 1. – С. 98–102.

Чжугэ Лян. Чжугэ Лян биньшу [诸葛亮。诸葛亮宾书] (Военный трактат Чжугэ Ляна). – Пекин: Яньшань чубаньшэ, 2008. – 278 с.

Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 48–60.

П.И. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН

МОГИЛЬНИК ЮЙХУАНМЯО И КОЧЕВНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ*

Культура кочевников VII–VI вв. до н.э., проживавших в современных границах Китая, представляет особый интерес, поскольку без материалов с этой огромной территории нельзя составить целостную картину происхождения, развития и угасания скифского мира. Наиболее богатые погребальные комплексы с многочисленными бронзовыми изделиями получены в Северном Китае на могильнике Юйхуанмяо, в 80 км к северо-востоку от г. Пекина. В VII–VI вв. до н.э. здесь находилась столица царства Янь. Китайские ученые полагают, что культура *юйхуанмяо* оставлена племенами горных *жунов* («шаньжунов»), систематически нападавших на княжество Янь с VIII до середины VII в. до н.э. Судя по особенностям погребального обряда, инвентаря и данным антропологии [Могильники…, 2010, с. 720], культура сформировалась при непосредственном участии соседствовавших культур «верхнего слоя Сяцзядянь» и *шиэртайинцзы*, а также племен с территории Монголии и Забайкалья. Смешение и консолидация указанных групп населения, видимо, произошли во время военных набегов на царство Янь в VIII – первой половине VII вв. до н.э. Вопреки утвердившимся в китайской литературе взглядам, уже на ранних этапах в Юйхуанмяо фиксируются многочисленные заимствования из китайской культуры, а сами «кочевники» жили оседло и знали земледелие. На это указывает упорядоченная планировка и длительность функционирования могильника (не менее 150 лет), а также наличие станковой керамики, колесниц и собаководства.

На могильнике Юйхуанмяо китайскими археологами в 1980–1990-х гг. исследовано 400 погребений, датированных в рамках второй половины VII – VI в. до н.э. По количеству документированных находок Юйхуанмяо превосходит любой из известных могильников степного пояса Евразии и вполне сопоставим с собранием находок из раннескифских погребений второй половины VII – начала VI в. до н.э. от Урала до Монголии и Забайкалья.

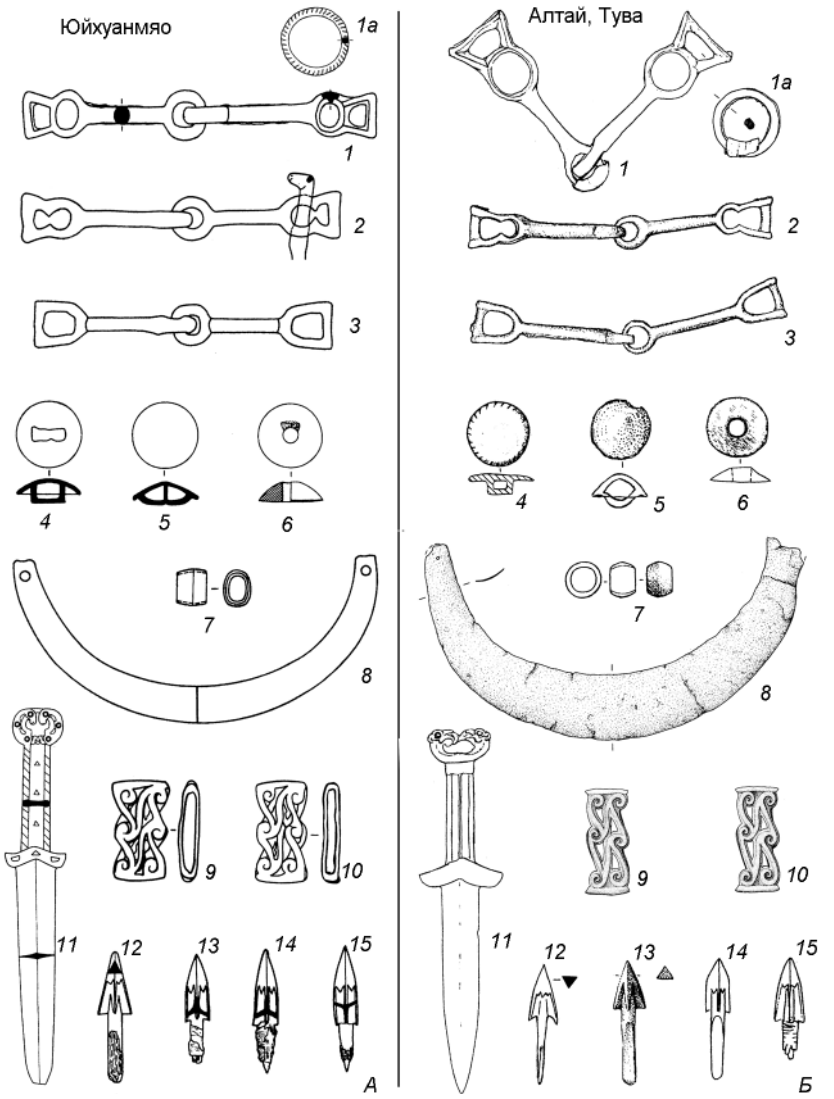
В Юйхуанмяо обнаружено почти 18 тыс. бронзовых изделий, включая собственно китайские сосуды и оружие со средней Хуанхэ. Всего

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 12-01-00301а).

найдено 4 клевца *гэ*, 86 кинжалов, 305 бронзовых наконечников стрел, 137 ножей, 38 кельтов и топоров, 31 «долото», 108 шильев, 92 игольника, 22 бронзовых сосуда, детали конского снаряжения (18 комплектов удил, 19 псалиев, 10 распределителей и др.), поясная фурнитура (33 поясных застежки, 1 062 поясных обоймы и тысячи различных подвесок) [Могильники…, 2007]. Однако особенность могильника заключается в другом. По стратиграфии лессовых наносов достоверно установлено, что захоронения совершались последовательно: сначала в восточном направлении, а затем – в южном. Иными словами, на основной площади могильника каждое более южное захоронение является и более поздним. Значение этих материалов трудно переоценить: они впервые дают возможность достоверно проследить реально происходившую (а не предполагаемую) эволюцию инвентаря, звериного стиля и погребального обряда в течение полутора веков, в т.ч. в VI в. до н.э. Значительное количество китайского оружия и сосудов в погребениях культуры юйхуанмяо позволяет в перспективе синхронизировать кочевнические памятники Монголии и Южной Сибири с датированными древнекитайскими местонахождениями.

Погребальный обряд и инвентарь Юйхуанмяо имеет много общего с дворцовской культурой и плиточными могилами Забайкалья, несмотря на разделяющие их пустыню Гоби и большое расстояние (около 1,2 тыс. км) [Шульга, 2010]. При этом многие категории инвентаря, распространенные от Северного Китая до Забайкалья, были характерны только для восточной общности, а в культурах к западу не использовались. Многочисленные параллели выявлены в ходе сравнения погребального обряда Юйхуанмяо с изображениями на оленных камнях монголо-забайкальского типа [Шульга, 2012]. В ушах воины из Юйхуанмяо, как и изображенные на оленных камнях, носили характерные для восточной общности кольцевидные серьги, к которым крепились бусины-подвески. На шее и у ключиц мужчин найдены ожерелья из бусин, пекторали или заменявшие их шейные бляхи в виде фигуры лошади или тигра. Набор и расположение оружия, изображенного на оленных камнях монголо-забайкальского типа (тип I), совпадают с зафиксированными в погребениях ранних этапов Юйхуанмяо: топоры (*клевцы*, *кельты*) находились справа, а кинжалы слева; кинжалы и ножи составляли пары; *гориты* (колчаны) часто соседствовали с топорами. Почти по всем особенностям ранние захоронения в Юйхуанмяо и камни типа I соответствуют восточной общности и отличаются от культур, существовавших западней. Очевидно, среди основателей культуры юйхуанмяо было много выходцев из кочевой среды восточной части Монголии и Забайкалья, где распространены оленные камни монголо-забайкальского типа и «северные» черешковые трехгранно-трехлопастные наконечники (см. *рисунок, А, 12–15*).

Несомненный интерес представляют обнаруженные в Юйхуанмяо детали конского снаряжения, аналогичные находкам из Саяно-Алтая и северо-востока Казахстана. Перечислим их: восточные удила с рамкой повода (см. *рисунок, А, 2; Б, 2*), удила с окончаниями стремечковидной и пешко-



Сравнительная таблица находок из могильника Юйхуанмяо (*А, 1–15*) и инвентаря VII–VI вв. до н.э. из Тувы (*Б, 1, 8–15*) и Горного Алтая (*Б, 2–7*) (*А, 8; Б, 9, 10* – золото; остальное – бронза).

видной формы (см. *рисунок, А, 2, 3; Б, 2, 3*), сбруйные кольца (см. *рисунок, А, 1а; Б, 1а*). Такие предметы в большом количестве найдены в Минусинской котловине [Членова, 1967, табл. 16; Шульга, 2010, рис. 76]. В Туве они обнаружены вместе в кургане 18 могильника Темир-Суг-1 (вторая половина VI в. до н.э.), отличающегося восточными чертами в погре-

бальном обряде (см. *рисунок, Б, 1, 1а*) [Кушакова, Чугунов, 2010]. Судя по материалам однокультурного могильника Бэйсиньбао, расположенного неподалеку от Юйхуанмяо, рамки повода на концах удил вскоре начали уменьшаться, появились удила без рамки и с крупными кольцами на концах [Ковалев, 2002, рис. 4, *15, 16*]. В Южной Сибири аналогичная эволюция окончаний удил хорошо прослеживается на материалах из Минусинской котловины [Шульга, 2010, рис. 76]. В Туве (Аржан-2 и др.) встречаются поясные обоймы и пекторали, подобные обнаруженным в Юйхуанмяо (см. *рисунок, А, 8–10; Б, 8–10*) [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010].

Все перечисленные детали конского снаряжения и поясной фурнитуры, наконечники стрел и украшения существовали в культурах, распространенных от Алтая и Минусинской котловины до Северного Китая в VII–VI вв. до н.э. Однако некоторые категории вещей появились в Юйхуанмяо значительно раньше, нежели на Саяно-Алтае. Так, вставлявшиеся в кольца удил двудырчатые псалии в Юйхуанмяо полностью вытеснили трехдырчатые псалии уже в середине VII в. до н.э. (см. *рисунок, А, 2*). На Саяно-Алтае и в Казахстане это произошло только в середине VI в. до н.э. Несколько раньше (в начале VI в. до н.э.) появились и удила с отдельной рамкой повода (см. *рисунок, А, 1*). Найденные в ранних погребениях Юйхуанмяо черешковые трехгранно-трехлопастные наконечники стрел с башневидной или сводчатой головкой и зубчатыми выемками в основании бойка (см. *рисунок, А, 13–15*) и поясные пряжки-застежки с выступающим вперед носиком старше подобных изделий из памятников Алтая и Тувы на 1,5–2 века. Примерно на 100 лет раньше в Юйхуанмяо начали использовать кинжалы с бабочковидным перекрестием, в т.ч. с навершием в виде двух противопоставленных существ (см. *рисунок, А, 11*). Самым же необычным для археологов, работающих на постсоветском пространстве, является обнаружение в Юйхуанмяо накладок на лук с характерным вырезом и костяных свистунок с наконечниками стрел, появившихся на Саяно-Алтае только через 450–500 лет с распространением культуры хунну. Подчеркнем, что все наблюдения синхронности и асинхронности бытования определенных категорий инвентаря стали возможны благодаря богатейшим материалам могильника Юйхуанмяо с достоверной относительной хронологией. Они демонстрируют органичный сплав культуры древних китайцев со скифоидными культурами Северного Китая, а также их связь с кочевниками Монголии и Южной Сибири. Все это дает реальную возможность сформировать целостную картину взаимодействия народов этих территорий в VII–VI вв. до н.э.

Список литературы

Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ. – Чита: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. – С. 103–131.

Кушакова Н.А., Чугунов К.В. Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Туве // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 148–156.

Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо: в 4 т. / Тр. Пекин. город. ин-та культур. наследия. – Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2007. – 1660 с., 449 табл. (на кит. языке).

Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан: в 2 т. / Тр. Пекин. город. ин-та культур. наследия. – Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2010. – 850 с., 114 табл. (на кит. языке).

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Барнаул: Азбука, 2008. – Ч. I: Раннескифское время. – 276 с.

Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII–VI вв. до н.э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 135–140.

Шульга П.И. Особенности расположения оружия на оленных камнях и в погребениях могильника Юйхуанмяо (Северный Китай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монгол. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 298–306.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. – 330 S. – 289 Abb. –153 Taf.

П.И. Шульга, Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ВЗАИМОСВЯЗЯХ КУЛЬТУРЫ ЮЙХУАНМЯО В СЕВЕРНОМ КИТАЕ*

К настоящему времени из почти десятка выделяемых в Северном Китае «варварских» культур XI–VI вв. до н.э. российским исследователям известны только две: культура «верхнего слоя Сяцзядянь» (около XI–VII вв. до н.э.) и культура *юйхуанмяо* (VII–VI вв. до н.э.). Их особенностью является большое количество бронзового погребального инвентаря, что отражает тесные связи с царствами древнего Китая и кочевниками Монголии и Южной Сибири. Именно это сочетание вызывает обоюдный интерес у российских и китайских исследователей.

На русском языке опубликовано всего несколько статей о культурах «верхнего слоя Сяцзядянь» [Комиссаров, 1987; Kovalev, 1992] и *юйхуанмяо* [Шульга, 2010, 2012, 2013 и др.]. К сожалению, сведения, содержащиеся в этих публикациях, скудны и фрагментарны. В свою очередь, китайские исследователи имеют смутное представление о материалах, найденных на территории России. Так, один из наиболее информированных археологов синхронизировал с культурой «верхнего слоя Сяцзядянь» (около XI–VII вв. до н.э.) не только культуру плиточных могил, *киммерийцев* и ранних *саков* Приаралья, но и ранних *пазырыкцев* Горного Алтая (конец VI–V вв. до н.э.), а также *саглынцев* Тувы (конец VI–III вв. до н.э.) [У Энь, 2007, с. 205]. Последние никаких связей с культурой верхнего слоя Сяцзядянь не могли иметь. Преодолеть такого рода непродуктивные умозаключения можно лишь при обоюдных публикациях материалов из Китая и России. В ходе работы в этом направлении нами обработан значительный блок литературы на китайском языке, позволяющий по-новому взглянуть на место названных культур в восточной части скифского мира и на их взаимосвязи.

Культура верхнего слоя Сяцзядянь получила название по эпонимному памятнику близ г. Чифэн во Внутренней Монголии, где в 1959 г. были исследованы погребения и поселенческие слои. К настоящему времени по данной культуре накоплен значительный материал, рассмотренный китайскими археологами в ряде монографий и статей. Взгляды на содер-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 12-01-00301а).

жание и хронологию культуры существенно различаются, но большая часть исследователей, по версии У Эня, придерживается следующих положений:

1. Основной ареал культуры включал реки Лаохахэ, Шара-Мурэн и Силамулунхэ, т.е. северо-западную часть провинции Ляонин и прилегающую часть Внутренней Монголии.

2. Культура датируется в рамках XI–VII вв. до н.э., а ее расцвет пришелся на IX – начало VII в. до н.э.

3. Делится она на два основных варианта – *Лунтоушань* и *Наньшаньгэнь*, но возможно вычленение третьего варианта – *Шиэртайинцзы* («Линхэ»). Из последнего выделилась расположенная южнее одноименная культура *шиэртайинцзы*.

4. Многие ученые предполагают, что носителями культуры были горные *жуны*, однако некоторые рассматривают их как восточных *ху*.

Вот мнение У Эня: «Наибольшего развития культура достигла на втором периоде (IX–VIII вв. до н.э. – *Авт.*). Это было время политического, экономического и культурного процветания. Здесь, на реке Шара-Мурэн, к северу от Великой китайской стены создавались мощные формирования степных племен, оказавших огромное влияние на становление и развитие кочевников восточной части Евразийской степи» [2007, с. 116–177]. Современные исследования показали, что культура *шиэртайинцзы* раннего периода датируется одним временем с культурой «верхнего слоя Сяцзядянь» типа Наньшаньгэнь. После угасания культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» культура *шиэртайинцзы* продолжала некоторое время существовать, вплоть до времени, когда в регион пришло чжаньгоское государство Янь. Таким образом, названные культуры долгое время соседствовали и взаимодействовали. Период с IX по начало VII в. до н.э. считается временем расцвета, на что указывает и значительное количество бронзовых ритуальных сосудов, часть которых изготавливалась на месте [У Энь, 2007, с. 202–203; Кан Ин Ук, 2011, с. 90].

В VII в. до н.э. культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» и *шиэртайинцзы* постепенно пришли в упадок, но к юго-западу от них, на соседней территории (на севере царства Янь), возникла яркая культура *юйхуанмяо*, которую Кан Ин Ук справедливо назвал самой восточной культурой скифо-сибирского круга [2011, с. 92]. Культура *юйхуанмяо* сформировалась в результате смешения культур «верхнего слоя Сяцзядянь» и *шиэртайинцзы* с северными кочевыми племенами, находившимися под влиянием царства Янь. В начале VI в. до н.э. в Юйхуанмяо произошли резкие изменения в инвентаре. Так, полностью исчезли «северные» наконечники стрел, на смену которым пришли «южные» наконечники. На следующем этапе в Юйхуанмяо наступил упадок, выражающийся в отсутствии элитных погребений и бедности инвентаря.

Сопоставив эти данные с историческими сведениями, можно сделать несколько предварительных выводов. По письменным источникам последнее значительное вторжение *шаньжунов* в царство Янь зафиксирова-

но в середине VII в. до н.э. Тогда же формировалась культура *юйхуанмяо*, население которой поддерживало тесные отношения с Янь, соседними родственными культурами «верхнего слоя Сяцзядянь» и *шиэртайинцзы*, а также с северными кочевниками. Резкие изменения в погребальном инвентаре Юйхуанмяо и временный упадок местного населения в начале VI в. до н.э. совпали с финалом соседних культур, через которые, видимо, поддерживалась связь с северными кочевниками. После очередного подъема в VI в. до н.э. в Юйхуанмяо наступил продолжительный спад. В конце VI – начале V в. до н.э. культура *юйхуанмяо* угасла. В это самое время в соседнем к западу Ордосе появилась культура *маоцингоу*, в которой прослеживаются основные черты *юйхуанмяо*: одиночное захоронение в узкой могиле; расположение умерших на спине, вытянуто, головой на восток; помещение в восточную часть могилы черепов жертвенных животных. Продолжали сохраняться пояса особой конструкции (со свисающими концами), игольники, втульчатые трехлопастные и черешковые с упором наконечники стрел. Родство этих культур подтверждается и антропологическими данными.

Таким образом, на территории от Ляодунского полуострова до Ордоса в XI–III вв. до н.э. происходило последовательное смещение культурного центра с востока на запад. При этом каждая последующая культура формировалась при непосредственном участии носителей предыдущей культуры. Среди них центральное место территориально и хронологически занимает культура *юйхуанмяо*. Особое значение имеет обнаружение в памятниках упомянутых культур IX–VI вв. до н.э. ритуальных бронзовых сосудов, часть которых произведена на месте. Очевидно, эти сосуды использовались по назначению, как и в царствах Древнего Китая. На той же территории с эпохи бронзы широко распространился однотипный погребальный обряд, предполагающий одиночные погребения в положении вытянуто, головой в восточный или северный секторы, с подхоронением черепов жертвенных животных. Большинство этих «варварских» народов, проживавших в IX–VI вв. до н.э. к северу от китайских царств (в т.ч. оставивших культуру *юйхуанмяо*), уже не кочевали, а жили оседло. Они были знакомы с ритуальной стороной использования бронзовых сосудов китайских форм. Находки в могильниках культуры *юйхуанмяо* указывают на широкое применение колесниц и упряжек. Думается, традиционное мнение об антагонизме народов, живших к югу и к северу от Великой китайской стены, требует пересмотра. Различия между оседлыми народами культур «верхнего слоя Сяцзядянь» и *юйхуанмяо* с населением «полуварварского» царства Янь были не столь существенны. Вероятно, подобная ситуация сохранялась и во времена хунну. В тяжелые годы земледельцы северных царств Древнего Китая часто уходили к «варварам» в поисках лучшей доли, очевидно, не считая этот мир враждебным. Еще больше сходства между культурами знати Китае и сановников территорий к северу, что хорошо видно по самым ранним захоронениям Юйхуанмяо (VII в. до н.э.).

Список литературы

Кан Ин Ук. Распространение звериного стиля в I тыс. до н.э. на территории провинции Ляонин (КНР) и Корейского полуострова в связи с культурой бронзовых скрипковидных кинжалов // «Terra Scythica»: мат-лы междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 82–96.

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 39–53.

У Энь (Уэньюэсыту). Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. – Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. – 386 с. (на кит. яз.).

Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII–VI вв. до н.э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 135–140.

Шульга П.И. Особенности расположения оружия на оленных камнях и в погребениях могильника Юйхуанмяо (Северный Китай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 298–306.

Шульга П.И. Новые данные об эволюции удил и псалиев в VI в. до н.э. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы IV междунар. науч. конф. – Чита: Изд-во Забайкал. гос. ун-та, 2013. – Ч. I. – С. 354–360.

Kovalev A. «Karasuk-Dolche», Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veroffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T.O. Hollmann und G.W. Kossack u. Mitarb. – Mainz am Rhein, 1992. – S. 46–87. – (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archaologie: вd. 50).

ЭТНОГРАФИЯ

И.Ю. Аксенова

Новосибирский государственный университет

СВЯТОЧНЫЕ ОБХОДЫ ДОМОВ ПОТОМКОВ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В СЕРЕДИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ)

В условиях глобализации изучение процессов эволюции и трансформации празднично-обрядовой культуры в этнографических группах русских позволит выявить механизмы ее сохранения и самовоспроизводства. Новые знания о календарных праздниках русских Алтая раскрывают разнообразие локальных традиций, свидетельствуют о бытовании общерусских и региональных обрядов.

В научно-исследовательской, этнографической литературе существует мнение о бедности календарно-обрядовой поэзии сибиряков, в т.ч. населения Алтая [Щербакова, 1998, с. 155]. В.А. Липинская отметила, что ей так и не удалось выяснить, насколько традиции «славления», колядования были распространены на Алтае [1989, с. 116]. В то же время Е.Ф. Фурсова считает, что новогодние колядки, *таусени*, пело абсолютное большинство российских переселенцев (русские, украинцы, белорусы) [1994, с. 69]. М.В. Дубровская и М.Н. Сигарева предприняли попытку восстановить различные элементы зимней обрядности на Алтае. Однако они ограничились рамками одного района, поэтому их некоторые выводы требуют уточнения. Например, М.В. Дубровская утверждает, что колядовочные припевки бытовали в качестве специфических только в Чарышском районе [1998, с. 158]. Наши экспедиционные материалы 2013 г. из Мамонтовского района содержат такие варианты исполнения.

В настоящее время святочный цикл длится с Рождества (6 января) до Крещения (19 января), в качестве обязательных компонентов, по общеславянской традиции, включая обходные обряды. Повсеместно фиксируется традиция «славления». *Славить* ходили рано утром. Зайдя в дом, пели рождественский тропарь «*Рожэство твоё Христе Боже наш…*». Нужно отметить, что записанные варианты не имеют больших расхождений в мелодической линии, исполняются на «народный» манер (как при распевах лирических песен). Слова варьируют в зависимости от заучивания исполнителями. Четкое понимание смысла каждого слова/фразы исполнителями отсутствует, т.к. перенимание текста идет «на слух» от старших.

Сегодня обходы молодежными группами (школьного возраста) совершаются исключительно в темное время суток. Происходит это в оп-

ределенные дни: вечером 6 января «колядуют», а вечером 13 января – «посевают».

«*На старый Новый год не ходили, а вот ученики мои ходят» (В.И. Абакумова, с. Коробейниково, Шипуновский р-н).*

«Ходят у нас с 13 на 14 января. С 6–7 января мы не ходим, как правило» (В.Ф. Портнягина, с. Быково, Шипуновский р-н).

Приведенные данные свидетельствуют, что преемственность вечернего «колядования» сохранилась, а вот «посевания» перестали исполняться утром.

В результате бесед с молодыми колядовщиками удалось выявить установленные «правила поведения» в обрядах этого типа. Так, обязательным считается знание текста припевки каждым членом группы колядующих, «ряжение» или создание собственного образа, ношение одним человеком общей сумки для сладостей (существуют варианты обходов с личными пакетами/сумками). Действия, совершаемые с «наколядованным» добром, включают справедливый раздел между членами группы сладостей/денег на морозе или в доме, где осуществляется «*тройной обход вокруг стола с яствами для удачных обходов в следующем году»* (Т.А. Анисимова, с. Шипуново, Шипуновский р-н). Существует также закон о раздаче «наколядованого» бедным (особенно было актуально в послевоенные годы).

«Мы радешеньки, кто даст нам – кто полпирога, кто кусочек, кто полкусочка, хоть картошинку!.. Мы одной девочке отдали, она без отца была…» (А.Н. Пономаренко, с. Зеркалы, Шипуновский р-н).

«Мы не делили, мы все Нине Александровне отдали и Наталье Алексеевне, так как они первый год работали (в школе. – И.А.), бедно жили» (В.И. Абакумова, с. Коробейниково, Шипуновский р-н).

Некоторые сельские жители специально готовятся к приходу гостей: заранее пекут пироги, формируют кульки со сладостями, сравнивая количество посещений у себя и других. Большое количество посещений колядовщиков расценивается как хороший знак.

«*Они сейчас по 4–6 групп ходят. Они идут туда, где хорошо принимают!.. А мы на следующее утро делимся – у кого сколько пришло детей! (В.Ф. Портнягина, с. Быково, Шипуновский р-н).*

Деление колядовщиков на возрастные или половозрастные группы отмечено во многих публикациях по материалам второй половины XIX в. [Громыко, 1991, с. 320]. В настоящее время формирование групп сельских ребят происходит по договоренности, по «принципу дружбы», по возрасту в большей степени, чем по полу. Информанты же старшего возраста, вспоминая свои обходы в конце 1940-х гг., отмечают разделение на девочек и мальчиков.

«Ребяты и девчаты ходили отдельно. Ходили и поодиночке, чтоб накормить еще семью свою. Ходили, шоб не поделяться» (М.Е. Назаренко, с. Зеркалы, Шипуновский р-н).

Имела место возрастная конкуренция колядовщиков.

«Мы-то поменьше были, нас те, большие, поймали, да в баню загнали!» (А.Н. Пономаренко, с. Коробейниково, Шипуновский р-н).

Согласно воспоминаниям тех, кто колядовал в 1940–1950-е гг., обходы являлись одним из источников дохода семьи.

«Кто че даст, это уж мы совсем были дети. Радешеньки! А потом придешь домой, делить некого, много че надают? Вот када бегали славить, вот тада конфеточки давали, дадут пятак…» (А.Н. Пономаренок, с. Коробейниково, Шипуновский р-н).

«Ой много ходили! Ну йисть было нечего, Господи, мы дак вперед каждый день ходили!» (М.Ф. Рыбина, с. Черная Курья, Мамонтовский р-н).

Сегодня обычай хождения «по дворам» воспринимается как развлекательный процесс.

«Ходят старше тридцати, но у них уже другая направленность. Они пришли, спели колядку, посыпали, но уже сели за стол, налили, им не столько мешочек конфет, а пообщаться. И я могу предложить, если ко мне придут взрослые колядовщики» (В.Ф. Портнягина, с. Быково, Шипуновский р-н).

Бесчинства творят на протяжении всего периода Святок.

«Стучат в окна, сыпят снег под двери, ставят ветки под окна, это взрослые» (Л.В. Жукова, с. Хлопуново, Шипуновский р-н).

В последнюю святочную ночь перед Крещением «проучивали» тех, кто не «подал» ряженым.

«На Крещение шо-нибудь подстраивают, шо-нибудь в ограде сделают, дорожки на забор настелят, калитки снимали, ворота утащут! Пакостят тому, кто на Рождество или старый Новый год не подал ничего, двери не открыл» (Л.Б. Клушина, с. Андреевка, Шипуновский р-н).

В 1950-е гг. отношение к «славлению» и «колядованию» было различным: славильщиков с радостью впускали в дом, выслушивали, поощряли материально и добрым словом, а колядовщиков это ждало не всегда. Одни не пускали под предлогом, что не хотят впускать сор в дом, другие – из-за религиозных убеждений.

«*Сделали пузырь надутый, коровий, нарисована была морда, прилепили сверху (еще одну. – И.Ю.), и тут две головы… и всегда мы ее, Нинку, первую толкали к окошку. Как вышил дед Сухов, он-то набожный был: ах, вы бозбожники! Вы зачем мне сюда дьявола приташили?! И потурил нас всех!» (А.Н. Пономаренко, с. Коробейниково, Шипуновский р-н).*

Информанты старшего возраста отмечают ласковое приветствие хозяев дома (*«Здравствуйте, хозяин с хозяюшкой!», «Всё головкой, мама скажет, поклониться!»*). А вот согласно результатам опроса школьников, фраза приветствия с обращением к владельцам дома практически отсутствует. У некоторых из них сформировалось отношение к процессу колядования как акту «попрошайства».

Нужно отметить значительную роль православной церкви в воспитании молодого поколения в русле традиций. Проводятся занятия, посвященные традиционной культуре, в виде диалога со священнослужителями. Детям излагается материал, проводятся интерактивные занятия с привлечением знаний местных жителей о тех или иных праздниках.

«Раньше мы просто ходили: нарядимся, пришли, побарабанили и ушли. Вывернем шубы и пошли! Если одел что-то, это связано с колдовским. А сейчас нас Людмила Алексеевна (Л.А. Боброва – староста прихода церкви Святой Троицы с. Быково. – И.А.) перестраивает нас, чтобы мы пришли со знанием дела, пожелали добра этому дому!» (В.Ф. Портнягина, с. Быково, Шипуновский р-н).

Обучение детей православию (по личному выбору родителей) с учетом традиционной культуры происходит и в Мамонтовском районе, в с. Новичихинском. По мнению настоятеля Знаменской церкви с. Курья отца Сергия (Котельникова), возрождение христославных обходов желательно для народа сегодня, т.к. это поддерживает духовность. Ежегодные народные обходы церковь не осуждает, однако ее служители высказываются за возрождение традиций по православным канонам. Деятельность работников сельских дворцов культуры на январских праздниках осуществляется по шаблонным схемам: тиражируются обобщенные образы народных праздников (посиделки, вечера), оформляется для забав центральная площадь, сооружаются ледяные цветные скульптуры и т.д.

Таким образом, в Алтайском крае, в селах, где святочная традиция прерывалась в годы советской власти, фиксируется «обеднение» обычаев святочного цикла, сокращение его на шесть дней: на период с 6 по 13 января приходится основная часть обходных обрядов. Очевидно упрощение песенной традиции, исчезновение смысловой основы «ряжения». За последние десятилетия интерес к зимним праздникам возрос, однако смысловая подоплека части обычаев во многом стерлась из памяти односельчан.

Список литературы

Громыко М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 446 с.

Дубровская М.В. Некоторые календарные традиции Чарышского района // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1998. – С. 158–162.

Липинская В.А. Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения Алтайского края // Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – 225 с.

Сигарева М.Н. Зимний календарный фольклор Петропавловского района // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2001. – С. 166–176.

Фурсова Е.Ф. «Шуликаны» и нечистая сила в селах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – № 3. – С. 68–80.

Щербакова О.С. Зимний цикл празднично-обрядового обхода дворов (по материалам фольклорных экспедиций) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1998. – С. 155–158.

Ш.К. Ахметова[1], И.В Толпеко[2]

[1]Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
[2]Омский государственный университетет им. Ф.М. Достоевского

ПАМЯТНЫЕ ЗНАКИ КАК НОВАЯ ТРАДИЦИЯ КАЗАХОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

После принятия в 1959–1968 гг. ряда постановлений Совета Министров РСФСР и Верховного Совета РСФСР [Систематическое собрание…, 1968, с. 208, 315–328], предусматривающих укрупнение центральных усадеб колхозов и совхозов, было ликвидировано множество неперспективных населенных пунктов. В их числе оказалось много казахских аулов. К примеру, Буденовский сельсовет (нынешние Пришибский и Цветнопольский сельские советы) Азовского района Омской области включал 11 аулов: Кутумбет, Бакзе, Булюкбай, Кожан, Даргер, Жолбарыс, Борсык, Каратал, Рысбай, Пшембай, Сагнай. В 1950–1960-х гг. все они, за исключением Кутумбета и Бакзе, были ликвидированы. Жителей Жолбарыса переселили в Цветнополье, Даригера – в Кудук-Чилик, Кожан-Бекена – в Воронково, Рысбая – в Пришиб. По воспоминаниям старожилов, сначала на новые центральные усадьбы переводили скот, технику и школу. Потом уезжали семьи, где взрослым нужна была работа, а их детям – школа. Затем из опустевших аулов забирали стариков. Так исчезли населенные пункты, история которых насчитывала не одну сотню лет [Научно-вспомогательный фонд…, 1950–1960].

Полвека спустя уроженцы некоторых аулов решили увековечить память о своей малой родине. В результате с начала XXI в. среди казахов Омского Прииртышья широкое распространение получила традиция устанавливать памятные знаки на местах исчезнувших аулов и старых кладбищ. По данным этнографо-археологических исследований Омского филиала ИАЭТ СО РАН такие мероприятия активно проводятся в Азовском, Одесском, Таврическом, Шербакульском, Исилькульском и Москаленском районах Омской области.

История возникновения этой традиции восходит к 2001 г. Первый памятник был поставлен на месте исчезнувшего аула Кожан-Бекен Таврического района (рис. 1). Инициаторами стали его уроженцы – М.Е. Аятов, М.З. Буланов и К.К. Хусаинов. Памятный знак выполнен из большого серо-розового гранита и установлен на массивный кирпичный постамент. Надпись лаконична – название аула и годы его существования.

В 2003 г. в Азовском районе установили общий памятник одиннадцати аулам Буденовского сельсовета на месте их бывшего центра – исчезнув-

Рис. 1. Памятный знак возле аула Кожан-Бекен (Таврический район Омской области). Установлен в 2001 г.

шего аула Жолбарыс. Как удалось выяснить в ходе полевых исследований 2013 г., именно появление этих памятных знаков положило начало новой традиции, получившей распространение на территории не только Азовского и Таврического, но и других районов Омской области. С 2003 по 2012 гг. появились памятники на местах бывших аулов Каржас и Коктерек Одесского района, Амре – Таврического района, Ақ Жигит и Шотпай – Москаленского района, на кладбище аула Тумба и Дюсембай Шербакульского района, на кладбищах и территории исчезнувших аулов Мукуш (Жана Жол), Атығай и Торат Исилькульского района и др. Памятные знаки ставят как на действующих мемориальных комплексах существующих аулов (например, два кладбища аула Тумба), так и на тех, которые располагаются у исчезнувших аулов. Традиционно казахское население Омской области активно использует родовые кладбища для захоронений даже спустя многие десятилетия после ликвидации населенного пункта. На некрополе памятный знак устанавливается в пределах огороженной территории, рядом с воротами.

Одним из последних поставлен памятник на месте бывшего аула Бибатыр в Азовском районе. Это стела из серого с прожилками мрамора на бетонном постаменте (рис. 2).

Мероприятие по установке памятника тщательно готовится и проходит в несколько этапов. Выбирается место и закладывается фундамент. Затем оформляется сам памятник. На открытие собирается большое количество представителей рода, приезжают уроженцы аула и их потомки из разных уголков России, Казахстана и дальнего зарубежья. Это событие сопровождают определенные религиозные ритуалы: коллективное чтение молитв и обряд жертвоприношения с поминовением всех предков рода.

Рис. 2. Памятный знак возле аула Бибатыр (Азовский район Омской области). Установлен в 2013 г.

В народе такие действия называют *дұға* – «молитва». После всего дают *ас* – угощение с мясом и чаепитием.

Как правило, после установки памятника традиция собираться один раз в год продолжает соблюдаться выходцами из этих аулов. Они ежегодно съезжаются для проведения обряда жертвоприношения и поминовения предков. Так, уроженцы аула Кожан-Бекен встречаются во вторые выходные дни июля. Этот населенный пункт основали двоюродные братья Кожан, Бекен и Итен. Их потомки по очереди проводят *дұға* для своих непосредственных предков. Сначала на кладбище, которое находится через дорогу, проводят коллективный намаз. Потом у памятника дают *ас*. В 2008 г. отмечали юбилей односельчанина, живущего много лет в г. Омске, – акына Амангельды Жусупова. В 1913 г. поминальные мероприятия устраивали потомки Итена.

Подобные мероприятия проводились бывшими жителями исчезнувших аулов и без установки памятников. Так, бывшие жители аула Торат Исилькульского района, прекратившего существование в 1980-х гг., с 2001 г. собирались между посевной и уборочной на месте своего аула для коллективной молитвы предкам (*дұға*). Приглашали муллу, резали лошадь, привозили с собой бауырсаки, масло и сладости. В 2004 г. на месте

бывшего аула и кладбища установили памятный знак. Однако территория аула Торат распахана фермерами, поэтому в последние годы *дұға* проводят по очереди определенные семьи по месту своего проживания. В 2010 г. всех принимала в Кудряевке Исилькульского района семья Кужбановых, в 2011 г. – семья Сатемировых в мечети г. Петропавловска.

Помимо религиозной части, согласно написанному сценарию, проводится торжественное открытие памятника с участием местной и районной власти, российской и казахской прессы, национально-культурных и других общественных организаций, художественной самодеятельности. Приглашаются представители акиматов приграничных районов Казахстана.

На сегодняшний день памятные знаки представляют собой отдельный пласт культуры и определенное направление творчества казахского населения Омской области. Похожих памятников нет. Встречаются как довольно монументальные сооружения, иногда с весьма своеобразной архитектурой, так и небольшие стелы. Как правило, это – кирпичный или бетонный постамент, на который установлен камень или стела с надписью. Текст выполнен в основном на казахском языке, но встречаются вставки на русском и арабском языках. Надпись может быть как очень короткой (название аула и годы его существования), так и длинной: с обращением к потомкам помнить родину и предков, перечислением родов, датой установки. Иногда указываются фамилии организаторов. Могут присутствовать строки из Корана и рисунок мечети (рис. 2). Надпись на стеле у аула Бибатыр сделана в стихотворной форме:

«Бибатырскому аульному поселению
посвящен памятник.
Словно взгляд предков
Как сама мать
Как непорочная чистота младенца
Священная Родная земля как ты мне дорога!
От потомков Бибатыра и родственников
17.08.2013 г.».

Установка памятников на местах исчезнувших аулов и кладбищах – инициативное добровольное начинание казахского населения Омской области. По сути это – новая традиция, призванная сохранить историческую память народа, родовую принадлежность отдельных (локальных) групп населения. Интересен тот факт, что на приграничных территориях Республики Казахстан тоже много оставленных аулов и кладбищ. Однако, несмотря на активные контакты с населением Омского Прииртышья, пока эта традиция там не нашла продолжения.

Список литературы

Научно-вспомогательный фонд бюджетного учреждения культуры Азовского районного историко-краеведческого музея. – Мат-лы 1950–1960-х гг.

Систематическое собрание законов РСФСР, Указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР. – М.: Юрид. лит., 1968. – Т. IV. – С. 208, 315–328.

А.А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ЛЕГЕНДОЙ ОБ ИСХОДЕ ХОРИ-БУРЯТ С ОСТРОВА ОЛЬХОН?

Явления агрессии, имевшие место в истории разных народов, выработали у них устойчивые традиции примирения и преодоления постконфликтных ситуаций. Изучению сложившихся у народов России механизмов социального регулирования конфликтов посвящены отдельные публикации [Агрессия…, 2006]. Данная проблематика еще не поднималась в бурятоведческих исследованиях, поэтому актуальным является выяснение этнической специфики выработанных бурятами способов преодоления последствий перенесенной агрессии.

Цель исследования – выделение созданного хори-бурятами механизма, защитившего их от последствий чужой агрессии. Источниками послужили сохранившиеся предания о переселении хори-бурят с острова Ольхон в западное Забайкалье, а также русские исторические документы середины XVII в.

Важное место в истории хори-бурят занимает период, когда часть из них населяла западное и юго-восточное Прибайкалье. Согласно летописи Тугулдэр Тобоева, буряты были вынуждены переселиться на эту территорию после ряда кровавых столкновений с забайкальскими эвенками. По уверению бурятского хрониста, именно тогда *хори* стали называться хори-бурятами или «бурятами одиннадцати родов хоринских» [Бурятские летописи…, 1995, с. 7]. Данное обстоятельство указывает на то, что, заняв прибайкальские земли, *хори* присоединились сформировавшемуся в XVI в. союзу предбайкальских народов, положившему начало образованию западно-бурятского этноса. Процесс формирования новой этнической общности сопровождался принятием вошедшими в него народами общего самоназвания *буряад*.

Судя по упомянутому выше источнику, *хори* прожили в Западном Прибайкалье недолго: всего «несколько лет». Причиной их скорого ухода было одно событие: «Когда маленький сын одного богача пошел из дому поиграть в степь, был схвачен, унесен и съеден беркутом, все пошли на охоту, и из двух беркутов они одного застрелили. Другого они ранили и дали ему улететь. Вследствие этого они стали бояться, что впоследствии он поест их детей, и откочевали оттуда обратно» [Бурятские летописи…,

1995, с. 7]. В другом источнике вместо мальчика жертва крылатых хищников – маленькая девочка.

Иную трактовку миграции хори-бурят с Ольхона дает И.Е. Тугутов в предании «Потомки Ногто и Нимхэ» (ГАРБ. Фр. 433. Оп. 1. Д. 20). Заметим, что главные герои, братья Ногто и Нимхэ из Гучитского рода, представлены как пятое поколение насельников Ольхона (первопоселенцем назван их предок Хуухэн, затем следуют его сын Шэрэн, внук Ананда, правнук Бавалдай и праправнук Одоосхой, являвшийся отцом легендарных братьев). Получается, что хори-буряты обитали там почти полтора столетия. Побудительной причиной исхода *хори* опять-таки названы орлы, которые, унося и поедая молодняк, изводили домашний скот бурят. Здесь, как видим, речь не идет о боязни мести хищных птиц, а объяснение более прозаично – желание скотоводов сохранить в целостности стадо.

Остановимся на выяснении возможности возникновения тех ситуаций, которые описаны в названных сочинениях.

Обитающие на Ольхоне т.н. «орлы» относятся к белоголовым орлам-могильникам (императорским орлам), беркутам и орланам-белохвостам. Из них на овец могут нападать только беркуты. Другими словами, почва для изложенных в предании событий в принципе была.

Важным фактором, который мог повлиять на переселение хори-бурят, были традиционные воззрения об этой хищной птице. Согласно им, орел считался священным существом, а императорский орел почитался как сын одного из грозных небожителей – мифического хозяина Ольхона. По представлениям бурят, орлы-сыновья хозяина Ольхона дали начало известным шаманским родам. Полагали также, что, однажды попробовав мясо убитого орлом животного, человек мог обрести шаманский дар (РГАДА. Ф. 24, Д. 70. Л. 5–5 об.). Подобно чтимому хори-бурятами и другими бурятами лебедю, парившей в небе хищной птице возносилась обязательная жертва молоком или чаем. Из-за суеверия хори-буряты страшились гнева божественного хозяина Ольхона, посланцами которого считались крылатые хищники. Это могло побудить их на перекочевку.

Однако обращение к историческим источникам середины XVII в. показало, что на деле вовсе не угроза нападения орлов, воспринимаемая как ниспосланное божествами острова наказание, а реальные события тех лет подвигли *хори* покинуть обжитые места.

Историческая обстановка в 1640-х гг. в Предбайкалье характеризовалась продолжавшимся военным противостоянием предков-этносов западных бурят с русскими. Одним из эпизодов было присоединение Ольхона к русским владениям. Скупая информация об острове и его жителях содержится в донесении казачьего командира: «А ходу через Ламу (оз. Байкал. – *А.Б.*) до острова Оихона (искаженная передача бурятского названия острова *Ойһон*. – *А.Б.*) судового день. А люди на том острову живут братцкие многие, лошадей и всякого скота много, а хлеб у них родитца просо» [Сборник…, 1960, с. 36].

21 июня 1643 г. из Верхоленского острога был снаряжен отряд пятидесятника Ивана Курбатова. 2 июля казаки добрались до оз. Байкал и

для переправы на остров построили струги. К этому времени к *шерти* были приведены обитавшие в Приольхонье хори-буряты во главе с «князцем» Обогондеем. Высадившись со своими людьми в середине сентября на Ольхоне, И. Курбатов потребовал от островитян принесения присяги царю и ясак, но получил отказ. Разгоревшееся сражение закончилось поражением хори-бурят. Победители захватили пленных и много скота, но в *аманаты* взять, как оказалось, было некого, т.к. «лутчие люди» успели уйти [Сборник…, 1960, с. 47–48].

В 1644 г. проживавшие в Приольхонье хори-буряты, несмотря на принесение ими *шерти* русскому монарху, вновь оказались под угрозой погрома со стороны верхоленских казаков и служилых. Правда, попытка застать их врасплох не увенчалась успехом. В документах осталось следующее объяснение неудачи: «И вечером улусы и братцких людей подсмотрели сами и изготовились на утро на удар, и к братцким людем ночью весть пала, а скот и живот весь увезли и испометали избы с войлоки» [Сборник…, 1960, с. 51]. Два дня продолжалось преследование, но догнать конных бурят так и не удалось.

Вероятно, именно после этих событий, показавших спонтанную агрессивность завоевателей, произошло переселение большинства хори-бурят с Ольхона на южный берег Байкала. Картину зимнего перехода хори-бурят через скованный льдом Байкал передает автор легенды о братьях Ногто и Нимхэ: «А лед между торосами был скользок, по нему не было ходу ни лошадям, ни коровам, ни овцам с козами. Тогда кочевники снимали с вьюков свои войлочные юрты и стелили на лед, чтобы по этому настилу прошел скот. Стоило пройти скотине по этому настилу, как кочевники передвигали войлок дальше, на новое место» (ГАРБ. ФР. 433. Оп. 1. Д. 20. Л. 9об.–10). Данную версию подтверждают дневниковые записи направлявшегося в 1675 г. в Китай русского посла Н.Г. Спафария, который написал следующее: «…и преж сего жили на том острову многие Братские иноземцы… а после того, как погромили их казаки, и с того острова разбежались, и ныне пуст» [Спафарий, 1882, с. 119].

Однако Б.О. Долгих считает, что только с 1685 г. хори-буряты стали уходить из западного Прибайкалья, а причиной тому послужили боевые столкновения с *эхиритами* [1960, с. 328]. Можно предположить, что в документах, на которые ссылается исследователь, фигурировали приольхонские хори-буряты, незатронутые миграцией раннего периода. После ухода основной массы хори-бурят на их место пришли *эхириты* и представители некоторых других этнических сообществ Предбайкалья. Освоив опустевшие прибайкальские территории, они дали начало формированию таких этнотерриториальных групп, как ольхонские и кударинские буряты. Подвергаясь с запада давлению укреплявшихся в Предбайкалье русских, *эхириты* стремились расширить свой локус, продвигаясь на юг и юго-восток.

Почему же в памяти хори-бурят действительные события оказались забыты, а вместо них происходила трансляция от поколения к поколению сюжетов о лютых орлах? Ответ, вероятно, нужно искать не только в из-

бирательности человеческой памяти, а в сознательном внедрении нейтральной (может быть, нейтрализующей) информации о событии, в действии механизма предохранения этническим сообществом психического здоровья будущих поколений, снятия с них негативного груза осознания себя жертвами чужой агрессии, который мог отравлять жизнь и омрачать межэтнические и внутриэтнические взаимоотношения. Заметим также, что далеко не всё скрывалось от истории и потомства. Скажем, такие трагические страницы, как бегство *хори* во главе с Балжин-хатун от монголов или столкновения с эвенками, в хронике Тугулдэр Тобоева подробно описаны. Надо полагать, что в данном случае действовал принцип наложения табу на упоминание тех или иных событий. Полученный вывод подтверждается материалом по предбайкальским бурятам, в фольклоре которых нет прямого указания на жестокий характер войн с русскими в 1630–1640-е гг. Известия об этом периоде истории просто отсутствуют.

Итак, рассмотрение версий легенды о переселении хори-бурят с острова Ольхон на южное побережье оз. Байкал подводит к мысли о существовании в прошлом в хори-бурятском (шире–бурятском) социуме механизмов преодоления синдрома страха после перенесения чужой агрессии путем замещения реального события фольклорными сюжетами и образами.

Список литературы

Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека. – М.: Научный мир, 2006. – 276 с.

Бурятские летописи / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова. – Улан-Удэ, 1995. – 198 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – 621 с. – (Тр. ИЭ АН СССР, нов. сер.; т. LV).

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 1. – 493 с.

Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году: дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева // Зап. ИРГО. – СПб., 1882. – Т. X, вып. I. – 215 с.

А.В. Бауло

Институт археологии и этнографии СО РАН

СВЯЩЕННОЕ МЕСТО СЕВЕРНЫХ МАНСИ В БАССЕЙНЕ СТАРИЦЫ НОРКОЛН-УРАЙ

Святилище некогда находилось на левом берегу речки, вытекающей из старицы Норколн-урай (манс. «Зимнего дома старица») и впадающей слева в Северную Сосьву выше пос. Верхнее Нильдино (Березовский р-н ХМАО-Югры). Фактически это небольшой холм у реки, который местные жители называют *Ялпынг-нел* «Священный мыс».

Информация о данном святилище крайне скудна: известно лишь, что его происхождение связано с шаманом из рода Вынгелевых, некогда жившим здесь. После смерти шамана место приобрело высокий сакральный статус *ялпынг ма* «священной земли». За тропинку, идущую параллельно реке, мог заходить только хранитель места. По рассказам манси, в середине XX в. здесь стоял священный амбарчик; упоминались сразу 4 старика-хранителя.

К сожалению, осенью 2010 г. здесь случился большой пожар. Когда в 2011 г. мы оказались на святилище, то вокруг все было завалено упавшими деревьями. Возможно, в пожаре сгорел и амбарчик (удалось найти лишь доски пола). Сохранились 4 больших медных котла (предположительно изготовленных в XVI–XVII вв.). Скорее всего, в них варили мясо жертвенных животных. Обнаружены монеты: полтинник 1724 г., несколько серебряных гривенников времён правления Елизаветы и Екатерины II, две копейки 1797 г. Здесь же найдена гарда от шпаги конца XVIII в. Это позволяет с осторожностью предположить, что упомянутый шаман жил на рубеже XVIII–XIX вв.

В дальней части ритуальной площадки удалось найти фрагмент серебряного фольгового наруча, браслет из витой медной проволоки, бронзовую и медную круглые бляшки.

Наруч. Размеры 10,2 (изначально 10,8)×6 см. Серебро, тиснение на матрице. Представляет собой овальную пластину, края которой загнуты на оборотную сторону, зажимая медную проволоку (диаметр 2 мм). Проволока служит каркасом (сохранился лишь небольшой кусок). Лицевая сторона изделия украшена орнаментом. На краю лицевой части пластины грубо пробито отверстие.

Браслет. Диаметр ок. 6 см. По мнению К.А. Руденко, высказанному в письме к автору статьи*, изделие подражает или переделано из шейной

*Благодарю К.А. Руденко за консультации и атрибуцию ряда находок

гривны IX–X вв., типичной для Прикамья. Браслет характерен для Зауралья XI–XII вв. и позднее.

Бронзовая бляшка. Диаметр 6 см. Украшена лепестковым орнаментом. По краю пробиты три отверстия.

Медная бляха. Диаметр 8 см. По краю имеется накладная полоска. К.А. Руденко отнес изделие к XVII в.

При повторном осмотре места летом 2013 г. обнаружены остатки трех священных сундучков, раздавленных выросшим над ними деревом. Судя по найденным в них монетам (с конца XIX по 1950-е гг.), сундучки перевезены на святилище из близлежащего поселка не ранее середины XX в. (видимо, после смерти хозяев). Предметы из ткани не сохранились, дошли только фрагменты серебряного позумента. Остальные культовые атрибуты можно условно разделить на две группы: «археологические» находки и изделия русских мастеров XIX в.

К первой группе относятся изделия из бронзы (фрагмент зеркала, кельт, зооморфная подвеска) и серебра (очелье и фрагмент круглого диска). Вторичное использование древних артефактов – часто встречаемая практика в ритуальной обрядности обских угров.

Во второй группе – два медных блюдца (со сценами охоты), серебряный наруч, детская игрушка-погремушка с пятью колокольчиками, 12 медных колокольчиков рубежа XIX–XX вв. (некоторые из них были вставлены друг в друга: скорее всего, так хранили «фурнитуру» для жертвенных покрывал).

Фрагмент зеркала (сарматская культура). Бронза. Первоначальный диаметр ок. 10 см. В центре выполнена шестилепестковая розетка. В отбитом крае подрублено два небольших треугольника: возможно, для закрепления сухожильной нити при фиксации зеркала на фигуре духа-покровителя.

Кельт. Бронза. Размеры 9,6×5,6 см. Обе стороны изделия разделены на 3 части орнаментом из двух пар вертикальных рельефных линий. В центре кельта имеется овальное отверстие.

Подвеска зооморфная. Бронза. Размеры 12×9 см. Представляет собой сложносоставной крюк с двумя лопастями, выполненными в виде плоских голов коней. Противоположенный конец оформлен обращенными друг к другу фигурками зайцев. Похожий по форме крюк с навершием в виде фигурки медведя найден в священном сундучке хантов в Шурышкарском р-не ЯНАО [Бауло, 2011, кат. 251].

Очелье. Серебро. Размеры 42×3,4 см. Представляет собой прямоугольную ленту с длинными суженными концами. Посередине длинной оси ленты пробиты 8 отверстий, к которым прикреплены 6 серебряных полусфер (2 из них утеряны): 2 – с привесками, 3 – с цепочками для привесок. Привески вырезаны в виде летящих птиц, возможно, из фрагментов подобной орнаментированной ленты. На обеих привесках сохранился орнамент – крупная розетка. Похожая пластина была в составе украшений т.н. «Казымской бабы» [Бауло, Федорова, 2005, рис. 13]. Н.В. Федорова относит такие изделия к XVI–XVII вв. [Бауло, Федорова, 2005, с. 146–147]. В поздней этнографической практике подобные очелья могли использовать для украшения фигур духов-покровителей или на медвежьем празднике (как «богатырские» очелья участников драматических сценок).

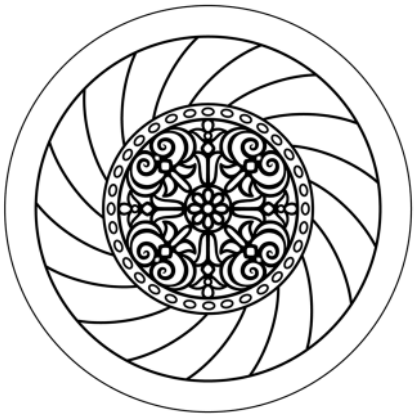


Рис. 1. Фрагмент серебряного диска (прорисовка).

Фрагмент круглого диска (рис. 1). Серебро. Первоначальный диаметр 12 см. Тиснение по матрице. В центре диска выполнен круглый медальон с композицией из четырех цветков, обращенных в центр, к круглой рифленой розетке. Края диска оформлены широкой полоской, к которой от медальона отходят радиальные выпуклые полоски. В диске пробито несколько отверстий, часть которых, вероятно, предназначалась для скрепления сломанных фрагментов, а другие сделаны для пришивания диска на какой-то ритуальный предмет. Диск изготовлен, предположительно, в XVI–XVII вв. По мнению К.А. Руденко, «мотивы орнамента типичны для казанских татар. Самые ранние (мотив тюльпана) встречаются на металлических ордынских зеркалах XIV в., но ближе, скорее всего, такие мотивы на казанско-татарских надгробиях первой половины XVI в. В дальнейшем этот мотив продолжается в декоративно-прикладном татарском искусстве до этнографического времени. О времени изготовления косвенно свидетельствует и сложность рисунка – очевидное среднеазиатское влияние» (из письма к автору).

Блюдце с изображением сцены охоты. Медь. Диаметр 10,8 см. Чеканка, гравировка. В центре блюдца изображен олень, по краю – охотник с луком и две собаки. Изготовлено в г. Тобольске или одном из ремесленных центров севера Западной Сибири в 1830-е гг.

Блюдце с изображением сцены охоты. Предмет аналогичен предыдущему. Диаметр 8,6 см. В крае пробиты 2 отверстия для крепления.

Подобные металлические блюдца в обрядовой практике хантов и манси использовались следующим образом: для оформления фигур духов-покровителей, в качестве сосуда для жертвенной крови или пищи, как подношение божеству *Мир-сусне-хуму*, в виде жертвенного дара с магической целью, как атрибут медвежьего праздника [Прыткова, 1949; Бауло, 2013].

Овальная пластина с изображением оленя на фоне деревьев и кустов (рис. 2). Серебро. Размеры 10,6×6,7 см. Чеканка. Изготовлено в г. Тобольске в 1820-е гг. Край изделия оформлен валиком с насечками. По краю пластины в четырех местах пробито по 2 отверстия. Над головой оленя выбито клеймо тобольского мастера Петра Тимофеевича Брюханова – «П•Б». Мастер записан в делах Тобольского архива по Тобольской ремесленной управе в 1788 г. (в возрасте 30 лет) и упоминается вплоть до 1819 г. Самое позднее блюдце его изготовления датируется 1822 г. [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 91, рис. 83, *1*]. До настоящего времени было известно 16 изделий с клеймом П.Т. Брюханова: 11 блюдец, 3 прямоугольные плас-

Рис. 2. Серебряная овальная пластина с изображением оленя. Тобольск, 1820-е гг.

тины и две мужские статуэтки. Овальная пластина работы этого мастера встречена впервые. Следует напомнить, что овальных пластин с изображением оленя в составе культовой атрибутики хантов и манси обнаружено немного (выполненные из серебра ранее известны не были). По форме они имитируют щитки для защиты запястий при стрельбе из лука.

Игрушка-погремушка. Представляет собой 5 колокольчиков на деревянной ручке. Могла использоваться в драматических сценках на медвежьем празднике [Бауло, 2009, с. 64–65].

Несмотря на фрагментарность находок, связанную в основном с разрушением священного места от времени и пожара, необходимо отметить достаточно многочисленный набор древних артефактов, вошедших в религиозно-обрядовую практику манси. Важным является фиксация обстоятельств возникновения святилища, связанных с фигурой некогда проживавшего здесь шамана.

Список литературы

Бауло А.В. «Арлекин» – остяцкий идол // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 111–118.

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.

Бауло А.В. Продолжение традиции: металлическая посуда русских ремесленников в обрядах обских угров // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 3. – С. 96–107.

Бауло А.В., Федорова Н.В. Фигура духа-покровителя казымских хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 3. – С. 140–150.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Прыткова Н.Ф. Металлическая культовая посуда у угров // СМАЭ. – 1949. – Т. 10. – С. 39–46.

Е.А. Бельгибаев

Институт археологии и этнографии СО РАН

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛА ПИЛЬНО НИЖНЕ-КУМАНДИНСКОЙ ВОЛОСТИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года)*

В настоящее время материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. являются одним из не многих высокоструктурированных исторических источников по этнодемографии, хозяйству и природопользованию коренного тюркоязычного населения северных предгорий Алтая начала XX в. – кумандинцев, тубаларов и челканцев. Составной частью этих данных являются подворные переписные карточки по кумандинскому населению с. Пильно Нижне-Кумандинской волости Томской губернии. Ныне этот населенный пункт входит в состав Красногорского района Алтайского края.

Статистический материал анализировался с использованием базы данных на основе Майкрософт ACCESS 2003 г.** При анализе использовалась выборка по 35 домохозяйствам кумандинского населения с. Пильно (КГКУ ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 194).

Ландшафтная специфика района расселения рассматриваемой группы и более ранняя его колонизация русскими переселенцами во многом определила особенности хозяйственного развития Нижне-Кумандинской волости по сравнению другими территориями северных предгорий Алтая. В 35 домохозяйствах было зафиксировано 223 чел., в т.ч. 111 мужчин и 112 женщин.

Земли, использовавшиеся кумандинцами, находились исключительно в общинном землевладении. Анализ материалов свидетельствует о земледельческо-скотоводческом характере хозяйства. При этом под пашню и покос отводилось почти равное количество десятин. Особенностью

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Трансформация этнокультурных ландшафтов Алтая в условиях изменения природной и социокультурной среды» (№ 12-31-01254-а2) и гранта РФФИ «Оценка человеческого потенциала и социальной мобильности коренных народов Западной Сибири в контексте модернизационных процессов (XX – начало XXI вв.)» (№ 13-06-00821А).

**Приложение создано для накопления и обработки данных сельскохозяйственной переписи 1917 г. сотрудниками кафедр архивоведения и отечественной истории АГУ (г. Барнаул).

скотоводческой деятельности кумандинцев с. Пильно является также широкое распространение сенокошения, что не характерно для традиционного хозяйственного комплекса указанной группы населения и северных алтайцев в целом. Вероятно, уже на рубеже XIX–XX вв. в системе природопользования произошли изменения и не без культурного влияния русского населения края. Заготовка сена в качестве корма для домашних животных стала экономической базой для развития животноводства в Нижне-Кумандинской волости.

Спецификой хозяйственного развития с. Пильно по сравнению с таежными районами северных предгорий Алтая в рассматриваемое время стало интенсивное развитие земледелия. В сельскохозяйственный оборот было вовлечено 234,5 дес. При этом земледельческой деятельностью занимались 29 из 35 кумандинских хозяйств с. Пильно. В пахоте участвовали 43 мужчины (38,7 % всего муж. населения) и 5 женщин (4,5 % всего жен. населения) в возрасте от 14 до 55 лет, а в уборке урожая – 53 мужчины (47,7 %) и 43 женщины (38,4 %). Обращает на себя внимание количество обрабатываемых земель: в среднем на одно домохозяйство приходилось 8,1 дес.

Весьма широким был спектр высеваемых сельскохозяйственных культур. На первом месте из культивируемых злаков стояла яровая пшеница (51,1 %), на втором – овес (36,2 %), на третьем – просо (5,8 %), на четвертом – ячмень (2,1 %), на пятом – яровая рожь (0,1 %). Из технических культур высевалась конопля (2,6 %) и лен (2 %). Таким образом, кумандинское население с. Пильно из всех высеваемых культур предпочтение отдавало яровой пшенице и овсу (86,3 %), что свидетельствует о земледельческо-скотоводческой направленности хозяйственного комплекса. В лесо-таежных районах северных предгорий Алтая, в отличие от предтаежной зоны, высевался преимущественно более устойчивый к заморозкам ячмень.

Важную роль в хозяйственном комплексе кумандинцев с. Пильно играло скотоводство. В видовом отношении домашний скот группировался следующим образом: лошади, крупный рогатый скот (КРС), мелкий рогатый скот (МРС), свиньи. Совокупная численность домашних животных – 661 голова, что требовало значительных трудозатрат при заготовке сена. В косьбе участвовало практически все трудоспособное население – 99 чел. обоего пола (44,4 % жителей), в т.ч. 54 мужчины (48,6 % всего муж. населения), 45 женщин (40,2 % всего жен. населения).

Одно из ведущих мест в скотоводстве кумандинцев занимало коневодство. Лошадей разводили в 34 хозяйствах из 35. Всего насчитывалось 197 лошадей, в среднем 5,5 голов на одно хозяйство. От 1 до 3 лошадей держали в 12 хозяйствах (23 головы, 11,7 %), 4–6 – в 9 (44 головы, 22,3 %), 7–9 – в 8 (70 голов, 35,5 %), более 10 – в 5 (55 голов, 30 %) (табл. 1). Опираясь на приведенные данные, можно говорить о том, что лошади, в основном используемые в качестве тягловой силы во время полевых работ, полностью удовлетворяли хозяйственные потребности рассматриваемой группы кумандинцев. В целом их доля в составе домашнего скота составляла 29,8 %.

Таблица 1. **Группировка хозяйств (ед.) по количеству лошадей**

Номер переписной карточки	1–3 головы	4–6 голов	7–9 голов	10 и более голов
10	–	–	–	12
12	2	–	–	–
13	2	–	–	–
15	–	–	8	–
16	3	–	–	–
17	3	–	–	–
18	–	5	–	–
19	–	4	–	–
20	–	–	–	10
21	–	–	8	–
42	1	–	–	–
55	–	–	8	–
56	–	5	–	–
57	1	–	–	–
58	–	–	–	10
60	–	–	–	12
61	–	4	–	–
63	–	–	8	–
64	–	5	–	–
65	–	–	8	–
66	–	–	7	–
68	–	6	–	–
71	–	5	–	–
72	–	–	7	–
73	3	–	–	–
74	–	–	8	–
75	–	–	8	–
76	3	–	–	–
77	–	6	–	–
78	1	–	–	–
79	1	–	–	–
80	1	–	–	–
81	–	4	–	–
90	–	–	–	11
99	2	–	–	–
Всего	*23 (11,7 %)*	*44 (22,3 %)*	*70 (35,5 %)*	*55 (30 %)*

Немаловажное место в скотоводстве кумандинцев с. Пильно занимало разведение КРС. Численность стада на момент переписи в рассматриваемых 35 хозяйствах составила 176 голов (табл. 2). При этом в основном держали коров (107 голов, 60,8 % общего поголовья КРС). В составе домашнего стада удельный вес КРС был равен 26,6 %.

Таблица 2. **Состав взрослого рогатого скота**

КРС	Количество (ед.)	Удельный вес (%)
Быки старше 2-х лет	12	6,8
Коровы	107	60,8
Нетели старше 1,5 лет	36	20,5
Бычки от 1,5 до 2-х лет	18	10,2
Подтелки и бычки от 1 до 1,5 лет	3	1,7
Всего	*176*	*100*

Высокий процент содержания коров определенно стимулировался наличием маслодельного завода. На это указывает также следующий факт: основная масса кумандинского населения состояла в маслодельном кооперативе с. Пильно. Некоторые инородцы непосредственно работали на предприятии. Их профессии обозначены как «служащий мас. з.», «мас. мастер».

Мелкий рогатый скот у кумандинцев с. Пильно был представлен овцами и козами. Их разводили в 28 из 35 хозяйств. Численность МРС составляла 188 единиц, т.е. в среднем 6,7 голов на одно хозяйство (табл. 3). Почти половина поголовья МРС (47,8 %) была сосредоточена в 8 хозяйст-

Таблица 3. **Группировка хозяйств (ед.) по количеству овец и коз**

Номер переписной карточки	1–3 головы	4–6 голов	7–9 голов	10 и более голов
1	2	3	4	5
10	–	–	–	10
13	2	–	–	–
15	–	–	8	–
16	–	4	–	–
17	3	–	–	–
18	–	–	–	11
19	–	4	–	–
20	–	–	–	11
21	–	–	8	–
55	1	–	–	–
58	–	–	–	11
60	–	–	–	13
63	–	6	–	–
64	–	–	7	–
65	–	6	–	–
66	–	5	–	–
68	–	–	–	11
71	–	–	8	–

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5
72	–	5	–	–
73	2	–	–	–
74	–	–	–	10
75	–	6	–	–
76	3	–	–	–
77	–	4	–	–
81	–	–	7	–
89	–	6	–	–
90	–	–	–	13
Всего	*11 (5,9 %)*	*46 (24,4 %)*	*38 (20,2 %)*	*90 (47,8 %)*

Таблица 4. **Группировка хозяйств (ед.) по количеству свиней**

Номер переписной карточки	1–3 головы	4–6 голов	7–9 голов	10 и более голов
10	2	–	–	
12	1	–	–	–
15	3	–	–	–
18	1	–	–	–
19	1	–	–	–
20	–	–	–	13
21	–	–	9	–
55	3	–	–	–
56	1	–	–	–
58	–	5	–	–
60	1	–	–	–
61	1	–	–	–
63	1	–	–	–
64	–	–	7	–
65	–	6	–	–
66	–	–	9	–
68	–	4	–	–
72	–	5	–	–
74	3	–	–	–
75	–	–	–	10
77	–	–	8	–
81	1	–	–	–
89	2	–	–	–
Всего	*21 (21 %)*	*20 (20 %)*	*33 (33 %)*	*23 (23 %)*

вах, где их численность превышала 10 голов. Таким образом, на момент переписи разведение МРС имело паритетное значение в хозяйственной деятельности кумандинцев с. Пильно наряду с коневодством и содержанием КРС. Доля МРС в домашнем стаде составляла 28,4 %.

Новым явлением в развитии скотоводства пильненских кумандинцев было свиноводство, заимствованное у русского населения края. Оно совершено не было характерно для других групп коренного тюркоязычного населения северных предгорий Алтая, особенно его таежной зоны. Свиней разводили 23 кумандинских хозяйства с. Пильно. Тем не менее, количество свиней было значительным – 100 голов, т.е. 15,1 % всего домашнего стада (ср.: лошадей 29,8 %, МРС 28,4 %, КРС 26,6 %). В среднем на одно домохозяйство приходилось 4,3 свиньи. По отдельным хозяйствам свиньи распределялись сравнительно равномерно (табл. 4). Лишь в 4 хозяйствах, где содержалось от 7 до 9 голов, доля свиней составила 33 %.

Анализ материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. характеризует хозяйство кумандинцев с. Пильно как развитое земледельческо-скотоводческое. Процессы модернизации традиционного хозяйственного комплекса здесь проступили наиболее рельефно по сравнению с другими районами Северного Алтая. В сельскохозяйственный оборот были включены практически все удобные для земледелия земли. При ее обработке широко использовались однолемешные плуги, что характеризует пашенное земледелие. При уборки урожая использовались передовые для того времени сельскохозяйственные машины. Практически все кумандинское население было включено в товарно-денежные отношения: через участие в кооперативах, аренду или сдачу земель (под покос или посев) за деньги, найм сельскохозяйственных рабочих (поденных, сроковых, сдельных, «помочь»).

Стадо с. Пильно отличалось значительным количеством и видовым разнообразием. Экономической основой для развития скотоводства стало широкое распространение сенокошения, что позволяло содержать больше домашних животных. Что касается традиционных для кумандинцев и северных алтайцев присваивающих отраслей хозяйства – охоты, рыболовства, собирательства, то сведения о них в переписных листах отсутствуют.

Н.А. Березиков, А.А. Люцидарская

Институт археологии и этнографии СО РАН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В СИБИРИ XVII В. КАК СТРЕССОГЕННЫЙ ФАКТОР*

Стрессовые ситуации, которым с избытком подвергались колонисты-первопоселенцы в Сибири XVII в., являлись причинами возникновения негативных настроений и конфликтов [Люцидарская, Майничева, 2012, с. 370–371]. В фокусе нашего исследования находились акты групповой агрессии.

Обычно проявления негативных эмоций имели конкретную основу. Поводов для недовольства местными властями находилось множество: взяточничество, кумовство и иные поступки, выходящие за рамки сложившихся норм поведения. Они коренились в проблемах, связанных с выдачей «государева жалованья». Например, волнения в Кузнецке в 1640-е гг. начались с известия о задержке судов с хлебом.

Часто всплески негативных настроений провоцировались воеводскими запретами на торговлю с коренным населением Сибири. При этом зачастую сталкивались корыстные интересы воевод и рядовых казаков, поскольку торговля с аборигенами была чрезвычайно выгодна. Так, в Томске в начале 1630-х гг. действия воеводы Петра Пронского вызвали негодование. Он наложил запрет на торговлю с калмаками, однако допускал к торговле «своих» людей (РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 819. Л. 12).

Определенную роль в возникновении волнений среди служилого люда играли слухи о бунтах и восстаниях, происходивших на территории страны в «смутное время». Сведения, преодолевая огромное расстояние, подвергались корректировке и мифологизации.

Агрессивный ропот казачьей толпы в Сибири XVII в. чаще всего приводил к составлению письменного обращении на имя царя с просьбой завести «государево дело» на обидчиков. «Изветные» челобитные рассматривались в Сибирском приказе. Подобные жалобы колонистов носили персонифицированный характер и были направлены против определенных личностей, не затрагивая вопросов устройства социального порядка.

Жалобщики не скупись на преувеличения, припоминая все обиды. В челобитной томичей 1630 г. на воеводу П. Пронского очень красочно

*Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН № 87.

описывались все «беззакония» воеводы: «Князь Петр де тех людей метал а тюрьму и протаможье на них правил и батоги и кнутьем бил нещадно для своей корысти в торгу…» (РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 819. Л. 10 об.).

Однако не редки были случаи, когда дело не ограничивалось подачей челобитной, тогда в ход пускалось насилие. Так, в 1648–1649 гг. в г. Томске развернулось движение против местных воеводских властей. Зачинщиком томской смуты являлось служилое население. Горожане разделились на сторонников воеводы О. Щербатого и его ярых противников. Началось все по обыкновению с челобитных на имя царя в надежде на «высокую милость». Кульминацией стала неприкрытая агрессия, выразившаяся в погромах сторонников воеводы с применением физической расправы. Так, подьячий Макар Колмогоров получил 150 ударов, при этом говорилось: «Не научай сказывать государевых дел и сам не посылай к Москве изветных челобитных». Подобная участь постигла и иных сторонников конфликта. В результате смуты были нарушены многие элементы жизнеобеспечения города. Воевода был фактически отстранен от власти. Наивные надежды на «царскую милость» не оправдались, и вновь назначенная администрация начала следственные мероприятия. Бунтовщикам было определено наказание, вплоть до ссылки в отдаленные районы Сибири [Покровский, 1989, с. 20–372].

Красноярская «смута» 1694–1696 гг., связанная с изгнанием воеводы С. Дурново, как и томская, вылилась в насильственные действия местного служилого населения города. В 1695 г. прежний воевода М. Башковский уговаривал красноярцев, «чтоб они ото всякие шатости перестали и не были б таковы, как преж сего воровал Стенька Разин». Однако обращение не возымело результата. Среди служилых людей лидировали авторитетные «дети боярские», которые агитировали и рассылали по деревням «смутные письма». Очень скоро это привело к тому, что на улицах города забили барабаны, на площади перед церковью собралась большая толпа служилых людей с оружием и атрибутами военного строя. Толпа выдвинула требование «отказать» (т.е. отстранить) М. Башковского от воеводства.

Действия нового воеводы С. Дурново тоже были далеки от образцов дипломатии. Результат его политики оказался плачевным: воеводу стащили с постели за ногу, били под бока и в одном нижнем кафтане сбросили с лестницы. После побоев и унижений С. Дурново решили утопить. Воеводу посадили в лодку, нагруженную камнями. С трудом ему удалось отплыть. Только умелые действия письменного головы С. Лисовского, взявшего ответственность на себя, смогли предотвратить трагический исход событий [Бахрушин, 1959, с. 184–192].

Аналогичными по силе влияния на негодующую толпу оказались в 1641 г. действия кузнецкого воеводы. Он пытался «замирить» казаков, собравшихся по вопросу доставки хлеба (РГАДА. Ф. 214. Ст. 136. Л. 769).

Волнение городских и «подгородных» жителей г. Тобольска в 1638–1639 гг. было направлено против боярского сына Саввы Фран-

цуженина. «Русские люди и татаровя, и бухарцы» грозились его «с яру кинуть в Иртыш реку». Разрешилось все примирением сторон при содействии архиепископа Нектария (РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 561. Л. 399–402, 411–420).

Следует иметь в виду, что такие сдерживающие факторы, как манипуляции воевод или содействие представителей церкви, лишь подавляли эмоции, которые порождала социокультурная обстановка. Рано или поздно они, так или иначе, выплескивались.

Непростая адаптация к условиям Сибири порождала конфликтные ситуации внутри наиболее мобильной и организованной среды государевых служилых людей. Этническая и географическая неоднородность колонистов только усугубляла ситуацию, поскольку происходило столкновение различных культурных традиций. Причинами возникновения стрессов служили также угрозы со стороны автохтонов края на фоне нестабильных условий жизнеобеспечения. Для правильного понимания «бунтов» следует учитывать, что жители города, прежде всего казаки, находились в условиях постоянной военной угрозы со стороны «немирных» местных жителей (например, енисейских кыргызов). Непреходящее состояние стресса от разорительных набегов накладывало отпечаток на психологическое состояние служилых людей, внутренне готовых к проявлению крайних форм агрессии. «Бунты» против властей происходили и в разных сибирских городах, но красноярские события 1694–1696 гг. явились наиболее яркими по степени концентрации агрессии.

В особо «взрывоопасную» группу попадали т.н. «новоприборные» казаки, присланные в Сибирь «по прибору». Вновь прибывшие казаки сразу же столкнулись с трудностями, целиком завися от жалованья. Накопление недовольства в их среде можно считать в определенной мере оправданным. Казаки надеялись на «сытую» жизнь в Сибири. Для осуществления надежд требовалось время, однако бунтовать было проще и понятнее. Не имея обустроенного быта и иных доходов, они выражали недовольство простыми и доступными для них способами, прибегая к насилию и грабежам. Например, в г. Енисейске «новоприборные» казаки после того, как их требования хлебного и денежного жалованья не приняла воеводская администрация, стали «с великим невежеством» угрожать воеводе и «городовые ворота ломали и притворы выломали и около острога окрики чинили». Подобные действия происходили и в Маковском остроге, где казаки разграбили запасы торговых людей [Леонтьева, 1973, с. 96–97, 103].

Судя по анализируемым материалам XVII в., в применении крайних форм агрессии не была заинтересована ни одна из конфликтующих сторон. Нами выявлено несколько способов элиминации деструктивных проявлений конфликта и преобразования их в культурно-приемлемые формы. Выше уже отмечался факт почти повсеместного использования челобитных. Тексты большинства челобитных свидетельствуют, что жалобщики затратили немало времени и ментальных усилий, выплескивая негативные эмоции. Возможно, именно это предотвратило многие выступления с применением насилия против власти.

Кроме того, одной из скрытых форм агрессии являлись побеги казаков. Не справившись с трудностями адаптационного периода, некоторые казаки бежали к привычной жизни. Такие случаи были характерны для начального периода колонизации региона. В Томске в конце второго десятилетия XVII в. по наущению казака Тимофея Сеченого пытались бежать «к Руси» 20 служилых людей, получивших наказание в г. Тобольске (РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 819. Л. 4–4 об.).

Другой способ ухода от применения физического насилия заключался, по всей видимости, в смене физических мер воздействия на «оппонентов» вербальными реакциями: угрозами и бранью, как говорили в те времена, «лаем». Это фиксируется в целом ряде челобитных XVII в. в таких формулировках: «Учал мне, холопу твоему отказывать невежливо и лаял меня…» (РГАДА. Ф. 214. Ст. 136. Л. 372). К воеводскому окружению, а тем более к самому воеводе, положено было обращаться с уважением, не употребляя прозвищ и использовавшихся в быту уменьшительных имен. Назвать человека, стоящего выше по социальному положению, «полуименем» приравнивалось к оскорблению и означало попытку символического лишения статуса. Часто в обвинениях фигурирует обида на подобные оскорбления: «И бранил и полуименем называл…» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. № 1770. Л. 5 об.–6).

Таким образом, конфликтные ситуации среди переселенческого населения зависели от экономического состояния общества. Они усугублялись непродуманными и провоцирующими действиями местных властей, происходили в условиях стрессовых ситуаций, причинами которых служили угрозы со стороны автохтонных жителей края и конфликтным потенциалом этнической и географической неоднородности служилых людей, представителей различных культурных традиций.

Список литературы

Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. IV. – 259 с.

Леонтьева Г.А. Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). – М.: Наука, 1973. – С. 94–105.

Люцидарская А.А., Майничева А.Ю. Судные дела Томской съезжей избы как источник для исследований этносоциальных аспектов поведения человека // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012.– Т. XVIII.– С. 370–373.

Покровский Н.Н. Томск 1648–1649 гг.: воеводская власть и земские миры. – Новосибирск: Наука, 1989. – 388с.

А.Н. Блинова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

НЕМЕЦКАЯ СЕМЬЯ И СОВЕТСКАЯ ШКОЛА (точки соприкосновения)*

Сложно переоценить роль семьи в процессе социализации ребенка, в т.ч. в становлении ребенка как члена этнической группы. При этом следует четко осознавать, что характеристики семьи в исторической ретроспективе постоянно изменялись, как и методы, механизмы передачи культурно значимой информации. Отношения в семье – своеобразный слой этнической памяти народа. Традиции и характер отношений в семье определяет множество отдельных факторов: этническая принадлежность, общий уровень культуры, религиозность, индивидуальный опыт построения ролевых отношений, особенности состава семьи и финансовое положение в ней, черты характера и половозрастные особенности личности [Психология…, 2002, с. 9]. В ходе исторического развития складывались нормы и определялись ценности семьи, возникали варианты семейного уклада, характерные признаки и принципы семейного поведения. Семья представляет собой сложную систему связей и отношений индивидов, обусловленную как внутренними, так и внешними процессами [Блинова, Чернова, 2009, с. 91].

Однако семейное воспитание не может обеспечить адекватную подготовку ребенка ко всем формам жизнедеятельности. Отсюда вытекает необходимость вторичной социализации. Основными агентами вторичной социализации являются религиозная община, школа и другие институты, которые часто вступают в сложные и противоречивые отношения с семейным воспитанием. Именно на проблеме взаимодействия семьи и школы в советский период мы остановимся в данной статье.

Первые десятилетия советской власти характеризовались лояльным отношением к национальной немецкой школе. Важнейшим мотивом к открытию школ были религиозные потребности. Главной задачей учителя являлась подготовка детей к конфирмации, вступлению в религиозную общину. Именно поэтому часто учителем был *пастор* (*пресвитер* или *кистер*). К 14 годам подросток должен был уметь читать и понимать Библию.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-31-01043).

Для немецких колонистов, принадлежавших к иной, чем окружающие их русское население, конфессии и говоривших на другом языке, церковь была центром общения. Именно с ней связывалось воспитание и обучение детей. После 1917 г. национально-государственное строительство пошло по пути создания территориальных автономий. Развитие немецкой школы проходило в рамках Автономной республики немцев Поволжья, национальных районов и сельсоветов.

Ситуация изменилась в ноябре 1928 г., когда Центральный совет Союза безбожников СССР начал кампанию против религиозных учреждений, в т.ч. против религиозной пропаганды в школах. Сначала запретили преподавание Закона Божьего, а именно этот предмет в немецкой школе считался основным. Из сельских школ стали изгонять старых учителей «за религиозный уклон в преподавании». Общины лишились права бесплатно пользоваться молитвенными домами [Белковец, 1996, с. 101].

В апреле 1929 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) и СНК, которое вводило наказание за преподавание вероучения детям и подросткам, за религиозную и «антисоветскую» пропаганду. Именно из-за планомерной антирелигиозной политики советского государства стало нарастать недовольство немцев властью. Наибольшее сопротивление новым мероприятиям оказали жители меннонитских поселков. Меннониты перестали регистрировать школы в отделе образования. Родители враждебно встречало новых учителей, которых направлял отдел образования, т.к. они «отчуждают детей от семьи» [История и этнография…, 2009, с. 363]. Чтобы сохранить влияние на молодежь и продолжить их религиозное воспитание меннониты пошли на создание различных культурно-просветительских кружков и обществ. Безуспешными были на первых порах попытки внедрить в немецкие школы пионерское и комсомольское движение.

Степень влияния родителей на подростков напрямую определяла ситуацию с немецкими молодежными коммунистическими организациями. В Исилькульском районе Омской области, в деревнях Маргенау и Гофнунгсталь, существовали два «культурнических» объединения, не имевших шанса перерасти в комсомольские ячейки из-за жесткой позиции родителей [История и этнография…, 2009, с. 271–272]. Такая позиция сохранялась вплоть до 1980-х гг. Яков Абрамович Классен, возглавлявший общину баптистов с. Солнцевка, рассказал случай из жизни его дочери. Во втором классе она пришла домой из школы с октябрятском значком. Зачем нужен значок, учительница не объяснила. Отец тоже не стал этого делать, только сказал: «Выбирай: или ты носишь этот значок, но тогда ты не имеешь права молиться, или ты его снимаешь». Девочка испугалась и долго плакала. Наутро Я.А. Классен пошел вместе с дочерью в школу, отдал учительнице значок и сказал, что его дочь никогда не будет носить таких вещей. Учительница ответила: «Да, вам бы хотелось, чтобы ваш ребенок носил портрет Гитлера» (Архив МАЭ ОмГУ. Ф.-I. 2000. Д. 151–7. Л. 30).

Таким образом, изменилась структура религиозной социализации ребенка: она стала носить латентный семейный характер. Следовательно,

трансформировалась и структура этнической социализации, т.к. конфессия – очень мощный этнодифференцирующий компонент. Функция подробного изучения Писания перешла в семью. Планомерная антирелигиозная политика государства привела к тому, что школа перестала выполнять самую важную, с точки зрения немцев, функцию – религиозное образование детей. Кроме того, ребенка перестали брать на религиозные собрания. Единственным путем знакомства младшего поколения с религиозно-духовной жизнью стало общение со взрослыми родственниками.

С 1930-х гг. началась планомерная работа государства по построению школы советского образца. Все курсы преподавания предметов были основаны на постулатах марксизма-ленинизма с целью создания единой нации – советского человека. Большая роль отводилась в этом процессе не только школе, но и дошкольным учреждениям. Так, в апреле 1930 г. планировалось провести курсы для подготовки воспитателей детских садов для национальных меньшинств. В список слушателей были записаны 10 немок. Обучение должно было происходить в Славгородском округе, в целях «удешевления затрат», т.к. государство не выделяло для этого средств. Нужно отметить, что в том же документе указано, что к 1930 г. в Сибирском крае не было ни одного дошкольного учреждения, которое посещали бы дети немецкой национальности, а одной из основных задач работы с национальными меньшинствами Краевой отдел народного образования считал 100 % охват детей (ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 928. Л. 116).

24 января 1938 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «О реорганизации национальных школ». Русский язык становился языком преподавания, а немецкому языку отводился один час в день. Фактически этот указ завершил процесс ликвидации национальной немецкой школы. Это повлекло за собой изменения в социализации немецкого ребенка. Одним из следствий можно считать развитие устойчивого билингвизма среди немецкого населения Западной Сибири [Черказьянова, 2004, с. 266].

Перевод национальных школ на русский язык повлек за собой ряд проблем. При поступлении в школу большинство детей не знало русского языка, т.к. в семье чаще всего языком общения выступал немецкий язык. Первый год обучения ребенок вынужден был тратить на освоение русского языка. Проблема плохого знания русского языка немецкими детьми сохранялась вплоть до 1960-х гг. В первом классе они осваивали новый для них язык, что замедляло процесс обучения, а некоторые ученики даже оставались на второй год. Например, Светлана Егоровна Шелер, жительница д. Поповка Азовского немецкого национального района Омской области, вспоманала, что после введения в 1938 г. преподавания на русском языке стало очень сложно: «Дома ругали за русский, а в школе – за то, что разговариваешь на немецком. В 1942 г. в деревню приехали депортированные, говорить с ними было невозможно, потому что диалекты были разные, и дети смеялись и дразнили друг друга» (Архив МАЭ ОмГУ Ф.-I. 2004. Д. 167–1. Л. 45).

Хотелось бы отметить, что отход от национальной школы к общесоветской модели принес не только отрицательные последствия. Ребенок,

живший в советской стране, получал образование высокого уровня, что давало ему возможность продолжить учебу в средних специальных и высших учебных заведениях. Хорошее владение русским языком облегчало выполнение производственных функций, продвижение по карьерной лестнице, налаживание личностных контактов с представителями других национальностей. Но ценой этого была частичная потеря национальной специфики и национальной культуры, в первую очередь – языка, что значительно затруднило процесс возрождения национального образования в среде российских немцев.

Однако в последние два десятилетия предпринимаются активные попытки построить систему современного национального образования так, чтобы она была способна решить задачи, которые перед ней ставят. В первую очередь, необходимо обучить ребенка родному языку и приобщить его к национальной культуре.

Список литературы

Белковец Л.П. Политика советской власти в отношении немецкой национальной школы в Сибири в 20-е годы // Российские немцы: проблемы культуры и образования. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 89–106.

Блинова А.Н., Чернова И.Н. Этнография семьи и детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI века. – Омск: Изд. дом «Наука», 2009. – 324 с.

История и этнография немцев в Сибири. – Омск: Изд-во ОГИКМ, 2009. – 752 с.

Психология семейных отношений с основами семейного консультирования. – М.: Академия, 2002. – 192 с.

Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в XVIII–XX вв.). – СПб.: Изд.-полиграф. центр СПбГУТД, 2004. – 368 с.

Ф.Ф. Болонев

Институт археологии и этнографии СО РАН

ОРУДИЯ СЕНОКОШЕНИЯ И УБОРКИ ХЛЕБОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Основой жизнеобеспечения русского крестьянства Забайкалья в обозначенный период было земледелие. Хлеборобы выращивали ярицу, пшеницу, овес, ячмень, гречиху, просо и огородные культуры. В течение года выполнялось несколько циклов сельскохозяйственных работ. Весной производили вспашку полей, посев, боронование. На летне-осенний период приходились два цикла работ: сенокос и уборка урожая. «Лето – припасиха, зима – подбериха». Именно в этот период крестьянину приходилось работать не покладая рук, в прямом смысле в поте лица. Нужно было успеть заготовить корм для животных, вовремя скосить и убрать сено, ибо по народному присловью «Сено и покойник не ждут». Заготовка сена была ежегодной заботой русского крестьянина. Старались использовать каждый погожий день. К тому же тогда не было почти никакой техники, а основными орудиями труда были коса, серп, грабли и вилы.

При знакомстве с литературой о Забайкалье не удалось найти публикаций об уборке зерновых и способах кошения трав. В отдельных работах есть лишь краткая справочная информация: «Хлеб снимали серпами и нередко косами. Молотили, где было можно, на льду или на особо устроенных токах (ладонях). Мололи на водяных мельницах простейшего устройства, а во многих местах на мельницах, устроенных во дворах и приводимых в движение лошадьми» [Забайкалье…, 1891, с. 69]. Подобные описания не дают достаточного представления о крестьянском сенокосе и страде – времени и способе уборки хлебов.

Некоторые данные по нашей теме имеются в статье А.А. Лебедевой [1969, с. 136–137]. Со ссылкой на Центральный государственный архив СССР, она приводит материалы о наиболее распространенных культурах в Забайкалье, которые распределялись следующим образом: «Яровая рожь – ярица занимала 54 % общей посевной площади, затем по площади посева – яровая пшеница (17 %), потом – овес (14 %) и гречиха (9 %). Совсем незначительны были посевы озимой ржи, ячменя и гороха». Озимые при малоснежной зиме вымерзали [Лебедева, 1969, с. 134].

О способе уборки зерновых А.А. Лебедева сообщает: «Созревший хлеб жали серпами, а овес, гречиху и полегший хлеб косили косами ли-

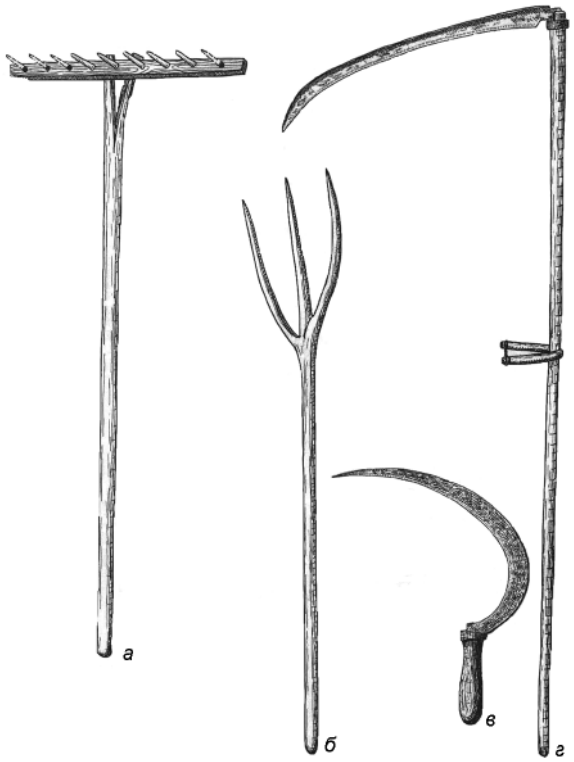


Рис. 1. Орудия уборки урожая.
а – деревянные грабли; *б* – трехрожковые вилы из березы; *в* – серп; *г* – коса.

товками с грабками. Серпы и косы привозили в село для продажи купцы из Нерчинска» [Лебедева, 1969, с. 136].

«Для скашивания низкой травы употребляли косу с длинной ручкой – литовку» [Лебедева, 1969, с. 145].

Как видим, при натуральном хозяйстве орудия уборки трав и хлебов не отличались новизной, а были известны и использовались с незапамятных времен. Так, при сборе урожая с развитием земледелия человек применял серп с каменными вкладышами, а для сенокошения – косу. Древнейшие косы для обеих рук относятся к II–III вв. н.э. Орудия и технология сбора урожая тщательно рассмотрены С.А. Семеновым [1974, с. 245–267].

Описание технологии древнерусских серпов сделал Б.А. Колчин [1953, с. 89–95]. Он исследовал 23 древнерусских серпа с 12 различных памятников и пришел к заключению, что «древнерусский серп имел вполне современную конструкцию и подобная конструкция существует уже в IX веке» [Колчин, 1953, с. 90]. По его измерениям, средняя длина лезвия серпа (по прямой) равнялась 275 мм, ширина – 25–30 мм, а толщина – 3–4 мм.

Рис. 2. Крестьянин И.И. Юрьев держит косу с грабками (с. Большой Куналей, Бурятия). *Фото автора.*

Иногда лезвие древнего серпа насекалось. На черенок серпа надевали деревянную рукоятку [Колчин, 1953, с. 91].

Образцы серпов из европейской части России описаны М.Д. Торен [1967, с. 60–63]. Серпы, находящиеся в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и привезенные из Забайкалья, датированы началом XX в. Их размеры: длина рукояти 12,0–14,5 см; длина лезвия 33 см, ширина 3 см; общая длина около 45–48 см. Серпы изготовлены из железа и дерева. Нож или клинок дугообразной формы выкован из железной полосы.

Мною в экспедициях в Забайкалье (1969–2012 гг.) собран значительный вещественный материал, в т.ч. орудия уборки зерновых и кошения трав. В данной статье дано описание кос и серпов, их использования в сельскохозяйственной практике.

Серп – орудие жатвы. В Забайкалье с Успенья (28 августа) начинали жать хлеб. Жали серпом. Удалые 6 человек за день выжинали 1 десятину, т.е. примерно по 20 соток ярицы. Пшеницу жать было труднее: она короче, росла гуще и жали её чище. Ни одного колоска не пропускали, не оставляли на поле. О нерадивой жнице крестьяне говорили: «Кума сама себя бьёт, коль нечисто жнёт».

Серпом-горбатиком выжинали по 15 соток. Ярицу ставили в *суслоны* следующим порядком: 4 снопа внутри и по 3 снопа по их сторонам. Всего в суслон ставили по 10 снопов. Сжатую пшеницу ставили по 3 снопа в ряд, по 2 снопа сбоку и 3 снопа накладывали сверху для предохранения от осенних дождей. Снопы в суслоны ставили для просушки зерна.

В Большом Куналее Верхнеудинского округа Забайкальской области считали: «Если с суслона (10 снопов) намолачивали 2 пуда ржи (ярицы), то урожай хороший».

Детей приучали жать с 9–10 лет. Жали девочки и мальчики. Косить учили только мужчин. Семейские, начиная жать, срезали несколько колосков (сколько в руку попадет) и затыкали их за спину, говоря: «Как пшеница к земле преклоняется, так и спина моя (имярек) приклоняйся». 3 раза повторяли это присловье-заговор и начинали жать. Это делалось для того, чтобы не болела спина. После жатвы серпы «наряжали»: обвивали соломкой с колосками, затем, повесив серп на плечо, шли домой. Серп, обвитый колосом, «наряженный» на плече означал – отжались, идут со сжатого поля.

Конец жатвы называется *отжинками*. Их отмечали следующим образом. Жарили до красного цвета муку в латке, заваривали её кипятком и доливали свиного жира. Получался *саломат*. Вся семья садилась за стол и отмечала отжинки. Ели саломат, иногда пили вино и говорили: «Слава богу, зародил Господь, а мы отжались». Словом, совершали обряд, посвященный окончанию жатвы. Саломат – обрядовая пища.

За жнитво одной десятины в Забайкалье в конце XIX в. платили от 6 до 9 рублей мужчинам и женщинам поровну. За молотьбу тысячи суслонов – 45 рублей. За косьбу 1 десятины луговой травы – 3,0–3,5 рубля [Болонев, 2012, с. 60] (ГАРБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 24. Л. 3об).

В Забайкалье получила распространение коса-литовка. Она состояла из изогнутого стального ножа, деревянной березовой рукоятки – *косьевища* (*косовища*), на котором крепилась ручка, огибающая древко (поэтому называлась *огибкой*). Ручка крепится на косовище на уровне пупа косаря, если косу «пяткой» поставить на землю.

Хлеба похуже косили косами с грабками. Косой обычно убирали низкорослые культуры (горох, гречиху) или редкую пшеницу, ярицу, ячмень, овес. В таком случае к косе крепили грабки с тремя или четырьмя «рожками». Таким образом скошенная зерновая культура ложилась редком. Ее легче было собирать.

Уборка хлебов косами была результативнее, шла быстрее. Иногда переспевшее зерно осыпалось, что вело к потере урожая. Представляют интерес названия частей ножа косы: *полотнище* (полотно) представляет всю режущую часть; «пятка» прикрепляется к *косьевищу*. Полотно имеет лезвие (*жало*), обух – «спинку», носок – острие. Переход от полотна к «пятке» называется *шейкой*, а конец «пятки» – *бородкой*.

При косьбе задействуют обе руки. Левой держатся за верхний конец косовища, правой – за ручку-огибку. Взмахом косы от правой руки к левой подрезают растения. При правильной установке лезвия коса касается земли только спинкой ножа, т.е. тупой тыльной стороной, а лезвие при-

поднято. После прохождения *прокоса* косу правят *оселком* (бруском). Притупившуюся косу отбивают на широкой *«бабке»* отбойным молотком с узкой ровной полоской. Иногда на самой «бабке» крепилась металлическая узкая полоска. Тогда косу били ровным обухом молотка, поставив лезвие на эту полоску.

В южных районах Бурятии начинали косить травы с Прокопьева дня 8 (21) июля. Основной сенокос начинали с Ильина дня (2 августа). Скошенное сено сушили, большие ряды разбивали или переворачивали граблями. Затем сухое сено собирали в *валы* и складывали в *копны*. Копны свозили на возвышенное место и ставили *стог* или *зарод*. Сено метали на зарод большими трехрожковыми вилами. Кто-либо опытный, находясь на стогу, подхватывал граблями охапки сена и ровно укладывал по площади зарода, суживая его к вершине. Сметанный стог огораживали жердями или плетнем. Зимой возили сено домой на санях.

Таков был способ уборки урожая и заготовки кормов в хозяйстве русских крестьян-старообрядцев, проживающих в Забайкалье. Используя несложные орудия и непрестанно трудясь, благодаря физической крепости, они добивались относительно благополучного существования, часто в экстремальных условиях.

Список литературы

Болонев Ф.Ф. Сокровища земли Тарбагатайской: очерки истории и культуры. – Улан-Удэ; Иркутск: Изд-во ООО «Медиаинформ», 2012. – Т. 1. – 220 с.

Забайкалье: краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. – Иркутск: Изд. Забайкал. обл. стат. ком., 1891.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период). – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 260 с.

Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. – М.: Наука, 1969. – С. 104–188.

Семенов С.А. Происхождение земледелия. – Л.: Наука, 1974. – 318 с.

Торен М.Д. Способы уборки хлебов // Русские: историко-этнографический атлас. Земледелие, крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX века). – М.: Наука, 1967. – С. 60–84.

М.В. Борисова (Пономаренко), Ю.В. Гейбель, Е.В. Ким

Институт археологии и этнографии СО РАН

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ (по материалам полевых исследований в Алтайском крае и Новосибирской области)

В результате ликвидации в 1991 г. СССР и установления с 1 апреля 1993 г. государственных границ Российской Федерации со странами СНГ Алтайский край и Новосибирская область стали граничить с Республикой Казахстан. В регионе сформировалось особое «приграничное сообщество» – социальное пространство, характеризующееся интенсивным взаимодействием различных общностей (этнических, религиозных, культурных), появлением новых форм контактов (приграничные перемещения, «челночная миграция» и проч.), разнообразием этнического состава населения, складыванием «новой полиэтничности» [Стабильность и конфликт…, 2005, с. 7]. Миграционные процессы актуализируют проблему межэтнических взаимодействий в «контактных» зонах. Принято считать, что приграничные регионы России обладают высоким конфликтным потенциалом, что определяет необходимость мониторинга в их пределах.

Для исследования современных миграционных процессов в российско-казахстанском пограничье нами были выбраны находящиеся в непосредственной близости к государственной границе с Казахстаном Кулундинский район Алтайского края и Карасукский район Новосибирской области.

Алтайский край и Новосибирская область отличаются многонациональным составом и разнообразием конфессий. На сегодняшний день здесь проживают представители 140 народов и этнических групп – русские, немцы, украинцы, казахи, татары, белорусы, узбеки, таджики, армяне и др.

При сокращении общего числа жителей Алтайского края и Новосибирской области с 1989 по 2010 гг. (на 402 337 и 112 813 чел. соответственно) доля русских (основного населения регионов) увеличилась на 6,5 % – в Алтайском крае, на 1 % – в Новосибирской области. Доля немцев, второй по численности этнической группы, сократилась с 4,5 до 2,1 % – в Алтайском крае, с 2,2 до 1,2 % – в Новосибирской области. Доля украинцев, третьего по численности этноса, сократилась с 2,7 до 1,4 % – в Алтайском крае, с 1,8 до 0,9 % – в Новосибирской области. Доля казахского населения за 20 лет сократилась в Алтайском крае с 0,7

до 0,3 %, сохранившись на уровне 0,4 % в Новосибирской области. Численности татарского населения Алтайского края и Новосибирской области не изменилась (0,3 и 1 % соответственно) [Российский статистический…, 2012, с. 77; Национальный состав…, 2012, с. 9].

По Кулундинскому району Алтайского края из общего числа населения 77,6 % составляют русские, 8,2 % – украинцы, 7,9 % – немцы, 2,2 % – казахи, 1,4 % – татары. По данным Росстата в 2012 г. миграционный прирост (международная миграция) по Кулундинскому муниципальному району составил 133 чел.: 113 чел. – из стран Балтии и СНГ, 20 чел. – из дальнего зарубежья. Сопоставимые по масштабам миграционные процессы происходят в Карасукском районе Новосибирской области.

По данным на 2012 г. в Карасукском районе Новосибирской области проживает 46 262 чел.: 85,6 % – русские, 4,7 % – немцы, 3,9 % – казахи, 3,6 % – украинцы, 0,8 % – татары [Национальный состав…, 2012, с. 45].

Цель нашего исследования – оценка реакции принимающего сообщества на миграционные процессы в российско-казахстанском пограничье в рамках Алтайского края и Новосибирской области. В июне 2013 г. в г. Карасук Новосибирской области и в с. Кулунда Алтайского края нами проведено 20 экспертных интервью среди чиновников муниципальных администраций и миграционных служб, директоров школ, музеев, библиотек и архивов, врачей и учителей.

Распад СССР и установление государственной границы между Россией и Казахстаном оказали значительное влияние на процессы этнодемографической трансформации в регионе. Представитель миграционной службы г. Карасук указывает, что одновременно с массовой эмиграцией немцев в Германию в 1990–2000-е гг. происходил приток населения из Казахстана.

«В 1996–2003 гг. убывали от нас немцы, уезжали на ПМЖ в Германию из-за развала государства, экономика сумасшедшая, неустроенность, поэтому кто мог, убегал. У нас с. Студеное, с. Октябрьское – это граница с Казахстаном (были немецкими). Но вслед за этим активно заселялся Казахстан».

Эти процессы привели к тому, что в некоторых деревнях полностью поменялся этнический состав.

«…есть деревни, например, Октябрьское, [где] полностью поменялся состав населения. Все немцы уехали в Германию, а вместо них приехали [мигранты] из ближнего зарубежья, в основном из Казахстана. И не одна такая деревня» (слова главврача одной из больниц г. Карасук).

В настоящее время в приграничье наблюдается приток мигрантов в основном из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, а также Армении и Азербайджана. Специалист Кулундинского информационно-консультационного центра поддержки предпринимательства так прокомментировала данную ситуацию:

«Раньше у нас было как? Русские, украинцы, казахи, немцы, татары. У нас 5 были. Я уже в трех переписях участвовала. А вот в 2010 г. появились уже такие национальности, что мы их даже никогда и не слышали».

Что касается интенсивности миграционных потоков, то, по словам представителя миграционной службы с. Кулунда, *«поток мигрантов из года в год [остается] на одном уровне»*. Согласно информации, полученной в миграционной службе г. Карасук, интенсивность потока мигрантов в последние годы отличалась нестабильностью, порой без видимых на то причин:

«[С 2001 г.] активно поехал Узбекистан, Армения, Азербайджан, в этом году опять начал активно ехать Казахстан. Т.е. поток то приостановится, то возобновится».

По оценкам представителя миграционной службы с. Кулунда, расселение мигрантов имеет дисперсный характер: *«Локально [мигранты] не проживают. Везде понемногу»*. Среди сфер занятости мигрантов экспертами перечислены: *«торговля, кафе, строительные бригады»; «строительство либо сельское хозяйство»; «у одного есть перерабатывающий цех, где [он] выпускает соки, какие-то еще овощные консервы»*. Что касается правонарушений, совершаемых мигрантами, то они исключительно административные: *«невыезд по истечению срока пребывания, нахождение на территории в случае утраты миграционной карты, истечения срока действия паспорта»*. Уголовные преступления не зафиксированы.

Касательно отношения местного населения к мигрантами и представителями других этнических сообществ опрошенные эксперты отметили высокий уровень открытости и толерантности.

«Отношение в целом хорошее. Народ уже привык, что у нас кругом вообще одни только иностранцы. В больнице лечат иностранцы, в школах есть учителя из Казахстана. У нас есть ветка, станция Мынкуль, т.е. это российские железные дороги, организация российская, но на ней работают граждане Казахстана» (работник миграционной службы, г. Карасук).

Конфликты на национальной почве не возникают. Заместитель главного врача одной из больниц г. Карасук так объясняет сложившуюся ситуацию:

«У всех отношение доброе. Мне кажется, на Руси всегда такое было. Какие только национальности у нас не приживаются! Откуда только не приезжают! И всех встречают доброжелательно. Не было ни одного случая, чтобы на национальной почве кого-то избили и человек попал к нам в отделение. На моей памяти не было притеснений».

Интересно отметить, что казахское население в исследуемом районе не воспринимается местными жителями как иноэтничное, чуждое. При описании казахов характерны следующие оценки:

«Казахи [у нас] вообще как свои, родные» (зам. главного врача, г. Карасук).

«Если нас перебрать, половина из нас выходцы из Казахстана. Это и русскоязычные и казахи» (работник миграционной службы, г. Карасук).

«Мы никак не воспринимаем [Казахстан] как заграницу, естественно. Потому что жили вот так в открытом сообществе и теперь нам

поставили эту преграду… В наших умах и не было этих границ!» (зам. директора школы, г. Карасук).

Большое значение в Карасукском и Кулундинском районах придается поликультурному воспитанию и образованию.

«*Национальный состав [учеников] у нас очень разнолик. Это русские, немцы, татары, казахи, армяне» (зам. директора школы, г. Карасук).*

Последние два года в школах изучаемого региона проводится «День толерантности».

«*Это обязательно. Это едина акция. Раздаем флаеры с информацией о том, что такое толерантность, что такое интолерантность. Мы все разные, но мы все равны» (зам. директора школы, г. Карасук).*

Однако и несколько лет назад, до начала проведения «Дня толерантности», в школах между учащимися не возникали конфликты на национальной почве, отмечают эксперты.

Таким образом, опрос показал, что ситуацию в приграничных с Казахстаном Алтайском крае и Новосибирской области можно охарактеризовать как стабильную. Ни избыточного перенаселения, ни острой нехватки рабочих мест из-за притока переселенцев, ни резкого увеличения количества преступлений в результате миграции не наблюдалось.

Смешанный характер населения, мирные и добрососедские отношения между представителями различных этнических групп благоприятно сказываются на развитии межэтнического взаимодействия. Вероятность обострения межнациональных отношений в сложившихся условиях, по оценкам экспертов, минимальна, а значит, минимальна угроза региональной безопасности.

Список литературы

Национальный состав населения Новосибирской области (итоги Всероссийской переписи населения 2010 года). – Новосибирск: Изд-во Территор. орган федер. службы гос. статистики по НСО, 2012. – 99 с.

Российский статистический ежегодник. 2012: стат. сб. – М.: Росстат., 2012. – 786 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье: этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. – М., 2005. – 344 с.

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН

САКРАЛЬНАЯ ГОРА *КҮНҮ ТАҒ* В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ХАКАСОВ (конец XIX – XX век)*

В культуре хакасов важное место отводится мифо-ритуальному комплексу, связанному со священными местами – горами, пещерами, водными источниками и пр. В связи с этим известный исследователь А.В. Адрианов, характеризуя традиционную культовую систему этого народа, совершенно верно подметил, что «они обоготворяют силы природы, отдельные предметы – горы, реки, камни, обоготворяют символические изображения в честь того или другого духа, от которого зависит личное благополучие» [1904, с. 36]. Среди многочисленных почитаемых природных объектов особенно ярко выделяется горный массив *Күнү таг.*

Данный сакральный объект более известен в Хакасии и за ее пределами как гора Куня. Она находится близ поселка Усть-Абакан, на левом берегу Красноярского водохранилища. *Күнү таг* привлекает внимание не только священным статусом у коренного населения и открывающейся с вершины живописной панорамой долины р. Енисей, но и наличием уникальных археологических памятников – средневековой крепости *сібее* и многочисленными петроглифами на утесах.

Созвучие хакасского оронима «Күнү таг» с космонимом «Күн» – ‘солнце’, а также проводимый ранее на вершине горы традиционный хакасский обряд *тигір тайыг* – ‘жертвоприношение Небу’, очевидно, привели к появлению такой народно-этимологической трактовке названия, как «Күн таг» – ‘гора солнца’. Эта ошибочная интерпретация в массовом сознании способствовала ассоциации горы с местом, где совершалось поклонение главному светилу – *күн*. В наши дни подобное обозначение данного сакрального пространства широко представлено на сайтах, освящающих вопросы регионального туризма, а также в туристических проспектах и буклетах, рекламирующих активные познавательные туры по священным местам Хакасии. Стоит добавить, что порой в них тиражируется абсолютно надуманная информация об отправлении на *Күнү таг* таинственной обрядности:

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ «Священные места славянских, тюркских, финно-угорских народов в культурном пространстве Западной Сибири. Типология и сравнительный анализ (конец XIX – начало XXI в.)» (№ 12-01-00199а)

кровавого жертвоприношения некой «рыжей лошади» – олицетворению солнца, с последующим расчленением животного и разбрасыванием кусков по четырем сторонам света [Электронный ресурс…, 2013]. Реалии хакасской этнографии не подтверждают факт бытования данного ритуала.

Этимология названия священный горы *Күнү таг* (букв. ‘гора ревности’ [Бутанаев, 1995, с. 55; Хакасско-русский…, 2006, с. 216, 571]) восходит к легенде о безымянном хакасском князе и двух его ревнивых женах. Текст этого фольклорного произведения впервые был опубликован еще в 1833 г. И.С. Пестовым в «Записках об Енисейской губернии» [1833, с. 68–69]. Позднее варианты легенды неоднократно публиковались другими исследователями [Костров, 1852, с. 23–24; 1884, с. 227; Бутанаев, Бутанаева, 2001, с. 74].

Согласно повествованию, ставка легендарного князя располагалась на обозначенной горе. Там же жили и две его супруги – «чудные красавицы, которые так ревновали одна другую, что никак не могли встречаться хладнокровно. Любя равно обеих, князь употреблял всевозможные меры, чтобы устранить всякое столкновение между ними, а потому держал одну жену на одной стороне горы, а другую – на другой. Но во время одной перекочевки, они, несмотря ни на какие предосторожности, сошлись и убили друг друга» [Костров, 1852, с. 24]. По легенде, на перевале, где произошла эта трагическая история, образовалась большая впадина (Архив МАЭС ТГУ. Д. 681-5. Л. 20). В ней на некотором расстоянии друг от друга и захоронили княжеских жен. Поверх могил соорудили большие каменные насыпи *обаа*.

С XIX в. об особом сакральном статусе *Күнү таг* в культуре хакасов неоднократно сообщали многие исследователи. Так, И.С. Пестов по этому поводу писал: «Куна большая каменопесчанная гора, повыше устья реки Биджи, недалеко от впадения реки Абакана в Енисей, расстоянием на версту, где оная гора составляет как будто выгиб; на ней лежат две груды камней, называемые могилы, и друг от друга недалеко, на которые и поныне приезжающие Татары (хакасы. – *В.Б.*) кидают по камешку или по прутику» [1833, с. 68–69]. Двумя десятилетиями позже подобную картину наблюдал окружной минусинский начальник Н.А. Костров: «Песчано-каменистая гора Куна лежит недалеко от впадения Абакана в Енисей. На ней, недалеко друг от друга, находятся две каменные возвышенности, называемые простым народом могилами. Если качинцу* случается ехать мимо этих могил, то он останавливается, слезает с лошади, берет два камня и кладет по одному на каждую из могил» [1852, с. 23–24]. Соответствующие обрядовые действия, отправляемые местным населением в этой местности, были отмечены и Е.К. Яковлевым: «Почтением пользуются археологические памятники: могила на г. Куня <…>, мимо которых не проедет инородец, не сделавши приношения, не кинув на могилу ветки, камня, если нет в наличности молока, араги, хлеба» [1900, с. 112]. Схожие этнографические сведения о священной горе *Күнү таг* в 1975 г. от информатора Р.И. Киштеева (1907 г.р.) удалось записать томской исследовательнице М.С. Усмановой: «*Күнү* – это рев-

---

**Качинцы* (хак. *хаас*) – этническая группа хакасов.

ность. Там же на перевале есть большая яма. Вот как она образовалась. С двух сторон горы жили две женщины. Они подрались из-за ревности и убили друг друга. Там, где они боролись, образовалась яма, там же эти женщины и похоронены. Если я в первый раз проезжаю, то обязательно бросаю туда палку. И так каждый. Говорят, что если не бросишь, черти будут чудиться. Будто эти бабы и чудятся людям» (Архив МАЭС ТГУ. Д. 681-5. Л. 20).

Кӱнӱ таг, как уже отмечалось, примечательна не только тем, что на ней располагались культовые сооружения *обаа*, но еще и традиционным общественным обрядом *тигір тайыг* – ‘жертвоприношение Небу’. Одним из первых исследователей, обративших внимание на проводимый там местными жителями ритуал, был И.П. Корнилов. Он сообщал: «…и ныне инородцы избирают высокие места для моления и принесения жертв; таковы горы Изых и Кунэ в Качинской степной думе Минусинского округа» [Корнилов, 1854, с. 627]. По материалам этнографических исследований конца XIX – начала XX в., хакасы проводили ежегодное коллективное моление Небу в «июньское полнолуние» [Яковлев, 1900, с. 101–102; Лаппо, 1905, с. 47–49]. Обряд носил не родовой, а территориальный характер. Для отправления ритуала *тигір тайыг* на горе *Кӱнӱ таг* собиралось в большом количестве коренное население, проживавшее в долинах рек Абакан, Ташеба и Биджа. При этом принимать непосредственное участие и даже присутствовать на обряде могли только мужчины. Согласно традиции, женщины и даже животные соответствующего пола в это время не имели права находиться на священной горе [Яковлев, 1900, с. 101–102; Лаппо, 1905, с. 47–49].

Цель данного обряда – испрашивание у верховного божества Неба дождя, а также благополучия в семейной жизни, хозяйственной деятельности, удачи в делах и т.п. Е.К. Яковлев сообщал: «…все, кто пользуется благоволением “света”, у кого “скот плодится, добро не пропадает, дети ведутся”, приносят белых холощеных барашков с черными щеками, как благодарственную жертву; неудачники приносят умилостивительную жертву» [1900, с. 102]. «Это моление, по-видимому, должно служить благодарностью за оконченный период скотоводства, т.к. к этому времени все молодые животные подрастают, и количество приплода можно считать установленным» (Архив МКМ, ф. 1, оп. 1, д. 664, л. 35).

Сам обряд проходил следующим образом. Его участники посредством жильных ниток прикрепляли на головной убор белые и синие ленты – *чалама*. Поднявшись на гору, мужчины снимали ритуальные ленты и в знак подношения божествам подвязывали их на священную березу – *пай хазын*. Жертвенных баранов-*валух* кололи специфическим способом – *ӧзеп*. Для этого у грудной клетки делался небольшой надрез, куда просовывали руку и обрывали аорту. После этого смерть животного наступала мгновенно. Туша свежевалась на земле. При этом следили, чтобы ни капли крови не пролилось на землю. Разделанное мясо и легкие клали в специальный большой котел и варили без соли. Шкуру вместе с кровью, внутренностями и конечностями сжигали на костре. Приготовленное мясо перекладывали на жертвенный стол – *типсі*, изготовленный на месте

из березовых ветвей. Его располагали у почитаемой березы [Яковлев, 1900, с. 102; Лаппо, 1905, с. 47–49].

Руководил обрядом уважаемый всеми старик, хорошо знавший обрядность и именуемый *алғысчыл*. Стоит отметить, в согласно хакасской традиции шаман не имел права на отправление ритуала *тигір тайыг*. *Алғысчыл* брал в руки берестяную ложку (*тос сомнах*) и берестяную чашу (*тос аях*), наполненную кумысом (айраном, молоком, мясным бульоном) с творогом. Произнося молитвы, он делал подношение пищи Небу, а затем и сакральной березе. Это священнодействие происходило путем разбрызгивания жертвенной пищи ложкой вверх – к Небу, а потом и на само дерево. Далее руководитель со всеми участниками обряда, продолжая чтение молитвы-обращения, совершал троекратный обход березы по солнцу. Верующие в процессе кругового движения разворачивались лицом на восток, делали небольшую остановку, воздевали к Небесам руки и восклицали: «Ау! Ау!». *Алғысчыл* при этом с благопожеланиями плескал жертву по четырем сторонам света. Обряд заканчивался обильной трапезой, состоящей из мяса заколотых баранов, молочных и спиртных напитков. По окончанию праздника остатки пищи и кости сжигали в костре [Яковлев, 1900, с. 102; Лаппо, 1905, с. 47–49].

Представленный материал позволяет сделать вывод, что гора *Күнү таг* в мировоззрении и обрядовой практике хакасов занимала важное место. Она воспринималась как сакральное пространство, связанное с культами *обаа* и Неба. Сакрализованное отношение к этой горе сохраняется по сей день.

Список литературы

Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. – Томск: Тип.-лит. П.И. Макушина, 1904. – 62 с.

Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан: УПП «Хакасия», 1995. – 268 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2001. – 148 с.

Корнилов И.П. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин землеведения и путешествий. – М., 1854. – Т. 3. – С. 605–644.

Костров Н.А. Качинские татары. – Казань: Тип. Губ. правл-я, 1852. – 66 с.

Костров Н.А. Очерки быта минусинских татар // Труды IV археолог. съезда. – Казань, 1884. – Т. 1. – С. 208–248.

Лаппо Д.Е. Троеверы: из жизни минусинских инородцев // На сибирские темы. – СПб.: Тип. Тов-ва «Общая польза», 1905. – С. 9–52.

Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. – М.: Тип. Мос. ун-та, 1833. – 297 с.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.akv19.ru/cab/myobj/seating/seatings_6484.html (дата обращения: 13.10.2013).

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.marshruty.ru/Places/Place.aspx?PlaceID=2ee44b6d-d352-4614-bd77-3da1e47a5018 (дата обращения 13.10.2013).

Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. – Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. – Вып. IV. – 212 с.

Ю.В. Гейбель

Институт археологии и этнографии СО РАН

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД МЕННОНИТОВ СЕЛА НЕУДАЧИНО НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ (по полевым материалам 2013 года)

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., одним из многочисленных этнических сообществ являются немцы. Их общая численность составляет 394 138 чел. (22 984 чел. – городское население, 170 154 чел. – сельские жители). Отдельной позицией в переписи выделены немцы-меннониты (4 чел.) [Итоги…, 2010].

Первые представители этого протестантского течения, возникшего в эпоху Реформации в Голландии, появились на территории Российской империи в середине XVIII в., после издания манифеста императрицы Екатерины Великой, согласно которому в Россию приглашались иностранцы [Бондарь, 1916, с. 1].

После окончания русско-турецких войн к российской территории были присоединены обширные Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии, заселенные колонистами-меннонитами [Бондарь, 1916, с. 6]. По мере роста численности меннонитского населения возник дефицит земли, поэтому началось переселение вглубь страны. В Сибири, на территории Омского и Тюкалинского уездов, первые переселенцы-меннониты появились в конце XIX в. [Черказьянова, 1999].

Село Неудачино нынешнего Татарского района Новосибирской области в начале XX в. входило в состав Томской губернии. Село основано меннонитом Абрамом Нейфельд и его сыновьями, приехавшими из Западной Украины в 1905 г. Название село получило от фамилии омского помещика-офицера Неудачина, у которого переселенцы купили около 2 тыс. дес. земли [Штеффен, 2001, с. 81].

Вплоть до конца 1980-х гг. меннониты составляли 99 % жителей села. В начале 1990-х гг. начался их отток в Германию. В 2011 г. в селе проживало 90 меннонитов – детей и взрослых.

На сегодняшний день меннониты с. Неудачино сохраняют этническую идентичность. Они знают свою историю, имеют представление о месте выхода предков. Сохранение веры и неустанный труд являются смыслом их жизни.

Меннониты строго соблюдают календарные и семейные праздники. Главные среди них – Рождество и Пасха. Празднуют также Новый год,

День жатвы, Вознесение, Троицу. Семейные обряды во многом сохраняют традиционный характер. В ходе полевой этнографической экспедиции 2013 г. собраны материалы о свадьбе меннонитов с. Неудачино.

По воспоминаниям жителей села восстановлен свадебный обряд середины XX в. Тогда основным местом знакомства молодежи было молитвенное собрание, которое посещали все члены общины, независимо от возраста. При молитвенном доме действовал хор, который состоял в основном из молодых парней и девушек, что также давало возможность для общения молодых людей.

С 16 лет парням и девушкам разрешали ходить в сельский клуб. Могли они собираться и «по домам». Сложившейся паре разрешалось встречаться только по воскресеньям. После воскресного собрания (днем или вечером) молодой человек мог приходить домой к своей избраннице. Официально объявлять о начале отношений принято не было. Если отношения принимали серьезный характер, жених мог приходить к невесте и в субботний день.

Выходить замуж или жениться предпочитали на представителях «менонитской веры». По мнению информантов, познакомиться с иноверцем можно было, лишь выехав из села (например, для получения образования), что происходило редко.

Получив неполное или полное среднее образование, молодежь с. Неудачино начинала работать. Перед свадьбой парень обязательно должен был отслужить в армии. Противоречие одной из основ своего вероучения, а именно – отказ от служения в армии, меннониты с. Неудачино объяснить не могут. Они утверждают, что уже и не знают, кто и когда отменил этот запрет. Брачный возраст мужчины определялся в 22–23 года, а женщины – 18–19 лет. При этом информанты отмечают, что в 18 лет девушки выходили замуж очень редко.

Продолжительность периода от знакомства до свадьбы варьировалась. В случае знакомства в молодом возрасте, девушка ждала парня из армии. Таким образом, молодые могли встречаться до 5 лет. Если отношения завязывались уже после службы парня, то до свадьбы могло пройти 1–3 года.

Когда молодые принимали решение пожениться, парень должен был идти к родителям девушки,чтобы просить ее руки. Шел он, как правило, один, без «свиты» или сватов. Невеста заранее предупреждала родителей о предстоящем визите, который было принято совершать в пятницу вечером. На встрече присутствовали только жених, невеста и ее родители.

Если родители девушки давали согласие на брак, через день (т.е. в воскресенье) в дом невесты приглашали родителей жениха и близких родственников с обеих сторон, чтобы объявить о помолвке и договориться о дате свадьбы.

До свадьбы невеста и ее родственники играли главенствующую роль в организации мероприятия. Все важные вопросы обсуждали в доме девушки. Даже в помещение невеста входила всегда первая, а жениха тянула за руку за собой. Обычно свадьбу играли через три недели после

помолвки. В этот период жениху и невесту разрешали встречаться каждый день. Помимо собственно подготовки к свадьбе молодые продолжали работать. Близкие родственники с обеих сторон приглашали молодых к себе на ужин для знакомства с будущей родней.

На свадьбу приглашали обычно всех жителей села. Жених и невеста писали одно приглашение на всех, клали его в конверт, к которому прикалывали цветочек. Конверт приносили в один из дворов, а затем уже приглашенные, обязательно по ходу солнца, передавали его в следующий дом. Так приглашение проходило все село.

На венчание жених надевал темный костюм и обязательно с галстуком. Слева к карману пиджака крепился цветок с двумя лентами. Невеста надевала свадебное платье, фату и венок. Ей тоже слева крепили цветок, как у жениха, только без лент.

Достаток в семьях меннонитов того времени был небольшой, поэтому длина платья определялась наличием материала для его пошива. Иногда из-за отсутствия белой ткани платье невесты могло быть и черным. К подолу платья и к цветам жениха и невесты пришивали зелень, которую специально выращивали дома.

В селе была женщина, которая изготавливала свадебные венки. Если невеста не сохраняла невинность до брака, то надевать фату запрещалось. Белое платье в этом случае невеста тоже не надевала. Во время свадьбы всем незамужним и неженатым гостям, даже детям, прикалывали по два маленьких цветочка, которые делали из цветной бумаги или банта, и зелень. Незамужним и неженатым сестрам и братьям молодых прикалывали розочки белого цвета.

В субботу накануне свадьбы организовывался вечер подарков – «дарильный вечер». Завершив домашние работы, все приглашенные на свадьбу собирались в молитвенном доме. Проповеди в этот вечер не было. Жениха и невесту в нарядной одежде усаживали на «престол». Гости, в порядке очереди, говорили им пожелания и одаривали: сначала родители невесты (как уже отмечалось, до свадьбы невеста была впереди), потом родители жениха, далее – бабушки и дедушки, близкие родственники, а потом и остальные. Родители старались подарить что-то существенное, необходимое в хозяйстве, либо деньги.

Совместная жизнь у меннонитов начиналась только после венчания. При этом законно зарегистрировать брак было предпочтительно до венчания в общине. В пятницу, перед свадьбой, молодые ездили в г. Татарск в ЗАГС. Известны случаи, когда регистрация проходила через месяц после венчания.

Как правило, свадьбу меннониты с. Неудачино играли в воскресенье. Утром невеста шла в дом к женщине, которая делала свадебный венок. Эта женщина одевала девушку и закрепляла на голове венок.

Так называемого «выкупа невесты» у меннонитов не было. Пока невесту готовили к венчанию, жених ждал ее в соседней комнате или на улице. Когда все приготовления невесты завершались, жених заходил за ней, и они вместе шли на собрание в молитвенный дом. Если свадьба была

летом, то во дворе дома натягивалась палатка. Богослужение, венчание и свадебный обед проходили на улице.

Зимой свадьбу играли в доме. Если дом родителей жениха или невесты был недостаточно большим, чтобы вместить всех гостей, то праздновали у того из односельчан, кто располагал большим домом. Венчание проводил пресвитер общины. Молодые давали клятву быть верными друг другу. Далее они обменивались кольцами (если достаток семьи позволял их приобрести).

После венчания всех присутствующих приглашали на праздничный обед. Перед тем, как сесть за стол, пели. На свадьбе обязательно был ведущий, который контролировал ход мероприятия. Жених с невестой садились в конце стола, затем родители, близкие родственники и остальные гости. Часто все приглашенные не вмещались, тогда за стол усаживали группами. Сначала кормили молодежь, которая после обеда шла фотографироваться, а потом и остальных.

В перерыве ведущий предлагал гостям, не присутствовавшим на «дарильном вечере», поздравить молодых и подарить подарки. На столе обязательным угощением был борщ, мясо, котлеты и компот. Вместо хлеба пекли «твойбок» – традиционную меннонитскую булочку. Алкогольных напитков не было. После обеда молодые люди играли, пели и танцевали. Свадьба продолжалась до 18.00. Вечером собиралась только молодежь. На ужин подавали кофе и сладкую выпечку. Иногда гости ходили в сельский клуб. В целом, торжество проходило сдержано. Праздничная церемония заканчивалась после ужина обрядом снятия свадебного венка. В с. Неудачино венок снимала подружка невесты. Вместо венка прикалывали бант на шпильке: это означало, что девушка замужем. Первое время после свадьбы она не снимала этот бант, а позже повязывала платок. Если у молодых не было своего дома, то первое время они жили в доме родителей жены, редко – в доме родителей мужа.

Традиционный характер свадьба меннонитов сохраняла и во второй половине XX в. Но в ходе миграции конца XX в. состав села изменился. В настоящее время 50 % населения составляют русские, 10 % – украинцы, белорусы, греки, армяне, эстонцы, татары, азербайджанцы, мордва. Однородность, характерная для традиционных меннонитских поселений начала XX в., исчезла.

Сокращение численности и отсутствие прежней изолированности, привели к трансформации традиционной культуры меннонитов, в т.ч. свадебной обрядности. Все чаще встречаются межнациональные браки и браки с представителями других религий. Однако, как и прежде, у меннонитов с. Неудачино свадьбой считается именно венчание. На сегодняшний день известны случаи развода в менонитских семьях, прошедших обряд венчания, что раньше считалось неприемлемым. Частично сохранились элементы свадебного обряда, но многое изменилось. Например, отменен запрет на спиртные напитки. Наряды жениха и невесты соответствуют современной моде. Сохраняются коллективный и религиозный характер праздника. Проблема сохранения элементов традиционной культуры стоит очень остро.

Список литературы

Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России: очерк. – Петроград, 1916 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chort.square7.ch/Buch/Bondar.pdf.

Итоги Всероссийской переписи населения, 2010 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

Черказьянова И.В. Дореволюционная меннонитская школа Сибири: филолог. ежегодник ОмГУ. – Омск, 1999. – Вып. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1900/1900mennonity.htm.

Штеффен А.Я. Кое что о деревне… – Новосибирск, 2010. – 85 с.

Е.И. Глухих

Институт археологии и этнографии СО РАН

ЖИЛИЩЕ В СОСТАВЕ УСАДЬБЫ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ И ПРИИРТЫШЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (сравнительный аспект)

Одним из важнейших элементов усадьбы является жилище. Существует множество подтипов жилых построек, поэтому необходимо выявить сходство и различие жилищ в зависимости от этнических, природно-климатических и других факторов. Для характеристики адаптационного потенциала русского старожильческого населения важно обнаружить общее и особенное жилых построек в поселениях, расположенных в районах раннего заселения Сибири русскими. В данной статье анализируются жилища старожилов Верхнего Приобья и Прииртышья в пределах бассейна р. Вагай начала XX в. Использованы полевые материалы автора, являвшейся сотрудником Сибирского этнографического отряда ИАЭТ СО РАН (начальник отряда д-р ист. наук А.Ю. Майничева) в 2010 и 2013 гг.

В начале XX в. русские крестьяне-старожилы в поселениях Прииртышья возводили жилье из различных материалов: начиная с соснового леса и заканчивая глиной и землей. Во многом качество строительного материала определялось уровнем достатка крестьян. Однако для строительства жилых домов старались использовать лес хвойных пород: «красный» – сосну, кедр, лиственницу; «черный» – пихту и ель (ПМА. 2010). Те же принципы характерны и для Верхнего Приобья [Майничева, 2000, с. 56]. К подбору материала для жилища подходили тщательно. В Приобье старожилы для различных конструкций дома использовать разный материал. Для нижней части сруба и конструкций крыши брали лиственницу, специально обработанную сосну, пихту; для средней части – сосну, пихту; для отделки избы – кедр, осину, пихту. Особо ценилась лиственница, возможно, это связано с тем, что она здесь встречалась редко. Для получения качественного строительного материала из дерева были выработаны определенные правила хранения и обработки. После валки деревья распиливали на бревна нужной длины. Особенное внимание уделяли сушке бревен. При рубке леса на постройки для своего хозяйства считалось важным отнять дерево от корня в полнолуние: если это сделать раньше, бревна будут отсыревать. Сруб делали так, что толстые комлевые и тонкие вершинные части шли попеременно, чтобы постройка не перекашивалась. Такая же технология применялась

в Прииртышье. Закладку срубного дома начинали с устройства основания – лиственничных стоек. Если высоко выводили стойки, то дома делали с «завалинками».

В названных регионах были распространены постройки из круглых бревен рубкой «в чашу», а первый венец – «в охряп». «В лапу» дома рубили редко. Для кровли жилищ старожилы использовали тес и дрань, которые служили основным строительным материалом. В начале XX вв. была распространена безгвоздевая конструкция крыши «на курицах и потоках»: на обрешетку крыши укладывались специальные слеги с загнутыми концами («курицы»).

Общее обнаруживается и в том, что дом возводили из ровных сосновых бревен, лиственница использовалась в основном на нижние венцы сруба, «матки» под полом и на столбы основания по углам дома. В Прииртышье сосну могли вымачивать около года, а затем сушить около двух лет под специальным навесом (бревна становилась прочнее, а дом – устойчивее).

«Раньше брали любую лесину, года три-четыре "морили" (вымачивали) в воде, накрывали соломой и сушили около двух лет» (ПМА. 2010).

В Верхнем Приобье такой технологии не знали. В обоих регионах между бревнами венцов укладывали мох.

Дома были преимущественно квадратными в плане – четырехстенки с крышей на два или четыре ската. Встречались пяти- или шестистенки с бревенчатой перегородкой. В срубе имелось от двенадцати до двадцати четырех венцов, в зависимости от толщины бревен. Сруб «рубили на две-три стопы» (5, 6, 7 рядов). Стены обтесывали, не белили. Чтобы сруб не повело, венцы укладывали по принципу «комель-вершина». Пол состоял из плах. Потолок представлял собой расколотые пополам бревна, уложенные в один слой. Однако в Прииртышье бревно могли раскалывать и на четыре части, если лесина была «здорова» (ПМА. 2013).

Одним из типов жилых строений в Прииртышье рубежа XIX–XX вв. было однокамерное жилище – изба-одностопка («избушка», «избенка»). В избах проживали наименее обеспеченные крестьяне-старожилы. Люди с достатком строили многокамерные жилища. В старожильческих поселениях Приобья преобладали сложные, многокамерные жилища, поскольку население было зажиточным. К избам пристраивали неотапливаемые сени. При всем многообразии форм, одной из общих черт жилищ Приобья и Прииртышья являлось наличие холодных сеней или тенденция к их устройству, что характерно для домов восточных славян.

Наибольшее распространение у русского сельского населения Прииртышья получила двухкамерная постройка с сенями – «изба пятистенная с горницей» («пятистенок»). Пятистенок был разделен на избу и горницу пятой стеной. Иногда такая конструкция возникала, когда к избе прирубали горницу.

Реже встречалась шестистенная двухкамерная постройка – «связь», в которой сени (как правило, холодные) соединяли два сруба: две избы или теплую и холодную избы, или избу и хозяйственную клеть («казенку»). Редко встречался «дом глаголем», получивший такое название

из-за плана в виде буквы «Г». В таком доме под одной крышей располагались или три жилых строения (изба и две горницы), или изба с горницей и казенкой. Этот тип жилища развился из пятистенка за счет прируба еще одного помещения. При этом обязательно переделывали крышу.

Некоторое распространение получил многокамерный жилой дом – «крестовик», жилище наиболее состоятельных хозяев. Свое название он получил из-за того, что сруб делился на четыре части перекрестно лежащими бревнами. Три комнаты «крестовика» отапливались и использовались для жилья, а четвертая служила прихожей. Крестовые дома часто называли «круглыми», т.к. длина всех стен у таких домов была одинакова. Изредка крестовики возводили, прирубая друг к другу два пятистенка.

Крестьянское жилище в Приобье было нескольких типов – однокамерное (одно жилое помещение – «изба», «четырехстенок»), двухчастное («изба-сени» – «четырехстенок» с сенями), трехчастное (два жилых помещения и сени с вариантами их размещения – «изба со связью», «пятистенок» с сенями), двухкамерное (два жилых помещения, примыкающих друг к другу – «пятистенок» без сеней), многокамерное (три и более жилых помещений и сени – «крестовик», крестовая «связь» и другие сложные формы) [Майничева, 2002, с. 27]. В Верхнем Приобье у старожилов было больше пятистенных домов. Второе место по распространенности принадлежит крестовым домам. Мала доля шестистенных домов, домов «со связью» [Майничева, 2002, с. 37].

В обоих регионах строили преимущественно одноэтажные дома, но были и двухэтажные, в основном в селах вдоль трактов. Жилые комнаты дома делились на «избу» и «горницу». В многокамерных домах для проживания использовались и другие комнаты, называемые «горенкой» (Верхнее Приобье) или «спальней» (Прииртышье).

В избе размещалась русская печь с лежанкой. В конце XIX в. печь делали глинобитной, а с начала XX в. – кирпичной. Печь белили белой просеянной глиной, а позднее – известью. В саму глину примешивали битое стекло – для долговечности и лучшего нагрева. Глину также послойно «заправляли» солью. Чтобы печь не растрескалась, ее обмазывали трухой, коровьим пометом. Полати расписывали цветами (преобладающие краски – желтая, коричневая и синяя). Печи в избах делали «по-белому», с дымоходом. Часто ее клал приглашенный мастер.

Таким образом, на территории Прииртышья и Верхнего Приобья русские крестьяне-старожилы возводили жилые постройки по схожим технологиям, используя одинаковые строительные приемы и правила. Различия были лишь в некоторых деталях. Типологически жилища совпадают.

Список литературы

Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002.

Л.А. Голова

Институт археологии и этнографии СО РАН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТЦА РОМАНА КАК НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА – РЕСТАВРАТОРА ИКОН

Процесс возрождения церковной жизни в постсоветской России многообразен и привлекает внимание исследователей и ученых, безусловно требуя внимательного изучения и описания. Интерес представляет исследование значимых для русской культуры компонентов православной веры, материально воплощенных в иконах, а также в результатах деятельности народных мастеров-реставраторов. Выявление особенностей духовного становления нового поколения сибирских иконописцев и реставраторов икон поможет раскрыть многоаспектные механизмы сохранения русского культурного наследия и самосознания, процессы появления и развития новых религиозных традиций.

Отец Роман (в миру Роберт Петрович Кузнецов) обратился к иконописи в начале 1990-х гг. Сегодня в перечне написанных и отреставрированных мастером икон имеются многочисленные богородичные образы, а также изображения двунадесятых и великих праздников и др. Занятие иконописью не было потомственным. Предки отца Романа по отцовской линии были родом из Петербурга. Его дед был краснодеревщиком. В Сибирь семья переехала после революции. Дед был личным шофером Роберта Эйхе – крупного партийного работника, чем и объясняется экзотическое имя, данное Петром Кузнецовым сыну. Отец его матери держал мельницу на Могилевщине. В Сибирь, по словам отца Романа, был сослан еще при царе, за укрывание большевиков в своем доме.

В храм его привели, как и большинство людей, «скорби». Крестился он уже взрослым, после смерти отца, затем серьезно заболела жена – Инна Семеновна. Требовалась операция, поэтому «побежал в храм, стал молиться». Супруга поправилась. Постепенно семья воцерковилась. Первую в своей жизни исповедь он совершил в Вознесенском соборе у протоиерея Василия (Мезенцева).

Как вспоминает отец Роман, увлечение иконописью и реставрационными работами началось с посещения четы Кузнецовых гостями из г. Черепаново: приехали знакомые мать с дочерью, только что получившей диплом художника-оформителя. Они рассказали о своей проблеме: в черепановской церкви есть икона Рождества Христова, которая нужда-

Отец Роман в мастерской Дома офицеров. 2013 г.

ется в реставрации, и девушке поручили это сделать. Однако настоятель храма, отец Сергий, высказал сомнение по поводу неопытности молодого специалиста. Женщины обратились к Роберту Петровичу (отцом Романом он стал после рукоположения в диаконы в 2000 г.), не знает ли он кого-нибудь, кто бы взялся за это дело. Без долгих колебаний он решил попробовать сам. По специальности Роберт Петрович инженер, закончил Баумановское училище, но с детства имел тягу к живописи, рисунку. С записной книжкой он практически никогда не расставался, зарисовывал практически все, что захватывало его внимание.

Так начался новый этап в жизни семьи Кузнецовых. Отец Роман вспоминал, что первая икона была очень большой: около двух метров в высоту и метр в ширину. Как же ему удалось освоить такое непростое ремесло?

«*Конечно, не по наитию. Пришлось перелопатить много специальной литературы, прослушал курс богословия в богословском институте у протоиерея Василия (Мезенцева). Постоянная практика в ремесле – тоже залог совершенствования*».

Отец Роман за годы служения приобрел известность в среде новосибирских верующих. Готовится к работе по реставрации старых икон отец Роман «с молитвой и страхом Божьим», просматривает специаль-

ную литературу, ищет подходящие образцы. Предварительно раздумывает, как сделать лучше, чтобы выдержать в заданном стиле и сохранить не только цветовую гамму оригинала, но и, что важнее всего, «молитвенное настроение».

«*Главное, не испортить, не навредить, чтобы икона продолжала служить и дальше как окно в мир горний».*

Бывают случаи, когда что-то не получается: после покрытия лаком икона вздувается или краска меняет цвет. Мастер упорно дорабатывает, старается переделать, придать образу благообразный вид, чтобы «не подвести заказчика и совесть была спокойна». За свою двадцатилетнюю практику он узнал немало секретов ремесла. Спрос на иконы велик, т.к. помимо двунадесятых праздников каждому храму требуются во множестве иконы святых, ежедневно поминаемые в церковном календаре. Поэтому отец Роман то прописывает выцветшие лики, то реставрирует оклады, то декорирует новые иконы, то просто дает новую жизнь старым церковным предметам. Недавно отец Роман отреставрировал старинное архиерейское кресло: поменял обивку, обновил деревянные детали.

Основная часть заказов поступает из сельских приходов, где икон постоянно не хватает. На епархиальном складе имеется множество икон производства Софринской фабрики, но у селян не всегда есть деньги их купить. В настоящее время отец Роман активно помогает храму с. Чистоозерное, где пока нет ни икон, ни стула, ни стола.

Интересна судьба икон из старой деревянной Вознесенской церкви (ныне Вознесенского кафедрального собора). При реставрации здания в конце 1980-х гг. здесь сняли со стен и убрали в угольный склад старые иконы на холстах. Отец Роман забрал их со склада, отреставрировал. Сейчас они находятся в разных церквях Новосибирской митрополии: в Тогучинском и Черепановском районах, в поселке Северный. Огромные 5–6-метровые иконы отец Роман реставрировал в своей маленькой квартирке. От времени краска с икон стала сыпаться. Пришлось искать дефицитный в то время рыбий клей, чтобы укрепить основу холста.

Отец Роман вспоминает, что однажды ему поручили отреставрировать четыре иконы. Он их обновил, покрыл лаком и отдал в храм, где они до этого находились. Через какое-то время к нему пришел заказчик и спросил: «Отец Роман, что ты сделал с иконами? – «А что такое?» – «Они мироточат». Матушка Инна вспоминает: «*Об этом чуде мироточения икон была заметка в новосибирской “Вечерке”*». Есть еще одна икона, которой отец Роман особо дорожит – образ святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей словенских, к которой прикладывался Патриарх всея Руси Алексий II во время визита в Новосибирск в 2004 г. Есть даже фотография в журнале Московской Патриархии за 2004 г., где Патриарх запечатлен в тот момент.

Первая икона, писанная маслом, была подарена о. Романом ныне покойному епископу Сергию, вторая – Николая Чудотворца – Ростиславу, архиепископу Томскому и Асинскому. Третью свою икону «Знамение» отец Роман подарил Иоанну, епископу Борисовскому, ныне – Брестско-

му, в Белоруссию. В Александро-Покровском монастыре в г. Колывань, над главным входом в храм, висит икона Спаса Нерукотворного, написанная отцом Романом. В трапезной этого монастыря тоже находится несколько его икон.

Что же дает ему работа с иконами?

«*Конечно, слово "дает" подразумевает материальную заинтересованность, но, сами понимаете, при нехватке средств в сельских районах ни о какой материальной выгоде речи быть не может. Для меня важен духовный аспект. Работа с иконами – часть моей жизни, мое понимание служения Богу. Есть желание помогать людям. Икона – это Евангелие в образе. Поклонение иконе – это поклонение первообразу. Когда я вижу, как люди прикладываются к моим иконам, поклоняются им, я испытываю удовлетворение. Осознаешь, что труд не напрасен, осуществлен во славу Божию*».

Много потрудился отец Роман и в производстве иконостасов. На сегодняшний день им сделано семь иконостасов. За последний, в церкви во имя великомученика и целителя Пантелеймона в с. Карпысак, отец Роман получил грамоту Новосибирской епархии за подписью архиепископа Новосибирского и Бердского Тихона. *«Это на сегодня лучший мой иконостас»,* – говорит отец Роман.

Самый первый иконостас (писанный маслом на хорах) отец Роман сделал для храма в честь Всех Святых в с. Черепаново. По соседству в храме в честь великомученика и целителя Пантелеймона о. Роман сделал копию Черепановского иконостаса. Затем были иконостасы в с. Безменово, в храме во имя преподобного Сергия Радонежского, в с. Шурыгино Черепановского района, в поселках Горный и Северный. Знойным летом 1996 г. он плотничал и делал иконостас для строящегося храма во имя Макария Желтоводского в с. Батурино Томской области.

Отец Роман делает также изделия из металла (копие для разрезания Агнца), владеет техникой чеканки, изготовляет и реставрирует кресты для крестных ходов, аналойные кресты, кресты для жертвенника – Голгофы. У него любая старая вещь из церковного обихода получает новую жизнь. Так, увидев однажды потемневшие и потерявшие вид серебряные стаканчики для запивки после причастия выброшенными за ветхостью, он почистил их, отшлифовал, и они стали как новые. Всего же отец Роман написал и отреставрировал более 500 икон, не считая иконостасов.

Когда отец Роман только начинал свое служение в церкви, протоиерей Владимир (Выговский), старейший пастырь из дворян, в начале 1950-х гг. вернувшийся из эмиграции в Харбине, посоветовал ему не рукополагаться в иереи (что довольно естественно для диакона, имеющего высшее образование). Объяснил это протоиерей тем, что в сане священника у мастера просто не будет времени на иконы. И отец Роман ни разу не пожалел, что послушался совета опытного священника.

Несмотря на почтенный возраст, в феврале 2012 г. отец Роман отметил 75-летний юбилей, он неустанно трудится (см. *рисунок*). Как дьякона со стажем (по возрасту, он за штатом), его постоянно приглашают слу-

жить в разных приходах епархии. В церкви до сих пор существует острая нехватка кадров, поэтому отец Роман накануне двунадесятых или престольных праздников всегда нарасхват («праздничная служба без дьякона не служба»). В связи с этим знакомые священники в шутку называют его «диаконом всея епархии». В настоящее время о. Роман служит в храме во имя иконы Богоматери «Утоли Мои Печали» в районе Хилокского рынка, где настоятелем игумен о. Зиновий.

История и деятельность новосибирского иконописца, художника-реставратора чрезвычайно важна в контексте современных дискуссий о «народной религии», ее общерусских и региональных особенностях, а также этапах и причинах воцерковления людей сегодня. В данном случае инженер, выходец из далеко не религиозной семьи резко изменил свою судьбу, найдя удовлетворение и душевное спокойствие в трудах по созданию и реставрации икон, церковных атрибутов. От художественного творчества он совершил переход к другой ступени духовного подвига – церковнослужителя.

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН

МЕХАНИЗМЫ САКРАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА РУССКИМИ И КОМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (по материалам полевых исследований рубежа XX–XXI веков)*

Заселение сибирских земель русскими и коми, а на более позднем этапе также другими восточнославянскими (украинцами, белорусами) и финно-угорскими (мордва) народами, растянулось на несколько веков и постоянно сопровождалось процессами включения новых территорий в категорию «своего» пространства. Известно немало способов сакральной маркировки территории. С одной стороны, практиковалось освящение местности в контексте христианской веры: строительство храмов, сооружение обетных, поклонных и придорожных крестов, регулярное проведение крестных ходов, возведение ряда природных объектов в статус местных святынь и т.д. Весьма показательны воспоминания-легенды, записанные у коми в с. Мужи, о воздвижении первыми ижемскими колонистами Нижнего Приобья деревянного креста в память о переходе через Северный Урал (крест отмечал середину пути).

«Народ в Сибирь шел с Ижмы, с Коми-то. Многие семьи со своими оленями, с баранами через Урал перевалили. Много народа пришло сюда. И на гору сюда поднялись. И увидели реку. Река, значит, кончаются горы, скоро поселок будет. И на этом месте крест поставили» (ПМА. ЯНАО, 2004).

Возле этого креста всегда останавливались оленеводы, гонявшие стада через Урал. Они здесь молились и оставляли жертву (хлеб и водку) (ПМА. ЯНАО, 2004).

Со священными локусами, «отмеченными Богом», связаны легенды о появлениях святых, творивших чудеса, открывавших людям источники с целебной водой и т.п.; о явленных иконах, обнаруженных в родниках, ключах, на деревьях, показавшихся из земли.

«Перед войной еще было. Я в поле пшеницу жала и нашла в земле иконку. Маленькая, размером с ладошку. Очистила от земли и увидела лик Пресвятой Богородицы. Смотрит на меня, будто улыбается, радуется, что я ее из земли вытащила. Я спросила у бабушки, откуда берутся иконы, если рядом нет церкви? Бабушка была божественная, молилась,

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 12-01-00199а).

много всего знала. Рассказала, что иконы могут сами собой вырастать из земли или из воды выходить. Если где икона появится, значит, это место благословенное самим Господом Богом. А тому, кто иконку найдет, счастье в жизни будет» (ПМА. НСО, Искитимский р-н, с. Нижний Коен, 2000, русские).

Иногда появление иконы расценивалось как предзнаменование большой беды.

«В 30-е годы мы жили в ссылке в Колпашево. Как-то утром один мальчик увидел на кедре икону Божьей Матери. Залез он на кедру, хотел достать икону, а она не далась – на соседнее дерево перескочила. Весь день там провисела, а утром на другое дерево, к соседям, перешла. Так эта икона, день за днем, обошла весь поселок, с кедры на кедру перескакивала, у каждого дома побывала. Это она, сердечная наша Заступница, прощалась с нами, людей предупреждала. В 38-м году страшный голод был, перемерли многие, у многих мужей и отцов репрессировали и расстреляли. Богородица приходила с народом попрощаться, чтобы Бога перед смертью не забывали» (ПМА. НСО, Искитимский р-н, с. Верх-Коен, 1999, русские).

В XX в. сакрализация водных источников нередко была связана с разрушением православных храмов или гибелью священников, а иногда – с местом расстрела людей, восставших против советской власти (как в с. Сорочий Лог Алтайского края), «в результате контаминации народной исторической памяти и нарративов о явлении божественных ликов в святой воде» [Любимова, 2006; 2012, с. 363].

«В Жуланихе в царское время была часовня, после революции ее разрушили, и на том месте образовался колодец. В том колодце плавал образ Богородицы. Многие видели, хотели вытащить, но не могли. Вроде поймают, а в руках одна вода остается. Тогда люди поняли, что в колодце вода святая, стали воду для лечения брать. Многие от разных болезней исцелились» (ПМА. Алтайский край, Заринский р-н, с. Зыряновка, 2009, коми).

«В Жуланихе есть святой ключ. Он потому святой, что раньше где-то там, в пещерах жили монахи. Их расстреляли большевики. На том месте появился ключ со святой водой» (ПМА, Алтайский край, Заринский р-н, с. Зыряновка, 2009, коми).

С другой стороны, при заселении сибирских земель русскими и коми допускалось включение в систему мировоззрения священных мест и локальных духов-покровителей, почитаемых у народов, ранее обосновавшихся на данной территории.

«Мы на хантыйской земле живем, поэтому их духи на нас влияют» (ПМА. ЯНАО, пос. Ямгорт, 2004, коми).

Подобные контаминации могли быть разными: от полного неприятия и противопоставления *своего* (христианского) мировосприятия *чужому* (языческому) до суеверных страхов перед «инородческими» духами – древними хозяевами сибирских земель, а в ряде случаев – почитания в виде бескровных жертвоприношений. Проезжая или проходя мимо места,

связанного с тем или иным божеством, былинным героем, легендарным событием, оставляли хлеб, нитки, ленточки, монеты и т.п. Считалось, что такая «откупная» жертва может задобрить духов, охраняющих территорию, предотвратить несчастья, которые могут навлечь духи-хозяева за непочтительное отношение к ним.

«В лесу живет куль, его ханты почитают. Мы его боимся, в лес только до обеда ходим. На хантыйские места, где они своим богам молятся, мы не ходим. Кто заходил случайно, потом болели или какое-нибудь несчастье случалось. Оттуда нельзя ничего себе брать. А уж если зашел, то нужно от себя что-нибудь положить, хоть самое простое: хлебушка, монетку, тряпочку, хотя бы ниточку привязать. Вроде как подарок оставила» (ПМА. ЯНАО, пос. Овгорт, 2004, коми).

«На Сосьве есть остров, это – святое место у манси, там их духи живут. Когда мимо острова на катере проплываем, нужно бросить в воду денежку – заплатить за проезд. Всегда бросаем, чтобы дорога была легкой» (ПМА. ХМАО, пос. Сосьва, 2011, коми).

Еще одной формой сакрального освоения новой территории являлось обеспечение патроната предков, которое выражалось в обустройстве кладбищ, соблюдении традиционных норм похоронно-поминальной обрядности. Считалось, что умершие предки оберегают живых потомков и защищают их от негативного воздействия со стороны *чужих* покойников. Например, у обских коми существовал суеверный страх перед могилами хантов и манси, а у русских – перед «старыми татарскими кладбищами» и т.п. Считалось, что *иные* (не соответствующие *привычным* нормам, отличающиеся от *своих*) способы погребения и похоронно-поминальной обрядности других народов не гарантируют безопасности живым, особенно «чужакам». Поэтому русские, украинцы, белорусы, коми и представители других этнических групп переселенцев в Западной Сибири использовали многочисленные средства апотропейной магии (включая христианские обереги) и рассчитывали на мистическое покровительство со стороны предков.

«У нас раньше школа-интернат стояла на нечистом месте. Когда-то там ханты хоронили своих беззубых младенцев. А они покоя после смерти не знают. Построили школу, а в ней неспокойно. По ночам кто-то ходит, то плачет, то смеется, дверями хлопает, двери сами отворялись. Днем ничего не слышно, а ночами начинается...» (ПМА. ЯНАО, пос. Овгорт, 2004, коми).

Похожая история была записана в Новосибирской области у русских и связана с захоронениями татар, живших на данной территории прежде.

«*Старый московский тракт проходил мимом старинного заброшенного татарского кладбища. На месте бывших могил построили дом. Позже там находили человеческие кости, но тогда еще не знали о кладбище. В том доме постоянно что-то чудилось ночами, было невозможно спать. Женщина, которая жила в доме, каждую ночь видела, что ходят какие-то тени, все гремело, бренчала посуда. Однажды она увидела тень женщины в татарской одежде. Тогда догадались, что дом стоит*

на могиле этой женщины-татарки. Потом уехали, и никто в этом доме больше не жил» (ПМА. г. Болотное, 2013, русские).

На частном, семейном уровне сакральное освоение пространства выражалось в обустройстве дома. Первым делом в новый дом приглашали *домового* (*хозяина*, *суседко*), который считался душой дома, помощником домочадцам и их защитником от враждебных потусторонних сил. Образ домового-хозяина является эманацией предка – *чура*, поэтому в ряде случаев *домовой* (как и *чур*) мог выполнять те же функции, что и ангел-хранитель в народно-христианской интерпретации. Параллельно с приглашением домового, обустройством его угла (обычно это место за печкой) и регулярными его «угощениями», совершались христианские обряды освящения дома: вносили иконы, оформляли Красный угол, опрыскивали дом святой водой, на окнах и дверях рисовали крестики и т.п.

Таким образом, освоение новых территорий можно сравнить с процессом сакрального обустройства домашнего пространства, включением его в сферу «своего», пригодного для безопасного проживания. В том и другом случае употреблялись аналогичные способы. Основными среди них были: освящение атрибутами и символикой христианской веры, надежда на защиту со стороны предков-хранителей и задабривание (откупными жертвами) вредоносных духов. Современные полевые материалы показывают, что традиционные механизмы сакрального освоения пространства восточнославянскими и финно-угорскими народами в Западной Сибири сохранились до наших дней и активно применяются на практике.

Список литературы

Любимова Г.В. Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 33–49.

Любимова Г.В. К вопросу о формах материального воплощения народной исторической памяти: феномен святых мест (на материалах истории Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итог. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 362–365.

Л.В. Еремин[1], Л.В. Горбатов[2], И.В. Октябрьская[3]

[1]Хакасский республиканский национальный музей-заповедник
[2]Анхаковский муниципальный музей-заповедник «Хуртях??? тас»
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН

КАМЕННЫЕ СВЯТЫНИ ХАКАСИИ В СОВРЕМЕННЫХ САКРАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ*

Представления о сакральном значении горных вершин и камней являются одним из компонентов традиционной хакасской культуры. В настоящее время на территории Хакасии известны более трехсот подобных культовых объектов. Около сорока из них сохраняют свое значение в сакральных практиках.

Реальностью современной Хакасии являются практики «литотерапии». К объектам, обладающим магическими лечебными свойствами, относятся: изваяние *Ах тас* и скала *Тура хая* (Хакасский республиканский национальный музей-заповедник), изваяние *Улуг Хуртуях тас* (Анхаковский муниципальный музей-заповедник «Хуртуях тас»), изваяние *Хуртуях тас палазы* (Музей под открытом небе «Усть-Сос») и *Салбыкские ворота* (Муниципальный музей «Древние курганы Салбыкской степи»).

Изваяние Ах тас («Белый камень») представляет собой гранитную стелу (высота примерно 2 м) с личиной III–II тыс. до н.э. (окуневская культура). Согласно устной традиции, *Ах тас* излечивает от отеков, нарушений сердечной деятельности, болезней крови. Лечение предполагает соблюдение церемониальных действий, связанных с поклонением и «угощением» камня. По окончании сеанса нужно сразу покинуть это место: надолго задерживаться здесь запрещено. По местным поверьям, камень находится на тропе горных духов. В быличках люди, по недоразумению переночевавшие рядом с *Ах тасом*, безвременно погибали [Еремин, 2007, с. 90; 2011].

Тура хая («Скала-крепость») к северу от с. Казановка напоминает искусственное укрепление. Наскальные рисунки от древности до этнографической современности, как и остатки каменных конструкций, указывают на высокий статус этого объекта [Еремин, 2007, с. 69–75]. Для местных жителей *Тура хая* – зимовье окрестных горных духов, место, где можно избавиться от женских недугов и (для бездетных) получить *хут* (душу) будущего ребенка.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (проекты 12-01-00199а и 11-21-17002).

Согласно существующим воззрениям, женщина, нуждающаяся в лечении, отправлялась к скале одна, с запасом «белой пищи» (молока, творога, сыра). Обойдя скалу по движению солнца, она в четырех местах совершала обряд «сек-сек» (кормление духов), затем устраивалась под деревом с южной стороны, где раскладывала «подарки» и угощения. Полагают, что молитвенные обращения к горным духам и *Ымай-идже* (Богиня плодородия) могли занимать 2–3 дня, пока не будет явлен какой-либо «знак» (птица, сон и т.п.). После этого женщине в течение трех лет запрещалось появляться у скалы. Запреты действовали по отношению к беременным: горные духи могли забрать душу ребенка и «обменять» ее на *хут* детей горных духов, после чего ребенок рождался без бровей, с хвостом или волосатый (ПМ Еремина Л.В., с. Казановка, Респ. Хакасия, 1999).

Хуртуях тас («Великая каменная Мать») – каменное изваяние (высота около 3 м) с антропоморфной личиной на одной из граней (III–II тыс. до н.э.). Впервые описано в 1722 г. Д.Г. Мессершмидтом: «…через 1 час езды по холмистым и голым степям, я достиг очень знаменитой у этих народов статуи Куртуяк. Я зарисовал ее, прилагаю здесь рисунок. Она была сделана из серого песчаника и наискось вкопана в землю. Сзади на спине свисала толстая коса, подобные и сейчас по привычке носят калмыкские и татарские женщины. Никакой надписи не заметил. Татары-язычники с Есь-бельтира, которые мне поставляли лошадей, сделали перед ней много поклонов, и каждый объехал вокруг нее по три раза, после такой церемонии они также перед ней или к пьедесталу на траву, в качестве жертвоприношения положили еду, чтобы она могла этим утолить свой голод. Когда я их спросил, почему они так наивно верят, будто этот неживой камень достоин такой чести, и что разве они не видят, что хищные птицы и лисицы и пр. потом их жертвоприношение растаскивают; они сказали, что слышали от своих предков, что эта Kurtujak, была очень знатная матрона и Кайра-хан или всемогущий бог превратил ее в камень, поэтому они с давних времен чтят ее память, хотя и верят, что хищные птицы съедают их пожертвование…» [Мессершмидт, 2012, с. 132–133].

Современный обряд излечения подробно описан А.Н. Липским: «Во дворе Абаканского музея, в собрании древних изваяний, стоит скульптура Хуртуях тас – каменной старухи, вывезенная мною в 1954 году от улуса Онхакова на Среднем Абакане. Это песчаниковый обелиск, тщательно обработанный, содержащий изваяние лица головы, не выделенной из камня, и хорошо оформленный живот беременной женщины, с вырезанной на нем личиной… так вот, перед этим изваянием стояла молодая хакаска, держа мисочку с аракой – молочной водкой у рта каменной старухи. Рот изваяния обильно смазан сметаной. На земле стояли берестяные туяски с пищей, с аракой и абыртхы – хлебным напитком… Молодая женщина, подставив чашку с водкой ко рту изваяния, что-то шептала, кланяясь Хуртуях тас… Когда молодая женщина кончила молиться, я попросил ее и ее спутников зайти в музей. Здесь после упорных моих расспросов, старая женщина сказала, что молодая, ее невестка, десятый год замужем, но у нее нет детей, а мы слышали, что Хуртуях тас увезли в Абакан, и мы

приехали сюда, чтобы просить ее дать нашей невестке детей…» [1970, с. 6–7].

В 2003 г. изваяние было возвращено в Сагайскую степь и стало основой собрания Анхаковского музея-заповедника. Сегодня *Хуртуях тас* установлено в павильоне, но содержание обрядов, проходящих рядом с ним, имеет ту же направленность. Несколько лет назад возникла традиция посещения музея молодоженами в рамках свадебного торжества. У *Хуртуях тас* принято просить семейного счастья и потомства. Подношением служит «белая еда», хлеб, печенье, детские вещи и игрушки, которые оставляют в павильоне.

Изваяние ***Хуртуях тас палазы*** находится на территории Музея под открытым небом «Усть-Сос» (открыт в 2009 г.). Здесь на площади в 62 га находятся сотни археологических объектов, но основа комплекса – изваяние эпохи ранней бронзы, найденное на берегу р. Абакан, на месте разрушаемого тагарского могильника. Памятник (высота 1,5 м) с антропоморфной личиной установлен в центре экспозиционной площадки и поименован *Хуртуях тас палазы* («Дитя Хуртуях тас»). Согласно устной традиции, это – один из детей Хуртуях, который утонул, когда семья, спасаясь от врагов, переправлялась через реку. *Хуртуях тас палазы* (музейные сотрудники называют его «сынок») унаследовал часть «материнских» качеств. *Хуртуях тас палазы* почитается, прежде всего, из-за магической силы. Если женщина хочет родить мальчика, то она должна прикоснуться три раза к изваянию, тогда непременно родится сын (ПМ Еремина Л.В., с. Усть-Сос, Респ. Хакасия, 2012). Генерирование новых обрядовых практик в этом случае основано на воспроизведении обрядов поклонения *Улуг Хуртуях тас*.

Салбыкские ворота – часть уникального комплекса Салбакского кургана, который превращен в Муниципальный музей в 2007 г. Так называемые «Салбыкские ворота» находятся за пределами территории музея, но почитаются и посещаются в рамках единой программы поломничества. Они также являются сравнительно новой святыней. До 1997 г. отдельно стоящий поминальный каменьи лежащая перед ним каменная плита (поздний этап тагарской культуры IV–III вв. до н.э.) не посещались страждущими. Практика возникла 15 лет назад. Но с момента «освящения» Салбыкские ворота обрели устойчивый статус «места силы».

В интерпретации неоязычников здесь находится «вход» в Долину Царей (Салбыкская долина). О современном значении «ворот» можно судить по описанию этого объекта, размещенному на туристско-информационном портале Республики Хакасия: «В последние годы, благодаря проведенным научным исследованиям было установлено, что менгиры «Большие ворота» расположены в эпицентральной части двухполюсной биолокационной аномалии, в точке наибольшего градиента, что позволяет эффективно проводить коррекцию биополя человека путем воздействия, как на его энергетические точки тела, так и на отдельные системы…» [Электронный ресурс, 12.10.2013]. Пассаж о «коррекции биополя человека» повторяется на многочисленных туристических и «эзотерических»

сайтах, дополняясь различными подробностями и описанием чувственного опыта.

Таким образом, древние практики «литотерапии» и почитания камней и горных вершин продолжают существовать, тиражироваться и реинтерпретироваться. В настоящее время они имеют надэтнический характер, включаются в различные системы эзотерического и квазинаучного знания. При этом нивелируется характерный для традиционного сознания образ «живого» локуса – особого пространства гармоничной включенности человека в мирозданье на условиях равновесия реального и трансцендентного, природного и социального. На смену сакральным действиям, способным восстановить космическое равновесие (избавить от болезни), приходят технологии, согласно которым структуру мира определяют «энергетические потоки», а человек превращается в «энергетическую частицу».

Ритуалы лечения подобны доступному современному человеку процессу «зарядки». Сциентизация и мифолигизация определяют отношение к историко-культурным ландшафтам Хакасии современных горожан. Развитие техник «литотерапии» поддерживают новые религиозные движения (неоязыческого, неошаманского толка).

В границах горно-степной зоны региона формируется сложное мифоритуальное пространство, где сосуществуют родовые институализации, связывающие в единое целое человеческое и природное, представленное горными духами-хозяева и «оживотворенными» камнями сообщество; сциентистская мифология новых религиозных движений и квазинаучные схемы, в различной степени востребованные современным сообществом.

Список литературы

Еремин Л.В. Тропою горных духов: археологические экскурсии по Хакасскому музею-заповеднику «Казановка». – Красноярск: Платина, 2007. – С. 69–75, 90.

Еремин Л.В. Музеи-заповедники Хакасии. – Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2011. – С. 51–88.

Липский А.Н. Енисейские изваяния. – Абакан, 1970. – С. 6–7.

Мессершмидт Д.Г. Дневники. Томск-Абакан-Красноярск. 1721–1722. – Абакан: Журналист, 2012. – С. 132–133.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.turism19.ru/ru/unique_places/726.html (дата обращения: 12.10.2013).

М.А. Жигунова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРИ

К началу XXI в. человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров, контуры которых все больше «размываются» в связи с глобализацией культурного пространства, высокой коммуникативностью, плюрализацией культурных языков и кодов, высокой миграционной активностью. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования закономерностей и особенностей развития современных этносов, сохранения этнокультурной идентичности. Анализ этой проблематики необходим не только для разработки концепций современного социокультурного развития регионов, но и для профилактики межэтнических и межрелигиозных конфликтов. Основным источником для нашей работы послужили полевые этнографические и этносоциологические материалы, собранные экспедициями ОмГУ, Омского филиала ИАЭТ СО РАН, Сибирского культурного центра, а также лично автором в различных регионах Западной Сибири в 1974–2013 гг.

Современное население Западной Сибири отличается неоднородностью. Его специфику во многом обусловили следующие основные факторы:

1) *история заселения* (сюда ехали выходцы практически из всех губерний Европейской России и Урала, ссыльные и каторжане, репрессированные, мигранты из областей и бывших республик СССР, различные по конфессиональной, этнической и социальной принадлежности);

2) *проживание в разнообразных природно-географических условиях* (от тундры и тайги на севере до степей и гор на юге);

3) *многообразие форм хозяйственной деятельности* (земледелие и животноводство, охота и рыболовство, пчеловодство и собирательство, различные промыслы и ремесла);

4) *пестрый этнический и религиозный состав* окружающего аборигенного населения;

5) *активные межэтнические контакты*, включая брачные [Жигунова, 2013, с. 85].

В настоящее время в Западной Сибири проживают представители около 200 различных народов.

Под этнокультурными процессами понимаются основные изменения, происходящие в материальной и духовной культуре этноса. Наиболее

значимые работы по этой проблематике, включая методологические разработки, опубликованы в конце XX в. [Традиции в современном обществе…, 1990; Этнокультурные процессы…, 1992]. Среди главных факторов, детерминирующих этносоциальные процессы в разных регионах Сибири, можно выделить следующие: общие тенденции мирового развития; экономическая и национальная политика государства; особенности регионального этнокультурного массива и протекающих здесь миграционных процессов; исторический опыт этнокультурных взаимодействий [Попков, 2007, с. 67–71].

Современный период характеризуется не только экономическим кризисом, но и кризисом идентичности. Опросы 2000-х гг. демонстрируют многообразие вариантов этнического/национального самоопределения, среди которых встречаются самые различные категории. С каждым годом растет количество лиц, затрудняющихся четко определить свою этническую принадлежность либо указывающих смешанную и множественную идентичность. Ученые считают, что в XXI в. оценка людьми своей принадлежности к определенной нации станет чрезвычайно существенной, «поскольку признаки этнической принадлежности людей заключаются не в отмирающей показной символике, такой, как национальные костюмы или блюда, а в полных глубокого значения традициях их народов» [Льюис, 2001, с. 12].

Территория Сибири – зона активных этнических взаимодействий. Здесь издавна проживают представители различных народов, религий, культур [Население Сибири…, 2011]. Согласно обработанных нами данным архивов отделов ЗАГС, в 1950–1970-ее гг. в отдельных частях Западной Сибири межнациональные браки составляли 38–73 % всех зарегистрированных союзов, в настоящее время – около 20 %. Современное отношение к межнациональным бракам неоднозначно. Более половины опрошенных полагают, что национальность при вступлении в брак не имеет значения: *«Лишь бы человек был хорошим, да любили друг друга»*. Следует отметить, что подобная толерантность к этнической принадлежности брачного партнера больше всего характерна для представителей славянских народов.

Начиная с 1990-х гг., все чаще стали встречаться люди, определяющие себя *сибиряками*. Интересно, что таковыми считают себя некоторые русские, немцы, казахи, татары, армяне и др. Летом 2012 г. в президиуме СО РАН прошла презентация исследования «Сибиряк: составляющие образа: особенности идентичности», проводившегося при поддержке фонда Фридриха Эберта (Германия). Социологи А. Анисимова и О. Ечевская подтвердили неоднозначность понятия «сибиряк». Согласно свидетельствам переписчиков, участвовавших во Всероссийской переписи населения 2010 г., среди вариантов национального самоопределения встречались «сибиряки». Отношение в современном российском обществе к этому факту неоднозначно: от чувства гордости за сформировавшееся и официально зафиксированное региональное самосознание жителей сибирского региона до обвинений в национализме и сепаратизме [Жигунова, 2011,

с. 11–15; Ремнев, 2011, с. 109–128]. Существенную роль в трансляции современной региональной идентичности играют музейные и другие экспозиционно-выставочные проекты [Роль музеев…, 2013]. В качестве примеров можно упомянуть выставку «Сибиряки» в Новосибирском государственном краеведческом музее и региональную художественную выставку «Сибирь-XI» в г. Омске в 2013 г.

Культурную специфику каждого этноса во многом обуславливают религиозные представления и обряды, нормы поведения. В конце XX в. произошли существенные изменения в отношении общества к религии (от «воинствующего атеизма» до «повсеместной религиозности»). Характерным явлением стало возрождение и строительство новых культовых сооружений. Примерно половина опрошенных призналась, что хотя бы иногда посещают церкви, молитвенные дома и т.д. Чаще всего это происходит во время религиозных праздников и обрядов, а также «по душевной потребности», «из любопытства». Однако конфессиональное самоопределение большинства респондентов свидетельствует о приверженности не столько к определенной религии и образу жизни, сколько к исторически сложившейся народной традиции, принятию чисто внешних элементов религиозной культуры.

Из семейных обрядов наиболее консервативны обряды похоронно-поминального цикла, а наименьшей сохранностью отличаются родильно-крестильные обряды. В свадебной обрядности наряду с многочисленными новациями немало традиционных черт. Все большую популярность приобретают церковные ритуалы, приуроченные к обрядам жизненного цикла. Некоторые молодожены совершают гражданский и церковный обряды, которые могут проходить одновременно или со значительным временным отрывом.

Самым устойчивым среди фольклорных жанров остается внеобрядовая лирическая песня. Утрачивается знание обрядового фольклора, былинных эпических сказаний и легенд. Активно бытуют частушки, анекдоты, пословицы и поговорки. Основу развития современной духовной культуры составляет синтез фольклорной и профессиональной культур. Влияние современных процессов глобализации, урбанизации и стандартизации быта наиболее четко прослеживается в сфере материальной культуры [Жигунова, Шелегина, 2004, с. 62–89].

Процессы, протекающие в современной Сибири, являются отражением тенденций развития российского обществе в целом. Социальная стратификация и поляризация по уровню доходов, ориентация на различные традиции (народные, советские, религиозные, западные, восточные и т.д.) породили многообразие форм современной культуры. Определяющее значение стали играть не этническая, религиозная или сословная принадлежность, а финансовые возможности и личные вкусовые предпочтения отдельной семьи или человека. Современное состояние самосознания можно охарактеризовать как кризисное, поскольку зачастую не совпадает самоидентификация и реальная ситуация, этноним и происхождение, а также языковая, этническая, конфессиональная и этнокультурная иден-

тичности. Что касается традиционной культуры, то одни ее элементы сохраняются (полностью или частично), другие трансформируются и приспосабливаются к изменяющимся условиям общественного быта. Наряду с этим идет процесс появления и включения в традиционно-бытовую культуру новых и заимствованных элементов. Несмотря на многообразие культурных процессов, наличие многослойных напластований и синкретизм различных культурных традиций, основными являют этнокультурная консолидация и выработка общесибирских форм традиционно-бытовой культуры в русле общенациональных русских традиций.

Список литературы

Льюис Д. После эпохи атеизма: религии и народы России и Средней Азии / Пер. с англ. С. Сапронова. – СПб.: Шандал, 2001. – 304 с.

Жигунова М.А. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // Родина. – 2011. – № 11. – С. 11–15.

Жигунова М.А. Российские переселенцы в Сибири: этнокультурный аспект // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Ист. России. – 2013. – № 2. – С. 75–86.

Жигунова М.А., Шелегина О.Н. Материальная культура русского населения Сибири в XX веке: традиции и новации // Русский этнос Сибири в XX веке. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2004. – С. 62–89.

Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: сб. науч. тр. – Омск: Полиграф. центр КАН, 2011. – 348 с.

Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в Сибири: ценностные ориентиры, тенденции, проблемы самоорганизации // Этносоциальные процессы в Сибири: темат. сб. – Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. – Вып. 8. – С. 67–71.

Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. – 2011. – № 3 (62). – С. 109–128.

Роль музеев в формировании и трансляции региональной идентичности: сб. науч. ст. – Новосибирск: Параллель, 2012. – 294 с.

Традиции в современном обществе: исследования этнокультурных процессов. – М.: Наука, 1990. – 248 с.

Этнокультурные процессы: методы исторического и синхронного изучения. – М.: Наука, 1982. – 242 с.

Е.В. Ким

Институт археологии и этнографии СО РАН

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КОРЕЙЦЕВ СИБИРИ (проблема актуализации начала XXI века)

Первые корейские переселенцы появились на российском Дальнем Востоке в 1860-е гг. [Пак, 1993, с. 102]. С этого момента численность корейского населения в России постоянно росла. Помимо добровольных корейских переселенцев японское правительство проводило в 1930–1940-е гг. мобилизацию корейского населения на о. Сахалин для выполнения трудовой повинности. Таким образом, существовали два основных потока миграции корейцев в Россию: добровольный на Дальний Восток, насильственный на о. Сахалин. В 1937 г. т.н. «материковые» корейцы были депортированы в среднеазиатские республики. Сформировались два центра компактного проживания корейцев: Средняя Азия и о. Сахалин. После снятия запрета на передвижение из мест депортации в 1950-е гг. корейцы активно начали расселяться по всей территории страны, в т.ч. по Сибири. В результате в Сибири сложились корейские объединения городского и регионального уровня.

К началу XXI в. наиболее многочисленные сообщества корейцев Сибири сложились в регионах с развитой образовательной и экономической инфраструктурой – в Новосибирской (3 193 чел.), Иркутской (1 342 чел.), Томской (1 207 чел.) областях, Алтайском (1 214 чел.) и Красноярском (1 029 чел.) краях [Итоги…, 2010]. Однако их доля в общей численности населения не превышает 0,1 %. В Новосибирске, Иркутске и Томске корейцы представлены национально-культурными автономиями. В других городах Сибири действуют культурные центры и общественные организации. В Новосибирской области большинство корейцев (85 %) проживают в г. Новосибирск, имеют высокий уровень образования и значимый социальный статус.

Для корейцев Сибири и России в целом характерна частичная утрата таких этнодифференцирующих признаков, как язык и культура. В этой ситуации особое значение приобретает этническое самосознание, которое, по мнению Ю.В. Бромлея, является важнейшим этнодифференцирующим признаком [1983, с. 59]. Конструктивисты же подчеркивают ситуативность и изменчивость данной характеристики в зависимости от социальной реальности и групповых интересов [Тишков, 2003, с. 112]. В от-

личие от социальной идентичности, этническая идентичность наиболее отчетливо проявляется в межкультурном взаимодействии (например, во взаимоотношениях мигрантов и принимающего общества).

Для изучения этнической идентичности в рамках авторского исследования был проведен тест Куна-Макпартленда по выявлению структуры самосознания и степени значимости для респондентов ее различных компонентов. Анкетирование проходило на выборке по 100 чел., в два этапа: 1) в 2006–2007 гг.; 2) 2012–2013 гг. Выборка формировалась методом случайного отбора среди жителей Новосибирской, Томской, Иркутской областей, Алтайского и Красноярского краев в возрасте от 17 до 60 лет.

Тест Куна-Макпартленда разработан в 1950-е гг. для изучения самоидентификации личности. Респонденту предлагается 20 раз ответить на вопрос: «Кто я?», используя только существительные в том порядке, каком ответы приходят в голову. Данный метод позволяет выявить иерархию идентичности корейцев Сибири.

Результаты тестирования 2006–2007 гг. показали, что при выполнении теста у 57 % опрошенных среди 20 существительных присутствовал этноним (кореец или кореянка). 25 % опрошенных расположили этот ответ в числе первых трех пунктов. Остальные 32 % респондентов, у которых присутствовал этноним в числе 20 ответов, расположили его в числе последующих пунктов. Аналогичный опрос 2012–2013 гг. продемонстрировал следующее: у 77 % опрошенных в структуре самоидентификации присутствовала этническая составляющая. 33 % респондентов расположили этноним в числе первых трех пунктов, а 44 % – в числе последующих. Это свидетельствует об актуализации этнической идентичности у российских корейцев.

Таким образом, у некоторых респондентов этноним в структуре самоидентификации отсутствовал, другие расположили его в числе первых трех, а остальные – в числе последующих характеристик. Средний ранговый номер этнических самооценок сибирских корейцев в 2007 г. был равен 3,4, а в 2013 г. – 4,4. Низкий ранговый номер (ближе к 1) свидетельствует о значимости этнической принадлежности для членов группы, о напряженной работе механизмов социально-психологической защиты группы от разрушения [Лебедева, 1999, с. 187]. Ранговый номер этнических самооценок от 3 до 4 в целом по группе, наряду с другими показателями, согласно Н.М. Лебедевой, характеризуют модель, которая складывается в ситуации устойчивости этнокультурной группы, когда межэтнические отношения строятся по типу интеграции.

Во второй части анкеты респондентам предлагалось расставить в порядке значимости следующие понятия: «россиянин», «сибиряк», «житель г. Новосибирска/Томска» и т.д., «кореец», «российский кореец».

По средним показателям на первое место в 2007 г. сибирские корейцы поставили понятие «российский кореец», а в 2013 г. – «кореец». Оба опроса показали, что для респондентов наиболее значимыми являются понятия «кореец», «российский кореец», «россиянин», в то время как понятия «сибиряк» и «житель г. Новосибирска/Томска» отходят на второй план.

Это можно объяснить тем, что подавляющее большинство респондентов в Сибири являются мигрантами, следовательно, региональная и городская идентичность в их самосознании уступает этнической и гражданственной. По данным опросов можно сделать вывод: для сибирских корейцев характерен достаточно высокий уровень этнической идентичности. Однако корейское сообщество Сибири четко ассоциируют себя с Россией.

«Всё-таки 140 лет назад не зря наши предки переехали сюда, и мы сейчас комфортно ощущаем себя в России… Мы чувствуем себя достаточно уверенно. Будущее у нас есть и особенно на томской земле. Мы считаем себя томичами, россиянами» [Ким, 2004, с. 23].

«Однозначно я к России ближе, чем к Корее. Я часто там бываю по делам, там живет мой сын, но я, в первую очередь, россиянин. Возможно, это пошло из прошлого: раньше все были советскими людьми, а национальность была на втором плане (ПМА. г. Новосибирск, 2012).

Такая отчетливая гражданская идентичность характерна для большинства респондентов, несмотря на тесные связи корейцев с Республикой Корея. Один из респондентов даже выразил недовольство тем, что в русском языке нет термина, обозначающего понятие «российский кореец», и предложил называть его «корусом». Другие же респонденты отмечали, что в Корее ощущают себя русскими, хотя владеют языком и высоким статусом на исторической Родине. Иными словами, оба теста показали, что, несмотря на длительное проживание в иноэтничной среде, российские корейцы сохранили этническую идентичность. Включенность корейцев в российское общество свидетельствует об успешности адаптационных процессов.

По мнению Л.М. Дробижевой, если в обществе нет соперничающих социальных групп, различающихся по этнонациональному признаку, и нет конфликтов, тогда принадлежность к этнической общности становится для личности если не формальной, то несравнимо менее существенной, чем принадлежность к социальной или политической группе, к коллективу. В обычных условиях (без «внешнего давления») для самоидентификации большее значение приобретают те культурные различия, которые осознаются в процессе межэтнических сопоставлений [Дробижева, 1985, с. 6].

Для корейцев России не характерны крупные конфликты с доминирующим населением. Корейское сообщество России интегрировано в социальную среду. При этом для него характерно сохранение этнической идентичности одновременно с частичным усвоением культурных ценностей других этнических групп.

Актуализацию этнической идентичности среди корейцев Сибири за сравнительно короткий период – с 2006 по 2013 г. – можно связать с резким повышением статуса Республики Корея в мировой сообществе. Для этого периода характерна активизация российско-корейских политических и экономических отношений, диаспоральных стратегий страны исхода по отношению к зарубежным соотечественникам. В настоящий момент корейцы Сибири являются сообществом с набором этнически значимых характеристик, актуализация которых происходит под воздействием внешних факторов.

Список литературы

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 391 с.

Дробижева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // СА. – 1985. – № 5. – С. 3–16.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

Ким О.П. Будущее у нас есть и, особенно, на томской земле // Территория согласия: журнал о жизни народов Томской области. – 2004. – № 3. – С. 22–23.

Лебедева Н.М. Социально-психологические критерии устойчивости этнокультурных групп: методы этноэкологической экспертизы. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1999. – 299 с.

Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. – М.: Изд-во Ин-та востоковедения, 1993. – 261 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу: исследование по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 543 с.

Ю.С. Ковальчук

Институт археологии и этнографии СО РАН

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ Л.М. РУСАКОВОЙ В МУЗЕЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ИАЭТ СО РАН

В Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН за многие десятилетия собрана богатая коллекция по этнографии русских. Большая часть коллекции появилась в фондах музея благодаря активной подвижнической деятельности сотрудника института, кандидата исторических наук Русаковой Лидии Михайловны (1936–2009). В результате этнографических экспедиций 1970–1980-х гг. по Алтаю и Восточному Казахстану, а также американской экспедиции 1990 г. в Орегон (США) в фондах музея оказалось большое количество уникальных предметов, возраст которых превышает вековую давность: традиционной одежды, стеновых полотенец, поясов и головных уборов русских крестьян.

Л.М. Русакова родилась в г. Ясиноватая Донецкой области. В 1959 г. она окончила МГУ. С 1961 г. она работала в СО АН СССР: в комиссии по общественным наукам, затем в отделе гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства и ИИФФ. Будучи сотрудником ИИФФ АН СССР, Л.М. Русакова была сотрудником сектора феодализма. С переходом в 1976 г. в отдел археологи и этнографии ее научный интерес сосредоточился на крестьянском искусстве русских, что привело исследовательницу в этнографическое поле. Л.М. Русакова стояла у истоков формирования этнографических коллекций СО АН СССР. Начав свою экспедиционную деятельность в совместных отрядах археографов Н.Н. Покровского и Е.К. Ромадановской, Л.М. Русакова вскоре стала осуществлять самостоятельные экспедиции в должности начальника отряда. Маршруты Алтайского этнографического отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР, в котором работала Лидия Михайловна, лежали на Алтай и в населенные пункты вдоль р. Бухтармы – места проживания старообрядцев. В 1977 г. Л.М. Русакова посетила населенные пункты Усть-Кокса, Топольное, Каргон, Солонешное и Сибирячиха, в 1978 г. – Серебрянск, Сенное, Александровка, Белая, Езовая и Коробиха, в 1979 г. – Зыряновск, Новая Бухтарма, Серебрянск, Бояновск, Богатырево, Секисовка, Тургусун и Лесная пристань, в 1980 г. – Мульта,

Гагарка, Усть-Кумир, Березовка, Парыгино, Ивановка, Талица, Каргон, Усть-Кокса и Зыряновск, в 1981 г. – Быструха, Секисовка, Малоубинка и Соловьево, в 1982 г. – Топольное, Усть-Кокса и Секисовка, в 1984 г. – Березовка, Усть-Кокса, Корнилово, Столбово и Аллак, в 1990 г. – г. Вудбурн, Орегон (США).

Сегодня в этнографической коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН хранятся около 700 предметов, собранных Лидией Михайловной Русаковой. Самые впечатляющие собрания: 186 рушников, привезенных с Алтая и из Восточно-Казахстанской области; 124 пояса и 13 свадебных тканых вожжей. Есть в коллекции полотенца с сюжетными изображениями и геометрическим орнаментом, выполненные в разной технике и датируемые XIX–XX вв. Среди предметов, собранных среди бухтарминских староверов (этнографической группы-изолята), десятки полотенец датируются XIX в. и характеризуются архаичными принципами построения композиции, структурой декора, техники тканья и вышивки. Результаты анализа семантики полотенец и их научная публикация представлена Лидией Михайловной в статьях «Орнаментика полотенец сибирских крестьянок (традиции и новации)» [Русакова, 1983] и «Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенец сибирских крестьянок» [Русакова, 1985]. Л.М. Русакова не успела опубликовать монографию с цветными иллюстрациями, задуманную как обобщение результатов многолетнего исследования русских поясов. Рукопись утеряна.

Коллекция текстиля, собранная Л.М. Русаковой, включает 50 скатертей, 11 шалей, образцы вышивки и кружева. Среди одежды 33 сарафана, 29 рубах (в т.ч. мужских), 21 «рукав» и 12 женских головных уборов (шашмуры, кички, кокошник). Жемчужина коллекции – хорошо сохранившаяся мужская свадебная рубаха «поляков», богато декорированная вышивкой (геометрический узор). Такой экспонат есть не во всех российских музеях. Женские костюмы дополняют привезенные исследовательницей украшения (16 ед.) – бусы, серьги и перстень.

Пополнила Л.М. Русакова музейную коллекцию и предметами производящего хозяйства (расписные прялки, ткацкий станок, бёрда), домашнего быта и обихода (посуда стеклянная и деревянная, утюги, глиняные сосуды, вальки, маслобойка), интерьера (ковры и дорожки, расписной шкаф для посуды) сибирских крестьян.

Отдельно следует отметить уникальную этнографическую коллекцию, собранную Л.М. Русаковой в 1990 г. у старообрядцев г. Вудбурн штата Орегон (США). Она насчитывает 84 предмета: одежду и ее элементы, украшения интерьера. Эти старообрядцы – выходцы из районов на р. Бухтарма (первая пол. XX в.). Большинство предметов коллекции опубликованы Лидией Михайловной в статье «Коллекция одежды старообрядцев-сибиряков штата Орегон (США)» [Русакова, 2003]. Опыт, накопленный исследовательницей в экспедициях, позволил провести сравнительный анализ покроя и материала одежды старообрядцев, переселившихся в США, выделив новации и подчеркнув традиции.

Надо признать, что такая репрезентативная коллекция, многие материалы которой уникальны, могла быть собрана благодаря личному обаянию Лидии Михайловны, ее способности находить общий язык с информаторами, расположить к себе в разговоре, вместе спеть русские и украинские песни. Необходимо отметить деятельность Лидии Михайловны по популяризации народной культуры. Неоднократно она становилась участницей показов русских традиционных костюмов для самой разной аудитории. Во время таких показов исследовательница подробно рассказывала об особенностях одежды, ее обрядовом значении.

Л.М. Русакова проделала большую работу не только по фотофиксации объектов исследования и их фактическому собиранию, но и по систематизации, научному анализу материала. Она порайонно охарактеризовала основные виды крестьянского искусства дореволюционной Сибири, материалы изготовления, технические приемы, основные мотивы резьбы по дереву, вышивки, тканья, образцов художественного металла [Русакова, 1989]. Для Лидии Михайловны важной была задача дешифровки семантики мотивов и композиций на обрядовых полотенцах и поясах старообрядцев Алтая и Бухтармы. Л.М. Русакова обращалась к анализу семантики археологических памятников, выводя значение семантических образов с древнейших времен. Во многом ее научная интерпретация была ограничена идеологическими запретами на упоминание и изображение элементов свастики, доля которых на архаичных рушниках и поясах, привезенных из экспедиций, была велика.

Лидия Михайловна обладала высокой работоспособностью. Ею проделана огромная исследовательская работа в фондах столичных музеев, музеев Сибири и Восточно-Казахстанской области. Она скрупулёзно изучала семантику, технику изготовления, пошив текстиля и традиционной одежды русских, ведя записи, копируя на кальку рисунки. В архиве музея ИАЭТ СО РАН хранятся фотографии предметов, 10 полевых дневников за 1977–1985 гг., прорисовки на кальке, экспедиционные рисунки традиционной одежды и орнаментов, а также тетрадь с подробным описанием полотенец из фондов районных музеев восточного Казахстана (Усть-Каменогорского и Восточно-Казахстанского окружного).

Основная часть информации в дневниках представлена именами и контактными данными респондентов, описанием населенных пунктов. К сожалению, в них практически отсутствуют рассказы информаторов о тех вещах, которые они передали в дар или продали в музейные собрания. Лишь изредка упоминаются жизненные истории крестьян о том, как сказались на личных судьбах и истории деревень трагические события XX в.

В 2013 г. в рамках проекта «Открытый архив СО РАН как электронная система накопления, представления и хранения научного наследия» ведется расшифровка и публикация полевых дневников, фотоархива, полевых рисунков, сделанных в экспедициях Л.М. Русаковой.

Благодаря преданности делу таких этнографов-собирателей, как Л.М. Русакова, сегодня предметы традиционной культуры славянских народов сохраняются в музейных коллекциях. Обеспечение максималь-

ного информационного доступа научной и заинтересованной общественности к коллекциям и формирование интереса к культурному наследию нашего народа являются первоочередными задачами музея. Их успешное решение связано с реализацией программы по созданию виртуального музея, ставшей возможной благодаря политике развития компьютеризации и информатизации российского общества.

Список литературы

Русакова Л.М. Орнаментика полотенец сибирских крестьянок (традиции и инновации) // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1983. – С. 104–126.

Русакова Л.М. Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенец сибирских крестьянок // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XIII – начало XX в). – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 121–138.

Русакова Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – 196 с.

Русакова Л.М. Коллекция одежды старообрядцев-Сибиряков штата Орегон (США) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – 4 (16). – С. 130–142.

А.А. Люцидарская

Институт археологии и этнографии СО РАН

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ТОМСКА ПО ДАННЫМ РАСХОДНОЙ КНИГИ 1630–1631 ГОДОВ

Томские делопроизводители XVII в. подробным образом фиксировали постоянные пополнения и расходы казны. Подобный учет позволяет выявить деятельность воеводской администрации по казенному жизнеобеспечению города и близлежащей округи.

Жизнеобеспечение включало целый ряд параметров: продовольственное снабжение населения, обустройство города и близлежащих территорий, благоустройство колонистов, создание бытовых условий, привычных для жителей европейской части страны. Весь этот круг проблем ложился на плечи воеводской администрации сибирских городов. Наибольшие сложности возникали на начальном этапе колонизации края, поскольку необходимо было регулировать отношения с аборигенным населением. На примере г. Томска можно проследить, как буквально ежедневно местная администрация решала вопросы, поставленные жизнью. На воеводстве в начале 1630-х гг. в г. Томске был князь Петр Пронский.

Источником такого исследования послужила книга разных неокладных мелких расходов по Томскому городу за 1630–1631 гг., изданная Томским государственным университетом [Томск…, 2005, с. 98–112]. В документе зафиксированы почти ежедневные казенные расходы воеводских властей. В настоящем тексте, за редким исключением, использованы сведения из указанной расходной книги.

Сибирские управленческие структуры, следуя московской политике, пытались создать собственное сельскохозяйственное производство, отказавшись от поставок продовольствия из других областей. Постепенно в пригодных для земледелия регионах формировалось крестьянское население. В XVII в. крестьяне Томского уезда часто обращались за помощью к администрации. В частности, им выделялись средства на телеги, топоры и сани: «Ноября в 17 день пашенному крестьянину Шумилке Полуянову на сани шесть алтын четыре деньги дано». Надо заметить, что Ш. Полуянов имел уже действующее хозяйство. Старосте пашенных крестьян Р. Мартынову были выделены деньги для наемщиков «от пахоты государевой десятинной пашни». Из этой записи видно, что нехватку рабочих рук приходилось крестьянам компенсировать наймом случайных людей

для производства необходимых работ. Такие расходы можно считать одноразовыми и в определенной степени случайными.

Однако крестьянское население не прекращало пополняться за счет переселенцев из центральной России. Сибирской администрации приходилось решать проблемы вновь прибывших и еще не обустроившихся крестьян. Они еще не «осели на земле», поэтому зачастую привлекались к случайным работам, чтобы прокормиться первое время. Так, «новоприсыльному» пашенному крестьянину были выделены деньги на топор для заготовки дров в торговые бани, а другой крестьянин был использован в качестве «водолива» в тех же банях.

У томичей (преимущественно служилых) воеводская администрация покупала лошадей для нужд вновь прибывшего крестьянского населения. Так, 14 мая были куплены 3 лошади и «даны новоприсыльным пашенным крестьянам для государевой пашни». Подобные операции производились часто. Лошадей покупали и для «сосланных в пашню». 17 мая были приобретены у горожан лошади «для государевой десятинные пашни и отданы новым ссыльным». Выдавались деньги и на «всякие пашенные мелкие заводы»: по 16 алтын 4 деньги человеку. Получали деньги на телеги, орала и оральники, серпы, топоры и иной крестьянский обиход. Выдавались средства и на «подмогу».Так, 2 июня «пашенным крестьянам, которые присланы вновь, государева жалованья на подмогу» выделили по 3 рубля на человека. Это была значительная сумма, учитывая, что деньги на «подмогу» получили 200 человек.

На содержание мельниц тоже требовались казенные расходы. Томский кузнец Ф. Еремеев был отправлен вверх по течению р. Томи для поисков необходимых мельничных камней на жернова. На нужды мельничного дела казной приобретались сало для смазки, деготь и пешня. Все вышеперечисленные расходы были направлены на продовольственное обеспечение населения мукой.

Из записей в расходной книге стало известно, что на «городовой» башне в 1630 г. возводили колокольню – знаковый элемент для символики города, к тому же служивший для экстренного оповещения жителей. Кроме того, на башне подгородного острога возводился сруб, который увеличил обзор местности.

Казна отпускала деньги на приобретенье и строительство стругов. Этот вид водного транспорта использовался в г. Томске для перевозки казны и различных грузов, а также отправки небольших отрядов казаков на караульные службы. Струг, приобретенный у служилого человека Ильи Верхотурца, имел размер 5 сажень и предназначался для переброски казаков-караульщиков.

Коренные народы Сибири, в окружении которых жили колонисты, были частыми «гостями» Томска. Они появлялись в городе по делам, связанным с подачей ясака, а также с просьбами и претензиями различного толка. Пребывание аборигенных жителей в Томске бывало длительным. За время посещения города они не только решали свои проблемы, но и знакомились с бытом колонистов, приобретали необходимые вещи.

Представителей аборигенов устраивали в городе и кормили за счет казны. На их питание у местных жителей покупалось говяжье мясо и рыба. Приобретение продуктов способствовало развитию томских мясных и рыбных промыслов.

Большое внимание воеводская администрация уделяла содержанию городских бань. В 1630-е гг. в Томске функционировали минимум 2 общественные бани – мужская и женская. При банях за счет казны работали водоливы, которые постоянно обеспечивали посетителей водой, а также заготовители и рубщики дров. Банные водоливы получали по полтине в неделю. Поставлялся в бани продажный квас, который варили специально для этих целей. Известно, что «гулящий человек» Г. Иванов изготовил в торговую баню емкость для кваса, а у десятника конных казаков была куплена баня, в которой изготавливался квас для нужд торговых бань. В общественных банях чинили и перекладывали печи. Как правило, подобные работы выполняли «гулящие люди», а также получали возможность заработать крестьяне, еще не приступившие к прямым обязанностям. Значение, которое придавалось в г. Томске организации пользования банями, обусловлено заботой о противопожарной безопасности города в летний период. Кроме того, в годы своего правления П. Пронский (1629–1631 гг.) «отнял у всех людей дворовые их бани и отдал татарам». Эта (вероятно, временная) принудительная мера воеводы привела к массовому недовольству жителей города, что отражено в челобитной на царской имя (РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 819. Л. 12об.).

Городское хозяйство требовало постоянной заботы. Заготавливались бревна «на острожное дело», наводился порядок в государевых погребах, в т.ч. «зелейном» (для военных запасов), чинились крыши на казенных овинах. Приказная или съезжая изба – место пребывания городской администрации, где решались все насущные вопросы, – тоже входила в систему городского хозяйства. Съезжая изба постоянно снабжалась светильниками, свечами и бумагой. Для печей в административные помещения заготавливались дрова. Каждодневная деятельность воеводских служб контролировала жизнеобеспечение горожан, поддерживая должный порядок в городе.

В Томске в тот период действовали 2 тюрьмы – русская и татарская (по случаю длительного проживая татар в черте города). Правонарушения пресекались и наказывались. В городе работали 2 палача, исполнявшие предписанные наказанья нарушителям (обычно это было битье кнутом или батогами). В русской тюрьме в 1630 г. сидели 30 чел., в татарской – 25 чел. Примечательно, что в знаменательные даты тюремным сидельцам выдавали по алтыну на человека для «государева многолетнего здоровья». Деньги эти использовались, скорее всего, на спиртное.

Жизнедеятельность православного города в XVII в. невозможно представить без постоянной опеки духовенства. Церковные службы, сопровождаемые колокольным звоном, регламентировали распорядок дня, давая представление о течении времени. Богослужения по случаю многочисленных православных праздников проходили во всех церквях.

Молебны устраивали и по случаю памятных дат, связанных с царской семьей, подчеркивая значимость и авторитет царской власти. В Томске подобные богослужения проходили в соборе, церквях и в съезжей избе за счет казенных средств. «Того ж дни успенскому попу Ондрею десять денег дано. Приходил в съезжую избу со святой водою з багоявленскою на вечерне». Молебны не только выполняли прямую миссию, заключавшуюся в общении с богом, но и снимали эмоциональное напряжении, отвлекали на время от суетности напряженной жизни.

Такой локальный, небольшой по объему источник, каким является книга мелочных расходов Томска за 1630–1631 г., обладает массой информации о жизни города и заботах воеводских властей о функционировании системы жизнеобеспечения горожан и жителей близлежащей округи. Из отрывочных, но неоднократных сведений вырисовывается образ воеводской власти. В частности, воевода П. Пронский представляется дальновидным сибирским политиком и хозяйственником. Московские власти положительно оценивали его деятельность, и в дальнейшем он был назначен на воеводство в сибирскую столицу – г. Тобольск.

Итак, внимательный анализ одного источника административного делопроизводства способен раскрыть малоизвестные стороны сибирской жизни начала XVII в., глубже проникнуть не только в хозяйственные проблемы, но и в ментальные составляющие жизни колонистов.

Список литературы

Томск в XVII веке: документы и материалы. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – 185 с.

А.Ю. Майничева

Институт археологии и этнографии СО РАН

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАМЯТИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕГО ПРИАНГАРЬЯ

Проблема сохранения в памяти людей исторических событий непосредственно связана с мировоззренческими установками как на индивидуальном, так и на групповом и общероссийском уровнях. Поиск «корней» в русле национальной и этнической самоидентификации делает эту тематику социально заостренной и актуальной для современности. С мировоззренческими аспектами сопряжено создание исторических мифов, играющих немалую роль в конструировании прошлого. В данном статье предполагается, уйдя от этнополитических аспектов проблемы, весьма продуктивно разрабатываемых в российской этнологии [Шнирельман, 2000, с. 12–33], переместиться в сферу исторической памяти, тоже далеко не новой области науки [Тощенко, 2001], приняв во внимание теоретические наработки обоих направлений. Рассмотрим частный случай исторической памяти об образовании поселений потомков русских старожилов, проживающих в среднем Приангарье. Такая постановка вопроса сужает круг исследовательских задач и позволяет рассмотреть основные черты прошлых событий как конструкта, нашедшего отражение в мировоззрении. В работе использованы полевые материалы автора 2013 г.

Как и в других старожильческих районах, относящихся к периоду раннего заселения русскими, в среднем Приангарье распространены рассказы о первых «насельниках». Сохраняются они не только благодаря семейной межпоколенной связи, но и в результате усилий местных краеведов, учителей, работников музеев и библиотек, собравших или записавших от старожилов рассказы о прошлом. Особенностью является то, что многие поселения были затоплены в 1960-е гг. Братским и Илимским водохранилищами при создании ГЭС, но в памяти жителей, переселенных в другие места, остались сведения об этих поселениях.

В мировоззренческих установках важную роль играет степень осознания консолидированности, а точнее – стремления к ней группы или сообщества. Большинство потомков русских старожилов, т.е. тех, кто говорит, что они сами, их родители и деды родились и жили в пределах среднего Приангарья, идентифицируют себя как русских, «здешних», уточняя: «я – шамановская» (д. Шаманово), «мы – калтукские» или «калтушские»

(д. Калтук), «большекадинцы зарекошные» (жившие в д. Большая Кода на правом берегу р. Оки). Они делают акцент на своей принадлежности к жителям конкретного населенного пункта. Признают они и экзоэтноним «бурундуки». Объяснение его видят в том, что их объединяет хозяйственность, замеченная вновь прибывшими переселенцами.

«Как бурундуки, все запасы к себе в нору тянем».

Существует и другое толкование:

«У бурундука семь полосок на спине, так и мы уже семь колен тут живем» (ПМА, 2013).

Основание деревень Дубынино, Кобляково, Калтук, Шаманово и Большая Када рассказчики относят к стародавним временам – XVII в., что в целом соответствует историческим реалиям. Даже если документы дают другие датировки, они оспариваются. Так, ставится под сомнение основание дер. Анчериково в середине XIX в., поскольку ходили легенды, что она основана казаком Анчериком и является ровесницей Братского острога (ПМА, 2013).

Рассказывали, что первыми в с. Большая Када поселились люди с фамилией Беломестных:

«Когда стала проходить первая перепись населения, то, боясь назвать свою фамилию, говорили, что они с былого места, то есть Бе/ы/ломестных».

В ряде случаев сохранились в памяти имена первых «засельщиков». Ссыльный каторжник Кобляков построил в глухой тайге на р. Вихоревке сруб, с которого и началось сегодняшнее с. Кобляково. По воспоминаниям В.В. Перетолчина, бывшего председателя сельсовета с. Шаманово:

«Долгожитель села Шаманово Кочнев Илья Васильевич рассказал, что его отец, а тот отец еще от своего родственника знал, что первый поселенец в Шаманово появился в 1656 году, он был русский, фамилия его была Якушев» (ПМА, 2013).

Столь точная датировка не должна удивлять. Она и все прочие даты в записанных воспоминаниях появились не случайно, а благодаря капитальному труду В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня», впервые изданному в 1949 г. Оттуда и черпались сведения, обраставшие множеством подробностей (но это тема для другого исследования). Отметим, что в устных рассказах, как и ожидалось, такая точность отсутствует. В истории с. Шаманово, составленной в 1960-е гг. и ныне хранящейся в музее д. Калтук, куда были переселены многие жители после затопления родной деревни, об основании села говорится так:

«В 1652 году на место, где сейчас стоит село Шаманово, приехал крестьянский сын, по происхождению середняк (!), Якушко Андреев сын Шаман. На месте, где сейчас стоит магазин № 2, Продмаг, он поставил себе дом… Так из года в год Погост Шаманский стал расти. …село было названо единогласно… братьями Андреевыми в честь первого брата Якушко. И при входе в Погост Шаманский стоял около дороги большой щит, и на нем было написано: “Погост Шаманский, основанный в 1652 году Якушко Андреевым сыном Шаман, назван в честь его”» (ПМА, 2013).

Отдельного рассказа достойна история образования дер. Дубынино. Со ссылкой на старейших жителей, которые узнали об этом от своих предков, сообщается, что первые русские поселились на месте деревни в 1605 г. Память не сохранила сведений о том, кто они были и откуда. Считают, что название селу дала женщина по имени Дубыня или Дубинчиха, которую выслали в Сибирь из Новгорода «потомки Ивана Грозного». По одной из версий она приехала с сыном Ильей. Поэтому-то деревню называли то Дубыниной, то Ильинской. Этой женщине приписывают открытие прохода для судов в пороге Долгом, который стал с тех пор называться Дубынинским. Раскопки 1969 г. (перед заполнением ложа водохранилища) на месте старого сельского кладбища Могильного угора лишний раз уверили жителей в реальности Дубыни: было найдено захоронение женщины богатырского сложения, погребенной, по мнению археологов, по обряду, принятому у новгородцев в XVII в. Дубыня стала поистине легендарной фигурой, приобретя все свойства и качества, былинного героя – неустрашимость, дерзость, немеренную силу, богатырский рост и сложение. От нее и пошли все Дубынины.

Впрочем, все основатели деревень, по мнению рассказчиков, в той или иной степени обладали превосходными качествами. Якушко характеризовался как «человек смелый и решительный в действиях. Он рубил и пилил лес, делал плоты и сплавлял их в Братск и дальше». Ссыльный Кобляков «в одиночку справлялся со всеми трудностями, рыбачил и охотился» (ПМА, 2013). Марко, один из трех братьев, пришедших с р. Лены, основатель деревни Марково, был колдуном.

Сохранились в памяти места выхода предков: Новгородская земля, земли Войска донского. Называют и поселения на р. Лене.

«Изрядно разбогатев, Якушко поехал на родину, на Лену. Оттуда он уже вернулся не один, с ним были его два брата – Ивашка Андреев и Гаврилка Андреев. Вскоре к ним присоединились из Братска около семи семей».

С Лены на Ангару пришли Антипины – потомки одного из первых «выходцев на Лену» Антипа, имевшего братьев Подымаха и уже упоминавшегося Марка. Из-за ссор братья решили разделиться.

«Бросили жребий. По нему выпало Антипу остаться на старом месте, оттого там и прозываются все Антипины. Подымахину выпало вверх по Лене идти – отсюда Подымахины. ...А Марку выпало вниз по Лене плыть... Вот так и появились деревни и фамилии Антипины, Подымахины, Марковы» (ПМА, 2013).

В рассказах об образовании поселений очень смутно проглядывают сведения о прежних жителях этих мест. Народные предания гласят:

«На месте д. Кобляково в прошлом было стойбище тунгусов, охотники до сего времени находят в окрестной тайге следы пребывания кочевого народа» (ПМА, 2013).

Название д. Калтук объясняют тем, что местность там болотистая, а по-бурятски «калтук» – болото. Одно из объяснений названия Шаманово: рядом собирались сильные шаманы.

«Название деревни Большая Када произошло от бурятского слова “хода”, что означает “гора”. Горы действительно окружали село с запада и севера. Когда стали здесь жить русские люди, то стали называть не Хода, а Када своим грубоватым языком» (ПМА, 2013).

По всему получалось, что русские не конфликтовали с тунгусами и бурятами, те сами покидали выбранные пришельцами места.

Обретенная земля рисуется наделенной природными богатствами, обеспечивавшими привольную жизнь – удачливую охоту, рыбную ловлю, собирательство. Вместе с тем, есть понимание того, что не все было так гладко.

«Доходы от рыболовства и охоты не обеспечивали стабильного заработка, жителям пришлось заняться сельским хозяйством, отвоевывать у тайги землю под пашню. Начали сеять ячмень, озимую рожь, позднее пшеницу. Постепенно деревня Кобляково расширялась, вокруг стали возникать новые поселения – Сахорово, Чупино, Алексеево» (ПМА, 2013).

«Люди вцепились в тайгу и стали корчевать березняки, распахивать новые земли под пашни, расчищать места под покосы, осушать болота».

Кроме материальной стороны, немаловажны были и другие обстоятельства, в т.ч. красота природы.

«Местность, где было село Большая Када, не только удобная во всех отношениях для жизни, но и очень красивая. ...Сосновый лес окружал со всех сторон село. Река Ока широкая, полноводная... Посередине реки, против села, большой остров, как линкор, разрезал реку на две равные протоки. Сам остров очень красив. По отлогим его берегам росло много малины, черной смородины, красной смородины – кислицы, черемухи, боярышника, рябины» (ПМА, 2013).

Для мировоззренческой окраски памяти русских сибиряков среднего Приангарья характерны осознание значительной роли личностных качеств первопоселенцев – трудолюбия, решительности и силы, мифологизация прошлого, справедливость воздаяния за потраченные усилия материальным благополучием, сочетание прагматизма с эстетическим отношением к природе, миролюбивое отношение к другим народам.

Список литературы

Тощенко Ж.Т. Социология: общий курс. – М.: Прометей; Юрайт-М, 2001. – 380 с.

Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт. – М.: Гендальф, 2000. – С. 12–33. – 99 с.

А.Ю. Майничева[1], И.С. Степанцов[1], Т.П. Кушнаренко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет

РЕКОНСТРУКЦИЯ УСАДЬБЫ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА В ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОМ МУЗЕЕ ИАЭТ СО РАН

Согласно концепции развития ИАМ ИАЭТ СО РАН, одним из экспонатов исторического ядра музея является усадьба русского крестьянина XIX в. В ней нашли отражение ранние формы освоения русскими сибирских территорий В начале 1990-х гг. на предназначенной для усадьбы площадке был заложен хозяйственный комплекс: амбар-погреб, баня, двухэтажный амбар, два навеса. Основой для воссоздания усадьбы послужили материалы экспедиций 1970-х гг. ИИФФ АН СССР в поселениях среднего Приангарья, подлежавших затоплению Илимским водохранилищем. В 2009–2013 гг. сотрудники Сибирского этнографического отряда ИАЭТ СО РАН работали в русских старожильческих поселениях Прииртышья, нижнего и среднего Приангарья, собирая материалы для воссоздания жилища и комплекса усадьбы. На основе полученных данных в статье представлен и обоснован один из вариантов реконструкции крестьянской усадьбы.

Крестьянская усадьба, которую предполагается экспонировать в ИАМ, представляет собой тип постоянного однодворного поселения, характерного для земледельческого освоения сибирских территорий в начале и середине XIX в. Из уже существующего населенного пункта одна или несколько семей уходили в поисках новых земель для распахивания, а также угодий для выпаса скота, рыболовства и охоты. С течением времени к ним могли подселяться новые жители, выстраивая собственные усадьбы. При этом формировалась свободная или уличная система застройки. Согласно картографическим данным середины XIX в. [Курилов, Майничева, 2006, с. 112–116], а также спискам населенных мест [Томская губерния…, 1868; Тобольская губерния…, 1871; Енисейская губерния…, 1864] и свидетельствам очевидцев [Спафарий, 1882; Фальк, 1824], подобные поселения были типичными.

В зодчестве русских старожилов преобладала срубная система, в основе которой лежит модуль, равный длине бревна. Для частично открытых построек (навесов, поднавесов) использовали стоечно-балочную конструкцию. Эти строительные системы лежат в основе усадебных сооружений. Усадьба формируется плотной периметральной застройкой. Жилище

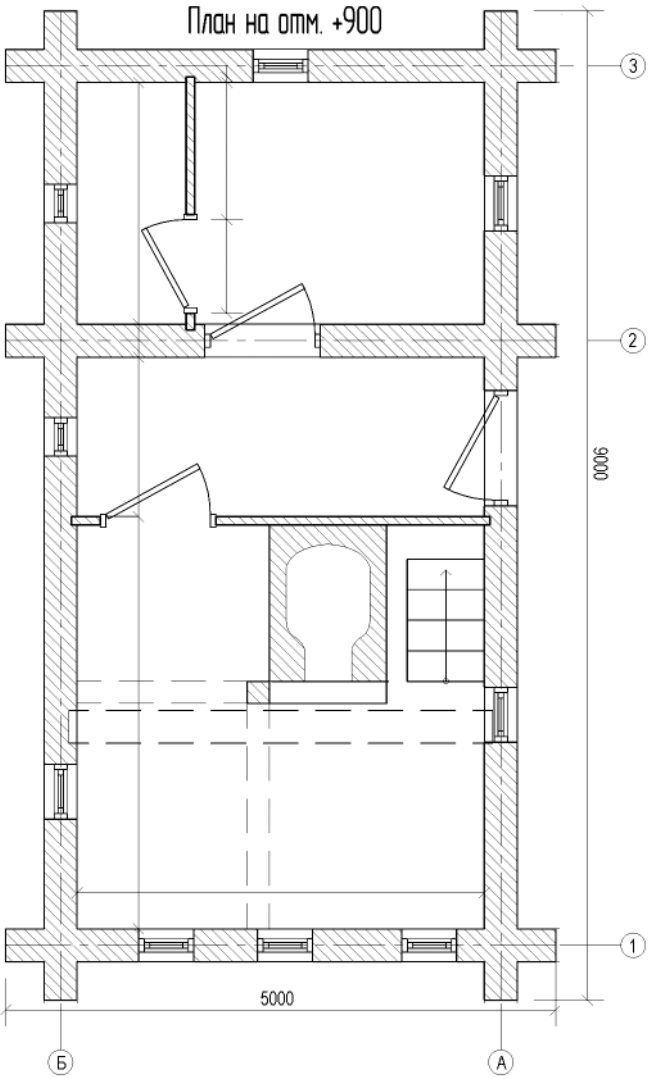


Рис. 1. План избы русского крестьянина. Реконструкция А.Ю. Майничевой, чертеж И.С. Степанцова и Т.П. Кушнаренко.

занимает центральную часть, разделяя пространство усадьбы на «чистый» и «грязный» дворы. «Чистый» двор предназначался для подвоза зерна, занятий ремеслом, встречи родственников и гостей. Его, как правило, мостили досками. «Грязный» двор использовали для пригона и содержания скота, подвоза сена, дров и припасов. Стены амбаров, навесов, конюшен и прочих построек заменяют ограду. Лишь на фронтальной стороне усадьбы располагался забор, как правило, сделанный «взаплот»

из бревен. Заплот от стен хозяйственных построек подводили к фасадной стене жилища, выходившего на условную «красную линию» застройки. В ограде устраивали ворота и калитку.

Усадьба представляла собой своеобразную крепость, способную защитить обитателей при нападении, сохранить припасы от разграбления и непогоды, обеспечить комфортное проживание [Майничева, 1993, с. 40–46; 1999, с. 59–60; 2003, с. 107–110]. Реконструкция крестьянской усадьбы в ИАМ является логическим продолжением показа исторически обусловленных форм застройки поселений и типов зданий, характерных для раннего периода освоения сибирских территорий русскими. Так, экспозиция Спасской церкви с колокольней из г. Зашиверска дает представление о городском православном культовом комплексе XVII в. Казымский острог (возведен в XVIII в.) – крепостное сооружение, характерное для первых русских поселений. Крестьянская усадьба начала XIX в. отражает итог решительного перехода на земледельческое освоение территорий.

В начале 1990-х гг. бригада плотников (А.К. Баранов, Н.Ф. Стрельченко, Н.А. Дроздецкий) ИАЭТ СО РАН под руководством заведующего лабораторией канд. ист. наук И.В. Асеева (теперь д-ра ист. наук) и при участии архитекторов Н.М. Антоновой и А.Ю. Майничевой воссоздали хозяйственные усадебные постройки, вывезенные из затопленной деревни Коробейниково Нижнеилимского района Иркутской области. Постройки включают амбар-погреб, баню «по-черному», навес с «хлевушкой» для содержания мелкого рогатого скота и свиней. Реконструкция выполнена по чертежам построек и оригинальным частям зданий. Особенностью амбара-погреба и бани являются самцовые фронтоны, выполненные из отрезков бревен до самой крыши, и кровля «по курицам и потокам», широко применявшаяся до распространения стропильных конструкций. В связи с неудовлетворительным состоянием большей части конструктивных элементов, включая бревна сруба, новодел составил 90–95 %. Ждут завершения работ второй навес и двухэтажный амбар из д. Коробейниково Нижнеилимского р-на Иркутской области. Амбар находится в лучшем состоянии, чем остальные постройки. Сруб сделан из вывезенных оригинальных бревен, требуется воссоздание внешней галереи, окон, дверей, внутреннего оборудования (сусеков). Крыша сруба и остальных зданий сделана на «самцах», однако является стропильной, отражая внедрение новых конструктивных систем. Амбар предназначался для хранения зерна – основного ценного продукта питания, от которого зависела жизнь семьи, поэтому его возводили из наилучшего материала. Часто материал кровли амбара по качеству превосходил кровлю прочих строений, включая жилище. Кровлю укладывали в два слоя, из желобленого дранья, полученного раскалыванием бревна «повдоль» [ПМА, 2010-2013].

Для завершения застройки усадьбы планируется воссоздание избы, покрытия чистого двора, ворот и ограды. Так как не сохранились конструктивные элементы, чертежи и зарисовки жилища усадьбы, необходимо найти прямые аналоги, т.е. избы синхронной с ним датировки, из той же географической зоны. Наиболее близки к указанным требованиям музее-

Рис. 2. Конструкция крыши и внутреннее устройство избы. Реконструкция А.Ю. Майничевой. Чертеж И.С. Степанцова и Т.П. Кушнаренко.

фицированные жилища из архитектурно-этнографических музеев. Таковы, например, избы «Ангарской деревни» (XIX в.), усадьбы Непомилуева (конец XVIII – начало XIX в.), усадьбы Серышева (середина XIX в.), вывезенные из зоны затопления Илимского водохранилища в 1960–1970-е гг. (две последние находятся в музее «Тальцы»).

Исходя из всех имеющихся данных, включая материалы полевых исследований, можно предложить следующий вариант реконструкции избы (рис. 1, 2). Небольшое жилище, длина и ширина которого должны быть соразмерны использовавшимся в начале XIX в. аршинам и саженям. Типологически его можно определить как дом «на связи» или «на две половины». Изба с печью через сени соединена с неотапливаемой «клетью», в которой расположен небольшой чулан. Глинобитная печь топится «по-белому» (т.е. имеет дымоход) и занимает большую часть избы. За ней расположен «гобец» – лаз в подполье с лесенкой. «Матица» проходит почти посредине избы. На печной столб опираются два расположенных перпендикулярно бруса – «палатный» и «калашный». В уличном фасаде проделаны три простых косящатых окна с навешенными одностворчатыми ставнями. В боковой стене размещается небольшое окошко, освещающее лаз в подполье (ПМА, 2013). Остекление всех окон одинарное. В дом ведет одномаршевое крыльцо, характерное для конструкций XIX в. – внешнее, с односкатной крышей. Кровля дома «на самцах», «по курицам и потокам». Для целей полного удаления влаги с кровли дома уклон крыши значителен и превышает 40º. Такой крутой уклон отличает постройки, возведенные в XVIII – начале XIX в. [*Гевель,* 2012].

Предложенный вариант реконструкции сибирской усадьбы русского крестьянина отразил основные черты русской деревянной архитектуры указанного периода, типологически соответствует хозяйственной деятель-

ности на территории выбранной географической зоны, имеет прямые и косвенные аналоги. Технология производства строительных работ может быть воспроизведена по полевым материалам и адаптирована к современным условиям.

Список литературы

Гевель Е.В. Образ города в Красноярском урочище. – Красноярск: Версо, 2012. – 224 с.

Енисейская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб.: Изд. Центр. стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1864. – 117 с.

Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Планировочные особенности русских селений Тобольской губернии XIX века (на примере Абалакской волости Тобольского округа Тобольской губернии) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 112–116.

Майничева А.Ю. Меры по упорядочиванию планировки селений Томской губернии в XIX вв. // Международная научно-практическая конференция «Проблемы этнологии и этнопедагогики»: сб. ст. и мат-лов. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – Вып. 8. – С. 59–60.

Майничева А.Ю. Опыт описания и реконструкции сибирских изб и дворов XVII–XIX вв. // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: мат-лы к конф. – СПб.: Изд-во ИАЭ РАН, 1993. – Ч. 3: Этнография и изучение культурных процессов и явлений. – С. 40–46.

Майничева А.Ю. Усадьбы Тюмень-Тобольского региона по зарисовкам начала XX века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. II. – С. 107–110.

Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая. – СПб., 1882. – 243 с.

Тобольская губерния: список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов. – СПб.: Изд. Центр. стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1871. – 272 с.

Томская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб.: Изд. Центр. стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1868. – 276 с.

Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька. – СПб., 1824. – Т. 6. – 446 с.

О.В. Мальцева

Институт археологии и этнографии СО РАН

ШАМАН ПРОТИВ ОСПЫ (лечение вирусных инфекций в шаманской традиции амурских нанайцев второй половины XIX – начала XX века)*

В XIX в. решающую роль в развитии мировой цивилизации сыграло не только внедрение новых технических достижений в производство и быт, но и ряд побед на медицинском поле, одной из которых стало предотвращение эпидемий натуральной оспы. Вплоть до начала XVIII в. в Европе от оспенной пандемии ежегодно умирало более 1,5 млн. людей. Согласно статистическим данным, обнародованным в Германии, в 1796 г. оспа унесла из жизни 70 тыс. чел. В XVIII в. в Великобритании очевидцы отмечали, что только один человек из тысячи не болел оспенной болезнью [Окс, 1897, с. 304–309]. Уже в конце XVIII в. многие врачи, исходя из собственных наблюдений, пришли к выводу, что привитие человеку коровьей оспы облегчает протекание инфекции и служит надежной страховкой от клинической смерти. С 1800-х гг. узаконенное оспопрививание в Европе позволило снизить смертность в Германии, Англии и Испании [Окс, 1897, с. 309–316]. Однако европейцы оставались носителями штаммов опасного заболевания для жителей Азии, Африки, сообществ, ведущих изолированное существование и неконтактирующих с белой расой. На этих участках земного шара масштаб оспенных эпидемий принял катастрофический размах, приведший к истреблению большей части населения, что не могло не отразиться в народном сознании. Появившийся пласт фольклора связан с демоническими существами, забирающим человеческие жизни путем вызывания оспенной заразы. Так, в индийском пантеоне появились богини оспы – *Мариатале* и *Патрагале*, которых старались умилостивить жертвоприношениями и самоистязаниями [Токаревич, Грекова, 1896, с. 27–31].

Очаги эпидемий оспы в XIX в. сохранялись в таежной и арктической зонах Азии, отличавшихся от тропических районов малочисленным населением, рассредоточенным небольшими группами на огромной территории. В начале XX в. комиссия Красного креста, проводившая санитарно-эпидемиологическую работу среди малых народностей Сибири,

*Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (НИР 6.2069.2011).

констатировала: поселения «туземцев» в плотном кольце русских селений наиболее уязвимы к инфекционным заболеваниям, в т.ч. к оспе (НГА. Ф. 354. Оп. 1. Д. 83. Л. 24–32). Следует отметить, что Западная и Восточная Сибирь прошли пик пандемий в XVII и XVIII вв. На их территории оспа начала распространяться с 1610 г. среди остяков и к 1788 г. достигла Камчатки, истребив более половины племен [Жук, 1906, с. 1084–1108]. В ходе освоения Сибири по траектории продвижения русских следовали и возбудители оспы. Западные исследователи распространение инфекций в среде малочисленных групп, занимающихся рыболовством, охотой и собирательством, связывают с проникновением к ним аграрных традиций из Евразии. Жизненно важный для земледельца набор – постоянное поселение с пашней, отхожим местом и стойлом для скота – являлся питательной средой для патогенов. При возрастающей плотности населения происходила эволюция микроорганизмов и выработка у старожилов стойкого иммунитета к натуральной оспе [Даймонд, 2010; Кларк, 2011].

К началу XIX в. в Сибири уже не фиксировались случаи вирусной активности, приводящей к тотальному истреблению населения. Единственным местом, не защищенным от атаки массовой болезни, оставалась левобережная часть Приамурья, вошедшая в состав России позже. Освоение низовьев Амура происходило одновременно с проведением реформ 1860-х гг. Сопутствующее им массовое переселение безземельного крестьянства из европейских губерний на восток вывело смертоносный вирус из спячки.

Согласно данным исследователей, в 1856, 1863, 1877 и 1881 гг. в числе бактериальных и вирусных эпидемий, разразившихся на Амуре, была и оспенная, наполовину истребившая аборигенное население [Лопатин, 1922, с. 46; Шренк, 1899, с. 4]. Косвенные причины можно увидеть в следующих фактах. В материалах IV Хабаровского съезда по определению нужд Приамурского края, проходившего в 1901 г., приведены следующие цифры: «В 1899 г. во всем Приамурском крае было 597 899 лошадей, 892 981 крупного рогатого скота, 1 142 755 овец и коз, 186 768 свиней, 9 578 верблюдов» (РГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. Л. 32). Большое скопление стойлового скота содержало фактор риска для коренного малочисленного населения, будучи носителем опасного вируса. Амурским нанайцам, чья иммунная система не обладала защитными ресурсами, пришлось столкнуться с тяжелой формой болезни. В нанайском фольклоре появился цикл легенд о проклятых местах *сусу*, наводненных страшными сущностями, сеющими в человеческом обществе заразу. В этих преданиях фигурируют селения, покинутые в результате эпидемии. В с. Лидога была записана одна из таких легенд.

«Когда-то нанайцы жили огромными семьями: по 50–70 человек. Чтобы спастись от оспы, разъезжались по протокам. Как-то одна женщина с ребенком и мужем решила навестить своих родителей. Они на лодке причалили к высокому берегу. Женщина поднялась с лодки, подошла к дому и передала ребенка через родительский порог. Затем спустилась в лодку, но какая-то сила препятствовала ей с мужем обратно подняться. Они

всю ночь просидели в лодке, а наутро пошли в селение. Смотрят – все люди и их ребенок лежат мертвые. Оказывается, вся ее семья давно умерла от оспы» (ПМА, 2008).

На защиту селений от оспы были брошены шаманские силы. Необходимо отметить, что к XIX в. нанайские стойбища имели «пестрый» родовой состав и представляли собой территориально-соседскую общину. Духовным покровителем общины являлся сильный шаман, подчинивший духов разных родов, способных «говорить на разных языках». Чужеродные духовные сущности *донна* через какое-то время становились *сэвэнами* – духами-помощниками шамана [Широкогоров, 1919]. В среде нанайцев появилось представление о духе оспы *Мальди* (ПМА, 2011).

В шаманском пантеоне оспа заняла место чужеродной стихии, не вписываясь в категорию *сэвэнов*. Исходя из этой аксиомы, шаман выстраивал собственную линию взаимоотношений с невидимым противником, иногда превосходившим его по силе. Только опытный лечащий шаман *сиуринку* мог противоборствовать стихии оспы. В среде нанайцев сформировалась прослойка лечащих шаманов *даэ-фо*, имевших право лечить оспу. Как правило, это были люди, почерпнувшие знания из китайско-ламаистских трудов по восточной медицине. В ритуале исцеления они пользовались божницами *дусху*: на деревянных дощечках, скрепленных между собой, были нарисованы фигурки духов различных сфер, к которым обращались с молитвами [Шимкевич, 1896, с. 131–133].

Во время разгула эпидемии оспы многие шаманы применяли и превентивные меры в борьбе с ней. Вокруг селения очерчивалась условная граница, препятствующая проникновению заразной болезни. После исполнения шаманского ритуала на ней выставляли фигуру «защитника» *сэвэна Бучилэ* – деревянного идола со стилизованным образом тигра-медведя, исполнявшим функцию первопредка и символа шаманской силы [Переверзева, Бородовский, 2004, с. 116–117].

Борьба с оспой стала частью шаманской ритуальной практики. Когда селение оказывалось в эпицентре эпидемии, все жители были обязаны покинуть его, оставив на попечение шамана больные семьи. Если кто-то из зараженных семей подавал признаки выживания, шаман проводил обряд очищения дома и всего стойбища. По ходу ритуала весь домашний скарб выносили на солнечный свет, и выздоровевшие люди вместе с шаманом покидали селение. Место человеческих смертей от оспы отмечалось как *сусу* – проклятое, запретное для последующих поселений (ПМА, 2011). Из этого видно, что шаманская лечебная практика включала не только психоневрологическую, но и паллиативную помощь.

В начале XX в. оспенные эпидемии в долине Амура пошли на спад благодаря массовому оспопрививанию коренного населения, проводимому бригадами Красного креста. Однако врачи признавали, что медицинская помощь не может охватить всех «туземцев» (ХКА. Ф. 683. Оп. 1. Д. 79. Л. 34–51). Причинами являлись низкая квалификация медперсонала (прививки от оспы ставили ротные фельдшеры) и слабое развитие дорожной сети. Санитарно-эпидемиологическая служба не могла добраться до та-

ежных районов, содержавших потенциальную опасность новых вспышек эпидемии. На этих участках шаманы успешно конкурировали с пришлыми врачами. В целом, на территории амурских нанайцев, согласно данным современных информаторов, не было столкновений между лечащими врачами и шаманами. Иногда сами шаманы приводили сельчан в медпункт прививаться от оспы (ПМА, 2011). В глазах амурских шаманов медицинский персонал имел более широкий диапазон «чудодейственных способностей», наглядным проявлением чего стала победа над оспой уже в 1920-х гг.

Список литературы

Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ. – М.: АСТ Москва, 2010. – 720 с.

Жук В.Н. Мать и дитя: гигиена в общедоступном изложении. – СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1906. – 1166 с.

Кларк Д.П. Микробы, гены и цивилизация. – М.: Эксмо, 2011. – 272 с.

Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток: Б.и., 1922. – 371 с.

Окс Б.А. Оспа // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1897. – Т. 22. – С. 304–309.

Окс Б.А. Оспопрививание // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1897. – Т. 22. – С. 309–316.

Переверзева О.В., Бородовский А.П. Комплекс *Бучилэ* в картине мира горинских нанайцев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 2. – С. 116–120.

Токаревич К.Н., Грекова Т.И. По следам минувших эпидемий. – Л.: Лениздат, 1986. – 41 с.

Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов. – Хабаровск: Тип. Канцелярии приамур. ген.-губернатора, 1896. – 133 с.

Широкогоров С.М. Опыт исследования шаманства у тунгусов // Учен. зап. ист.-филол. факультета в г. Владивостоке. – Владивосток: Тип. Обл. земск. управления, 1919. – Т. 1. – С. 47–108.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. – СПб: Изд-во Академии наук, 1899. – Т. 2 (этнографическая часть). – 314 с.

М.В. Москвина

Институт археологии и этнографии СО РАН

ПОКРОВСКАЯ ЯРМАРКА В ОМСКЕ (народные промыслы и культурно-историческое наследие в формировании образа города)*

В преддверии 300-летнего юбилея г. Омска тема культурного наследия в его этнокультурной составляющей все больше обращает на себя внимание государственно-административных структур и общественных организаций. Поиски символического обозначения городского пространства актуализируют интерес к истории и традициям города, ставшего культурно-историческим центром Прииртышья.

В ходе подготовки юбилея широко обсуждались проблемы реконструкции исторической зоны Омска. Возникли планы реконструкции Омской крепости в виде историко-культурного комплекса [Мэрия…, 2009]. В 2013 г. представители городских движений и организаций при поддержке Министерства культуры Омской области организовали открытый конкурс идей и концепций: «Плац или сердце города?». На конкурс принимались проекты восстановления исторического центра, превращение его в пространство, которое объединяло бы население города в «горожан» с единой идентичностью.

«Почему именно про Крепость мы думаем? Да потому, что это историческое место, можно сказать – сердце нашего города. Но какое-то запущенное сердце. Может быть, мы потому и теряем своих самых активных молодых горожан, разъезжающихся по столицам, что не заботимся о нём? Давайте менять ситуацию» [Плац…, 2013].

Среди прочих был заявлен проект, посвященный организации на территории Омской крепости центра народных ремесел Сибири: с помещениями под «школу ремесел», мастерскими, выставочным залом, складами и постоянно действующей ярмаркой.

Авторы проекта так обосновали важность обращения к традиционной культуре в форме народных промыслов и ремесел как основы для создания комплекса крепости:

«Вследствие размывания культуры и отказа от традиций происходит деформирование самосознания, выраженноя в невозможности адаптации к новым условиям существования».

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 13-31-01258).

Восстановление промыслов и ремесел должно было обеспечивать социальную и экономическую стабильность в регионе [Плац…, 2013].

Тема сохранения, развития и поддержки народных художественных промыслов в Омской области долгое время является одной из важнейших задач в культурной политике региона. На законодательном уровне закреплены 12 мест народных художественных промыслов: г. Омск, г. Тара, г. Калачинск, р.п. Черлак, с. Осокино Калачинского р-на, с. Седельниково, д. Подгорка Омского р-на, р. п. Большеречье, р.п. Нововоршавка, с. Колосовка, п. Красный яр Любинского р-на, р.п. Муромцево [Закон…, 2010; Указ…, 2001]. Многие мастера и предприятия, занимающиеся промыслами, входят в Ремесленную палату Омской области, образованную в 1999 г.

Ключевым мероприятием, посвященным народному художественному творчеству, в г. Омске является фестиваль традиционных ремесел «Покровская ярмарка», организуемый совместными усилиями Государственного центра народного творчества (Отдел традиционной русской культуры / Сибирский культурный центр «Терем») и Министерства культуры Омской области. Проведение фестиваля имеет государственную поддержку и осуществляется в рамках федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 гг.).

Приуроченная к празднованию Покрова Пресвятой Богородицы, отмечаемому 14 октября, ярмарка апеллирует к традиции славянского православного населения Сибири. По народному календарю в это время заканчивались осенние полевые работы и наступал сезон свадеб.

С самого своего основания (2004 г.) Покровская ярмарка существует как площадка, на которой представлены результаты работы мастеров из районов Омской области, предприятий народных художественных промыслов, а также учреждений, связанных с сохранением, развитием и популяризацией народной культуры – историко-краеведческих музеев, домов народного творчества, домов культуры, учебных заведений, готовящих мастеров декоративно-прикладного искусства.

В рамках ярмарки большое внимание уделяется презентациям районных центров традиционной русской культуры. Каждый из них оформляет палатку с символикой центра и его продукцией. Презентация изделий сопровождается фольклорным представлением, что создает атмосферу широкого гуляния, заполняющего собой Воскресенский сквер на набережной реки Оми.

Представленные на ярмарке 2013 г. мастера Омской области демонстрировали широкий спектр традиционных художественных промыслов и ремесел: вышивку, народную икону, лозоплетение, резьбу и роспись по дереву. Братья Игорь и Сергей Кузьмины из с. Колосовка известны изготовлением берестяной посуды. Им принадлежит авторская технология тиснения. Владимир Пацула («Мануфартуры Пацулы») из с. Татарка знаменит валяной обувью и войлочными аксессуарами. Мастера из с. Исилькуль представили вышивку, плетеные пояса, глиняные свис-

тульки и традиционных кукол – Петрушек. Брендом Омска является оригинальная матрешка. Основателя этого промысла Сергея Сапрыгина уже нет в живых, но промысел не угасает.

Омская Покровская ярмарка, ориентированная на презентацию регионального культурного наследия, за десять лет существования стала всероссийским мероприятием, собирая гостей из Томской, Кемеровской, Новосибирской, Московской, Вологодской, Липецкой, Курганской и Свердловской областей, Алтайского края и ближнего зарубежья. На юбилейную ярмарку 2013 г. приехали гости из 20 регионов России.

Параллельно с действием ярмарки были организованы мастер-классы представителями Новосибирска, Сергиева Посада и Москвы. Представлены также программы экспресс-обучения росписи пряников, пижемской росписи по дереву и богородской игрушки. Сибирский культурный центр организовал семинар по ткачеству и выставку сибирской крестьянской одежды и домашнего текстиля конца XIX–XX в. «Сибирская деревня» (вещи из фондов музеев и центров традиционной русской культуры Большеуковского, Марьяновского, Москаленского, Муромцевского, Оконешниковского, Таврического и Тюкалинского районов Омской области).

Тему традиций в комплексе мероприятий, организуемых в г. Омске при праздновании Покрова, поддерживает синхронизированный с Покровской ярмаркой Фестиваль искусства и дизайна «Сибирская этника», организуемый Омской школой дизайна (Омский государственный институт сервиса, кафедра «Дизайн костюма»). Фестиваль 2013 г. проходил под девизом: «Традиции и символы современной России». В его программу был включен проект «Образы Покрова», посвященный головным уборам [Фестиваль…, 2013]. Мероприятия по празднованию Покрова завершил Межрегиональный праздник колокольного искусства «Звоны Покрова» [Такой разный Покров…, 2013].

Покровская ярмарка объединила практически все составляющие народной культуры – промыслы и ремесла, песенный, хореографический и инструментальный фольклор, площадной театр. Праздник Покрова в г. Омске аккумулировал многообразие культурно-исторического наследия и этнических культур Притышья. В нем соединились традиции и новации, возникло пространство для культурного диалога. Образ города, апеллирующий к культурному и историческому наследию региона, был обозначен традиционными и современными символами.

Список литературы

Закон Омской области от 05.05.2004 № 519-ОЗ (ред. от 19.11.2010) «О народных художественных промыслах в Омской области» // Правовая система нового поколения «Референт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.referent.ru/206/16430 (дата обращения: 17.10.2013).

Мэрия и омичи: отчет о работе администрации г. Омска в 2005–2009 гг. – Омск, 2009. – 140 с.

Плац или сердце города? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://omskspace.ru (дата обращения: 17.10.2013).

Такой разный Покров // Вечерний Омск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://omskgazeta.ru/kultura/takoy_razny_pokrov_foto/ (дата обращения 17.10.2013).

Указ губернатора Омской области № 163 от 30 июля 2001 г. // Омская правда. – 2001. – № 61. – 17 авг.

Фестиваль искусства и дизайна «Сибирская этника 2013» // OMSK FASHION DESIGN SCHOOL [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://omskfashiondesignschool.com (дата обращения: 17.10.2013).

М.В. Москвина, Е.Ю. Павлова

Институт археологии и этнографии СО РАН

СОВРЕМЕННЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ АЛТАЯ

Этнокультурный облик Алтайского региона, включающего Алтайский край и Республику Алтай, определяют сосуществование и взаимодействие переселенческой (прежде всего русской) и аборигенных традиций.

В традиционной культуре коренного тюркского населения Алтая накоплен большой опыт ремесленного промысла, в т.ч. ювелирного. Развитым в среде аборигенов Алтая было производство женских украшений, поясных пряжек, декорирование оружия и конской упряжи и др. Однако в конце XIX – начале XX в. декоративно-прикладное искусство тюрков Алтая не выделялось в особую отрасль ремесла. На рубеже XX–XXI вв. на волне возрождения национальной культуры в Алтайском регионе возникла благоприятная ситуация для формирования промыслов. Художники и мастера в поисках новой системы выразительных средств обратились к древним традициям.

Полевые исследования на Алтае – работа в рамках этнических фестивалей и фестивалей ремесел, в художественных мастерских, интервью с мастерами промыслов – показали, что за последние годы рынок ювелирных украшений стал расширяться. Особенности рекреационного развития Республики Алтай и сопровождающий его повышенный интерес к экзотическим темам и архаике во многом определил стилистику и состав ювелирных изделий.

Значительная часть современных алтайских ювелирных изделий – женские и девичьи украшения для волос, апеллирующие к традиции. В сувенирных лавках, на выставках и ярмарках широко представлены накосные украшения, выполненные преимущественно из нетипичных, современных материалов в яркой гамме и представляющие собой вариации на аутентичную тему. Украшения, подвергаясь модификации, становятся универсальным оберегом. Мастера комментируют их предназначение как символы семейного и женского счастья и благополучия. Накосные украшения являются примером возвращения в повседневную жизнь элементов традиционной культуры и верований. И хотя теперь они уже не выполняют функции социовозрастного маркера, но являются символами этнической принадлежности.

В Республике Алтай художественный металл освоен объединением «Купчегенјурт» (Вячеслав и Аржан Кухаревы из с. Купчегень Онгудайского района).

Первым опытом художественного ремесла для Аржана Кухаева стала доработка конского седла, которое осталось от деда. Семейное наследство – инструменты деда – побудили совершенствоваться в этом деле. Мастера увлекла археологическая тема, скифский звериный стиль, который, по его словам, придает алтайским вещам уникальность и неповторимость (ПМА. г. Горно-Алтайск, 2013).

Станислав Урчимаев, имеющий большой опыт работы с деревом и кожей, один из первых стал заниматься художественным литьем. На фестивалях Алтая, ярмарках мастеров праздника Эл-Ойын стали регулярно выставляться его миниатюрные фигурки – *Умай-эне*, *Кайчи*, *Шаман* (ПМА, 2012).

Благодаря С. Урчимаеву началось сотрудничество алтайских мастеров и ювелиров Тувы. В 2013 г. по заказу Государственного исторического музея (г. Москва) алтайские мастера и их тувинские коллеги (в т.ч. С. Кочаа) выполняли реконструкцию вещей из кургана Аржаан-2.

Сегодня среди работ купчегеньских ремесленников конское снаряжение, детали седел, женские подвески на пояс – *бельдуш*, пряжки на мужские ремни с чеканкой, сувенирные медали с гербами Республики Алтай и Онгудайского р-на (ПМА. 2013).

В 2013 г. при поддержке главы Республики Алтай в с. Купчегень Онгудайского р-на при участии А. Кухаева и С. Урчимаева состоялось открытие школы-мастерской, своеобразного Города мастеров, где все желающие могли обучаться традиционным ремеслам: художественной обработке металла (литью, чеканке, ковке), выделке кожи, изготовлению войлока (ПМА. 2013).

Вместе с развитием традиционных форм и типов ювелирных изделий появляются и авторские новации. Примером служат работы художников и мастеров с. Аскат Чемальского района Республики Алтай. Мастер-ювелир Тимофей Сюнский изготавливает авторские украшения из серебра, драгоценных и полудрагоценных камней, кости, эбенового дерева с использованием архаичных, восточных, буддийских мотивов. Ювелирное искусство Алтая развивается на своеобразном перекрестке культур – традиционных и современных.

Одним из направлений в развитии ювелирных промыслов является камнерезное ремесло. Наиболее известным центром в этой сфере является Колыванский камнерезный завод. Шлифовально-гранильная фабрика по обработке поделочных камней в 1802 г. была открыта в горнозаводском пос. Горная Колывань после переоснащения меде- и сереброплавильного завода. Целью создания предприятия было производство каменных художественных изделий по заказу Кабинета и царской семьи [Мукаева, 2008]. Основной продукцией созданной фабрики были вазы, чаши и другие детали интерьеров для парадных залов г. Петербурга. Изделия колыванских мастеров представляли русское национальное искусство на Международных выставках. Продукция камнерезной промышленности Алтая на протяжении XIX в. оставалась зависимой от крупных государственных

заказов. Встретив начало XX в. тяжелейшим кризисом, Колыванская камнерезная фабрика получила второе рождение в 1920-х гг. Здесь вновь начался выпуск предметов интерьера, украшений, ваз.

Несмотря на многочисленные трудности, фабрика продолжала развиваться на протяжении всего XX в. и поддерживала художественное направление. В 1960-х гг. на заводе открыли ювелирный цех, изделия которого закупал трест «Русские самоцветы». В 1980-е гг. здесь же была сформирована экспериментальная группа художников – выпускников Уральского училища прикладных искусств, которые обратились к флорентийской мозаике. В настоящее время положение на фабрике довольно сложное. В 1999 г. указом администрации Алтайского края Колыванский камнерезный завод имени И.И. Ползунова присоединен в качестве дочернего предприятия к государственному унитарному предприятию «Алтайавтодор». Здесь имеется художественный цех, мастера-камнерезы которого выполняют заказы на вазы, чаши, шкатулки и флорентийскую мозаику. В последнее время освоено производство мелкой пластики. В 2001 г. Колыванский завод удостоили большой золотой медали на девятой международной Сибирской ярмарке «за высокохудожественные изделия и возрождение русских традиций камнерезного искусства».

Художественные традиции г. Колывани распространяются в границах Алтая. В г. Барнауле работает музей «Мир камня», создателем которого является Сергей Бергер. Он возглавляет Союз ремесленников Алтая. В целом в Алтайском регионе насчитывается около 10 мастеров камнерезного дела. Константин Крыхтин, Александр Ковацкий, Владимир Леднев, Юрий и Андрей Шумовы, Виктор Трифонов, Александр Тетенов – у каждого из них индивидуальный подчерк.

Искусство современных мастеров-камнерезов включает миниатюры и крупные формы (каменные письменные приборы, часы, вазы). Использование различных техник (флорентийской мозаики, резьбы по камню, работы с драгоценными металлами) открывает широкое поле деятельности. На основе колыванских традиций камнерезное искусство развивается в с. Берёзовка Чарышского района Алтайского края. Здесь работают Константин Крыхтин и Юрий Шумов. Они планируют развивать ювелирное направление, а также организовать в с. Березовка центр творчества и ремесел «Три истока». Высокий класс изделий березовских ювелиров подтверждает Большая золотая медаль Сибирской ярмарки «Сибювелир-2010» (г. Новосибирск) «за продвижение и сохранение русского камнерезного искусства».

В целом, ювелирные промыслы Алтая вобрали аутентичные традиции коренного населения и приемы камнерезного мастерства русской ювелирной школы. В пространстве современного полиэтничного региона они развиваются на основе единства традиций и новаций, осмысления и трансформации историко-культурного наследия.

Список литературы

Мукаева Л.Н. История камнерезной промышленности Алтая во второй половине XIX – начале XX века // Мир Евразии. – 2008. – № 1 (1). – С. 59–61.

Д.А. Мягков

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ ТАТАР*

Во второй половине XX в. понятие «экология» завоевало одну из основных позиций в мировом общественно-политическом дискурсе, а экологическое движение (*энвайронментализм*), поставившее на повестку дня проблемы исчерпания природных ресурсов и загрязнения окружающей среды, стало влиятельной силой в международной политике. Это отразилось на развитии западной антропологической науки, способствовало складыванию и институциализации *экологической антропологии*, исследующей закономерности и специфику взаимодействия человеческих общностей разного порядка с окружающей средой. Одним из наиболее динамично развивающихся направлений исследований в рамках экологической антропологии является изучение проблемы «экологической идентичности», под которой в общем виде принято понимать все многообразие форм самосознания индивидов, формирующихся на основе субъективного отношения к природе.

Исходной предпосылкой для формирования экологической идентичности считается экологическое мировоззрение. По мнению М. Томашоу, связь между ними раскрывается через понятие «экологическая идентификация» (*ecological identity work*), под которой понимается интерпретация личного жизненного опыта, исходя из экологических оснований мировоззрения [Thomashow, 1995, p. 2]. Результатом такой интерпретации становится новое самосознание личности, иными словами, новая – *экологическая* – личностная идентичность. Тем самым формирование идентичности переходит границы социальных и культурных взаимодействий и охватывает связь человека с природой. Природа становится объектом идентификации, по отношению к которому человек осмысливает себя, вписывая в более широкий природно-культурный контекст.

Процесс экологической идентификации личности включает несколько этапов: исследование окружающей среды, осознание своего места

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Жить в эпоху перемен: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940-е – 2000-е годы)» (№ 12-31-01043).

внутри экосистемы, личностные изменения, вытекающие из экологического мировоззрения. Разновидностью наиболее доступных и широко распространенных знаний, способствующих складыванию экологического мировоззрения, являются результаты наблюдений за разрушенными (поврежденными) природными объектами. Такого рода знания широко распространены среди сообществ, ведущих традиционный образ жизни, непосредственным образом связанный с освоением природной среды.

К примеру, И. Крупник и Д. Джолли установили, что коренное арктическое население Канады в рамках повседневной хозяйственной практики предельно четко фиксирует неблагоприятные изменения в экологической среде, которые прямо коррелируют с научными знаниями о потеплении климата. Наблюдения местных жителей включают следующие показатели: толщина и структура льда, время и интенсивность погодных явлений, доступность рыболовных и охотничьих ресурсов, разрушение мерзлоты и почвы [Berkes, 2008, p. 168]. Данные явления напрямую связаны с жизнедеятельностью локальных общин (перемещение по местности, добыча продуктов питания), поэтому наблюдениям за ними придавалось первостепенное значение.

Сходная ситуация наблюдается у коренных народов Западной Сибири, где в результате интенсивного промышленного освоения оказались нарушенными многие локальные экосистемы. В результате разрушения социалистической экономики в хозяйстве аборигенного населения существенно возросло значение присваивающих отраслей, усилились контакты людей с природной средой, что повлекло за собой необходимость ее детального изучения и выработки новых стереотипов поведения.

Как представляется, перспективы изучения экологической идентичности у татар Западной Сибири определяются следующими факторами:

1. Усиление зависимости сельского населения от природной среды после трансформации советской экономики (рост значения присваивающих отраслей хозяйства).

2. Осознание неблагоприятных экологических изменений на локальном уровне, непосредственно угрожающих жизнедеятельности местных коллективов.

3. Усиление государственного контроля над использованием природных ресурсов; ужесточение санкций за нарушение норм природопользования.

Попытаемся определить, в какой мере экологические изменения находят отражение в народных знаниях локальной группы тобольских татар, может ли осознание экологических угроз способствовать формированию экологической идентичности у местного населения. Источником исследования послужили полевые этнографические материалы, собранные автором в 2010 г. в д. Нижние Аремзяны и пос. Надцы Тобольского района Тюменской области.

В рамках повседневной хозяйственной деятельности тобольские татары аремзянско-надцинской группы наблюдают за состоянием местных природных ресурсов. Перечислим зафиксированные ими экологиче-

ские изменения, представляющие угрозу для системы жизнеобеспечения населения.

Понижение уровня воды в Иртыше. По словам местных жителей, в 2005–2010 гг. практически не повышался уровень речной воды в весенне-летний период. Неблагоприятный эффект состоит в том, что во время нереста рыба мечет икру не на заливных лугах, а в русле Иртыша, где вода холоднее и «грязнее». В результате чрезмерно большое число мальков погибает. Кроме того, в русле подросшую рыбу скорее, чем на заливных лугах, вылавливают рыбаки, что также сокращает рыбные запасы.

Акклиматизация ротана-головешки (*Perccottus glenii)*. Появившись в окрестных озерах в 2007–2008 гг., ротан, по замечанию рыбаков, стал многочисленным. Поедая рыбную молодь и икру, он уничтожает ихтиофауну в небольших озерах, а в перспективе способен полностью истребить местную сорную рыбу.

Химическое загрязнение водоемов. Основными источниками загрязнения считаются сброс в водоемы промышленных сточных вод и утечку нефти и нефтепродуктов на Тобольском нефтехимическом комбинате. Рыболовы пос. Надцы и д. Нижние Аремзяны отмечают ухудшение экологического состояния водоемов по многим признакам: иногда наблюдают зеленую пленку на поверхности Иртыша; замечают, что в Вагайском районе вода чище; говорят, что в водоемах перестали водиться раки, которые, как известно, очень чувствительны к качеству воды; сообщают, что несколько десятков лет назад рыбаки пили воду из Иртыша, а сейчас обязательно берут с собой питьевую воду; обнаруживают весной в лунках мертвых лещей, чебаков, вокруг которых вода имеет нефтяной налет.

Чрезмерное добывание ценных видов рыб. В 1990-е гг. в пос. Надцы и д. Нижние Аремзяны резко увеличилось количество людей, занятых рыболовством. При этом само занятие из любительской рыбалки превратилось в промысел, ставший одним из основных средств существования. Если раньше почти весь объем пойманной рыбы шел на внутреннее (семейное) потребление, то теперь значительная его часть поступает в продажу.

Совокупное воздействие перечисленных факторов привело к снижению численности рыб в тобольской акватории Иртыша. Местные жители отмечают значительное сокращение поголовья нельмы, язя и стерляди. К примеру, раньше за один сплав с донной сетью рыбаки добывали в среднем 8–10 кг стерляди, а в последнее время – 1 кг.

Сплошная вырубка лесов. С 1940 до начала 1990-х гг. на территории, прилегающей к д. Нижние Аремзяны и пос. Надцы, производились промышленные лесозаготовительные работы. В 1936 г. в 15 км к востоку от д. Нижних Аремзянов было основано поселение ссыльных – Ингаир, жители которого занимались деревообработкой. По словам З.Т. Ташбулатова (1934 г.р.), они выкорчевали под посевы хлебов 300 га леса. В 1947 г. в пос. Надцы организовали лесопункт, который в 1970-е гг. преобразовали в Надцынский участок Тобольского леспромхоза, ликвидированный в 1991 г. За время функционирования леспромхоза, по оценкам жителей,

был вырублен строевой лес на прилегающей к поселку территории вплоть до Уватского района, включая все большие кедрачи в смешанных лесах. В 1961 г. в 1 км от д. Нижние Аремзяны была основана колония-поселение УИН/94, ставшая в 1980 г. д. Лыткиной. Ее жители занимались заготовкой леса и, в конце концов, «вычистили весь лес поблизости».

Лесные и полевые пожары. В 1952 г. сгорел крупный кедровый лес вблизи д. Нижние Аремзяны. Он был для населения основным местом заготовки орехов. По одной из версий, в близлежащем лесу заготавливали дрова и разожгли костер, от которого начался крупный пожар. Случались также преднамеренные поджоги: вблизи д. Карбино русские подожгли кедрач, т.к. местные татары не пускали их шишковать. Иногда негативные эффекты имели степные (полевые) пожары. Так, в результате организации весенних палов в 1990-е гг. на острове Иртыша вблизи пос. Надцы сгорел смородинник, а в 2000-е гг. – последние несколько домов, остававшихся в д. Карбино. Лесные пожары, как и вырубка леса, уменьшили кормовую базу диких животных, уничтожили гнездовья птиц, что предопределило сокращение популяций пушного зверя, лося и боровой птицы.

Нарушение среды обитания животных. Некоторые антропогенные воздействия изменили условия обитания и пути миграции животных. Так, под руслом Иртыша, вниз по течению от Тобольска, были проложены дюкеры (нефте- и газопроводы), являющиеся источником сильного электромагнитного излучения. По мнению местных жителей, эти дюкеры стали барьером, нарушившим пути миграции некоторых видов рыб: после их прокладки донные рыбы (стерлядь, осетр) перестали проходить через них вверх по течению, и их численность в Тобольском Прииртышье снизилась.

Таким образом, жители исследуемых населенных пунктов тобольских татар сформировали обширный корпус экологических знаний, детально отражающий неблагоприятные изменения в природной среде. Поскольку эти изменения представляют непосредственную угрозу для системы жизнеобеспечения местного населения, объективные знания о них, сопоставленные с личными интересами людей, способны приобрести ценностную составляющую и стать элементами мировоззрения. Следовательно, у татарского населения, проживающего в условиях нарушенных экосистем, существуют объективные предпосылки для складывания экологической идентичности. Решение вопроса о наличии экологической идентичности, проблемах ее формирования у различных групп тоболо-иртышских татар становится задачей последующих исследований.

Список литературы

Berkes F. Sacred ecology. – New-York, 2008. – 336 p.

Thomashow M. Ecological identity: becoming a reflective environmentalist. – Cambridge; Massachusetts, 1995. – 228 p.

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН

МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ (XIX – начало XX века)

Тема реконструкции традиционного мировоззрения тюркоязычного населения Южной Сибири в течение многих десятилетий привлекала внимание не одного поколения этнографов. Своеобразным исследовательским итогом стала серия монографий «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» [1988, 1989; Сагалаев, Октябрьская, 1990].

Вопросы изменений в сфере духовной культуры аборигенного населения под влиянием межкультурных контактов с пришлым населением, миссионерской деятельности и др. остались вне рамок исследовательского поля. Попытаемся вскрыть основные механизмы трансформации традиционного мировоззрения в результате миссионерских практик на примере коренного населения предгорий Северного Алтая.

Данная работа основана на архивных изысканиях в Государственном архиве Алтайского края, в частности, на документах, аккумулированных в фонде Алтайской духовной миссии (Ф. 164). Архивные материалы дополнены сведениями из газеты «Томские епархиальные ведомости» за 1880–1910-е гг.

Открытие Алтайской духовной миссии (далее – АДМ) в 1828 г. инициировало трансформационные процессы в духовной культуре автохтонного населения предгорий Северного Алтая. Одновременно расширение ареала расселения русского народа привело к этнокультурному и этноконфессиональному взаимодействиям коренных народов региона и пришлого, в первую очередь, русского населения.

Деятельность миссионеров АДМ в отношении «инородцев» определялась идеологами миссионерства как «учение и благотворение». Учение должно было способствовать «спасению верою о Христе… и улучшению самаго земнаго быта», а благотворение – «грамотностью, добрыми советами, утешением…, пособием в болезни, нуждах, сиротстве» [Томские епархиальные…, 1881, с. 237–238]. В записках священника Бачатского отделения Г. Оттыгашева за 1907 г. говорится, что «проповедь и школа вот два главных двигателя просвещения инородцев» (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 129. Л. 1 об.).

В обязанности миссионера входил ежегодный объезд всех населенных пунктов отделения, основной задачей которого было общение

с язычниками, чтение православной литературы, диспуты с автохтонами на религиозные темы. В силу территориальной обширности отделений миссии, климатических условий и географических особенностей региона миссионеры не всегда успевали посетить все аилы и улусы. Успешность прозелитических мероприятий, сопровождавшихся ростом числа «новокрещенных», а также приток переселенцев, отвлекали силы сотрудников АДМ на исполнение треб православной паствы.

Итогом многочисленных бесед стало крещение аборигенов. Укреплению в вере должны были способствовать восприемники, контролировавшие благопристойное поведение подопечных. Институт «крестных отцов» был создан основателем миссии отцом Макарием [Потапов, 1953, с. 201]. Переход в православную веру еще не означал смену мировоззрения прозелита, отказ от контактов с шаманами и другими представителями традиционной религиозной системы. Знания «новокрещена» о христианстве зачастую ограничивались небольшим набором молитв, сведениями общего характера о новой вере и собственным христианским именем. Миссионеры отмечали: «…инородцы не знают молитвы, креститься не умеют. Дети… только по имени христиане, а в душе язычники» (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 102. Л. 1 об.; Д. 103. Л. 1 об.).

Важной вехой в деле христианизации автохтонного населения стало открытие миссионерских поселений Кабыжак (1855 г.), Ташта (1854 г.), Макарьевск (1854 г.), Кылташ (1856 г.) и Паспаул (1858 г.) [Томские епархиальные…, 1899, № 10, с. 15]. Позднее были организованы села Томай, Буручак, Ужулеп, Алеткин, Иртышкин, Пишпер, Кубий, Елейский, Усть-Кажинское и Балыкса [Томские епархиальные…, 1909, с. 470]. В отличие от отдаленных аилов и улусов, в которых жизнь после крещения никак не менялась, а «новокрещен» порицался соплеменниками-язычниками, в специально организованных поселениях аборигены находились под постоянным или периодическим контролем сотрудников миссии. В миссионерских поселениях к началу XX в. «новокрещены» по религиозности не отличались от пришлого населения (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 103. Л. 3).

В подобные населенные пункты приселялись семьи благочестивых переселенцев или крещеных «инородцев», выступавших в данной ситуации культуртрегерами, способствовавшие распространению новых хозяйственных навыков, межкультурной трансмиссии, в т.ч. синкретизму мировоззрения коренного населения. Так, о коренных жителях аула Усть-Кажа в 1863 г. сообщалось: «К ним для приучения их более правильному хлебопашеству, домохозяйству и христианскому образу жизни, допущено было оседлых инородцев Бустрянской управы…» (ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 739. Л. 7).

Еще одним инструментом трансформации мировоззрения автохтонного населения предгорий Северного Алтая и укрепления христианства в их среде были миссионерские школы. Основанная в 1828 г. миссия начала свою деятельность только в 1830 г. Одним из первых начинаний миссионеров стало открытие в том же году в центре АДМ – с. Улала (со-

временный г. Горно-Алтайск) – первой на Алтае миссионерской школы (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 61. Л. 6). Перед миссионерской школой ставились две задачи: «ученика сделать грамотным» и «из ученика сделать истинного христианина» (ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 57. Л. 147). По воспоминаниям воспитанника Улалинского Миссионерского центрального училища С.С. Ильтеева, в рамках учебного процесса в конце 1860-х гг. преподавались: «священная история Ветхаго и Новаго заветов», арифметика, краткий катихизис, письмо, пение (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 46. Л. 3). Через полвека в документах перечислен все тот же набор предметов. Так, в записках священника Чолушманского отделения С. Никифорова за 1907 г. отмечено, что выпускники школ «умеют читать, ознакомлены со священной историей, кратким катехизисом, знают утренние и вечерние молитвы» (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 127. Л. 3).

Яркой иллюстрацией трансформации мировоззрения аборигена является отношение к школьному образованию. Если до конца XIX в. наблюдалось негативное или индифферентное отношение к открываемым школам, то в начале XX в. во многих документах фиксируется изменение позиции аборигенов. Например, в конце 1910-х гг. в одной из миссионерских записок указано на необходимость открытия прежде упраздненной школы для «инородцев» по р. Байгол. Отмечалось, что местные жители просят об этом сами, а также стремятся получить азбуку и книги (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 158. Л. 2 об. –3). Кроме того, взращенная АДМ национальная элита принимала деятельное участие в строительстве школ и церковных сооружений. Так, для Салгандинской школы дом предоставил *зайсан* Комляжской волости М.В. Тобоков, а для Пешперской купил инородец И. Рыспаев, построивший и местный молитвенный дом (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 61. Л. 121, 154).

Успех в воспитании и обучении молодого поколения из числа коренного населения обеспечивался за счет подготовки учителей и сотрудников АДМ из инородческой среды. Это обеспечивало, с одной стороны, формирование доверительных отношений между учениками и учителем, а с другой – снимало языковые проблемы на начальном этапе обучения. По данным на 1902 г., 8 учителей из 9 (без учета школ Созопского отделения) в миссионерских школах на Северном Алтае были «инородцами» (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 61. Л. 109 об., 121, 132 об., 140 об.).

Не меньшее значение для трансформации мировоззрения автохтонного населения предгорий Северного Алтая имели этнокультурные контакты с пришлым населением. Уже в конце XVIII в. ассимиляционные и аккультурационные процессы привели к оформлению этнолокальных групп «быстрянцев», «тогульцев», «тагапцев» и др., утративших большинство этнических особенностей и активно привлекавшихся миссионерами в прозелитические практики среди соплеменников-язычников. На территории Кебезенского отделения Алтайской духовной миссии семьи переселенцев начали появляться в середине 1870-х гг. (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 16). Разрешение крестьянам разных волостей Бийского округа на заселение бассейна р. Лебедь было дано 6 марта 1874 г. (ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 500.

Л. 34). Несомненно, самовольные переселенцы проникли в этот регион значительно раньше.

Географические особенности Кондомо-Шелкальской волости и агрессивная политика освоения региона пришлым населением (золотопромышленниками и «заимочниками») обусловили определенную замкнутость «лебединских татар» до начала XX в. Ситуация изменилась после выделения в составе Алтайской духовной миссии Лебедского (Турачакского) отделения. В 1900 г. из около «1000 кочующих некрещеных инородцев, начавших изъявлять уже желание креститься» около 80 были «новокрещенами» [Томские епархиальные…, 1901, с. 34]. К моменту открытия отделения крещеное автохтонное население составляло треть местных аборигенов.

Таким образом, в течение XIX – начала XX в. в результате прозелитических практик АДМ и этнокультурных контактов коренного и пришлого населения формировалось синкретичное мировоззрение автохтонов предгорий Северного Алтая. Механизмами распространения православия выступали беседы, диспуты и чтение религиозной литературы среди аборигенов, миссионерские школы, позволяющие не только воспитать молодое поколение в лоне православия, но и через учащихся воздействовать на умы их родителей и родственников. Важнейшими инструментами «переделывания» автохтонного населения стали миссионерские поселения, в которых ведущую роль играли культуртрегеры из числа благочестивых переселенцев или крещеных «инородцев», руководимые (контролируемые) сотрудниками миссии.

Список литературы

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.

Томские епархиальные ведомости. – 1881. – № 14; 1899. – № 10; 1901. – № 24; 1909. – № 11.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. – Новосибирск: Наука, 1989. – 243 с.

И.В. Октябрьская[1], С.К. Сураганов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММАХ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Государственная программа Республики Казахстан «Культурное наследие. Сохраняя прошлое, создаём будущее» разработана по инициативе президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Утвержденная указом президента от 13 января 2004 г., она обрела статус стратегического национального проекта, реализация которого предусматривает создание целостной системы изучения, сохранения и популяризации культурного наследия республики, в т.ч. народных промыслов.

Концепция программы и ее выполнение опирались на законы Республики Казахстан «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» (от 2 июля 1992 г.) и «О культуре» (от 15 декабря 2006 г.). В ходе совершенствования законодательства, а также охраны и популяризации культурного наследия были поэтапно утверждены планы по реализации проекта «Культурное наследие» до 2011 г.

В русле разработки государственных программ культурное наследие Казахстана рассматривалось как важнейший ресурс в реализации принципов политической независимости и национальной самобытности. Осуществление программы «Культурное наследие» стало ответом на запрос по формированию и укреплению национального самосознания и идентичности народа Казахстана. Оно способствовало формированию нового культурного ландшафта и мироощущения страны.

В продолжение программы «Культурное наследие» в 2011 г. Республикой Казахстан была ратифицирована Международная конвенция «Об охране нематериального культурного наследия» (от 17 октября 2003 г.). Постановлением правительства Республики Казахстан от 29 апреля 2013 г. утверждена концепция об охране и развитии нематериального культурного наследия в Республике Казахстан.

«Нематериальное культурное наследие народа Республики Казахстан, являясь важнейшей составляющей частью национальной культуры, основой национального самосознания, укрепляющей духовную связь поколений, играет ключевую роль в формировании культуры Казахстана…

*Работа выполнена по гранту РГНФ № 11-21-17002.

Нематериальное культурное наследие означает обычаи и обряды, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами как часть их культурного наследия» [Постановление…, 2013].

В современном Казахстане основные направления развития нематериального культурного наследия координируют министерства культуры и информации, образования и науки. Казахстанский национальный комитет по охране нематериального культурного наследия действует при Национальной комиссии Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО.

В функции этих структур входит обеспечение сохранения и развития объектов, входящих в национальный перечень нематериального культурного наследия, его документационное обеспечение, контроль (мониторинг) состояния. Инструментами развития нематериального культурного наследия служат: стратегический план Министерства культуры и информации Республики Казахстан на 2011–2015 гг., программа «Развитие регионов» и др.

Согласно государственной стратегии, одним из факторов развития социально-экономической сферы регионов Казахстана являются промыслы и ремесла, в т.ч. в сельской местности. По данным CACSA (Центральноазиатская ассоциация в поддержку ремесел), в 2005 г. Казахстан по развитию традиционных народных ремесел занимал одно из последних место в Центральной Азии. Компенсаторные меры в этой сфере дали первые обнадеживающие результаты.

Начиная с 2006 г., в рамках программы «Развитие ремесел и возрождение народных художественных промыслов в Казахстане» было организовано повышение квалификации и развитие бизнес-навыков среди жителей республики, открыты два Ресурсных центра ремесел в Южном и Восточном Казахстане. На местном и республиканской уровнях работали выставки-ярмарки и мастер-классы.

В 2008 г. в рамках двухгодичного регионального проекта «Новый шелковый путь» Британский совет организовал в Государственном музее искусств Республики Казахстан им. А. Кастеева день открытых дверей «Войлок своими руками». В регионах республики стали проводится семинары по изготовлению войлочных изделий. Эти мероприятия были направлены как на воссоздание древних кочевых традиций в новых условиях, так и на расширение сферы занятости населения.

Большое внимание в Казахстане 2000-х гг. уделялось развитию ювелирных промыслов. В традиционном ювелирном искусстве казахов XVIII–XIX вв. выделялись три комплекса: 1) в западном, северном, центральном и восточном Казахстане; 2) в южном Казахстане; 3) в Жетысу. В XX в. ювелирное искусство казахов переживало упадок. Ситуация стала меняться в 1980-х гг., когда ряд училищ и вузов Казахстана начали готовить специалистов в области декоративно-прикладного искусства.

К началу XXI в. в республике сформировалась плеяда выдающихся мастеров, соединивших в творчестве традиции и новации.

Ювелирные центры активно развивались в рамках программы «Культурное наследие» в 2004–2011 гг. В этот период в Астане появился Президентский центр культуры Республики Казахстан, где создан отдел реставрации и производства ювелирных украшений. Его организатором стал Б. Алибай – мастер-ювелир, признанный в Казахстане и за его пределами, заслуженный деятель культуры Республики Казахстан, обладатель премии президента Республики Казахстан и особого сертификата республиканского конкурса «Зергер-99» – «За преданность ювелирному искусству».

Ориентация на возрождение и приумножение национального наследия, определила современные тенденции в развитии ювелирного и всего декоративно-прикладного искусства Казахстана. Эта поддержанная государством стратегия позволяет сохранить этническую самобытность, а также активно участвовать в мировом художественном процессе, превращая культурные ценности Казахстана в достояние человечества.

В республике поддерживается создание новых ремесленных центров. Одной из успешных фирм современного Казахстана является «Aigul Line» по производству художественного войлока. В 2010 г. продукция этой торговой марки завоевала три сертификата «Знак качества ЮНЕСКО» среди ремесленников Центральной Азии.

Программа «Знак качества» инициирована в 2001 г. Региональным Азиатско-Тихоокеанским Бюро ЮНЕСКО в Бангкоке совместно с Ассоциацией в поддержку развития ремесел стран Юго-Восточной Азии. В 2004 г. она была распространена и на Центральную Азию.

Согласно международным критериям, в изделиях «Aigul Line» присутствуют культурная аутентичность и инновационные особенности, используются экологически чистые материалы, соблюдается справедливость и равенство в процессе производства. Опыт этой и других фирм широко тиражируется в Казахстане.

Деятельности по развитию народных промыслов является частью национальной программы Казахстана по сохранению культурного наследия. В 2009 г. в стране учрежден и стал ежегодным республиканский конкурс ремесленников «Шебер», в рамках которого выделена специальная номинация «Толтумалык» («Самобытность»).

В январе 2012 г. дан старт четвертому этапу конкурса. Тогда же мастера художественных промыслов и прикладного искусства Казахстана объявили о решении создать Союз ремесленников с целью возрождения и сохранения культурного наследия страны путем повышения конкурентоспособности изделий на внутреннем и международном рынках.

Сотрудничество Союза ремесленников с Министерством культуры и информации Республики Казахстан, Акиматом города Алматы, ЮНЕСКО, корпорацией «Шеврон», фондом Евразия, Музеем казахских народных музыкальных инструментов им. Ыхласа вывело конкурс «Ше-

бер» на международный уровень, сделав его одним из самых ожидаемых событий в республике. Финал конкурса 2013 г. перерос в Фестиваль войлока «ШЕБЕР-2013. Киіз Алма».

Республиканские практики сохранения национального наследия, формируя чувство самобытности, были сориентированы на принципы сохранения культурного разнообразия и социального творчества как необходимых условий развития государства. Культурная политика Казахстана изначально направлена на то, чтобы эффективно сохраняя традиции, способствовать становлению республики в качестве одного из центров межкультурного диалога в Евразии.

Важным условием сохранения и развития культурного наследия страны стал широкий межнациональный диалог. С начала 1990-х гг. Республика Казахстан стала активным участником скоординированных программ по сохранению культурного наследия Содружества независимых государств.

В 2002 г. создан механизм проведения ежегодных совещаний министров культуры государств – членов ШОС. В мае 2011 г. в г. Астане состоялась очередная встреча министров культуры государств – членов ШОС и совета по культуре при Интеграционном комитете государств – членов ЕврАзЭС. Ее участники обсудили перспективы сотрудничества в области сохранения и развития нематериального культурного наследия и продвижения традиционных культур в процессе культурного обмена. Было принято решение о дальнейшем развитии многосторонних и двусторонних связей, способствующих укреплению взаимопонимания между народами, сохранению многообразия культур, взаимному уважению, распространению знаний о традициях и обычаях народов, живущих на пространстве Евразии.

В 2012 г. Казахстан принял участие в Фестивале искусств – выставке нематериального наследия и традиционной культуры государств – членов ШОС в Пекине.

Программа международного сотрудничества в области изучения, сохранения и популяризации культурного наследия, которой придерживается современный Казахстан, призвана противостоять глобализации и «массовой культуре», несущей опасность для культуры национальной, защитить страну и ее молодое поколение от влияния негативных социальных явлений, радикальных религиозных течений, способствовать формированию межнационального мира и согласия. Эти концептуальные положения определяют реальные перспективы в сфере развития народных художественных промыслов Республики Казахстан.

Список литературы

Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 апреля 2013 года № 408 «О Концепции об охране и развитии нематериального культурного наследия в Республике Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31381886 (дата обращения: 30.10.2013).

А.Ю. Охотников

Институт археологии и этнографии СО РАН

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ СИБИРСКО-НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (на материалах Нейфельдского национального сельского совета)*

В 1909–1915 гг. в Юдинской волости Каинского уезда Томской губернии (ныне территория Чистоозерного района Новосибирской области) были основаны деревни Граничная и Цветное Поле (Блюменфельд) [Список…, 1911, с. 416–417], хутора Николаевка и Нейфельд [Список…, 1928, с. 328–330]. Граничная была менонитским поселением, в Цветном Поле и Нейфельде преобладали баптисты, в Николаевке – волынские немцы-лютеране.

Хозяйственная стагнация (1918–1924 гг.) в кулундинских немецких колониях была вызвана общим состоянием экономики страны, политикой продразверстки и взиманием продналога в неурожайные годы. Выход из затяжного кризиса осенью 1925 г. исследователи связывают с хорошим урожаем. Помимо погодных факторов повлияли «восстановление сельхозмашиностроения в стране и импорт машин» [Малиновский, 1967, с. 207], гуманитарная и кредитная помощь менонитских организаций, а также «самоотверженная работа крестьян по подъему своего хозяйства» [Савин, 2004, с. 129]. Немаловажной стала групповая сплоченность населения немецких сел, облегчавшая задачи кооперации, социальной и гуманитарной помощи. Старожилы северокулундинских немецких сел в интервью Л.В. Малиновскому не отмечали открытых конфликтов или шумных межевых споров.

К причинам относительной неконфликтности сибирских немцев, неприемлемости для них открытой агрессии как средства личностной и групповой реализации можно отнести следующие: аграрная колонизация целинных пространств; протестантский этос; исторический опыт сотрудничества с государством.

Опыт освоения целинных пространств обусловил основной объект противостояния колонистам – природу сибирской степи. Колонистам приходилось сообща заготавливать, содержать общественные промыслы и т.д. Индивидуальный успех в ситуации освоения экстремальной среды

*Работа выполнена в рамках интеграционного проекта «Этносоциальные аспекты поведения человека (ИАЭТ СО РАН, НИИ физиологии СО РАМН)»

оценивался в категориях удачи, был примером крестьянской сноровки, но не поводом для зависти.

Гораздо более осознанными житейскими принципами были истины, обсуждаемые колонистами-протестантами на каждом молитвенном собрании и транслируемые в повседневную жизнь сибирско-немецкой деревни. Так, довольно сложно обнаружить «классовую», узко экономическую составляющую в найме батраков в 1920-е гг. в с. Цветное Поле. Хозяйства, содержащие «наемную силу», были маломощными, сильно уступали по масштабам деятельности, оснащению и товарности предприятиям образца 1917 г., работавшим на снабжение армии. Старожил Л.Г. Краус цитирует мнение брата – «крепкого крестьянина» Иккерта: «Когда была уборка, то Вильгельм нанимал себе парнишку, а то всегда говорил, что лучше сам сделает, чем человеку копейку платить» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 19).

Договоры о найме за 1928 г. по с. Цветное Поле предусматривают проживание батрака с хозяевами, питание «тем, что сами кушаем», снабжение бельем и верхней одеждой по сезону («шуба, пимы, пиджак, сапоги»), стоимость которых сопоставима с десятимесячным денежным содержанием батрака (60–80 руб.) и гарантируют двухмесячное содержание по болезни (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 378. Л. 3). В декабре 1930 г. бывшие цветнопольские батраки Бухмиллер, Шиц и Эйрих подали в местный избирком прошение о восстановлении в правах «лишенца» Людвига Рея, «так как тов. Рей… не держал Карла Шица как батрака, а взял его приемышем “в дети”». «Идеологически грамотный» бывший председатель колхоза И.Г. Эдель, описывая батрачество в рамках ленинской схемы, так воспроизводит неоднозначность явления: «Крепкие крестьяне имели возможность эксплоатировать бедноту, в плохие годы они заставляли бедных работать за хлеб и это называли еще “добротой”» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 13).

В сибирско-немецкой деревне накануне коллективизации было развито кооперативное движение. «Лучшие люди» занимались освоением русской грамоты и основ новой светской культуры в кружках самообразования. Сибирские немцы вовсе не относились к числу последовательных противников советской власти: просто грамотные, бывалые люди предвосхитили содержимое коммунистических лозунгов и построили совершенные сельские коллективы под знаком евангельских ценностей.

Акцент на внутрипоселенные и внутриконфессиональные связи в сибирско-немецких колониях обусловлен и актуальным негативным опытом взаимоотношений с фискальными структурами советского государства – прежде всего продотрядами. А.И. Савин приводит высказывание секретаря немсекции при Алтайском губкоме РКП (б) И. Лигерера: «Продкампания совершенно наголову разбила немецких крестьян, т.к. они платили и при этом постоянно избивались и запирались в холодные амбары…» [Савин, 2004, с. 123]. Вместе с тем, именно взаимоотношения с государством длительное время определяли содержание российско-немецкой традиционной культуры. Навык диалога с властью не мог

исчезнуть в одночасье, пусть даже под воздействием исключительно неблагоприятных обстоятельств.

Однако первыми реакциями на создание колхозов в сибирско-немецких деревнях были бойкот и попытка эмиграции. Миграционное движение сопровождалось массовыми распродажами имущества, актами луддизма: забоем скота, порчей нераспроданного инвентаря. В 1929 г. цветнопольцы ликвидировали сложный инвентарь, сломали и сдали в утиль маслобойки, молотилки и мельницы (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27. Л. 38). Миграционное движение было прекращено комплексом репрессивных и пропагандистских мер. Однако сибирские немцы оказались, пожалуй, наиболее эффективным оппонентом советской власти среди крестьян: их пассивное сопротивление оказалось замеченным за границей. Кампания неповиновения отсрочила раскулачивание «семей иностранных подданных тех стран, которые находятся в нормальных дипломатических отношениях с СССР», в дальнейшем высылка немецких кулаков в северные районы была запрещена [Спецпереселенцы…, 1996, с. 51].

Стремление выехать за границу было жестом отчаяния для крестьян, уже вложивших жизнь в освоение сибирских степей. Старожил Л.Г. Краус так воспроизводит семейное обсуждение темы эмиграции: «Брат хлопотал за нас всех, но мы не поехали – мой муж не захотел: “Здесь мы родились, здесь и останемся!”» – сказал он» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 19). Орловский пресвитер Шиц предварил обращение к верующим, расцененное властями как «агитацию на выезд», на собрании 16 декабря 1929 г. следующими словами: «Если советская власть нас не восстановит в избирательных правах, то мы обязательно уедем в Америку, несмотря на то, что нам лучше хотелось бы жить на родине… Если бы нас не принуждали идти в колхозы, то мы бы не выезжали из России» (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 470. Л. 231). Не только цензурируемое респондентом исследовательское интервью, но и процитированный фрагмент доноса не содержат признаков агрессии.

На протяжении первой половины 1930-х гг. жители д. Цветное Поле дружно подавали ходатайства за «лишенцев», подвергавшихся наибольшей эксплуатации (в колхоз их не принимали, ограничиваясь сезонным наймом). В персональных делах содержатся петиции, подписанные «всем обществом»: до 70 подписей (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 94, 378, 475).

При этом нейфельдские немцы вовсе не были абсолютными приверженцами тезиса о непротивлении злу насилием. В случае посягательств на собственность (скот или общественное имущество со стороны частного лица) колонисты проявляли жесткость и даже жестокость. Так, к 1931 г. относится случай избиения пойманных «скотокрадов»-казахов всем цветнопольским «обществом» [Малышева, Познанский, 1999, с. 202].

Случай с колхозным счетоводом Бауэром свидетельствует не только о щепетильном отношении к собственности, но и о мстительности (вполне, впрочем, уместной) цветнопольских колонистов. Счетовод колхоза был обвинен в торговых сделках с беженцами-казахами, в то время как «члены артели страдали голодом». Чаша терпения односельчан переполнилась,

когда администратор «даже нонешний год справил хату». Александру Бауэру припомнили эксплуатацию батраков «с раннего утра до позднего вечера» «за харчи». Сын «вновь выявленного кулака» комсомолец-избач Николай Бауэр обвинил односельчан в заговоре и фальсификации показаний работниками сельсовета. Вероятно, фабрикация дела действительно имела место, судя по квалифицированной подготовке обвинений: в райисполком были направлены даже показания о подкупе счетоводом свидетеля – бывшего батрака. Имущество Бауэров было конфисковано решением сельсовета, а сами они были вынуждены уехать из села (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27).

Социальный протест скверному житью в колхозах сибирские немцы выражали так же, как русские и украинские соседи: путем миграции. Пометки «выехал неизвестно куда» встречаются в половине дел нейфельдских немцев, лишенных в 1929 г. «права голоса». Адрес выезда выявить было нетрудно: как правило, «лишенцы» выезжали на родину, либо в транзитные пункты столыпинской миграции, где еще оставались родственники. В частности, «сын помещика» И.Д. Фурман и «развалившийся хозяйство» счетовод колхоза «Нацмен» А.Я. Бауэр оказались в немецких колхозах Омского округа (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27, 475). В автобиографии «лишенец» И.Ф. Шеффер писал: «Так как я остался ни с чем, то я вынужден был выехать с деревни в поисках пропитания. В первую очередь, я направился в Донскую область к своим родным» (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 35).

Список литературы

Малиновский Л.В. Сельское хозяйство национальных меньшинств в Сибири (1919–1928) // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1967. – Т. 190, вып. 3. – С. 202–213.

Малышева М.П., Познанский В.С. Казахи-беженцы от голода в Западной Сибири (1931–1934 гг.). – Алматы: Б.и., 1999. – 536 с.

Савин А.И. Продразверстка и продналог в немецкой деревне Сибири // Налоги и заготовки в сибирской деревне. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. – С. 98–135.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. – Новосибирск: Экор, 1996. – 311 с.

Список населенных мест Сибирского края. – Новосибирск, 1928. – Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. – 831 с.

Список населенных мест Томской губернии. – Томск, 1911. – 578 с.

Л.О. Понедельченко

Институт археологии и этнографии СО РАН

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В МЕГАПОЛИСАХ (на примере восточнославянского населения города Новосибирска)

Этнические процессы, протекающие в крупных городах, являются объектом исследований отечественных этнографов, начиная со второй половины 1960-х гг. [Будина, 1977, с. 26]. При этом методическая трудность получения результатов обусловлена политической установкой на изучение культуры и быта рабочего класса в городах и единство многонационального народа. Исследования ограничивались характеристикой этнодемографической ситуации, национального состава городского населения и предпосылок его формирования [Бромлей, 1983, с. 11]. С середины 1980-х гг. стало уделяться больше внимания изменениям этнических процессов, росту напряженности в межнациональных отношениях и, как следствие, увеличению числа этнических конфликтов [Тишков, 1997, с. 5]. Сегодня к этой тематике добавилось изучение форм сохранения традиционной культуры горожанами.

В статье рассмотрены особенности проведения этнографического исследования традиционной культуры восточных славян – современных жителей г. Новосибирска. Опрос проводился среди горожан, входящих в национальные организации и объединения. Это обусловлено тем, что многие не афишируют свою национальность или не считают ее определяющим фактом жизни или не интересуются ею. Поэтому отследить формы сохранения и передачи традиционной культуры можно у людей, для которых национальная культура – неотъемлемая часть жизни. Они легко идут на контакт, участвуют в интервью и анкетировании.

Сбор материала уместно проводить с поправками на городские условия проживания информантов. Так, в основу нашего исследования положен сбор информации о национальном самосознании, языке, быте, системе питания, одежде, воспитании и праздничной культуре.

Вопрос об этническом самосознании остается дискуссионным на протяжении многих лет [Александренков, 1996, с. 14; Тишков, 1997, с. 4; Чешко, 2001, с. 5; Дробижева, 2013, с. 9]. При этом этническое самосознание является одним из основополагающих факторов, определяющих принадлежность к национальной культуре. Работа с информантом начинается с определения его национальной принадлежности. А так же

с того, как происходило формирование его самоопределения: был ли это самостоятельный выбор или решение родителей, как относится окружение и родственники к принятому решению. Необходимо уделить особое внимание причинам, по которым человек может скрывать этническое происхождение.

Некоторым достаточно чувствовать себя русским, украинцем или белорусом. Участие в национальных организациях для такой категории граждан неинтересно, а иногда даже обременительно. Другие ощущают необходимость объединиться с представителями своей культуры для обмена опытом, ощущения комфорта и сплоченности в городской среде. Для последних деятельность национальных организаций, библиотек и отдельные мероприятия влияет на формирования этнического самосознания, как собственного, так и детей, близких.

В крупных городах нужно учитывать, в каком возрасте человек начинает ощущать сопричастность с национальной культурой. В деревенской среды ребенок с раннего возраста соприкасается с элементами традиционной культуры и естественным образом, от старшего поколения, перенимает опыт, ценности и осознание своего места в окружающем мире. Городскому ребенку в условиях унифицированной среды мегаполиса сложно ориентироваться без чьей-либо помощи. Именно поэтому, изучая представителей восточнославянских культур в г. Новосибирске, необходимо знать, в каком возрасте и под влиянием каких обстоятельств формировалось этническое самосознание информанта. Так, имеют место случаи, когда человек, случайно попадая на мероприятие, неожиданно ощущал близость культурной традиции.

«Я пришел на вечер, организованный в Украинской автономии, меня пригласили играть на гитаре. Себя я украинцем никогда не считал и не думал никогда о своей национальности, в СССР мы все тогда русские были. А вот один раз попал сюда и понял – мое, хоть язык не всегда понимаю, но это моя культура, она мне близкая, родная и люди тут такие же…» (ПМА, 2012).

Другим неотъемлемым элементом этнической культуры является язык. В связи с тем, что в г. Новосибирске население общается на русском языке, при работе с информантами языковая близость восточнославянской языковой группы облегчала общение и понимание. С другой стороны, человек, не владеющий национальным языком, не может в полной мере познать свою культуру. Возможности свободно разговаривать на родном языке для украинцев и белорусов г. Новосибирска мало: либо общаться в семье, либо на мероприятиях, вечерках, фестивалях, в стенах национальных организаций. И если с русскими языком вопросов не возникает, то относительно украинского или белорусского языков важно знать, как и когда горожанин их выучил: знал с детства или занимался специально. Например, в белорусской национальной автономии периодически предпринимались попытки организовать курсы по изучению языка. Находили и место, и преподавателя, но аудиторию не собрали, поэтому белорусский язык можно услышать, как правило, только во время концертных

выступлений. В семьях на нем разговаривают редко и в основном старшее поколение. А вот в стенах национального центра украинской автономии звучит только украинская речь, поэтому постоянные участники собраний и мероприятий, включая детей, подкрепляют навык устной речи в неформальной обстановке.

Ранее среди исследователей было распространено мнение, что наиболее выраженная этническая специфика присутствует в культуре крестьянства, поэтому именно ее пристально изучали [Будина, 1977, с. 21]. В последнее время все чаще этнографические исследования направлены на изучение городского варианта этнических культур.

Сами представители восточнославянского населения г. Новосибирска в большинстве своем уверены, что настоящая культура находится для украинцев – на Украине, для белорусов – в Беларуси. Желание укоренить на сибирской земле элементы традиционной этнической культуры приводит к проявлению двойственности. С одной стороны, проявляется обособление, национальной группы от общей массы городского населения, а с другой – осуществляется попытка интегрировать национальную культуру в современные городские условия. Это можно проследить на примере системы питания. Так, белорусы, на все мероприятия, фестивали и собрания готовят большое количество национальных блюд. Кто-то ищет рецепты в интернете, другие – в кулинарных сборниках, третьи рецепты передают по наследству. Однако для домашних праздников готовят наиболее распространенные в городской среде угощенья, все чаще покупают уже готовую еду.

Естественно, перебравшись в город, изменив условия существования и окружающую среду, человек теряет связь с природой и зависимость от аграрного цикла. Поэтому элементы, составляющие традиционную систему воспитания, воспринимаются горожанами как инородные. На смену естественному пониманию жизненных процессов приходит трактовка, изучение и объяснение содержания элементов традиционной культуры. И традиция начинает передаваться не внутри семьи от старшего поколения к младшему, а извне в адаптированном, облегченном для понимания виде. Ускоренный темп жизни горожан выражается в изменении значения массовых мероприятий, несмотря на возврат названий традиционных национальных праздников. Хотя последние отчасти и способствуют возрождению традиций. На первый план выходит зрелищность мероприятия в ущерб смысловому содержанию.

Рассмотрим праздничный календарь национальных организаций русских, украинцев и белорусов. Здесь городская жизнь оставила свой отпечаток. Широко распространены установленные в России государственные и национальные праздники, появились и новые, не характерные для традиционной культуры мероприятия. Так, украинцы в марте отмечают Шевченковские дни, посвященные жизни и творчеству Т.Г. Шевченко, а белорусы каждый год организуют фестиваль «Славянское подворье», демонстрирующий единство восточнославянских народов, проживающих в г. Новосибирске.

Большую роль при изучении городских вариантов восточнославянских культур играет возможность использования традиционной одежды. В современном мегаполисе сложно встретить человека, облаченного в национальный костюм, т.к. городской образ жизни не предусматривает ношение подобной одежды. Уместнее рассматривать отдельные этнические элементы, мотивы традиционного костюма в повседневной одежде, выяснить смысловое содержание, которое вкладывает горожанин в свой костюм. Часто узор переносят на другой предмет, не имеющий первоначальной семантической связи с орнаментом. Это говорит о том, что образ, характерный для традиционной культуры передан, а смысловое содержание неясно.

Можно сказать, что трансформация национальной культуры, происходящая под влиянием адаптационных процессов, протекающих у восточнославянского населения г. Новосибирска, неизбежно приводит к появлению инноваций в традиционной культуре. Возникают новые обряды, праздники, характерные только для городских национальных сообществ. Но данные реалии следует воспринимать не как утрату традиционных элементов этнической культуры, а как вариант адаптации и сохранения национального и культурного многообразия применительно к городским условиям жизни.

Список литературы

Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? // ЭО. – 1996. – № 3. – С. 13–22.

Бромлей Ю.В. О некоторых задачах этнографического изучения современности // СЭ. – 1983. – № 6. – С. 10–23.

Будина О.Р., Шмелева М.Н. Этнографическое изучение города в СССР // СЭ. –1977. – № 6. – С. 21–31.

Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации: опыт 20 лет. – М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с.

Тишков В.А. О феномене этничности // ЭО. – 1997. – № 6. – С. 3–21.

Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // ЭО. – 2001. – № 2. – С. 3–16.

И.В. Сальникова

Институт археологии и этнографии СО РАН

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПОЛЕВЫХ ДНЕВНИКОВ В.А. ТИМОХИНА

Первым этапом реализации проекта «Открытый архив СО РАН как электронная система накопления, представления и хранения научного наследия» стала работа по наполнению информационной системы электронными версиями документов, фотографий и полевых дневников. Второй этап – систематизация материалов этнографа В.А. Тимохина, фондообразователя нанайской коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока.

Для решения поставленной задачи исходный материал был разделен на тематические коллекции. Унификация информации сделала возможным проведение контент-анализа текстового материала полевых дневников и фотографий экспедиций 1970-х гг.

Материалы 1970-х гг. представляют особый интерес, поскольку включают большой блок сведений этнографического характера. Эту часть архива составляют полевые дневники Североазиатской и Дальневосточной археологических экспедиций, историко-этнографического отряда (автор и руководитель В.А. Тимохин, 1971 и 1973 гг.), дневники членов отряда – студентов Ленинградского государственного университета Валентины Горбачевой и Галины Романовой (1972 г.). Речь идет о четырех текстовых блоках и фотоархиве (более 60 ед.).

Цели и задачи экспедиций раскрыты в дневнике В.А. Тимохина за 1971 г.: «Историко-этнографический отряд работает в составе Дальневосточной археологической экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР в бассейне реки Амура и Приморье с 1962 г. Всеми работами руководит академик А.П. Окладников. За эти годы установлены прочные деловые и дружеские связи с жителями в различных районах Дальнего Востока. Отряд работает по комплексному изучению жизни, быта и национальных традиций коренного населения, проводя этнографические изыскания, археологические работы, социологические исследования и работу в местных архивах: а) приобретение националь-

*Работа выполнена в рамках междисциплинарного интеграционного проекта фундаментальных исследований Президиума СО РАН (№ М 48).

Основные направления полевых исследований

Тема	Информация	Место сбора	Информант	Номера страниц дневника	Автор дневника
1	2	3	4	5	6
Национальные предметы	Описания вещей и сведения об их владельцах	с. Каичем	–	2–5	Г. Романова
		с. Болонь	–	5–8	
		Колхоз им. Лазо	–	8–10	
		Колхоз им. 22 съезда	–	10	
		с. Синда		32–35	В. Горбачева
		с. Маяк		92–97	
		с. Дада		54	
Национальная одежда	Описание предметов	Сакачи-Алян	Л.Д. Октанка (1891 г.р.)	10–11	Г. Романова
			Н.А. Актанка	20	
	Крой халата, национальная вышивка, орнамент	с. Искра	Е.М. Пассар	30–31	В. Горбачева
		с. Найхин	А. Пассар	60	
			П. Киле	12–21	
	Костюм охотника	с. Троицкое	Ч. Киле	92	В. Горбачева
Обряды жизненного цикла	Сватовство, похороны	Сакачи-Алян	Л.Д. Октанка	12–14	Г. Романова
		с. Найхин	Н.А. Актанка, П. Киле	22–28	
	Традиции создания семьи	с. Искра	Актанка	31–32	В. Горбачева
		с. Найхин	Е.М. Пассар	–	
	Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка	с. Муха	А. и П. Онинко	63–69	В. Горбачева
			Т. Бельды	79–82	
		с. Найхин	Н. Бельды	55–59	
		с. Кондон	М. Дигор	–	В.А. Тимохин

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
Традиционные промыслы	Охота, рыболовство, сбыт пушнины, собачьи упряжки	с. Сакачи-Алян	Е.М. Пассар	14–16	Г. Романова
		с. Искра	А. Онинко	50–57	Г. Романова
	Зимний лов рыбы	с. Муха	Н. Бельды	61–62	Г. Романова
		с. Синда		70–72	
	Изготовление нарт	с. Найхин	Н. Бельды	98–99	Г. Романова
	Снаряжение охотника	с. Найхин	Т. Бельды	12–21	Г. Романова
	Устройство балагана охотника	с. Дада	П. Киле	76–77	В. Горбачева
		с. Арсеньево	М. Онинко, Э. Гейкер	93–101	
	Использование лука	с. Кондон	Ф. Наймуко	123	В.А. Тимохин
Национальный орнамент; нарты охотничьи; украшения; гильда (копье)	Зарисовки	с. Муха с. Искра	Е.М.Пассар и др.	16, 29–30, 70–72	Г. Романова
Происхождение народов	Тексты мифов	–	Н.А.Актанка и др.	16–18, 20–22	Г. Романова
Нанайские семьи	Перечень, списки браков	п. Маяк	–	36–45	Г. Романова
		с. Искра	–	47–49	
		с. Найхин	–	29–39, 116	В. Горбачева
		с. Кондон	–	75–112	В.А. Тимохин
Культовая скульптура	Описание, назначение	с. Искра	А. Онинко	50–56	Г. Романова
			П. Пассар	58–59	
			К. Пассар	86–91	
		с. Муха	Н.Киле	72–77	
		с. Синда	Т. Бельды	104–106	
		с. Найхин	П. Киле	12–21	В. Горбачева
			Д. Гейкер	40–44	
			М. Онинко	45–47	
		с. Кондон	Г. Наймуко	115–121	В.А. Тимохин

Шаманская практика	Обряды	с. Искра	А. Онинко	50–56	Г. Романова
			Т. Бельды	79–82	
	Облачение шамана	с. Найхин	Н. Бельды	22–28	В. Горбачева
	Роль шамана в обряде похорон	с. Найхин	Д. Гейкер	40–44	В. Горбачева
	Шаманский путь в «буни»	с. Найхин	М. Бельды	53–54	В. Горбачева
	Атрибуты шамана	с. Дада	Г. Гейкер	60–61	В. Горбачева
		с. Даярга	М. Онинко	78–82	
	Рисунки и фигуры на колотушке	с. Дада	М. Онинко	76–77, 102–112	В. Горбачева
Обрядовая практика	Охота	с. Искра	У. Бельды	61–62	Г. Романова
	Отношение к огню	с. Муха	Б.С. Гейкер	2–11	В. Горбачева
			Е. Донкан	78	
	Промыслы	с. Арсеньево	Э. Гейкер	96–101	В. Горбачева
Разделение нанайцев на группы	Выводы	с. Искра	–	62	Г. Романова
Взаимовлияния русской и нанайской культур	Выводы	с. Кондон	–	5–8	В.А. Тимохин (1971 г.)
Свадебные халаты	Описания	с. Синда	Т. Бедьды	102	Г. Романова
Жилища	Описания	с. Синда	Т. Бельды	103	Г. Романова
Строительство лодки («оморочки» и др.)	Описания	с. Джари с. Кондон	К. Бельды –	87–89 12–62	В. Горбачева В.А. Тимохин
Сказки, песни, легенды	Тексты	с. Синда	Т. Бельды	107–112	Г. Романова
		с. Кондон	–	121–122	В.А. Тимохин (1971 г.)
Археологические раскопки	Информация	с. Кондон	–	78–94	В.А. Тимохин (1973 г.)

ных вещей (одежда: халаты – обувь – халаты праздничные); предметы быта; орудия охоты; б) фотофиксация этих же предметов, которых не удалось приобрести; в) религиозные обряды: похороны, камлания» (дневник, 1971 г., с. 5).

Контент-анализ предполагает регистрацию количества заданных единиц, под которой мы понимаем темы и сюжеты, выявленные в исходной информации (см. *таблицу*).

Таким образом, основные исследования имели четыре направлений. К первому отнесена информация о традиционных промыслах, устройстве охотничьего балагана, типах лодок, способах и материале их изготовления, обрядовой и ритуальной практиках. Второе направление включает сведения об обрядах жизненного цикла во всем их многообразии. Затем идет блок информации, связанной со сведениями о шаманах и культовой скульптуре, включая описания облачения шамана и обряда «дорога в буни», семантическое значение изображений на шаманской колотушке, назначение оберегов. Последний блок фиксирует мифы о происхождении нанайцев и других народов, песни и сказки.

Работа с источниками позволила выявить определенные темы и сюжеты, проследить методику сбора информации. Методика включала: 1) изучение местных архивов (в основном похозяйственных книг сельсоветов) на наличие нанайских фамилий; 2) изучение со слов информантов истории родов, национальных названий предметов одежды и бытовой утвари. Следует отметить перспективность дальнейшего изучения источников.

Фотоархив насчитывает более 60 фотографий. Данный блок можно разделить на следующие темы: национальные типажи, фото предметов, одежды повседневной и свадебной, снимки обрядов камлания шамана Тумали, медвежьего кладбища и ритуальных предметов, сюжеты национальных праздников.

Получение дополнительных возможностей работы с источниками обусловлено включением в информационную систему «Открытый архив…» и выявлением основных перспективных направлений исследований. Итогом контент-анализа архива В.А. Тимохина стала систематизация текстов, позволившая получить и зафиксировать сведения, выявить тематические и логические связи между ними, верифицировать выводы исследователей, представить наглядную информацию.

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН

РОДОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (конец XX – XXI век)

Одной из важных проблем современного научного дискурса является анализ механизмов формирования социальной памяти и символов человеческих сообществ. Функцию сохранения памяти, согласно концепции П. Нора, выполняют мемориальные места (*lieux de memoire*). Они играют символическую роль, создают представление сообщества о себе, своей истории, могут меняться, со временем переживая периоды торжества [Франция…, 1999, с. 327]. Причину возросшей роли прошлого П. Нора видит в феномене «ускорения истории», когда постоянные изменения побуждают общество сохранить ускользающее прошлое. Одновременно в процессе «деколонизации» истории возникают разнообразные формы памяти меньшинств, для которых отвоевание собственного прошлого является необходимым для утверждения собственной идентичности [Нора, 2005].

Формированием социальной памяти тюркоязычной этнической группы, образов ее прошлого занимаются различные акторы, в т.ч. родовые институты. На местах (в районах Хакасии) с конца 1990-х гг. сначала спонтанно, а затем организованно начало разворачиваться родовое движение. Стремительно увеличилось количество встреч-праздников хакасских родов. В масштабах поселков, городов и районов создавались советы родовых старейшин.

В 1997 г. в Хакасии было зарегистрировано Хакасское республиканское движение «Совет старейшин родов хакасского народа», в 2003 г. переименованное в «Хакасское региональное общественное движение родов хакасского народа». Первоначально его основной задачей являлось оказание помощи в организации встреч родственников и родовых праздников, в объединении родов хакасского народа. В настоящее время движение ставит перед собой более масштабные задачи:

1. Развитие культурного и духовного возрождения хакасского народа.
2. Поддержка хозяйственной деятельности, основанной на традиционных формах хозяйствования.
3. Участие в реализации программ по проблемам коренного народа республики.
4. Пропаганда здорового образа жизни.

5. Содействие в деле укрепления мира и согласия между народами республики.

Главная цель движения – борьба за повышение уровня жизни коренного этноса Хакасии (НАРХ. Ф. 884. Оп. 1. Д. 42).

Результатом деятельности общественного движения стала принятая в 1999 г. программа «Родовое движение хакасов как фактор консолидации и развития этноса. 2001–2005 гг.». В ней обоснована уникальность родовых институтов хакасского народа: «Род – это круг родственников, объединенных единой фамилией, предками, исторической памятью, малой родиной. Участие в проведении родовых ритуалов, соблюдение родовых традиций способствует воспитанию патриотизма, любви к своей родной земле у подрастающего поколения». Род рассматривается национальной интеллигенцией как один из важнейших факторов, способствующих самосохранению народа на всех этапах его развития. Ценность рода определяется тем, что он являлся инициативой самого народа [Тутатчикова, 2004, с. 3].

Согласно концепции программы, родовое движение призвано стать опорой в социально-экономических реформах современной Хакасии и обеспечить гармоничное развитие всех этнических групп на принципах толерантности, диалогичности и взаимного уважения (НАРХ. Ф. 884. Оп. 1. Д. 43).

В настоящее время «Совет старейшин родов хакасского народа» продолжает активную деятельность. В марте 2011 г. был проведен XII съезд, где представлен итоговый отчет деятельности общественной организации с 2006 по 2011 гг. Согласно документам, принятым в ходе мероприятия, целью движения является, как и прежде, «борьба за повышение уровня жизни народа и защита интересов коренного этноса». При этом дана расшифровка понятия «коренной народ»: «…народы, заселившие данную страну (или местность) в глубокой древности, задолго до прихода и утверждения здесь людей иной цивилизации (людей с иной историей, культурой, языком, традициями и т.д.)».

Отмечается связь предыдущих поколений хакасов с современным поколением, которое активно соблюдает обычаи и традиции, поддерживает быт и культуру, установленную предками. Для легитимации данного съезда его участники обращаются к истории начала XX в., ссылаясь на первые девять съездов, проходивших с 1905 по 1917 гг. при активном участии С.Д. Майногашева. Представители движения делают акцент на решающей роли организации в сохранении этнического самосознания, духовной и материальной культуры хакасов после 1990-х гг.

В ходе работы съезда произошло окончательное оформление структуры организации. По мысли символьной элиты Республики Хакасия, родовое движение должно делиться на три уровня: низовой – собственно род, объединения родственников, по признаку общего предка; второй – районные Советы старейшин; третий – республиканский Совет старейшин. Предлагая иерархическую структуру, представители национальной интеллигенции, тем не менее, заявили об отсутствии потребности

в централизованной организации с жесткой дисциплиной на данном этапе развития родового движения. Как отметили авторы принятых документов, в отличие от потестарных образований с жесткой военной структурой, существовавшей в средние века, в настоящее время идет «мирный процесс развития нации».

Задача всех уровней – «это обеспечение развития нации и воспитание потомков на основе национальных обычаев и традиций». Цель республиканского совета старейшин – «решение общих проблем, волнующих нацию, отслеживание процессов внутри этноса», налаживание межэтнического взаимодействия в регионе.

Районные и городские советы выполняют функции по координации деятельности рядовых членов движения. Ведут работу по сохранению материального и культурного наследия на уровне района, организуют районные мероприятия, в т.ч. национальные праздники.

Особое внимание уделяется истории семьи. По идее лидеров родового движения, жители должны приступить к работе по выявлению и сбору материалов по истории родов, составлению генеалогического дерева с целью сохранения исторической памяти этнической группы, формирования образцов для воспитания подрастающего поколения. Большое значение в работе организации уделяется выявлению и созданию перечня сакральных мест хакасского народа. Они, по мысли символьной элиты, помогают воспитывать молодое поколение в традициях хакасской культуры, способствуют развитию этнического туризма. Старейшины родов участвуют в выявлении и возвращении на прежние места стел – объектов археологического наследия региона. Примером такой деятельности служит организация Анхаковского музея-заповедника «Улуг хуртуях тас» в Аскизском р-не, а также музея под открытым небом «Усть-Сос» в Бейском р-не Хакасии.

Организуют совет старейшин и региональные отделения этнонациональные праздники «Тун Пайрам», «Уртун той», «Ада Чир Суу», встречи родов. Праздник рода, согласно А.С. Тутатчиковой, методисту РГУ «Центр культуры и народного творчества им. С.П. Кадышева» и режиссеру массовых праздников, помогает восстановлению национальной традиции, дает знание об истории рода, а через него – этнической группы, заботится о генофонде народа, оказывает моральную и социальную поддержку в современных условиях [2004, с. 10–11]. Целью мероприятий является формирование родовой и этнической идентичности через знакомство представителей клана с его историей, генеалогией, особенностями материальной и духовной культуры хакасов. Место проведения праздника рода определяется старейшинами, которые уточняют границы родовых владений, регион обрядово-ритуальных поклонений, родовых святынь. Специально к встрече готовится родословная, которая вручается всем участникам и демонстрируется гостям праздника на стенде. Старейшины открывают собрание, объявляя цель мероприятия и программу. Затем проводится обряд поклонения солнцу и родовой горе, ритуал поминовения усопших, поздравление юбиляров. Отдельную часть мероприятия

составляют спортивные состязания представителей *сеока*, исполнение *тахпахов* собственного сочинения, презентация родовых легенд и мифов. Таким образом, род становится одним из институтов социализации для молодого тюркоязычного населения.

Лидеры родовых организаций Республики Хакасия формулируют основные идеологемы этнонациональных дискурсов:

1. Пересмотр исторического развития региона, идея государственности и расцвета коренного тюркоязычного населения Саяно-Алтая в прошлом.

2. Возврат к ценностям и институтам традиционного общества, развитие экономических и культурных связей в рамках тюркского сообщества Евразии.

Актуализация родовых институтов и их символическое оформление в модернизированном сообществе Хакасии рассматривается лидерами этнонационального движения как способ консолидации тюркоязычного населения региона, маркер этнонациональной идентичности. Вплоть до настоящего времени род сохраняет свою актуальность на уровне семейно-родственных отношений. Однако символьная элита региона, обращаясь к архаическим институтам, наполняет их другим содержанием. По сути, родовые структуры становятся частью современного гражданского общества. Отстраняясь от участия в политической жизни, участники родовых структур решают проблемы, связанные с культурной и образовательной сферой региона. На первый план выходит деятельность организаций по формирования социальной памяти тюркоязычного населения Хакасии и всего региона.

Список литературы

Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html.

Тутатчикова А.С. Родовые праздники весеннего цикла: методические рекомендации для специалистов учреждений культуры. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2004. – 44 с.

Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 328 с.

Ю.О. Снигирев

Институт археологии и этнографии СО РАН

О НАХОДКЕ ФРАГМЕНТОВ ШАМАНСКОГО БУБНА СЕВЕРНЫХ МАНСИ

Результатом полевых этнографических исследований 2013 г., проводимых Приполярным отрядом ИАЭТ СО РАН в бассейне рек Северная Сосьва и Ляпин (Березовский р-н ХМАО), стал ряд новых данных по обско-угорскому шаманизму. В частности, недалеко от пос. Верхнее Нильдино, примерно в 300 м выше деревни, на правом берегу реки, близ места впадения в нее р. Яныг-я, найдены фрагменты шаманского бубна. На остатки бубна указал житель поселка С. Вынгелев (манси). По его словам, их вынесло на берег несколько лет назад во время весеннего разлива.

Помимо трех фрагментов обечайки (рис. 1) и рукояти (рис. 2) здесь обнаружены две монеты (3 коп. 1953 г. и 15 коп. 1961 г., последняя оказалась завернута в истлевший кусок ткани), а также фрагмент клеенки, которой, очевидно, и был обмотан бубен. Кожа бубна не сохранилась. Обечайка изготовлена из лиственницы. Длина изделия 183,5 см, ширина 8,2 см, высота 0,8 см. Длина одного конца обечайки, заходящего под другой, составляет 38,5 см. На внешней стороне обечайки, на расстоянии примерно 14 см друг от друга, расположены 14 отверстий для резонаторов. В девяти отверстиях сохранились резонаторные столбики. Они имеют подтреугольную форму, высоту 4,5 см (3,5 см над уровнем обечайки), ширину в верхней части 3,5 см, а у основания – 2 см. Верхняя

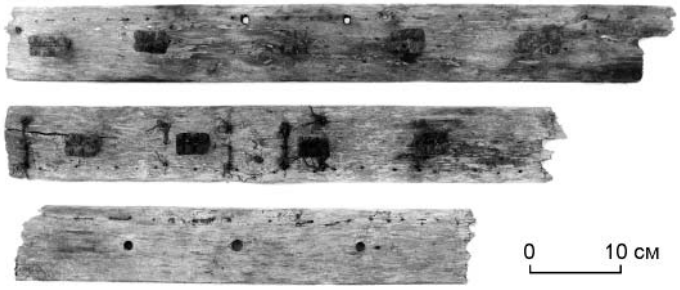


Рис. 1. Фрагменты обечайки бубна.

Рис. 2. Рукоять бубна.

поверхность резонатора неровная. На ней вырезано в 2 ряда 6 четырехсторонних бугорков пирамидальной формы (рис. 3). По одному из краев обечайки проходят небольшие отверстия для крепления мембраны бубна, в которых кое-где сохранились остатки ниток. На этом же крае обечайки, для крепления раздвоенного конца рукояти бубна, на расстоянии 10 см друг от друга проделаны 2 отверстия квадратной формы.

Рукоять бубна представляет собой раздвоенную на одном конце ветку дерева (длина 53 см). На каждом из концов рукояти имеются отверстия для ее крепления к обечайке. Между раздвоенными концами рукояти натянута проволока, на которой висят 5 колец. Ниже натянута еще одна проволока, а ней – 5 колокольчиков заводского производства. На одном конце развилки рукояти сохранились остатки привязанной ткани.

Можно предположить, что бубен имел круглую форму и относительно небольшие размеры. Е.Д. Прокофьева среди сибирских бубнов с внутренней рукоятью выделила четыре типа, одним из которых является западносибирский тип. Его характерные черты: круглая или овальная форма, небольшие размеры, узкая обечайка, резонаторные выступы в количестве семи штук (или кратном семи), отсутствие поперечного стержня, рукоять, образуемая естественной или искусственной развилкой дерева [Прокофьева, 1961, с. 446]. Таким образом, можно отметить, что найденный шаманский бубен северных манси вписывается в предложенную типологию.

Обращают на себя внимание резонаторные столбики. Их количество, кратное семи, традиционно для обско-угорского шаманизма (см. напр.: [Kannisto, 1958, S. 411]). Интересна семантика резонаторов. По материалам А. Каннисто, сосьвинские манси называли резонаторные столбики бубна *koịipịūr* «*ịūr* – зверь бубна», а сам бубен – «семью *jūr* – зверьми занятое заполненное дерево» [Kannisto, 1958, S. 411–412]. В этой связи можно предположить, что сходную семантику имеют и резонаторы найденного бубна, особенно с учетом ритмически повторяющегося на каждом из них рисунка в виде вырезанных бугорков.

Интересны подвески к рукояти бубна: 5 колец и 5 колокольчиков. В содержательном плане многих культур присутствует оппозиция «чет –

Рис. 3. Резонаторный столбик бубна.

нечет» в связи с оппозицией «женское – мужское». К примеру, из данной первичной числовой символики В.Н. Чернецов выводил представление обских угров о душах человека: пяти – у мужчин, четырех – у женщин [1959, с. 117]. В этой связи можно предположить, что владельцем бубна был шаман-мужчина. Связь данной числовой символики с шаманизмом иллюстрирует следующий диалог с информатором из пос. Верхнее Нильдино – манси С. Вынгелевым (1966 г.р.).

Собиратель (далее – *Соб.*): «А у шамана был какой-то особый костюм?»

Информатор *(далее – Инф.): «Да, сахи из сукна и там эти, плетеные, а на конце там то ли монеты, то ли еще что. В каждой петельке. Каждая эта монета что-то обозначает, то ли духов, то ли еще что. У них и на волосах сзади у мужчин было пять косичек, а в конце – монеты. Были, я видел, золотые или серебряные. А у женщин – четыре. И это же на костюме».*

Соб.: «Эти косы они заплетали во время обряда?»

Инф.: *«Ну. А так, когда они не шаманят – они расплетают их, а в конце эти монеты они не убирают» (ПМА. 2013).*

Необходимо упомянуть о контексте находки бубна. Информатор первоначально выражал нежелание показывать находку. В итоге, согласившись и проведя нас на нужное место, он с осторожностью и опаской искал бубен, боясь случайно наступить или затронуть его. Такое поведение указывает на то, что шаман, играющий особую роль в системе отношений традиционного общества обских угров, как и его вещи, атрибуты максимально сакрализованы носителями культуры. Это красноречиво иллюстрируют страницы полевого дневника, передающие разговор с тем же информатором относительно шаманских вещей и атрибутики, в т.ч. бубна.

Соб.: «Скажите, почему нельзя прикасаться к тому шаманскому бубну, который принесло течением к деревне».

Инф.*: «Как сказать, это, [его] сверху, видимо, принесло. Ну как, из Хулимсунта. А там ну тоже манси. Но там вера у них уже немного другая».*

Соб.: «А почему другая?»

Инф.*: «Ну там, ну Бог-то один, но вера у них, так сказать, другая. Немного по-другому. Хотя бы они к нам приезжают: близкие у нас – им можно с нами сюда (на деревенское святилище Пауль урне ойки. – Ю.С.) ходить. А далеким уже нельзя. Или же они пойдут вместе с нами и стоят метров в 10–20, там они находятся, а сюда, к этому (сумьяху Пауль урне ойки. – Ю.С.), уже не подходят».*

Соб.: «То есть и шаманят они как-то по-другому?»

Инф.*: «Да. <…> Там (в доме шамана. – Ю.С.) ничего не надо трогать. Если затронешь, хотя бы так: положишь на руку, в руке повертел и положил, то все, заболеешь. Потому что они заговоренные. Нельзя. Вот со стороны просто посмотреть. Но по-разному: может человек заболеть, может даже с ума сойти. Одна женщина была, старая, тоже там ходила, что-то трогала. Не то что бы трогала – с собой унесла. Потом все, она с ума сошла, с этой деревни в ту деревню раздетой зимой бегала. А раньше морозы то были 40, 45, 50 градусов. <…> Прибежит туда, там песни попоет мансийские, потом обратно сюда».*

Соб.: «А шамана после его смерти как хоронят?»

Инф.*: «Отдельно».*

Соб.: «Так же, как он жил отдельно, так и хоронят его?»

Инф.*: «Да. Бубен потом рубят на части, сколько он там прожил, и все туда – в могилу».*

Соб.: «А почему нельзя оставить бубен?»

Инф.*: «Ну я же тебе говорил: любой тронет, потом болеть будет. Ладно, болеть – может и смерть наступить. Он ведь там, черт его знает, мы откуда знаем, с кем он там общался вообще. Может с хорошими духами, может – со злыми. <…> А посуда вот. Чашка, бокал у них – один. Или серебряный, или золотой. Один. Вот они попьют-покушают, и вместе с ложкой убирают. Чтобы никто к ним не прикоснулся».*

Соб.: «Ни к одной вещи шамана нельзя прикасаться?»

Инф.*: «Да».*

Соб.: «А к нему самому?»

Инф.*: «К нему-то что, можно. К вещам его – нельзя» (ПМА. 2013).*

Таким образом, найденные фрагменты бубна, а также собранные сведения, связанные с шаманскими вещами и атрибутикой, важны для изучения обско-угорского шаманизма прошлого века. Можно предположить, что именно в это время (примерно в середине XX в.) бубен и был изготовлен, о чем свидетельствует контекст находки, обнаруженные рядом монеты, неплохая сохранность древесины. С учетом крайне скудной источниковой базы по обско-угорскому шаманизму, а также неразрешенностью ряда связанных с данным феноменом проблем, актуальных для современной обско-угорской этнографии, любые дополнительные источники ценны и являются шагом вперед в деле решения проблемы происхождения, генезиса и сущности шаманизма хантов и манси.

Список литературы

Прокофьева Е.Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л., 1961. – 498 с.

Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // Исследования по вопросам первобытных религиозных верований. – М., 1959. – С. 116–156. – (ТИЭ; т. LI).

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen – Helsinki, 1958. – 443 S.

М.Н. Тихомирова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ОБ ОБЫЧАЯХ ВЗАИМОПОМОЩИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРАПЕЗ У ТАТАР ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

В настоящее время у татар Западной Сибири, проживающих как в городе, так и деревне, сохраняются традиции оказания помощи при подготовке коллективных семейных трапез, проведении крупных мероприятий «вскладчину».

В 2013 г. в результате этнографического изучения культуры татар, проживающих в Ялуторовском районе Тюменской области (Новоатьялово, Ревда, Кулики, Авазбакеево, Кр. Яр, Аслана, Озерная), нами собраны новые сведения.

Выяснилось, что у татар Ялуторовского района (в селах Новоатьялово и Аслана) бытует любопытнейшая традиция, которая не зафиксирована в Вагайском, Тобольском, Нижнетавдинском и Ярковском районах Тюменской области: приглашать готовить блюда для свадебного стола местных жительниц, считающихся умелыми стряпухами.

Единичные случаи приглашения женщин для готовки свадебной пищи упоминались в других населенных пунктах юга Тюменской области, но в Ялуторовском районе данный обычай носит устойчивый характер и приобрел черты института. Здесь даже зафиксирован специальный термин – *касанпаш*, которым обозначали женщин-помощниц. Они имели определенный статус среди жителей и соответствующую репутацию, а за проделанную работу получали подарок. Отметим, что в 1990-х гг. казанский филолог Ф.С. Баязитова зафиксировала существование *касанпаш* и кратко объяснила их роль в свадебных мероприятиях с. Аслана [2001, с. 28].

Термин «касанпаш» (дословно «котел» + «главный, голова») можно перевести как «распорядитель котла». *Касанпаш* существовали и раньше, но информаторы помнят имена лишь тех женщин, которые помогали при подготовке собственных свадеб (в 1960–1970-е гг.).

К настоящему времени представления о *касанпаш* трансформировались. Во-первых, эта женщина должна правильно рассчитать количество приго-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «История еды и питания в XX в.: “национальные”, этнические и локальные идентичности (на материалах татар Западной Сибири)» (№ 13-01-00187).

товляемой пищи для главного пиршества. Именно поэтому при подборе помощниц преимущество отдается тем, кто работал или продолжает трудиться поваром в столовой. Ранее *касанпаш* становилась женщина, не обязательно работавшая поваром, но имевшая репутацию хорошей стряпухи.

Сейчас в с. Новоатьялово действующими «распорядительницами котла» являются 4–5 женщин. Наиболее опытная из них – Г.Т. Исхакова (1958 г.р.; «стаж работы» *касанпаш* около 20 лет), остальные – З.М. Рахимова (1969 г.р.; около 10 лет), Д. Махмутова, А. Хучахметова (начинающая *касанпаш*), Начия Тузмухаметова (1952 г.р.; уже почти закончила «работать» распорядительницей котла). Из них только З.М. Рахимова никогда не работала поваром.

При выборе *касанпаш* учитывается наличие родственных связей (еще лучше близких, чтобы была из своего *тугума* – «рода»).

На свадьбу полагается приглашать одну *касанпаш* и двух помощниц, хотя чаще всего работает одна женщина. Существуют устоявшиеся пары, которые готовят вместе: например, З.М. Рахимова работает с Донией Махмутовой.

В день свадебного пиршества этих женщин одаривают фартуками и косынками. Эти вещи являются своеобразной платой за помощь на свадьбе.

Касанпаш могут приглашаться и на другие коллективные мероприятия: *ниятлык* – обряд, проводимый для благополучия человека; обряд вызывания дождя; мусульманские праздники, которые отмечаются сельской религиозной общиной. Однако чаще все же поводом является свадьба.

В обязанности *касанпаш* входит приготовление горячих блюд (гуся, плова или жаркого, ухи и пр.), различной выпечки (если есть необходимость), руководство сервировкой стола, подачей горячих блюд. Убирают со стола и моют посуду другие женщины.

Еще отметим, что в настоящее время *касанпаш* вовсе не обязательно должна уметь хорошо готовить изделия из теста. Вообще, изделия из теста являются важнейшими маркерами национальной татарской кухни и ее региональных вариантов. Нередко населенные пункты отличает вариативность и локальные особенности приготовления одних и тех же изделий. Поэтому готовить наиболее сложные виды выпечки (*неге баурсак, баурсак, коштель*, *палиш*) для свадьбы просили женщин, зарекомендовавших себя настоящими мастерицами.

У татар Ялуторовского района сохраняется традиция обязательной помощи при готовке пищи для поминок – *хатым*. На юге Тюменской области даже существовало представление, что с пустыми руками нельзя приходить на поминки: обязательно приносили муку, масло и другие продукты для поминального стола. Р.Х. Нурмухаметова (1952 г.р.) из д. Ревда сказала следующее:

«Где идет хатым, мы несем кто, что может. Чай. А кто-то говорит, что сделает домашнюю лапшу, сумсу, блины. Это называется садака – милостыня».

На коллективные трапезы, имеющие важное значение для всего населенного пункта (обряд вызывания дождя; обряд, проводимый для благопо-

лучия жителей), пищу готовят «вскладчину»: покупается баран, а выпечку приносят из дома. Назначают женщину, отвечающую за приготовление жидкого горячего блюда (как правило, супа с лапшой).

В целом, анализ собранных материалов позволяет сделать вывод, что в настоящее время у татар Западной Сибири сохраняются традиции взаимопомощи при готовке коллективных трапез.

Обычай приглашения *касанпаш* (распорядительницы стола) для приготовления свадебного пиршества в Ялуторовском районе в селах Аслана и Новоатьялово можно объяснить тем, что это очень крупные населенные пункты (до 1 тыс. чел.), где свадьба собирает много гостей. Кроме того, в Ялуторовском районе, в отличие от Вагайского и Тобольского, проживает много потомков поволжско-приуральских татар. В ходе предыдущих обследований не раз отмечалось, что у потомков пришлых татар развиты традиции, связанные со свадьбой, а у коренных татар – с погребально-поминальной обрядностью [Тихомирова, 2001, с. 87]. Вероятно, особенности этнического формирования татар, проживающих в различных районах юга Тюменской области, тоже повлияли на традиции и обычаи.

Список литературы

Баязитова Ф.С. Сибирские татары (духовное наследие: семейно-бытовая, обрядовая терминология и фольклор). – Казань, 2001 (на тат. яз.).

Тихомирова М.Н. Об этнодифференцирующих чертах в пище потомков волго-уральских татар Западной Сибири // Проблемы историко-культурной идентичности в полиэтнических обществах: тез. докл. конф. – Омск, 2011. – С. 86–87.

С.С. Тихонов

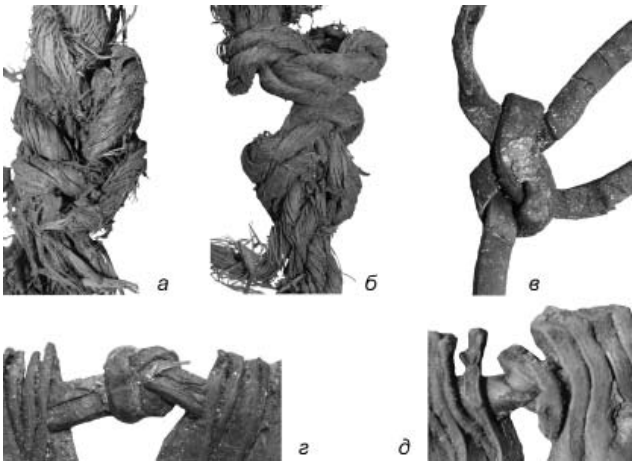
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

УЗЛЫ НА ШНУРАХ И ВЕРЕВКАХ КАК ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Омский филиал ИАЭТ СО РАН последние 5 лет ведет раскопки крепости конца XVI – первой половины XVIII в., находящейся в центре современного г. Тары – одного из районных центров северной части Омской области. Для специалистов интересны деревянные жилые и хозяйственные постройки, коллекция кожаной обуви, металлические предметы (ножи, гвозди, подковки на обувь), посуда и игрушки из дерева, рыболовные принадлежности, керамические изделия и т.д. Однако одна категория находок пока не привлекала внимания исследователей, но может дать интересную информацию. Речь идет о шнурках и ремешках из кожи, а также веревки из лыка с сохранившимися узлами. Простые, на первый взгляд, узлы, хотя и редко встречающиеся в раскопках, позволяют ставить и решать ряд вопросов, которые помогут понять некоторые стороны средневековой истории.

1. Техники завязывания узлов. На имеющихся в коллекции веревках и шнурках есть несколько узлов. «Прямой» узел («риф-сезневый», «геркулесов») завязан на одной лыковой веревке (см. *рисунок, а*). На другой веревке узел напоминает «мюсинг» (см. *рисунок, б*). На ремешке кожаного поршня (вид обуви) завязан узел «восьмерка» (см. *рисунок, г*). Два узла считаю оригинальными, зафиксированными только в г. Таре. Первый из них условно назван «тарским» (см. *рисунок, в*) [Тихонов, 2013, с. 134–139]. Еще один узел, соединяющий шнурки кожаного поршня (см. *рисунок, д*), детально не изучен: для этого требуется разборки поршня, а аналогичные изделия не найдены. Описания двух последних узлов не найдены в литературе, в т.ч. в самой полной в мире книге об узлах [Cliffird W. Ashley, 1993]. Отмечу, что в публикациях чаще всего есть именно описания узлов и их рисунки, а не способы вязки. К сожалению, не удалось найти этнографических работ, целиком посвященных изучению узлов, хотя коллеги-этнографы указали несколько публикаций, где подобные сюжеты могут быть.

Эксперименты по использованию и применению «тарского» узла показали, что он ведет себя на различных материалах неодинаково: может сползать и растягиваться. Так, кожаные ремни он держит очень хорошо,



Узлы на веревке и ремешках из Тарской крепости.
а – «прямой» узел; *б* – «мюсинг»; *в* – «тарский» узел; *г* – узел «восьмерка»;
д – соединение двух кожаных ремешков.

даже с сильной нагрузкой, на хлопчатобумажных шнурах при большой тяге трансформируется, но в целом довольно прочен. Капроновые веревки и брезентовые ремни им лучше не связывать. Этот узел можно завязать и развязать несколькими способами. В целом же, можно предположить, что каждый узел должен быть использован на определенном материале (коже, пеньке, лыке и т.д). Тогда его прочность проявляется в полной мере.

«Прямой» узел хорош при связывании мягких веревок небольшого диаметра, выполненных из растительных и синтетических волокон, при небольшой нагрузке. Если же предполагается большая сила натяга, то ходовые концы узла необходимо закреплять, или вывязать ими «полуштык». Что касается кожи, то предпочтительнее использовать другие узлы. Хотя, возможно, для мягкой кожи «прямой» узел может подойти.

Итак, может быть несколько способов завязывания и развязывания одного и того же узла, а его прочность зависит от материала веревок (шнурков), которые им соединяют.

2. Узел как маркер существования какой-либо группы или общности. Скажем, есть узлы, в названии которых отражены народ, этнографическая группа или профессиональное сообщество: «калмыцкий», «цыганский», «казацкий», «пиратский». Надо полагать, что обучение искусству вязки узлов – дело индивидуальное, однако обучают этому или близкие люди (например, родители ребенка). Обучение способу вязки узла может происходить и при освоении профессии: для закрепления веревкой бревна при вывозке, для соединения разорванных нитей в ткачестве («ткацкий») и т.д. Не будем рассматривать сообщества профессиональных моряков, такелажников, парашютистов или альпинистов, где завязыванию узлов

учат целенаправленно. Индивидуальность в обучении искусству завязывания узлов может привести к тому, что определенные узлы бытуют среди одной из групп населения.

Как пример приведу способы завязывания галстука. Чаще всего мужчины завязывают право- или левосторонний «простой» узел (в просторечии «удавку»), хотя есть узлы и красивее. А вот *гаучо* (южноамериканские пастухи) завязывают галстуки особым, только им присущим узлом. Естественно, есть узлы, имеющие широчайшее распространение – «булинь», «штык», «баранья нога».

Однажды мне довелось наблюдать за перевозом телят на пароме на другой берег р. Томь в д. Крапивино (Крапивинский район Кемеровской области). Я обратил внимание, что веревки на рогах телят были завязаны, как минимум, тремя способами. Оказалось, что одинаковые узлы использовали, как правило, люди, принадлежавшие к одной фамилии (местные жители называли «род»). Можно сделать вывод, что некоторые узлы могут служить индикатором какой-либо общности.

3. Узлы о тонкостях взаимоотношений людей. Так, среди английских моряков в период становления Англии как «Владычицы морей» бытовал «воровской» узел, которым завязывали мешки с личными вещами и ценностями. Внешне он похож на «прямой» узел, но новички его завязать не умеют. Нарушение узла свидетельствовало о просмотре содержимого мешка не его хозяином. «Прямым» («геркулесовым») узлом затягивали (причем очень сильно) поясок у невест в древнем Риме. Жених, чтобы развязать этот узел, должен быть очень сильным или умелым: при известной сноровке узел легко трансформируется в 2 «полуштыка», развязать которые очень легко.

4. Узел как социальный индикатор. Источниками для рассмотрения этого сюжета послужили две книги о древностях Мексики времен ацтеков [Ацтеки…, 1997; Domenici…, 2012]. Издания богато иллюстрированы, а среди древностей имеются многочисленные фигурки людей, на обуви, плечевой одежде, поясах и головных уборах которых есть узлы. На рисунках в ацтекских кодексах «El codice Colombino», «El Codice Chavero de Huexotringo», «El Mapa de Siguenza», «Matricula de Tributos», изданных в «Serie Codice de Mexico» Национальной библиотекой антропологии и истории, тоже показана одежда с узлами.

Типология и способы завязывания узлов сами по себе интересны, но обращу внимание на следующий факт. Правитель ацтеков Монтесума (*Моктесума*, *Мотекосума* – есть и другие варианты прочтения) носил на плечах накидку, которая была завязана особым узлом, отличным от узлов на накидках его придворных. Эксперимент с завязыванием такого узла у себя на плече (накидка в виде простыни) показал: он не получается, если его завязывать без чьей-либо помощи. Следовательно, узел мог быть социальным показателем. Можно предположить и наличие специальных людей, которые завязывали этот узел на накидке правителя.

Таковы первые выводы, полученные при изучении узлов на веревках и шнурках. Это лишь первые шаги в данном направлении. Требуется

большое количество материала (прежде всего, археологического) для продолжения исследований. Что же касается этнографических свидетельств, то рисунки узлов хранятся в Кунсткамере среди материалов В.И. Вербицкого (протоиерей, миссионер Алтайской духовной миссии). В фольклоре народов Севера есть предания: одна из обитательниц чума узнала проникшего туда чужака по иным узлам на кисах. Однако эти сведения пока не изучены. Не изучены также буддийские статуэтки, имевшие широкое распространение в Монголии в конце XIX – первой половине XX в. и изображавшие средневековых воинов степной части Евразии.

Полагаю, что знания об узлах могут быть полезны в этно-археологических исследованиях. Тип узла является показателем социальной или профессиональной общности людей, а в каких-то случаях – этническим или социальным маркером.

Список литературы

Ацтеки: империя крови и величия. – М.: Терра-Terra, 1997. – 168 с.

Тихонов С.С. Узел XVII века из Тарской крепости // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Иркутск; Омск: Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 2. – С. 134–139.

Clifford W. Ashley. The Ashley Book of Knots. – London & Boston, 1993. – 690 p.

Domenici D. Los aztecas. Tresoros de las grandes civilizaciones. – Mexico; Numen: Arte a traves del tiempo, 2012. – 208 p.

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН

МАССОВЫЕ МОЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XX ВЕКЕ*

В этнографической науке особое значение имеет изучение роли и места обряда в парадигме формирования традиционной духовной культуры восточных славян. Это в определенной степени связано с высказывавшимися предположениями об «обрядовом характере культуры» славянских народов. Авторы проекта между Россией и Беларусью исходят из предположения, что восточнославянская традиционная духовная культура формировалась на основе таких базисных составляющих, как обряд и обрядовая традиция. Предполагается, что традиционная духовная культура всех славянских народов формировалась и развивалась именно по обрядовому типу. На это прямо и косвенно указывают хорошо сохранившиеся богатейшие календарные и семейные обрядовые комплексы. Новые экспедиционные материалы свидетельствуют об устойчивости окказиональных и других типов массовых обрядов, в части которых использовались иконы.

Полевые работы 2013 г. проводились в Васюганье, в среде потомков переселенцев из Могилевской, Витебской и Калужской губерний столыпинского периода (1906–1916 гг.). Современные информаторы отчетливо помнят обстоятельства молений о дожде, обряды «пахания реки», проводившиеся группами семей до 1960-х гг.

Интервью показали, что окказиональные обряды по случаю «бездождия» тесно связаны с представлениями об особой роли умерших не своей смертью – «утопленников» (известны и по экспедиционным материалам прежних лет [Фурсова, 2003, с. 122]). В этих обрядах принимали участие сельские женщины, которые ходили на кладбище и поливали могилы утопившихся или утонувших людей. Как вспоминают, председатели колхозов закрывали на подобные процессии глаза, делая вид, что не в курсе о «творящихся беспорядках», т.к. приоритет отдавали сохранению урожая, а не «борьбе с предрассудками». Если массовые моления не находили поддержки среди руководителей, то в деревне старательно скрывали мес-

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект 13-21-01004 а), при финансовой поддержке Новосибирского областного центра белорусской культуры.

то и время их проведения. Женщины, совершавшие обряды о ниспослании дождя, пели «Богородицу» (вероятно, «Песнь Пресвятой Богородице», т.к. слова молитвы выяснить не удалось).

Записанные в ходе экспедиции 2013 г. материалы интересны тем, что раскрывают не отдельные элементы, а комплекс обрядовых действий, включавших акциональные, предметные, персональные и локативные коды. Современные информаторы рассказывают об этом так, как будто все происходило вчера:

«В первую пятницу носят, после Троицы, или када дождя нет. Тода икону у нас носили. Хадили много старух, мы ещё не хадили, матеря наши хадили. Вот они сходят сперва на речку, пашут речку…» (ПМА. 2013).

Маршрут был довольно сложным: включал обходы полей и кладбища. Прасковья Киреевна Буркова (1932 г.р.) вспоминала:

«А тода с речки идуть на хлебушко. Богородицу поють. С хлебушка идуть на кладбище. Просють Бога, чтобы дождь дал. А тода с могилок идуть, по дворам расходятся. Я свою иконку бяру, ты свою домой забираешь. Ну, одна икона, не знаю, иде она, у тётки Груни была большая».

Как видим, в структуру сибирских обрядов входило также посещение «хлебушка», т.е. обходы полей. Можно предположить, что посещение полей должно было привлечь милость Бога именно к этим гибнувшим от отсутствия небесной влаги нивам. По представлениям древних славян, поклонение воде и источникам должно было спасать от засух. О «жрущих у воды, у кладезя, у озера» имеются сведения в византийских источниках. На эту тему писали создатели житийной литературы, например, митрополит Иоанн Русский, автор «Густинской летописи» [Мавродин, 1978, с. 50; Фаминцын, 1995, с. 59]. О сооружении святилищ около рек, озер и ключей свидетельствуют реконструкции целого ряда святилищ в районах восточнославянского расселения второй половины I тыс. н.э. [Седов, 1982, с. 261–262].

Что же касается «пахания реки», то в качестве самостоятельного обряда его могли выполнять в любое время по случаю засухи или массовых эпидемий людей и скота [Фурсова, 1992; Любимова, 1999]. При этом с собой не брали ни иконы, ни свечи. В болотистом Васюганье в «пахании» участвовали все желающие (в основном женщины и дети). Однако «пахали» только вдовы. Таким образом, если реальную пахоту совершали мужчины, то ритуальную – исключительно женщины. Приведем воспоминания очевидца 1950-х гг.:

«Это речку вдовы пахали, када засуха была. Вдов собиралось, сколь было. Брали конный, маленький плужок. Пахали само натурально. И поперёк её (речки. – Е.Ф.). Две тянуть плуг, одна за плугом, а двое тянуть. Она мелкая, Чока, у нас була, туда и обратно. Була я, када перепахивали. Одетые были, в рубашках. Эти уже не ходили к хлебу. Плужок на место поставять» (ПМА. 2013).

В предыдущих работах нами уже анализировался обряд «пахания» в ряде районов Барабинской лесостепи, а также по течению рек Чулым

и Иня. Так, чалдоны Иткульской и Каргатской волостей в случае засухи «пахали» р. Чулым в 1920-е гг.

«В деревне бабка Захариха была. У ей соха деревянная… Она соберет подростков и речку пашет».

В некоторых локальных традициях исполнение обряда развертывалось на улице, в огороде, вокруг селения. Приведем сообщение переселенки из Смоленской губернии:

«Для вызова дождя огород опахивали. По улисе надо пройти с плугом. Соберутся с иконами бабы и пропахивают. Плужок, вперед лошадь. Это давно было».

В украинских деревнях тоже хорошо помнят о таких обычаях.

«Када дождика не было, старые старушки запрягались в плуг и пахали землю вокруг села. Дождик вызывали».

При этом участвовавшие в обряде пожилые женщины должны были являться, как это имело место и в васюганских обрядах, вдовами.

Описанный обряд «пахания реки» отличается от известных в этнографической литературе по материалам Полесья и Карпат тем, что присутствовавшие женщины не были обнажены, но одеты лишь в нижние рубахи, т.е. «исподнее». К тому же, в Полесье и прилегающих к нему районах Белоруссии и России для вызывания дождя символически пахали высохшее русло реки [Толстая, 1986, с. 18–22]. Кроме того, исполнителями были «бабы» или «девочка-подросток». В нашем же случае это – вдовы, статус которых предполагал особое ритуальное состояние. Можно предположить, что представления, связанные с паханием реки, восходят к дохристианским верованиям о мифологической реке царства мертвых (греч. *Лета*, инд. *Вайтарани*, др.-рус. *Лета*, *Огонь-река*, *Смородина*). В ряде локальных традиций в реку сбрасывали погребальные кресты с могил утопленников, поливали могилы водой из реки (40 ведер) [Фурсова, 2003, с. 124]. Убедительных объяснений на этот счет в этнографической литературе нет, как и пояснений относительно причин ритуального использования плуга. Плуг выступает инструментом творения, являясь средством перехода от хаоса к космосу. Действительно, Б.А. Рыбаков приводит легенду, переданную Геродотом, о ежегодных скифских празднествах в честь «небесного плуга», упавшего с неба наряду с секирой и чашей. Плуг позволил себя взять только младшему из братьев – Колоксаю, «царю пахарей», т.е. не скифу, но славянину-сколоту [Рыбаков, 1981, с. 559].

В ряде локальных вариантов обряды по случаю «бездождия» приурочены к календарным датам. Здесь уже не исполнялось «пахание», но структурно этапы обряда совпадали с приведенными выше. В дореволюционный период крестные ходы совершались с иконами, по возможности, в присутствии священников. В атеистические годы моления проводились одними селянками, из которых 1–2 пожилые женщины должны были хорошо знать обряд и руководить остальными. Приведем рассказ информатора, который относился к событиям 1930–1940-х гг.:

«К хлебу ходили на Троицу, или… на Девятую Пятницу. Девятухой называли, или Девятая Пятница, вот зовуть етя. Сначала на речку сходять,

потом на хлеб, у нас на горке хлебушко был. Там походють с иконами. Ходять и поють Богородицу. Там взошли на бугор, там молились и Богородицу пели. Потом Богородицу поють и на кладбище идуть. На кладбище так же само пели Богородицу и там сидять (обход не делали. – Е.Ф.). Могилки только утопленников поливали, такие – нет. Там уже на кладбище посидять, идуть домой, опять Богородицу пропоють и все по домам отдыхать идуть».

Таким образом, не только свидетельства из Полесья и Карпат, но и сибирский материал дает представление об окказиональных обрядах в районах, где проживали белорусские переселенцы. Такую информацию можно получить от украинцев и русских-старожилов в местах совместного с белорусами проживания. Отсутствие сведений из других мест свидетельствует не столько об исчезновении обряда, сколько о том, что здесь его вытеснили христианские «молебствия» и крестные ходы.

«Обрядовый текст», записанный в ходе экспедиционных работ, а также наблюдения показали, что при стихийных бедствиях и в ситуации отсутствия церкви (или ее значительной отдаленности) самопроизвольно актуализируются и восстанавливаются народные славянские обряды. Обрядовые действия включают наиболее устойчивые компоненты, важные для их исполнителей с точки зрения достижения желаемого результата. Описанные сюжеты во многом подтверждают гипотезу об обрядовых константах и переменных как движущих силах в традиционной духовной культуре восточнославянских народов даже на современном этапе их существования.

Список литературы

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Глав. ред. восточ. лит., 1991. – 511 с.

Любимова Г.В. Орудия труда и предметы домашней утвари как средство защиты от стихийных бедствий (на материалах старожилов и переселенцев Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 617–621.

Мавродин В.В. Происхождение русского народа. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 183 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.

Седов В.В. Восточные славяне в 6–13 вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с.

Толстая С.М. Пахание реки, дороги // Славянский и балканский фольклор: духовная культура Полесья на общеславянском фоне. – М.: Наука, 1986. – С. 18–22.

Фаминцын А.С. Божества древних славян. – СПб.: Алетейа, 1995. – 363 с.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 267 с.

Ю.Н. Цыряпкина

Институт археологии и этнографии СО РАН

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА (по материалам полевых исследований в городе Семипалатинске в 2013 году)*

Анализ формирования и оценка социально-демографической динамики русского населения на востоке современного Казахстана (второй по численности этнической группы в стране) представляют несомненную актуальность для близлежащих регионов России (Алтайского края и Новосибирской области). Исследование многоформатного «русского мира» в г. Семипалатинске предпринято с 30 апреля по 6 мая и с 8 по 20 мая. Нас интересовали степень и формы социально-культурной адаптации русских в крупном городе, а также оценка социально-демографического потенциала русских в районах российского пограничья. Работа по проекту носила экспедиционно-стационарный характер: взяты интервью у представителей русского населения (6 чел.), отобраны и обработаны материалы Русского социально-культурного центра и Казачьего центра г. Семипалатинска. Проводилась работа с коллекциями Краеведческого музея города, собирался статистический материал.

История формирования русского населения в Семипалатинском Прииртышье связана с деятельностью Петра I по освоению солевых запасов казахских степей в районе оз. Ямышевского (современная Павлодарская обл.). В 1718 г. полковник Ступин основал Семипалатную крепость, получившую название от семи джунгарских (калмыцких) каменных палат, представлявших буддийстко-ламайсткое культовое место. Впервые их описал Миллер, путешествовавший в 1934 г. по южным окраинам России. Ученый застал «палаты» в полуразрушенном состоянии и записал сохранившиеся о них предания [Записки…, 1861, с. 117].

В 1775 г. крепость была перенесена на 12 верст по правом берегу Иртыша, где ныне и располагается г. Семипалатинск. Первыми жителями Семипалатной крепости являлись казаки, осваивавшие этот край в начале XVIII в. С этого времени казачество имело тесные связи с местным кочевым населением. В итоге казаки Семипалатинска к концу XIX в. отличалось от остального русского населения, успешно адап-

*Исследование выполнено в рамках проекта «Русские в Центральной Азии: особенности этнокультурных процессов в конце XX – начале XXI веков», поддержанного фондом Президентских грантов (проект 14.124.13.2516-МК).

тируя привычки кочевников. В казачьих станицах всегда проживали беднейшие казахи, поэтому большинство казаков владело казахским языком [Краткий…, 1927, с. 27]. Это и предопределило замкнутость казаков, их оторванность от остального «русского мира», некоторое противостояние с Русскими национально-культурными организациями в современном Казахстане.

Семипалатинск и Семипалатинская область со второй половины XIX в. пережил несколько миграционных волн, связанных с агарным переселением конца XIX – начала XX в. Тем не менее, в 1920-е гг. в Семипалатинской губернии проживало по большей части казахское население (688 521 чел., 57,21 %). Второй по численности группой были русские (312 750 чел., 26,44 %). Третье место занимали украинцы (144 350 чел., 12,2 %) [Украинцы-переселенцы…, 1930, с. 7].

В период индустриализации (1930–1940-е гг.) Семипалатинская область (образована в 1939 г.) испытывала промышленный подъем, продолжавшихся до 1960-х гг. В результате здесь увеличилась доля русского населения, но основными жителями оставались казахи. В советское время в городе развивалась преимущественно легкая и пищевая промышленность. Одним из семипалатинских гигантов считался Мясоконсервный комбинат им. М.И. Калинина, построенный в 1934 г. По свидетельству интервьюеров, активные переселения в г. Семипалатинск в 1950–1960-е гг. из Западной Сибири связаны с тем, что в Семипалатинске не ощущалась нехватка продовольствия, как в других сибирских городах (ПМА, 2013; Нина Васильевна, 75 лет).

Экономические изменения 1990 – начала 2000-х гг., национализация всех сфер общественной жизни привели к тому, что этносоциальный состав г. Семипалатинска изменился. По данным М.С. Панина (председателя Русского социально-культурного центра), в 1992 г. здесь проживало 200 тыс. русских (56,8 % населения), в 2002 г. – 119 тыс. (39,9 %). Казахов было 103 тыс. чел. (29,3 %), а стало 152 тыс. чел. (51 %). К 2008 г. в Семипалатинске русское население составляли 97 655 чел., т.е. 31,4 % всех жителей [Демографический ежегодник…, 2008, с. 13]. Убыль русского населения происходила постоянно, но медленными темпами.

В научных публикациях, посвященных положению русского населения в постсоветском Казахстане, превалируют идеи о необходимости обязательной поддержки русских соотечественников в северо-восточной части республики со стороны России [Филиппов, 2012, с. 167]. В этой связи актуализируется вопрос о степени участия меньшинств в социально-экономической и общественной жизни Казахстана, особенно в регионах, населенных русскими. На начало 2008 г. в Восточно-Казахстанской области проживало 53,2 % казахов и 41,6 % русских [Демографический ежегодник…, 2008, с. 13]. В целом в области, особенно в городах (кроме г. Аягоза), проживает много русских. Для выявления включенности русских в социально-экономическую структуру восточно-казахстанского общества интересен анализ этнического состава студентов высших учебных заведений Восточно-Казахстанской области (см. *таблицу*).

Этнический состав студентов высших учебных заведений Восточно-Казахстанской области на начало учебного года

Учеб. год	Казахи		Русские		Всего
	чел.	%	чел.	%	чел.
2004–2005	33 547	61,1	18 853	34,3	54 838
2005–2006	32 072	60,7	18 547	35,1	52 770
2006–2007	30 704	60,5	17 710	34,9	50 732
2007–2008	31 330	61,3	17 499	34,2	51 027
2008–2009	29 433	62	16 307	34,3	47 422

Примечание. Составлено по: [Восточный Казахстан…, 2009, с. 37].

Титульное большинство в Восточном Казахстане в высших учебных заведениях представлено казахами (61–62 % студентов), русских тоже немало (34–35 %). Доля обучающихся казахов и русских постепенно снижается. Однако, даже если учитывать тот факт, что большинство русских студентов обучается в Усть-Каменогорске, молодое поколение русских имеет возможность получить высшее образование в области, а затем профессионально закрепиться в Казахстане. К примеру, в соседнем Узбекистане высшее образование становится элитарным не только для русских, но и для основной массы узбеков.

В г. Семипалатинске по-прежнему сохраняется русское информационно-коммуникативное пространство, активно действуют несколько общественных центров, связанных с интересами русского населения и культуры.

В первую очередь, стоит упомянуть Русский социально-культурный центр, располагающийся в Доме Дружбы народов г. Семипалатинска. Отделения русского культурного центра имеются в каждом городе Казахстана и призваны сохранять традиции и культуру русского народа. В Семипалатинске он появился в 2002 г. Основными задачами центра на момент создания являлись: сохранение стабильности казахстанского общества; развитие русского языка, обычаев и культуры. За годы существования Русский социально-культурный центр работал в нескольких направлениях, а его подсекции ориентированы на различные возрастные группы.

Центр и его активисты отмечают все российские государственные и религиозные праздники (Рождество, Масленицу, Пасху, Троицу и др.). Направления деятельности и отчеты центра свидетельствуют о том, что он поддерживает фольклорную культуру. Одно из главных мероприятий Центра – ежегодный Международный фестиваль русского искусства, куда собираются творческие коллективы из близлежащих регионов Казахстана и сопредельных территорий Западной Сибири. В Русском социально-культурном центре г. Семипалатинска собираются не только русские, но и другие этнические группы, в т.ч. казахи.

Первые исследования показали, что пестование в национальных центрах именно фольклорной культуры, как наиболее безобидной формы

культурного самовыражения, является моделью взаимодействия власти и меньшинств. Подобные предположения требуют детальной проработки, но уже сейчас можно заметить, что казахстанские русские, как и европейское население в других республиках Центральной Азии, пройдя советский этап развития, вряд ли принимает русский фольклор как неотъемлемую часть своей культуры. Кокошники в советской культуре, из которой вышли все казахстанские русские, не были маркирующим признаком.

В целом, в г. Семипалатинске, несмотря на миграционные потери, безработицу 1990 – начала 2000-х гг. и соседство с российскими регионами, сохраняется треть русского населения, активно задействованного в социально-экономической структуре казахстанского общества. Казахские власти поддерживают русские национально-культурные организации во всем их многообразии (Русский социально-культурный центр, Центр казачьей культуры и т.д.), регламентируя их общественную активность в культурной плоскости. Дальнейшие исследования должны быть направлены на тщательное изучение демографической структуры русских, механизмы их социально-культурной адаптации в условиях казахстанского общества.

Список литературы

Восточный Казахстан в цифрах, 2006. – Усть-Каменогорск, 2006.

Восточный Казахстан в цифрах: 2004–2008: стат. сб. – Оскемен, 2009.

Демографический ежегодник за 2007 год. – Усть-Каменогорск, 2008.

Записки Императорскаго Русскаго географическаго общества, издаваемые подъ редакцией А.Н. Бекетова. – СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1861. – Кн. 1.

Краткий исторический очерк Семипалатинского края (до 1917 года) // Наше хозяйство. – 1927. – № 1 (14). – С. 3–36.

Об основных показателях Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 годов. – Алматы, 1996. – 147 с.

Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии: мат-лы комиссии экспедиционных исследований. – Л., 1930. – Вып. 16. – 253 с.

Филиппов С.В. Деятельность Алтайского края по поддержке русского населения в северо-восточном Казахстане в 1991–2000-е годы // VII Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица: ст. и мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: Азбука, 2012. – С. 167–172.

А.П. Чемчиева

Институт археологии и этнографии СО РАН

ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ У ТЕЛЕНГИТОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ*

Теленгиты – историческое самоназвание алтайцев, проживающих в Кош-Агачском и Улаганском районах Республики Алтай. В советские годы теленгиты не выделялись из алтайского этноса, но в 2000 г. наряду с другими алтайскими субэтносами (кумандинцами, тубаларами, челканцами, телеутами) были включены в единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Обретение официального статуса коренного малочисленного народа изменило социальное положение теленгитов. Они получили возможность отстаивать коллективные интересы, участвовать в федеральных целевых программах, организовывать общины, практиковать традиционные виды хозяйственной деятельности.

Однако в осуществлении своих прав представители теленгитов сталкиваются с большими трудностями. Перед ними стоит целый ряд проблем в сфере социального обеспечения, культуры и образования, труда и здравоохранения. Наиболее острой проблемой для них является сохранение исконных земель.

Обретение прав на исконные земли рассматривается как первоочередное условие устойчивого развития этнической группы теленгитов. В этой связи теленгиты Кош-Агачского и Улаганского районов, выражают опасения, их земли могут быть со временем скуплены, а они сами не будут иметь на них никаких прав. О том, что теленгиты серьезно обеспокоены проблемой сохранения исконных земель, видно из СМИ Республики Алтай. Приведем некоторые цитаты.

«На сегодняшний день любой гражданин РФ может приехать к нам в Улаган, имея большие деньги, скупить всю землю, и получится так, что мы даже за грибами не сможем сходить или скот свой выпасти» [Каятова, 2008].

«Бисте Чамал, Майма аймактардагыдый айалга болбозын деп сананадыс. Јер-алтайыста айылчы болуп артпаска, јеристи саттыртпай, чеберлеп аларга амадап јадыс» (*«Мы думаем о том, чтобы у нас*

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (№ 13-01-00170а).

не сложилась ситуация как в Чемальском и Майминском районах. Чтобы на своей алтайской земле не стать гостями, мы стремимся сохранить свою землю и не допустить ее продажи») *[Опонгошева, 2010].*

В своем стремлении закрепить права на исконные земли теленгиты опираются на нормы российского законодательства. В 1999 г. был принят федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (далее – ФЗ о гарантиях прав). В нем обозначено право малочисленных народов безвозмездно пользоваться землями различных категорий в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности, а также участвовать в осуществлении контроля за использованием земель различных категорий, необходимых для осуществления традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами (ст. 8).

Представители теленгитов, возлагают большие надежды и на федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (далее – ФЗ о ТТП), принятый в 2001 г. В нем четко обозначено право малочисленных народов на землю, установлен возможный механизм передачи в безвозмездное пользование земли и иных природных ресурсов в границах соответствующих территорий.

Следует отметить, что после принятия ФЗ о ТТП многие общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока обращались в Правительство РФ с просьбой принять решение об образовании территорий традиционного природопользования. Однако всем им было отказано по причине отсутствия нормативных правовых актов, обеспечивающих реализацию закона.

Теленгиты, как и другие малочисленные народы Республики Алтай, не смогли добиться образования в районах своего проживания ТТП федерального и регионального значения. Тем не менее, их стремление получило поддержку. В 2009 г. районные Советы депутатов МО «Кош-Агачский район» и МО «Улаганский район» приняли решение о создании в границах данных муниципальных образований ТТП местного значения коренного малочисленного народа теленгитов.

Обратим внимание, что это решение осталось лишь на бумаге. Никаких реальных действий так и не последовало. Напротив, в МО «Кош-Агачский район» было утверждено положение о территории традиционного природопользования местного значения «Эре-Чуй» коренного малочисленного народа теленгитов Кош-Агачского р-на, созданы его совет управления и дирекция.

В положении о ТТП «Эре-Чуй» в качестве целей создания обозначены: 1) защита исконной среды обитания теленгитов и других народов; 2) сохранение и развитие самобытной культуры, языка, обычаев, традиционного природопользования и образа жизни коренного малочисленного народа теленгитов, исконно проживающих на этих землях; 3) сохранение уникальной высокогорной природной среды Кош-Агачского р-на; 4) сохранение на территории традиционного природопользования биологического разнообразия.

Как видим, одной из основных целей образования ТТП «Эре-Чуй» является природоохранная деятельность. Основные задачи создания этой территории сформулированы так: 1) защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни теленгитов и других коренных народов, проживающих в районе; 2) охрана и рациональное использование экосистем в границах территории традиционного природопользования; 3) сохранение уникальных горных ландшафтов, экосистем, водных и геологических объектов; 4) сохранение природных, исторических, археологических и культурных памятников; 5) создание условий для развития экологического и этнического туризма; 6) проведение рекреационных, природоохранных и культурно-просветительских мероприятий; 7) проведение экологического мониторинга экосистем и содействие проведению научных исследований в различных областях естествознания и рационального природопользования на горных территориях.

В настоящее время перед администрацией МО «Кош-Агачский район», советом управления и дирекцией ТТП «Эре-Чуй» стоит задача по обеспечению функционирования данной ТТП местного значения. Несомненно, выполнить ее будет сложно, поскольку ТТП «Эре-Чуй» является единственной в РФ и не обладает четким правовым статусом вследствие несовершенства ФЗ о ТТП.

Обратим внимание, что положения ФЗ о ТТП практически с самого начала пришли в несоответствие с иными федеральными законами, прежде всего, с Земельным кодексом РФ. Земельный кодекс, принятый в 2001 г., как и в случае с ФЗ о гарантиях прав, заблокировал норму о безвозмездном пользовании малочисленными народами земельными участками и другими обособленными природными объектами в пределах границ ТТП. В 2007 г. ФЗ о ТТП был приведен в соответствие с Земельным кодексом РФ. С этого времени данный федеральный закон не предусматривает права малочисленных народов на безвозмездное пользование земельными участками и другими обособленными природными объектами в пределах границ ТТП, но лишь констатирует, что эти участки предоставляются.

Другое несоответствие ФЗ о ТТП Земельному кодексу РФ касается положений о правовом режиме и границах ТТП. Так, согласно ФЗ о ТТП, границы ТТП различных видов и их правовой режим утверждаются Правительством РФ, органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления. Однако по Земельному кодексу РФ порядок природопользования на ТТП устанавливается исключительно федеральными законами, а их границы определяются Правительством РФ (ст. 97). Необходимо отметить, что ФЗ о ТТП имеет разночтения и с Лесным кодексом 2006 г. Так, в статью Лесного кодекса, устанавливающую правовой режим лесов особо охраняемых природных территорий, не включены ТТП коренных малочисленных народов, хотя по российскому законодательству эти земли имеют статус охраняемых природных территорий.

В настоящее время, в связи с наличием проблемы правовой легитимности «самопровозглашения» муниципальных образований «Кош-

Агачский район» и «Улаганский район» как территорий традиционного природопользования и несогласованностью положений ФЗ о ТТП с общефедеральным законодательством, представители теленгитов высказываются в пользу создания природных парков. По их мнению, четкий правовой статус природных парков играет роль реального «шлагбаума», не позволяющего выкупать земли [Актаева, 2013].

Отметим, что на территориях проживания теленгитов образованы два природных парка: «Зона покоя Укок» в Кош-Агачском районе (постановление Правительства РА № 77 от 23.05.2005 г.); «Ак Чолушпа» в Улаганском районе (постановление Правительства РА № 306 от 20.10.2011 г.).

По правовому статусу оба природных парка являются особо охраняемыми природными территориями республиканского значения, образованными с целью охраны природной среды, сообщества редких видов растений и животных, рационального использования рекреационного потенциала территорий и сохранения традиционных видов природопользования местного населения.

Резюмируя сказанное, отметим, что образование территорий традиционного природопользования и природных парков в районах проживания теленгитов в основном ориентировано на сохранение природной среды. В этой связи вопрос безвозмездного пользования теленгитами исконными землями остается без решения.

Список литературы

Актаева Т. Шлагбаум, не позволяющий выкуп земель // Улаганныҥ солундары. – 2013. – 1 августа.

Каятова А. Сохраним для себя свои земли (интервью с А.В. Хребтовой) // Улаганныҥ солундары. – 2008. – 3 апреля.

Опонгошева С. Солун иштер, јаҥы алтамдар… (Увлекательные работы, новые шаги…) (интервью с Г.Д. Телесовым) // Алтайдыҥ Чолмоны. – 2010. – 20 августа.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ
И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

А.В. Зубова

Институт археологии и этнографии СО РАН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ АНДРОНОВСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ТАНАЙ-12

Изучение антропологии андроновского населения, заселявшего территорию Кузнецкой котловины, началось довольно давно. В.А. Дремов изучил краниологические материалы из могильников федоровской культуры Заречное-1, Большое Пичугино и Васьково-5, а также часть черепов из могильника Титово-2 [1990, 1997]. Т.А. Чикишева и Д.В. Поздняков выделили их в самостоятельную серию, объединив с черепами из могильников Чудиновка-1, Юрман и частью коллекции из могильника Танай-12, переданной на тот момент в ИАЭТ СО РАН [2003]. Исследователи отметили, что серия из Кузнецкой котловины гетерогенна по антропологическому составу. Она продемонстрировала сходство с «федоровцами» Казахстана и Минусинской котловины и «срубниками» Нижнего Поволжья [Чикишева, Поздняков, 2003, с. 145, 147].

В 2011 г. в сектор антропологии ИАЭТ СО РАН была передана оставшаяся часть антропологических материалов из могильника Танай-12, а некоторые изученные находки передатированы. Это обусловило необходимость исключения уже опубликованных измерений двух черепов постандроновского времени из суммарной серии федоровской культуры Кузнецкой котловины, а также сделало возможным детальное рассмотрение особенностей антропологического состава популяции, оставившей захоронения в могильнике.

На данный момент краниологическая серия из могильника Танай-12 включает измерения четырех мужских и пяти женских черепов. Одонтологические данные получены для семи мужчин, четырех женщин, одного ребенка и одного индивида 17–18 лет, половую принадлежность которого определить затруднительно.

Мужская часть серии (табл. 1) характеризуется средним размером продольного диаметра черепа при маленьком поперечном и большом высотном диаметрах. Лобная кость узкая, средненаклонная. Лицо средней высоты, мезогнатное. Значение скулового диаметра попадает в категорию средних величин. В горизонтальном плане лицо гомоклинопрозопное. Орбиты широкие, низкие. Носовое отверстие низкое и узкое. Дакриальная ширина переносья средняя, а высота очень большая. В симотиче-

Таблица 1. **Средние краниологические характеристики локальных групп населения Кузнецкой котловины андроновского времени. Мужчины**

Характеристики	Титово-2			Чудиновка-1			Танай-12		
	n	x	s	n	x	s	n	x	s
1. Продольный диаметр	8	181,38	6,7	3	176	7	4	181,63	5,9
8. Поперечный диаметр	8	140,13	5,11	3	140,33	4,16	3	136	5,57
17. Высотный диаметр от *ba*	6	133,83	2,8	3	136,5	2,78	3	139,67	10,4
5. Длина основания черепа	6	105,5	4,59	3	101,67	4,62	3	106,33	6,03
9. Наименьшая ширина лба	9	96,53	3,22	3	97,67	5,48	3	92,77	3,28
40. Длина основания лица	6	101,33	5,54	3	97	3	3	101	2
45. Скуловой диаметр	6	133,33	4,63	3	134	4,36	3	134,67	3,06
48. Верхняя высота лица	9	69,33	3,5	3	69,83	5,8	3	69,67	7,42
51. Ширина орбиты от *mf*	7	42,93	1,97	3	42,5	1,8	3	45,07	1,83
52. Высота орбиты	8	32,08	2,83	3	32,33	1,76	3	31,77	0,68
54. Ширина носа	8	25,5	3,3	3	23,33	2,36	3	24,2	0,36
55. Высота носа	9	50,3	3,29	3	51,5	2,6	3	50,83	4,86
DS. Дакриальная высота	4	12,93	1,57	3	12,67	2,08	4	14,6	1,88
DC. Дакриальная ширина	5	23,58	1,85	3	21,33	1,53	4	21,63	2,66
SS. Симотическая высота	6	4,22	1,14	3	4	1,32	4	3,75	1,94
SC. Симотическая ширина	6	9,88	3,07	3	8,67	1,53	4	7	2,27
32. Угол профиля лба от *na*	6	81,33	5,09	3	82,67	6,5	3	83,67	3,79
77. Назо-малярный угол	9	134,87	4,79	3	139,6	5,9	3	135,67	5,84
zm. Зиго-максиллярный угол	8	126,61	6,17	3	128,23	3,65	3	126,6	7,69
72. Общий угол профиля лица	6	86,67	2,07	3	84,67	5,85	3	83,67	1,53
75(1). Угол выступания носа	5	29,2	7,79	3	28	4,58	3	30,67	5,68

ском плане переносье узкое, не очень сильно выступающее над линией горизонтального профиля лица. Угол выступания носа значительный. Достоверно повышенных дисперсий в серии нет. Она выглядит достаточно однородной.

Суммарная женская серия из Таная-12 (табл. 2) отличается крупными размерами продольного и поперечного диаметров черепной коробки при средней ее высоте. Лобная кость средней ширины, средненаклонная. Лицо высокое, с крупным скуловым диаметром, мезогнатное. Тип горизонтальной профилировки лицевого скелета в суммарной серии – гомоклинопрозопия. Однако в ее составе более и менее уплощенные варианты. Орбиты широкие, средней высоты. Носовое отверстие средневысокое, среднеширокое, мезоринное. Переносье среднеширокое, хорошо моделированное в дакриальной и симотической плоскостях. Угол выступания носа средний. Достоверно повышенных дисперсий в женской выборке также нет.

Таблица 2. **Средние краниологические характеристики локальных групп населения Кузнецкой котловины андроновского времени. Женщины**

Характеристики	Титово-2			Чудиновка-1			Танай-12		
	n	x	s	n	x	s	n	x	s
1. Продольный диаметр	4	179,5	4,43	5	173,1	6,02	5	177,6	3,85
8. Поперечный диаметр	4	136,25	2,75	5	139	4,64	4	140,5	7,55
17. Высотный диаметр от *ba*	4	132,75	9	4	132,75	5,19	4	128,25	2,36
5. Длина основания черепа	4	104	3,16	4	96	2,55	5	102	6,78
9. Наименьшая ширина лба	5	91,92	1,22	5	94,9	2,79	4	92,63	1,97
40. Длина основания лица	4	101	2,7	4	92,5	2,08	4	103	6,27
45. Скуловой диаметр	3	128,67	3,06	5	128,2	4,09	3	131	3
48. Верхняя высота лица	5	65,4	1,52	5	66,26	0,83	4	69,25	2,25
51. Ширина орбиты от *mf*	5	41,7	1,2	5	41,16	1,85	5	42,24	3,22
52. Высота орбиты	5	31,52	0,59	5	31,3	1,56	5	33,72	1,01
54. Ширина носа	5	23,08	1,38	5	23,9	1,64	5	23,92	2,14
55. Высота носа	5	46,82	0,73	5	49,32	2,43	5	50,16	2,04
DS. Дакриальная высота	3	13,93	1,79	4	11,38	1,65	3	11,73	2,53
DC. Дакриальная ширина	3	21,57	0,25	4	21,13	3,33	3	21,1	3,62
SS. Симотическая высота	3	4,5	0,75	5	3,92	1,51	4	3,48	0,46
SC. Симотическая ширина	3	8,3	1,56	5	8,2	2,6	4	7,96	0,71
32. Угол профиля лба от *na*	4	83,25	3,1	5	89,4	1,95	3	84	6,24
77. Назо-малярный угол	4	134,35	2,43	5	138	3,38	5	139,08	8,22
zm. Зиго-максиллярный угол	5	125,44	6,75	4	126,93	3,16	4	124,75	3,43
72. Общий угол профиля лица	3	82,33	4,72	5	84,8	2,49	3	84,67	3,79
75(1). Угол выступания носа	3	25,67	3,22	5	25	5,15	4	22,25	3,86

В одонтологическом плане (табл. 3) андроновское население, оставившее могильник Танай-12, отличается повышенными частотами лопатообразности верхних резцов (медиальных и латеральных), умеренной степенью редукции гипоконуса верхних вторых моляров, средней частотой бугорка Карабелли на верхних первых молярах и умеренной – дополнительных дистальных бугорков. Строение моляров нижней челюсти отличается грацильностью. Здесь высока частота 4-бугорковых вариантов их строения, а 6-бугорковые формы первых моляров не встречаются. Наличие на первых молярах развитых форм протостилида не отмечено, но у одного погребенного есть ямки протостилида. В двух случаях (20 %) встречен дистальный гребень тригонида на нижних первых молярах. Коленчатая складка метаконида в серии отсутствует.

Сравнение серии из Таная-12 с материалами других могильников андроновского времени Кузнецкой котловины показало отсутствие у мужской части серьезных краниологических отличий от выборок из Чудинов-

Таблица 3. **Средние одонтологические характеристики локальных групп населения Кузнецкой котловины андроновского времени**

Характеристики	Титово-2		Чудиновка-1		Танай-12	
	n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%
Лопатообразность (2+3) I^1	0(5)	0,00	0(2)	0,00	4(8)	50,00
Лопатообразность (2+3) I^2	1(5)	20,00	0(3)	0,00	4(8)	50,00
Дополнительный дистальный бугорок M^1	0(9)	0,00	4(12)	33,30	1(12)	8,30
Бугорок Карабелли (2-5) M^1	2(10)	10,00	6(12)	50,00	2(13)	15,40
Редукция гипоконуса (4-) M^1	0(10)	0,00	1(13)	7,70	0(13)	0,00
Редукция гипоконуса (3, 3+) M^1	0(10)	0,00	0(13)	0,00	0(13)	0,00
Редукция гипоконуса (4-) M^2	0(9)	0,00	1(7)	14,30	5(11)	45,50
Редукция гипоконуса (3,3+) M^2	5(9)	55,60	6(7)	85,70	4(11)	36,40
Затек эмали (4-6) M_2	1(9)	11,10	5(5)	100,00	3(9)	33,30
Форма P1 (1-2)	6(8)	75,00	1(1)	100,00	8(10)	80,00
Форма P1 (4-5)	3(8)	37,50	0(1)	0,00	2(10)	20,00
Форма P2 (1-2)	1(8)	12,50	0(4)	0,00	1(11)	9,10
Форма P2 (4-5)	8(8)	100,00	4(4)	100,00	7(11)	63,60
6 M_1	0(9)	0,00	1(9)	11,10	0(12)	0,00
4M_1	1(9)	11,10	2(9)	22,20	3(12)	25,00
(+)M_1(4-6)	1(6)	16,70	0(9)	0,00	2(11)	18,20
(X)M_1(4-6)	2(6)	33,30	3(9)	33,30	0(11)	0,00
4M_2	6(8)	75,00	5(5)	100,00	10(11)	90,90
5M_2	3(8)	37,50	0(5)	0,00	1(11)	9,10
(У)M_2	3(8)	37,50	4(5)	80,00	3(10)	30,00
3УM_2	0(8)	0,00	0(5)	0,00	0(10)	0,00
(+)M_2	3(8)	37,50	0(5)	0,00	9(10)	90,00
(X)M_2	3(8)	37,50	3(5)	60,00	1(10)	10,00
Протостилид (2-5) M_1	0(9)	0,00	0(7)	0,00	0(12)	0,00
tami M_1	0(8)	0,00	3(10)	30,00	0(12)	0,00
Дистальный гребень тригонида M_1	0(7)	0,00	0(9)	0,00	2(10)	20,00
Коленчатая складка метаконида M_1	0(2)	0,00	0(8)	0,00	0(7)	0,00

Примечание. N – число наблюдений, n – количество случаев присутствия признака.

ки-1 и Титово-2. Мужчины Таная-12 в среднем несколько более долихоморфны, чем две других серии. Однако наблюдаемые различия не выходят за пределы колебаний в рамках одного антропологического типа.

С женской группой из этого могильника все оказалось не так просто. Она отличается от других федоровских серий Кузнецкой котловины значительно более крупными размерами поперечного и продольного диаметров черепа при меньшей его высоте, высоким и широким лицом, крупными размерами орбит и носового отверстия, большей уплощенностью верхнего отдела лицевого скелета и меньшим углом выступания носа.

В одонтологическом отношении серия из Таная-12 отличается от других высокими частотами лопатообразности верхних резцов и дистального гребня тригонида.

Можно констатировать, что в состав населения андроновского времени, оставившего захоронения в могильнике Танай-12, вошел некий дополнительный антропологический компонент, отсутствующий в других федоровских популяциях этого района. Определить его культурную принадлежность трудно, поскольку об антропологии доандроновских племен Кузнецкой котловины мало что известно. Судя по комплексу наблюдаемых различий группы из Таная-12 и выборки из Чудиновки-1 и Титово-2, можно говорить о том, что характеристики этого субстрата соответствуют вариантам в пределах южной евразийской антропологической формации, выделенной Т.А. Чикишевой [2012, с. 57]. Компонент, восходящий к этой формации, отмечен у неолитического населения Алтае-Саянского нагорья. Возможно, он присутствовал и в составе доандроновского населения Кузнецкой котловины.

Список литературы

Дремов В.А. Антропологический состав андроновской и андроноидных культура Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. – Новосибирск, 1990. – Вып. 2. – С. 56–61.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск: Изд-во ТГУ, 1997. – 260 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологического состава населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Население западносибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 132–148.

А.В. Зубова, Д.В. Поздняков, Т.А. Чикишева

Институт археологии и этнографии СО РАН

НОВЫЕ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ НЕОЛИТА ИЗ ПАМЯТНИКА ВЕНГЕРОВО-2*

В 2011 г. на памятнике Венгерово-2 под поселенческим слоем кротовской культуры (конец III – начало II тыс. до н.э.) обнаружен и частично исследован погребальный комплекс эпохи неолита (конец VI–V тыс. до н.э.) [Молодин и др., 2011]. Антропологические материалы из могилы № 1 опубликованы [Чикишева и др., 2011]. В 2012 г. неолитический комплекс был раскопан полностью. В результате получены новые антропологические материалы, которые являются объектом исследования данной работы.

В могиле № 2 был погребен мужчина 20–24 лет. Скелет сохранился практически полностью, за исключением правой руки и правой стороны грудной клетки. В связи с сохранностью большинства длинных костей скелета, удалось установить рост данного индивида – 176 см.

Череп мужчины имеет удовлетворительную сохранность (разрушен в области основания и височных костей). Он изучен по максимально полной программе.

Визуально череп не крупный, с умеренно выраженным рельефом.

Черепная коробка мезокранная, узкая (136 мм), средней длины (178 мм), средней высоты – при измерении от порионов (113 мм), высокая (140 мм) – от базиона. Лобная кость короткая (103,2 мм), средней ширины в коронарном диаметре (118 мм) и на уровне максимального сужения (97 мм). Изгиб лобной кости и угол ее наклона от назиона (80°) характеризуются средними величинами. Однако из-за выраженности надглазничного рельефа угол наклона лба, измеренный от глабеллы, имеет малую величину (70°). Наибольшей величиной из сегментов сагиттальной дуги является затылочный сегмент.

Лицевой отдел имеет среднюю высоту (верхняя высота 73 мм, полная высота 119 мм). Он широкий на верхнем (110 мм) и на среднем (108,5 мм) уровнях. К сожалению, скуловые дуги полностью разрушены, поэтому скуловой диаметр измерить не удалось. Орбиты очень низкие (29,8 мм) и широкие (от mf – 48,6 мм). Грушевидное отверстие узкое (22 мм)

*Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ (№ 13-06-12022-офи-м, 13-06-133).

и высокое (56 мм), с узкой спинкой (SC – 7 мм). Его нижний край имеет форму предносовых ямок. Судить о выступании носовых косточек над общим профилем лица и о строении переносья невозможно. На горизонтальных уровнях лицо умеренно профилированное в нижней части (zm – 133,7°) и несколько более выступающее – на уровне назиона (135,6°). При общем ортогнатном профиле (84°), альвеолярный отросток верхней челюсти резко выступает вперед (69°). Строение верхней челюсти характеризуется очень узким (23,7 мм) и длинным (52,5 мм) нёбом. Глубина клыковой ямки малая (0,5 мм).

Нижняя челюсть высокая и широкая, со средним наклоном ветви и средним выступанием подбородка.

В погребении № 4 найден скелет молодой женщины (25–30 лет). Длина тела, вычисленная для этого индивида, составила 155 см.

Череп женщины сохранился несколько хуже. Сильно повреждены и деформированы височные и затылочная области. Именно поэтому удалось установить далеко не все параметры мозгового отдела.

При визуальной оценке череп выглядит не крупным, грацильным, с плавными контурами обводов. Лобная кость средней ширины и уплощенности, имеет большой наклон от назиона (76°) и от глабеллы (68°).

Лицевой отдел, как и у мужского черепа, средней высоты (верхняя высота 64 мм, полная – 104 мм), широкий (на верхнем уровне 105 мм, на нижнем – 96 мм), умеренно уплощенный на уровне назиона (138,2°) и субспинальной точки (132,5°). Общий лицевой угол несколько меньше (81°), однако отмечена тенденция к альвеолярному прогнатизму (66°). Грушевидное отверстие имеет среднюю высоту (50 мм) и ширину (24,8 мм), инфантильный нижний край. Переносье средней ширины (dc – 21,7 мм) и высоты (ds – 10,2). Носовые косточки узкие (sc – 7,2 мм), средней высоты (ss – 3,2 мм), умеренно выступающие над общим вертикальным уровнем лица (15°). Орбиты широкие (от mf – 43 мм), средней высоты (34 мм).

Строение верхней челюсти имеет сходную форму с черепом мужчины из погребения № 2.

Нижняя челюсть крупная, широкая, характеризуется большими параметрами высоты и ширины ветвей, а так же слабым ее наклоном.

Характеристики мужского и женского черепов аналогичны параметрам черепа из погребения № 1 этого же памятника [Чикишева и др., 2011]. Для них присущи плавные очертания мезокранной черепной коробки, умеренно выраженный рельеф надглазничного края и затылочной кости, широкое, невысокое и умеренно уплощенное лицо с резко выступающим узким альвеолярным отделом, а так же низкими и широкими орбитами.

Однако при всех индивидуальных отличиях данной серии (пока небольшой) необходимо отметить общее сходство погребенных из памятника Венгерово-2 с другими представителями неолитического населения Барабы [Чикишева, 2012].

Одонтологические особенности погребенных в могилах № 2 и 4 позволяют говорить о принадлежности к одному антропологическому пласту. Оба индивида отличаются сильным развитием краевых гребней лингваль-

ной поверхности на центральных верхних резцах, выраженной редукцией гипоконуса на вторых верхних молярах и присутствием элементов системы Карабелли на первых зубах данного класса. У погребенного из могилы № 2 дополнительно представлены дистальные маргинальные бугорки на верхних вторых молярах и раздвоенность корней первых и вторых верхних премоляров.

На нижней челюсти обоих погребенных моляризованы коронки первых и вторых премоляров, отсутствует грацилизация первых моляров, фиксируются ямки протостилида на вестибулярных поверхностях всех моляров. У погребенного в могиле № 2 узор коронок первых моляров – «Y6», вторых – «X4», третьих – «X5». Здесь наблюдается дистальный гребень тригонида на первом правом моляре, а на втором присутствие признака установить не удалось. У женщины, из погребения № 4 первые и вторые моляры 5-бугорковые, с узором «Y», третьи – 4-бугорковые, с узором «X». Установить наличие или отсутствие коленчатой складки метаконида в обоих случаях невозможно, однако, учитывая, что вторая борозда метаконида у погребенного из могилы № 2 впадает в фиссуру II, можно говорить об отсутствии изогнутости осевого гребня. Для индивида из погребения № 4 направление хода борозды установить не удалось. У него наблюдается предельная редукция дистальных бугорков третьего левого моляра верхней челюсти до двухбугорковой формы.

В строении зубной системы этих погребенных отмечено много архаичных особенностей.

У индивида из могилы № 2 наблюдается лингвальное отклонение вертикальной оси коронок верхних фронтальных зубов в сочетании с выраженными пальцевидными выступами на лингвальной поверхности. На премолярах верхней челюсти прослеживается выраженная дифференциация краевых гребней вестибулярной поверхности, что повлекло за собой выделение на обоих зубах маргинальных стилоидных бугорков мезиальной и дистальной стороны. Строение верхних моляров относительно прогрессивное. Здесь отсутствуют такие фены, как эпикриста, метаконулюс и «ласточкино гнездо», однако на первых зубах данного класса есть элементы задних ямок, а на вторых – как задних, так и передних.

На нижней челюсти зафиксированы лопатообразные резцы, дистостилиды на вторых премолярах, элементы передних ямок на первых молярах, а также сформировавшиеся передние ямки и элементы задних на вторых и третьих зубах данного класса.

У индивида из могилы № 4 вертикальная ось коронок фронтальных зубов верхней челюсти не отклоняется лингвально. На медиальных резцах, как и у индивида из могилы № 2, фиксируются пальцевидные гребни лингвальной поверхности. Вестибулярной дифференциации коронки премоляров здесь нет, однако на мезиальном крае первых премоляров присутствуют краевые бугорки, образованные ветвлением центральной борозды, разделяющей лингвальный и вестибулярный бугорки.

На нижней челюсти из всего возможного набора архаичных фенов отмечены элементы задней ямки на третьих молярах и передние ямки – на вторых и третьих.

Набор патологических изменений зубной системы у погребенных из памятника Венгерово-2 включает в обоих случаях системное нарушение питания тканей пародонта, зубной камень практически на всех сохранившихся зубах. У индивида из погребения № 2 обнаружен кариес нижнего правого второго моляра и прижизненный скол эмали нижнего третьего моляра слева.

В целом, можно говорить о том, что одонтологический тип популяции, оставившей захоронения памятника Венгерово-2, относится к категории промежуточных: между западным и восточным одонтологическим стволом. Об этом свидетельствует сочетание в его составе маркеров высокой таксономической значимости, имеющих противоположные градиенты географической изменчивости частот. Лопатообразность верхних резцов является маркером восточного ствола, а вариант 2med(II) – западного. Представительность набора архаичных морфологических особенностей позволяет предположить, что эта промежуточность вызвана не метисацией контрастных в расовом отношении групп, а сохранением особенностей древних, недифференцированных в расовом отношении комплексов.

Список литературы

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерово-2 и открытие неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 199–205.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Чикишева Т.А., Зубова А.В., Поздняков Д.В. Характеристика палеоантропологических материалов из неолитического погребения на поселении Венгерово-2 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 259–264.

А.С. Пилипенко[1], Н.В. Полосьмак[2], Л.С. Кобелева[2], В.И. Молодин[2], А.А. Журавлев[1]

[1]Институт цитологии и генетики СО РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН

ПЕРВЫЕ ДАННЫЕ О ГЕНОФОНДЕ МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК НОСИТЕЛЕЙ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

Население саргатской культурно-исторической общности играло определяющую роль в этногенетических процессах, протекавших в лесостепной зоне Западной Сибири от восточных предгорий Урала до Приобья на протяжении более тысячи лет (с VII–VI вв. до н.э. до V в. н.э.). Несмотря на длительное изучение, многие вопросы истории саргатского населения остаются дискуссионными. Одним из наиболее актуальных является вопрос выяснения генетических корней и процессов формирования генетического состава населения саргатской культуры, без объективного решения которого невозможно понимание общей картины этногенетических процессов в Западной Сибири и прилегающих регионах Евразии в эпоху железа.

Проведение молекулярно-генетических исследований останков носителей саргатской культуры из различных районов западносибирской лесостепи открывает перспективы получения новых объективных данных о генетической истории этой этнокультурной группы. В данной работе приведены первые результаты исследования генофонда митохондриальной ДНК (мтДНК) населения саргатской культуры. Материалами для исследования послужили палеоантропологические останки носителей саргатской культуры из могильников Барабинской лесостепи Погорелка-2, Венгерово-6, Венгерово-7, Марково-1, Абрамово-4, Преображенка-6. Выбор Барабы в качестве стартового региона для проведения палеогенетических исследований саргатского населения обусловлен, в частности, наличием обширной сравнительной базы данных по составу линий мтДНК в предшествующих популяциях региона (неолит и эпоха бронзы), сформированной нами ранее [Molodin et al., 2012].

Экспериментальная часть работы выполнена на базе Межинститутского сектора палеогенетики ИАЭТ СО РАН и ИЦиГ СО РАН. Описание экспериментальных методов ранее опубликовано [Пилипенко, Молодин, Ромащенко, 2011]. Всего в исследование к настоящему моменту включены образцы от 22 индивидов. Для 12 из них получены данные по последовательности первого гипервариабельного сегмента контрольного района мтДНК (ГВСI мтДНК), для 10 образцов определена принадлежность к гаплогруппам мтДНК. Всего на данный момент в генофонде саргатского

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-11-54002.

населения Бабы выявлены линии 5 гаплогрупп мтДНК: западно-евразийских U5a, H, N1a, M2(?) и восточно-евразийской B4a.

Можно констатировать, что по составу гаплогрупп мтДНК саргатское население резко отличается от автохтонных этнокультурных групп Барабы эпохи бронзы. Прежде всего, это выражается в доминировании западно-евразийских вариантов мтДНК (т.е. линий мтДНК распространенных преимущественно в западной части Евразии и имеющих западно-евразийское происхождение), к которым относятся 9 из 10 филогенетически интерпретированных образцов. Для населения Барабы эпохи бронзы был характерен смешанный состав генофонда мтДНК, включающий в сопоставимых долях западно-евразийские и восточно-евразийские линии мтДНК. Это отличие еще больше выражено на уровне конкретного состава гаплогрупп, обнаруженных в саргатской выборке. Из западно-евразийских гаплогрупп только U5a входила в состав генофонда населения Барабы на протяжении всей эпохи бронзы. По-видимому, только этот компонент можно рассматривать в качестве маркера генетической преемственности саргатской популяции и автохтонных популяций Барабы. Однако этот вывод носит предварительный характер, так как U5a демонстрирует чрезвычайно широкую представленность в западной половине Евразии. Все остальные западно-евразийские гаплогруппы из саргатской серии, а также восточно-евразийская гаплогруппа B4a не был характерны для населения региона эпохи бронзы. Очевидно, их появление объясняется внешним генетическим влиянием, связанным с миграцией на эту территорию населения из других регионов Евразии. Однако начало процесса изменения состава гаплогрупп мтДНК, результат которого зафиксирован нами для саргатского населения Барабы, по-видимому, следует относить к переходному периоду от бронзы к железу. Об этом свидетельствует некоторое сходство генофондов мтДНК саргатской популяции и населения городища Чича-1. Популяции Чичи-1 является самой ранней группой, для которой нами зафиксирован резкий рост представленности западно-евразийских гаплогупп и появление ряда новых для Барабы кластеров. В частности, именно у населения Чичи-1 впервые появились линии гаплогруппы H [Пилипенко, Ромащенко и др., 2009]. Сходство между группами подчеркивается также полным совпадением одного из вариантов гаплогруппы H (с единственной нуклеотидной заменой в положении 16366) у одного из детей, погребенных под полом жилища № 10 Чичи-1, и представителя саргатской культуры из могильника Погорелка-2. Это особенно значимо, учитывая крайнюю редкость данного гаплотипа в популяциях Евразии.

Для Чичи-1 появление новых гаплогрупп было объяснено притоком мигрантов с территорий, расположенных на юге и юго-западе от Барабы – современного Казахстана, Средней Азии, корни которых можно видеть далее на территории Азии и Ближнего Востока.

Результаты филогенетического анализа некоторых вариантов мтДНК из саргатской серии отчетливо свидетельствуют о сходном с Чичей-1 направлении внешних генетических связей. Так, обнаруженные в саргатской выборке варианты гаплогруппы H, очень редкие, представлены главным образом в Средней Азии (а также на юге Европы). Очень интересным в этом отношении является вариант гаплогруппы N1a1a, выявленный

на Погорелке-2. Гаплогруппа N1a имеет ближневосточное происхождение. Однако субкластер N1a1a распространен именно в среднеазиатских популяциях и специфичен для них. Большой интерес представляет линия гаплогруппы M*, которую мы предварительно отнесли к подгруппе M2. Идентичные и близкородственные ей варианты распространены преимущественно в Индии и на сопредельных территориях Западной Азии. Таким образом, целый ряд линий в генофонде саргатского населения свидетельствуют о наличии генетических связей с населением Средней и Передней Азии и еще более южных регионов.

Полученные данные хорошо коррелируются с археологическими материалами.

В погребальных комплексах саргатской культуры обнаружены раковины каури, перстни, браслеты, подвески, серьги фигурные пряжки, зеркала, чье происхождение связывают с Ферганой, Тянь-Шанем, Кангюем, Семиречьем, Бактрией. Из Средней Азии были привезены найденные в саргатских могильниках сердоликовые бусы, палочки для сурьмления глаз, станковая глиняная фляга, обломки кружальных, краснокирпичных тарных сосудов, плоскодонные кувшины. Из Индии, видимо, через Среднюю Азию поступала к саргатцам индийская шпинель [Матвеева, 1993, 1994] и зеркала [Васильев, 2003]. Контакты и связи в указанном направлении поддерживались саргатцами на протяжении всего периода существования культуры. Еще В.А. Могильников [1973] отмечал инфильтрацию степного сакского населения в середине и начале второй половины I тыс. до н.э., которая, судя по особенностям погребального обряда, происходила на всей территории саргатской культуры. В литературе закрепилось представление о сакском происхождении саргатской знати [Матвеева, 1994; Корякова, 1988].

По результатам палеоантропологических исследований, были выделены основные расовые европеоидные компоненты саргатского населения, связанные с саками и сармато-савроматами [Дремов, 1978; Багашев, 2000].

С рассмотренными линиями контрастирует (в отношении филогеографии) вариант гаплогруппы B4a, обнаруженный в одном из образцов могильника Марково-1. Гаплогруппа B4a (и вообще линии гаплогруппы B) не были выявлены в более ранних группах населения Барабы. Эта гаплогруппа проявляет определенную филогеографическую специфичность. Основным ее ареалом в современных популяциях является Юго-Восточная Азия (как материковая, так и континентальная). В других регионах, в т.ч. в Западной Сибири и Центральной Азии, этот вариант встречается достаточно редко у единичных носителей. Возможно, популяции Юго-Восточной Азии, скорее всего Китая, также оказывали опосредованное влияние на генофонд населения Западно-Сибирского региона в эпоху раннего железа. Это влияние могло распространяться через население Центральной Азии, генетически сходного с хунну, при его движении на запад. С этим предположением согласуется обнаружение линии гаплогруппы B4 у населения хунну Забайкалья (в составе выделенного нами «китайского» компонента генофонда) [Пилипенко, Полосьмак и др., 2011].

Эти данные подтверждаются археологическим материалом. Среди саргатских древностей выделяется «хуннский» комплекс, включающий

ряд предметов восточного (вплоть до Китая) происхождения – котлы, ложечковидные застежки, пряжки от конской сбруи, оружие [Матвеева, 1993]. Непосредственно, в могильнике Марково-1 были найдены монета «у-шу», обломок китайского зеркала II в. до н.э. (курган 6) и ложечковидная застежка (курган 4) [Полосьмак, 1987].

Первые палеогенетические данные свидетельствуют в пользу полиэтнической гипотезы происхождения саргатского населения. При этом ведущую роль в формировании генетического состава населения, по-видимому, сыграли ираноязычные племена из более южных и юго-западных по отношению к Барабе регионов. Степень участия автохтонного компонента пока остается до конца невыясненной. Вероятно, этот вопрос удастся разрешить при увеличении выборки исследованных образцов, а также вовлечении в анализ саргатских популяций из других районов Западной Сибири.

Список литературы

Багашев А. Н. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 374 с.

Васильев Я.В. Древние индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 28–33.

Дремов В.А. Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья (Усть-Тартасский могильник) // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 116–124.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (Саргатская культура). – Свердловск: Уральск. гос. ун-т, 1988. – 240 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 174 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 150 с.

Могильников В.А. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири. – Томск, 1973. – Вып. 7. – С. 175–189.

Пилипенко А.С., Молодин В.И., Ромащенко А.Г. Митохондриальная ДНК женщины из пещеры Каминная (Горный Алтай) эпохи позднего неолита // Вавиловский журнал генетики и селекции. – 2011. – Т. 15, №. 4. – С. 633–643.

Пилипенко А.С., Полосьмак Н.В., Коновалов П.Б., Журавлев А.А. Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 222–225.

Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности структуры генофонда митохондриальной ДНК населения городища Чича-1 (IX–VII вв. до н.э.) в Барабинской лесостепи // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 108–127.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data // Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. – Berlin: De Gruyter, 2012. – P. 95–113.

А.С. Пилипенко[1], Н.В. Полосьмак[2], Р.О. Трапезов[1]

[1]Институт цитологии и генетики СО РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН

МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАНКОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ЗНАТИ ХУННУ ИЗ МОГИЛЬНИКА НОИН-УЛА*

На протяжении нескольких столетий с конца III в до н.э. до начала II в. н.э. кочевые племена хунну оказывали большое влияние на исторические и этногенетические процессы в Центральной Азии. Источниками информации для реконструкции истории, особенностей материальной и отчасти духовной культуры хунну служат древние письменные китайские источники и археологические материалы. Высокая степень социальной стратификации хунну отчетливо проявляется в их погребальной практике, благодаря чему мы имеем возможность целенаправленно исследовать различные социальные группы – от рядовых скотоводов-воинов до представителей высшей знати.

Палеоантропологические останки представителей державы хунну из погребальных памятников являются важным источником объективных данных о биологических (генетических) характеристиках этой древней популяции. Держава хунну складывалась как союз племен, и нет оснований ожидать антропологической и генетической однородности населения, занимавшего в период своего могущества огромные пространства в центре Азии. Но важно проследить, из каких составляющих образовывалась кочевая империя, сопоставить данные палеогенетических исследований с информацией китайских хроник, рассказывающих о завоеваниях хунну. Развитие методов палеогенетики существенно расширило информативность этого источника, дополнив возможности физической палеоантропологии. На протяжении нескольких лет авторами данной работы выполняется палеогенетическое исследование останков хунну с территории Забайкалья и Монголии. Первые данные о структуре генофонда мтДНК рядового слоя населения хунну Забайкалья были опубликованы [Пилипенко, Полосьмак и др., 2011].

Перспективными источниками для изучения историко-культурных и генетических особенностей хунну являются погребальные комплексы высшей знати, в частности, исследованные российско-монгольской экс-

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-00782, Интеграционного проекта СО РАН № 32.

педицией в 2006–2012 гг. на территории Монголии курганы могильника Ноин-Ула [Полосьмак, Богданов и др., 2009; Полосьмак, Богданов, 2011; Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2011; Полосьмак, 2011; Полосьмак, Богданов, 2012]. В отличие от большинства ранее исследованных элитных погребений хунну, данные комплексы (три из четырех) содержали останки погребенных индивидов, пригодные для проведения молекулярно-генетического анализа. Такое исследование особенно актуально ввиду недостатка данных палеоантропологии о представителях элиты хунну из-за тотальной ограбленности и осквернения больших курганов. Необходимо отметить, что это первое палеогенетическое исследование представителей высшего знати хунну. В данной работе представлены его предварительные результаты.

Всего исследованию были подвергнуты три образца из могильника Ноин-Ула: из курганов № 31 (НУ1), 11 (НУ2), 22 (НУ3) (см. *таблицу*). Для них было выполнено исследование структуры первого гипервариабельного сегмента контрольного района митохондриальной ДНК (ГВСI мтДНК) и определение половой принадлежности останков путем анализа аллелей гена амелогенина, специфичных для половых хромосом (описание методов см.: [Пилипенко, Молодин, Ромащенко, 2011]). Экспериментальная часть работы выполнена на базе Межинститутского сектора молекулярной палеогенетики ИЦиГ СО РАН и ИАЭТ СО РАН.

Из исследованных индивидов останки лишь одного – из кургана 11 (НУ2), сохранились в погребальном комплексе в виде почти полного скелета хорошей макроскопической сохранности. Для палеогенетического исследования этого индивида были использованы зубы хорошей сохранности. Останки индивидов НУ1 и НУ3 сохранились в погребении лишь фрагментарно. Для исследования были использованы фрагменты диафизов больших берцовых и бедренных костей (для обоих индивидов), а также два зуба от индивида НУ1 (курган № 31). Останки этих двух индивидов (посткраниальный материал и зубы) были обуглены, по-видимому, вследствие непродолжительного воздействия огня, связанного с осквернением погребений. Однако внутренние области костей и зубов не подверглись значительному воздействию высоких температур и продемонстрировали достаточную для проведения молекулярно-генетического анализа сохранность ДНК.

Для всех трех индивидов была определена последовательность ГВСI мтДНК, установлена структура гаплотипа и его принадлежность к гаплогруппам мтДНК (см. *таблицу*). Все образцы характеризовались разной

Результаты молекулярно-генетического анализа палеоантропологических образцов из могильника Ноин-Ула

№	Код	№ кургана	ГВС I мтДНК	Гаплогруппа	Пол
1	НУ1	31	189-232A-240-304	F1b	женский
2	НУ2	11	223-311-362	D4 (G?)	женский
3	НУ3	22	223-227-234-278-362	G2a5	мужской

структурой мтДНК и принадлежали к трем гаплогруппам – F1b, D4, G2a5. В настоящее время дополнительно осуществляется анализ информативных позиций в кодирующей части мтДНК для верификации и детализации филогенетической принадлежности данных структурных вариантов мтДНК. В частности, наряду с широко представленным в центральноазиатских популяциях вариантом гаплогруппы D4 (индивид НУ2), существует вариант гаплогруппы G, идентичный ему по структуре ГВCI, но распространенный лишь в южных областях материковой Юго-Восточной Азии, особенно часто представленный в современных популяциях Таиланда. Отличить эти варианты можно лишь при анализе соответствующих позиций в кодирующей части мтДНК. Поэтому отнесение НУ2 к D4 пока является предварительным. Все три гаплогруппы относятся к восточно-евразийскому кластеру гаплогрупп мтДНК. По результатам филогенетического и филогеографического анализа можно констатировать, что все, обнаруженные у представителей высшей элиты хунну структурные варианты мтДНК могут быть охарактеризованы как типично центральноазиатские (под Центральной Азией мы в данном случае подразумеваем территорию Забайкалья, Монголии, Алтае-Саянской горной страны, Синьцзяна и прилегающие территории Казахстана и Средней Азии). Основной ареал выявленных структурных вариантов в современных популяциях человека совпадает с предполагаемыми границами хуннской империи. Присутствие рассматриваемых вариантов далеко за пределами этого ареала (например, вариантов гаплогруппы F1b на юге Европы) исследователи, как правило, объясняют именно воздействием кочевых племен, родственных хунну [Tolk et al., 2001]. Среди исследованных образцов не было выявлено структурных вариантов, которые четко указывали бы на инородное (по отношению к центральноазиатским популяциям) генетическое происхождение их носителя. Хотя это полностью не исключает возможности присутствия среди исследованных индивидов представителя другой, «не хуннской» популяции. Например, отдельные носители вариантов мтДНК, близких к ноин-улинским, выявлены в современных популяциях различных районов Китая. Напомним, что элита хунну формировалась, прежде всего, из представителей клана Люаньди, которые занимали все высшие должности, другие высшие ранги закреплялись за представителями других знатных кланов – Хуянь, Сюйбу, Цюлинь, Лань, однако из письменных источников известно, что в хуннскую элиту попадали и китайские военачальники (перебежчики, либо из числа пленных, например, знаменитый Ли Лин) [Крадин, 2002], а также, конечно, ханьские принцессы, которых, согласно договору, выдавали замуж за шаньюя. От этих браков ведут происхождение многие члены хуннской верхушки. Палеогенетические данные не выявили отчетливых признаков китайского происхождения кого-либо из трех исследованных представителей элиты хунну.

Следует учитывать, что полученные нами в рамках проекта данные по мтДНК позволяют судить лишь о генетических корнях индивидов по женской линии. Кроме того, получены данные только для трех индиви-

дов, что, безусловно, не позволяет оценить все генетическое разнообразие элиты хунну.

Вызывает интерес факт совпадения структуры мтДНК одного из образцов Ноин-Улы (НУ2, курган № 11) и останков из «царского погребения» могильника Ильмовая Падь (курган № 54) [Коновалов, 1976], который также был исследован нами. Мы не можем считать этот структурный вариант специфичным для элиты хунну. Он не был выявлен в исследованных нами в рамках проекта сериях образцов от рядовых хунну Забайкалья [Пилипенко, Полосьмак и др., 2011]. Однако он был обнаружен у представителей рядового населения хунну с территории Монголии [Keyser-Tracqui, Crubezy, Ludes, 2003].

Таким образом, в настоящее время мы не располагаем данными о линиях мтДНК, которые бы достоверно маркировали высшую элиту хунну по сравнению с рядовым населением. Напротив, имеющиеся данные говорят в пользу генетического сходства (на уровне мтДНК) исследованных представителей элиты хунну по крайней мере с частью рядового населения. Речь идет о центральноазиатском (южносибирском) компоненте, который доминировал в генофонде мтДНК рядовых хунну Забайкалья [Пилипенко, Полосьмак и др., 2011].

Помимо анализа мтДНК для трех исследованных индивидов была проведена процедура определения половой принадлежности останков. Методами физической антропологии был определен пол индивида из кургана № 11 (молодая женщина). Для других индивидов половая идентификация возможна только методами палеогенетики. Наши данные свидетельствуют, что погребенные из курганов могильника Ноин-Ула № 31 и 11 имели женский пол, в то время как в 22 кургане был погребен мужчина. Интересно, что эти результаты хорошо коррелируют с особенностями погребального инвентаря, обнаруженного при раскопках соответствующих курганов Ноин-Улы.

Таким образом, получены первые молекулярно-генетические данные о представителях высшей знати хунну из могильника Ноин-Ула. Обнаруженная высокая сохранность ДНК в исследованных образцах делает чрезвычайно перспективным анализ других генетических маркеров, включая различные локусы ядерной ДНК.

Список литературы

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 248 с.

Крадин Н.Н. Империя хунну. – М.: Логос, 2002. – 312с.

Пилипенко А.С., Молодин В.И., Ромащенко А.Г. Митохондриальная ДНК женщины из пещеры Каминная (Горный Алтай) эпохи позднего неолита // Вавиловский журнал генетики и селекции. – 2011. – Т. 15, №. 4. – С. 633–643.

Пилипенко А.С., Полосьмак Н.В., Коновалов П.Б., Журавлев А.А. Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 222–225.

Полосьмак Н.В. Исследование 31-го ноин-улинского кургана // VIII Рериховские чтения «Культура победительница». – Новосибирск: Изд. центр «РОССАЗИЯ» Сиб. Рерих. об-ва, 2011. – С. 198–203.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Вести с полей // Наука из первых рук. – 2011. – № 3. – С. 7–13.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. След китайской колесницы // Наука из первых рук. – 2012. – № 4. – С. 6–17.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. – 184 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н. Исследование ноин-улинского кургана № 31 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 372–376.

Keyser-Tracqui C., Crubezy E., Ludes B. Nuclear and mitochondrial DNA analysis of a 2,000 year-old necropolis in the Egyin Gol Valley of Mongolia // Am. J. of Human Genetics. – 2003. – Vol. 73. – P. 247–260.

Tolk H.V., Barak L., Pericic M., Klaric I.M., Janicijevic B., Cambbell H., Rudan I., Kivisild T., Villems R., Rudan P. The evidence of mtDNA haplogroup F in a European population and its ethnohistoric implications // European J. of Human Genetics. – 2001. – Vol. 9. – P. 717–723.

Т.А. Чикишева, А.В. Зубова

Институт археологии и этнографии СО РАН

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ВПУСКНОГО ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА АК-АЛАХА-3

В 1993 г. на плато Укок Н.В. Полосьмак исследовала одиночный курган 1 могильника Ак-Алаха-3, относящийся к пазырыкской культуре. Его основная погребальная камера была заполнена льдом, в котором хорошо сохранилась мумия молодой женщины. На консервации и всестороннем изучении этой находки было сосредоточено внимание специалистов – антропологов, генетиков, патологоанатомов, биохимиков, гистологов. На перекрытии из лиственничных бревен пазырыкской погребальной камеры располагался склеп кара-кобинской культуры, в который вскоре после его сооружения, когда в могиле были еще трупы, а не скелеты, проникли грабители. Как показала ревизия останков, в склепе были захоронены два человека. Н.В. Полосьмак высказала два предположения о мотивах совершения данного погребения. С одной стороны, оно могло быть впущено в пазырыкский курган с целью намеренного нарушения его целостности. Но не исключено также, что захороненным в нем людям отводилась особая роль служения знатной женщине в мире мертвых [Полосьмак, 2000, с. 57; 2013].

От одного из погребенных в кара-кобинском склепе людей – мужчины в возрасте ок. 25 лет – сохранился относительно полный скелет. Отсутствуют кости стоп и позвонки средней части грудного отдела позвоночника. Объяснить это можно тем, что грабителей заинтересовала обувь и какие-то предметы, располагавшиеся на груди трупа. От второго погребенного – подростка в возрасте 9–10 лет сохранились лишь полуразрушенные фрагменты теменных и височных костей черепа и нижний моляр с отслоившейся почти по всей поверхности коронки эмалью, но сохранивший важные для типологической диагностики признаки. Видимо, труп подростка был выброшен грабителями из склепа.

Череп мужчины рассыпался на фрагменты. В большей степени пострадал лицевой отдел, от которого сохранилась левая скуловая кость, верхняя челюсть с утраченными участками передних стенок и разрушенным лобным отростком на правой половине, а также нижняя челюсть. Смерть мужчины наступила от удара тяжелым предметом в затылок. Удар был нанесен с большой силой и проломил чешую затылочной кости,

выбив из нее кусок приблизительно шестиугольной или пятиугольной формы (точная форма отверстия не восстанавливается, т.к. разрушена часть кости, на которой лежала его нижняя часть). Вершина этого многоугольника расположена практически на медиально-сагиттальной линии в 40 мм от лямбды, а примерная середина поперечного сечения отверстия (размер отверстия на этом уровне составляет 34 мм) совпадает с верхней выйной линией (см. *рисунок*). Нанести такой удар можно было лишь сверху при наклонном положении головы жертвы, не проявляющей сопротивления. Таким образом, можно предположить ритуальное умерщвление мужчины из склепа над основным погребением знатной пазырыкской женщины. О причинах смерти погребенного вместе с ним подростка мы не можем сказать ничего.

Череп мужчины из погребения 1 кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 со следами смертельного удара.

Краниометрические характеристики индивида представлены на сравнительном фоне аналогичных данных по кара-кобинской культуре (см. *таблицу*) [Чикишева, 2012]. Череп мужчины имеет среднюю длину, большой поперечный диаметр, среднюю высоту, длинное основание. Величина продольного диаметра черепа взята не строго по точке опистокранион, которая совпала с центром выбитого отверстия, а отступя 15 мм от медианно-сагиттальной линии, и в действительности может быть на 2–3 мм больше. Вычисленный по нашим параметрам черепной указатель характерен для брахикранных черепов. При увеличении продольного диаметра на 3 мм и даже на 5 мм мы получаем мезокранный черепной указатель. Но в любом случае значения указателя находятся на границе мезокранной и брахикранной рубрикации признака. Сопоставляя эти основные диаметры черепной коробки и их соотношения с аналогичными показателями кара-кобинской серии, следует отметить, что размеры черепа мужчины из Ак-Алахи-3 укладываются в ряд их изменчивости у кара-кобинцев в целом. Исключение составляет более длинное основание, что сопряжено с повышенной длиной альвеолярной дуги верхней челюсти и предполагает более короткую базальную часть затылочной кости.

Соотношения отделов сагиттальной дуги черепного свода, характеризующие укорочение ее затылочного отдела (что опять-таки может быть связано с особенностями основания затылочной кости) и удлинение

Краниометрические характеристики мужчины из погребения 1 кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 в сравнении с характеристиками мужской краниологической серии кара-кобинской культуры*

Признак	Ак-Алаха-3, курган 1, погребение 1	Средние характеристики мужской серии кара-кобинской культуры	Min.-max. значения признаков в серии кара-кобинской культуры
1	2	3	4
1. Продольный диаметр	183?	180,0 (4)	176–184
8. Поперечный диаметр	148,0	142,3 (4)	137,0–149,0
8:1. Черепной указатель	80,9?	79,0 (4)	77,0–81,9
17. Высотный диаметр от базиона	136,0	137,5 (4)	135–141
5. Длина основания черепа	109,0	100,8 (4)	97–103
9. Наименьшая ширина лба	96,0	96,1 (4)	90,7–99,0
10. Наибольшая ширина лба	129,0	119,5 (4)	118–122
11. Ширина основания черепа	130,0	132,5 (4)	128–137
12. Ширина затылка	113,0	109,3 (4)	107–110
29. Лобная хорда	115,0	109,9 (4)	102,8–33,2
30. Теменная хорда	119,0	112,8 (4)	110–117
31. Затылочная хорда	103,0	99,5 (4)	97,6–103,0
26. Лобная дуга	125,0	132,0 (4)	125–139
27. Теменная дуга	132,0	128,5 (4)	121–133
28. Затылочная дуга	115,0	127,0 (4)	120–133
25. Сагиттальная дуга	372,0	387,5 (4)	374–405
26:25. Лобно-сагиттальный указатель	33,6	34,1(4)	–
27:25. Теменно-сагиттальный указатель	35,5	33,2(4)	32,4–34,5
28:25. Затылочно-сагиттальный указатель	30,9	32,8 (4)	31,8–34,2
28:27. Затылочно-теменной указатель	87,1	99,0(4)	92,3–105,8
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	20,0	24,7 (4)	23,9–25,3
Sub.NB:29. Указатель выпуклости лба	17,4	22,6 (4)	21,3–24,3
Высота поперечного изгиба лба	18,5	17,9 (4)	11,3–21,8
Угол поперечного изгиба лба	137,8	139,6 (4)	132,5–152
43. Верхняя ширина лица	100,0	108,8 (4)	105–112
60. Длина альвеолярной дуги	61,0	53,8 (4)	51–57
61. Ширина альвеолярной дуги	64,0	67,7 (3)	67–68
61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	104,9	123,9 (3)	119,3–125,9

Окончание таблицы

1	2	3	4
63. Ширина нёба	31,6	40,5 (3)	39,4–42,0
54. Ширина носа	23,1	26,5 (4)	25,0–29,4
52. Высота орбиты	31,0	32,8(4)	31,3–34,5
Бималярная ширина	110,0	99,3 (4)	93,2–102,3
Высота назиона над бималярной шириной	22,5	16,0 (4)	11,0–20,5
77. Назомалярный угол	135,5	144,6 (4)	135,5–153,4
Форма черепа в вертикальной норме	овоидная	–	–
Форма черепа в затылочной норме	сводчатая	–	–
Форма черепа в латеральной норме	переходная	–	–
Надпереносье (по Мартину 1–6)	5	–	–
Надбровные дуги (1–3)	2	–	–
Сосцевидный отросток (1–3)	3	–	–
Нижний край грушевидного отверстия	anthropina	–	–
Передне-носовая ость (по Брока 1–5)	3	–	–
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	112,0	–	–
79. Угол ветви нижней челюсти	123,0	–	–
68. Длина нижней челюсти от углов	86	–	–
70. Высота ветви	62	–	–
71а. Наименьшая ширина ветви	35	–	–
65. Мыщелковая ширина	125	–	–
66. Угловая ширина	103	–	–
67. Передняя ширина	49	–	–
69. Высота симфиза	35	–	–
69(1). Высота тела	32	–	–
69(3). Толщина тела	15	–	–

*В скобках указана частота наблюдений.

теменного, выбиваются из картины, наблюдаемой в мужской кара-кобинской краниологической серии, где наблюдается противоположная тенденция.

Ширина лобной кости между фронто-темпоральными точками средняя, между корональными очень большая, выходящая за максимальные значения в вариационнм ряду кара-кобинцев. В продольном сечении лоб сильно уплощен и изогнут слабо, в поперечном сечении уплощен умеренно.

Широтный диаметр лица в верхнем отделе у мужчины из Ак-Алахи-3 имеет намного меньший размер, чем у других индивидов кара-кобинской культуры. Эта особенность сочетается с малой шириной носа. Плохая сохранность черепа не позволила измерить такой важный диагностиче-

ский показатель как скуловой диаметр, характеризующий ширину лица в среднем отделе, но с учетом положительной физиологической корреляции между широтными диаметрами лица и его структурных элементов, можно предполагать, что скуловая ширина у данного индивида не была большой. На верхнем уровне лицо отличалось очень резкой профилировкой (гиперклиногнатностью).

Таким образом, сравнительный анализ краниометрических признаков черепа мужчины из Ак-Алахи-3, выделяет его из серии кара-кобинского краниологического материала. Специфика мужской краниологической серии кара-кобинской культуры заключается в выраженной эуриморфности пропорций лица и ослабленности горизонтального профиля лицевого скелета. Обследованный нами череп отличается лептоморфностью лицевого отдела и его клинопией. Полученные нами признаки, не составляющие в силу плохой сохранности черепа полный антропологический комплекс, в их сочетании предположительно тяготеют к европеоидным антропологическим типам. Вероятно, характерной особенностью этого комплекса является сочетание брахикрании с висцеральной лептоморфностью. В антропологических комплексах древнего брахикранного и мезобрахикранного населения Евразии доминирует эуриморфный лицевой отдел. Мезобрахикрания в сочетании с лептоморфностью лица встречена нами только в двух опубликованных краниологических сериях, относящихся к гунно-сарматскому времени – суммарной из некрополей Исфаринского оазиса (Ферганская долина) и могильника Тузгыр (Приаралье) [Алексеев, Гохман, 1984, табл. 20, с. 59; Гинзбург, Трофимова, 1972, табл. 21, 24, с. 154, 170]. Эти памятники находятся на южных границах сарматского ареала.

Мы не предлагаем делать далеко идущие выводы и моделировать какие-либо генетические связи на основе одного единственного черепа фрагментарной сохранности, но считаем необходимым отметить его специфику и указать на ее морфологические параллели.

Зубы погребенного мужчины имеют не очень хорошую сохранность. Наблюдаются как посмертные разрушения эмали зубов, так и прижизненные изменения, затрудняющие идентификацию некоторых фенов. Сильная прижизненная стертость эмали лингвальной поверхности верхних медиальных резцов, связанная с глубоким псалидонтным прикусом, нивелировала ее рельеф, что не позволило установить степень выраженности краевых гребней, и, соответственно, определить наличие или отсутствие у них лопатообразной формы. В целом комплекс одонтологических фенов нейтрален, не содержит ярких маркеров, на основе которых его можно было бы отнести к какому-либо из известных типов.

Гораздо более интересную информацию дают нам выявленные патологические особенности. Они относятся к двум категориям: прижизненным повреждениям механического характера, и заболеваниям.

На обоих верхних медиальных резцах выявлен ряд прижизненных повреждений – небольших выщербинок на режущем крае, имеющих характер не сколов, а проточин со сглаженными краями. Длина каждого

из таких дефектов составляет 1,0–1,5 мм, и их появление могло быть связано с необходимостью откусывать нитки, или протягивать их между зубами. Возможно, что с аналогичной деятельностью связан и другой дефект, зафиксированный на лингвальной поверхности зубов. Он также имеет вид проточины, глубиной ок. 0,12 мм, которая пролегает почти параллельно нижнему краю коронки, повторяя его изгибы, от границы мезиальной и вестибулярной поверхностей до границы дистальной и вестибулярной поверхностей. Характер повреждения позволяет предполагать, что оно также связано с постоянным протаскиванием через центральные резцы ниток. Интересно, что, несмотря на заполированность краев дефекта, которая свидетельствует о неоднократном повторении действия, приведшего к его образованию, на момент смерти индивида бороздки частично были покрыты зубным камнем, в отличие от повреждений режущего края. Возможно, что они возникли в результате выполнения какой-то долгой, но эпизодической работы, не слишком часто имевшей место в жизни погребенного.

На других зубах верхней челюсти механических дефектов, связанных с какими-либо технологическими процессами, не отмечено. С правой стороны на обоих премолярах, первом и втором моляре наблюдались сколы эмали, ассоциируемые с особенностями пищевого рациона.

В пришеечной части всех верхних моляров, включая и третьи, примерно на одинаковом расстоянии от эмалево-цементной границы локализуется линейно-точечная гипоплазия эмали. Такое положение дефектов исключает возможность их одномоментного появления в результате сильного эпизодического стресса и свидетельствует о наличии в организме погребенного физиологического сбоя, следствием которого стали системные нарушения процессов кальцификации. На молярах нижней челюсти гипопластические повреждения отсутствуют.

На постклыковых зубах верхней и нижней челюсти наблюдаются отложения зубного камня, корни всех зубов обнажены в верхней трети из-за нарушений питания пародонта. На первом нижнем правом моляре зафиксирован фиссурный кариес в ямке протостилида.

Длинные кости посткраниального скелета имеют большие продольные размеры, и реконструируемая по ним длина тела (169,8 см при разбросе величин, рассчитанных по нескольким методам для костей левой и правой стороны, от 167,3 до 173,2 см) также выше средней [Пежемский, 2011]. В пропорциях скелета наблюдается удлинение нижней конечности относительно верхней (интермембральный указатель 69,8, плече-бедренный указатель 70,7 для костей правой и левой стороны, луче-берцовый указатель 68,7 для левой стороны) и среднее дистально-проксимальное соотношение их костей (берцово-бедренный указатель 79,2 для левой стороны, луче-плевой указатель 75,8 для правой и 77,0 для левой стороны).

На черепных и посткраниальных костях фиксируются следы патологий, описанию особенностей которых, а также диагностике заболеваний и налагаемых ими ограничений в жизнедеятельности индивида будет посвящена отдельная статья.

Что касается одонтологических особенностей обнаруженного в погребении первого нижнего моляра ребенка, то они относятся к наиболее значимым признакам восточного комплекса: на зубе фиксируется t6, форма коронки y6, дополнительный мезио-буккальный корень и затек эмали, описываемый баллом 6. Моляры с такими фенами могут быть встречены у представителей кара-кобинской культуры.

Список литературы

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 372 с.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: автореф. дис. …канд. биол. наук. – М.: Моск. гос. ун-т, 2011. – 24 с.

Полосьмак Н.В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3 // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 57–85.

Полосьмак Н.В. Двадцать лет спустя // Наука из первых рук. – 2013. – Вып. 3. – С. 6–23.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Е.А. Зайцева[1], А.В. Кениг[2]

[1]Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН

РЕЗУЛЬТАТЫ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕРКВИ ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ В ПОСЕЛКЕ ГОРНОПРАВДИНСК

Современное сельское поселение Горноправдинск расположено в южной части Ханты-Мансийского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, на правом берегу р. Иртыш. Оно было образовано 21 декабря 1972 г. на месте бывшей дер. Горнофилинской. В конце XIX в. эта деревня имела статус села и носила название Филинское, являясь административным центром Денщиковской вол. Тобольского окр. По имеющимся историческим сведениям первая деревянная церковь в юртах Филинских была построена в первой четверти XVIII в. за счет государственной казны. Предназначалась она для местного коренного населения, окрещенного в ходе миссионерских поездок сюда схимонаха Феодора (бывшего тобольского митрополита Филофея Лещинского) [Новицкий, 1884, с. 93].

В 1835 г. в с. Филинское на средства прихожан была построена каменная церковь, а уже в 1935 г. церковь была закрыта. После ее здание использовалось для различных хозяйственных нужд. В 1960-х гг. в здании церкви размещалась ремонтная мастерская. В 1973 г. церковь была приспособлена под хлебопекарню, которая размещалась в ней до 2009 г. В ходе обустройства пекарни была проведена теплотрасса, сооружены два пристроя для магазинов с северной и южной сторон здания и сделана выгребная яма у восточной части церкви. При строительстве выгребной ямы на прилегающей к церкви территории были обнаружены захоронения. По сведениям местных старожилов, на этом месте были проведены раскопки пяти погребений.

В «Ведомостях Тобольской Епархии» за 1915 г. содержатся сведения о том, что священником М. Макаровым 7 августа 1915 г. был посещен Филинский приход. В своих путевых записках М. Макаров приводит следующее описание прихода: «Приход, как видно, хороший, но к прискорбию по неревностному отношению к делу Божию местных служителей алтаря, дело стоит не на должной высоте. Даже могилы похороненных в ограде предшественников – священников находятся в полуразрушенном состоянии, и даже не знают их имен. Владыке, служившему литию на могилах в ограде, кто-то из посторонних лиц сказал, как звали похороненнаго батюшку» [Ведомости…, 1915, с. 792].

Таким образом, исторические и архивные сведения дали полное основание полагать, что на территории, прилегающей к каменной церкви Вознесения Господня, в период ее функционирования располагалось церковное кладбище.

В 2012 г. в соответствии с проектом реставрации каменной церкви Вознесения Господня в с.п. Горноправдинск для исключения нарушения культурного слоя в ходе реставрационных работ и благоустройства территории, прилегающей к церкви, были проведены противоаварийные археологические работы под руководством Е.А. Зайцевой. С учетом современной ситуации и плотной застройки была определена территория, подлежащая археологическому изучению (рис. 1).

Раскоп № 1 общей площадью 40 кв. м был заложен с северной стороны здания церкви. В соответствии с проектной документацией на данном участке планируется подведение теплотрассы к зданию церкви. Максимальная протяженность раскопа составила 20 м (вдоль северной стены церкви). Ограничением для расширения раскопа послужила функционирующая в настоящее время теплотрасса.

В результате археологических работ на этом участке было установлено, что культурный слой XIX в. нарушен и переотложен в ходе прокладки теплотрассы и строительства магазина. Мощность слоя XIX–XX в. составила от 57 до 64 см. На уровне материка были зафиксированы пять столбовых ям, заполнение которых представлено кирпичной крошкой, и остатки фундамента от магазина.

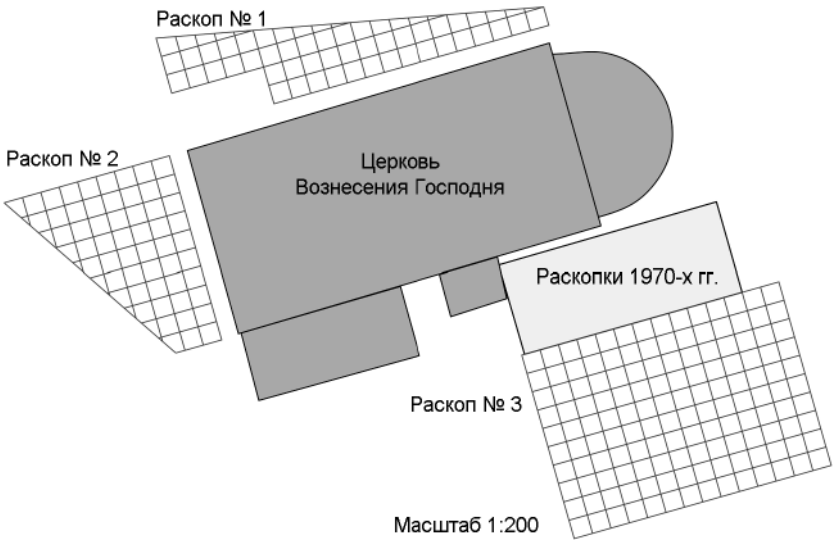


Рис. 1. Схема расположения раскопов № 1–3 на территории, прилегающей к церкви Вознесения Господня в с.п. Горноправдинск.

К находкам, обнаруженным в раскопе, можно отнести фрагменты кровли и фасада церкви, кованые решетки с оконных проемов церкви и кованые гвозди.

Раскоп № 2 общей площадью 50 кв. м, был заложен с западной стороны здания. В соответствии с историческими документами с этой стороны располагался главный вход в церковь.

Максимальная протяженность раскопа составила 10 м вдоль западной стены церкви. Ограничением для раскопа послужила асфальтовая дорога, проходящая в направлении ЮВ – СЗ в 9 м от здания. В раскопе зафиксирован переотложенный слой, насыщенный мусором XX в. (мешки цемента, арматура, бетонные плиты, три монеты второй половины XX в. и кованые гвозди XIX в.). Мощность слоя составила от 48 до 109 см. На уровне материка обнаружено шесть ям, заполненных кирпичной крошкой.

Раскоп № 3 общей площадью 140 кв. м был заложен с южной стороны церкви. В связи с тем, что в 1960-е гг. в здании церкви располагались ремонтные мастерские «Правдинской нефтегазоразведочной экспедиции», а на территории, прилегающей к зданию, стояла тяжелая техника и проводился ее ремонт, слой очень насыщен промышленным мусором XX в. и пропитан горюче-смазочными материалами. В ходе работ на данном участке, на уровне –105 см были обнаружены контуры девяти погребений.

Глубина могильных ям не превышает 220 см от дневной поверхности. Два погребения (№ 8 и 9) уходят в восточную стенку раскопа под теплотрассу, поэтому было принято решение их не вскрывать. При изучении оставшихся семи погребений были обнаружены костные останки и предметы материальной культуры.

В ходе раскопок было установлено, что все погребения были ориентированы в направлении СВ – ЮЗ, покойника клали головой на ЮЗ. Могильные ямы в плане прямоугольной и овальной формы. Захоронения были совершены как в деревянных сколоченных гробах (№ 2, 3), которые фиксировались по истлевшим доскам и кованым гвоздям, так и в колодах.

Костяки в захоронениях расположены анатомически правильно, трупоположение на спине, ноги вытянуты, а руки согнуты в локтевых суставах. В целом во всех погребениях костный материал очень плохой сохранности. В погр. № 1 костные останки принадлежали подростку не старше 15 лет. В погр. № 3, 5а были похоронены мужчины, один из которых умер в возрасте ок. 60 лет (№ 5а). В погр. № 4 и 6 костные останки принадлежали женщинам, возраст которых определить не представляется возможным.

Сохранившийся инвентарь погребений крайне беден. Во всех погребениях обнаружены нательные кресты (рис. 2). В погр. № 3, возможно, находилась небольшая деревянная иконка, о чем свидетельствует бронзовая петелька. Кроме нательных крестиков сохранились фрагменты кожаных ремешков, вязаных носков и ткани одежды.

В результате проведенных работ, направленных на исключение повреждения культурного слоя XVIII–XIX вв. с. Филинского (п. Горноправ-

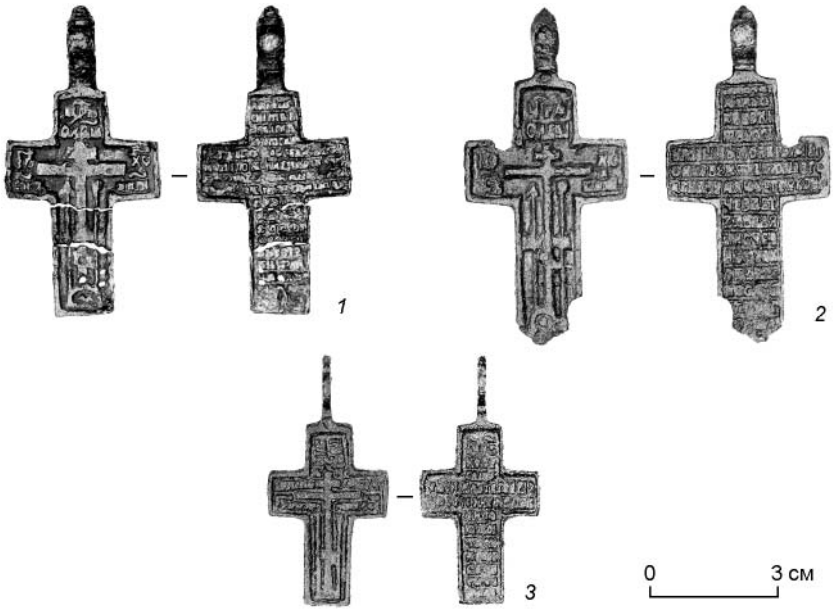


Рис. 2. Нательные кресты из могильника Горноправдинский-2. Раскоп № 3.
1 – погр. № 3; *2* – погр. № 6; *3* – погр. № 1.

динск), на территории, прилегающей к церкви Вознесения Господня, в ходе реставрационных работ и благоустройства церкви была вскрыта площадь в 230 кв. м по периметру церкви. В ходе работ было обнаружено девять могильных ям с южной стороны церкви. С северной и западной стороны церкви могильные ямы не зафиксированы.

Таким образом, археологические раскопки подтвердили, что исследованная территория является церковным кладбищем, описанным в 1915 г. священников М. Макаровым. В ходе раскопок установлено, что кладбище размещалось с южной стороны церкви. В результате работ обнаружен новый объект культурного наследия – памятник археологии могильник Горноправдинский-2.

Список литературы

Ведомости Тобольской Епархии. – 1915. – № 48.

Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. – СПб., 1884.

С.В. Колонцов[1], А.В. Постнов[1], К.И. Милютин[1], В.С. Славинский[1], А.А. Цыбанков[1], И.Д. Зольников[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт геологии и минералогии СО РАН

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ РАЗЪЕЗД ИНЯ-1 В 2013 ГОДУ

В полевой сезон 2013 г. Отделом охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проведены охранно-спасательные археологические раскопки в границах археологического объекта «Поселение Разъезд Иня-1» в Первомайском районе г. Новосибирска.

Поселение расположено у края трехметровой надпойменной террасы левого берега р. Иня, в 0,65 км к северо-северо-востоку от железнодорожного разъезда «Иня», в 0,5 км к северо-востоку от моста через реку. Территория поселения ранее распахивалась, рельефных признаков поселение не имеет.

Основная часть охранно-спасательных работ была проведена на восточном участке памятника. В результате этих работ было вскрыто 920 кв. м на полную глубину залегания археологического материала. Из них рекогносцировочные раскопки составили 120 кв. м, а раскопки сплошной площадью 800 кв. м.

Поселение Разъезд Иня-1 открыто С.В. Колонцовым в 1988 г. [Молодин и др., 1993]. В 1991 г. памятник обследован и описан И.В. Семьяновым. Дополнительно обследование поселения проводилось в 2000 г. Д.А. Михайловым в рамках мониторинга археологических памятников Новосибирской области. В 2005 г. отрядом под руководством Д.Е. Ануфриева на участке отвода земель для строительства проводилась шурфовка с целью уточнения границ памятника.

В полевой сезон 2007 г. экспедиций ОГУ «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области», под руководством С.В. Колонцова, выполнены спасательные археологические раскопки части поселения площадью 1024 кв. м. В результате обнаружены: отщепы, два каменных топора, обломок каменного изделия, фрагменты орнаментированной и неорнаментированной керамики, развалы двух сосудов, хозяйственные ямы.

Исследуемый участок (поселение Разъезд Иня-1 и его окрестности) расположен в пределах первой надпойменной террасы р. Иня. Представление о разнообразии природных обстановок дает расчистка террасы в овраге-промоине на левом берегу р. Иня в 0,5 км к востоку от разъезда «Иня».

Изученные стратиграфические разрезы в сочетании с другими шурфами позволяют сделать вывод о субаэральной обстановке во второй половине голоцена на поверхности первой надпойменной террасы.

В процессе работы в полевом сезоне 2013 г. на археологическом объекте «Поселение Разьезд Иня-1» было обнаружено 1 729 находок.

Неолитические материалы обнаружены в слое 3 и представлены каменными артефактами общим количеством 6 экз. Немногочисленная коллекция представлена отбойником в виде вытянутой овально-цилиндрической гальки со следами забитостей на концах заготовки; тремя отщепами и орудиями в виде двух выемчатых изделий. Выемчатые орудия (скобели) изготовлены на техническом сколе и отщепе, выемки оформлены крупной и средней чешуйчатой сильномодифицирующей край крутой и полукрутой ретушью. Примечательно, что все пять сколов получены из редкого импортного, возможно, алтайского сырья, выходы которого описаны в окрестностях палеолитической стоянки Кара-Тенеш. Стоянка расположена на левобережье р. Нижний Куюс, в 19 км выше ее впадения в р. Катунь (Чемальский р-н Республики Алтай). Почти все изделия стоянки выполнены из слитнокристалического роговика высокого качества, распространенного в окрестностях памятника [Проблемы…, 1998]. Из данной породы камня, с присущим только ей полупрозрачным с темными прожилками и стяжениями обликом, по нашему мнению, изготовлены сколы неолитического слоя Разъезда Иня-1.

Археологическая коллекция бронзового века выявлена в слое 2 и насчитывает 1705 экз., из них каменных артефактов – 61 экз.; костных остатков – 310 экз.; керамических находок – 1321 экз.

Каменные артефакты представлены пестами (2 экз.) на удлиненных заготовках с рабочими поверхностями на плоских торцах; лощилом на гальке; фрагментом оселка на брусковидной заготовке; массивным скребущим (?) изделием и многочисленными (55 экз.) обломками гранитной породы разного размера. Обломки предназначались для дробления и последующего использования полученной крошки в качестве отощителя в керамическом производстве.

Фаунистические остатки представлены, как правило, обломками и осколками костей крупного и мелкого рогатого скота. На нескольких фрагментах одной челюсти крупного животного с внешней стороны обнаружены следы заполировки, не исключен вариант использования орудия в качестве лощила.

Керамика поселения представлена следующими находками: археологически целых сосудов – 3 экз., фрагментов венчиков – 215 экз. (из них с орнаментом 213 экз.), фрагментов стенок – 1027 экз. (из них с орнаментом – 451 экз.), придонных частей и фрагментов плоского дна – 76 экз. (из них с орнаментом – 2 экз.).

Вся посуда, найденная на поселении, морфологически представляет одну группу – горшки с плоским дном, прикрепленным к нижней ленте тулова. Небольшую вариабельность внутри группы демонстрируют отдельные конструктивные элементы сосуда – венчик и тулово.

Венчики прямые, отличаются друг от друга только по наклону: вертикальные или слегка отогнутые наружу. По краю венчика прикреплен широкий плоский налеп. Преобладает сильная и средняя профилировка.

Изготавливалась посуда способом ленточного налепа. В качестве отощителей использовались шамот, слюда и мелкодробленая порода. Обжиг сосудов слабый и средний, неравномерный. По размерам сосуды варьируют от крупных, с внешним диаметром венчика около 30 см (см. *рисунок, 1*), до миниатюрных – высотой 8,5 см и диаметром 9 см (см. *рисунок*, *2*).

Доля фрагментов керамики с орнаментом от общего числа фрагментов составляет 50,5 %. При учете того, что орнаментированная площадь отдельного сосуда составляла не более 30 % (верхняя часть), можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство сосудов на памятнике принадлежит орнаментированным. Ведущая техника нанесения орнамента – резная. Рельефная техника представлена «жемчужинами» (иногда трансформированными защипами) в зоне шейки. Поскольку орнаментальное поле занимало преимущественно верхнюю треть, реже половину сосуда, то для композиции характерно трехзональное членение – по венчику, шейке и плечикам. Для разделения зон широко использовали прочерченные бороздки. Свободными от орнаментального заполнения, как правило, оставалось дно, придонный участок, и нередко значительная часть тулова сосуда. Исключение составляют два случая орнаментации зоны крепления дна к нижней ленте тулова рядом вертикальных насечек*.

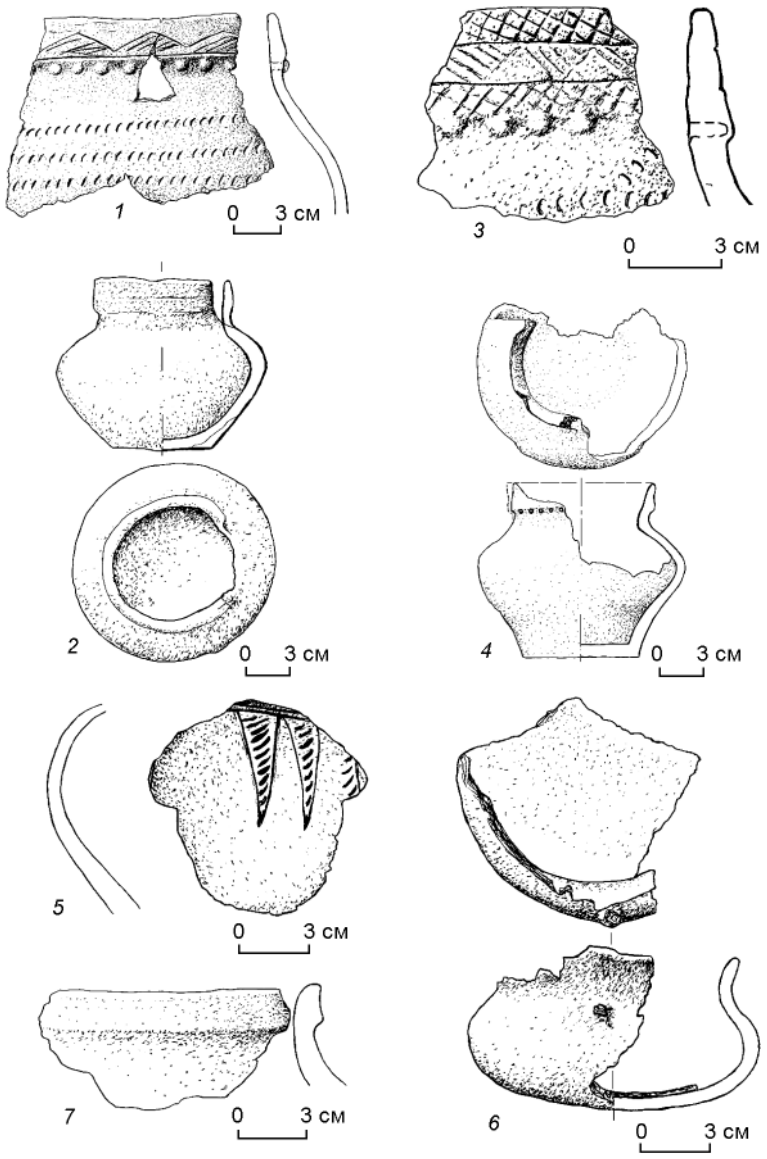
Зона венчика демонстрирует наиболее разнообразные решения в отношении орнаментальных мотивов, формирующих композицию. Чаще венчик украшали треугольниками, обращенными вершинами вверх (см. *рисунок*, *1*) и поясом треугольников, соединенных вершинами, незаштрихованные участки между которыми представляют собой изображение ромба. Только в двух случаях встречены треугольники, опущенные вершинами вниз. Другие мотивы в орнаментации венчика – это сетчатый узор, горизонтальная «елочка», штрихи с наклоном и полукруглые вдавления. В одном случае отмечено сочетание сетки и ленты заштрихованных треугольников, опущенных вершинами вниз (см. *рисунок*, *3*).

Шейка горшков также являлась самостоятельной орнаментальной зоной. Наиболее распространенным является ряд «жемчужин» (см. *рисунок*, *3*), иногда чередующихся с одинарными или двойными насечками и ямками. В ряде случаев «жемчужины» трансформированы защипами в вертикальные выступы. Вторым по частоте встречаемости мотивом являются ряды горизонтальных линий. Реже использовался ряд косых штрихов. В одном случае шейка орнаментирована вдавлениями трубочки (см. *рисунок*, *4*).

В зоне плечика-тулова наиболее распространенным мотивом для декоративных построений является равнобедренный заштрихованный тре-

---

*Характеристика орнаментации керамики дана в соответствии с зональной разбивкой орнаментального поля.



Поселение Разъезд Иня-1. Керамика.

1, 3, 5, 7 – фрагменты керамических сосудов; *2* – керамический сосуд без орнамента; *4* – археологический сосуд с орнаментом; *6* – археологически целый сосуд с уплощенным дном и ручкой.

угольник, обращенный вершиной вниз. Иногда треугольники образуют пары сильно вытянутых фестонов, опускающихся до придонной части сосуда (см. *рисунок*, *5*). Другие мотивы: лента зигзага с вертикальной штриховкой, или прочерченный зигзаг, ряды наклонных штрихов, горизонтальная елочка, сетка, горизонтальные прочерченные линии и горизонтальный ряд ямочных вдавлений.

Также следует упомянуть два сосуда, которые выделяются по облику из комплекса керамики.

Приземистый круглодонный сосуд с уплощенным дном имеет небольшие размеры: 13 см в ширину, 6 см в высоту, внешний диаметр венчика – ок. 12 см. На сохранившемся фрагменте расположены два выступа – места крепления миниатюрной вертикальной круглой в сечении ручки. Сама ручка не сохранилась (см. *рисунок*, *6*). Сосуд не орнаментирован. Из всего остального комплекса сосуд также выделяется более высоким качеством выделки.

Фрагмент утолщенного плоским налепом венчика так же принадлежит неорнаментированному сосуду с качественной выделкой. Внешний диаметр венчика – ок. 18 см (см. *рисунок*, *7*).

На основе анализа материалов бронзового века, полученных на памятнике Разъезд Иня-1, можно сделать вывод, что его керамический комплекс принадлежит ирменской культуре, широко распространенной в Новосибирском Приобье в первой трети I тыс. до н.э. [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Зах, 1997; Матвеев, 1993; и др.]. На территории Новосибирской обл. она представлена археологическими памятниками Ирмень-1, Улыбино, Петушиха-1, Журавлево-4, а также другими археологическими объектами, связанными с этой очень важной исторической эпохой. Дальнейшее исследование памятника Разъезд Иня-1 существенно обогатит наши знания культурно-исторических процессов на территории Западной Сибири в эпоху неолита и позднего периода бронзового века.

Список литературы

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 157 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. – 181 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г., Новикова О.И., Колонцов С.В. Археологические памятники города Новосибирска. – Новосибирск: Наука, 1993. – 33 с. – (Мат-лы «Свода памятников истории и культуры России»; вып. 1).

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 312 с.

В.С. Славинский[1], А.А. Цыбанков[1]
И.Д. Зольников[1, 2], А.А. Присекайло[1] , А.А. Дудко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт геологии и минералогии СО РАН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА ОБЪЕКТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СТОЯНКЕ САФРОНОВКА-3 В 2013 ГОДУ (Тайшетский район Иркутской области)

В полевой сезон 2013 г. Отделом охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проведены охранно-спасательные археологические раскопки в границах археологического объекта «Стоянка Сафроновка-3» в Тайшетском р-не Иркутской обл.

Стоянка расположена на правом берегу р. Тайшетка, в 3,6 км к югу (вверх по течению) от ее устья. В геоморфологическом отношении археологический объект занимает выположенный участок правого древнего приустьевого мыса р. Тайшетка, образованного при впадении последней в р. Бирюсу. Относительные гипсометрические отметки участка 20–22 м от уреза р. Тайшетка. Общая площадь памятника составляет 3 545 кв. м.

В результате охранно-спасательных работ было вскрыто 1 199 кв. м на полную глубину залегания археологического материала. Площадь археологических рекогносцировочных раскопок составила 4 кв. м; раскопки сплошной площадью – 1165 кв. м.; площадь геологической траншеи – 30 кв. м.

Получена коллекция артефактов, насчитывающая более 8 156 единиц. Предварительно определено культурно-хронологическое положение полученного материала. В результате раскопок стоянки вскрыты культурные напластования, содержащие артефакты бронзового века и позднего палеолита. Находки бронзового века локализованы в северной части раскопа (два развала керамики) и представлены первым культурным горизонтом. Находки позднего палеолита равномерно распространены по всей площади раскопа и представлены вторым культурным слоем. В целом исследованная часть стоянки характеризуется средней насыщенностью культурного слоя и полным отсутствием следов жилищных конструкций, очагов, хозяйственных ям. Среди объектов представлены многочисленные скопления каменных находок, скопления фаунистических остатков и развалы керамики.

Весь керамический материал относится к одному из периодов бронзового века. Большая часть из них относится к двум развалам археологически целых сосудов – 320 экз., остальные представлены венчиками – 11 экз., фрагментами без орнамента – 84 экз.

Керамический комплекс памятника морфологически достаточно однороден и представлен непрофилированными круглодонными сосудами, изготовленными способом ленточного налепа. Размеры сосудов примерно одинаковы: внешний диаметр венчика и высота сосудов около 30 см. Внешняя поверхность сосудов покрыта технологическим орнаментом – субпараллельными канавками, вероятно, оттисками лопаточки для формовки сосуда. Сосуды имеют два вида орнамента – рельефный и плоскостной. Орнаментальная зона расположена в верхней части сосуда под венчиком. Самым распространенным элементом рельефного орнамента являются жемчужины – они представлены на всех сосудах. Бортик венчика украшался косыми и вертикальными насечками на внутреннем крае, а так же насечками в виде косых крестов. Один сосуд орнаментирован в дополнение к «жемчужинам» плоскостным орнаментом. Прочерченные линии образуют опущенные от венчика вниз треугольники и наклонные полосы, обрамленные «бахромой» из коротких штрихов.

Первый культурный горизонт насчитывает 314 экз. Из них нуклеусов – 13 экз., сколов – 289 экз., орудий – 12 экз.

Нуклеусы для получения микропластин представлены подпризматическим и торцовым ядрищами. Для получения пластин среднего и мелкого размера использовались простые одноплощадочные однофронтальные, торцовый, двухплощадочный двухфронтальный нуклеусы, остальные нуклеусы использовались для получения отщепов (см. *рисунок*, *1*).

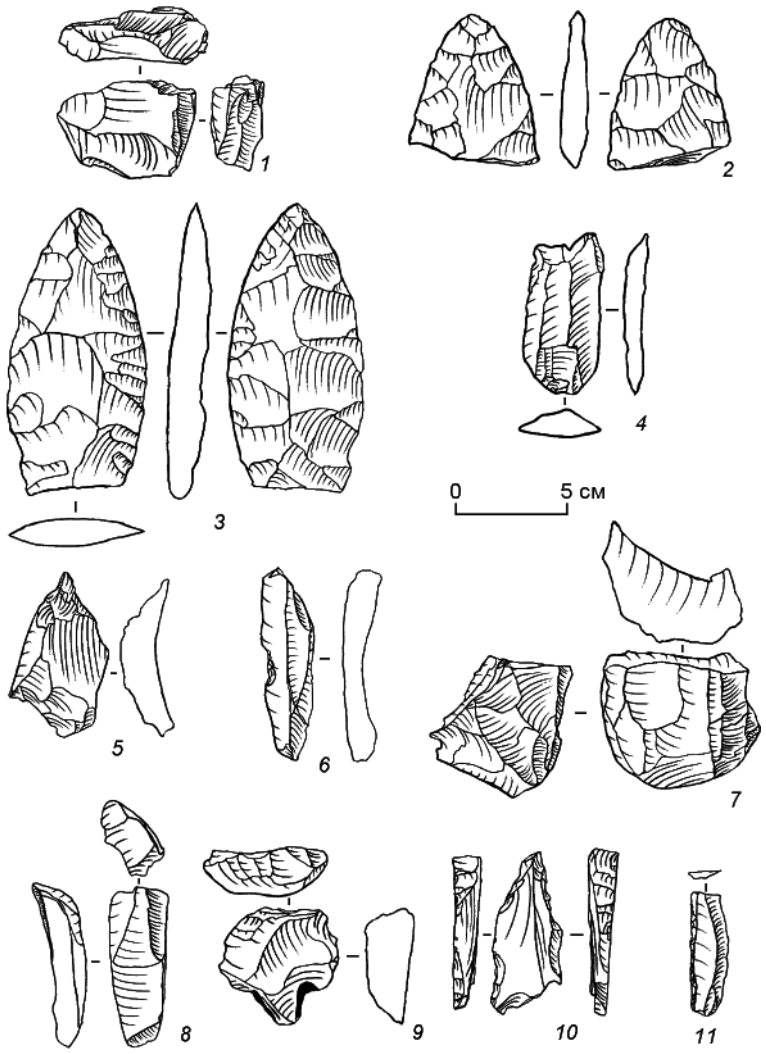
Сколы представлены пластинами и микропластинами, отщепами, техническими сколами, чешуйками, обломками и осколками. Среди сколов первого культурного слоя значительно преобладают отщепы и чешуйки.

Орудийный набор представлен массивным скреблом, скребками (2 экз.), проколками (3 экз.) (см. *рисунок*, *4, 5*), выемчатыми изделиями (2 экз.) (см. *рисунок, 6*), листовидными наконечниками дротиков (2 экз.) (см. *рисунок, 2, 3*) и заготовкой наконечника.

В связи с малочисленностью коллекции каменного инвентаря первого культурного горизонта можно констатировать разовые операции расщепления камня (три скопления каменных находок) и такие же, видимо, разовые действия по подправке или изготовлению предметов обихода. Также на кратковременность стоянки указывает немногочисленный керамический материал первого культурного горизонта. Довольно высокая доля среди орудий листовидных наконечников отражает охотничью составляющую деятельности древнего человека.

Второй культурный горизонт насчитывает 3698 экз. Из них нуклеусов – 70 экз., сколов – 3576 экз., орудий – 52 экз.

Нуклеусы для получения пластин среднего и мелкого размера представлены призматическим и подризматическими, торцовыми с одной и двумя площадками, простыми одноплощадочными однофронтальными, двухплощадочными одно- и двухфронтальными, многоплощадочным и многофронтальными ядрищами. Для получения отщепов среднего и мелкого размера, включая пластинчатые использовались простые одноплощадочные однофронтальные нуклеусы (см. *рисунок*, *7*).



Стоянка Сафроновка-3. Каменный инвентарь.

1, 7 – нуклеус; *2, 3* – наконечники; *4, 5* – проколки; *6* – выемчатое орудие; *8* – скол; *9* – скребок боковой на отщепе; *10* – резец-скребок на отщепе; *11* – пластинка с притупленным краем.

Сколы представлены пластинами и микропластинами, отщепами, техническими сколами, чешуйками, обломками и осколками. Среди сколов, при преобладании отщепов и чешуек, довольно существенна доля мелких пластин и пластинчатых отщепов, видимо, являющейся основной категорией целевых заготовок второго культурного слоя (см. *рисунок, 8*).

Орудийный набор представлен отбойниками (2 экз.), ретушером, скреблами различного типа (4 экз.) (см. *рисунок*, *9*), скребками (12 экз.),

в том числе с «носиком», проколками (6 экз.), выемчатыми (7 экз.) и зубчато-выемчатым изделиями, шиповидными орудиями (4 экз.), ножом, резцом (см. *рисунок*, *10*), пластинкой с притупленным краем (см. *рисунок*, *11*), листовидным наконечником, пластинами, отшепами, техническими сколами и обломками с ретушью.

Техника расщепления камня на стоянке Сафроновка-3 является типичной для круга памятников позднего развитого палеолита на территории Западной и Восточной Сибири рубежа каргинского – сартанского времени. Она характеризуется подпризматической и простой плоскостной (одно-, двух-, многоплощадочные/фронтальные нуклеусы) техниками получения пластинчатых заготовок, как правило, среднего и мелкого размера, с субпараллельными краями и гранями дорсальных поверхностей. Данный тип заготовки является основным в каменной индустрии палеолитического комплекса для дальнейшего производства набора изделий стоянки путем преобразования их контура ретушью и мелкой оббивкой. Преобладание в коллекции отщепов объясняется двумя причинами: первая, большая их часть является техническими сколами – отходами вышеупомянутых техник расщепления; немалая доля отщепов является пластинчатыми отщепами, т.е. по сути, пластинчатыми целевыми заготовками и отличается от пластин лишь пропорциями. Первичное расщепление камня велось непосредственно в границах территории стоянки из местного галечного сырья (как правило, кварцитовые породы), на что указывают многочисленные скопления и случаи аппликации каменного материала на всех стадиях процесса раскалывания камня, от декортикации, до истощения ядрищ. Импортное сырье представлено готовыми орудиями или пластинчатыми заготовками, технические сколы и нуклеусы единичны.

Орудийный набор каменных изделий второго культурного горизонта указывает на несколько видов деятельности, основным из которых, видимо, является обработка шкур. Об этом свидетельствует большое количество скребущих и прокалывающих инструментов. Наличие скоблящих и режущих инструментов косвенно указывают на операции обработки дерева и кости. Другие виды операций, несомненно, входившие в список деятельности древних обитателей стоянки, такие как, например, разделка туш, раскалывание и дробление костей и т.д., возможно охарактеризовать только с помощью данных трасологии.

Определимые фаунистические остатки памятника Сафроновка-3 в подавляющем большинстве относятся ко второму культурному слою и в основном представлены остатками мамонтов (99,1 %). Единичными костями представлен песец, лисица, волк, северный олень, бизон, шерстистый носорог. Согласно измерениям толщины эмали зубов мамонта Сафроновки-3 и сравнением данного показателя с мамонтами Южной Сибири каргинского и финальносартанского времени, мамонты Сафроновки-3 предварительно датированы концом каргинского – началом сартанского времени (подробная характеристика фаунистических остатков стоянки представлена в статье С.К. Васильева и др. «Фаунистиче-

ский комплекс позднепалеолитической стоянки Сафроновка-3» в данном сборнике).

Таким образом, основная часть археологического материала относится к финалу каргинского – началу сартанского времени (ок. 25 тыс. л.н.). Каменная индустрия второго культурного слоя представлена позднепалеолитическим «мелкопластинчатым» комплексом, характеристика данной культурной общности отражена в ряде обобщающих работ [Абрамова, 1979; Акимова, 2006, 2011; Лисицын, 2000; Новосельцева, 2011; и др.]). Близлежащие памятники с «мелкопластинчатой» индустрией наиболее изучены на территории среднего Енисея (Афанасьева гора, Тарачиха, Шленка и др.) и Приангарья (Мальта, Буреть, Игетейский Лог-1 и др.). Уникальность палеолитической коллекции Сафроновки-3 заключается, прежде всего, в ее географическом положении – в промежуточном расположении стоянки между хорошо изученными районами локализации позднепалеолитических стоянок среднего Енисея и Среднего и Южного Приангарья. Характеристика технико-типологических особенностей, присущих только стоянке Сафроновка-3, а также ее палеоэкологические условия, точная хронологическая и культурная позиция в кругу памятников развитой стадии позднего палеолита Сибири будут отражены в последующих работах, непосредственно после получения новых результатов археологических и естественнонаучных методов исследования.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.

Акимова Е.В. «Средний этап» позднего палеолита в Приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 94–96.

Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. – С. 111–118.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – 230 с. – (Тр. ИИМК РАН; Т. II).

Новосельцева В.М. Верхний палеолит Осинско-Унгинского геоархеологического района: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Иркутск, 2011. – 22 с.

А.А. Цыбанков[1], А.В. Выборнов[1, 2], В.С. Славинский[1], С.В. Колонцов[1], А.В. Постнов[1], Г.И. Марковский[1], А.А. Дудко[1], А.А. Присекайло[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛА ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ ИАЭТ СО РАН В 2013 ГОДУ

В настоящее время перед Отделом охранно-спасательной археологии (ООСА) поставлены задачи по реализации археологических срочных проектов различных масштабов, связанных с отводом земель для хозяйственной деятельности. Другой аспект работы отдела связан с фундаментальными задачами археологической науки – необходимостью расширения и уточнения археологической карты Северной Евразии. Исследования носят междисциплинарный характер: для их проведения активно привлекаются специалисты-геологи, палеонтологи, палеоботаники и т.д.

Спасательные археологические исследования формально начинаются с момента обращения в Институт заказчика хозяйственных работ, проведения конкурсных торгов. Любое обращение проходит развернутый аналитический обзор, завершающийся консультационным письмом, расчетом стоимости работ, коммерческим предложением и т.д. В 2013 г. география обращений и соответствующих решений, касающихся спасательной деятельности, охватила большинство регионов Российской Федерации: от Смоленской обл. до Камчатского края, от Мурманской обл. до Республики Кабардино-Балкария. Были проведены консультации и переговоры различного уровня, а в рамках их подготовки созданы справочные материалы по реестру объектов культурного наследия, истории археологических исследований, геоморфологии предполагаемых к изучению участков и районов.

Полевые исследования ООСА в 2013 г. сконцентрировались на территории Сибирского и Уральского федеральных округов, географически находящихся в пределах Западно-Сибирской равнины и Восточно-Сибирского нагорья. Раскопки широкой площадью проведены на двух памятниках. В Первомайском р-не г. Новосибирска, в зоне строительства комплекса жилых домов, на левом берегу р. Иня была изучена стоянка Разъезд Иня-1. Получен обширный материал по истории Новосибирского Приобья эпохи бронзы, в том числе ирменской культуры (см. отдельную статью в данном сборнике). В Иркутской обл., недалеко от г. Тайшет, в зоне прокладки трубы магистрального нефтепровода Куюмба-Тайшет была изучена стоянка Сафроновка-3. Определяемый до раскопок как мно-

гослойный объект эпохи палеолита – средневековья, памятник представил хронологически менее широкий диапазон и представлен небольшой коллекцией бронзового века и массовыми каменными и костными материалами эпохи позднего палеолита (см. отдельные статьи в данном сборнике).

В рамках плановых научно-исследовательских работ и изучения земель, отводимых под хозяйственное освоение, ООСА организовал и участвовал в разведках территории Омской, Иркутской, Новосибирской, Кемеровской областей, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Красноярского края.

На территории севера Западной Сибири изучены линейные и площадные объекты, выводимые для прокладки и реконструкции объектов нефтепроводов. Разведка в Нижневартовском р-не проведена на правобережье Оби в районе нижнего течения р. Вах, восточнее оз. Самотлор. Сильно заболоченная местность отличается здесь возвышенными участками, которые представили типичную среднетаежную стратиграфию с превалированием подзолистых песков. В Нефтеюганском р-не проведена шурфовка и натурное обследование участков, прилегающих к протоке Большая Юганская на левом берегу Оби. На исследованной площади фактически отсутствуют «сухие» участки, однако отдельные естественные и искусственные обнажения почвенных отложений представились перспективными на предмет наличия культурных слоев и палеофауны. На юго-западе округа в Кондинском р-не изучены места подводных переходов магистральных нефтепроводов через реки в подбассейне р. Конда – р. Кума, р. Лева, р. Леушинка. Значительное хозяйственное освоение этой территории ведется с 1960-х гг., а археологические исследования предшествующего времени принесли сведения об объектах историко-культурного наследия. В частности, в ходе работ уточнено расположение и современное состояние памятников на берегах р. Лева и р. Леушинка – поселений Лева-9 (эпохи энеолита – ранней бронзы) и Леуши-10 (бронзы – раннего железного века) [Соколков, 1986; Беспрозванный, 2006].

Отдельные линейные участки нефтепроводов и автодорог исследованы в Омском Прииртышье, Кулундинской степной зоне, Барабинской низменности в Москаленском, Корниловском, Черлакском, Омском, Калачинском, Барабинском, Куйбышевском, Усть-Тарском, Убинском районах Омской и Новосибирской областей. Несколько разведочных исследований в Москаленском р-не показали археологическую и геоморфологическую ситуацию в районе озерной долины Камышловского лога. В результате археологического обследования площади более 150 га в Северном р-не Новосибирской обл. были изучены участки на юге васюганских болот, в бассейне р. Тара. На данной территории отсутствовали археологические памятники, но имелись сведения о местонахождениях позднеплейстоценовой и раннеголоценовой фауны, которые не попадают в зону хозяйственного освоения нефтяных месторождений.

Новосибирское Приобье изучалось в пределах Новосибирского, Искитимского и Тогучинского районов. Наибольшая площадь исследований заключалась в границах землеотвода для «Восточного объезда» – проекта

автодороги, соединяющей северную окраину Новосибирска и автомобильной трассой в районе г. Искитим. В ходе предварительных исследований здесь были выделены перспективные участки обнаружения археологических памятников, в частности, в месте пересечения р. Иня. Полевые работы не подтвердили изначальные гипотезы.

В рамках плановых фундаментальных НИР решались вопросы взаимосвязи населения Северного Приангарья и бассейна Подкаменной Тунгуски на территории Богучанского и Эвенкийского районов Красноярского края. В ходе разведки изучены северные притоки р. Ангара и южные притоки р. Подкаменная Тунгуска, а также водораздел этих бассейнов в районе истоков р. Кажимы, р. Онеко, р. Конярма. Целью исследований являлся сбор материалов для определения путей взаимовлияния носителей культур эпохи неолита – бронзы, чьи следы хорошо известны по памятникам обоих берегов Ангары в ее нижнем течении [Веженко и др., 2013] и в среднем течении Подкаменной Тунгуски (устьях притоков – р. Камо, руч. Байкитик и др.) [Андреев, Фомин, 1964; 1966; Андреев, Фомин, Пашкин, 1965; Привалихин, Дроздов, Макулов, 2005]. Крупнейшая водная артерия района исследований, р. Камо, левый приток Подкаменной Тунгуски. Часть берегов в ее среднем течении была изучена в ходе водного маршрута. Сведения о предполагаемых памятниках на путях взаимодействия не подтвердились, но от местного населения были получены сведения об археологическом изучении ленинградскими исследователями в середине 1970-х гг. объектов в районе устья р. Кумонды, правого притока Камо.

Совместно с НГУ проведена разведка по изучению позднесредневековых объектов в Краснотуранском р-не Красноярского края на г. Унюк (северная окраина Минусинской котловины, правый берег Красноярского водохранилища, левобережье Сыдинского залива). В ходе исследований подтверждено наличие небольшого (три-пять каменных выкладок) курганного могильника на юго-восточной седловине горы. Предварительно объект датируется монгольским и послемонгольским временем (XIII–XV вв.).

Проблемы археологии верховьев Лены и Северного Прибайкалья, а также их взаимосвязи с Приангарьем ставились в период разведок в Братском, Киренском, Усть-Кутском, Казачинско-Ленском районах Иркутской обл. Маршруты исследований составили более 350 км, в ходе которых выделены перспективные для исследования участки и описан наиболее короткий сухопутный путь от среднего течения Ангары до верховьев Лены.

Проводимые археологические разведки не всегда приносят сведения о новых археологических памятниках, но всегда предотвращают риск их разрушения. Каждый маршрут способствует увеличению информации о местности, наиболее достоверных сведений по археологии и геоморфологии районов. Обследование существующих объектов культурного наследия позволяет корректировать данные государственных органов охраны. При этом многолетний опыт археологических разведок в сибирской археологии свидетельствует, что пройденный разведкой район может

принести новые источники в ходе повторной рекогносцировки и надзора за хозяйственными работами.

Всего в 2013 г. ООСА реализовал более 20 полевых археологических исследований на сумму более 30 млн. рублей. Следует заметить, что разнообразная проблематика, широкая география и плодотворность разведочных и раскопочных исследований стали возможными благодаря активному сотрудничеству с заказчиками работ, государственными органами охраны объектов культурного наследия, академическими и университетскими учреждениями, организациями археологического профиля Сибири, Урала, Дальнего Востока. Сотрудники отдела искренне благодарят всех участников многопрофильной деятельности в области сохранения и расширения археологических знаний.

Список литературы и источников

Андреев Г.И., Фомин Ю.М. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. – 1964. – № 101. – С. 94–98.

Андреев Г.И., Фомин Ю.М. Новые археологические памятники на р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. – 1966. – № 106. – С. 106–110.

Андреев Г.И., Фомин Ю.М., Пашкин П.П. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски // СА. – 1965. – № 3. – С. 100–113.

Беспрозванный Е.М. Заключение по результатам историко-культурной экспертизы исходной документации расположения разведочной скважины № 12211П и подъездной дороги к ней Карабашского 21 лицензионного участка. Екатеринбург, 2006.

Веженко А.В., Лысенко Д.Н., Матвеев В.Е., Муратов Н.С., Заика А.Л. Новые объекты археологического наследия Богучанского района Красноярского края // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. – Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. – С. 389–391.

Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Археологические исследования Красноярского краевого краеведческого музея в бассейне реки Подкаменная Тунгуска (1921–1982 гг.) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. ун-та, 2005. – Вып. 4. – С. 66–86.

Соколков А.В. Отчет о поисково-разведочных работах в Кондинском районе Тюменской области. Тобольск, 1986.

Е.В. Щербинский

Институт археологии и этнографии СО РАН
Центр по сохранению историко-культурного наследия
Амурской области

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Археологическая деятельность Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской обл. насчитывает уже 10 лет. За эти годы открыты, поставлены на охрану и частично изучены раскопками десятки новых археологических памятников от эпохи неолита до средневековья. Кроме разведочных исследований на территории области и практически круглогодичного мониторинга археологических объектов, сотрудниками Центра самостоятельно проводились плановые научные раскопки таких памятников, как Белоберезовое, городище на горе Шапке. Совместно с ИАЭТ СО РАН исследовались поселения Новопетровка III, Осиновое Озеро, Троицкий могильник, Черниговка-на-Зее, Озеро Долгое (причем последние два были открыты Центром во время рекогносцировочных работ).

Проведение охранно-спасательных археологических раскопок является распространенной практикой в современной российской археологии. Благодаря таким исследованиям происходит много новых открытий. На территории Амурской обл. во второй половине XX в. проводилось большое количество подобных работ, в том числе в зонах затопления Зейской, Бурейской и Нижнебурейской ГЭС. В 2006–2013 гг. Центром в рамках охранно-спасательной археологии были исследованы многослойный памятник Поярково-1 (2006–2007 гг.) [Зайцев, 2004], городище «Албазинская крепость» (2007, 2013 гг.) и неолитическая стоянка Черниговка-4 (2010 г.).

Памятник *Черниговка-4* находится в 3,8 км к северо-востоку от с. Черниговка Свободненского р-на, на краю террасы правого берега р. Зеи [Зайцев, 2007б]. Спасательные раскопки на памятнике Черниговка-4 проводились в связи со строительством автомобильной дороги. В результате проведенных исследований 200 кв. м площади памятника в культурном слое было найдено 547 каменных артефактов – отщепы, сколы, пластины, тесловидно-скребловидные орудия, скребки, нуклеусы, колотые гальки. Материал принадлежит ранненеолитической громатухинской культуре [Окладников, Деревянко, 1977]. Раскопанный участок представлял собой зону расщепления древним человеком каменных заготовок и изготовле-

ния орудий труда: выделены четыре участка сосредоточения каменных орудий и отходов их производства [Волков, 2011; Волков, Зайцев, Щербинский, 2012]. Стоянка-мастерская датируется 11,5 тыс. л.н. по аналогии с памятником Черниговка-на-Зее, расположенным в 800 м юго-западнее и, видимо, составлявшим с ней единую зону обитания [Нестеров, Зайцев, Волков, 2006; Нестеров, 2008].

Из-за угрозы разрушения водами Амура памятника *Поярково-1* в Михайловском р-не на площади 225 кв. м были проведены стационарные исследования. Среди множества артефактов из раскопа и подъемного материала на берегу найдены отдельные предметы, относящиеся к периоду неолита, причем, неолитические находки из слоя имеют следы вторичного использования. Основной культурный слой на поселении принадлежит периоду раннего железного века и представлен материалами урильской и талаканской культуры. Большая часть находок относится к урильской культуре. Среди них – серебряная «лапчатая» подвеска, бронзовые нашивки, железные ножи и наконечники стрел. Каких-либо жилищных конструкций не обнаружено, но, помимо столбовых ям, были исследованы 23 ямы, в которых хранились рыба и мясо. Кроме обломков костей животных и рыб в них встречено большое количество фрагментов неорнаментированной лепной керамики раннего железного века и средневековья, костяные и железные наконечники стрел, костяная накладка на лук, пастовые бусины, китайская монета XI в. Значительное количество фрагментов керамики талаканской культуры в основном обнаружено среди подъемного материала [Зайцев, 2007а].

В результате раскопок были получены новые свидетельства о ранее неизвестных формах сосудов урильской культуры. Кроме 8 развалов плоскодонных емкостей были обнаружены фрагменты тонкостенных круглодонных сосудов. Плечики одного из них орнаментированы типично урильским скобковидным орнаментом, который отмечен на всех известных памятниках урильского круга. Полученные данные позволили определить культурно-диагностирующие признаки и традиции в области техники и технологии керамического производства, реконструировать отдельные приемы изготовления посуды, произвести сравнительный анализ развития керамического производства Западного Приамурья в раннем железном веке и раннем средневековье [Кудрич, 2008].

На городище *«Албазинская крепость»* охранно-спасательные раскопки были организованы как из-за разрушения западной части памятника водами Амура, так и антропогенного воздействия в виде пограничных инженерно-технических сооружений. Здесь, несмотря на то, что А.Р. Артемьевым была исследована большая часть береговой полосы памятника, оставался небольшой участок (10×4 м) с оврагом, разрушающим берег с остатками культурного слоя [Волков, 2007]. В 2007 г. было исследовано 38,5 кв. м крепости, в 2013 г. – 32 кв. м. Здесь обнаружены предметы, связанные с огнестрельным оружием (свинцовые пули, кремни, части ружей), бытовые вещи (фрагменты керамики, ножи), части одежды, обуви, украшения, серебряная копейка «чешуйка», а также детали сооружений

и построек (например, обломки слюдяных пластин из окон). Среди находок есть редкая вещь – цельнолитой бронзовый крест, четырехконечный с диагональными лучами (высота 5,7 см, ширина по перекладине 3,4 см). Предварительно крест датируется XVII–XVIII вв.

Несмотря на охранные раскопки Албазинского острога, на котором археологические исследования проводятся с 1970-х гг., проблема сохранения памятника федерального значения стоит очень остро. Спасая материал от обрушения в Амур, мы не спасаем сам острог по причине постоянного обрушения берега, передвижки пограничной линии вглубь террасы. Необходимо срочное проведение работ по укреплению береговой полосы.

Приведенная в статье информация об охранно-спасательной деятельности «Центра» не исчерпывается только данными раскопками. Во время мониторинга территорий, отчуждаемых для хозяйственной деятельности (трассы нефте- и газопроводов, новые дороги и линии электропередач, производственные комплексы и т.д.), найденные в поставленных шурфах артефакты позволяют не только получить новую информацию, но и пополнить базу данных археологических культур Амурской обл., составить карту их ареалов. Так, разведочные материалы поселения громатухинской культуры Каменка и исследованные в разные годы поселения в поймах крупных рек Зея и Амур, по берегам проток или старичных озер (Сергеевка, Черниговка-на-Зее) показали, что, несмотря на относительно подвижный образ жизни, связанный с охотой, они могли быть местами постоянного, оседлого проживания громатухинского населения. Из этих поселков осуществлялись ближние и дальние «охотничьи экспедиции» в период массовой заготовки продуктов питания на зиму. Не исключено, что одной из таких сезонных стоянок было место в устье Громатухи. Летом, когда основная масса дееспособного населения откочевывала в охотничьи угодья, в равнинных поселениях могло оставаться какое-то количество людей, которые в этот период занимались гончарством, охотой, рыбалкой и сбором дикоросов в окрестностях поселка [Нестеров, 2008].

Список литературы

Волков Д.П. Отчет о спасательных археологических раскопках Албазинского острога в 2007 году. Благовещенск, 2007 // Архив ЦСН Амурской области.

Волков Д.П. Отчет о проведении спасательных археологических раскопок памятника Черниговка, стоянка 4 в Свободненском районе Амурской области в 2010 году. Благовещенск, 2011 // Архив ГАУ «ЦСН Амурской области».

Волков Д.П., Зайцев Н.Н., Щербинский Е.В. Спасательные раскопки памятника громатухинской археологической культуры на территории Западного Приамурья в 2010 году // Современные научные исследования на Дальнем Востоке. – Южно-Сахалинск: Изд-во ИРОСО, 2012. – С. 222–225.

Зайцев Н.Н. Отчет об археологической разведке в Свободненском, Шимановском, Бурейском, Архаринском, Михайловском, Ивановском, Благовещенском районах Амурской области в 2003 г. Благовещенск, 2004 // Архив ГАУ «ЦСН Амурской области».

Зайцев Н.Н. Материалы полевых исследований памятника Поярково, поселение 1 в 2006 году. Благовещенск, 2007а // Архив ГАУ «ЦСН Амурской области».

Зайцев Н.Н. Отчет об археологической разведке в Тындинском, Сковородинском, Свободненском, Серышевском, Октябрьском, Благовещенском, Ивановском, Тамбовском, Константиновском районах Амурской области в 2006 году. Благовещенск, 2007б // Архив ГАУ «ЦСН Амурской области».

Кудрич О.С. Керамические традиции населения Приамурья в древности и средневековье. Сравнительный анализ: дисс. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2008. – 135 с.

Нестеров С.П. Черниговка-на-Зее – поселение громатухинской культуры в Западном Приамурье // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – С. 170–181.

Нестеров С.П., Зайцев Н.Н., Волков Д.П. Ранненеолитический памятник громатухинской культуры Черниговка-на-Зее // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I – С. 201–205.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 284 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ	–	Алтайский государственный университет
АлтГПА	–	Алтайская государственная педагогическая академия
АН РУз	–	Академия наук Республики Узбекистан
АН СССР	–	Академия наук СССР
АОН КНР	–	Академия общественных наук КНР
АУ ЦОКН	–	Автономное учреждение «Центр охраны культурного наследия»
БГПУ	–	Благовещенский государственный педагогический университет
БНЦ СО РАН	–	Бурятский научный центр СО РАН
ВАОН	–	Вьетнамская академия общественных наук
ВСОРГО	–	Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГААК	–	Государственный архив Алтайского края
ГАГУ	–	Горно-Алтайский государственный университет
ГАНО	–	Государственный архив Новосибирской области
ГАРБ	–	Государственный архив Республики Бурятия
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ГОУ ВПО	–	Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ДВО РАН	–	Дальневосточное отделение РАН
ИА РАН	–	Институт археологии РАН
ИАМ ИАЭТ СО РАН	–	Историко-архитектурный музей ИАЭТ СО РАН
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии СО РАН
ИВ РАН	–	Институт востоковедения РАН
ИИМК РАН	–	Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиФ СО РАН	–	Институт истории, филологии и философии СО РАН
ИИФФ АН СССР	–	Институт истории, филологии и философии АН СССР
ИПОС СО РАН	–	Институт проблем освоения Севера СО РАН

ИРГО	–	Императорское русское географическое общество
ИРОСО	–	Институт развития образования Сахалинской области
ИЭ АН СССР	–	Институт этнографии АН СССР
ИЭЧ СО РАН	–	Институт экологии человека СО РАН
КГКУ ГААК	–	Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края»
КемГУ	–	Кемеровский государственный универститет
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН (АН СССР)
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет
МАЭ ОмГУ	–	Музей археологии и этнографии ОмГУ
МАЭ РАН	–	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МГУ	–	Московский государственный университет
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НАРХ	–	Национальный архив Республики Хакасия
НГА	–	Новосибирский городской архив
НГАСУ	–	Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет
НГПУ	–	Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
НПЦ	–	Научно-производственный центр
ОГИКМ	–	Омский государственный историко-краеведческий музей
ОмГПУ	–	Омский государственный педагогический университет
ОмГУ	–	Омский государственный университет
ОНЦ СО РАН	–	Омский научный центр СО РАН
ОПИ ИА РАН	–	Отдел полевых исследований Института археологии РАН
ПМА	–	Полевые материалы автора
РАН	–	Российская академия наук
РАНИОН	–	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГИА	–	Российский государственный исторический архив
РГНФ	–	Российский гуманитарный научный фонд
РИЦ НГУ	–	Редакционно-издательский центр НГУ

РФФИ	–	Российский фонд фундаментальных исследований
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
САИПИ	–	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СахГУ	–	Сахалинский государственный университет
СГГА	–	Сибирская государственная геодезическая академия
СМАЭ	–	Сообщения Музея антропологии и этнографии
СО РАН	–	Сибирское отделение РАН
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ	–	Советская этнография
ТГУ	–	Томский государственный университет
УрО РАН	–	Уральское отделение РАН
ХГУ	–	Хакасский государственный университет
ХКА	–	Хабаровский краевой архив
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ
ЦСН	–	Центр по сохранению историко-культурного наследия
ЭО	–	Этнографическое обозрение
ЯНАО	–	Ямало-Ненецкий автономный округ

ЭТНОГРАФИЯ

Г.В. Любимова

Институт археологии и этнографии СО РАН

ФЕНОМЕН ПАЛОМНИЧЕСТВА В ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ (по материалам зарубежных исследований)*

Характерной чертой современной религиозной жизни России является повсеместное возрождение традиции почитания святых мест. Самая активная роль в этом процессе принадлежит Русской Православной Церкви, хотя почитание местных святынь (священных камней, родников, деревьев, каменных или деревянных крестов и прочих ландшафтных объектов природного или искусственного происхождения) никогда прежде не предусматривалось ее каноническим церковным обиходом. Более того, согласно полевым наблюдениям, на смену стихийным религиозно-обрядовым практикам пришли организованные формы паломничества и религиозного туризма, всплеск которых наблюдается не только в России, но и во всем мире [Любимова, 2013].

Один из ведущих специалистов по данной проблематике, британский антрополог Джон Ид, рассматривает эти процессы как глобальный феномен, в который вовлечены миллионы людей. При изучении транснациональных миграционных потоков, считает он, невозможно обойти вниманием такое явление, как паломничество, характеризующее современную Европу не в меньшей степени, чем религиозное разнообразие и культурный плюрализм [Eade, Sallnow, 1991, p. 1–26]. Вместе с тем, изучение самого паломничества началось относительно недавно. Причины этого, по мнению английского исследователя Саймона Колмана, связаны с природой данного феномена, предполагающего высокую мобильность его участников [Coleman, 2013]. Рассмотрим основные подходы к изучению феномена паломничества в зарубежной (преимущественно англоязычной) литературе.

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (№ 12-01-00199).

К числу наиболее ранних исследований паломничества относится этнографическое описание распространенного в итальянских Альпах культа одного из местных христианских святых, выполненное Робертом Гертцем в 1913 г. Однако эта публикация не смогла стать катализатором для изучения других паломнических культов. Более глубокое влияние на развитие проблематики оказала вышедшая в 1978 г. книга Виктора и Эдит Тернеров, посвященная паломничеству в христианской культуре в целом. В первую очередь, исследователей интересовала способность паломников преодолевать исторические, географические и социальные границы культуры. Еще более важным оказалось выявленное ими типологическое сходство паломничества с обрядами перехода. Побуждая к временному отрешению от повседневной жизни, паломничество, как сказано в книге, дает человеку шанс пережить опыт потери прежних и обретения новых идентичностей с тем, чтобы вернуться в обычный мир обновленным и даже преображенным [Turner, Turner, 1978].

К истории паломничества в религиозных системах прошлого и настоящего обратились Саймон Колман и Джас Элснер [Coleman, Elsner, 1995]. Они считают, что формирование самой идеи паломничества, происходившее в христианстве под влиянием Библии, произведений отцов церкви, институтов монашества, отшельничества и прочих источников, продолжалось несколько столетий. Центральная христианская идея паломничества содержится уже в Ветхом Завете. Изгнанные из рая Адам и Ева представлены в нем как отчужденные от Бога грешники, обреченные жить в суровом и негостеприимном мире. Еще большее значение для развития идеи паломничества заложено в мотивах египетского исхода и поиска Земли Обетованной. Многолетние скитания евреев по пустыне, завершившиеся обретением Ханаана, были осмыслены как аллегория христианского пути, который должен пройти верующий в течение своей жизни. Христианам было предложено посмотреть на себя как на временных странников в земном мире, чей истинный дом находится на небесах. При этом обязательное для израильтян посещение Иерусалима, ставшего крупнейшим сакральным и паломническим центром, приобрело дополнительное духовное и эмоциональное измерение.

Связанные с идеей паломничества представления получили развитие в Новом Завете. История грехопадения всего человечества (а не только Адама и Евы, согласно ветхозаветным трактовкам) явилась в Евангелии тем фоном, на котором разворачивается вселенская драма искупления. Внимание верующих смещается от поисков Бога в земном граде Иерусалиме к обретению его в богочеловеке Иисусе Христе. В то же время, апеллируя к догмату о троичности единого Бога, одна из ипостасей которого (Святой Дух) характеризуется таким свойством, как вездесущесть, раннехристианские авторы не рассматривали посещение святых мест как обязательное условие праведной жизни. Напротив, они приступили к разработке идеи самой жизни как паломничества, которая оставалась доминирующей на протяжении всего раннехристианского периода.

Собственно христианское паломничество к святым местам получило развитие лишь с IV в., когда христианство стало официальной религией Римской империи. В период правления императора Константина и его матери Елены религиозный ландшафт христианского мира значительно видоизменился. Они не только подтвердили особый статус Иерусалима и множества других святынь и реликвий Палестины, но и создали абсолютно новую сеть святых мест. Паломнические поездки и хождения к этим местам стали важной частью христианской религиозной жизни. Безусловное влияние на практику христианского паломничества оказала греко-римская религиозно-мифологическая традиция, включавшая посещение святых мест – природных или рукотворных объектов, в число которых входили родники, реки, деревья, рощи, камни, скалы, а также жертвенные места, храмы и захоронения, соотнесенные с определенным божеством и наделенные сакральным статусом. Разнообразные способы почитания таких мест (прежде всего, обетные приношения) практиковались в целях получения той или иной формы божественной благодати – духовного или физического исцеления, совета и пр. Подобные ритуальные практики сохранялись в течение многих веков, а их содержание сильно варьировалось. Среди исследователей до сих пор не утихают споры о том, можно ли считать их вариантом паломничества, известного в христианской традиции.

Несмотря на чрезвычайную популярность, развитие христианского паломничества порождало неизбежный теологический парадокс, заложенный в самой идее путешествия (физического перемещения в пространстве) с целью обретения Бога. Многие критики отказывали ей в праве на существование на основании того, что Бог и так вездесущ. Дополнительными аргументами выступали большие расходы и неизбежные опасности, связанные с подобным путешествием, а также опасения, что отказ от ежедневных обязанностей может подвергнуть находящегося вдали от дома паломника ненужным искушениям (все это в полной мере проявилось в такой массовой форме паломничества, как крестовые походы, целью которых провозглашалась защита христианских святынь).

Наиболее последовательным воплощением идеи внутреннего паломничества стал опыт отшельничества, получивший распространение в пустынях Иудеи и Синая с конца III в. Проживание в пустыне в состоянии полного уединения рассматривалось отшельниками как необходимое условие общения с Богом посредством молитвы и медитации. Полное отрешение от мирской жизни явилось также основным принципом набиравшего силу монашеского движения. Таким образом, пишет Саймон Колман, в рамках христианской религии было разработано несколько концепций паломничества, каждая из которых характеризовалась специфическим набором представлений, ритуалов и символов [Coleman, 2013].

Одной из распространенных форм паломничества в новое и новейшее время стал религиозный туризм, в большей степени ориентированный на религиозно-познавательные и культурно-исторические цели. Так, уже

в XIX в. на волне интереса к Ближнему Востоку, возникшего благодаря проводившимся в регионе археологическим раскопкам, группы европейцев стали совершать познавательные экскурсии в Палестину. В 1869 г. отец современного туризма Томас Кук привез свою первую партию туристов в Иерусалим. В самой Европе в тот же период наблюдалось возрождение интереса к местным (в т.ч. новообретенным) святыням. К наиболее известным из них относится чудотворный источник в Лурде, на юге Франции, который, как считается, пробился именно там, где в 1858 г. 14-летней дочери мельника явилась Дева Мария. Ежегодное количество паломников в Лурд составляет около 4 млн. человек.

Эти и многие другие вопросы обсуждались участниками конференции «Паломничество и святые места в Центральной и Восточной Европе: место, политика и религиозный туризм», проходившей в Хорватии в 2012 г. [Pilgrimage…, 2012]. Во многих докладах звучала мысль, что «мода не паломничество», которая наблюдается в периоды политической нестабильности, экономических кризисов и социокультурных потрясений, объясняется естественным стремлением людей обрести внутренний мир и гармонию путем непосредственного контакта с «чем-то незыблемым и безусловным, во что можно верить и чему можно доверять» [Ibid, p. 20]. Воплощением этих ценностей во все времена являлись святые места, посещение которых давало человеку повод лишний раз задуматься о смысле жизни и своем месте в мире. Вместе с тем, как отметил в своем выступлении глава оргкомитета Джон Ид, в современном мире паломничество приобретает новые формы и функции, когда, к примеру, становится способом заявить о правах на ту или иную территорию (утраченную в результате военного конфликта или других причин) или служит инструментом для конструирования новой национальной идентичности. Как бы то ни было, но данное явление, доказавшее способность распространяться помимо любых границ, нуждается в широких кросс-культурных исследованиях.

Список литературы

Любимова Г.В. Сибирская традиция почитания святых мест в контексте народной исторической памяти // Studia Mythologica Slavica. – 2013. – № XVI. – P. 27–45.

Coleman S. Pilgrims and Pilgrimage. Introduction. – URL: http://www.york.ac.uk/projects/pilgrimage/content/soc_anth.html (20.10.2013).

Coleman S., Elsner J. Pilgrimage Past and Present: Sacred Travel and Sacred Space in the World Religions. – London: British Museum Press, 1995. – 180 p.

Eade J., Sallnow M.J. (eds.). Contesting the Sacred: The Anthropology of Christian Pilgrimage. – London: Routledge, 1991. – 158 p.

Pilgrimage and Sacred Places in Central and Eastern Europe: Place, Politics and Religious Tourism. Programme and Abstracts of the International Conference. – University of Zadar, Croatia. 27–30 September, 2012. – 88 p.

Turner V., Turner E. Image and Pilgrimage in Christian Culture: Anthropological Perspectives. – New York: Columbia University Press, 1978. – 281 p.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Е.В. Акимова, Е.А. Томилова, И.В. Стасюк, В.М. Харевич, Е.Н. Кукса
Археологические исследования в Дербинском заливе Красноярского водохранилища в 2013 году 4

А.А. Анойкин, М.А. Борисов
Исследования многослойной палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2013 году 9

В.В. Бобров, А.Г. Марочкин, А.Ю. Юракова
Неолитическое поселение Автодром-1 в Барабинской лесостепи: результаты раскопок в 2013 году 14

С.К. Васильев
Новые данные по остаткам мегафауны из Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) 20

С.К. Васильев, В.С. Славинский, А.А. Цыбанков, А.А. Присекайло
Фаунистический комплекс позднепалеолитической стоянки Сафроновка-3 27

С.К. Васильев, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин
Предварительные итоги изучения остатков мегафауны из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры 32

П.В. Волков
Инструментарий скульптора с поселения Мальта 39

П.В. Волков, Л.В. Лбова
Технологические приемы оформления орнитоморфной скульптуры из мальтинской коллекции 43

А.П. Деревянко, Л. Булатович, К.К. Павленок, А.В. Кандыба, М.Б. Козликин
Новые данные по каменной индустрии стоянки Биоче, Черногория (по материалам раскопок в 2013 году) 48

А.П. Деревянко, У.И. Исламов, К.К. Павленок, С.В. Шнайдер, Е.П. Рыбин, Г.Д. Павленок, А. Раджабов, С.Ю. Лазарев, Г.А. Мухтаров
Результаты исследования стоянки Кульбулак (Узбекистан) в 2013 году 54

А.П. Деревянко, У.И. Исламов, К.К. Павленок, С.В. Шнайдер, К. Шимчак, М. Кот, А. Раджабов, С.Ю. Лазарев
Предварительные результаты исследования стоянки Каттасай (Узбекистан) в 2013 году 60

А.П. Деревянко, Нгуен Хак Шу, А.А. Цыбанков, А.В. Кандыба, А.Н. Тихонов, Нгуен За Дой
Результаты полевых исследований пещеры Ман Чин (Вьетнам) в 2012 году 66

А.П. Деревянко, Нгуен Хак Шу, А.А. Цыбанков, А.В. Кандыба, А.Н. Тихонов, Нгуен За Дой, А.М. Чеха
Некоторые результаты исследований российско-вьетнамской археологической экспедиции на территории Северного Вьетнама в 2012 году 70

А.П. Деревянко, А.Г. Рыбалко, А.В. Кандыба
Исследование раннего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 в 2013 году 74

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин, А.М. Чеха
Новые результаты исследования среднего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры 79

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, П. Лутовац, А.К. Агаджанян, И.А. Вислобокова, А.А. Анойкин, М. Живанович
Новые материалы по фауне крупных млекопитающих из пещеры Трлица, Северная Черногория 84

С.В. Коваленко
Картография осиноозерской археологической культуры Западного Приамурья 89

А.И. Кривошапкин, В.Н. Зенин, С.К. Васильев, А.В. Шалагина
Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2013 году 94

В.Е. Ларичев
Фриз «Олени в потоке времени» в большом зале Ляско (к методике интерпретации многофигурных композиций из пещерных святилищ палеолита Западной Европы) 100

Л.В. Лбова, А.В. Барков, В.М. Харевич, И.В. Стасюк, Е.А. Томилова, Е.Н. Кукса
Позднепалеолитическое местонахождение Малая Сыя: итоги полевых исследований в 2013 году 104

Н.В. Мартынович, С.В. Маркин
Палеорнитологические материалы из пещеры Чагырская в Северо-Западном Алтае 109

В.Е. Медведев
Сопка большая – памятник позднего неолита на юге Приморья 115

В.Е. Медведев, И.В. Филатова
О керамике раннего неолита Нижнего Приамурья (по материалам мариинской, малышевской и кондонской культур) 121

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова, Н.С. Ефремова, Ю.Н. Ковыршина, К.А. Борзых
Особенности погребально-ритуальных комплексов неолитического могильника Венгерово-2а 124

А.Н. Мотузко, Е.В. Акимова
Фауна млекопитающих из педоседимента позднепалеолитического местонахождения Дербина V 130

Т.И. Нохрина, А.Н. Чеха
Костяной вкладышевый кинжал из пещеры Бийка-1 (Горный Алтай) 135

А.Г. Рыбалко, А.В. Кандыба
Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2013 году 139

А.И. Соловьев, Е.А. Соловьева
К вопросу о сходстве керамических изделий в неолите Японии (посуда и обрядовая пластика) 144

И.В. Стасюк, Е.А. Томилова, Е.Н. Кукса, Е.В. Акимова, В.М. Харевич
Позднепалеолитическое местонахождение Дербина VII (Дербинский археологический район) 149

А.В. Табарев, Й. Каномата, К. Стосерт
Каменный инвентарь раннеголоценовой культуры Лас-Вегас, Эквадор 154

В.А. Ульянов, М.В. Шуньков
Некоторые особенности седиментогенеза плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры 159

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.В. Алкин, Е.А. Сергушева
Семена мари белой (*Chenopodium album*) в культурных отложениях Усть-Чёрнинского городища 164

В.В. Ахметов
Проблема бохайских коллективных захоронений в корейской историографии 168

В.В. Бобров, А.Г. Марочкин, А.Ю. Юракова
Жилище периода ранней – начала развитой бронзы на поселении Автодром-2 (северо-запад Барабинской лесостепи) ... 171

В.В. Бобров, А.Г. Марочкин, А.Ю. Юракова, Л.В. Панкратова, К.В. Конончук
Поселение Ивановка-1 на юге Нижнего Притомья 175

А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская, Л. Олещак, П. Щепаник
Российско-польские археологические исследования в горной долине Нижней Катуни 180

А.П. Бородовский, С.В. Горохов
Археологические исследования западного склона хребта Сальджар на Алтае 185

А.А. Василевский, В.А. Грищенко, П.А. Пашенцев, А.В. Можаев, А.С. Перегудов
Исследования памятников эпохи палеометалла на острове Сахалин в 2013 году 191

П.В. Волков
Хирургические инструменты эпохи раннего железа в Сибири 195

Р.Р. Ибрагимова
Глиняные фигурки в погребениях эпохи хань 198

К.Ю. Кирюшин
Поселение Новоильинка VI – новый памятник энеолита Кулунды 202

К.Ю. Кирюшин, С.М. Ситников
Исследование поселения Новоильинка III в 2012–2013 годах 207

Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, А.С. Федорук, А.А. Редников, О.А. Федорук
Проблема изучения памятников «бурлинского типа» эпохи поздней бронзы на территории Степного Алтая 212

Л.С. Кобелева, А. Наглер, И.А. Дураков, М.С. Демахина, С. Хансен, В.И. Молодин
Саргатский могильник Яшкино-1 (продолжение исследований) 216

С.А. Комиссаров, М.А. Кудинова
Каменные статуи, найденные в горах Гуйцзайлин на юге Китая 221

Г.В. Кубарев
Археологические работы чуйского отряда на Алтае в 2013 году 225

Г.В. Кубарев, Д.В. Поздняков
Реконструкция упряжи коня из кургана 2 могильника Уландрык IV (из раскопок В.Д. Кубарева) 230

Я.В. Кузьмин, О.В. Софейков, И.Д. Зольников, Д.А. Чупина, О.И. Новикова, А.В. Никулина, Д.Е. Ануфриев
Геоархеологические исследования в Барабинской лесостепи (Новосибирская область) в 2013 году 235

В.Е. Ларичев, Е.Г. Гиенко, С.А. Паршиков
Саратский сундук: астрокомплекс наблюдения восхода солнца в зимнее солнцестояние и семантика связанных с ним петроглифов эпохи палеометалла Северной Хакасии 240

Ж.В. Марченко, В.С. Панов, Л.А. Орлова
Начальные результаты по датированию археологических памятников эпохи голоцена на УМС в ЦКП СО РАН «Геохронология кайнозоя»: экспериментальные ^{14}С-даты и сравнительный анализ данных 244

Г.Г. Матасова, А.Ю. Казанский, О.А. Позднякова, В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова, Л.С. Кобелева
Итоги и перспективы применения петромагнитного метода для исследования археологических памятников Барабинской лесостепи 251

Е.А. Миклашевич
Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 годах 255

В.И. Молодин, Н.С. Ефремова, Л.С. Кобелева, И.А. Дураков, Ю.Н. Ковыршина, Д.А. Ненахов, М.С. Демахина, А. Наглер, Л.Н. Мыльникова, С. Хансен
Вариативность погребального обряда андроновской (федоровской) культуры на памятнике Тартас-1 260

В.И. Молодин, Л.С. Кобелева, А. Наглер, И.А. Дураков, Н.С. Ефремова, Д.А. Ненахов, М.С. Демахина, Л.Н. Мыльникова, С. Хансен
Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 265

В.И. Молодин, С.А. Комиссаров, Ван Пэн
Могильники эпохи бронзы Сябаньди на Восточном Памире (Синьцзян, Китай) 270

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова, К.А. Борзых, Д.П. Иванова, П.С. Головков, Д.В. Селин, Л.А. Орлова, С.К. Васильев
Конструктивные и планиграфические особенности жилища № 5 поселения кротовской культуры Венгерово-2 276

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова, Д.А. Ненахов
Поселение одиновской культуры Старый Тартас-5 282

В.П. Мыльников, Д.П. Волков
Деревянные предметы населения Албазинского острога в Амурской области: ассортимент и функция 288

В.П. Мыльников, Е.В. Степанова
Физическое моделирование как метод получения дополнительной информации при комплексном анализе деревянных предметов 292

С.П. Нестеров
Начало раннего железного века в Приамурье 297

А.В. Новиков, Ю.Н. Гаркуша, О.И. Новикова, А.В. Кениг
Исследования городища Нялинское I в 2013 году 302

А.В. Новиков, Ю.Н. Гаркуша, А.Н. Шеин
Археолого-геофизические исследования Войкарского городка в 2013 году 305

А.Г. Новиков, О.И. Горюнова
Новые археологические объекты Приольхонья (западное побережье озера Байкал) 310

Н.В. Полосьмак, А.Н. Чистякова, Е.С. Богданов, С.С. Шацкая
Китайское зеркало из 22-го ноин-улинского кургана 315

Н.А. Рудая, Д.В. Папин
Средний и поздний голоцен Кулунды (климат, растительность, человек) 318

Н.Ф. Степанова
К вопросу об относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея (по материалам керамических комплексов) 323

М.А. Стоякин
Защитное снаряжение в Бохае 328

С.Ф. Татауров
Тарский кремль (итоги исследований 2013 года) 332

Л.В. Татаурова
Жилищный комплекс русского поселения XVII–XVIII веков Ананьино I 336

Л.В. Татаурова, П.В. Орлов, Л.В. Быков, А.С. Костюк, П.М. Погарский
Геодезия и ортофотометрия в археологии русских XVII–XVIII веков (на примере комплекса Ананьино-I в Тарском районе Омской области) 340

К.Н. Тихомиров
Новые памятники коренного населения Среднего Прииртышья XVI–XVIII веков 345

Ю.С. Худяков
Средневековая сабля из Минусинской котловины 350

Ю.С. Худяков, А.Ю. Борисенко, Ж. Орозбекова
Изучение оружейных коллекций в музеях Таласской долины Кыргыстана 354

Ю.С. Худяков, Ж. Орозбекова
Изображения воинов на памятнике Эгемберди Датка в Таласской долине Кыргызстана 358

Д.В. Черемисин, Л.В. Зоткина, Е.А. Миклашевич, Л.В Лбова, Ж.-М. Женест, Ю. Плиссон, К. Кретан
Исследование технологических особенностей наскальных изображений Горного Алтая в 2013 году 362

Д.В. Черемисин, Е.А. Миклашевич, Л.Л. Бове
Документирование наскальных изображений Юго-Восточного и Центрального Алтая в 2013 году 369

О.Л. Швец
Подбор метода консервации «великовозрастной» кожи (на материалах могильника Уландрык I) 374

Д.П. Шульга
Хозяйство кочевников раннего железного века Северного Китая и проблема оленных камней 378

П.И. Шульга
Могильник Юйхуанмяо и кочевнические культуры Южной Сибири 382

П.И. Шульга, Е.А. Гирченко
Новые данные о взаимосвязях культуры юйхуанмяо в Северном Китае 387

ЭТНОГРАФИЯ

И.Ю. Аксенова
Святочные обходы домов потомков переселенцев в Алтайском крае в середине XX – начале XXI века (традиции и новации) 392

Ш.К. Ахметова, И.В Толпеко
Памятные знаки как новая традиция казахов
Омского Прииртышья 396

А.А. Бадмаев
Что скрывается за легендой об исходе хори-бурят
с острова Ольхон? 400

А.В. Бауло
Священное место северных манси в бассейне старицы Норколн-Урай 404

Е.А. Бельгибаев
Хозяйственное развитие села Пильно Нижне-Кумандинской волости
Томской губернии (по материалам сельскохозяйственной переписи
1917 года) 408

Н.А. Березиков, А.А. Люцидарская
Социально-экономическая обстановка в Сибири XVII в.
как стрессогенный фактор 414

А.Н. Блинова
Немецкая семья и советская школа (точки соприкосновения) 418

Ф.Ф. Болонев
Орудия сенокошения и уборки хлебов в Забайкалье
в конце XIX – начале XX века 422

М.В. Борисова (Пономаренко), Ю.В. Гейбель, Е.В. Ким
Современные миграционные процессы в российско-казахстанском
пограничье (по материалам полевых исследований
в Алтайском крае и Новосибирской области) 427

В.А. Бурнаков
Сакральная гора *КҮНҮ ТАҒ* в религиозно-мифологической системе хака-
сов (конец XIX – XX век) 431

Ю.В. Гейбель
Свадебный обряд меннонитов села Неудачино
Новосибирской области (по полевым материалам 2013 года) 435

Е.И. Глухих
Жилище в составе усадьбы русских старожилов Верхнего Приобья
и Прииртышья в начале XX века (сравнительный аспект) 440

Л.А. Голова
Деятельность отца Романа как народного художника –
реставратора икон 443

О.В. Голубкова
Механизмы сакрального освоения пространства русскими и коми
в Западной Сибири (по материалам полевых исследований рубежа
XX–XXI веков) 448

Л.В. Еремин, Л.В. Горбатов, И.В. Октябрьская
Каменные святыни Хакасии в современных сакральных практиках 452

М.А. Жигунова
Этнокультурные и этнорелигиозные процессы
в современной Сибири 456

Е.В. Ким
Этническая идентичность корейцев Сибири
(проблема актуализации начала XXI века) 460

Ю.С. Ковальчук
Этнографическая коллекция Л.М. Русаковой в Музее истории
и культуры народов Сибири и Дальнего Востока
ИАЭТ СО РАН 464

А.А. Люцидарская
Жизнеобеспечение Томска по данным расходной книги
1630–1631 годов 468

А.Ю. Майничева
Мировоззренческие аспекты памяти об образовании русских
старожильческих поселений Среднего Приангарья 472

А.Ю. Майничева, И.С. Степанцов, Т.П. Кушнаренко
Реконструкция усадьбы русского крестьянина в Историко-
архитектурном музее ИАЭТ СО РАН 476

О.В. Мальцева
Шаман против оспы (лечение вирусных инфекций
в шаманской традиции амурских нанайцев второй половины XIX –
начала XX века) 481

М.В. Москвина
Покровская ярмарка в Омске (народные промыслы
и культурно-историческое наследие в формировании
образа города) 485

М.В. Москвина, Е.Ю. Павлова
Современные ювелирные промыслы Алтая 489

Д.А. Мягков
О перспективах исследования экологической идентичности
у тоболо-иртышских татар 492

В.В. Николаев
Механизмы трансформации мировоззрения коренного населения
предгорий Северного Алтая (XIX – начало XX века) 496

И.В. Октябрьская, С.К. Сураганов
Народные промыслы в государственных программах сохранения
культурного наследия Республики Казахстан 500

А.Ю. Охотников
Социальные конфликты в традиционной сибирско-немецкой культуре в период коллективизации (на материалах Нейфельдского национального сельского совета) 504

Л.О. Понедельченко
Методические особенности исследования традиционной культуры в мегаполисах (на примере восточнославянского населения города Новосибирска) 508

И.В. Сальникова
Контент-анализ полевых дневников В.А. Тимохина 512

Е.В. Самушкина
Родовые организации Республики Хакасия: конструирование исторической памяти (конец XX – XXI век) 517

Ю.О. Снигирев
О находке фрагментов шаманского бубна северных манси 521

М.Н. Тихомирова
Об обычаях взаимопомощи при подготовке коллективных трапез у татар юга Тюменской области 526

С.С. Тихонов
Узлы на шнурах и веревках как объект археолого-этнографических исследований 529

Е.Ф. Фурсова
Массовые моления белорусских переселенцев юга Западной Сибири в XX веке 533

Ю.Н. Цыряпкина
Социально-демографические характеристики русского населения Восточного Казахстана (по материалам полевых исследований в городе Семипалатинске в 2013 году) 537

А.П. Чемчиева
Проблемы землепользования у теленгитов Республики Алтай 541

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

А.В. Зубова
Антропологические материалы андроновского времени из могильника Танай-12 546

А.В. Зубова, Д.В. Поздняков, Т.А. Чикишева
Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита из памятника Венгерово-2 551

А.С. Пилипенко, Н.В. Полосьмак, Л.С. Кобелева, В.И. Молодин, А.А. Журавлев
Первые данные о генофонде митохондриальной ДНК носителей саргатской культуры в Барабинской лесостепи 555

А.С. Пилипенко, Н.В. Полосьмак, Р.О. Трапезов
Молекулярно-генетические исследования останков представителей высшей знати хунну из могильника Ноин-Ула 559

Т.А. Чикишева, А.В. Зубова
Палеоантропологические материалы из впускного погребения кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 564

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Е.А. Зайцева, А.В. Кениг
Результаты историко-археологических исследований церкви Вознесения Господня в поселке Горноправдинск 572

С.В. Колонцов, А.В. Постнов, К.И. Милютин, В.С. Славинский, А.А. Цыбанков, И.Д. Зольников
Результаты археологического исследования поселения Разъезд Иня-1 в 2013 году 576

В.С. Славинский, А.А. Цыбанков, И.Д. Зольников, А.А. Присекайло, А.А. Дудко
Предварительные результаты археологических работ на объекте культурного наследия стоянке Сафроновка-3 в 2013 году (Тайшетский район Иркутской области) 581

А.А. Цыбанков, А.В. Выборнов, В.С. Славинский, С.В. Колонцов, А.В. Постнов, Г.И. Марковский, А.А. Дудко, А.А. Присекайло
Результаты деятельности Отдела охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН в 2013 году 586

Е.В. Щербинский
Охранно-спасательные археологические раскопки в Амурской области 590

Список сокращений 594

ЭТНОГРАФИЯ

Г.В. Любимова
Феномен паломничества в христианской культуре (по материалам зарубежных исследований) 597

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

**Материалы итоговой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН
2013 год**

ТОМ XIX

Технический редактор *Т.А. Клименкова*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 12.12.2013 г. Бумага офсетная. Формат 60 × 90/16.
Усл. печ. 38 л. Уч.-изд. л. 36,8. Тираж 300 экз. Заказ № 330.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17.